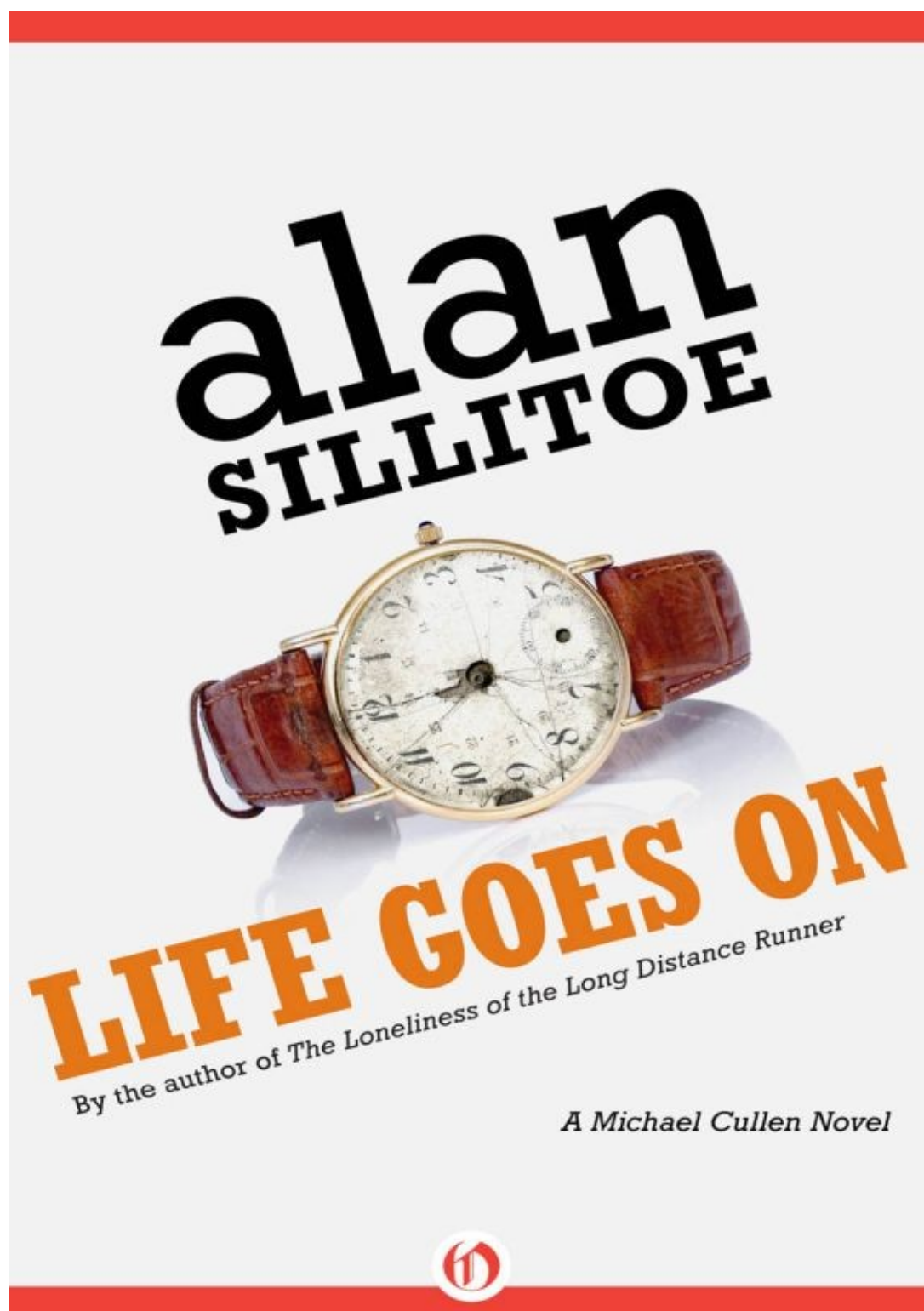

Алан Силлитоу

Майкл Каллен: Продолжение пути

Вступление

Я, Майкл Каллен, король Бастард Первый, облетал уличные пробки словно лондонский голубь в расцвете сил. Старые или больные голуби не могут эффектно летать по улицам Лондона. Старые не могут уклониться от автомобилей и автобусов, а больные должны оставаться дома.

Моггерхэнгер угрожал меня убить. Я верил, что он этого хочет. Каким бы бастардом-ублюдком я ни был, в мире всегда были ублюдки значительно хуже. Моггерхэнгер был богатым ублюдком (и остается им до сих пор), более результативным, чем мелкий ублюдок вроде меня. Он также был ублюдком постарше, и понятно, что это тоже многое значит.

А ну, достань меня! Что еще я мог сказать? Бравлада ничего не стоит, и ему придется меня поймать. Возможно, с ним произойдет несчастный случай со смертельным исходом, хотя, без сомнения, его условием было то, что его бенефициарам придется разобратся со мной, прежде чем получить денежки Клода. У него было много высокооплачиваемых помощников и поэтому я, как голубь, избегал пробок.

Я проскочил светофор на Оксфорд-стрит. Это было действительно очень близко. Я надеялся, что его приспешники не водят автобусы.

Первый том моих мемуаров был написан на заброшенной железнодорожной станции Верхний Мэйхем в городке Фен. В конце второго тома я объясню, где написан новый рассказ о моих еще более необычных приключениях. Если эта история попадет в прессу, Моггерхэнгер конченный человек, правда только в смысле репутации. Он слишком умен и влиятелен в самых важных местах, и не беспокоится о том, что попадет в тюрьму, где ему вообще-то самое место. В любом случае, он лорд Моггерхэнгер из Моггерхэнгера (Бедфордшир), а я Майкл Каллен, не имеющий значения ни для кого, кроме меня самого, и без каких-либо знаков отличия в данный момент.

Во времена первой части моих приключений я был почти стопроцентным никудышным ублюдком, как по мнению друзей, так и врагов, но с тех пор, как мой отец женился на моей матери, примерно через двадцать лет после моего рождения, я, казалось бы, был ублюдком только для себя, но это не так. Я слишком люблю свою шкуру, чтобы быть еще большим ублюдком, чем это минимально необходимо. Я рано усвоил, что лучшая форма защиты – это самосохранение. И лучше буду ублюдком, чем ничтожеством.

Я уже более чем на полпути к тому, чтобы стать полностью

сто процентным никчемным ублюдком, потому что мои мать и отец, слава Богу, больше не живут вместе. Однако, как покажет эта история, я был гораздо более доверчив, чем думал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Новая жизнь и новая жена: все началось, когда я вышел из тюрьмы и попал в объятия Бриджит Эпплдор, бывшей голландской помощницы по хозяйству, ставшей моей вечно любящей подругой. Наша семейная жизнь на заброшенной железнодорожной станции Верхний Мэйхем в Кембриджшире - это десять лет безделья. Мы жили на деньги ее первого мужа-психолога, доктора Андерсона, воспитывая Смога, сына покойного мужа и его первой жены. Затем последовали трое наших собственных детей, а жизнь в нашем станционном убежище была настолько обычной, что райские годы пролетели слишком быстро, чтобы их можно было оценить, пока Бриджит, белокурая красавица с большой грудью и ртом, слишком маленьким для ее сердца, который никогда не говорил о том, что происходит внутри, однажды не взяла детей покататься на машине, пока я еще был в постели.

До Харвича и обратно всего два часа, но никто не вернулся, и этот факт объяснился телефонным звонком из Голландии на следующее утро. Она между рыданиями и ругательствами говорила, что оставила меня и не знает, вернется ли когда-нибудь. Чтобы скрыть свое потрясение и огорчение, я сказал ей, что она наверняка с утра напилась джина, добавив, что она может проваливать навсегда, а я всегда ожидал, что рано или поздно она вернется к своим старым привычкам.

Грамматика всегда становится первой жертвой распавшегося брака. Я знал, что мои обвинения были ложью, и это доказывало, что я вернулся к своим старым способам лжи, если у меня еще хватило на это мужества, в чем я сомневался до этого момента.

На всякий случай я добавил, что она не лучше шлюхи, что было скандальным утверждением, потому что, насколько я знал, во время нашего брака она была верна мне, как репа. Она крикнула в ответ, прежде чем это обвинение едва дошло до другого полушария моего мозга, что я бы не сказал ей этого, если бы Дженки (или какое-то похожее имя, может быть Анки) был там, на что я закричал: «Кто такой Дженки, ты двойная, тройная, четверная шлюха?» — на что она ответила: «Я не лошадь, а ты праздный обжора, никчемный трус».

Я выкрикивал ей самые мерзкие гадости. Каждое слово, хорошее или плохое (а все они были плохими), было ошибкой. Единственной политикой была бы хладнокровная улыбка и плотно сжатые губы, но в моих глазах горело убийство, ожидая момента, когда я смогу с ней расправиться. Молчание не было моей добродетелью, и учиться было уже слишком поздно.

— Ты жила в моем доме!

— Ты купил его на украденные деньги, ты, контрабандист золота, ты, тюремщик. Я прожила с тобой десять лет в страданиях, ненавидя каждую минуту, а ты ненавидел меня, ненавидел детей и ненавидел себя, потому что тюрьма сделала тебя самым жестоким человеком на свете.

Я крутился как соломинка в огне, потому что ни один мужчина не проводил более счастливого времени со всей любовью Бриджит, в которой я нуждался, всегда думая, что большее невозможно ни для нее, ни для кого-либо еще. Я мог бы поклясться перед Богом, что она была счастлива, но здесь она выдала свою предательскую версию:

— Ты думал, что у тебя все хорошо, а я счастлива, но я ненавидела тебя с твоими выходками, ты думал, что мне все это нравится.

Не прослушивался ли мой телефон? Неужели какой-то деятель из МИ-5 слышал ее выступления? А на другом конце линии? Смогут ли эти милые голландцы понять ее английский? Я хотел положить трубку.

— Подожди, пока дети вырастут, — сказала она, — и я расскажу им, какие трюки ты вытворял, и я расскажу им, если они спросят о тебе, а ты попытаешься достать меня.

Ничто не могло остановить ее.

— Я не хотела жить с тобой, потому что все это время было гнило, гнило, гнило.

Она снова плакала. Ее родители были рядом с ней, слушали с благочестивыми лицами, кладя ей на плечи свои голландские руки, ожидая, чтобы схватить телефон и пригрозить мне мгновенной смертью, если меня сбросят с Масляной горы или утопят в Великом Молочном озере. А еще лучше, если бы они послали ее восемь честных братьев (и трех сестер), чтобы урезонить меня навсегда.

— Ты всегда оглядывался, — продолжала она, — в поисках любой возможности уйти от меня. Но ты держал меня, как собаку, прикованную к столбу, как твоего большого, свиноголового отца.

Она была наполовину права, потому что в первые годы моего пребывания в Верхнем Мэйхеме, после восемнадцати месяцев заключения, меня тоже преследовала мысль об уходе от нее. Я задавался этим вопросом, даже прежде чем пойти выпить в деревенский паб,

почему я не сделал этого, не накинул на плечо мой дорогой транзисторный радиоприемник и заветный японский бинокль с зум-объективом и не ушел. Потом эта идея показалась мне глупой, хотя она сохранялась более года и, наконец, была вылечена мудрой юной Бриджит, предложившей мне во время прогулок действительно брать с собой радио, бинокль, банковскую книжку и банковскую книжку, ее, а также детей, так что, если бы я не вернулся, это не имело бы значения, потому что все, что я ценил, немилосердно навалилось бы на меня — так что я не мог не вернуться, хотя бы хотя бы чтобы разгрузить свое бремя, а к тому времени я буду слишком утомлен, чтобы беспокоиться.

Я был опечален и полон гнева, когда положил трубку. Она, конечно, усвоила мой язык за время, проведенное вместе, поэтому была не совсем права, когда говорила, что я ей ничего не давал.

Получив призыв о помощи от моего старого приятеля Билла Строу из Лондона, все, что я мог сделать, это запереть дом и отправиться выяснить, почему он хотел меня видеть, и, возможно, узнать, что нас ждет в будущем, прежде чем Бриджит оправится от припадка и вернется, чтобы вести себя как прежде. Если бы между нами было все кончено, я бы ничего не мог поделать, хотя в такую окончательность было трудно поверить, потому что, по моему опыту, единственной последней вещью была смерть, и я никогда не был бы к этому готов.

Сравнения были болезненными, поэтому я размышлял о своем разрыве с Бриджит, который не был агонией, потому что был знаком. Казалось, она ушла только вчера, но неожиданная жестокость ее ухода с детьми вырвала две недели из моей жизни, оставив рану настолько свежую, что она никогда не заживет. Я едва мог объяснить последующие дни, кроме как сказать, что это был кошмар, часы страданий от размышлений о моей утрате и неослабевающая боль от мыслей о том, как поживают дети.

На лестницах и столах валялись остатки еды и пустые бутылки из-под виски, но, закрывая в то утро дверь десятидневного свинарника, я понял, что испытание железом было пройдено. Следы пережитого затронули меня настолько глубоко, что, казалось, катастрофа не оказала на меня никакого воздействия.

Жизнь продолжается, подумал я, устроившись на место в первом классе по дешевому дневному билету второго класса, засунутому в карман моей куртки. Вообще-то жизнь продолжалась с тех пор, как я родился, без моей особой помощи, поэтому не было никаких оснований предполагать, что она не продолжится до того дня, когда я неизбежно и

навечно потеряю сознание. Даже когда мое существование казалось слишком болезненным, чтобы продолжаться, или слишком хорошим, чтобы продолжаться вечно, я смотрел со стороны на ее выходки. После моего заключения в тюрьме десять лет назад я предпочитал идти параллельно жизни, а не посередине, как гренадер. Но я всегда был в ней по шею.

Я потянулся к «Таймс», оставленной кем-то, вышедшим в Кембридже. На первой полосе была обычная фотография террориста с шарфом на голове, пытающегося улыбаться по-королевски, а внутри был снимок восьмилетнего ребенка с автоматом Калашникова, который, как я предполагал, фотограф поручил ему за фунт держать так, чтобы получился хороший снимок.

В тридцать пять лет в моих волосах появилась седина, что меня удивило, так как я считал, что никогда не беспокоюсь и ни за что не переживаю. Жизнь была спокойной, и ничто не могло оправдать этот намек на возникновение в ней проблем. Беспокойство о том, что я не волнуюсь, только усугубит ситуацию. Бриджит указала на серые кучки пепла в моей голове, как будто это были следы зверя, который всегда там прятался, и потрепала их, чтобы проверить, настоящие они или нет.

Я надеялся, что замученное выражение моего лица в вагонном зеркале, испортившее мою почти красивую внешность, было только временным.

Больше всего я боялся облысеть, как тот высокий, худощавый, похотливый старый придурок Гилберт Блэскин, с которым мне пришлось сталкиваться в юности. Что касается моей матери, то о ней не было слышно уже несколько месяцев, с тех пор, как старик начал свой новый роман. Пока он работал, он больше не мучил ее, а это означало, что она не могла ему достойно ответить. Время от времени они разбегались в противоположных направлениях, чтобы не убить друг друга, а, поскольку Блэскин был писателем, это получалось хорошо.

Я представлял, как прихожу в квартиру и нахожу их мертвыми на циновке у двери, с тесаком в ее руке и топором в его. Они поразили друг друга в сердце в одну и ту же секунду и с мгновенным эффектом, хотя я думал, что более вероятно, что, когда один будет мертв, другой будет настолько ранен, что его или ее будут катать в инвалидной коляске в течение некоторого времени, пока он или она живы. Мать или отец — мне было все равно кто — бормотали упреки в мой адрес, называя причину их падения. После ужасной борьбы я поднял бы коляску на вершину башни почтового отделения и отпустил ее, надеясь, что порыв ветра вынесет ее в окно больницы Миддлсекса, где персонал сможет

принять ее, как непрощенный подарок от меня.

У моей ирландской матери пятидесяти с лишним лет была фамильная калленовская копна волос, которая была должным образом передана мне по наследству и которую ей беспутная жизнь несколько проредила, не дав ей выглядеть моложе тридцати пяти лет. Я никогда толком не знал, была она ирландкой или нет, и она тоже, но она не могла вынести мысли, что ее примут за англичанку, тем более что Блэскин был довольно чистым представителем английской породы — по крайней мере, как она часто говорила, в его таланте к обману и многогранности его пороков. Я не хотел следовать ни тому, ни другому, но, будучи тщеславным и любящим удовольствия, я надеялся, что буду ближе к матери в том, что касается сохранения волос до ста десяти лет, хотя временами мне было больно, что тридцатипятилетнему парню вообще следовало бы равняться с родителями.

Облака плыли над плоскими полями, прекрасные образцы облачного вида высококучевых кастелланов — это я узнал из школьных учебников Смога, когда проверял его на уровень А, получая заодно квалификацию, которую не смог получить в нужное время. Направление движения этих облаков менялось в зависимости от синуса, косинуса и тангенса пути движущегося поезда. Апрель пах спелым и мертвым, кусочки солнца проникали в чернеющую землю.

Причиной моей поездки в Лондон было письмо от моего старого друга Билла Строу, в котором он умолял меня срочно приехать, чтобы помочь ему выбраться из затруднительного положения. Когда Билл, человек с давним и темным прошлым, писал о заторе, это был не просто затор в реке из крокодилов возле тысячефутового водопада, где туземцы стреляли отравленными стрелами с обоих берегов. Это было гораздо серьезнее, хотя я не думаю, что он осознавал, что я с моими талантами попадать в серьезные ситуации, могу еще более усугубить его затруднительное положение.

Мужчина в дорогой одежде заглянул в мое купе, словно раздумывая, где можно припарковаться. Я расположил свои пальто, портфель, кепку и себя так, что они выглядели чрезвычайно занятыми и деловыми, поэтому он осторожно для такого нервного человека закрыл дверь и пошел дальше по коридору. Я обратился к кроссворду «Таймс» и попытался разобраться в его вопросах, сложность которых заставила меня почувствовать себя идиотом-вором в законе.

В колонках о продаже автомобилей я заметил, что на рынке появился Thunderflash Estate, и пожалел, что у меня нет средств на его покупку.

Высокий бородатый мужчина распахнул дверь и устроился напротив, поглядывая в окно. От него пахло духами, руки его были ухожены, с маникюром. Я пытался угадать его профессию или источник его денег: солдат удачи, адвокат, специалист по денежным переводам, клерк биржевого маклера, священник без сана или просто владелец значительных средств, но ничего не подходило. Он был человеком лет сорока, который выглядел так, будто все свои пороки держал под твердым контролем. У него были короткие серые волосы в стиле Цезаря и кислое выражение лица человека, который абсолютно доверял себе. На кого бы он ни работал, работодатель мог быть уверен в его надежности.

Его озабоченный взгляд вернул меня в то время, когда я был заключен в тюрьму из-за махинаций Клода Моггерхэнгера, и этот опыт укрепил мое впечатление, что человек напротив был ненадежным до мозга костей, хотя другим он мог и не казаться таковым. В Англии было много таких типов. В некоторых странах человек с подобной физиономией сразу же попал бы под подозрение, но, живя в стране, где граница между верностью и предательством никогда не была должным образом исследована и где он хорошо смешивался с окружающим населением, его считали бы достаточно безопасным вариантом. .

Он был так занят собой, что думал, что я его не заметил, но секундная вспышка моих глаз над моей газетой сказала мне больше, чем любой долгий взгляд. Я вырос в таком месте, где, если смотреть на кого-либо более двух секунд, означало приглашение его (или даже ее — иногда особенно ее) на драку. В тюрьме требовалась всего одна секунда, а часто и меньше, поэтому у меня выработалась способность видеть все как на ладони. На кого бы этот человек ни работал, он прошел для него тесты на способности и психологические исследования надежной отборочной комиссии, но я знал, что работодатели его облажались в самом элементарном смысле, потому что никогда не сидели в тюрьме в качестве заключенных.

Меня потревожил билетный кассир, стоявший у двери и наблюдавший, как дым моей утренней сигары плывет в прерывистом солнечном свете. Пассажир напротив отдал ему свой билет на пробивку.

— Спасибо, сэр.

Затем сосед снова вернулся к своему пустому взгляду в окно, одновременно маниакально разглядывая свой маникюр. Я заметил, как он был поражен, услышав, как контролер сказал мне: «Здесь ты не можешь путешествовать по билету второго класса, приятель».

В то утро я отправился в путь с твердым намерением не обманывать, не лгать и не совершать в Лондоне никаких действий, которые могли бы

оскорбить те принципы, которые Бриджит пыталась мне внушить. Она научила меня, насколько лучше не лгать и не обманывать, даже если это означало по ее словам потерю всякого представления о собственной личности. Я понял, как много она почерпнула от своего бывшего мужа-психолога, и — слишком поздно — что она не так мечтательна, как выглядела.

— Это купе первого класса? — спросил я, как будто оно было не лучше свинарника, который слишком долго использовался людьми.

Кассиром был мужчина средних лет, светлые выющиеся волосы ниспадали ему на плечи из-под фуражки вермахтовского образца. Он указал на окно.

— Здесь написано «первый класс», не так ли?

Мне хотелось содрать с него нелепую шляпу.

— Полагаю, что вряд ли кто-то вроде меня это заметит.

Он прислонился к двери и зевнул.

— Что делать, приятель.

В сложившихся обстоятельствах он не мог быть никем иным, кроме как человеком, честно выполняющим свою работу. Мой сосед, рассматривающий свои ногти, несмотря на всю свою озабоченность пролетающим снаружи пейзажем, уловил все оттенки ситуации. И у меня, по крайней мере, была моя гордость, и это было все, что мне оставили десять лет мирной жизни. Я вынул из бумажника двадцатифунтовую купюру.

— Сколько доплатить?

Он снисходительно посмотрел на меня.

— Этого не изменить.

Я потянулся за своим деловым портфелем. — Я выпишу вам чек.

— Обналичивать ваш чек будет дороже, чем моя работа.

— Тогда вам лучше подумать, что можно сделать, чтобы использовать это законное платежное средство, — я убрал купюру в карман жилета и вернулся к чтению газетной статьи о женщине восьмидесяти шести лет, которая убила девяностолетнюю женщину ножом. «Она слишком часто на меня нападала», — сказала эта леди в суде, надеясь, что суд будет снисходителен. Потом все испортила высказыванием: «Мне всегда хотелось убить эту свинью».

Судья приговорил ее к четырнадцати годам лишения свободы. «Худшего случая преднамеренного убийства я никогда не встречал».

«Я достану тебя, когда выйду», — кричала она, когда ее тащили в камеру.

Билетный кассир, не желая двигаться, достал из кармана брюк пачку

жевательной резинки и положил в рот две пилюли. Он бездельничал, переминаясь с ноги на ногу, как будто у него не было работы, достаточно счастливый, чтобы смотреть на себя в зеркало над сиденьями. Он раскачивался вместе с поездом, как будто он недавно устроился на эту работу и ему было все равно, продлится ли она у него еще долго. Я достал из портфеля фляжку с виски и показал ему.

— Почему бы вам не присесть?

— Нет, спасибо.

Я задавался вопросом, не был ли он одним из тех негодяев, которые, купив форменную фуражку и билетный компостер в «Вулли», садились на поезд возле станции, получали лишнюю плату за проезд, а затем вовремя спрыгивали с поезда. Один из них делал это каждый день в течение шести месяцев, а остаток года провел на Барбадосе. Тамошние миллионеры задавались вопросом, откуда он взял свои деньги. Он сказал им, что он водопроводчик, но некоторые высокомерные британцы думали, что он всего лишь мойщик окон.

И все же он выглядел слишком искренним, чтобы быть самозванцем. Его светло-голубые глаза с ненавистью смотрели на меня, вращаясь, как пыточные колеса Екатерины. С усилием он встал.

— Я посмотрю, что можно сделать с вашей доплатой.

Мы слышали, как он пританцовывая шел по коридору.

— Сошел с ума, — сказал сосед. - Я никогда не видел ничего подобного. Обычно госслужащие сохраняют степенность и традиции. По крайней мере, в Букингемском дворце все еще меняют караул.

— На данный момент, — сказал я, не желая быть нелюдимым. Он не отводил взгляда от окна, и в отражении я заметил, что в газете он держал карту, на которой делал карандашные пометки, когда мы проезжали мост, железнодорожный переезд и однажды расположение паба близко к линии.

— Вы планируете еще одно Великое ограбление поезда?

Даже в стекле я видел, как он побелел. Фарфоровая белизна распространилась на затылок и костяшки пальцев обеих рук. Это было его дело, а не мое. Наверное, никто другой не обратил бы на это внимания. Он улыбнулся так, словно я сошел с ума, раз говорю такое, но он не зря читал эту карту, и это был факт. Возможно, он учился на заочном курсе в Политехническом институте по борьбе с ограблениями поездов, несколько из которых, должно быть, открылись за последние несколько лет.

Не знаю, почему мне было так неловко с билетером. У меня была в последнее время была правильная жизнь, и я мог объяснить это только

тем, что я не спал с другой женщиной с тех пор, как женился на Бриджит. Никакое другое объяснение не казалось возможным или желательным, за исключением того, что такое излишне агрессивное поведение помогло мне скоротать несколько минут в скучном путешествии. Или, может быть, именно эти маленькие проблески седых волос заставили меня вести себя так, как я поступил. Изменение поведения заставило меня вновь почувствовать себя молодым.

Он положил сложенный лист карты и достал другой из своего большого портфеля из блестящей кожи стоимостью в сто фунтов, который сильно выделялся по сравнению с жалким черным пластиковым бьюваром с жестяным замком, который я носил с собой. Пот выступил у него на лбу. Он вытер щеки, вытирая поток, а не источник. Любой, способный к такому, как у меня, прилежному наблюдению, наверняка нашел бы работу, чья зарплата поменялась бы, чтобы купить такой портфель.

Солнце вспыхнуло над крышами заводских цехов, когда поезд приблизился к Лондону. Ухоженные дома пригорода напомнили мне, что Англия по-прежнему богата, несмотря на то, о чем причитали газеты и правительство. Явные свидетельства о наличии богатых людей заставляли меня чувствовать себя лучше, хотя когда я уезжал из Лондона, этот факт меня угнетал.

Сидевший напротив гладко выбритый мужчина с короткой шеей и короткой головой убрал газету.

— Конечно, все зависит от вас, и я не хочу мешать, но какой смысл иметь билет, который не дает вам права на положенное место? Вы должны знать, что уклониться от уплаты невозможно.

Точно так же, как я коротал несколько минут, поддразнивая контролера, так и этот демонстрирующий свои ухоженные ногти, шикарный тип пытался скоротать последние полчаса нашего взаимного морального махания растопыренными пальцами, особенно теперь, когда он решил свою проблему с расчетами по карте. Угадав его игру, я мог бы быть вежливым в ответ.

— Вы можете так думать, старина, но я еще и не начинал играть эту игру.

Он засмеялся, как будто ему не терпелось увидеть, как бы я это сделал. Тот факт, что мне не удалось его укоротить, так раздражал меня, что хотелось разбить его морду вдребезги. Потом я понял, что под важной внешностью он является представителем неистребимого рабочего класса. Он не мог обмануть меня, который не стыдился но и не гордился тем, что я выходец из того же сословия, хотя мой отец, как я уже говорил,

офицер из длинного рода обедневших землевладельцев-придурков.

По небу растянулась пелена темных облаков, светящаяся смесь синего вверху и белого внизу, что могло означать только то, что над Лондоном весь день будет идти дождь. Такая перспектива делала нынешний разговор неважным, но я подыграл его потребности в болтовне.

— Я намерен платить дополнительно, хотя уверен, что к тому времени, когда контролер вернется, если он когда-нибудь вернется из поездки, в которую отправился, мы могли бы уже быть на Ливерпуль-стрит.

Я слишком сильно затушил сигару об окно, и мне пришлось смахивать пепел и искры со своего только что почищенного костюма. Я посмотрел время, вытащив золотые часы из жилетного кармана, словно беспокоясь о деловой встрече в городе. Ему было интересно посмотреть, как я выберусь из затруднительного положения, и, поскольку у меня было хорошее настроение, я решил удовлетворить его ожидания, чтобы узнать что-нибудь о нем. Больше всего это походило на то, как если бы я был кандидатом на работу, а он проверял мою пригодность.

— Я собирался заплатить с самого начала, но мне не нужно, если я не хочу. Как только я увижу, что он несет сдачу с двадцати фунтов, я могу быстро вернуться во второй класс, и никто не узнает об этом. Стоит продержаться до последней минуты, потому что никогда не знаешь, что произойдет. Потому что это хорошее упражнение, напрягающее голову в поисках выхода, и, возможно, максимально приближенное к реальной жизни. В любом случае, предположим, что мой портфель над вашей головой был полон взрывчатки, и я подумал, что кто-нибудь может ее искать. Чтобы отвести подозрения, я бы поднял шум из-за чего-нибудь незначительного, как способ отработать теорию непрямого подхода.

Он побледнел в мрачном свете темнеющего неба.

— Но для чего вы тренируетесь?

Капли дождя забрызгали окно.

— Забавно, что вы так обеспокоены. Но никогда не знаешь, когда веселье станет неприятным, не так ли? Или серьезным, если уж на то пошло. И в этом заключается опасность для всех, кто окажется рядом. Мне просто не нравится такой подпрыгивающий придурок с вращающимися глазами, пытающийся меня трахнуть, вот и все.

— Похоже, мы подружимся. — Он достал серебряный портсигар настоящих гаванских сигар. Я курил ямайские сигареты, которые были ничуть не хуже. Он передал одну.

— Какой работой вы занимаетесь?

— Работа? — Я уронил раздавленный окурок на пол и растер его пяткой под сиденьем.— Работа, — сказал я, — это привычка, от которой я отказался, когда начал жить за счет жены.

Он улыбнулся, не зная, верить ли мне. Единственным изъяном в его благовоспитанном внешнем виде было то, что зубы у него были гнилые, хотя и не слишком для сорокалетнего человека, у которого еще не было вставных зубов, и слишком хорошие, чтобы проницательный немец не узнал в нем англичанина.

— А вы чем занимаетесь?

— Я не думаю, что могу назвать то, чем я занимаюсь, работой, — сказал он. — Я королевский курьер, передвигающийся между дворцом и министерством иностранных дел не только в своем светло-голубом минивэне, но иногда использующий поезда и даже самолеты, когда выполняю заграничные обязанности. Я езжу с места на место в качестве курьера.

— Я думал, вы заняты чем-то более важным. Кстати, меня зовут Майкл Каллен.

Он протянул наманикюренную руку.

— Меня окрестили Эриком Сэмюэлом Рэймондом, и моя фамилия Алпорт. Зовите меня Эрик. Сейчас я только что вернулся из Сандрингема.

Возможно это и была его профессия, но все же я был убежден, что он лгал. Если это так, то он был большим художником в этом, чем я был раньше. Он лгал прямо из глубины души, потому что не был королевским посланником. Я был уверен, что он сидел в тюрьме, потому что первое, чему люди там учатся, — это лгать. Обучение тому, как стать лучшими преступниками, является лишь вторичным. Ложь, которую они говорят друг другу, живописна. Ложь, которую они рассказывают всем, кого встречают после выхода, ужасна и дика. Это дает им возможность чем-то заняться и дает возможность вернуться к самоуважению. Но когда они выходят наружу, они выдают себя таким людям, как я, по тому, как они лгут с такой удивительной уверенностью. И ложь — это первый шаг, который приведет их обратно в тюрьму, где ложь, по крайней мере, безопасна.

Он поерзал и устроился на своем месте.

— Это замечательная работа. Наиболее ответственные члены нашей семьи выполняли ее на протяжении поколений. Все началось с того, что мой двоюродный дедушка служил пажом в Тишбит-Холл. В те дни он был чем-то вроде собачонки для биття. Всякий раз, когда он допускал малейшую ошибку при накрытии на стол, дворецкий пинал его под зад и выгонял из комнаты. Благодаря этому мой двоюродный дедушка вскоре

понял свои обязанности и стал хорошо выполнять свою работу. Такое обращение продолжалось даже тогда, когда ему исполнилось двадцать лет, но ему пришлось с этим мириться, потому что ему больше некуда было идти. Затем он влюбился в одну из кухарок и решил жениться на ней. Это означало, что ему пришлось бросить работу, ведь в таких домах жениться разрешалось только дворецкому. Поэтому он написал заявление, в котором указал, что уезжает, потому что хочет эмигрировать в Канаду для женитьбы. Дворецкий, узнав, что он уезжает, чтобы жениться, сообщил об этом лорду Тишбиту. В те времена это была хорошая работа для моего двоюродного деда. Его родителям не было нужды голодать, если в таком месте, как Тишбит-Холл, у них был кто-то на службе.

Во всяком случае, когда лорд Тишбит услышал от дворецкого, что мой двоюродный дедушка подал уведомление, потому что он хотел жениться, а не эмигрировать, он пригласил его в свой кабинет. Ложь была худшим, что можно было сделать в те дни. Это было почти так же ужасно, как убийство. Ну а мой двоюродный дедушка, бог с ним, дрожал от страха, потому что думал, что это конец. Он не получит рекомендацию, и не сможет найти другую работу. Он смог бы жениться, но, черт возьми, ему придется умереть с голоду. Тем более, это было за несколько дней до выплаты пособия по безработице. Но лорд Тишбит, достойно оценил его, сказав, что за восемь лет службы дедушка был хорошим работником, и что он хочет что-нибудь для него сделать. Возможно, он проникся к нему симпатией. Я не знаю. Лорд Тишбит спросил его, хотел бы он жить в Лондоне, и в результате получил для него должность курьера королевы в Уайтхолле. Двоюродный дедушка настолько преуспел в этой службе, что в конце концов привлек к этому бизнесу своих сыновей, хотя всегда сначала отправлял их на какую-нибудь другую службу, чтобы убедиться, что у них присутствуют надлежащие дисциплина и сообразительность. Например, я свои первые дни провел, работая в большом доме, где в основном чистил обувь. Я мог бы рассказать вам кое-что о чистке ботинок! Но я держал глаза и уши открытыми, многому научился и это, безусловно, придало мне блеска. Чистка сапог была первым шагом на пути к тому, чтобы я стал настоящим джентльменом, тем более после службы в армии, из которой я вышел в отставку сержантом, и этот путь привел меня к той должности, которую я сейчас имею. Старый двоюродный дедушка утверждал, что никому из нас не будет легко получить эту работу. После службы королеве Виктории он в конце концов стал посланником Эдуарда VII, а затем короля Георга V.

— Очень интересная история, — вынужден был признать я. — Если мы когда-нибудь встретимся снова, я должен рассказать вам свою. Вы, очевидно, возмутились тем фактом, что я соврал, когда сказал, что у меня нет работы.

Он вытащил из верхнего кармана миниатюрную косметичку, достал крохотный пинцет и начал выискивать волос, который, по его мнению, мог торчать из его носа, хотя я ничего такого не видел и знал, что если он продолжит зондирование своей ноздри вслепую, то в конечном итоге нанесет себе травму. Он воспользовался телепатическим намеком, который несколько повысил мою оценку его способностей, и положил вещь обратно в коробку.

В тюрьме ты почти всегда делил камеру с кем-то, кто занимался определенной профессией, и сосед по камере так много говорил об этом, что, выйдя на свободу, ты мог притвориться, что занимаешься именно такой работой. Он не мог меня обмануть. Я припомнил в уме список известных мне тюрем и задался вопросом, из какой именно его освободили этим утром. Я знал их названия, население, местоположение и репутацию, но, похоже, ни одна из них не подходила. Я был в одной из них, но моя информация была настолько устаревшей, что я решил порыться в книжном киоске на следующей станции в свежем выпуске «Путеводителя хороших мест и профессий». В Англии на душу населения в тюрьме проживало больше людей, чем в любой другой стране Европы, так что, возможно, кто-то и опубликовал такую информацию. Таких справочников продают наверняка более сорока тысяч копий. Это очень закрытый рынок.

— Было очень интересно с вами разговаривать. Он протянул тщательно наманикюренную руку, когда поезд подъехал к Ливерпуль-стрит. Я заметил комоч желтой ваты у него в левом ухе. — В последнее время мне приятно путешествовать на поезде. Но я не могу понять, куда делся этот контролер с вашей сдачей.

Его рука напоминала пять детенышей кобры, приютившихся у меня на ладони, поэтому я высвободил ее и выскочил из вагона, зигзагом пробираясь сквозь толпу, прежде чем он успел догнать меня и попросить займы десять фунтов на чашку чая. «Я больше не увижу эту дохлую свинью», — подумал я. Как я ошибался.

Глава 2

Пробираясь в метро с билетом за 10 пенсов на поездку за 40 пенсов, я прошел мимо яркого и шокирующего плаката, на котором четверо

здоровенных полицейских бьют дубинками мужчину, стоящего у стены, с подписью внизу: «Стоит ли обманывать государство неправильной платой за проезд?»

Ожидая на платформе, я заметил в личной колонке «Таймс» загадочное сообщение, предназначенное только для меня: «Невозможно сделать сено из соломы, когда кота нет дома. Билл». Сообщение явно кричало о том, что с тех пор, как я ушел из дома утром, за мной следили странные или неизвестные лица, и что первым, кто начал следить за мной, был так называемый «курьер королевы». Если у Билла возникли неприятности с Моггерхэнгером или тем более с лордом Моггерхэнгером после публикации очередного новогоднего королевского списка почестей, то и я скоро окажусь в дерьме. Сцепись с Клодом Моггерхэнгером и получишь бритвой по глазам, а то еще и по другому месту. Или попадешь в замес по какому-нибудь сфабрикованному обвинению, купив ворованную машину в одном из бесчисленных магазинов Моггерхэнгера и уехав с другим номерным знаком, так что полицейский подхватит тебя через три угла от магазина, и приедешь прямо в тюрьму.

На Лестер-сквер я бросил свой билет контролеру эскалатора и преодолел барьер раньше, чем он успел его забрать и посмотреть. Толстяк в потертом костюме, в широких брюках и шляпе, оставив зонтик, просматривал витрину книжного киоска с полуголыми девочками, и я, проходя мимо, взял зонтик и вышел на свежий воздух, соответствующим образом экипированный для стильного шоу в метрополисе. Лондонский район был эквивалентом амстердамского велосипеда: зонтик можно было взять, не считая это кражей, а потом бросить, чтобы им мог воспользоваться кто-то другой.

Дождь брызнул на спящих пьяных битников, уборщиков улиц и тротуарных артистов. Мне было жаль буйного психа, который стоял возле кинотеатра под афишами с большими сиськами и толстыми задницами и кричал, что его не поймают, он их всех побьет, потому что он кое-что знал, на самом деле он их достанет. Да, он бы это сделал, потому что они его никогда не поймают, ха-ха-ха! Японские туристы фотографировали офисы Анонимных Алкоголиков. Женщина в юбке с разрезом ходила взад и вперед с великолепной борзой на поводке, которая вытащила из мусорного бака что-то немыслимое, даже для меня, и ушла, а собака волочила за собой это, как Юнион Джек. Полицейские, опасаясь за свою жизнь, в бронежилетах под шинелями, патрулировали по двое.

Я направился в ресторан «Платиновый ёж» на Барбер-стрит и встал в

очередь в кафетерий. Наверху располагался ресторан, а внизу — стриптиз-клуб. По соседству располагался игорный зал, а по другую сторону в чулане располагался главный офис Книжного клуба садомазохистов, принадлежавший Моггерхэнгеру, что доказывало (если требовались доказательства), что педерасты не могут выбирать.

Мужчина впереди, который, конечно, был достаточно худым, взял со стойки три яблочных пирога, три заварных пирожных с кремом и чашку чая. Только Билл Строу мог быть таким жадным до сладкого, и я сразу его узнал.

— Пироги полны засахаренной репы, — сказал я, — а заварной крем сделан из горчицы и дерьма. Что касается чая, то по сравнению с ним моча была бы совершенно безопасна.

Он повернулся. — Я знал, что ты меня не подведешь. Но слава Богу, что ты здесь. Знаешь ли ты, Майкл, что ты смотришь на самого глупого кровожадного на земле?

— Когда ты сядешь за стол вместе со своей жратвой, ты сможешь сказать мне, почему.

Он потянулся за еще одним пирожным, а затем рванул за второй чашкой чая, так что его поднос стал напоминать модель центра Калькутты. Я боялся, что меня увидят с ним. Последняя неприятность началась после того, как мы познакомились на Грейт-Норт-Роуд, когда Билл, только что вышедший из тюрьмы, попросил подвезти меня в моей постепенно разваливающейся машине.

Инстинкт подсказывал мне бежать как можно дальше от этого места, чтобы я смог спокойно добраться до конца моей жизни. Но я этого не сделал из-за вида Билла, плюс дозы любопытства и чувства скуки, которое не прошло с тех пор, как Бриджит уехала в Голландию с детьми.

Мы сели за столик возле двери.

— На всякий случай, — сказал он, каждые несколько секунд оглядываясь по сторонам, как будто это место принадлежало ему, и ему не терпелось увидеть, насколько хороша или плоха торговля.

— Не крути головой, — сказал я, — потому что, если кто-нибудь придет тебя искать, ему не понадобится фоторобот, чтобы тебя отличить. Они просто поищут на столе бутылку машинного масла, которое ты заливаешь в шейные позвонки.

Он улыбался, как мертвец, надеющийся вернуться к жизни. Голодный Билл жадно швырял в рот пирожные. Это, конечно, было унижением для умного светского человека и контрабандиста золотом, которого я когда-то знал, человека, который фактически обучил меня этому ремеслу. Однако он был хорошо одет: элегантный костюм, хорошая рубашка,

галстук, золотые запонки и начищенные туфли, с носовым платком в верхнем кармане, портфелем из натуральной кожи у ног и сумкой Burberry, сделанной не на Тайване. Только манеры его ухудшились. У него по-прежнему были узкие спина и бока в отличие от меня, несколько располневшего за прошедшие десять лет.

— У тебя волосы немного длинные, Майкл. Подстригись, — сказал он. — Выглядит не очень хорошо. Теперь ты мужчина средних лет или чертовски близок к этому.

Я поблагодарил его за комплимент.

Он уставился на молодого человека с волосами до плеч, который в нескольких футах от него уничтожал мясной пирог «Суинни Тодд».

— Терпеть не могу всех этих здоровенных молодых парней с прическами, как у Вероники Лейк. Нужен сержант, чтобы перевоспитать их. Иногда я иду за одним из них и не понимаю, мужчина это или женщина. Для парней это нехорошо.

— Если у тебя в наше время короткие волосы, то ты подозрительный тип.

У Билла не было той полной уверенности, которая была у него когда-то.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— Тебе лучше заняться своим делом и съесть эту кучу пирожных.

Закончив завтрак, он достал портсигар и закурил сигарету, пуская кольца дыма в сторону двух молодых женщин за соседним столиком.

— Они прекрасны, не так ли? Я бы не отказался от одной на ужин. На самом деле и от двух. Знаешь, Майкл, мне пятьдесят шесть, но я все еще люблю время от времени покормиться.

Его худое, загорелое и чисто выбритое лицо сморщилось от беспокойства, когда он увидел мой зонтик, прикрепленный к стулу. — Где ты взял эту штуку?

— О, я только что раздобыл его.

Вид зонтика беспокоил его. — Мне это не нравится.

— Тогда можешь забыть то, что я тебе сейчас сказал. Это мой, и я его очень люблю. Я буду любить его до самой смерти. До войны дядя Рэндольф ездил с ним в Аскот.

— Украл, да? Мне так кажется. В любом случае, ты хочешь услышать мою историю или нет? Я знаю, что да, и хорошо, что ты так быстро ответил на мой звонок. «Майкл всегда будет рядом с нуждающимся другом», думал я. Он хороший игрок в регби, который не только позаботится о себе в крутом повороте, но и никогда не подведет старого приятеля. Таких верных друзей у меня никогда не было. Хотя мне все-

таки не нравится этот зонтик. Откуда ты это взял?

Я сказал ему.

— Это вряд ли рассчитано на то, чтобы успокоить меня. Это выглядит очень паршиво.

Он соскреб последние капли заварного крема со всех трех тарелок.

— Времена изменились, Майкл. В наши дни нельзя быть слишком осторожным. Десять лет назад все было сравнительно цивилизованно. Если вы отклонялись от прямого и узкого пути, все, что у вас могло получиться минимум — это ужасный шрам на физиономии, но в наши дни вас могут разрубить на куски и разбросать по мосту через Темзу из пластикового пакета. Ты исчезнешь без следа. Чайки заглотают каждый кусочек. Лондонские голуби начнут есть твоё мясо. Несколько месяцев назад мне довелось стать невольным свидетелем драки между бандой «Зеленых Ног» и «Ангелами Моггерхэнгера», и мне кажется, что битва при Босворте выглядела как драка в пабе «Слон и замок». Все изменилось, это правда.

Он вытащил маленькое перо из ленты шляпы и сунул его в рот. — Тебя давно не было, поэтому ты не знаешь, как обстоят дела. — Он сплюнул грязное перо на пластиковую тарелку для пирога. — Но, это не так уж и плохо, потому что иначе я бы не попросил тебя приехать сюда и навестить меня, не так ли?

— Не так ли? Слушай, я сойду с ума, если ты не скажешь, почему ты попросил меня покинуть мою уютно обставленную станцию в такой ненастный день.

Капли дождя стекали по окну, рождаясь из неподвижных шариков по пути вниз, подобно толпе, собирающейся на пути к бунту. Иногда они путешествовали горизонтально, пока им не мешал конец стекла.

— Я скажу тебе, почему я здесь, Майкл, и почему ты здесь. Мне нужен твой совет и поддержка. Несколько месяцев назад я был в тупике. Моя девушка ушла от меня, моя мать умерла, а у меня заканчивались деньги. Я заработал пятьдесят тысяч фунтов, привезя из Кашмира партию «не спрашивай чего». Я пронес ее в фальшивом дне коллекции бабочек и получил удовольствие от общения с таможей. У меня была наклеена седая борода, на носу маленькие очки, на голове шляпа. Я выглядел настолько театрально, что они не думали, что я разыгрываю представление. В моем фальшивом паспорте, изготовленном бандой «Зеленых Ног», было написано, что я лепидоптеролог. У меня даже были поддельные документы из Британского музея естественной истории. Когда эти ребята из банды «Зеленых Ног» что-то делают, они делают это идеально. Там, где они бывали, тоже не остается никаких следов, в

отличие от остальных из нас. Это была лучшая работа, которую я когда-либо выполнял. Помнишь, десять лет назад мы занимались контрабандой золота для компании «Джек Линингрейд Лимитед»? Не сравнить с этой работой. По крайней мере, эта штука не весила тонну. Я пронес почти центнер, все было красиво спрятано. На Востоке мою коллекцию везла колонна носильщиков, а в лондонском аэропорту предоставляют хорошие скрипучие тележки, чтобы вы зигзагом провезли свои вещи через ворота «Без декларации». Однако небольшой совет: всегда выбирайте самую скрипучую тележку. В эти дни это сделано для вас. Никакой грубости и напряжения мускулов с тремя центнерами золота, наваленными в карманы жилета. И не потеешь от страха, пока играешь свою роль и сохраняешь невозмутимое выражение лица, что мы всегда можем сделать, а? Принеси мне еще чашку чая и пирожных, вот молодец.

— Принеси это сам.

— Я вырос в бедности, — сказал он, — на скотобойне номер два. Если я не останавливаюсь в роскошных отелях, я чувствую себя обделенным и обездоленным. Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать, не так ли, Майкл?

— Думаю, что так.

— Тогда принеси мне все-таки чашку чая и два пирожных с заварным кремом, те, что с поджаренным тестом.

Его лицо было бледным, а глаза блестели, что наводило на мысль, что он вот-вот умрет.

— Что случилось, ради бога?

Он вытер с лица соленую слезу.

— Я в опасности. Я не могу тебе сказать, хотя скажу. Я приду к этому. Я не боюсь умереть, ни сейчас, ни после войны в рядах Шервудских лесников. Эта кампания в Нормандии была очень тяжелой. Меня чуть не убили один или два раза.

— Я слышал это раньше.

Я никогда не видел его таким напуганным.

— Возьми себя в руки.

Он улыбнулся.

— Еще один заварной крем и чашка чая меня устроят.

Я вернулся с заказом и смотрел, как он его пожирает.

— Продолжай свою историю.

Он вытер губы.

— Эта небольшая работенка курьером принесла мне пятьдесят тысяч фунтов, но деньги ко мне не прилипают, Майкл. Мне слишком нравится их тратить, но они быстро кончаются. Я даю левой рукой и крепко

сжимаю правой, а это значит, что я избавляюсь от них быстрее, чем если бы я был просто щедр. Я нервничаю от такого количества хрустящих бумажек в карманах. Я люблю ходить по клубам и хорошо проводить время. Суньте пятьдесят фунтов в руку девчонке и пока не ложитесь с ней в постель, а тут же найдите еще одну женщину, чтобы почувствовать себя на вершине блаженства. Зачем жизнь, если ты не можешь время от времени устраивать себе оргии? С тобой когда-нибудь спали три женщины? Если нет, то ты не жил.

В любом случае, мои деньги закончились, а затем, по божественному промыслу, как я думал, я получил предложение от банды «Зеленых Ног» стать водителем последней из трех машин, участвовавших в ограблении. Это было ограбление не банка, не почты и не кассы с зарплатой, а квартиры бывшего члена банды, который потратил сто тысяч фунтов их денег, и теперь они хотели их вернуть, намереваясь разобраться с ним позже. Гангстерам сказали, что он в отпуске в Сен-Тропе, и оставил деньги в чемодане под кроватью. До сих пор встречаются такие люди, хотя, надо отдать ему должное, он думал, что там, где он находится, так же безопасно, как и в банке, где вокруг такие люди, как он, и банда «Зеленых Ног».

Можешь себе представить, что они мне абсолютно доверяли? Я дурак, Майкл, и всегда был таким. Видишь ли, за несколько дней дня ограбления один из людей Моггерхэнгера, Кенни Дьюкс, этот ублюдок, у которого такие длинные руки, что ему следовало бы работать в цирке, и который раньше был главным вышибалой в одном из лесбийских клубов лорда Клода, сказал, что Моггерхэнгер хотел бы увидеть меня. Что ж, подумал я, мне нечего терять, и позволил отвезти меня в его большой дом в Илинге, где за виски с содовой он убедил меня рвануть на той самой третьей машине прямо на север, в его бунгало в Линкольншире, на окраине Бэк-Эндерби и доставить туда наличные. Вместо того, чтобы я получал пять процентов, как обещала банда «Зеленых Ног», он предложил мне половину. Ну, я вас спрашиваю! Пятьдесят тысяч вместо пяти — это не совсем ерунда, и к пятой порции виски я согласился. Должно быть, я был под кайфом. Клод был в своей стихии. Он знал что делает. Наверняка он заслал кого-то прямо в центр банды «Зеленых Ног», чтобы детально знать их планы в таких.

Самое ограбление прошло гладко. По голове никого не ударили. Ни одного выстрела не последовало. Бомбы с часовым механизмом там не было. Человек всегда готов участвовать в таком, казалось бы верном деле, Майкл. В его глазах загорается блеск, потому что он хочет участвовать в игре с такой крупной ставкой, получится это или нет. Это свинья,

которая доставляет неприятности, когда вы просите его стать частью команды. В любом случае, чемодан с деньгами был переложен в мою машину из второй машины для бегства, которую затем парни бросили и пошли на станцию метро Южный Кен. Я отправился в путь, спокойный, как будто только что вернулся из Брайтона и направлялся домой, чтобы солгать жене о том, где я был. Я должен был доставить деньги в дом в Хайгейте для банды «Зеленых Ног». Но Моггерхэнгер дал мне указание доехать до его бунгало, и когда я остановился и дождался красного светофора (я никогда не прощу этому светофору, что в тот конкретный момент он горел красным), я подумал про себя «В машине лежит сто тысяч реальных фунтов, уже проверенных и посчитанных. Слишком хорошо, чтобы отдать его банде «Зеленых Ног» или Моггерхэнгеру. Я оставлю это себе».

Ах, Майкл, жадность! Это проклятие человечества, и особенно твоего покорного слуги. Что это за библейская заповедь? Я уверен, что я один из этих проклятых, так что ничего не говори мне. Это была чистая блядская жадность. Говорю тебе, до того момента я не знал, что такое жадность. Эта идея поразила меня настолько сильно, что я думал, что упаду в обморок, врежусь в другую машину, меня задержат полицейские и отвезут в лес, где закопают, а награбленное поделят в полицейской машине. Но я взял себя в руки. Ослепительный белый свет, вспыхнувший перед моими глазами ЖАДНОСТЬ, ЖАДНОСТЬ, ЖАДНОСТЬ, вернул мне равновесие. Это ощущение очень хорошо описано в одном из романов Гилберта Блэскина, если я помню. Это было на первой странице, и я так и не продвинулся дальше. Но я вспотел и дрожал, как и должно было быть. В мгновение ока мне захотелось всего. Ты меня понимаешь, Майкл? Мне нужна была яхта, скоростной катер с шестью спальными местами, и я в роли капитана Кодсписа, мчавшегося через Ла-Манш, чтобы иметь тройную койку с голыми бабами в Шербуре. Ах, какие мечты! Такие, как ты, не представляют и половины.

Тут какой-то ублюдок позади меня в синем минивэне с гербом на боку посигналил, чтобы сообщить мне, что красный сменился на зеленый и я улетел, движимый только старой доброй жадностью. Жадный, но бесстыдный — вот я.

— Материальный мир так скучен, — сказал я.

Билл Строу подмигнул.

— Может быть. Но в этом мире потрясающие истории и кучи денег. Мне этого никогда не простят, сказал я себе, покидая светофор. Я был уверен и знал, что ни банда «Зеленых Ног», ни лорд Моггерхэнгер не уступят ни фартинга. Ты, Майкл, просто никогда не делал подобных

вещей. После этой моей отчаянной поездки у меня два смертельных врага, две самые жестокие банды в Лондоне, а значит, и в мире. Они убьют даже ленточного червя, когда тот попытается убежать от них по тротуару, бедняжка и невинная тварь. Честно говоря, я не понимаю, как мне теперь выжить.

— Я тоже, — сказал я.

К счастью или к несчастью, как я теперь думаю, паспорт был у меня при себе, когда я ехал со светофора в сторону Слоан-сквер. Это потому, что я взял за правило никогда не выходить без него на улицу, даже не переходить улицу в халате, чтобы попасть в «Ивнинг стандарт». Я слишком стар, чтобы попасться на что-то подобное.

Я задавался вопросом, как я выживу после того, как меня видели разговаривающим с этим тупоголовым и тщеславным сумасшедшим.

— Хватит хвастаться. Скажи мне, что произошло.

Он рассмеялся, и тон истерии сменился тоном самодовольства.

— Ты должен признать, что это был смелый поступок, или он был бы таковым, если бы не был таким безрассудным. Дерзкий и оригинальный, как я теперь об этом думаю. А вот теперь мне не нравится быть мертвецом, вот и все.

— Мне бы тоже.

— Но ты не бросишь меня, Майкл?

— Трудно сказать, Билл.

Он продолжал.

— Я поехал прямо в Дувр. Я не был дураком, чтобы ехать в логово Моггерхэнгера. В Кентербери я подвез молодую женщину по имени Филлис с двумя детьми по имени Хуз и Буз, и еще до того, как мы добрались до Дувра, я пригласил их ехать со мной на континентальный отдых во Францию. Она жила в Дувре, и ей пришлось сходить домой, чтобы взять паспорта. Когда мы сели на паром, у нас был такой вид, будто мы собираемся в отпуск. Полиция и таможенники приветствовали нас улыбками. Я никогда не думал, что могу выглядеть таким семьянином. Я даже позволил уборщику помыть мою машину, когда он предложил, но запер багажник перед тем, как выйти на палубу подышать воздухом. Я не могу передать вам, как хорошо я себя чувствовал. Это была высшая точка моей жизни. Вот я, мужчина лет пятидесяти с лишним, с машиной, женщиной и двумя самыми отвратительными маленькими ублюдками, которых я когда-либо имел несчастье заполучить, и сотней тысяч фунтов на пути в прекрасную Францию. Я снова почувствовал себя прежним — помолодевшим, я думаю, это подходящее слово. Я провел неделю в Ле-Туке, затем посадил свою

временную семью обратно на прогулочный корабль в Остенде с несколькими сотнями человек, выдав их матери несколько фунтов на карманные расходы, чтобы она неделю или две снабжала ребятишек мороженым и леденцами. Затем я отправился через Брюссель и Аахен по Рейнскому шоссе без остановок в Швейцарию, это чудесное убежище беглецов и политических ссыльных с деньгами. Оказавшись там, я направился в Женеву, где положил деньги на счет, открытый много лет назад, и все еще держал на нем несколько франков, чтобы держать его открытым. Заначка для несчастной кукушки, да вот только мне не дожить до этого удовольствия. Вот и все, Майкл.

Я предложил сигарету, чтобы успокоить его нервы.

— Но почему ты вернулся? Почему ты не поехал в Бразилию, как Ронни Биггс?»

— У тебя есть сигара? Эти чертовы сигареты прожигают мне грудь.

Я дал ему одну.

— Ты все тот же, старый попрошайка.

— Мне нравятся щедрые друзья. Ты никогда не пожалеешь о своей дружбе со мной, Майкл, даже если это может стоить тебе жизни. Больше любви нет у человека...

Он запрокинул голову и захихикал, как осел, выпущенный на свободу после двадцати лет хождения вокруг колодца. — Почему я вернулся сюда? Ты еще не слышал половины истории. Я вернулся не по своей воле. Ты думаешь же, что я настолько глуп?

— Теперь думаю.

— Ты не прав. Нет, возможно, ты и прав. Проблема в том, Майкл, что в моей жизни нет никакой утонченности, вообще никакой. Мне этого очень не хватает, и я сожалею, что у меня ее не было. Я чувствую, что это такое, и говорю, что я должен быть хитрым, и часами решаю, каким мне быть, но когда приходит время, я действую так же, как мой старый жестокий, крикливый, жадный и неудачливый я. В любом случае, в Женеве я выходил из отеля к озеру. Мне нравится ходить. По меньшей мере пять миль в день, так или иначе. Я даже время от времени немного бегаю. Никогда не знаешь, когда тебе пригодится внезапный спринт на десять миль. Есть зал, в который я хожу заниматься боксом. Раньше я состоял в стрелковом клубе, просто чтобы поддерживать свою меткость. Я не такой уж идиот, чтобы не держать себя в должном порядке, при наличии на моем пути банды «Зеленых Ног».

— Надо было ладить с ней, а не связываться с Клодом.

— Это был прекрасный день. Я был на вершине мира. Сигара у меня была лучшей на вкус, газета была у меня под мышкой, шляпа была

надвинута на голову под обычным веселым углом - и все-таки что-то было не так. Кто-то сбил шляпу, и когда я наклонился, чтобы поднять ее, прежде чем наподдать мерзавцам, в меня врезались трое самых больших ублюдков, которых вы когда-либо видели, и чей-то кулак застрял у меня под ребрами. У меня не было шанса. Они заставили меня взять в отеле мой паспорт, и прежде чем я успел сказать, что меня зовут Джек Строу, или Билл Хэй, или Перси Чафф, или кто-то еще в то время (я, честно говоря, забыл), я уже был в самолете, направляющемся в Лондон, и никаких помех. Когда я шел к стойке регистрации в Женеве, все выглядело нормально, но за мной в четыре часа шел один придурок, а в восемь — другой, так что одно неверное движение — и я бы весь истекал кровью. Я шел тихо, как ягненок. Видишь ли, они думали, что я оставил деньги в Англии. Почему? Никогда не узнаю, хотя могу предположить. Глава банды «Зеленых Ног» нанимает одного из лучших психологов, который помогает ему решать любые возникающие проблемы, личные или иные. Каждая консультация, наверное, стоит крутую сотню. В основном это окупается. Поэтому я предположил, что в моем случае они поставили перед ним проблему и захотели знать, куда, по его мнению, я пошел и что сделал с деньгами. Итак, долго потев от хода своих никчемных мыслей, этот придурок выдумывает сценарий, к которому не мог придраться даже босс банды «Зеленых Ног», поскольку это стоило ему так много. Они выследили меня в Швейцарии, что было не очень умно с их стороны. Я мог бы сделать то же самое. Этот парень, доктор Андерсон, должно быть, сказал им, что перед отъездом из Блайти я спрятал деньги в известном мне тайнике, и что они никогда не найдут их, пока не вернут меня на Остров и не заставят говорить.

Видишь ли, Майкл, банды уже не так космополитичны, как в наши дни. Они слишком замкнуты. Они не могли поверить в то, что я уеду с деньгами и буду счастлив до конца жизни кататься по континентальным курортам. Они, вероятно, загрузили в компьютерный мозг этого психолога все факты, которые знали обо мне, и он сказал им, что я закопал деньги под половицами дома, в котором я родился в Уорксопе, который ушел в снос трущоб много лет назад. Ну, когда я сказал, что оставил деньги в Блайти, они даже не слушали. Они знали, бедняги. Они доставили меня обратно в один из малых лондонских аэропортов. Нас ждал арендованный автомобиль. Все по плану. Когда дело доходит до организации, этим мальчикам нет равных.

— Вот кто должен управлять этой страной, — сказал я с иронией.

— Да, Майкл, да, поверь мне. Как бы то ни было, мы выехали на М4, и я задумался о судьбе, которую они мне приготовили. Мое воображение

было не на высоте, и ожидания продолжали меня мучить. Не стоит и думать о том, что эти ребята могут с тобой сделать, но сначала они пробуют изощренный способ, запирая тебя на пару дней к этому психологу, доктору Андерсону. Обычно это работает. Ни следа на тебе. Но если этого не произойдет (а со мной это не произойдет), появится набор инструментов. Я был уже почти готов помереть от страха, но сохранял хорошее лицо, когда машина замедлила ход под ругательства водителя. Машина впереди затормозила, а мы были слишком близко, чтобы свернуть и обогнать, поэтому нам пришлось тормозить вместе с ней. Еще одна машина сзади чуть не врезалась в нас. Нас преследовали и преследовали, это самый старый известный маневр. Мой мозг лихорадочно заработал. Если я не пользуюсь своим мозгом, мне кажется, что он превращается в капусту, а я — ходячий случай старческого разложения. Временами я ничего не могу вспомнить или обдумать простейшую задачу. Но когда дело доходит до опасности, когда необходимо действовать, я ясен, как папиросная бумага, и быстр, как змея.

Эти две машины были от Моггерхэнгера, и я знал, что они хотят, чтобы я оказался в безопасности в его поместье, потому что я стоил около ста тысяч. Это было похищение. банда «Зеленых Ног» не знала, что Моггерхэнгер подкупил меня, поэтому явно не ожидала этого. Кенни Дьюкс вышел из одной машины с тремя своими приятелями. Одним из них был Рон Коттапилли, другим — Пол Пиндарри, а третьего я никогда раньше не видел. Коттапилли однажды после полуночи работал в Вест-Энде, крадя кошельки и украшения. Однажды он набросился на меня с ножом — ужасная ошибка для него, потому что я бил его так сильно, что он в конечном итоге умолял сохранить ему жизнь. Он и Пиндарри работали на Джека Линингрейда, помнишь? Теперь они наняты Моггерхэнгером.

Из другой машины вышли трое парней. Одним был Тоффиботтл, другим — Джерико Джим, а третьего я не знал. У всех были молотки, а у Кенни был пистолет. Пока остальные разбивали окна, Кенни прострелил шины. Двое парней подошли ко мне, но я ударил одного, коленом ударил другого и бросился на берег, и над моей головой просвистело больше пуль, чем я слышал со времен Нормандии. Я бежал зигзагом. Знаешь, Майкл, каждый парень должен пройти военную службу. Это абсолютно необходимо, потому что в твоей жизни обязательно наступит момент, когда тебе понадобится опыт либо для защиты своей страны, либо для защиты себя от нее. Не важно какой. Но старая пехотная подготовка спасала мне жизнь больше раз, чем мне хотелось бы думать. У меня

разрывается сердце, когда я вижу толстых молодых парней, разъезжающих на мотоциклах или бездельничающих на углах улиц. Они должны учиться рукопашному бою, обращению с оружием, боевому искусству, меткой стрельбе — базовой подготовке на всю жизнь.

Мой презрительный взгляд остановил его.

— У меня ничего этого не было, но я могу о себе позаботиться.

— Так и есть, Майкл, но с этим ты позаботишься о себе намного лучше. В любом случае, ты будешь другим. Короче говоря, один из них погнался за мной по берегу, но наверху я развернулся и так ловко пнул его под подбородок, что он откатился обратно. Я не знаю, чем кормят людей в наши дни, честно говоря, не знаю, потому что остальные у машин, вместо того, чтобы преследовать меня, просто смотрели, как я пнул этого парня, как будто они были в театре, и мы были актеры на сцене. Честное слово, я думал, они будут аплодировать. Я бы подождал, если бы не увидел, как Кенни Дьюкс перезаряжает свой пистолет. Затем я направился к каким-то домам вдалеке.

Было за полдень, и скоро должно было стемнеть, поэтому мне нужно было сориентироваться и добраться до цивилизации. Говорю тебе, Майкл, я чувствовал себя сбежавшим военнопленным, потому что представь, в каком я был состоянии. После приземления и прохождения таможи, пока мы были на автостоянке, у меня забрали бумажник, паспорт и туфли... как хорошо. Ты бы в это поверил? Я в некотором смысле удивлен, что мне не вкололи в задницу укол, чтобы заставить меня молчать, пока я не доберусь до темницы под Вестминстерским аббатством или лондонской мечетью. Полагаю, они не считали затраты оправданными. Несмотря на это, они не рисковали, хотя засады не ожидалось.

Другое дело, что первое время я не осознавал, что на мне нет обуви. У меня было такое желание уйти, что я бы пробежал сквозь раскаленные угли и разбитые бутылки. Что касается отсутствия денег, то это сущий пустяк. Документы, удостоверяющие личность, меня никогда не беспокоили. В любом случае я никогда не знал, кем я был, за исключением того, что я был самим собой, и это все, что имело значение. Если вы знаете, кто вы, другие люди могут на вас напасть, а мы этого не хотим, не так ли? Я вижу, как эти вопросы горят в твоих глазах. «Ну, я в полном беспорядке», — подумал я, выйдя на переулок. К счастью, я оказался сразу за третьей развязкой со стороны Лондона, так что следующий выезд для движения на восток был не раньше Ганнерсбери, примерно в шести милях отсюда. Им понадобится самое большее пятнадцать минут, чтобы развернуться, вернуться к третьему перекрестку

и повернуть на север, чтобы попытаться остановить меня. За это время я мог пройти хотя бы мило и потеряться на улицах Илинга. Я так много ездил по Лондону, что у меня в голове все было от А до Я — во всяком случае, основные дороги и районы.

Но проблема была в деньгах. Это всегда так. Именно это в первую очередь привело меня в замешательство, и теперь придется из этого выбирать. У меня было несколько швейцарских франков монетами в одном кармане и эквивалент десяти шиллингов в другом — очень полезно для парня, находящегося в бегах, но для таких, как я, это не особо полезно. Мне пришлось думать быстро. Я шел так быстро, что минут за двадцать (мои часы не взяли) добрался до станции Саутхолл. Светились яркие огни дорожного освещения, и я крался вперед, словно разыскиваемый всеми полицейскими силами или бандами преступников в мире. Я действительно сошел с ума от счастья, что сбежал. Я знал, что если бы они искали меня, то ожидали бы увидеть чересчур самоуверенного, высокого и худощавого парня, идущего так, как будто он владеет миром — босиком или нет. Поэтому я поднял воротник своего сшитого на заказ костюма за сто гиней, застегнул все три пуговицы, снял галстук, обмотал его вокруг талии и побрел в тени, как пьяница, которого только что напоил какой-то другой алкаш-благодетель с острова Ил Пай. А что касается ближайшего вокзала, то не думаю, что я пошёл бы туда в своём тогдашнем физическом состоянии. Если бы они свернули с кольцевой развязки в Ганнерсбери и посмотрели на карту, это было бы первое место, на которое они бы обратили внимание. Они могли тактически мыслить, как и я, если им не мешали. Надеюсь, эта история поможет тебе чему-то научиться, Майкл. Это немного предостерегает от неправильных действий во многих отношениях.

Я кивнул ему.

— Ну, слава богу, этот район больше походил на Бомбей, чем на Блайти, потому что я нашел магазин «Индийское ассорти», где, как я знал, можно было немного заняться торговлей, и вошел в него из холода и темноты. У них было на продажу все: от дешевых наручных часов и русских радиоприемников до отдела подержанной одежды за занавеской. Парень, который им управлял, был высоким, очень красивым и носил тюрбан. На полу играла пара детей, а его жена сидела у кассы.

""Что я могу сделать для вас?" спросил он меня.

«У меня проблемы», — сказал я ему. В такие моменты нужно прямо сказать об этом. У меня есть инстинкт, Майкл. Я всегда могу найти лицо, которое мне поможет. Я знал, что он не будет паниковать и не сдаст меня после того, как предложит мне чашку крепкого чая со всем количеством

сахара, которое я хочу, как среднестатистический англичанин — или кто-нибудь еще, если уж на то пошло. Я выложил свои дело проблемы ему. «Меня ограбили, и вот таким оставили. Я только что вышел из самолета после двух лет пребывания в Штатах, и эти белые головорезы подставили меня под дуло пистолета, затолкали в машину, забрали все, что у меня было, и бросили на автостраду. Вы можете помочь мне?"

«Отвали», — сказал он. «Уйди из моего магазина, свинья из Национального фронта, или я вызову полицию, и даже если они меня избьют, сожгут мой магазин, избьют моих детей и разграбят все оставшиеся запасы, они все равно что-нибудь на тебя повесят за отвлечение их от чая в участке». Эти добрые самаритяне всегда начинают так, но после получасовой беседы и нескольких чашек жидкого крема для обуви я продал ему свой костюм за сто гиней, купил другой костюм и за фунт пару туфель, купленных им с распродажи за два шиллинга, дал ему фунт за пользование бритвой в его туалете, затем отдал мои иностранные монеты его детям в обмен на старую кепку и мы расстались с ним лучшими друзьями. Я никогда его не забуду. Он спас мне жизнь, и, более того, Майкл — прости меня, если в этот момент я начинаю сентиментальничать — он тоже это знал. Этот ублюдок-грабитель был солью земли. Ах, Майкл, я люблю людей! Они никогда вас не подведут — большинство из них.

— Если ты засунешь все свои банальности себе в задницу, — сказал я, — ты вырастешь в дуб. Продолжай врать.

Он почесал нос.

— После этого было уже легко. Я не сел на поезд до Уэльса или Котсуолда — если поезда там еще ходят. И при этом я не уехал автостопом так далеко от Лондона, как мог. Не достался вам хитрый старый Билл, как сказал им тот злобный психолог, когда они разбудили его на следующее утро. Я добрался до Лондона незамеченным и отправился в свою квартиру, чтобы взять деньги, которые я спрятал на случай непредвиденных обстоятельств, и чемодан вещей, которые помогут мне продержаться. Затем я снял небольшую комнатуху в Сомерс-Тауне, решив, что лучше оказаться в эпицентре бури, чем на периферии, где в любую минуту может разразиться неожиданный ураган. Это вредно для нервов, а я не люблю, когда что-то действует мне на нервы, особенно когда в этом нет необходимости. Мы называли это непрямым подходом, Майкл, помнишь? Сегодня это известно как латеральное мышление. Когда я был ребенком, это было просто здравым смыслом. Итак, я написал тебе и разместил объявление в «Таймс», и вот мы здесь. И это моя история. Теперь ты видишь, в каком дьявольском

треугольном положении я нахожусь.

Глава 3

Я не поверил ни единому его слову. Единственный факт, который я узнал из всей этой чепухи, это то, что доктор Андерсон, психолог, получал зарплату и от Моггерхэнгера и от банды «Зеленых Ног». Это звучало вполне правдоподобно, потому что он был братом бывшего мужа моей жены Бриджит, отца Смога, и оба Андерсона были одинаково коварными злодеями. Нынешний Андерсон явно продавал информацию от одной банды другой.

Меня это не удивило, но, правда это или нет, Билл, казалось, почувствовал облегчение от того, что эта история вылетела из его груди и что он нашел кого-то, кто может это выслушать, и для кого эта информация будет так же смертельна, как и для него самого. Для меня он был чумой и всегда был носителем падения и смерти. Все, что пошло не так в моей жизни, произошло из-за него, но почему же я отозвался на его вызов в Лондон? Он был братом, дядей и другом детства в одном лице и был со мной до конца моей прошлой жизни. Справедливости ради стоит отметить, что многое из того хорошего, что произошло, произошло также благодаря ему.

— Я думаю, — сказал я, увидев вопрос на его губах, — тебе лучше быть таковым, каков ты есть. Я понял, что у тебя проблемы. Теперь я верю тебе, но почему ты никогда не научишься?

— Учиться? — Он чуть не вскочил со стула. — Учиться? — повторил он, как будто это было новое слово, звучание которого ему нравилось. — Майкл, я постоянно учусь. Каждую минуту своей жизни я учусь. Ночью я ложусь спать с вопросом: «Чему я сегодня научился?» И я просыпаюсь утром с вопросом: «Чему я могу научиться?» Но печальный факт заключается в том, что мне понадобится шесть жизней, чтобы узнать достаточно, чтобы принести себе пользу. Я мог бы выучить все, чему только можно научиться, и все равно получить удар под пятое ребро из-за того маленького факта, который я упустил.

— Но почему не я, а кто-то вроде меня ни в малейшей степени не может тебе помочь? Логика для меня абсолютно непостижима.

Он осушил чашку с чаем в третий раз.

— Ты можешь в это не верить, но причина в том, что у меня больше никого нет. Я имею в виду, что больше я никому не могу доверять.

Я чуть не заплакал от жалости.

— Я уже десять лет ни с кем не общаюсь, живу домашней, хотя и

далеко не мирной жизнью на своем вокзале, поэтому ничем помочь не могу.

Он схватил меня за руки.

— Ты можешь, ты можешь, Майкл.

— Все, что я делал, это мылся, играл с детьми, время от времени делал ремонт в зале ожидания, билетной кассе и квартире начальника станции и посадил немного растений в саду. Я не в форме, я дряблый, как тюленёнок.

Он надулся, зная, что я в хорошей форме, вроде летающей щуки.

— Если я что-то и помню о тебе, так это твою быстроту мышления и поразительную универсальность твоих идей. У меня кровь стынет в жилах от некоторых вещей, которые ты в свое время задумал. Это лучше, чем вообще не бежать или безвольно разлиться по тротуару. Давай, Майкл, надень эту мысленную корону, и дай мне хороший совет.

— Ты знаешь, как мне польстить. Но дай мне минутку.

— Две, если хочешь.

Он выглядел так, как будто его тревоги закончились, хотя я мог бы сказать ему, что, вернув меня в его жизнь, они вот-вот начнутся. У меня не было настроения давать утешительные советы сразу после того, как он дал понять, что меня тоже ждут опасные времена.

— Учитывая серьезность твоего положения, я считаю, что единственная игра, в которую мы можем играть, — это дипломатия. Я предлагаю тебе сесть в такси, поехать прямо к резиденции лорда Моггерхэнгера и сдать. Это твой единственный шанс выжить.

По тому, как он встал, можно было подумать, что вот-вот заиграют национальный гимн. Я никогда не видел его более бледным.

— Так вот что Моггерхэнгер велел тебе сказать? Теперь я вижу все это. Как только я сбежал из-под угона, он сразу же напал на тебя, зная, что рано или поздно я с тобой свяжусь. Он предложил тебе хорошую большую плату — половину сразу, половину при доставке — за то, чтобы ты встретился со мной, выслушал мои горести, а затем посоветовал мне «ехать прямо к резиденции лорда Моггерхэнгера и сдать». Майкл, я думал о тебе лучше, и не стану пытаться проделать такую штуку. Полагаю, это место окружено, не так ли?

Он выглянул в окно, затем сел.

— А может и нет. Это того не стоит, особенно когда ты можешь отвезти меня туда, как своего пуделя из Мэйхема в такси. Но это не сработает. Они меня никогда не поймают. — Он постучал по карману. — Я принес сюда небольшую вещь, которая поможет мне.

Он посмотрел на меня и снова встал. Он действовал, но догадываться,

в чем заключалась его игра, было еще слишком рано.

— Я не такой дурак, чтобы не знать, что в конце концов мне придется рассчитывать только на себя.

Я изо всех сил старался выглядеть презрительным, но не двинулся с места, что, возможно, и убедило его.

— Послушай, если все, что ты мне сказал, правда, то ты в ловушке. — Я еще хорошо разбирался в актерском мастерстве. — Это только вопрос времени, когда тебя поймают, хотя никто тебя не убьет, потому что они хотят вернуть деньги. Это то, чего они все хотят. И они не будут против, чтобы прошло шесть месяцев. Они терпеливы. Они убьют тебя только после того, как заберут деньги в свои руки. Теперь, если две банды хотят схватить тебя (а оно так и есть, судя по тому, что ты мне рассказал), то тебе придется натравить их друг на друга даже сильнее, чем сейчас. Я думаю, что из двух банд именно с Моггерхэнгером придется иметь дело, потому что мы с тобой знаем его очень давно. Я не вижу другой возможности.

— Ты сумасшедший, — сказал он.

Я широко улыбнулся.

— Безумцы выживают.

— Майкл, я не думаю, что ты только что родился.

Я оспорил его легкомысленное утверждение.

— Я родился так давно, что уже умер. Бриджит ушла от меня на прошлой неделе и забрала детей.

— Я уверен, что это стало для тебя полезным. Несмотря на это, я не понимаю, почему ты хочешь, чтобы мы оба покончили жизнь самоубийством. Отношение «возьми с собой» — это очень хорошо, но не среди друзей.

— Я не предлагаю тебе ползти на виллу Моггерхэнгера и в упор ляпнуть, зачем ты пришел, — сказал я ему. — Подойди к нему под другим предлогом. Скажи ему, что хочешь присоединиться к его организации. Банда «Зеленых Ног» получила обратно свои сто тысяч. Они были в твоём чемодане. Вы не получили свою долю и хотите отомстить. Он это поймет. В любом случае, давай уйдем отсюда.

— Думаю, нет нужды говорить тебе, Майкл, что наша встреча меня особенно обескуражила. Если я так сделаю, Моггерхэнгер просто обменяет меня на половину денег. Он не возится. Во время передачи он заберет свой лот. Теперь пошли. Перейдем в бар «Собачья шерсть». Он откроется вот-вот.

Он надел пальто и взял мой зонтик — будучи в таком состоянии, я не мог приказать этому ублюдку с его воровскими пальцами положить его

обратно. Мы направились по Чаринг-Кросс-роуд, Билл шел впереди, и никто из нас ничего не сказал из-за шума транспорта и того, что идти бок о бок среди такого количества людей было трудно. Мужчина средних лет с собакой на поводке собирался пройти мимо нас справа, но собака, желая пройти вдоль стены, чтобы понюхать ее, запуталась в ногах Билла.

Даже доктору Андерсону, психологу-демону, было бы трудно найти причину того, почему некоторые люди рождаются с враждебностью по отношению к нашим четырехлапым друзьям. Возможно, у того, кто ненавидит собак, в молодости была особенно тяжелая жизнь, что, конечно, относится и к Биллу. Такие типы ненавидят собак, потому что считают их ниже людей и не понимают, почему им следует проводить время лучше и беззаботнее, чем они. Другие люди, которые не любят собак, вполне могут быть психически неуравновешенными или страдать каким-либо физическим недугом, который делает их вспыльчивыми и нетерпимыми. В любом случае я не думаю, что они могут терпеть скулящих, заискивающих вредителей, гадающих на улицах.

Не то чтобы Билл отреагировал бурно, когда собака запуталась в его ногах и выпустила несколько брызг янтарной мочи на его брюки. У него были свои проблемы, и он хотел продолжить путь без суеты. Но он ткнул ее довольно осторожно, как мне, догнавшему его к этому времени показалось, концом моего зонтика.

Результат был, мягко говоря, экстраординарным. Черная собака, среднего размера и неопределенной породы, несомненно, нежное и привлекательное существо, насколько это возможно для собак, пискнула, перекатилась на спину, вздрогнула брюхом, затрясла всеми лапами и завывала.

Билл перешагнул через нее и я тоже. Никто из нас не осознавал всей серьезности произошедшего. Мужчина наклонился, чтобы посмотреть, что беспокоит его питомца, ни на секунду не связывая его странное состояние с, казалось бы, легким толчком, нанесенным Биллом. Он, возможно, этого даже не заметил. Мы ускорились под крики мужчины, который вопил, что у его собаки припадок. Возможно, она была уже мертва. Вот так, быстро. Возможно, все было не так плохо, как он думал, хотя что-то определенно пошло не так.

Убегать от неприятностей казалось недостойным, и я подумал, что это возможность реализовать свою идею стать более честным и ответственным.

— Давай вернемся и посмотрим, что случилось.

Он схватил меня за руку, и тон берсерка в его голосе приобрел качество, которое я ненавидел, но которое моя кровь не могла

игнорировать:

— Беги! Ради Бога, беги!

Мы двинулись по дороге, радуясь, что вокруг так много людей. Они всегда появлялись на улице, когда дождь прекращался.

— Где ты взял этот зонтик, говоришь? — задыхаясь, спросил он.

— Я говорил тебе. Я нашел его.

— Должно быть, он отравлен.

Мы промчались через Кембридж-Серкус, а затем повернули обратно в сторону Лонг-Акра.

— Я не знал. Но не выбрасывай его. Он может пригодиться. И держи его подальше от меня. У меня уже болят лодыжки, мы бежим так быстро.

Стены в «Собачьей шерсти», как в тетушкиной гостиная, были зачесаны ворсом вверх, а не вниз. Флокированные обои были темно-малинового цвета и пахли ямайским ромом. Из-под псевдоаксминстерского ковра виднелся уголок пачки презервативов. Я оглядел стены, посмотрел на пластиковые позолоченные светильники в поисках следов самого презерватива. Там была фотография ребенка в рамке с большими слезами на глазах, из тех, за которыми должен быть микрофон.

— Почему мы пришли сюда? Разве это не один из клубов Моггерхэнгера?

Он выглядел так, как будто вопрос был ненужным.

— Что-то мне в тебе не нравится, — сказал он, — а кое-что в тебе я просто ненавижу, если ты простишь мою резкость. Это то, что ты такой простой, что можно назвать более грубыми словами. Это даже не значит, что ты пытаешься что-то скрыть. В сокрытии есть достоинство, когда это необходимо, и даже когда это не так, при условии, что вы знаете, что делаете. Но показывать себя простым, когда ты действительно прост, непростительно. Первым признаком того, что вы оставите это позади, будет осознание того, что вы просты, и, стыдясь этого, научитесь держать свою коробку с супом закрытой.

Он наклонился вперед и взял меня за руку.

— Сделай мне одолжение и начни, будь хорошим парнем. Тогда мы могли бы не только куда-то попасть, но и достичь того, куда направляемся, целыми и невредимыми. Ты меня понимаешь?

Теперь я без сомнения знал, что история, которую он сочинил, была такой же ложной и фантастической, как и он сам. За его коварством скрывалось просто огромное пустое море, в котором я вполне мог утонуть без следа. Он работал на кого-то, либо на Моггерхэнгера, либо на банду «Зеленых Ног», либо на обоих, и его попросили завербовать меня

для какого-то проекта, который требовал навыков, опыта (или, возможно, только простоты), которыми я должен был обладать. Мне это совсем не нравилось, хотя бы потому, что плата за такую работу была бы недостаточной. Тем не менее, я прошел испытание на верность и, стремясь доказать, что я далеко не так прост, как выглядел, использовал любопытство, а не лояльность, чтобы остаться и выяснить, в чем дело.

— Ты просто смешной старый болтун. Просто скажи мне, почему ты на самом деле вытащил меня с моей железнодорожной станции?

Если он мне не нравился, то только потому, что он не был со мной откровенен, а не из-за какой-либо моральной вины или элементарной недружелюбности ни с его, ни с моей стороны. С другой стороны, он мне нравился. Он мне очень нравился. По сравнению с тем, что было несколько лет назад, на его тонких челюстях была плоть, но все равно было видно, где были морщины. Отпечаток тяжелых времен, испещривший его лицо в течение первых двадцати пяти лет, был достаточно размыт, чтобы придать ему вид беспечной безжалостности, и именно это мне не нравилось.

— Майкл, ты болван.

Судя по его улыбке, если бы комната находилась над землей и имела одно или два окна, солнце светило бы ему в лицо.

— Ненадежность никогда никого и никуда не приводила.

— Давай назовем это осторожностью, — сказал я.

Никогда никому не доверяй — вот во что я верил всю свою жизнь, хотя по причинам, которые я никогда не мог понять, это не помешало мне доверять большему количеству людей, чем было полезно для меня.

— Это другое. Если бы я думал, что ты неосторожен, я бы не разговаривал с тобой, не так ли? Теперь ты осторожен. Но я также осторожен. Я думаю на двух уровнях. Все время, пока я разговаривал с тобой, я думал. Знаешь ли ты кого-нибудь еще, кто может думать и говорить одновременно? Я имею в виду разные вещи?

— Таким был мой старый школьный приятель по имени Элфи Ботсфорд, и он сошел с ума как раз из-за этого.

Билл посмотрел на меня так, будто хотел меня убить. Если бы мы ехали по пустынной дороге в пятидесяти милях отсюда, и у него был бы пистолет, а у меня нет, он мог бы запросто сделать это. Я, смеясь, сказал ему это.

— Чертовски верно, — он дружелюбно похлопал меня по руке. — А если серьезно, Майкл, давай составим план кампании.

После пятиминутного молчания он с сожалением спросил:

— Где мне спрятаться? Это все, что я хочу знать.

Мои лучшие мысли всегда приходили без размышлений, , как вспышки молний на вечеринке в саду. Я сказал ему:

— Мы возьмем такси до квартиры моего отца в Найтсбридже. Я не могу придумать лучшего места, где бы ты мог укрыться на некоторое время.

— Не так громко. Даже у стен есть уши.

— Не у этой. Она кишит какими-то жуками.

Он отдернул руку, когда один укусил его за палец.

— Черт возьми, так оно и есть.

— Мы спрячем тебя в квартире Блэскина, сразу за «Хэрродс». Очень хорошо для покупок. Их булочки «Челси» не имеют себе равных. Не говоря уже о сосисках. Ты даже можешь купить халат, если захочешь пойти на прогулку.

Он был нетерпелив.

— Твой старик не будет возражать?

— Но если он это сделает, будь готов. Напомни ему, что он выдающийся писатель.

— Я знаю. Я встречался с ним, хотя не думаю, что он вспомнит об этом событии. Впервые он пришел навестить тебя на железнодорожной станции в Верхнем Мэйхеме. Он чуть не сошел с ума от удовольствия, когда взбирался по железной лестнице на пешеходный мост. Он думал, что к нему на лондонском экспрессе приедет его издатель, а затем расплакался, когда ты сказал ему, что линия закрыта два года назад. Это твоя вина, что он так расстроился. То, что ты сделал было слишком бессердечно.

— Он не расстроился. Он писатель, не забывай. Он мог умереть от огорчения, но ни в коем случае не расстраивался. Если бы он расстроился, он не смог бы описать ситуацию в новом романе. Он слишком хитер, чтобы так проколоться и не написать об этом.

Билл выглядел обеспокоенным.

— Надеюсь, он не напишет обо мне, если поймает меня прячущимся в его квартире.

Я раздавил жука на столе. Билл уронил одного в виски, и он тут же умер.

— Он может написать об этой ситуации через десять лет. Но он не узнает, что ты здесь. Сейчас у него квартира на верхнем этаже, и есть чердак, куда он никогда не ходит. Если у тебя есть кровать и дюжина бутылок пива, ты сможешь прятаться там столько, сколько захочешь.

Он схватил меня за локоть, словно собираясь сломать его.

— Майкл, я знаю, что некоторым бедным евреям приходилось вот так

прятаться во время войны от немцев, но я бы не смог этого вынести, — он указал на свой висок. — Я видел тот дом в Амстердаме, где жила Анна Франк. Я не настолько силен. Через полчаса я бы сошел с ума.

— Хорошо, — сказал я. — Умереть. Полагаю, мне будет жаль, если ты это сделаешь, но я сделаю все возможное, чтобы ты не был на моей совести, когда я прочитаю об этом — Я встал, чтобы уйти. — Я знаю, что лофт Блэскина — не дворец, но, по крайней мере в нем можно почти встать в полный рост. Поживи несколько дней. Что тебе терять?'

Мне эта ситуация наскучила, и я хотел вернуться в Верхний Мэйхем, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь признаков Бриджит и детей. Я скучал по своей пелене страданий, потому что в своей суеверной манере думал, что погружение в агонию из-за отсутствия Бриджит может вернуть ее быстрее, чем если бы я остался и хорошо провел время в Сохо.

Он раздавил еще одного жука, а затем усадил меня обратно в кресло.

— Все в порядке. Я сделаю это. И я ценю это. Но у меня есть к тебе просьба, и я надеюсь, ты ответишь «да».

— Ответом будет «нет».

— Ты еще этого не слышал.

— Тебя преследуют десятки самых безжалостных бандитов Лондона, а ты выдвигаешь условия.

— Нет, — сказал он, — я хочу найти тебе работу. Вчера я слышал, как пара парней говорили, что Моггерхэнгеру нужен еще один шофер. Почему бы тебе не претендовать на эту должность? Он хорошо относится к своим сотрудникам. Ты работал на него раньше, не так ли? Нет, не воспринимай это так. Садись, старина.

— Это было десять лет назад, и я оказался в тюрьме.

— Разве все мы не так? Ты спутался с Джеком Линингрейдом. И ты трахнул дочь Моггерхэнгера. Я не знаю, что было хуже в его глазах. Но Полли теперь замужем, а Джек Линингрейд переехал в Лихтенштейн.

У меня кружилась голова, но мне хотелось снова работать у Моггерхэнгера, потому что мне предстояло сесть за руль «Роллс-Ройса». Во-вторых, я бы заработал немного денег, а в-третьих, я мог бы еще раз попробовать Полли, замужем она или нет.

— А для чего это тебе?

— Причина в том, — сказал он, — что если ты работаешь на Моггерхэнгера, который, как и банда «Зеленых Ног», охотится за моими внутренностями, ты можешь получить немного информации о том, идет ли он по моему следу или нет. У меня будет друг во вражеском лагере, и я буду чувствовать себя гораздо лучше со своей собственной системой разведки и безопасности.

Я некоторое время молчал. И он тоже. Я не возражал против того, чтобы оказаться на переломном этапе долгой жизни, потому что иногда я представлял это по двадцать раз в день, но что заставило меня поежиться, так это то, что Билл тоже подумал об этом. Я был в ужасе от того, что не могу сказать, произошло ли что-то со мной или нет, поэтому изложил ему свое мнение по этому поводу так мягко, как только мог.

— Лучше упасть замертво или быть разрезанным на куски. Считаю, что я в этой аванюре не участвую.

— Я не могу этого понять, — сказал он через минуту или две. — Я говорю тебе, что, если буду жив через шесть недель, то обещаю священной памятью моей умершей матери поделиться с тобой и разделить поровну те сто тысяч фунтов, которые я спрятал. Если это не стоит твоего времени, то вообще ничего не стоит. Я знаю, что верность и дружба — драгоценные товары, Майкл, но даже у них должна быть цена. Я просто реалист и щедр.

Я был таким же жадным, как и любой другой мужчина, и думал обо всем, что мог бы сделать с пятьюдесятью тысячами фунтов. Я бы превратил железнодорожный вокзал в дворец с ковровым покрытием. Я бы отремонтировал платформы, отремонтировал пешеходный мост, разбил бы декоративные сады на своем участке дороги, а также поставил бы Бриджит новую печь и купил ей пылесос. Я бы также подарил Смогу шахматы с мигалкой, а если бы он не смог поступить в Оксфорд или Кембридж, я бы купил ему диплом американского университета, чтобы, если бы он захотел получить работу, он мог бы стать тайным членом коммунистическую партии и устроиться в Министерство иностранных дел. Потом, в старости, когда он станет полковником Красной Армии, мы могли проводить каникулы в его красивой уютной квартире в Самарканде, а летом даже в Москве. О, лучшие планы мышей и людей!

Он ухмыльнулся.

— Ну что, уговорил?

— Ах ты престарелый, отсталый Шервудский лесник, — сказал я, — наверное, да.

— Оставь мой старый полк в покое. Иногда мне очень нравится твоя болтливость, но только не тогда, когда ты оскорбляешь Шервудских лесников. Лучший полк британской армии. У нас было уничтожено четыре батальона на Сомме, и Бог знает, сколько их было в последней партии.

Я извинился. Что еще я мог сделать?

— Но у меня вряд ли есть шансы получить работу у Моггерхэнгера.

— Кто знает? У него вообще-то есть слабость к исправившимся

повесам. В этой жизни ничего не гарантировано, но ты можешь и получить ее. Ты ничего не добьешься в этой жизни, если не попробуешь.

Меня он раздражал.

— Я просто смогу терпеть тебя столько, сколько потребуется, чтобы поселить тебя в квартире моего старика. Давай выбираться отсюда.

— Не забудь свой зонтик, — сказал он, когда мы были на полпути вверх по лестнице, и дневной свет ударил мне в глаза, как шарики из катапульти. — Может начаться дождь.

Глава 4

Первой новой вещью, которую я увидел, шныряя по кабинету Гилберта — как он это помещение называл (он никогда в жизни не изучал ничего, кроме женщин), — была большая цветная таблица на стене над его пишущей машинкой, показывающая возраст, в котором достойной смертью отметились кое-какие писатели. Например «Умер известный отечественный, иностранный и колониальный писатель». Рядом с его именем стоял вопросительный знак в скобках, и я не знал, то ли смеяться, то ли вытирать глаза его чистой белой промокательной бумагой. Блэскину, может, и под шестьдесят, но я не осознавал, что он боится умереть.

Лист в пишущей машинке, казалось, был первой страницей романа под названием «Похищенный вампир». Под строкой, говорящей о третьей главе, он написал:

«Привилегия учиться на собственном опыте дается только тем, кто его пережил. Многие выживают, но одновременно печально и удивительно обнаружить количество тех, кто этого не делает, особенно если попытаться представить этих людей как отдельных личностей. Каждая жизнь начинается довольно невинно, развивается бок о бок со своими мечтами и заканчивается переломами конечностей среди пинт крови».

Я зачеркнул «пинт» и написал «литров».

«Если бы мы могли извлечь пользу из опыта смерти, стали бы мы с большей готовностью умирать?»

Такая чушь продолжалась еще несколько строк, заканчиваясь абзацем о смертях бывших писателей. Возможно, он все-таки был наполовину человеком.

Билл лежал на диване в гостиной, курил одну из сигар Блэскина и прикладывался к стакану виски «Гленфиддик».

— Ты можешь принести мне что-нибудь поесть, Майкл?

На столь позднем этапе у меня не было причин выходить из себя, но, возможно, возрастная таблица на стене кабинета впечатлила даже меня.

— Если он придет и найдет тебя в таком состоянии, с белой горячкой и раком легких, он перережет тебе горло и выбросит из окна так же эффектно, как член банды «Зеленых Ног» или «Ангелы Моггерхэнгера». Итак, позволь мне показать тебе твоё шестинедельное убежище, а затем я смогу уйти. Он не будет рад найти здесь ещё и меня.

На одном из столов стоял старинный граммофон с огромным жестяным рупором. В шкафу позади была выставлена роскошная (запертая) витрина нэцкэ, произведений искусства и ремесел, которые я видел только в музеях. Стены украшали несколько прекрасных старых картин маслом с изображением парусных кораблей и деревенских сцен, а также портрет пятилетнего Блэскина, которого было трудно узнать, если не считать безошибочных признаков порока и своенравия на этом милом лице. Я задавался вопросом, насколько безопасными будут эти сокровища, если такой прирожденный мародер, как Билл, будет жить наверху.

Он проглотил виски и встал. Спортивный прыжок показал, насколько он в хорошей форме. Но в его глазах и голосе была паника.

— Что я буду делать, пока буду там?

— Я поеду на Край Света и найду тебе арфу.

— Мне нужны провизия, иначе я умру с голоду. Можно продержаться только до определенного момента, ловя голубей. И я скажу тебе одну вещь, Майкл: они не очень приятные на вкус со всем этим бензином и песком внутри. Я попробовал это однажды.

Я взял из кладовой бутылку вина, буханку хлеба, немецкую колбасу и банку оливок. Он положил их в карманы.

— Какой ты друг! — Он почти плакал. — Я никогда тебя не забуду. Настоящий друг.

Возможно, он все-таки не выдумал историю о своей поездке в Швейцарию. Он был слишком сентиментален, чтобы будить сейчас в себе воображение. Правильная ложь была ему не по силам. Если бы это было не так, он был бы слишком опасен для себя. На самом деле он представлял собой лишь угрозу для других, в частности для меня. Мне пришлось помочь ему по двум веским причинам: дружба и деньги, сочетание, которое невозможно отрицать, поэтому я повел его в кладовку в конце коридора. Голая лампочка освещала водяные и канализационные трубы и старые рамы с фотографиями, прислоненные к куче багажных чемоданов. Лестница со сломанной первой перекладиной вела к люку — квадрату в центре карты, составленной из пятен от воды. Он отступил. —

Я не пойду туда.

— Думаю, что пойдешь. Представь себе, что ты сидишь в тюрьме, и ребята выбрали тебя добровольцем для проведения акции протеста на крыше. Только не начинай швырять эти рамы в людей, идущих в Харродс. Им это может не понравиться.

Он расслабился.

— Мне никогда не догадаться, почему я позволил тебе обвести меня вокруг пальца. Но прежде чем я поднимусь, найди мне пару свечей или масляную лампу, ладно? Я не собираюсь подвести черту жизни в темноте.

Когда я открывал кухонные ящики, он крикнул:

— И одеяло, раз уж ты этим занимаешься. И еще немного вкуснейших Гаван. Да, и еще бутылку виски и несколько кусочков лучшего масла. И два фунта сахара, и хлеб.

Излишне говорить, что я не подарил ему ничего, кроме свечей и одеяла. Мы поднялись на крышу.

— Ты случайно не видел там раскладушку? — спросил он.

Бак был частью системы горячего водоснабжения, так что, по крайней мере, он не замерзнет насмерть. Крыша выгибалась над всей квартирой, огромные балки изгибались к вершине, образуя что-то вроде собора для гномов.

— Можешь нарисовать «Тайную вечерю» на торцевых стенах.

— Я бы сделал это, если бы мог это съесть, — угрюмо ответил он, сжимая мои руки. — Ты придешь ко мне, да? И дай мне знать, как уйдут дела с лордом Моггерхэнгером. Я как друг интересуюсь твоей карьерой, Майкл, ты это знаешь. Хочу немного походить на твоего старшего брата.

Над половицами виднелась только моя голова.

— Прекрати, иначе ты заставишь меня ругаться. Я буду приходить к тебе так часто, как смогу.

«Или так часто, как осмелюсь», — подумал я, осторожно спускаясь по лестнице и надеясь, что он не будет издавать никаких звуков, которые могли бы привести к его обнаружению.

Я потягивал виски и курил сигарету в гостиной, чтобы все обдумать, размышляя, не стоит ли мне позвонить в полицию, или Моггерхэнгеру, или банде «Зеленых Ног», или всем им вместе, и рассказать, где скрывается Билл Строу, и затем быстро возвратиться в Верхний Мэйхем, пока не разразился циклон. Полиция была так же заинтересована в том, чтобы заковать Билла в кандалы, как и преступный мир, хотя я полагал, что он был прав, опасаясь последнего, поскольку по закону смертная

казнь была отменена много лет назад. Если бы я разослал общий призыв всем заинтересованным сторонам, даже Блэскин мог бы оказаться под перекрестным огнем за то, что укрывал бегущего человека, хотя было бы бесполезно пытаться причинить ему вред, потому что он использовал бы неудобства только как материал для своего творчества, и в конечном итоге стал бы богаче, чем раньше.

Я только обдумывал варианты предательства, не собираясь действовать ни по одному из них. Потом я задумался, стоит ли мне подавать заявление на работу шофером в «Моггерхэнгер». Работа отвлекла бы мои мысли от Бриджит, что, в конце концов, было лучше, чем сидеть и страдать дома. К тому же Лондон всегда настраивал меня на свободное и легкое настроение. С наивностью новорожденного ребенка я думал, что на данном этапе жизни мне нечего терять, что бы я ни делал.

Защелкнулся дверной засов, и вошел отец, напевая про себя песенку:

«Я знал человека, который не умел писать

Полночи он сидел и размышлял

Не потому, что он не умел писать

А потому, что его ботинок был тесным, тесным, тесным!»

Он спотыкался в коридоре, снимая серое кожаное пальто.

— Это ты, Майкл? Я чувствую запах своих сигар. Или это отвратительное дыхание прошлых лет?

Как сын может описать своего отца? К счастью, я не знал о нем, пока мне не исполнилось двадцать пять, так что это облегчает задачу. Что касается его описания меня, я прочитал его в одном из его последних романов, и оно было не очень хорошим. Конечно, это было слегка замаскировано, как и должно быть в каждом художественном описании, но он назвал меня ленивым, лживым, корыстным и — словами, которых я до сих пор не слышал — услужливым сибаритом. Откуда ему пришла такая идея, я не мог себе представить. Описание было настолько искаженным, что удивительно, что я узнал себя, и тот факт, что я это сделал, какое-то время меня беспокоил. А если это был не я, то я либо пытался увидеть себя тем, кем я не был, либо был тем, кем мне было невыносимо видеть себя. Но такое описание, каким бы пустым оно ни было, несомненно, как ничто другое убедило меня в том, что я его сын.

Что касается его, то он был высоким и лысым, настолько лысым, что со шрамом на голове, куда чей-то сумасшедший муж ударил его тупым концом тесака, он походил не что иное, как на ходячий пенис. Я ни на секунду не подумал, что это была единственная причина, по которой многие женщины находили его привлекательным, потому что он, по-видимому, также обладал определенной долей того, что считалось

обаянием. У него были мертвенно-серые рыбы глаза, резиновые губы и бесформенный нос, но он был высоким, энергичным, талантливым (как я предполагал) и невероятно похотливым. Как однажды сказала мне моя мать, которая хорошо его знала (хотя она вряд ли когда-либо знала его хорошо дольше нескольких минут): «Даже мужчине приходится стоять спиной к стене, когда этот ублюдок приходит».

— Ну, Майкл, это же Майкл, не так ли? — что привело тебя сюда так рано утром?

Я встал, не желая вести себя каким-либо необычным образом, потому что услышал, что Билл Строу безутешно рыдает в своей тюрьме наверху.

— Сейчас день. Я просто подумал, что зайду к тебе. Странно ли, что мне хочется время от времени навещать отца?

Он вернулся из кухни с двумя сырыми яйцами на дне высокого стакана, налил виски до половины, взбил его вилкой до состояния кашицы и опустил вниз.

— Завтрак. Это совсем не странно. Это определенно извращенно. Как Бриджит?

— Она ушла от меня. Она уехала в Голландию с детьми. Я опустошен. Я теряюсь без детей. Я не знаю, куда мне деться.

Я обхватил голову руками, изображая избитого обездоленного мужа в надежде дать ему материал для одного из его романов.

— Хорошо, — сказал он. — Мне никогда не нравилось, что эта сука подарила мне тех, кого она с гордой ухмылкой называла моими внуками. Если есть что-то, чего я терпеть не могу, так это мысли о внуках. Даже если я умру в сто два года, я буду слишком молод, чтобы стать дедушкой, а мне всего пятьдесят восемь. Или сорок шесть?

Он налил еще виски.

— Независимо от того. По крайней мере, после прошлой ночи.

Он даже не относился ко мне хорошо, так что у меня не было веской причины ненавидеть его, но я знал один способ заставить его подпрыгнуть.

— Как работа?

Он рыгнул.

— Не используй это слово. Я никогда в жизни не работал. Джентльмен никогда не работает. Я пишу, а не работаю.

Его глаза обрели достаточно жизни, чтобы непосвященный человек мог представить себе не только то, что он жив, но и что он нормальный человек.

— Самое худшее, что я когда-либо сделал, это женился на твоей матери, чтобы у меня больше не было права, в техническом смысле,

называть тебя ублюдком. Но ты все равно ублюдок. Мне никогда не нравились твои оскорбительные инсинуации о том, что я способен на смертный грех работы. Все, что я делаю, это пишу и трахаюсь. И никогда этого не забывай.

— Вряд ли это возможно, — сказал я, — поскольку ты меня породил.

— Так сказала твоя мать. И ты достаточно паршивый, так что это вполне мог быть я.

Я налил себе еще немного.

— На мой взгляд, величайшая катастрофа современности произошла, когда ты впервые слепо опьянел от силы слов.

Он откинул назад свою огромную головку члена и рассмеялся.

— Ты прав, Майкл. Меня рвало на диван в салоне вдовы. Я больше не могу посещать приличные дома, но кто хочет посетить приличный дом?

По крайней мере, у нас было что-то общее.

— Все, что я хотел знать, в своей неуклюжей манере, — это как продвигается работа над сочинением?

— Почему же ты так не сказал? Если я вообще испытываю к тебе какую-то любовь, то только потому, что ты неистребимо принадлежишь к рабочему классу — адскому пролу, и ему нет равных. Точно так же, как те милые ребята, которые были у меня под началом во время войны. Я бы признавал вас гораздо меньше, если бы вы, как и я, приехали из долины Темзы и учились в Итоне. Раз уж ты спрашиваешь, работа продвигается очень хорошо. У меня так много дел, что я не знаю, куда отправиться. Подожди минутку.

Он вошел в свой кабинет, и я услышал щелчок единственной клавиши на пишущей машинке. Он вернулся, улыбаясь.

— Я написал запятую. Теперь я снова могу выйти, но не пока ты здесь. Ты искуришь остальные мои сигары. Зачем ты на самом деле пришел? Я, может, и писатель, но я не полный идиот.

— Я направлялся в Хэрродс, чтобы купить жилет и зашел сюда импульсивно.

— Жилет? Какого цвета?

— Кожаный.

— Хм! Неплохо.

— С роговыми пуговицами.

— Лучше. — Затем он снова стал грубым. — И ты думал, что придешь сюда, чтобы отвлечь меня от дела всей моей жизни? Ты хотел помешать мне писать роман, чтобы положить конец моему творчеству, не так ли?

— Полагаю, это было сделано, — сказал я, — пятьдесят лет назад.

— Ты так думаешь, — он швырнул пустой стакан на диван. — Я лучше в любой момент напишу роман, чем научный трактат о тупой дерзости на первой Олимпиаде. Он засмеялся. — Но дело в том, Майкл, мальчик мой, что мне поручено сделать кое-что, что прямо по моей улице. Работа, в рамках которой в ходе исследования я побываю во всех порномагазинах, стриптиз-клубах, лесбийских тусовках, борделях, кошачьих домах и подпольных кинотеатрах Сохо. Я с трудом могу в это поверить. Я только что получил аванс в десять тысяч фунтов, чтобы немедленно приступить к делу.

— Вам, чертовым писателям, всегда везет.

— Я бы не хотел, чтобы ты ругался, — сказал он. — Нет ничего очаровательнее парня из рабочего класса, который не ругается матом. Но как только он поклянется, вы поймете, что он пытается выдать себя за представителя среднего класса. Это звучит так неуклюже. Имей в виду, я ругался, когда был молодым человеком, но это была всего лишь беспечная хуйня-такая хуйня-такая ерунда. Я больше этого не делаю. Это ограничивает мой словарный запас.

— Не указывай мне, как себя вести. Но кто поручил тебе написать эту книгу?

Он усмехнулся. — Пэр королевства. Один из ваших самодельных мальчиков из провинции, которых периодически облагораживают, чтобы они не причиняли больше хлопот политическому организму, чем нужно. Он думает, что является божьим даром Англии, потому что все притоны у него на ладони, и можно быть уверенным, что он не позволит им выйти из-под контроля. Он хочет, чтобы я написал историю его жизни, отбелил ее, если она когда-либо существовала. Его жена, по-видимому, прочитала один из моих романов, и он ей не понравился, поэтому он решил, что я как раз тот писатель, который его написал. Но если он думает, что я получу много пользы, превратив его в маленького святого Клода Моггердонгера, он ошибается. Я бы предпочел написать о нем правдивую историю, за исключением того, что я сохраню реальный материал для одного из моих более поздних романов, хотя я полагаю, что мне лучше поехать в родную деревню Моггерхэнгеров в Бедфордшире, чтобы написать хорошую лирическую вступительную главу о его предшественниках и их подвешенном состоянии. Наверняка найдется парочка виселиц, от которых я смогу прийти в восторг, как Томас Харди. Что, Майкл, — крикнул он, когда я побежал в ванную, — я сказал что-то не так? Если я причиню тебе боль, ты сделал мой день.

Холодный фарфор унитаза ударил мне в лоб. Я попытался сблевать, но ни капли желчи не вылилось. Молоток метронома ходил туда-сюда,

десятилетие в одну сторону, десятилетие в другую. Не страх сводил меня с ума, а то старое знакомое ощущение беспомощности, когда я нахожусь в руках судьбы. Я попробовал посмотреть на светлую сторону, но светилась только лампочка в сорок ватт. Я не мог себе представить, какой случай свел Блэскина и Моггерхэнгера вместе, особенно когда, о чем первый не знал, на чердаке наверху трясся от страха один из самых разыскиваемых людей второго. Я умылся холодной водой и, отважившись встретить все, что может случиться, вернулся в гостиную.

— Я сказал что-то не так? — спросил Блэскин со злобной веселостью. — Ты выглядишь таким же бледным, как Крошка Доррит, и дрожишь, как тот человек, герой рассказа Генри Джеймса, пытающийся заполучить письма Асперна. У тебя назначена встреча со страхом?

— У меня проблемы, — признался я.

После двухминутного молчания он сказал: — Майкл, у всех нас есть проблемы, но писатель, как солдат, идет по жизни с нерешенными проблемами. Я был и тем и другим.

Мне надоели его копеечные пакетики мудрости. — Ты отвратительный старый ублюдок, — плюнул я в ответ. — Мне не нужно, чтобы ты говорил мне, что каждый проживает жизнь с нерешенными проблемами.

Он смотрел на меня, возможно, думая, что в этом мальчишке из трущоб все-таки что-то есть. Ему это не понравилось. Ждать от писателя капельки человеческой доброты уж точно не имело смысла. Он потер голову, как будто желая, чтобы это произошло, затем потер глаза, как будто не мог вынести зрелища того, что произошло.

— Прошлой ночью у меня была плохая ночь. Я провел ее с Марджери Долдрам и ничего не добился. Так что оставь меня в покое. У меня есть работа. Сердце тьмы внутри. Раньше оно находилось на улице, в джунглях или пустыне, где мы могли с этим справиться, но теперь оно вернулось на родину. Оно забралось на ночлег, причем большинство из нас не подозревали о его движении, но на самом деле оно никогда не уходило — по крайней мере, не полностью.

Я надеялся его подбодрить.

— Тебе следует это записать. Это не плохо.

— Ты так думаешь?

— Я бы так и сделал, но я не писатель, как ты.

Он нашел карандаш и что-то написал на обратной стороне конверта. На низком столике шведского типа лежала стопка нераспечатанной почты.

— Я собираюсь выступить с докладом о современном английском

романе, так что эти слова мне пригодятся. Иногда даже такой сын, как ты, может быть полезен.

— Как продвигается роман?

Как его сын я подумал, что должен хотя бы проявить интерес к его творчеству. Но я только вверг его в отчаяние.

— Это не роман, это похоронный гимн Саула из «Мертвого марша» Генделя, по полстраницы в день, иногда до запятой в день, вверх по узкой долине без видимого голубого горизонта, который мог бы меня подбодрить. Я один из бедных чертовых пехотинцев, затерянных в лунном ландшафте к югу от Кана, но сражающихся, зная, в основном тщетно надеясь, что скоро доберусь туда и по крайней мере у меня еще остались ноги. Но радость от усилий и одиночества время от времени появляется, Майкл, достаточная, чтобы продолжать работу над первой редакцией злополучного проекта. К счастью, написание биографии Моггерхэнгера (или создание призрака его автобиографии, я пока не уверен, что именно) принесет несколько тысяч, так что у меня, по крайней мере, будет достаточно наличных, чтобы держать твою экстравагантную мать на расстоянии. Кстати, мне бы хотелось, чтобы ты перестал бледнеть, когда я упоминаю Моггерхэнгера. Меня это нервирует. Не то чтобы я не люблю твою маму, но я даже запятые писать не могу, когда она рядом. Так что я буду время от времени приносить пятьдесят страниц хлама Моггерхангера, чтобы набить себе карманы. Если есть что-то, о чем он ничего не знает, хотя он думает, что знает все, что нужно знать обо всем остальном, так это писательство.

— Не думаю, что он представляет, во что ввязался. — Я мрачно посмотрел на нэчке, чтобы подбодрить себя. — Должно быть, хорошо быть писателем и уметь делать людей такими несчастными.

— Замечательно, — сказал он, — но ты думаешь, это легко? Если кто-нибудь приходит ко мне и говорит, что хочет стать писателем, я говорю ему, чтобы он исчез, прежде чем я отрублю ему руки, ослеплю и разорву барабанные перепонки. В любом случае, писателю будет невозможно процветать в будущем. Рукопись каждой книги перед публикацией должна быть отправлена в Управление арабской цензуры. То же самое произойдет со всеми радио- и особенно телевизионными сценариями. Министерство иностранных дел не хочет, чтобы мы обидели кого-либо, чьи руки находятся на нефтяных кранах. Каждая книга и газетная статья должны быть одобрены ЮНЕСКО после получения разрешения от стран третьего мира, чтобы убедиться, что вы не раздражаете их в состоянии постоянной зависти к более обеспеченным странам. Нет, это будет не так просто.

С другой стороны потолка послышалось безошибочное царапанье. Его большая голова посмотрела вверх.

— Что это, черт возьми? Они уже там?

Я начал потеть. — Я думаю, это голуби.

— Должно быть, они снова залетели. Они размножаются. И всегда очень шумно.

Я потянулся за пальто и портфелем.

— Надо идти. Уже поздно, и у меня есть дела.

Он подошел, чтобы пересчитать нэцкэ, на которые, как он видел, я смотрел.

— Шурруп! — крикнул я, вложив в свой голос всю ноттингемскую свирепость и надеясь, что мои глаза вылезут из орбит, а щеки задрожали.

— Что ты сказал?

Я рассмеялся ему в лицо. — Шурруп! — снова заорал я. — Шшшшш! Кажется, я схожу с ума.

— Ты не против уйти и вернуться, когда ситуация станет более сложной и настолько очевидной, что я не смогу ее игнорировать? Может быть, ты позволишь мне тогда понаблюдать за тобой и написать об этом. А пока у меня есть работа.

Он последовал за мной до двери, чтобы убедиться, что я не засунул какую-нибудь картину под пальто, и едва не вытолкнул меня в коридор, чьи глухие стены и путь к отступлению я никогда в жизни не был так рад видеть.

Глава 5

На стене за стеклянным столом Моггерхэнгера было написано: «Пока вы об этом думаете, вы можете это делать».

Я изучал этот креативный девиз из «Маленькой синей книжки председателя Мога», зная, что если дикие лошади разорвут его на части, из него вылезут тысячи других. Даже большой палец его ноги, должно быть, был забит девизами. Десять лет назад я понял, что если ты пытаешься жить по таким правилам, ты попадаешь под его чары, поэтому я знал, что мне нужно следить за собой, особенно когда, повернувшись к двери, через которую я вошел, я увидел в месте, где только особо встревоженные или особенно двусмысленные люди будут выглядеть так, как гласит вышитая в рамке надпись «Если ты не попробовал все, значит, ты ничего не пробовал».

Я задавался вопросом, нет ли сзади микрофона, но предположил, что телевизионная камера находится в причудливой лампочке над его столом.

Обстановка изменилась с тех пор, как я был там в последний раз. Фотография королевы в рамке стояла на полке книжного шкафа, забитого пособиями по естествознанию и наблюдению за птицами. За столом висела цветная карта Англии с дюжиной булавок, воткнутых в разные места, которые, как я предполагал, были местами, где у Моггерхэнгера были деловые объекты, места для отдыха или убежища. Единственный стул за столом наводил на мысль, что все, кроме Моггерхэнгера, в этой комнате стояли. До того, как он стал лордом, здесь было несколько стульев, но теперь нет. Он был даже большим англичанином, чем Блэскин.

На столе стояла дюралюминиевая модель его частного двухмоторного самолета в полете, который он хранил на аэродроме Скротэм к северу от Лондона. Рядом со столом стояла шестифутовая бутылка бренди с черной ручкой, закрепленная в латунной раме на колесиках. Бог знает, сколько галлонов в ней было. Пробка была размером с канализационную крышку, но жидкость сияла, как нечто небесное. Мне очень хотелось выпить, и я не знал, как с этим справиться. Одно неверное движение, и я бы пропал без вести, предположительно утонув. Я представил себе, как Кенни Дьюкс проталкивает через дверь «Нечего декларировать» в лондонском аэропорту эту штуковину, замаскированную под старушку, возвращающуюся из восстановительного пребывания на Ривьере.

Книжный шкаф распахнулся, а затем закрылся с нежностью пуховки, возвращающейся в коробку.

— Кажется, ты очарован моими афоризмами.

— Я восхищался рукоделием, лорд Моггерхэнгер.

— Моя дочь Полли сделала это. Она училась в лучшей швейцарской школе.

Конечно, так оно и было. Десять лет назад я трахал ее довольно много раз.

На нем был самый качественный темно-синий костюм и жилет в тонкую полоску, на животе висела тонкая серебряная цепочка для часов. Он похудел, хотя и ненамного. «Ничто никогда не теряется», — сказал он мне однажды. Только пропадает. Он принял решение о своем похудании во время своего появления в Новогоднем списке почестей, будучи не в состоянии смириться с идеей толстого лорда. Я думал, что тщеславие погубит его.

— Что привело тебя сюда, Майкл?

— Я слышал, вам нужен шофер, лорд Моггерхэнгер.

Когда он посмотрел на меня, я заметил тусклость контактных линз.

— Кто из?

— Кенни Дьюкс. Я встретил его в «Собачьей шерсти».

— Кенни в Италии и должен вернуться только сегодня вечером. Он ездит раз в месяц за покупками всей семьей в Милан. Так что не лги мне. Твой разум зацементирован. Ты хочешь, чтобы и твои ноги были такими? Почему ты не позвонил, если мог позвонить первым?

— У меня не было вашего номера.

— Он есть в телефонной книге. Ты не выглядишь таким проницательным, каким был десять лет назад, Майкл. Я удивляюсь тебе. Видите ли, я всегда считал, что тех, кого Боги хотят свести с ума, сначала делают экс-директорами. Все эти поп-звезды и писатели, которые вычеркивают свои имена из телефонной книги, как только считают, что они слишком известны, помешаны на самомнении. Если кто-то хочет со мной поговорить, ему достаточно найти меня в книге и взять трубку. Я, может, и лорд — и не забывай об этом, — но в душе я все равно демократ.

Он был единственным человеком, которого я знал и которому нельзя было солгать, чтобы это сошло с рук. Нечего было сказать. Некоторое время он смотрел на меня взглядом, который казался более важным, чем Британская энциклопедия. В последний раз, когда я работал на него, я попал в тюрьму, потому что был одним из расходных материалов, и теперь, когда я впервые с тех пор столкнулся с ним, в моей голове мелькнула мысль, которая обещала опасность и удовольствие. Единственная эмоция, которая может так аккуратно объединить эти две вещи, — это месть, но как мог кто-то вроде меня осмелиться подумать о том, чтобы пара королевства посадили за решетку на долгий срок, даже если он был самым нечестным ублюдком в Великобритании? Я отпустил мысли о самоубийстве и саморазрушении.

— Это было немного небрежно с моей стороны. В следующий раз я буду знать лучше.

— Я уверен, что ты это сделаешь, если будет следующий раз. Ты уверен, что хочешь быть моим водителем? Как вы понимаете, у меня было еще несколько претендентов. Одним из них был брат Кенни Дьюкса Пол, и я не думаю, что когда-либо видел более ужасного злодея, чем этот. С другой стороны, он из тех водителей, которые с двенадцати лет тренируются на угнанных машинах. Сейчас ему двадцать пять, и он в расцвете сил.

— Я разбил свою первую машину, когда мне было пять лет, — сказал я, и это была правда, — а сейчас мне тридцать пять.

Он достал из-под стола коробку, достаточно большую, чтобы на нее

можно было поставить ноги, и достал сигару. Чтобы выкурить ее, ему понадобилась бы одна из тех раздвоенных подставок, которые были у аркебузирова.

— Итак, Майкл, мне нужно принять решение. Однако я прирожденный ценитель мужчин. Я всегда им был. Я должен им быть. Если бы не это, я бы не продержался и пяти минут. Я знаю, что десять лет назад у нас с тобой были небольшие проблемы.

Я ждал этого.

— Это я был виноват.

— Это мне известно, — отрезал он. — Но я полагаю, что это склоняет меня больше к тебе, чем к чему-либо другому. Можно сказать, что это позволило нам узнать многое друг о друге и это почти делает тебя частью семьи. Мне нравится учиться на прошлом, и я не люблю начинать с кого-то с нуля, если в этом нет необходимости или если он не является исключительным случаем, как ты в те дни, а брат Кенни Дьюкса - нет. На юге и востоке Лондона такие Дьюксы стоят десять центов за пенни. Они хорошо сложены, самоуверенны и умны, но если на секунду перестать оглядываться через плечо, они становятся слишком умными. И даже самые умные из них не умеют думать. О да, в экстренной ситуации они могут действовать хитро и быстро, но не умеют думать.

— Что вы ожидаете от меня?

— Наступает момент, когда надеешься, что подчиненный сможет подумать в пользу человека, который ему платит. Я считаю, что ты принадлежишь к другой категории. Более того, ты выглядишь весьма примечательно. Кажется, десять лет в пустыне сделали из тебя человека. В те дни я не особо возражал против того, чтобы моим шофером стал молодой работник. Теперь мне нравится более устойчивый парень, но тот, кто все еще знает трюки. Я начну с пятисот в месяц, и ты сможешь вернуть свое старое помещение над гаражом. У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы переехать.

Ответ на все был «Да». Его рукопожатие напоминало хватку землеройного комбайна, а мои руки не были ни маленькими, ни слабыми. Он спросил меня, когда я уже почти покинул кабинет.

— Как ты узнал об этой работе?

— Сегодня утром я столкнулся с Биллом Строу на Ливерпуль-стрит.

— Куда он собирался?

— Он мне не сказал.

— Сколько было времени?

— Около половины десятого.

Он потянулся к телефону. — Я бы хотел, чтобы ты пришел раньше.

— Я не знал, что это важно.

— Отвали. Он даже не поднял глаз. «Я хочу позвонить в Голландию», — говорил он в трубку, когда я закрывал дверь.

Если бы бедняга Билл сел на пароход из Харвича, как ошибочно предположил Моггерхэнгер из-за моей сообразительности, его бы встретили в Крюке, заставили рассказать, где деньги, и предали особенно ужасной смерти, прежде чем бросить в реку. К счастью, он был в безопасности в воздушном окопе Блэскина, и такая судьба никоим образом не беспокоила бы старого Шервудского лесника.

Не желая слишком рано возвращаться в Верхний Мэйхем, где я буду все время размышлять о бездушном дезертирстве Бриджит, я решил пойти в город и перекусить. В нескольких сотнях ярдов от станции метро маленькая темноволосая девушка, на вид лет десяти, но, судя по ее большим титкам и миндалевидным глазам, лет тридцати, пыталась нести по тротуару чемодан, полный по всей вероятности камней. Проходящие мимо люди не слишком спешили ей на помощь. Сначала она тянула чемодан до тех пор, пока ей не пришлось остановиться. Затем она толкнула его. «Такими темпами она доберется до метро к следующему утру», — подумал я. До платформы придется идти еще день, а недели через три она ввалится на какую-то станцию — не ту. К счастью, дождя не было.

Я прошел было мимо нее, но мое мягкое сердце заставило меня повернуться и взять чемодан. Она подумала, что я разбойник, гонящийся за ее вещами, и посмотрела на меня, подняв маленький кулачок, хотя и понимала, что ей не победить. Я ожидал, что вес оторвет мне руку, но для моих мышц, занимавшихся контрабандой золота, это не было настоящей нагрузкой, и я шел обычным быстрым маршем, а она наполовину бежала рядом со мной.

— Я помогу тебе донести его до станции метро. Я не пытаюсь его украсть. Он уже в пути.

Еще у нее были сумка и сумка через плечо, поэтому я замедлил шаг. Ее акцент был иностранным, как и ее очаровательная улыбка.

— Большое спасибо.

Она была ростом около четырех футов, но полна надежд. Я спросил ее имя, и она сказала, что ее зовут Мария.

— Ты собираешься в отпуск?

Я думал, она не поняла.

— Праздник? — сказал я. Мы добрались до билетной кассы. — Куда?

— Виктория.

Я купил два билета, думая оставить ее после того, как положу ее багаж в поезд. Она стиснула зубы после своей первой широкой улыбки и побежала рядом со мной, а я все еще недоумевал, почему Моггерхэнгер с такой готовностью дал мне эту работу. Он как будто ждал меня, хотя я не мог найти причины, чтобы доказать это.

— Мария, — сказал я, когда мы были на платформе, — ты собираешься в отпуск?

Бородатый алкаш лет двадцати с такой силой сбил ее, пробегая мимо, что она чуть не упала на рельсы. Я оттащил ее назад, ему повезло, что я был так занят, но затем я толкнул его локтем на скамейку.

— Никаких выходных, — сказала она. — Я хочу умереть.

Я засмеялся.

— Ты хочешь полететь?

— Нет, умереть.

Она старалась не рыдать. У нее был сильный акцент, но я мог ее понять.

— Работы больше нет.

Я собирался убежать и оставить ее, когда подошел поезд. Меньше всего мне хотелось, чтобы у меня на руках была беспризорница. Я втолкнул ее внутрь, и мы смотрели друг на друга поверх багажа. Красный шерстяной шарф, обвивавший ее шею и плечо, был лишь вдвое длиннее косичек черных волос, спускавшихся ей по спине. На ней была белая блузка под пальто, черная юбка, черные чулки в рубчик и черные ботинки на шнуровке. Лицо у нее было овальное и бледное, с чистым пробором посередине головы. Ее карие глаза были полны слез, и усилие, которое она предприняла, чтобы не дать им течь, почти вызвало слезы у меня самого — и помешало мне выбраться из Эктон-Тауна. Я наклонился вперед:

— Откуда ты?

— Португалия.

Я держал ее теплые руки и пытался подбодрить ее.

— Хорошее место, Португалия.

Мне не надо было это говорить, потому что она посмотрела на меня глазами, полными надежды. — Ты был там?

— Да. Хорошая страна. Лиссабон — замечательный город. Ты сейчас пойдешь туда?

Она не ответила, поэтому я отвернулся, гадая, куда мне пойти поесть, прежде чем сесть на поезд до Верхнего Мэйхема. Что-то мокрое упало мне на средний палец левой руки. Это была слеза. Не знаю, почему я поднял руку и облизал ее. Это было автоматически, бездумно, но рукой,

которая все еще держала ее руку, я почувствовал, как по ней прошла дрожь. Я посмотрел ей в глаза и подумал, что поступил неправильно, слизнув эту слезу, потому что, черт возьми, — и ее взгляд намекал на это — такой жест был в той части Португалии, откуда она родом, своего рода брачная церемония, которая была обязательна навсегда.

Мой следующий шанс спастись был в Хаммерсмите. На данный момент у меня было достаточно дел. Когда она заговорила, дрожь прошла по мне, а не по ней.

— Мне некуда идти. Я теряю работу в английском доме. Миссис Хорликстон выгнала меня. Мистер Хорликстон ударил меня. Дети меня били. Слишком много работы. В шесть часов встаю, убираюсь, готовлю завтрак, подаю чай, отвожу детей в школу на автобусе, потом еду за покупками, возвращаюсь, убираюсь, готовлю обед, обслуживаю, убираюсь, завариваю чай, забираю детей из школы на автобусе. Накормить детей, купать детей, приготовить ужин, подать на стол, убрать... Знаешь, какие деньги я получаю?

Я думал, скряги платили бы ей около тридцати фунтов в неделю.

— Пятнадцать. Я также присматриваю за детьми. Никаких выходных. Полгода работаю, живу в чулане, ни воздуха, ни неба...

Я не мог в это поверить. Она разбила мне сердце.

— И они тебя уволили? — спросил я в Южном Кенсингтоне.

— Я убежала. Они отдыхают на Бермудских островах. Они вернутся на следующей неделе, поэтому я ухожу.

Я задавался вопросом, есть ли у нее в чемодане фамильное серебро, но знал, что она не может быть нечестна.

— И теперь ты хочешь работу получше?

Еще одна горячая слеза обожгла мое запястье. Я представил себе белое кислотное пятно, когда оно высохло.

— Да. Нет, я не знаю. Я хочу вернуться домой, но моей семье нужны деньги. Они этим живут. У меня нет денег на поезд до... — Она назвала какое-то место в Португалии, о котором я никогда не слышал.

Итак, вот такая милая, маленькая, забитая, уважающая себя и умная девушка, как она, не имеющая ни работы, ни денег, ни места для ночлега, в огромном злом Лондоне, сидела в метро лицом к мягкосердечному злодею вроде меня, который также оказался сыном Гилберта Блэскина. Я думал, что смогу посадить ее на Кольцевую линию и попросить выйти, когда она остановится. Где она окажется, я не мог себе представить. Она выглядела опустошенной и онемевшей от страдания. Я хотел бы пойти в дом, из которого она пришла, и сжечь его, что было бы бесполезно, потому что владельца в нем не было, и он все равно получил бы

страховку.

— Где ты останешься сегодня вечером?

Она вытерла глаза белым отстиранным носовым платком.

— У меня есть деньги на комнату. Завтра, я не знаю.

— У тебя нет друзей?

— Миссис не выпускала меня.

— И что ты будешь делать?'

— Не знаю. Чтобы получить работу, нужно время.

Я отдернул руки и изящно сел, как и подобает человеку, собиравшемуся стать работодателем.

— У тебя уже есть один работодатель, если ты этого хочешь. Вот Пикадилли. Сейчас мы выйдем и пойдем что-нибудь поесть. Ты голодна?

— О, да.

— Хорошо. Пока мы будем есть, я расскажу тебе о твоей новой работе.

Мы нашли место, где подают стейк из флока, меловую стружку, салат из тряпичной куклы, желе из китового жира и кофе из желудей. Ей это нравилось, и я понял, что мне тоже.

— Я скажу тебе, что делать дальше.

Я закурил сигару.

— У меня есть загородный дом в Кембриджшире, а также жена и трое детей. Сейчас моя жена и дети в отъезде, посещают нашу собственность в Голландии и не вернутся еще несколько дней, и я должен найти женщину, которая поможет по дому. Я собирался разместить рекламу в «Ивнинг Стандарт», но сейчас не вижу в этом необходимости. Я предлагаю, Мария, пойти со мной сегодня вечером в дом и осмотреть его. Я оплачу твой проезд. Если тебе это не понравится, ты можешь остаться на ночь или еще на несколько ночей, если хочешь, а затем вернуться в Лондон. Моя жена должна быть там, так что ты будешь в полной безопасности.

— У тебя действительно есть работа?

— Я так и сказал.

Я подавился моим десертом, и еле протолкнул его в желудок.

— Пойдем, посмотрим дом. По крайней мере, ты не будешь тратить деньги на отель.

При искусственном освещении она выглядела еще бледнее. На улице были сумерки, и по улице спешили люди.

— Почему вы добры ко мне, мистер?

Этот вопрос мучил меня больше, чем ее. Я даже не был уверен, что хочу затащить ее в постель. Возможно, я не мог жить один. Она доела

десерт, и я встал.

— Пойдем.

На улице начался дождь, а я оставил свой отравленный зонтик у Блэскина. Я остановился, как будто уколовшись, и змеиный яд сочился по моей ноге. В моем воображении промелькнула лента новостей: «ПИСАТЕЛЬ ОБВИНЕН В УБИЙСТВЕ». Я мысленно стер это в надежде, что это не сбудется.

— В чем дело? — спросила она, когда я опустил чемодан и остановился. — Теперь для меня уже нет работы?

— Нет работы ни для кого, — сказал я ей, торопясь дальше, — если мы не доберемся до Ливерпуль-стрит и не сядем на поезд.

Глава 6

— Никогда, — помню, как говорил Блэскин, — не беспокойтесь о романе, который занимает более пяти страниц в день.

Блэскин говорил много всего. Блэскин — это порыв ветра с мочой. Что бы он ни говорил, он всегда имел в виду прямо противоположное. Именно его молчания нужно было остерегаться. Вы были в безопасности только тогда, когда у него в руке была ручка. Даже тогда нужно было быть готовым пригнуться на случай, если, как Джеймс Кэгни из «Джимэнов», он примет вас за муху на двери и нацелит ее на вас, как дротик.

День, когда я получил работу в Моггерхэнгере, был одним из самых долгих в моей жизни, по крайней мере, так тогда казалось, что подтверждается тем фактом, что, когда я вернулся в Верхний Мэйхем с Марией, мои неприятности только начинались. На нашей уютной маленькой железнодорожной станции светило больше огней, чем когда-либо при проездах основных экспрессов. Свет можно было видеть на многие мили над плоской местностью Болот. Сияние в небе было такое, как будто в Йоркшир-Дейлс открыли новую плотину гидроэлектростанции.

Когда я шел с Марией и ее чемоданом от автобусной остановки, моей первой мыслью было то, что это место заняла банда сквоттеров. Я часто думал, что буду делать, если это произойдет. Я бы позвонил Элфи Ботсфорду в Ноттингем и велел ему собрать отряд парней, чтобы одним грубым нападением мы собрали в кучу этих сквоттеров, включая женщин, кошек и детей, с их кастрюлями и сковородками, завернутыми в одеяла, и отправили их в путешествие колонной беженцев через Болота.

Но я не услышал торжествующих криков, когда открыл ворота и

бесшумно зашел на платформу. На станции было включено радио, и я дал знак Марии, чтобы она замедлила ход и ничего не говорила, что уже само по себе должно было указывать на то, что с ее перспективами на обещанную работу все не так. Адреналин у меня слишком сильно зашкаливал, чтобы беспокоиться о ней. Я заглянул в кассовый зал. На полу валялись три наполовину упакованных чемодана, а Бриджит сидела за столом и пыталась загипнотизировать себя чашкой чая. Я чувствовал себя мародером с кинжалом в зубах, готовым исчезнуть обратно в сельскую местность, как будто я пришел не в тот дом. Но он был таким же моим, как и ее, как и годы, которые мы провели вместе, чья жалкая напряженность возвращалась, чем дольше я смотрел.

Она отодвинула чашку и потянулась за листом бумаги и ручкой, очевидно намереваясь написать прощальное письмо, о котором думала с того дня, как мы поженились. Выражение отвращения на ее лице вызвало боль в моем сердце. Я никогда не видел такого печального и святого лица. Хотя она, возможно, и была несчастна по причинам, известным только Богу, мы оба были заперты в этом месте, и ее уныние пробудило мою мутную любовь к ней, любовь, которая была частью моего мозга. Все остальное могло быть нереальным, но только не то, что я чувствовал к ней. Что бы она ни говорила и ни делала, куда бы она ни пошла, что бы ни случилось со мной или с детьми, мое общение с ней никогда не переставало быть самым важным в моей жизни. Я посмотрел на нее с тоской и тайно.

Она написала несколько строк, остановилась и посмотрела в мою сторону, не видя меня. С открытым ртом и откинутой назад головой она смеялась так громко, что я слышал ее смех, хотя и был снаружи. Это был смех слепой злобы. Возможно, она думала, что я смешной, жалкий и бесполезный. Презрение пробуждало в ней счастье. Я никогда не видел ее такой счастливой. Она выглядела как молодая и беззаботная девушка, которую я никогда не знал.

Я задавался вопросом, какое преступление я совершил, чтобы быть обремененным катастрофой встречи с ней. Она разрушила мою жизнь своей невеселой семейной жизнью. Я ненавидел ее. Сейчас она смеялась, но я никогда не слышал, чтобы она смеялась над чем-то смешным, пока была со мной — если над чем-то смешным вообще стоило смеяться. По нашей совместной жизни она шла без любви, терпя, а не наслаждаясь, а затем, пару недель назад, без предупреждения, когда Смог был уже недалеко от сдачи экзаменов уровня А, уехала в Голландию.

Словно уловив мои мысли, она увидела на буфете фотографию в рамке. Мне это никогда не нравилось. По причинам, известным только ей

самой, она поместила здесь увеличенный снимок, сделанный в Кромере Смогом своей первой камерой восемь лет назад. Бриджит отказалась фотографироваться, потому что была беременна. Она потянулась к раме и сломала ее об угол стула. Затем она ударила сильнее, пока ничего не осталось. Она наклонилась, вытянув широкие и пышные бедра, вытащила изодранную фотографию из осколков стекла и бросила ее в огонь.

В дикой ярости, готовый забить ее до смерти, я ногой распахнул дверь. Проходя через зал, я растоптал пятнадцать пар резиновых сапог, рифленую дорожку из тростей и зонтиков, джунгли курток и так сильно ударил коленом в дверь гостиной, что щеколда лопнула. Я стоял с поднятыми кулаками, ноги болели, потому что ее еще не пинали.

Она посмотрела на меня под углом и закричала: — Майкл! Сволочь!

— Сука! — закричал я.

— О, любовь моя, — простонала она, и в ее глазах сверкнул блеск.

Я потянулся к ней.

— Милый!

Мы практически «гонились» посреди чемоданов. «Гонились» — это фраза, которую Смог использовал в детстве, когда соединял два грузовика на своей модели железной дороги. Однажды он забрел в спальню, когда мы с Бриджит «занимались этим», и с тех пор всегда вспоминал о том времени.

Мы стояли, обнимаясь и целуясь, бормоча десятки нежных слов, в основном извинений, ласк среди слез, обещаний вечной верности и любви.

— Я так рада, что ты вернулся, — сказала она. — О, Майкл, Майкл, Майкл, я никогда не перестану любить тебя.

— Я никогда не переставал любить тебя. Ты единственная женщина в моей жизни.

Звук чего-то царапающего по полу, словно огромная забинтованная левая нога мумии, выходящей из пирамиды, ворвался в мое сознание.

— Чудесная, красавица моя! Единственная моя возлюбленная.

Я держал ее в объятиях долго, как мог, до тех пор, пока Бриджит, посмотрев через мое плечо, не напряглась от того, что увидела в зеркале. Я получил жгучий удар от моей вечно любящей жены, которая, отступив на несколько шагов, споткнулась о чемодан.

— Кто это?

Через минуту стало очевидно, кто это. Сначала чемодан, а затем Мария, беспризорница, которую я спас от судьбы худшей, чем смерть, медленно тащила свой багаж через порог, тяжело дыша.

— Эту девушку я нанял в Лондоне, чтобы она прибралась в доме и

присмотрела за тобой и детьми, когда ты вернешься из Голландии. — Ее зовут Мария. Мария, — позвал я, — это моя жена Бриджит, о которой я тебе говорил. Она покажет тебе, что делать, хотя при этом может и слегка тебя ударить.

Бриджит напряглась, словно собираясь показать Марии, насколько я прав. Но она сдержалась.

— Так вот чем ты занимаешься? Как только я уехала к родителям на две недели, ты сбежал и нашел другую женщину. Я должна была знать.

Бесполезно было злиться. Но если бы это было не так, она бы поверила мне еще меньше. Я ответил ей таким же жгучим ударом.

— Я страдал из-за тебя, — сказал я, — и только сегодня утром поехал в Лондон. Сегодня вечером я встретил Марию в метро. Она только что потеряла работу и ей некуда было идти. Поэтому я подумал, что она бы могла нам здесь пригодиться могли бы использовать ее здесь. Я решил, что ты слишком много работаешь. Тебе будет нужна ее помощь.

Бриджит плакала.

— Это правда. — Тон Марии был таким, что никто не мог ей не поверить, и с этого момента мне хотелось уложить ее в постель, но с этого момента я знал, что никогда этого не сделаю. — Он помог мне. — Она придвинула чемодан к стене, сняла пальто, взяла с пола стул и поставила его напротив стола. — Завтра я уеду, — сказала она. — Но это правда то, что сказал Майкл. Англичане в Илинге никуда не годятся. Англичанка кричит на меня. Не кормит меня. Дети кричат и пинаются. Мистер Хорликстон поднял руку на меня, напился, посмеялся надо мной и сказал, что хочет погладить мою грудь. Англичане негодяи.

Не знаю почему, но эти мысли пришли по вкусу Бриджит, особенно то, что англичане плохи. Она протерла свои большие голубые глаза, и я остался сидеть среди обломков, а они с Марией пошли на кухню, чтобы приготовить что-нибудь поесть. Снаружи доносились крики совы, и время от времени на нашем переезде шумел двигатель какой-то машины. Я сидел, сознавая, что десять раз совершил неправильный поступок и что мое путешествие не получилось. Я бы вернулся в Лондон, но было уже слишком поздно. В Сохо дела, возможно, только начинают набирать обороты, но в здешнем краю после восьми часов вечера социальные блага цивилизации скатываются, как ковер, и убираются до следующего дня. Мне пришлось терпеть их безумный смех, пока я сидел в своей комнате и собирал чемодан, чтобы отнести его в свою квартиру в владениях Моггерхэнгеров. Бриджит не поверит, что я нашел работу.

Внизу не было видно ни чемоданов, ни битой посуды. Стол был накрыт для еды, закуски уже были разложены по тарелкам и мискам:

бутылка голландского джина, пачка голландских сигар, коробка голландских шоколадных конфет и красный футбольный мяч голландского сыра. Я почти ожидал увидеть ветряную мельницу в соляном погребе, башню, полную редиса, и шляпу, из которой прорастают тюльпаны. Я знал Бриджит так долго, что прекрасная Голландия была у меня в крови почти так же, как и у нее.

Запах жареного мяса навел на мысль, что она вытаскала что-то из морозилки, как только вернулась. Я был самым счастливым человеком на свете, у которого была жена голландка, ненавидела она меня или нет, но как долго могла продолжаться эта безумная конфронтация, я понятия не имел. После еды всем чертовски захотелось спать и мы максимально использовали это время.

В таверне «Железнодорожная гостиница», расположенной через дорогу от вокзала, обслуживание было самым медленным из всех пабов в этом районе. Быстро выпить было тем невозможно, и если вы думаете, что можете забежать в железнодорожную гостиницу за пинтой пива и пирогом со свининой, прежде чем успеть на поезд, вы обязательно опоздаете.

Хитрый бездельник, владелец этого паба, должно быть, удвоил свою прибыль от недопитых напитков. Неудивительно, что он называл вас сквайром и поручил своей девяностолетней матери прислуживать за стойкой и мыть единственный стакан, который был у них для всех клиентов, в то время как сам смотрел в окно на приходящие и уходящие поезда с широкой улыбкой на жирном лице. Снаружи паба висела табличка с надписью «Быстрые обеды», но даже на то, чтобы получить у него бумажную тарелку с сыром и нарезанным чудо-хлебом потребовалось полчаса. Неудивительно, что он держал свиней в конце своего сада площадью десять акров. Их кормили жирными объедками, оставшимися от посетителей, и они производили свинину, имевшую вкус сырого лука. Он был известен в этом районе тем, что заставлял людей опаздывать на поезда из-за медленного обслуживания, однако паб все-таки был часто полон. Возможно, это было приметой времени, когда люди не возражали, если пропускали важную встречу в Лондоне. В Швейцарии его бы скинули с Маттерхорна.

Бриджит отвезла меня туда, чтобы я успел на полпервого. Она была в хорошем настроении после нашей ночи нежеланной страсти. Часто это бывало не так: оргазмы вызывали у нее зуд и нервозность, как при похмелье, но, возможно, сообщение о моей работе за завтраком, когда она вошла с тарелкой нарезанного сыра, смягчило ее утреннее настроение.

Полагаю, что и у меня тоже, потому что после стольких лет совместной жизни наши настроения часто совпадали.

— Работа? — Шок был почти таким же сильным, как тот, который я испытал, когда она уехала в Голландию. — Что ты умеешь делать?

— Я шофер, — сказал я. — Я буду приходить домой только по выходным. Если только не буду по выходным работать. Тогда приду домой домой на неделе. Я буду приходить домой так часто, как смогу.

За последние несколько лет она стала человеком порядка. Ей нравилось жить по шаблону, знать, что происходит и когда именно. Неопределенность угнетала и раздражала ее, как и любого другого, поэтому тот факт, что она могла не знать, когда я приду, заставил ее пролить кофе на скатерть. Я успокоил ее, сказав, что никогда не вернусь домой, если предварительно не позвоню из Лондона.

— А на кого ты работаешь?

— Английский лорд, — я взял кусок ветчины. — Он будет платить двести пятьдесят фунтов в месяц. Теперь, когда мы нанимаем Марию, это будет очень полезно.

— Она у нас не работает.

В пабе я заказал две пинты, и мы сели за столик у окна.

— Почему нет? Она просто находка.

— Я позволю ей остаться только несколько дней. Вот и все.

— Ей нравится в Верхнем Мэйхеме. За завтраком она цвела, как нарцисс. В любом случае ты ей нравишься.

— Она мне нравится, но мы не можем себе позволить платить ей за работу, даже на твои двести пятьдесят фунтов в месяц.

Я мог бы разгневаться, но отхлебнул из банки эля и посмотрел на часы. До прибытия поезда оставалось десять минут, и мне нужно было купить билет.

— Я получу достаточно денег, не волнуйся. Время от времени к моей зарплате будут прибавляться премии. Наши финансовые проблемы позади.

— Господи, кто этот благодетель? — спросила она.

Я надеялся, что она не вспомнит. — Парень по имени Моггерхэнгер. Но мне пора идти, иначе я опоздаю.

Я ждал, что она разозлится из-за моей глупости. — Если ты снова попадешь в тюрьму, нам конец. Ты это знаешь, не так ли?

— Брось, — засмеялся я. — Моггерхэнгер — английский лорд. Как он может совершить что-то преступное? Это уже не похоже на шестидесятые. Он реформированный персонаж. Мы все такие.

Нам нужно было добраться до вокзала, поэтому я взял наши стаканы

(напиток в них почти не был тронут) и последовал за Бриджит к двери.

— Сквайр! — взревел трактирщик. — Вы не можете взять с собой эти стаканы.

Я вылил пиво из обоих в решетку, а затем занес их обратно внутрь.

— Простите! — я громко захихикал от его ярости. — Немного рассеян в последнее время.

Быстро поцеловав Бриджит, я бросился к поезду.

Шестидесятилетний седобородый мужчина, стоявший передо мной, опорожнил свой кожаный кошелек на прилавок и отсортировывал свои монеты, чтобы решить, были ли они фальшивыми. Мне удалось попасть на поезд, запрыгнув в последний вагон.

Было бы неправдой сказать, что во время поездки в Лондон ничего не произошло. Такая ситуация немыслима, особенно потому, что Бриджит сдвинула дело с мертвой точки своим странным поведением в последние несколько недель. Но поскольку события в поезде не имели никакого отношения к последующим событиям, нет смысла рассказывать о них, факт заключается в том, что я вернулся в Илинг как раз за те сутки, которые отпустил мне Моггерхэнгер.

Я подумывал зайти к Блэскину, чтобы узнать, как поживает Билл Строу в своем убежище на чердаке, но, проснувшись так поздно после ночи домашней страсти с Бриджит, я решил, что это тяжело. Не то чтобы я беспокоился о нем. Ему придется постоять за себя, даже если он действительно умрет от голода.

Квартира над гаражом Моггерхэнгера была обставлена немногим лучше, чем голубятня Билла. На полу лежали простые деревянные доски, а стены были побелены. Если я хотел ополоснуть лицо, в одном углу были кран и раковина. Односпальная кровать, стул, небольшой столик и плита дополняли удобства. Для сна было два одеяла, но не было простыней. На проводе под потолком висела лампочка мощностью в сорок ватт, и, как я предполагал, электричество входило в мою зарплату.

Красно-бело-синий байкерский шлем с дыркой был задвинут максимально далеко в угол, как будто его туда пнули. Я выбрал книгу в мягкой обложке из кучи на полу и лег на кровать. Имя Кенни Дьюкса было написано карандашом на обложке. История — «Оргия в небе» Сидни Блада, казалось, была о банде пятилетних шестифутовых детей, совершающих ограбление склада с дракой, перестрелкой и сексом на каждой странице. Ближе к концу то одно, то другое происходило каждый второй абзац. Всякий раз, когда там говорилось что-то вроде: «Он ударил кулаком по его ухмыляющемуся лицу», Кенни подчеркивал это, как будто желая запомнить бессмертные слова. Большие отметки на полях

подчеркивали случайные комментарии вроде: «Это хорошо!», так что с такими пометками книгу невозможно было читать, не подвергнувшись промыванию мозгов и в конечном итоге превратиться в точную копию Кенни Дьюкса, сорокалетнего скинхеда, исправившегося лишь наполовину. Честно говоря, я не знал, почему Моггерхэнгер оставил его, потому что человек с ограниченным интеллектом должен был быть скорее обузой, чем активом.

Возможно, Кенни знал слишком много, и было бы неловко его убить, потому что он происходил из очень большой семьи и был родственником каждого бандита на юге Лондона. И все же Моггерхэнгер питал к нему некоторую привязанность, ценя его преданность и тупую жестокость. Все, что я знал, это то, что мне не нравился Кенни Дьюкс, а Кенни Дьюкс не любил меня, но, поскольку я считал себя по крайней мере на шесть ступенек выше его по социальной шкале, мне предстояло сохранить наши отношения если не на дружеском, то хотя бы на дипломатическом уровне.

Кто-то поднялся по лестнице, и Кенни Дьюкс вломился в комнату дверь.

— Поднимись с моей чертовой кровати, или я разобью твоё лицо в кашу.

Его дородность и прямая осанка портились тем, что он был слегка сутул в плечах. В остальном я не думаю, что он был очень плохим человеком, за исключением того, что руки у него были слишком длинными. На самом деле это были самые длинные руки, которые я когда-либо видел у человека, которого ещё можно было назвать человеком. И он мог — просто так. Он имел положительный угол наклона, так что в бою нужно было приближаться к нему как можно ближе, чтобы избежать их досягаемости.

Я оперся на левый локоть.

— Разве ты никогда не использовал длинные слова, такие как: «Я сотру твоё лицо, чтобы твоё собственная мать не узнала тебя в Вулворте в субботу днем»?

Затем я воспроизвел с псевдоамериканским акцентом из Сидни Блада: «В любом случае, если хочешь знать, где тесто, то под кроватью семьдесят пять тысяч булочек, вырезанных из газеты. Они передали нам дохлую утку, и нам нужно выбраться и найти их».

Он подошел близко, но узнал стиль.

— Это моя книга.

— Подойди ближе, солнышко.

Внутренний храповик моей правой руки потянулся назад. Я не мог бы продолжать читать вдохновляющую прозу Сидни Блада вечно, не

действуя в соответствии с ней.

— Разве я не видел тебя где-нибудь раньше? — сказал он.

Я также завел пружины в ногах. За десять лет в Верхнем Мэйхеме я много поработал на станции и вокруг нее. Я помогал местным фермерам собирать урожай картофеля. Каждое утро я делал получасовые прыжки на месте с гантелями. Не будучи фанатиком, я верил в то, что мои шесть футов и одиннадцать фунтов должны сохранять гибкость и готовность к действию. Билл Строу был не единственным, кто развил свои физические способности. Что касается стрельбы, то из двенадцатого калибра я мог бы с ходу застрелить двух кроликов, ввиду чего я не собирался мириться ни с каким дерьмом от Кенни Дьюкса.

Я оторвался от кровати, как ракета, и его кулак пролетел мимо моего лица и так сильно ударил по подушке, что рама затряслась. Будучи тяжелым, он потерял равновесие, чем я воспользовался, схватив его за шею так, что он не мог пошевелиться. Он брыкался, но его ботинки не могли до меня дотянуться. Я всегда знал его как отважного труса, который не боялся выйти из-под своей скорлупы и превратиться в хулигана.

— Чего ты волнуешься? — спросил я. Но он тоже был не из тех, кто будет умолять меня отпустить его. Было ли это связано с упрямством или с хронической нехваткой словарного запаса, я не знал. — Мы не хотим кровопролития, не так ли? Не на таком раннем этапе наших отношений.

Он ахнул так, словно его грудь вот-вот лопнет.

— Я видел тебя раньше.

Я сильнее вжал его в полунельсон.

— Я Майкл Каллен. Мы встречались десять лет назад, помнишь?

Пока его компьютер на резинке обрабатывал эту информацию, я отпустил его и отпрыгнул, поставив себя в такое состояние защиты, что, вернувшись в вертикальное положение, он принял быстрое интуитивное решение не продолжать вражду, по крайней мере, на данный момент.

— Я тоже работаю на Моггерхэнгера, — сказал я, — так что, если возникнет какая-нибудь ссора, он уволит нас обоих. Ты знаешь это. А теперь отстань.

Его хитроумность, скрывавшая за собой размягченность мозга, на этот раз сослужила ему хорошую службу.

— Ты читал мою чертову книгу.

— Мне нужен был интеллектуальный стимул.

— И ты был на моей чертовой кровати.

— Я не могу читать стоя. А как только я начал, я не смог остановиться.

Он сел, успокоившись на мгновение. — Чертовски интересная?

— Лучшая книга, которую я когда-либо читал.

Он улыбнулся. — Да.

Я сел на кровать.

— Ты много читаешь.

— Каждую минуту, когда я не трахаю девок и не занимаюсь людьми, и не веду один из автомобилей лорда Моггерхэнгера с включенными сигнальными огнями.

Я достал фляжку с виски.

— Как насчет капли?

Он сделал глоток.

— Я не могу много пить, меня могут вызвать, — сказал он. — Мы все время на связи. Может быть и в четыре утра. Для лорда Клода не существует дня и ночи.

— А как насчет отпуска?

Смех заставил его выглядеть человеком.

— Когда ты умрешь, у тебя будет свободное время. Но теперь у него есть ты, и он может отпустить меня домой на несколько дней.

— Ты был занят?

Его глаза сузились, возможно, от мысли, что я его качаю.

— Просто ищу кого-нибудь, кого можно ударить или пнуть.

— Для кого? Ты мог бы сказать мне? Думаю, рано или поздно мне тоже придется этим заняться.

— Босс говорит, а не я.

— Справедливо.

Я открыл чемодан и нашел «Возвращение туземца» Томаса Харди, которое дочитал в поезде. Бриджит прочитала его три года назад, когда проходила курс Открытого университета.

— Попробуй это. Он не так хорош, как «Сидни Блад», но ничего страшного.

Он перевернул его, как кусок холодного тоста. — Не люблю книги о вогах.

— Воги?

— Чертовы черномазые. Терпеть их не могу.

— Дело не в черных. — Мне было трудно не рассмеяться. — Я сам местный, значит туземец.

— Ты, черт возьми, не выглядишь. Ты похож на меня.

— Мы все местные.

— Ты чертовски невежественен.

— Ты тоже местный.

Он встал, посмотрел на себя в зеркало у двери и поправил галстук. На нем был дорогой серый костюм и шелковая рубашка, требующая стирки. Он был такого же телосложения, как и его работодатель, и я задавался вопросом, не были ли они одноразовыми вещами Моггерхэнгера.

— Я пил твой виски, — сказал он, — но тебе следует быть осторожным в своих словах.

Не знаю, почему я упорствовал.

— Я уроженец Ноттингема, потому что родился там. Лорд Моггерхэнгер — уроженец Бедфордшира, поскольку родился там. Ты уроженец Уолворта.

— Кеннингтона.

— Значит, Кеннингтона, потому что ты там родился. Чернокожие в Лондоне не коренные жители, если только они не родились здесь, тогда они тоже таковы. Вот и все, что это значит. «Возвращение туземца» рассказывает о человеке, который возвращается в место, где он родился.

Его разум не принял от моего объяснения. Для него это было слишком сложно и долго.

— Мне пора идти. Мне нужно пойти навестить маму. Иначе она подумает, что я ее не люблю.

Он подмигнул, как будто высмеивал меня. — Не сломай мою кровать, — сказал он, выходя из двери.

Я лег на кровать во весь рост и решил, что мне нравится работать, и заснул, гадая, как у Марии дела с Бриджит. Будучи такими разными, они словно созданы друг для друга. Возможно, Бриджит пошлет за детьми в Голландию. Мария считала Верхний Мэйхем раем и работала бы бесплатно, пока ей позволяли остаться, хотя в деньгах у нее не было бы недостатка — я позабочусь об этом. Они с Бриджит поселятся и будут поддерживать это место до тех пор, пока мне не понадобится убежище от суеты мира. Я посмеялся над этой картиной и, представив последнее видение, показывающее мое невзрачное поселение в огне, подумал, что, по крайней мере, я сделал что-то положительное, найдя Биллу Строу убежище.

Кенни Дьюкс был прав. В четыре утра заработал динамик переговорного устройства. Он был прикреплен к стене у двери, поэтому мне пришлось пересечь комнату, чтобы ответить.

— Приходи в дом, — сказал Моггерхэнгер. — И не вздумай появиться в пижаме.

Я собрался с духом и, окончательно проснувшись, пересек двор к штабу. Мужчина у двери, несомненно, с ружьем под пальто, был Коттапилли, большая тяжелая свинья, которая всегда поднималась вверх

бесшумно, как муха по одежде, и так ловко передвигалась, что люди ожидали увидеть маленького человека. Затем он использовал их неожиданность с максимальной выгодой. После него на лестнице виднелись аккуратные и мелкие следочки, как будто кто-то поднимался на четвереньках. На нем не было ни воротника, ни галстука, но его ботинки были безупречно начищены.

Я еще больше уверился в том, что какой-то важный план приводится в действие, когда увидел Джерико Джима, сидящего в коридоре возле офиса Моггерхэнгера. Он был худощав, среднего роста, с густыми седыми волосами и невероятно морщинистым лицом, хотя издали можно было бы принять его возраст за тридцать, а не за пятьдесят. Каждый его ледяной голубой глаз сиял, как кончик фонарика, который врач засовывает вам в глотку, чтобы осмотреть миндалины. Большую часть своей жизни он провел в тюрьме, но столько раз сбегал, даже из Дартмура, что его называли Джерико Джим, хотя настоящее имя его было Уилфред. Он всегда сначала съедал середину буханки, полагая, что может умереть в ближайшие пять секунд или в случае, если какой-нибудь доброжелатель подложил внутрь напильник. Старые привычки осторожности обычно не умирают: он перестал расчесывать свои волнистые волосы и провел руками по моей куртке и брюкам.

— Ты думаешь, я сумасшедший? — спросил я.

— Инструкции, — прошепелявил он. — Они ждут тебя.

В комнате было не так пусто, как накануне. Моггерхэнгер стоял за своим столом, одетый в цветочный халат, достигающий до пола, и курил сигару, которая, по словам его врача, отправила бы его в гроб. Его манеры не изменились с тех пор, как я впервые его увидел. На столе лежала открытая карта, и как только Пиндарри закрыл за мной дверь, Моггерхэнгер указал на нее.

— Майкл, ты можешь ее прочитать?

— Как книгу. На школьных каникулах я гулял и катался на велосипеде со Смогом, и именно он научил меня читать карты.

— Значит, ты единственный, кто может, — сказал он, — кроме меня. Вот почему я взял тебя на работу.

Комната была ослепительно освещена множеством неоновых трубок, расположенных вровень с потолком. Двое незнакомых мне мужчин сидели за столом у стены, в наушниках и спиной ко мне, и я слышал потрескивание полицейских голосов от одного и птичье пение Морзе от другого. Моггерхэнгер оглянулся через плечо и сказал Пиндарри: «Он успеет, если отправится сейчас. Лодка прибывает в восемь часов». Из-за стола он спросил:

— Ты знаешь, где Гул?

Я собирался сказать, что не видел его много лет, когда вспомнил, что это было за место.

— На побережье Линкольншира?

— Это речной порт в Йоркшире, — сказал Пиндарри.

Полагаю, я должен был его заметить. Он не было пузатым, но был мясистым в животе, и это невозможно скрыть. Он мне понравился еще меньше, чем Коттапилли. Даже в присутствии начальника он всегда носил маленькую шляпку австрийского типа с пером набок. У него отсутствовал один зуб, и вы бы не заметили этого, если бы он не смеялся — хотя он никогда не смеялся. Он только улыбнется, а потом, как говорили, у тебя будут проблемы. Но ему нужно было много есть, и Билл Строу рассказал мне, что однажды он разделил с ним корыто с рисом и бараниной на линии трубопровода между Багдадом и Бейрутом, когда они вместе занимались контрабандой.

— Я хочу, чтобы ты собрал несколько пакетов, — сказал Моггерхэнгер. — Выходи в пять, и ты должен быть там к десяти. Мы отправляем тебя на «роллс-ройсе», так что береги себя и себя и его. Одна царапина на роллсе — две на лице, только они будут глубже. Ты будешь управлять одним из моих лучших автомобилей, а не двухцветным универсалом с люком, разбитой правой фарой и смятым крылом, который нужно убрать с дороги до наступления темноты. Если случайно ты окажешься на полицейском контрольно-пропускном пункте, не пытайся проскочить его. Просто скажи, чем занимаешься, и тебя пропустят.

Он управлял своей организацией, как глава страны в военное время, и, возможно, даже не знал, зарабатывает ли он на законном бизнесе больше денег, чем на рэжете. Он владел игорными домами, кафе и ресторанами, отелями и придорожными закусочными, стоянками для автофургонов и развлекательными галереями, секс-шопами и стриптиз-клубами, эскорт-агентствами, гаражами и фирмами по прокату автомобилей, конторами для дешевых путешествий под названием «Pole-axe Tours», а также а также кредитными и финансовыми фирмами: «Двенадцать тысяч ипотечных кредитов в день: просто платите свои деньги, и вы в безопасности на всю жизнь.» Более теневые операции включали контрабанду и размещение денег для преступных синдикатов. Если его связь с налоговой службой была прохладной, но верной, то его общение с некоторыми сотрудниками полиции было сердечным, о чем я знал по тому, как он и главный инспектор Лэнторн усадили меня на восемнадцать месяцев. Лэнторну нужно было кого-то обвинить, когда таможня разоблачила банду контрабандистов, и Моггерхэнгер выбрал

меня, а не Кенни Дьюкса — или себя. Я заработал много денег, поэтому принял приговор, поскольку он был заслуженным и потому что у меня не было выбора. Но с годами я стал менее философски относиться к этому, хотя не думаю, что меня бы так сильно укусила кобра мести, если бы Билл Строу не втянул меня обратно в мейнстрим работы с Моггерхэнгером.

— Я не могу гарантировать, что гнилая маленькая А40 не въедет в меня, — сказал я. — Сейчас на дорогах полно анархистов.

Он положил руку мне на плечо. — Это всего лишь манера говорить, Майкл. Я хочу, чтобы ты остался в целости и сохранности: езжай осторожно, собери товар и отвези его в условное место в Шропшире, где будешь ждать, пока его кто-нибудь заберет. После этого возвращайся сюда, ко мне. Если хочешь узнать что-нибудь еще, спроси миссис Уипплгейт. Она мой личный секретарь и знает все.

Она стояла у шкафа с картотекой в другом конце комнаты, высокая худощавая женщина, у которой, по моему мнению, была неважная фигура. Но поскольку она казалась недоступной — в ее сером узком платье, аккуратном цветном шарфе на шее и туфлях на высоком каблуке — я хотел узнать ее единственным способом, который имел значение. Возможно, из-за ее коротких темных волос, слегка седых на висках, и маленьких черных очков в роговой оправе я предположил, что она вдова, и пришел к выводу, что она находится в раннем среднем возрасте, хотя позже я узнал, что она действительно вдова тридцати восьми лет. Казалось приятным то, что ее ноги, стройные и полные, не соответствовали ее худощавой фигуре. Я подумал, что она может быть одной из подружек Моггерхэнгера, но сказал себе, что она не из тех, кто ему нравится. Она несла с собой несколько конвертов.

— Если вы зайдете в соседнюю комнату, мистер Каллен, я дам вам инструкции.

— Прежде чем ты уйдешь, Майкл, я хочу пожелать тебе удачи, — сказал Моггерхэнгер. — Это важная работа, и если ты справишься с ней хорошо, тебя ждет премия. Я забочусь о своих ребятах, хотя и не покупаю их. Такие деньги мало кто увидит. Но с тобой я расплачусь достойно.

— Да сэр.

— Главное - верность во всем. Никакой херни. Я не учился в Оксфорде, так что ты можешь мне доверять.

Но могу ли я доверять тебе, подумал я, ты, напыщенный ублюдок-двойник. Должно быть, он уловил мою мысль и подошел: — Тогда валяй отсюда, пока тебе не воткнули нож в спину!

Чувство юмора — это очень хорошо, но только не тогда, когда оно

было камуфляжем для абсолютной подлости. Он также использовал это как трюк, чтобы вселить уверенность, и как трюк, чтобы сохранить энергию и бдительность.

Я последовал за миссис Уипплгейт в ее крохотный кабинет, состоящий из письменного стола, стула и шкафа для документов, причем мое преимущество заключалось в том, что ее скромный аромат наполнял комнату, и я был ближе к ней, чем в большом кабинете босса. Она протянула мне первый большой конверт. — Здесь одна карта дороги в Гул, две — до Шропшира и еще одна — крупномасштабная, чтобы найти коттедж.

— Я вас люблю.

Она покраснела.

— Вот конверт номер два, с вашими расходами в двадцати пятифунтовых банкнотах.

— Я всегда буду любить вас.

— Ведите учет того, что вы тратите, и дадите мне список, а также все неизрасходованные деньги, когда вернетесь. Никаких письменных инструкций, за исключением двух адресов, прикрепленных к картам. Коттедж указан на крупномасштабной карте, потому что его трудно найти. Дорогу к нему ни у кого не спрашивайте.

— Я сделаю для вас все.

— После того, как доберетесь до каждого места, уничтожьте соответствующие инструкции. У лорда Моггерхэнгера много конкурентов в бизнесе, и он не любит утечки информации. И пожалуйста, не делайте отметки на картах. Их можно использовать снова.

— Когда мы можем встретиться?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Она посмотрела на меня серыми глазами, и я увидел, что надежды нет, пока не заметил также, что мизинец ее левой руки дрожит. — Сейчас половина пятого, и вы должны начать движение ровно в пять часов. Почти до Донкастера есть двустороннее движение, но дальше дорога будет несколько извилистой и загроможденной...

— В вас есть что-то необыкновенно привлекательное.

— Однако к десяти часам вы должны быть на позиции, и это даст вам достаточно времени.

— Я не легкомыслен, — продолжил я. — В вас есть что-то очень интересное, и я хочу узнать вас немного лучше. Я не имею в виду ничего другого. Или я мог бы и другое — если бы узнал вас получше. А до тех пор все, что я спрашиваю, — это поужинаете ли вы со мной, когда я вернусь.

Я устал от короткой ночи, но в результате у меня обострился язык и возникла эрекция без особой причины. Она передала листок бумаги, форму, которую я должен был подписать для получения денег. Я взял конверты и коснулся ее, подходя к двери. — Или даже чашку кофе.

Она дернулась, затем приняла задумчивое выражение. — Я не уверен, понравится ли лорду Моггерхэнгеру подобная дружба своих сотрудников.

Ее наивность напугала меня, поскольку она, казалось, думала, что он вел законный бизнес и что эта заговорщическая атмосфера была лишь мерой предосторожности против торговых конкурентов. Мне было интересно, что подумает об этом банда «Зеленых Ног». Настоящая зачистка с привлечением соответствующих полицейских сил тоже засадила бы ее на десять лет. Мне хотелось плакать о ее невинности, хотя больше всего мне хотелось увидеть, как она снимет свое шикарное платье и заберется ко мне в постель.

— С другой стороны, — сказал я, — возможно, он хотел бы, чтобы это осталось в семье. Лорд Моггерхэнгер — работодатель с отцовскими чувствами.

— Вам лучше уйти. Я тоже мало спала.

Я снова прошел мимо нее.

— Вы будете здесь на следующей неделе?

Улыбка была пределом ее возможностей.

Вернувшись в гараж, я собрал свой портфель, в котором лежало нижнее белье, запасная рубашка, сверхмощный пневматический пистолет «два-два» с банкой патронов, а также пачка сигарет и свежая газета с новостями и прогнозом погоды. Со уложенными в портфель конвертами у меня было такое ощущение, словно я отбывал по какому-то официальному делу.

Работником гаража был беззубый, седой, побитый мужчина с сильным Глазгоским акцентом по имени Джордж, который когда-то работал главным инженером прибрежного парохода. Он показал мне «роллс-ройс». Приборная панель напоминала приборную панель старомодного авиалайнера, и я крикнул ему, чтобы он снял колодки. Моггерхэнгер был прав: он сильно отличался от Черной Бесс, старой развалюхи, в которой я когда-то катался дома. Я почувствовал трепет, когда выкатился вперед из широких ворот.

Глава 7

Я направился к Северной кольцевой дороге. Несчастные озябшие мужчины и женщины ждали на пустой дороге автобус «Рассветный

лайнера», который должен отвезти их на работу. Радиостанция All Night передала прогноз погоды: «Повсюду теплый и приятный день. Возможны лишь небольшой туман на северных холмах и небольшой ветер с запада, приносящий изредка морозящий дождь, в остальном по всей стране хорошо. Небольшой дождь в Центральном Уэльсе и гораздо более продолжительные ливни на севере, постепенно распространяющиеся на юг. Ожидаем небольшого тепла, но сегодня днем холодный фронт, развивающийся в средней части Атлантического океана, достигнет Мидленда и северо-востока, принесет снег и лед на возвышенности, а дождь, туман, снег и град будут почти повсюду. Дальнейшие перспективы сомнительны. Хорошего дня».

Или что-то в этом роде, что заставило меня задуматься, почему я оказался в этом дворце на четырех колесах, а не в постели с миссис Уипплгейт, хотя мое чувство приключений вернулось при мысли о том, что мне снова отправляться на север. Стрелка компаса качнулась, когда я свернул на Хендон и проехал мимо полицейской машины, похожей на сэндвич с джемом, припаркованной на кольцевой развязке. Один из парней-полицейских помахал рукой в знак приветствия, и я почувствовал себя королем дороги. Тот, кто ездит в пять утра, ни к чему хорошему не придет, но я проезжал через светофоры так, как если бы у меня была кнопка управления ими на приборной панели. Возможно, они фотографировали каждую машину и передавали номерные знаки в штаб-квартиру.

Внутри заправочной станции светились огни, через стекло был виден спящий в кресле старик. Уже рассветало, когда я повернул направо на остров. Деревья были окрашены в зеленый оттенок, а обочина дороги окаймлена желто-серой травой. Я то погружался в мечты, то выплывал из них, молясь увидеть первую закусочную, обещающую что-нибудь поесть. Фасады домов маршировали навстречу из тающей тьмы.

Я сбавил скорость, предвидя попутчика, но потом вспомнил, что Моггерхэнгер сказал, что мне не следует подвозить кого-либо на его машинах. В любом случае, подумал я, у возможного попутчика, наверное, есть блохи, грязные ботинки и спрятанные бритвенные лезвия, которые так хитро режут обивку, что я не замечу повреждений, пока он не уйдет.

В заднем зеркале я увидел, что он был без багажа и в пальто. Я увидел его розовое лицо и лысину, полные негодования и страдания. Пилонные башни моста выделялись серым цветом на фоне темных облаков. Я прибавил скорость и увидел, как он слепо проклинает меня на обочине дороги. Он замахал руками, и я понял, что оставить его там было плохим делом, если не сказать, неприятным предзнаменованием, которое

держало меня в унынии в течение следующих двух минут. Мне хотелось вернуться и дать ему по зубам, но от этой мысли мне стало еще хуже.

Автострада провела меня мимо Стивенэйджа (слава Богу), и недалеко от него я увидел кафе, оно было открыто. Я припарковался сбоку от пары ветхих грузовиков и убогого здания туалета и пробрался между лужами с водой. Ветер раскачивал два куска гофрированной жести возле ведра-унитаза. На востоке виднелись тускло-красные и бронзово-синие облака. Я не знаю, откуда взялся этот прогноз погоды.

В тридцати милях в том направлении Бриджит лежала, свернувшись калачиком в постели, и, как я полагал, дома была и Мария. Я пожелал им удачи и долгих лет жизни и вошел в теплое кафе.

Я заказал громадную порцию еды из яиц, бекона, колбасы, фасоли, грибов, помидоров и жареного хлеба. Водители грузовиков смотрели на меня так, будто я был куском дерьма, вылезшим из огня.

— Доброе утро, — сказал я, худшее, что можно было высказать в таком месте в такое время суток. Можно было бы сказать что угодно еще, что-то обидное или даже не по делу — но только не это. Мой тон был нейтральным, но голос ясным, так что я брал свою жизнь в свои руки. К счастью, они были слишком охвачены усталостью, чтобы издавать нечто большее, чем уклончивое ворчание. Я посчитал, что мне повезло, и оставил все как есть. Майк, владелец кафе за прилавком, выглядел так, словно умирал от голода. Он курил сигарету и держал у локтя полкружки холодного чая. Он налил мне в кружку чая, заваренного, похоже, из древесного угля и толкнул ее вперед. Его жена Пегги была солидной деревенской женщиной в круглых стальных очках и белом фартуке. Она даже улыбнулась, намазывая маслом мой нарезанный хлеб.

— Как дела? — Мне нужно было что-то сказать, иначе мои голосовые связки потеряют способность действовать, но это, конечно, было вторым худшим, что можно было сказать — в любое время суток.

— Уже не могу ворчать, — сказала она.

— Почему бы тебе не сказать ему правду? — вмешался ее муж. — Это чертовски ужасно. Мы обанкротимся через две недели.

— Извините, что спросил. — Я глотнул чая, который был однако крепким и вкусным.

— Не обманывай меня. Конечно, нет. Тебе плевать, да? — сказал он.

— Ну, не совсем, — сказал я. Моя третья ошибка заключалась в том, что я был честен. — Почему же плевать?

— Майк, бы не хотела, чтобы ты ругался, — сказала Пегги. — Это бесполезно.

Майк рассмеялся без веселья.

— Не для него, черт возьми, нет. Он не бизнесмен, занимающийся свободным предпринимательством и пытающийся удержаться на плаву. Думаю, для тебя это тоже не имеет значения, — сказал он жене. — А мне важно, и это все, что важно, не так ли?

— Ты вечно ноешь, — один из водителей грузовика наполовину засунул кусок бекона в рот. — Каждый раз, когда я останавливаюсь здесь, я слышу, как ты ноешь. Если бы ты не готовил такие хорошие завтраки, я бы не останавливался. Ты еще худший нытик, чем австралийцы. Я был в Австралии четыре года назад, и я никогда в жизни не слышал столько нытья. Но делают они это громко и только тогда, когда видят, что рядом нет Помми, как они называют британцев чтобы те не думали, что это надувательство. Но в этой стране тоже плохо. Вот что в этом плохого. Все ноют, если не зарабатывают двести фунтов в неделю, просто лежа в постели.

— Они думают, что мир должен им зарабатывать на жизнь, — сказал пожилой мужчина, у которого на столе стояло так много тарелок и чашек, что он выглядел так, словно просидел там всю ночь. — Но мир — это они сами.

Майк бросил мои яйца и бекон в сковороду с горячим жиром на примусе, пока его жена варила фасоль.

— Лен, ты можешь дважды в месяц привозить нелегальных иммигрантов из Ромни Марша в Брэдфорд. Одна поездка позволит тебе наслаждаться роскошью на несколько недель. Я думаю, твой грузовик снаружи полон Пакки, не так ли? Почему бы тебе не открыть двери и не пригласить бедных педерастов хотя бы на чай? Будете также полезны для моего дела.

Лен задохнулся от негодования.

— Держи свой гребаный хлебальник на замке.

Все засмеялись.

— Ну, — сказал Майк, — это все-таки, черт возьми, разумно, не так ли? Две порции Пакки каждую неделю, и я, возможно, окуплюсь.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты перестал с ними ссориться, — взмолилась Пегги, поедая между прочим пирог с бузиной и крапивой. Я подошел к пустому столу, насытившись ранним утренним разговором. Казалось изумительным, какие споры можно вызвать необдуманым приветствием. Когда еду принесли, завтрак был хорош, и я чувствовал, как каждый глоток пробуждает меня. Когда я пил вторую кружку чая, я услышал, как грузовик врезался в консервную банку возле туалета, проезжая через лужу и выезжая на улицу. Первым вошел мужчина, которого я видел на дороге голосующим. Он стоял в дверях и

оглядывался по сторонам блестящими глазами, которые перестали вращаться, когда они увидели меня.

— Думаю, я сяду рядом с добрым самаритянином, — сказал он шоферу грузовика, который подошел сзади. Я был готов ударить его по лицу, если бы он это сделал, но он не сделал этого. Хижина была общественной собственностью. Он расстегнул пальто и я увидел под ним довольно хороший костюм с воротником и галстуком. — Люди не избавляются от меня так легко.

— Выйди на улицу и скажи это кому угодно, но не мне, — сказал я.

Он взглянул на меня особенно презрительно, а затем подошел к стойке, чтобы заказать завтрак.

— Куда ты собираешься? — спросил я, когда он вернулся.

— Что тебе до этого? Тот, кто оставит своего ближнего умирать от холода на обочине дороги в половине пятого утра, вряд ли заслуживает радушного приема, когда они встречаются позже, при совершенно других обстоятельствах.

Когда я ничего не сказал в ответ, он добавил: — Я еду в Роклифф, как раз перед местом под названием Гул, о котором, я полагаю, вы никогда не слышали. Ты можешь высадить меня в Донкастере, если тебе по пути.

От него не то чтобы воняло лосьоном после бритья, но он выглядел достаточно приличным. Проблема была в том, что никогда ничего нельзя было сказать наверняка. Он выглядел дружелюбным, с мягкими карими глазами и улыбался, потирая рукой лысую голову.

— Ты мне не доверяешь, — сказал он, — я это вижу. — Он протянул ту же руку, которой гладил себя по голове: — В любом случае, я Перси Блемиш.

— Майкл Каллен, — сказал я ему. — Я не могу тебя подвезти, потому что человеку, на которого я работаю, мерещатся какие-то шпионы, и если он обнаружит, что в машине был кто-то еще, то с этого момента будет видно, что у меня ярко выраженная хромота всякий раз, когда в очереди на пособие по безработице я продвинусь вперед.

— Я понимаю, — сказал он. — Мне просто придется продолжить путь с этим неотесанным водителем грузовика, в его продуваемом сквозняками такси.

Водитель, о котором идет речь, сидевший в нескольких футах от него, дернул плечами и повернулся.

— Я слышал это. Ты можешь ходить, вы все можете ходить. Слишком много говоришь, это твоя беда. В любом случае я собирался вышвырнуть тебя.

— О боже, — сказал Перси Блемиш, — я слишком много говорю.

— Мы все так делаем, — сказал я грустно.

— Я ненавижу ругаться, — сказала Пегги, хотя никто, кроме меня, не услышал.

Рука Перси лежала на бутылке соуса. Моя накрыла банку с кетчупом. Это была ничья.

— Сдохни, — сказал я ему, вставая, чтобы уйти, и больше никогда его не видеть.

Я вынул карту из конверта и увидел, что мне еще предстоит проехать большой путь, но было только полшестого, поэтому я не торопился. Небо было ясным, за исключением того, что красные полосы на востоке стали желтоватыми. Однако ветер был холодным и влажным, хотя через милю или две солнце прожгло лобовое стекло. Мне показалось, что я увидел впереди полицейскую машину, поднимающуюся на небольшой холм, но это была белая машина и мотоциклист в синем шлеме. Это зрелище заставило меня нервничать, поэтому я обогнал их обоих.

Садясь в машину после завтрака, я заметил на заднем сиденье контейнер размером с ящик для инструментов, и, открыв его, увидел внутри около трехсот «Монте-Кристо». Я открыл крышку тюбика, а затем непринужденно поехал по зеленым пейзажам с сытым животом и вкусной сигарой в зубах.

За последние несколько лет в Верхнем Мэйхеме я начал задаваться вопросом о цели своей жизни. С скромная жизнь за счет Бриджит и моих сбережений больше не казалась подходящим вариантом существования для активного мужчины. Тюрьма не должна была так сильно угнетать меня, но она еще больше толкнула меня на дно моей естественной прирожденной склонности к безделью, пока жизнь не была слишком неудобной. Я никогда не видел смысла шевелиться, пока у меня в кармане было несколько фунтов. Не то чтобы это могло продолжаться вечно. Мои деньги заканчивались, и Бриджит поняла, что, если она не откажется от поддержки, ей никогда от меня не избавиться. Вызов в Лондон раздался как раз вовремя.

Еще одним фактором было то, что менялось отношение к безделью. Слишком многие получали пособие по безработице, чтобы это уже могло считаться добродетелью. Я жил на грани отчаяния, потому что не знал, зачем я жив. Речь даже не шла о реформировании. Моральные императивы оставили меня равнодушным. Но я дошёл до той стадии, когда мне нужно было что-то сделать, чтобы убедить себя, что я был приведён на землю с определенной целью, а не для того, чтобы приятно гнить на заброшенной железнодорожной станции Верхний Мэйхем. Почти случайно и пока безболезненно я выбрался из этого, хотя работа на

Моггерхэнгера была не той работой, которой можно было бы гордиться. Но это было только начало, и что бы ни говорил Билл Строу, что бы я ни видел, или что я ни чувствовал, у меня не было оснований предполагать, что деловые дела Моггерхэнгера были чем-то иным, чем законными. Я надеялся, что даже он изменился за последние десять лет.

Какие мысли приходят в голову во время вдыхания роскошного дыма! Рот не показывает своей истинной формы, пока в него не попадет сигара, и когда я вынул свою между затяжками, у меня возникло желание запеть. Я отправился из Верхнего Мэйхема сорок восемь часов назад, решив быть честным во всех своих делах. Вернуть сигару туда, откуда она взялась, было невозможно. Выбросить то, что осталось, в окно было бы преступным расточительством. Я спокойно докурю свою приятную сигару и никогда больше ничего не украду. А пока мне хотелось немного музыки, чтобы успокоить свои способности и сделать жизнь идеальной, я вставил кассету в деку и стал ждать переливающегося через край бальзама Виктора Сильвестра или хэви-метала.

К счастью, я сбавил скорость перед кольцевой развязкой Норман-Кросс, иначе в шоке я бы съехал с дороги.

— Помни, — сказал Моггерхэнгер, — что ты сейчас едешь на моей собственности, и не забывай об этом. Я не хочу, чтобы ты ел, спал в машине, когда тебе этого делать не следует, или плевался, или ронял окурки и обертки от сладостей, или пачкал грязью ковры. Я также не хочу, чтобы ты не занимался дурными и ненужными делами. И держи свои воровские руки подальше от моих сигар. Я особенно на этом настаиваю. Во-первых, они посчитаны. А во-вторых, если чего-то не хватит, я тебя порежу на куски, а если ты взял это до моего предупреждения, считай себя прощенным, но больше так не делай. Ты предупрежден. Просто следи за дорогой и присматривай за моей машиной, а это значит, что никогда не превышай семидесяти. Для двигателя так лучше, но больше всего я не хочу, чтобы моих сотрудников штрафовали за превышение скорости. Думаю, мне не нужно говорить тебе, что если это произойдет, ты вылетишь. И старайся, чтобы указатель уровня топлива не опускался ниже половины отметки. Теперь послушай самый сладкий звук в мире, звук работы мотора «роллс-ройса». Желаю тебе хорошего дня.

Насколько я осмеливался, я оглядывался по сторонам в поисках телекамеры и задавался вопросом, нет ли там встроенного черного ящика, регистрирующего каждую остановку. Но его маленькая шутка, похоже, продолжения не имела, и я снова стал капитаном своего корабля, с той лишь разницей, что вместо музыки на магнитофоне играли избранные

церковные колокола из приходов всего Бедфордшира, и я был вынужден выслушивать этот музыкальный рэкет, пока не сказал себе, что если бы еще один Квазимодо висел на моих барабанных перепонках, я направил бы машину к ближайшей опоре моста.

Я дрейфовал на север и, не раздумывая, пошел быстрее, с трудом не отклоняясь от положенной отметки в семьдесят, тем более, что теперь, когда пробки набирали обороты, молодые парни проплывали на «фордах-эскаортах» со скоростью девяносто пять миль, а их боссы пролетали на БМВ по сто десять. Я мог бы обогнать их всех, но не с Моггерхэнгером, дышащим мне в затылок.

Некоторые машины, которые обгоняли меня, были фургонами сантехников, продавцов или старыми фургонами с пятью мужчинами внутри, коллективно доставляемыми на работу и обратно (или в офис пособий по безработице) самым дешевым способом. Из окна «БМВ» Перси Блемиш помахал кулаком и привел меня в уныние, пока машина с ним легко проезжала мимо. Это был мой третий взгляд на него, и я надеялся, что он будет последним. Его злорадное и неистовое лицо за автомобильным стеклом напомнило мне ребенка, лишенного прав на соску, и я предполагал, что он возлагал ответственность на каждого встречного человека за свои несчастья, если тот его не подвез. Судя по лицу, которое он повернул ко мне и которого доброжелательный водитель в тот момент не мог видеть (к счастью для него), я тоже не считал, что его шансы на дешевое и легкое путешествие очень высоки.

За завтраком я выпил столько чая, что приходилось останавливаться и опоражнивать мочевой пузырь. В это же время я время от времени доливал в бак бензин. Когда я медленно въехал на территорию очередной заправочной станции, Перси Блемиш стоял у выхода, ожидая следующего попутного автомобиля. Я был уверен, что водитель «БМВ», подстрекаемый одним из его замечаний, бросил его там, и мне просто повезло, что я оказался следующей машиной.

«Форд Кортина» въехал с дороги, и хитрым маневром ублюдок-водитель оказался передо мной у бензоколонки. Это было заведение самообслуживания, и через несколько секунд насадка уже подключилась к его баку. Вышел менеджер и спросил меня: — Сэр (поскольку я водил «роллс-ройс»), сколько вам залить? — Затем он жестом предложил мне сдвинуться назад и засунул в мой аквариум еще одного питона, чтобы его стошнило. Я был рад позволить ему делать всю работу, ожидая, пока «Форд Кортина» увезет Перси Блемиша.

Водителем форда оказался молодой светловолосый парень в свитере с воротником-поло, который, заправившись, отправился в офис, чтобы

заплатить клерку. Не думаю, что он заметил, как я ухмыляюсь. Он медленно поехал к выезду, где Перси Блемиш, подав ему знак подвезти, встал на середине дороги, чтобы машина была вынуждена остановиться. Когда он наклонился к окну, чтобы сказать, куда он хочет поехать, из двери, вылетел кулак и сбил его с ног.

Это был самый вопиющий отказ подвезти беднягу, какой я когда-либо видел, совершенно ненужный по своей жестокости, хотя, возможно, водитель был мудрее, чем он думал (а может и нет), потому что он выехал бы на Великую Северную дорогу, а Перси Блемиш висел бы при этом у него на двери. Вся эта история мне не понравилась. Я долго обдумывал все это, но так и не смог принять решение о каком-либо рациональном образе действий.

Я зашел в офис, чтобы заплатить.

— Все в порядке, сэр, — улыбнулся менеджер. — Я отнесу это на счет лорда Моггерхэнгера. Он очень аккуратен в оплате счетов.

Перси Блемиш уже ушел. Я не останавлиюсь, пока не доберусь до Гула, чтобы больше не было проблем. Несколько капель дождя ударило в окно, но дорога все еще была сухой. Я вставил еще одну кассету, одну из симфоний Чайковского, которая попыталась в спешке украсить внутреннюю часть моей головы. Но я не выдержал этого и через пять минут щелкнул кнопкой.

— Мне это нравилось, — раздался сзади бестелесный голос, и второй раз за день я едва не попал в аварию. Я был на внешней полосе, обгоняя трехсотфуттовую мощную машину, которая, казалось, увеличивала скорость по мере того, как я ехал, так что к тому времени, когда я подошел к небольшому повороту, я набрал почти сто миль. Но я оставил грузовик позади и сказал Перси Блемишу, который ухмылялся в мое заднее зеркало: — Тебе лучше выйти, иначе я останавлиюсь на следующей стоянке и прикончу тебя.

— Почему ты выключил музыку?

Если бы я остановился, мне пришлось бы снова обгонять грузовик.

— Куда, ты сказал, собираешься?

— Ты выключил эту музыку, — сказал он. — Мне нравится Чайковский.

— Почему? Он всего лишь мастер блоков и подкатов.

Я решил подшучивать над ним до тех пор, пока не смогу вытащить его наружу и выбить ему зубы. В любом случае у меня не было выбора.

— Лучше говорить, чем слушать это, — сказал я, — и вы, конечно, не можете делать и то, и другое.

— Моей жене понравилось, — он поерзал на сиденье. — По крайней

мере, она так сказала, и я ей поверил.

— Ты должен верить своей жене, иначе жизнь не стоит того, чтобы жить.

Он вздохнул. — Думаю, да. Видите ли, я из тех людей, которые думают, что все, кого я вижу, старше меня.

— Интересно, — ответил я.

Некоторое время он молчал. Потом у меня в затылке закололо, потому что он снова заговорил.

— Ты знаешь, как лучше всего разжечь пожар? — Его хихиканье стало более зловещим. — Мой друг работал в пожарной службе, и он мне рассказал.

Я подумал, что лучше позволить этому чертову вредителю болтать дальше, полагая, что, пока он говорит, он безвреден.

— Вы кладете пару батареек для фонарика в корзину для покупок вместе с несколькими пакетами стальных стружек. Рано или поздно они загорятся — в доме или машине того, кто вам не нравится. Его хихиканье перешло в смех, и он потер руки. — Если в пакет положить еще две баночки лака для волос типа аэрозоля, газету и коробок спичек, то в конце концов произойдет взрыв.

— Это полная чушь, — крикнул я.

Он надулся. — Это не чушь.

— Ты когда-нибудь пробовал это?

Через несколько минут он вернулся в мир со словами: — Нет, но я мог бы. Никогда не знаешь.

— Просто успокойся, — сказал я, думая, что мой ноттингемский акцент может оказать больший эффект.

— Я не заткнусь, — ответил он самым благородным голосом, который только мог изобразить.

— Почему бы тебе не выучить стихи? — предложил я. — Или научиться вязать?

— Не хочу, — сказал он угрюмо. — Я был счастлив в браке, скажу вам, пока не сбежал от жены. Мне пятьдесят восемь лет, и я либо убегаю от нее, либо бегу обратно к ней. В данный момент я бегу назад. Мы живем недалеко от Гула, в милом маленьком изолированном коттедже под названием «Тиндербокс». Я не могу понять, почему наш брак развалился. Раньше я жил на юго-востоке и работал инженером в городском совете Элфингема, но когда я заболел, мне предложили досрочный выход на пенсию, и я согласился и переехал жить на север со своей женой. Она терпеть не может меня, а я терпеть не могу ее. Мы мучили друг друга тридцать лет. Из того, что мы считали бессмертной

любовью, возникли невыносимые страдания. Ты можешь это понять?

— И да, и нет, — ответил я с полной искренностью.

— Я думаю, что это связано с экономикой, — сказал он.

— Экономикой?

— Понимаешь, если бы валовой национальный продукт был достаточно высоким, правительство могло бы издать указ, согласно которому все состоящие в браке должны немедленно начать жить отдельно. Никаких аргументов. А те, кто не может позволить себе жить отдельно, получают за это пенсию. Любой, кто останется в браке в течение семи дней со дня принятия этого закона, будет расстрелян. Однако через двенадцать месяцев браки могут начаться снова. Ты можешь выйти замуж за того же партнера, если захочешь.

Его глаза сияли в зеркале. — Хорошая идея, тебе не кажется? Я потратил годы, работая над этим.

— Для некоторых это хорошо, — сказал я. — А тебя не смущает, что ты не можешь мучить свою жену, когда тебя нет с ней? Тебе тоже должно быть весело, иначе как ты сможешь вернуться и снова мучить ее?

Он икнул. — Я люблю ее, так почему бы и нет?

— Мне это все равно.

— Я убью ее, — категорически сказал он. — Или, может быть, она убьет меня. Меня бы это не удивило.

Я никогда не встречал психа с чувством юмора, но если ты псих, как что-то может показаться смешным? Это было слишком больно. Я надеялся, что он заснет, хотя, поскольку мне самому хотелось спать, мне хотелось, чтобы он продолжал говорить.

— Ты проводишь все свое время, катаясь автостопом?

— Да. У меня есть брат, живущий в Лондоне, в Стритэме, и я время от времени навещаю его и остаюсь до тех пор, пока он не скажет, что мне пора уезжать. Денег на автобус достаточно, но я предпочитаю путешествовать автостопом, потому что, когда я разговариваю с кем-то в автобусе, кондуктор ругает меня за то, что я беспокою пассажиров.

Грентэм прошел по правому борту, а затем Ньюарк по левому борту. Переправляясь через Трент, я закурил одну из своих сигар — всегда обязательный и приятный жест в таких случаях.

— Мой брат ворвался в комнату сегодня в четыре утра и сказал, что мне нужно уйти, иначе он ударит меня топором. Вот почему я так рано отправляюсь в путь.

— Жизнь трудна.

— Я действительно начинаю думать, что это так.

— Ты, должно быть, устал, — сказал я. — Почему бы тебе не

опустить голову и подремать?

Он вздохнул, как котел, который вот-вот взорвется. — Я не могу. Иногда я не могу спать целыми днями. Я сейчас нахожусь на таком этапе. Вот почему я возвращаюсь к жене.

Я чувствовал себя кошкой, которой вычесывают шерсть назад. Возможно, я бы убил его до того, как он убил свою жену.

— У Вас есть дети?

— Две дочери. Джанет и Филлис. Джанет живет с другой женщиной, а Филлис живет в Дувре с двумя детьми, но без мужа. Мы их не видим, но они едят время от времени. У них своя жизнь. Как у всех нас. Двое детей Филлис — мальчики. Она называет их Хуз и Буз. Когда они в последний раз приходили к нам, я рассказал им сказку на ночь, и она больше их не приводила.

Мне вспомнился случай из приключений Билла Строу, но я не мог поверить, что между ними есть какая-то связь.

— Филлис ушла из дома в шестнадцать. Однажды мы сильно поссорились из-за того, что она слонялась по докам. Я не получал от нее ни слова в течение двух лет. Кто-то сказал мне, что она живет с ирландцем. Даже Армия Спасения не смогла ее найти. Затем она написала, что замужем и ждет ребенка, и попросила денег. Ее мать прислала пять фунтов, и они вернулись с обратной почтой, разрезанные на две длинные части. Я не знаю, что мы с ней сделали. Удивительно, какими могут быть люди. Вы когда-нибудь видели счастливых людей?

— Я видел их мертвыми, — сказал я, — поэтому полагаю, что они были достаточно счастливы. Но время от времени я был счастлив.

— Должна быть золотая середина, ты так не думаешь?

— Скорее, счастливая скука, — сказал я.

В воздухе витал запах сажи, восхитительное дыхание севера, которое отчасти компенсировало опустившийся на машину мрак. Перси невозможно было выбросить. Да я и не хотел. Я не был ни мертв, ни счастлив. Между этими состояниями был этап, о котором он не знал, и это была его беда. В первую очередь я поблагодарил Бога, во вторую — Моггерхэнгера, а в третью — себя за то, что втянул меня в это.

— Если бы ты подвез меня с самого начала, — сказал он, — у меня бы не было этого синяка под глазом.

— Это машина моего работодателя, — устало сказал я. — Я не должен подвозить. В своей машине я всегда подвожу. Но не в этой. Ты понимаешь?

— И ты выключил музыку.

— Это сводило меня с ума.

Мимо нас проехал красивый кремовый «Мерседес», и я взглянул на него.

— Ты подал сигнал этой машине, — сказал он.

— Ты сошел с ума.

— Это должно что-то значить — то, что ты делаешь.

— Да, если ты этого хочешь. Все что-то значит.

Никогда еще я не был так рад увидеть указатель Ботри, потому что это означало, что я снова вернусь на извилистые магистрали и мне придется уделять больше внимания вождению. Начался дождь, большие брызги падали на лобовое стекло, поэтому я включил дворники и надеялся, что их ритм загипнотизирует его и усыпит.

— Это что-то значит, хочешь ты этого или нет, — сказал он.

— Ты чушь несешь.

Я обогнал угольный грузовик, так что мы не успели умереть на несколько дюймов. Это что-то значило бы, но он был не в состоянии это заметить. Я мог видеть лица водителей, которые ехали мимо меня на другой стороне дороги. Те, у кого были открыты рты, еще не научились правильно пить. Они были совсем младенцами. Один парень в кепке ехал с выражением ужаса, как будто смерть от пожара могла наступить в любой момент. Другой мужчина был так мал, что его лицо было еле видно, его рост, должно быть, был три фута. У многих рот представлял собой круглую дыру в середине тарелки с салом. Большинство лиц выглядело сердитыми, как будто принадлежало отряду, участвовавшему в штыковой атаке и готовому убить каждого встречного водителя — если только это не было то выражение, которое они приобретали при виде «роллс-ройса». Это было слишком обычным явлением, чтобы ничего не значить, хотя я был склонен считать это их нормальным состоянием. Те лица, которые не выглядели бешеными, были сосредоточенно стиснуты. Значительная часть щеголяла добродушной идиотской улыбкой, на вид им было лет десять, и они словно были в восторге от того, что оказались за рулем смертоносной машины. Я не знал почему, но выражения лиц большинства женщин казались более или менее нормальными. Я с улыбкой представил, как выглядит мое лицо для тех, кто способен это воспринять, — и тотчас же убрал с него улыбку и принял зрелую строгость, подобающую капитану корабля.

— Почему ты смеешься надо мной? — резко сказал Перси Блемиш.

На полях виднелись лужи воды, столбы, пересекающие дорогу, и столбы угольных шахт вдалеке. Я слишком устал, чтобы объяснить ему, о чем я думал.

— Просто что-то застряло у меня в зубах.

— Прости, что вынужден настаивать, но ты смеялся.

Если бы я проигнорировал его, меня бы ждал жестокий удар по затылку. Если бы машина врезалась в пилон и взорвалась, он бы рассмеялся. Было несправедливо, что так много преимуществ было на его стороне, тем более, что он видел их только на моей стороне.

— Скажи мне, почему, по твоему мнению, я смеялся?

Если разговоры не успокоили его, то ничто не успокоит его.

— Дело было не столько в твоём лице, сколько в твоих жестах.

Я встречал таких людей раньше, часто хуже его, а некоторых немного лучше (таких как я), но ни в коем случае меня не запирали в чужой машине, едущей по чьей-то дороге. На этой стороне было запрещено останавливаться: дорога была настолько узкой и извилистой, что, если бы вы остановились, полностью нагруженный угольный грузовик раздавил бы вас за полминуты. Я мог бы высадить его в полицейском участке в Ботри, независимо от того, будут ли перед ним двойные желтые линии, но мне не хотелось этого делать, потому что терпеть его до конца пути было проверкой характера, которую я должен был пройти. Если бы я был достаточно взрослым, чтобы участвовать в войне, я не думаю, что выжил бы с такими чувствами. Я решил, что резкий разговор будет единственным подходящим ответом.

— Тебе лучше помолчать, иначе я подобью тебе другой глаз. Если я хочу смеяться, я буду смеяться, а если я хочу плакать, я плачу. Это черт возьми, мое дело.

Он был оскорблен сквернословием, как я и надеялся, поэтому молчал, пока мы не миновали Ботри. С другой стороны, меня оскорбил моральный тон его молчания. Он смотрел на меня не как на личного агента лорда Моггерхэнгера, а как на обычного шофера, человека, которого он, с его сверхтонкой чувствительностью, был вынужден презирать, несмотря на то, что за душой у него не было даже полпенни.

Местность была плоской, пустынной, новорожденной, как будто она вообще не имела права быть землей. Я думал, что если бы я жил там, то в мгновение ока заболел бы лихорадкой. Я нервничал, если не видел возвышения, хотя бы вдалеке только свалку или холм с деревом наверху. Я пересек какую-то границу, и эта местность мне показалась неподходящей.

Перси спал или, по крайней мере, дремал, и я завидовал его способности включаться и выключаться, как хорошо смазанный кран, хотя даже с закрытыми глазами он не выглядел умиротворенным. Дрожь век и мерцание в левом углу его опущенных губ говорили о муках, с которыми мне никогда не придется мириться. Но я не был Перси

Блемишем, и мне не было пятьдесят восемь лет. Я надеялся, что никогда не стану им, хотя, когда форсированный черный «Мини» с четырьмя молодыми людьми внутри, с гудком и включенными фарами, с визгом вылетел из-за поворота, я предпринял достаточные действия по уклонению от столкновения, чтобы предположить, что мое подсознание, каким бы оно ни было, возможно, имеет другие идеи на этот счет.

Блемиш пошевелился. — Скоро ты можешь меня высадить. Мне предстоит лишь небольшая прогулка.

Я думал, что он будет со мной навсегда. — Твоя жена тебя ждет?

Его смех казался не совсем настоящим. — Она всегда ждет, хотя и надеется, что я никогда не приеду. Когда меня нет рядом, она сидит у телефона и ждет, пока позвонит полиция и скажет, что меня убили. Или что меня нашли на обочине дороги с сердечным приступом. Это понятно. Я не знаю, что бы я делал без нее.

— Почему бы тебе не развестись? Возможно, это сделает все более захватывающим.

— Мы бы поженились снова.

— По крайней мере, у тебя будет еще одно свидание, о котором стоит помнить. Вы не можете иметь слишком много. Чем больше вы имеете, тем дольше будет ваша жизнь.

Линия его губ выпрямилась. Взглянув на полсекунды в зеркало, я получил полностью законченный снимок, который можно было добавить к моему огромному запасу тайных фотоматериалов, многие из которых были сделаны с тех пор, как я себя помню. Его глаза остекленели, и когда он погладил свою оливково-серую щеку, они стали еще печальнее.

— Меня от тебя тошнит.

Он как будто ударил меня. Моя нога случайно соскользнула со сцепления. Я пришел в себя, ничего не сказал и сохранил гармонию с поворотами дороги. Дождь прекратился, поэтому я выключил дворники.

— Они действовали мне на нервы, — сказал он. — Думаю, я лягу спать, когда приду домой. В любом случае, было очень любезно с твоей стороны подвезти меня. Ты видишь тот дом впереди? Высади меня там, пожалуйста.

Он мог быть обаятельным, когда хотел, и мне было его жаль. Мне было интересно, к какому из двух коттеджей вдалеке он направится.

— Надеюсь, с тобой все в порядке.

Там была шлаковая площадка, где я мог припарковаться, поэтому я вышел и открыл ему дверь, как если бы он был Эдвардом VII. Он шел по грунтовой дороге, а я сидел в машине и смотрел на карту, прежде чем проехать последние несколько миль до Гула. Это заняло почти столько

же времени, сколько проехать пятьдесят миль по А1, потому что впереди идущая машина ехала на двадцати, а обогнать было невозможно из-за того, что по встречной стороне ехало много грузовиков. Но как только мы добрались до окраины Гула и преодолели ограничение скорости в тридцать миль в час, она увеличила скорость до пятидесяти и оставила меня позади - явление, с которым я часто сталкивался.

Затем я попал в стаю грузовиков «Вольво», проезжавших по широкому мосту у доков. Прежде чем я понял, где я нахожусь, я уже пересек реку и оказался в Старом Гуле. Затем мне пришлось повернуть назад, и такая же стайка «Вольво» снова унесла меня на запад.

Я свернул направо в центр и остановился недалеко от ратуши, где сориентировался по карте и добрался до неказистой улицы на окраине под названием Магглтон-лейн, на которой мне предстояло ждать. Было девять тридцать, поэтому я поставил будильник на без пяти десять, затем откинул голову назад и задремал. Солнце светило на меня, и я исчез из мира, но спустя, казалось, несколько секунд, сигнал будильника вернул меня к жизни. Следуя инструкциям, я вышел из машины, открыл багажник и сел на заднее левое сиденье, читая газету с заголовком «Террористы предъявляют условия».

Через две минуты десять часов (плохие оценки за опоздание) параллельно проехал бледно-голубой минивэн с гербом на боку. К моему удивлению, из него вышел и открыл Эрик Яркоголазый (он же Алпорт), которого я встретил несколько дней назад в поезде, идущем на Ливерпуль-стрит. На нем был синий комбинезон и кепка для яхтинга, и он не подавал виду, что знает, кто я такой, хотя я бы узнал его где угодно.

— Помогите мне с этими собачьими порошками, — сказал он.

Мы взяли десять квадратных пакетов, завернутых в коричневую бумагу и обвязанных почтовой веревкой, и сложили их в двойной ряд в багажнике «роллса». Когда я подписывал форму в его планшете, он провел ладонью по лицу — один раз.

— Забудь, что ты меня видел. Верно?

Я хлопнул ботинком.

— Без проблем.

Мы пробыли вместе две минуты, и он уехал в облаке голубого дыма. Все, что мне нужно было сделать, это выйти из Гула тем же путем, которым я пришел, и хотя я ожидал, что заблужусь в лабиринте водных путей и маршрутов грузовиков, вскоре я оказался свободен и направился в сторону Донкастера.

Первая фаза работы завершилась и я облегчением закурил сигарету. Работа персонала была образцовой, иначе, возможно, это бы и не затевалось. Очевидно, я работал в хорошей фирме. Трудно было поверить, что британская экономика находится в такой опасной ситуации, если вокруг есть такие таланты. В стране их было больше, чем нужно, чтобы компенсировать праздность, беспечность, беспомощность, будь что будет, веселый, черт возьми, как твой отец, давай поживем. Очаровательный и поразительный человек, с которым я познакомился несколько дней назад и которым, во всяком случае, эта страна всегда будет довольна и которого, без сомнения, будет с любовью вспоминать.

В трудные времена ситуацию обычно спасают те, у кого есть чутье, склонность к импровизации, творческие способности, трудолюбие, любовь к деньгам, гибкость, отсутствие паники в сложной ситуации, удача (конечно), отказ считать долгие часы анафемой и творческое внимание к деталям при составлении плана или программы — и я надеялся, что именно таким человеком я быстро стану.

Был, конечно, и другой тип людей, который ни одна страна не могла себе позволить, но который Англия каким-то образом научилась терпеть. Это те, кто совмещал все эти качества, но ограничивался рамками работы, которая сдерживала их от ее начала и до пенсии и защищала от опасности. «Это определенно сделало эту страну уютной и интересной для жизни», — подумал я, задаваясь вопросом, к какой категории я отношусь, когда отправился по разумно спланированному маршруту в южно-центральный Шропшир, где мне предстояло выгрузить партию посылок Моггерхэнгера.

Я увидел кого-то, стоящего рядом с тем местом, где я оставил Перси Блемиша, и моя спина похолодела при мысли, что это может быть снова он, на этот раз направляющийся на юг. Я не хотел, чтобы в машине больше путешествовали автостопом. Мы с Моггерхэнгером теперь были абсолютно едины в этом вопросе, хотя на моем старом фордике я много раз подвозил попутчиков, что не было большой жертвой, поскольку я никогда не уезжал очень далеко. Однако я решил сделать исключение для пожилой женщины лет шестидесяти, потому что к моменту моего приближения у меня не хватило духу оторваться и бросить ее, тем более что по машине загремел внезапный шквал ледяного дождя из Сибири.

— Куда вы направляетесь?

Я надеялся, что это будет следующая деревня.

— В Лондон.

— Я могу подвезти вас до Донкастера.

— Я была бы вам очень признательна.

— Садитесь сзади.

Я тронулся по своему пути.

— Это очень неподходящий день для поездки, — сказал я.

У нее были красивые черты лица, но ее лицо было изможденным и морщинистым. Я никогда не видел никого, кто меньше походил бы на автостопщика. На ней была дорожная накидка и хорошая кожаная сумка через плечо.

— Полагаю, автобусное сообщение здесь паршивое. — Молчание между двумя людьми казалось все труднее поддерживать. — Мне это место не кажется очень удобным.

— Я согласна, это не Лондон, — ответила она, — но я живу здесь уже несколько лет и не думаю, что у меня есть основания жаловаться на недостаток удобств. В местном пейзаже есть определенная суровость, но временами он может быть очень красивым.

Ей было больно говорить, как будто она создана для чего-то лучшего, чем разговаривать с кем-то, у кого она просила подвезти.

— У вас семья в Лондоне?

— Друзья. По крайней мере, я на это надеюсь. Я их давно не видела. Возможно, они там больше не живут. Еще у меня есть дочь, но она не хочет меня видеть. И я не хочу ее видеть. В последний раз, когда я слышала о ней, она работала в вегетарианском ресторане недалеко от Ковент-Гардена.

— Вы должны быть там к чаю. — Трудно было придумать, что еще сказать для оживления разговора. — Я высажу вас на М1, так что вас скоро подвезут. Я направляюсь в Шропшир.

— Тогда я поеду туда. — В ее голосе я уловил нотку неуверенности, почти истерики. — На самом деле, я поеду куда угодно, лишь бы сбежать отсюда.

— Здесь так плохо?

Она наклонилась вперед и сказала мне на ухо: — Вы понятия не имеете.

Эти слова охладили меня. — Наверное, нет.

— Я могу с вами поговорить, потому что вы кажетесь хорошим человеком. Я не могу сказать, что у меня была тяжелая жизнь, за исключением того, что я была замужем за человеком, который был очень нервным, если не сказать плохим. По происхождению я ирландка.

Эти слова попали мне в самую точку.

— Я тоже.

— Так говорит большинство людей, когда я им это рассказываю. Но я полагаю, что именно то, что я ирландка, дало мне силы выдержать все, через что мне пришлось пройти. В нашей семье было пять дочерей, а это означало, согласно распространенному мнению, что мой отец был большим мужчиной, чем большинство других.

Выражение горечи у нее не было врожденным, и я предполагал, что оно исчезнет с изменением ее жизни.

— В тридцатые годы, — сказала она, — он мог себе это позволить, не так ли?

Я не стал возражать, потому что не знал ничего лучшего. Она сказала, что он хотел, чтобы она поступила в университет, как женщина-пилот Эми Джонсон, но вместо этого она нашла работу и ушла из дома.

— Я поехала на юг и работала в муниципальном офисе, и там я встретила своего мужа, который работал в городском инженерном отделе. Никто не был счастливее меня, когда мы поженились, и никто, как мне казалось, не был более доволен, чем он. Никому из нас не пришлось участвовать в войне. Мы остались на работе и сумели накопить немного денег. У нас было две дочери, и после войны мы переехали сюда. Вы вполне можете спросить, почему.

— Почему? — спросил я.

— Я вам скажу. Очень мило, что вы подвезли меня и позволили мне поговорить с вами. Мой муж вёл себя очень странно сразу после того, как мы поженились. Я не знаю, почему. Его семья была совершенно нормальной. Они отреклись от него, когда он начал вести себя странно. Однажды он исчез. Это было не похоже на него. Он всегда говорил, когда выходит куда-нибудь, даже если только в сад полить лук. Через неделю он вернулся, грязный, в лохмотьях, с горящими глазами. «Мы уходим», — сказал он. — Мы будем жить недалеко от места под названием Гул». «Где это находится?» — спросила я. Он достал атлас и показал мне. «Почему Гул?» Я хотела знать. Он пристально посмотрел на меня, а затем ударил меня. Я ударила его в ответ — я была так потрясена. Возможно, мне не следовало отвечать на удар. Он просто хотел сделать это один раз, и тогда жизнь пошла бы нормально. Но жизнь не такая. Ну, мы тогда не поехали в Гул. Он становился все более и более странным, пока не потерял работу. Они называли это добровольным увольнением или преждевременным выходом на пенсию, но я знала, что это такое. В этой стране они заботятся о своих, к лучшему или к худшему.

Я старался не сойти с ума. Сначала один ненормальный на пути вверх, а теперь другая на пути вниз. Если бы это не было правдой, я бы не поверил. Я начинал чувствовать себя съеденным, как основное блюдо в

рабочем доме, как говорила моя бабушка, когда я в детстве не переставал говорить. Я решил избавиться от нее как можно скорее, хотя пока лил дождь, об этом не могло быть и речи.

— Наша семейная жизнь была десятилетиями страданий. Он уезжает на день или два, но покой, который я обретаю, когда он уходит, разрушается мыслью, что он может вернуться в любую минуту. На самом деле я никогда не узнаю, что он уйдет, пока его не будет двадцать четыре часа, и он может появиться в ближайшие двадцать четыре часа, хотя часто, слава Богу, он остается где-то вдали дольше. Но как только я начинаю надеяться, что он никогда не вернется, он пинком распахивает дверь и влетает, как вихрь. Сегодня утром я больше не смогла этого терпеть. После получаса бреда он уснул на диване, так что я вышла через кухонную дверь и решила, что на этот раз уйду именно я.

Я не мог поверить, что это было в первый раз.

— Это так, — сказала она. — До сих пор я считала, что оставаться рядом с ним и следить за тем, чтобы он не попал в сумасшедший дом, — это проверка моего характера. Это то, что мой отец вдалбливал всем нам, девочкам. «Чем труднее жизнь, — говорил он, — тем больше она испытывает ваш характер, и тем больше вы должны быть ей благодарны, потому что тогда вы знаете, что она идет вам на пользу». Когда я росла, слушая подобные вещи и пытаясь в них поверить, это разрушило мою жизнь до такой степени, что, хотя мне скоро исполнится шестьдесят, я не чувствую себя старше тридцати. Я чувствую, что моя жизнь еще впереди, хотя я и выгляжу измученной.

Да, но лишь в определенной степени, потому что чем больше она говорила, тем мягче и четче становились ее черты, пока мне не показалось, что ей далеко за шестьдесят. Она сложила плащ, положила его на сиденье рядом с собой и пригладила седые волосы, собранные в хвост по спине.

— Вы не возражаете, если я выкурю сигарету?

Я вытащил две из кармана и дал ей одну.

— Вы собираетесь остаться в Лондоне или вернетесь в Гул?

— Что я могу сказать? Возможно, если бы он попал в сумасшедший дом или тюрьму много лет назад, как он того заслуживал, он бы уже вышел.

— Это было бы хуже.

Она рассмеялась, показав хорошие зубы, что было приятным сюрпризом, Пара золотых серег затряслась.

— Судя по тому, как вы говорите, у вас, кажется, тоже были проблемы.

— А у кого их нет?

— Жаль, что мудрость приходит только к тем, кто страдает, — сказала она. — Раньше я верила в прогресс, но больше не верю.

— Зря.

— Я полагаю, что да. Возможно, со временем я снова в это поверю. Я найду работу в Лондоне.

Меня это почти не волновало.

— Какую?

— Кто даст работу такой, как я?

— Никогда заранее не знаешь.

— Это правда, — голос ее звучал более весело. — У меня на сберегательной книжке есть немного денег, так что я могу осмотреться. Я все равно что-нибудь получу, даже если буду ходить от двери к двери и просить работу.

— На вашем месте я бы никогда не вернулся, — сказал я.

— Не знаю.

— Может быть, он вылечится сам, а возможно, он этого не сделает. Но если вы вернетесь назад, будет разрушено две жизни, а не одна. Общие проблемы — это удвоенные проблемы.

— Вы говорите так, как будто знаете его.

— Просто у меня хорошее воображение.

Я не хотел усложнять ситуацию. Я двигался в сторону Донкастера и вскоре оказался в зоне слияния с трассой М1. Дождь прекратился, и она, казалось, была удивлена, что я так долго молча ехал по автостраде. Я не мог удержаться от достижения скорости в восемьдесят миль в час.

— Я понимаю, почему мужу нравится ездить автостопом на быстрых машинах, — сказала она. — Он часто рассказывал мне, как его успокаивает скорость по широкой прямой дороге.

— Жаль, что жизнь не всегда такая.

Мы вдоволь посмеялись над тем фактом, что это не так. Она мне очень понравилась, и я думаю, что я ей понравился. Я указал на Хардвик-Грейндж, чудесное здание на холме слева.

— Элизабет Толбот, больше известная по имени Бесс, построила его в шестнадцатом веке.

— Хардвик-Холл, — ответила она. — Я посетила его со своим отцом.

Идеальные указатели иногда вводили меня в заблуждение, когда я был уставшим и голодным, и, свернув с автострады в промышленную зону к западу от Ноттингема, я оказался в нужном месте. В столовой мы сидели над тарелками стейка с жареным картофелем, сладкими пирожными и чаем. С этого момента она останется одна, потому что я

направлялся в Шропшир. — Вас легко подвезут с выездной дороги, — сказал я. — Любой остановится ради такого респектабельной леди, как вы.

— Я бы хотела, чтобы вы позволили мне остаться с вами.

— Это не позволяет моя работа. Но если в Лондоне ваша ситуация станет отчаянной, меня можно найти.

У меня возникла идея отправить ее в Верхний Мэйхем, но я не мог гарантировать теплый прием Бриджит, поэтому я дал ей свой адрес, на имя Моггерхэнгера.

— Я знаю, что вы не можете меня взять, и я на самом деле не хотела спрашивать. Возможно, я снова проверяла вашу доброту. Я постараюсь не связываться с тобой в Лондоне. Я очень гордая женщина.

Мы расстались, как старые друзья. Я не мог понять, почему я почувствовал депрессию после того, как оставил ее. Надеюсь, что пройдя милью дальше по дороге, она не сошла с ума.

Я подумал о том, чтобы заскочить в Ноттингем на час или два, чтобы покататься по старым местам на моем роскошном темно-бордовом «роллс-ройсе». Может быть, я увижу, как Элфи Ботсфорд моет школьные окна; или Клодин Форкс, которая теперь замужем и имеет еще троих детей помимо того, которого я случайно подарил ей перед тем, как уйти; или мисс Гвен Болсовер со своим последним бестолковым и косноязычным любовником. Или я мог бы столкнуться — если бы мог, — со старыми Уикли, Питчем и Блендером, агентами по недвижимости, которые выбросили меня после того, как я продал дом Клегга тому, кто предложил самую высокую цену, и потребовал свой неофициальный залог.

Но бизнес был на первом месте. Я не видел ни одного из своих друзей из Ноттингема уже десять лет и они могли подождать еще несколько для этого удовольствия, и я тоже. После полудня я выехал на А52 и, после запутанного Дерби, двинулся по проезжей части с двусторонним движением до Уотлинг-стрит. За рулем этой машины я был в своей стихии. Британия могла гордиться мной. Я протиснулся мимо двух Мини и грузовика. На перекрестке стояла девушка, голосующая автостопом, в черных брюках и с рыжими волосами, но даже это не заставило меня остановиться. В любом случае она, вне всякого сомнения, была женщиной-полицейским, действовавшей в качестве приманки, чтобы найти улики относительно того, кто в прошлом месяце убил девушку, путешествовавшую автостопом.

На Уотлинг-стрит, старой римской дороге, А5, дороге от Лондона до Холихеда, этой военной ленте, проложенной для поддержания порядка у

древних британцев, я наблюдал, как стрелка моего компаса качнулась обратно на прямую и узкую дорогу, направляясь к более пасторальным горизонтам. День продолжался, несмотря на дождь, солнце и снова дождь, а за Шрусбери — холмистые пастбища, усеянные овцами.

Я остановился, чтобы купить провизию в деревенском магазине, который был настолько маленьким, что вы едва могли передвигаться, но там была куча корзин из супермаркета, чтобы вы могли себе что-то выбрать самостоятельно, пока женщина сидевшая у кассы, ждала, пока вы, шатаясь, подойдете и заплатите. Она выглядела надутый, думая, что мне нужна только плитка шоколада, но оттаяла, увидев, что я беру молоко, хлеб, сыр, бекон, яйца, сосиски, апельсины, чай, шоколад, сахар, сигареты и овощи — все на счет Моггерхэнгера — достаточно для сорока восьми часов заключения в коттедже «Пепперкорн», где мне предстояло скрываться, пока не будут забраны десять посылок.

К трем часам я, казалось, был в пути целую вечность и хотел спать, но ливень с градом и мокрым снегом, эта прекрасная весенняя погода заставили меня бояться, что я соскользну со склона холма или бесследно утону в грязи, если я зайду слишком далеко с трассы, чтобы найти более укромное место, где я мог бы отключиться на час. Я полагал, что сейчас самое время для бензедрина, валиума или других подобных таблеток, которые люди глотают, чтобы поддерживать бодрость, но у меня с собой не было ничего подобного, и в любом случае я никогда не принимал лекарств, кроме время от времени аспирина. На протяжении шестидесяти годов я считал людей сумасшедшими, если они принимали такие таблетки, как Долли Микстур или Смарты. Если бы я хотел расслабиться, или взорвать мозг, или получить отличный опыт, или найти новый горизонт, я бы либо получил это без таблеток, либо не получил бы вообще.

Я жевал плитку шоколада и курил, уютно защищенный в машине, наблюдая, как мужчина в клеенчатой куртке и резиновых сапогах идет по склону холма с собакой-колли к стаду овец у далеких ворот — картина из жестяной коробки от печенья оживает. Ледяной поток дождя и града был настолько сильным, что он почти исчез. Я чувствовал себя защищенным, глядя на мужчину и его собаку, пробивающихся к коттеджу, который стал виден, когда град прекратился. Светящаяся зеленая пропасть между облаками обрисовывала очертания холмов и блеск их склонов, и я чувствовал себя более дома, чем на голландских равнинах вокруг Верхнего Мэйхема.

Я разглядывал сеть переулков на карте, пока подходы к моему коттеджу не стали понятны. Предпочтительным способом было добраться

до него с востока, но я предпочитал (поскольку ферм на той стороне было не так уж много) подойти к нему с запада, что означало проехать еще несколько миль. К семи часам дневной свет начал угасать. Дождь смыл мертвых комаров с лобового стекла. Я был не в лучшем положении, потому что, несмотря на мощные фары «роллс-ройса», я был склонен видеть двойко или видеть реальные объекты там, где была только тень. Бледное небо над поворотом повлекло меня по долине, влажный воздух которой я чувствовал, в боковую долину, через седловину и снова вниз. За Бишопс-Каслом и Клуном я резко свернул на запад и, когда стемнело, проехал через световой туннель, в котором не было видно ничего, кроме черных сторон и крыши. Я выключил радио и посчитал перекрестки, развилки и перекрестки. В одном был паб, в другом - телефонная будка, в третьем - фермерский дом. Я миновал Дог-Энд-Грин, Изжоговую мельницу, Уголок Джоба, Либерти-Холл, Лоуэр-Куалм и Топпинг-Хилл — или так я их называл — и, наконец, после одного неверного поворота и взгляда на карту, я нашел переулок, ведущий к коттеджу «Пепперкорн».

Я проехал через лесную полосу и по склону холма. В свете моих фар кролик сначала запаниковал, но потом увидел выход и зигзагом побрел под куст. Трасса представляла собой две полосы асфальта, между которыми трава задевала днище машины. Ворота преградили мне путь, и я вышел, чтобы открыть их.

Дорога плавно поднималась еще на полмили, а затем вышла за очередную россыпь деревьев. На вершине склона ярко сияли звезды, и мне хотелось выйти и прогуляться, но я опустил фары и пополз по сужающейся колее, опасаясь, что если машина сломается, то некуда будет повернуть.

Когда я опустил стекло в двери, капли дождя посыпались мне в лицо, а свежий воздух оживил меня. Бык громко промычал с поля. Деревенские огни блестели, как оранжевая мишура на склоне холма. Переулок круто пошел вниз. Я был недалеко от своего ориентира на крупномасштабной карте, но дома не было видно.

Я вышел из машины с фонарем в одной руке и взведенным тяжелым пневматическим ружьем в другой, надеясь поймать кролика лучом света. Пуля с близкого расстояния, нацеленная в нужное место, ослепит или собьет с ног любого, кто представляет опасность. Шум текущей воды заглушал мое приближение. Позади тень моего автомобиля закрывала часть неба. На многие мили поблизости не было ни одного человеческого существа. Я выругался, увидев, что мои брюки забрызгались грязной водой.

С деревьев ухнула сова, и ручей устремился в русло под грязной

тропой, круто поднимавшейся над провалом. Потом я увидел слева темное здание и тропинку, ведущую к нему сквозь кусты и деревья. Между домом и ручьем было место, где можно было повернуть машину, но при каждом маневре задним ходом я боялся, что задние колеса соскользнут в ручей и застрянут, так что мне потребовалось десять минут, чтобы выехать с тропинки.

Я пробрался сквозь заросли высокой крапивы и на пороге посветил фонарем на часы. Было девять часов, а по ощущениям было два часа ночи. Я был в пути семнадцать часов и аплодисментов с моей стороны это не заслуживало. Пистолет наготове, я толкнул дверь ботинком, подождал немного, а затем прыгнул внутрь.

Глава 9

Большая серая крыса пробежала по лучу моего фонаря, и мои чувства немедленно опустились на более низкий уровень существования. Пуля, которую я выпустил, пробила воронку в оштукатуренной стене, срикошетила рядом с моей головой и вылетела, оставив дыру в окне и забрызгав стеклом кровать.

Я зажег газовую лампу, свисавшую с балки, и ее шипящий белый свет более или менее осветил комнату. Влажный воздух пах землей и вонючими тряпками, и я дрожал от холода, жалея, что не оказался в каком-то месте, выбранном из «Путеводителя по хорошей еде и отелям», который Моггерхэнгер держал в перчаточном ящике машины на случай, если ему понадобится позаботиться о себе в дороге. Я мог бы отнести это на расходы.

— Ты просто не думаешь, — как говаривала Бриджит, — не так ли?

Я поставил радио на шаткий стол. Необходимо было приложить усилия для создания минимального комфорта. В конце комнаты находился огромный камин, сложенный из валунов, возле которого лежала куча газет и стопка поленьев с тупым топориком сверху. Я вырубил несколько палочек и разжег прекрасное пламя, хотя огонь должен был гореть здесь неделями, чтобы улучшить сырую атмосферу. Под окном стояла газовая горелка и почерневший чайник, который я наполнил из ручья. В шкафу я нашел чай (заплесневелый), сахар (сырой) и молоко (кислое), все это я выбросил в кусты, а из машины взял свежие продукты. Комната наполнилась запахами жареного бекона и яиц, шипящих на сковороде помидоров и поджаренного хлеба. Через час после прибытия я сидел у камина, курил сигарету, пил лучший чай со времен утреннего кафе Майка и слушал рассказ по радио о поэте,

который покончил с собой, живя в изолированном коттедже в отдаленной местности лесистой части страны.

Быть отрезанным от мира и от всей нормальной жизни было неприятным ощущением, хотя, поскольку мы выросли на улице, считавшейся трущобой, у нас по крайней мере был кран и газовая плита, а также туалет во дворе. Я вырыл яму мастерком сбоку от дома и присел на корточки с зонтиком в одной руке, фонариком в другой и рулоном белой бумаги в зубах. Я предположил, что здесь жил какой-нибудь пастух с женой и восьмью детьми, такой же счастливый, как и долгая середина зимы, но это отхожее место определенно не было тем помещением, в которое женщина могла бы войти с трусиками в руке.

Было тихо — я так скажу — если не считать крысиного царапанья, но он или она (они, скорее всего) держались на приличном расстоянии после моего приветствия пулей. Я бросил в огонь еще охапку дров, а затем сложил десять пакетов из машины в комод, надеясь, что при плотно закрытых дверцах крысы не проберутся и не попробуют их содержимое. Над комодом, чтобы придать этому месту домашний уют, висела еще пара призывов Моггерхэнгера в рамках (хотя по углам у них было мушиное дерьмо), гласивших: «Вечное насилие — цена безопасности» и «Мораль не знает границ».

Я поднялся наверх, чтобы посмотреть, в каком состоянии спальни. В одной из спален слева под окном лежали кучи тряпок, и я не стал проводить расследование, опасаясь обнаружить под ними гниющего бродягу. Остальная часть помещения была заставлена красными и белыми пластиковыми столбиками для организации систем встречного движения на автомагистрали, а также красными и желтыми огнями, указателями дорожных работ, треугольниками «мужчины на работе» и полицейскими знаками «медленно». Как будто кто-то в этих местах нарушал правила дорожного движения, потому что мой фонарик также освещал счастливые знаки двух детей, идущих рука об руку в школу; оленя, весело скачущего через дорогу; кошмарную лавину камней, ударившуюся о крышу автомобиля, и знак, что машина наполовину затонула в воде после отъезда с причала. Еще на одном знаке был изображен автобус, зажатый между двумя челюстями подъемного моста, из которого высыпались люди, размахивая руками.

К черту это, сказал я, позвольте мне спуститься вниз; но сначала я заглянул в комнату напротив. На низком столике между двумя железными кроватями стояла горка бутылок со свечами, воткнутыми в верхушки. Ковер был настолько покрыт пятнами жира, что я не стал ходить по нему, опасаясь поскользнуться и сломать себе шею. По

комнате пробежал паук размером с пепельницу, но он казался вполне дружелюбным по сравнению с крысами, щебечущими у плинтуса, потому что медленно вернулся, чтобы взглянуть на меня.

Я поставил раскладушку перед огнем и лег полностью одетый. Одежда весила, как медвежья шкура, пролежавшая сорок лет в сыром ломбарде. Разбухший ручей еще больше усилился дождем, который сначала ударил в окна над моей головой. Дверь была так плохо подогнана или деформирована, что сквозь нее прорывался ветер и в комнате было холодно.

Спать было трудно из-за двух кружек крепкого чая и того факта, что за плинтусами царапалось и пищало по меньшей мере полдюжины крыс, проводивших военный совет. Я прочитал Закон о массовых беспорядках на крысином языке и выстрелил в пару глаз-бусинок, что на несколько минут воцарило тишину, хотя выстрел, не попав в цель, снес еще один квадратный фут штукатурки. Распространенность такого количества крыс заставила меня задуматься, не за горами ли времена, когда обычное оружие перестанет быть актуальным и мне придется перейти на ядерное. К счастью, такой вариант был за пределами моих возможностей, и все, что я мог сделать, это перезарядить пистолет и положить его на пол рядом с кроватью. Моггерхэнгеру пошло бы на пользу, если бы дом превратился в руины из-за отсутствия более уютного передаточного поста.

Мне снилась дорога, бегущая перед моими глазами, выбоины, которых я избегал, светофоры, внезапно загорающиеся красным, когда я ехал на девяносто. Я выходил из кафе; находил спущенными все четыре шины (а также запаску); затем «роллс-ройс» двигался назад к обрыву, а Моггерхэнгер, Коттапилли, Пиндарри, Кенни Дьюкс, Тоффиботтл и Джерико Джим были готовы выстрелить в меня из дробовиков, если он перевернется. Или я мирно ехал по зеленой дороге, рядом с которой короткими громкими писками раздавалась очень своеобразная полицейская сирена, какой я раньше не слышал.

Когда я сел, две крысы спрыгнули с кровати. Я ощупал свой нос, чтобы проверить, на месте ли он. Он было мокрым, хотя и не от крови. Я не знал, смеяться мне или шептать молитвы. Я смеялся. Крысы были невидимы в темноте. Их глаза светились, а задницы, когда они убегали — нет. Я осветил комнату фонариком и выпустил еще одну пулю туда, где могло быть их логово, просто чтобы показать, кто здесь босс, и вытер холодный пот с лица. Я чувствовал себя офицером в окопах Великой войны, за исключением того, что мог покинуть свой пост и сделать ставку на победу Англии. В помещении, полностью сделанном из глины,

проходил военный трибунал. Крысы сели за стол и приговорили меня к смерти. Радость жизни побудила меня выстрелить дюжиной пуль. Шум ручья снаружи подействовал на мой мочевой пузырь, поэтому я помочился, стоя на пороге. Потом я заснул. Человеческий организм может выдержать без сна лишь определенное количество времени.

Свет, разбудивший меня, был отражением дневного света от стены. Я сел, застрелил крысу, встал с кровати, разжег огонь, поставил чайник, положил на сковороду сосиски, потом затянулся сигарой и стал ждать результатов.

Пуля вышибла крысе мозг, что перед завтраком было неприятным зрелищем, но я смел останки в кастрюлю и выбросил их через кусты. К тому времени, когда мои сосиски были приготовлены, они выглядели как какашки, плавающие изо всех сил в луже жира. Когда я слил жир в огонь, в комнате завоняло, как в пакистанской закускойной. Я собирался лечь спать, когда услышал, как кто-то движется наверху. Выживание, которое поначалу было новинкой, становилось проблемой.

Днем я намеревался смести кучи песка и штукатурки, образовавшиеся в результате моей нервной перестрелки. Затем бы я вытирал пыль, мыл и стирал, где это необходимо, чистил окна, чтобы впустить побольше света, и сушил одеяла, чтобы моя вторая ночь стала немного уютнее. Но я никоим образом не был склонен делить свое жилище, и если ночью сюда пробрался старый бродяга, я был полон решимости избавиться от него.

Я мягко подошел, намереваясь всадить пулю ему между глаз, если он попытается хоть как-то бороться. Груз, заключенный в комод, был слишком ценным, чтобы отдаваться на милость легкомысленного бродяги. Если это было то, о чем я начал думать, он бы слизнул эту белую пыль с блаженной ухмылкой и, по крайней мере, умер бы счастливым.

Послышался шум, будто кто-то выбился из картонного кокона. Бутылка упала на пол, и, приветствуя этот шум, поскольку он заглушал скрип лестницы, я прыгнул в комнату и распластался у двери. Даже полный дневной свет не позволял мне видеть комнату. Я казался здесь единственным, и это доказывало, насколько далеки были мои чувства от реальности.

По другую сторону кровати, у камина, из которого, как пыль из холодного вулкана, высыпался центнер ржавой сажи, сидела красивая коричневая сова, ее глаза смотрели так, будто я не имел права входить в ее штаб без разрешения. Сначала крысы, а теперь сова. Поперек она был почти такого же размера, как я, но слишком большой в длину, чтобы ее можно было вынести из зоопарка. Она была неподвижна, как будто моя

единственная надежда заключалась в том, чтобы сесть и обсудить с ней все спокойно и разумно.

Когда я сделал жест пистолетом, она полетела прямо ко мне. Я пригнулся. Она прогремела по комнате, пробила канал в куче саж, опрокинула две бутылки и расположилась у двери так, что я не мог выйти. Она питалась отборными крысами, а теперь видимо будет и мной. В ее действиях было что-то человеческое, поэтому я не мог выстрелить. Одно из окон было открыто, и я, танцуя, двинулся вперед, надеясь, что у нее будет смысл выйти тем же путем, которым она вошла.

«Может быть, мне не следовало ее пугать», — подумал я, когда она пролетела над деревьями, и закрыл окно. Поскольку она приходила каждую ночь и съедала дюжину крыс, мне следовало оставить ее себе в качестве компаньона. Это было так похоже на меня — спугнуть то, что могло бы мне помочь.

Утешая себя обильным завтраком, я подумал, какое хорошее место это было бы для Билла Строу, чтобы спрятаться, хотя оно и принадлежало Моггерхэнгеру, который жаждет изловить Билла, — гораздо лучше, чем быть запертым в стропилах Блэскина, где будет лежать его скелет. обнаруженный через пятьдесят лет, когда квартал снесут для реконструкции.

Шел слепящий дождь, поэтому я остался внутри. Полоса деревьев вдоль ручья затемняла это место, и низкие облака тому также способствовали. У меня весь день горел свет. На полке, прибитой к стене, стояло множество книг в мягкой обложке, испачканных и полных песка, и, встряхнув каждую из них по отдельности, я увидел, что все они были написаны Сидни Бладом. На полях одного из них, под названием «Багровая ванна», были подчеркнуты и комментарии, доказывающие, что Кенни Дьюкс бывал в коттедже «Пепперкорн».

В этой скрытой расщелине земли свет длился всего несколько часов. После ковбойского обеда я лег на кровать и заснул на два часа, но меня разбудила крыса, бегущая по моей груди. Я бы посоветовал Моггерхэнгеру, чтобы следующий курьер в коттедж «Пепперкорн» привез пару котов из Степни. Я заварил чай и съел парочку пирожных, гадая, как скоро я сойду с ума, если мне придется остаться в этом отеле надолго.

В резиновых сапогах и клеенчатом плаще я пошел по тропе, но теперь, когда я оделся для дождя, дождь прекратился. Дым шел из трубы фермы, находящейся примерно в миле отсюда. Я пошел в поле. Кролик, молодой, но уже жирный, посмотрел на меня, и как раз в тот момент, когда он собирался пошевелиться, я нажал на спусковой крючок.

Изоляция коттеджа «Пепперкорн» вдохновила меня на то, чтобы немного пожить за счет земли. Кролик пробежал пару ярдов, затем остановился и начал крутиться на одном месте и тогда я схватил его за задние лапы и нанес убийственный удар.

Я наточил нож на пороге, вытащил кишки и желудок, отрезал голову, снял с тушки шкуру и разделал на части. Для тушеного мяса я добавил картофель, морковь и лук, а также несколько лавровых листьев с куста у двери. Я разжег огонь, чувствуя себя каннибалом, и помахал черным горшком над пламенем.

Свет солнечных лучей не доходил до четырех стен, так что пылающий огонь превратил это место в пещеру. Возможно, крысы отвернулись от меня главным образом потому, что я не позволял им стать слишком дружелюбными. Некоторые люди говорят, что они очень умные существа. Жуя жареного кролика и бросая кости в огонь, я слышал больше визгов негодования, чем когда пожирал соленую и безвкусную колбасу. Но я отказался поделиться своей вкусной и обильной едой. Они были достаточно большими, чтобы выходить и ловить собственных кроликов.

Тени двигались по стенам. Я видел крыс повсюду. Я повернулся и выстрелил из пистолета, но, поскольку я стрелял из злого умысла, а не из чувства самосохранения, рикошет попал мне в лодыжку. Клянусь Богом, маленькие кровососы засмеялись хором. Когда я снял носок, на нем остался темный синяк, и я скакал по комнате, пока нога не заболела от холода сильнее, чем от пули.

Я застрял здесь, пока кто-нибудь не придет за пакетами. Возможно, они не появятся в течение месяца. Я предпочел не думать об этом, вытащил из камина камень и швырнул его в крысу у лестничной двери. Попал прямо по заднице, но удобная дырочка поглотила ее. Они становились смелее.

В просвете облаков, когда я стоял у открытой двери, были видны более яркие звезды, чем я когда-либо видел. Одна крыса выбежала на улицу, другая забежала. Потом снова зашла та, что выбежала. Как долго они будут меня терпеть? Я стоял в стороне, чтобы не мешать движению транспорта. Тем не менее, изолированность дома мне понравилась. Если бы это было мое, я бы поставил ловушки для крыс и заложил яд, купил бы больше ламп, чтобы повесить их, принес бы печи для обогрева помещения, прибил бы картины на стену, расстелил бы новые ковры, установил бы телевизор с батарейками и проигрыватель, купил бы генератор и насос для забора воды из ручья, а также соорудил туалет в сарае рядом с домом и открыл радиотелефонную линию с местной АТС.

Я бы расчистил растительность и разбил декоративный сад, построил террасу и солнечную веранду, а также выкопал бассейн. Я бы устраивал вечеринки и приглашал всех молодых девушек со всей округи.

Я плюнул. Слишком дорого. С тем же успехом я мог бы купить дом в Клэпхэме. Когда я захлопнул дверь, я чуть не придавил еще одну крысу, пробиравшуюся внутрь. Я решил переночевать в машине, которая, если смотреть из окна этой заляпанной грязью и кишачей крысами норы на склоне холма, казалась верхом цивилизации. Я задавался вопросом, не была ли отправка в это место идеей Моггерхэнгера проверить, не поседею ли я или не сойду ли с ума. Я наполнил флягу и приготовил бутерброды с беконом. Потребовалось несколько поездок, чтобы переложить в машину провиант, одеяла и пистолет. Я постарался запереть за собой дверь коттеджа.

Сияли звезды, качались деревья, вода струилась в нескольких футах от крыла. Я был сыт и доволен, хотя и не был особенно сонным. Дождя было мало. Мне было комфортно, но в машине я чувствовал себя более уязвимым, чем дома, несмотря на моих пищащих и суетсяящихся друзей. Я слушал радио, ел, пил чай и время от времени выходил на прогулку, стараясь быстро открывать и закрывать дверь. В десять часов делать было нечего, кроме как спать. Потом я почувствовал, как крыса пробежала по моей руке.

Я подумал, что это меня щекотал уголок одеяла. Но, сказал я себе, у одеял нет холодных когтей и влажных носов, даже в углах. Щекотка одеяла подобна щекотке бабочки, мотылька или даже на худой конец синей бутылки пива. Ни в коем случае даже край одеяла не мог сравниться с мордой полноценного шропширского грызуна.

Я вскочил, ударился головой, и маленькая мерзавка с писком побежала под рулевую колонку. Стрелять в таком ограниченном пространстве было бы безрассудно, и Моггерхэнгеру не понравились бы шрамы от пули по всему внутреннему убранству. Я нырнул через сиденья, чтобы схватить крысу голыми руками, надеясь, что она не привела с собой и свою половинку, иначе к утру здесь будет как минимум две семьи.

Если бы я не был в безопасности в «роллс-ройсе», где бы я был в безопасности? Я должен был остановить вторжение. Живая крыса в машине — это не шутка. Я закурил сигарету и потратил несколько минут на то, чтобы все обдумать и привести крысу в состояние самоуверенности. Я не вчера родился.

Я вытащил из кармана пальто кожаные перчатки. Крыса была возле моего ботинка и нюхала кожу. Свет горел, и я мог ясно видеть ее — около

восьми дюймов в длину и вполне довольную собой. Я действительно увидел ее зубы и почувствовал их боковой частью ботинка.

Эта крыса никогда в жизни не удивлялась больше — тому, что от нее осталось. Я тоже. Я схватил ее, как тисками, вокруг мягкого живота, затем открыл окно и швырнул в ручей. Я прислушался к всплеску, но, к моему огорчению, она приземлилась на дальнем берегу, а затем я услышал всплеск, когда она поплыла обратно. Я задраил все люки и обыскал все, что было возможно, с фонариком, пока не понял, что я один. Я смеялся, как Борис Карлофф после того, как он задушил свою седьмую жертву. Я был в безопасности от крыс, но даже в этом случае время от времени ночью я слышал, как одна или две бегали по крыше машины, и они звучали так, как будто они приготовили это для меня.

Глава 10

— Эй, ты там!

Я думал, что крысы изобрели миниатюрный таран и стучат им в окно, но вскоре понял, что приехали забирать пакеты. Я зевнул и сел. День моего освобождения был близок.

— Черт возьми, почему ты не отвечаешь?

По крайней мере на первый взгляд, его речь показалась мне определенно ненадежной. Возможно, я ошибался, и, без сомнения, так оно и было, и он не более ненадежен, чем я, просто я так инстинктивно это осознал. Я никогда не был против четкого разговорного английского, хотя слышал, как в Лондоне говорили, что северный акцент — это уютно и мило. Я отказался от своей ноттингемской речи, как только начал работать в агентстве по недвижимости, когда мне было семнадцать, иначе люди могли бы не понять меня так быстро, как мне хотелось, а это отрицательно сказалось бы на шансах мошенника на успех. При пересечении границ в качестве контрабандиста золота первым требованием была нейтральная без акцента речь, которую даже Билл Строу использовал в своих путешествиях.

Мужчина с голубыми глазами и светлыми локонами возле машины выглядел так, будто он только что вышел из раздевалки возле спортивной площадки, но я сразу понял, что он пришел за коробками с наркотиками в коттедже. Он курил тонкую трубку, а на шее у него был шарф, хотя цвета университета или футбольного клуба я не знал. Когда он улыбался, во рту его было что-то твердое. Ему было около двадцати пяти лет, но он мог быть и старше. Кем бы он ни был, он был не в себе.

Я открыл дверь и вышел. Их было двое, второй был темноволосый и

носил шарф немного другого рисунка.

— Прости, что мы вытащили тебя из страны закрытых глаз, — сказал красавец. — Я Питер.

— А я Джон, — крикнул другой с берега ручья, где он привязывал красно-бело-синее каноэ к деревцу. — Ты можешь задать вопрос, что мы здесь делаем.

— Я бы тоже узнал это, — сказал Питер. — Мы плывем по реке Драйвел, от ее истока до моря, за счет благотворительности — своего рода спонсируемая поездка. Нас высадил лендровер примерно в четырех милях отсюда к северу, но большую часть маршрута нам приходилось нести проклятый каяк.

— Сейчас все выглядит немного лучше, — сказал Джон. — По крайней мере, здесь нет никаких блокпостов.

— Нам нужен балласт, вот и все.

Питер слишком сильно постучал трубкой по переднему крылу «Роллера», и чашечка отлетела от мундштука. — Ох, черт побери!

Я заметил небольшое изменение в его акценте.

— Дело в том, — сказал Джон, — что нам нужно пять маленьких противовесов, чтобы разместить их поперек кия.

— Их десять, — сообщил я ему.

— Нам сказали забрать пять. Я думаю, что кто-нибудь другой заберет остальные. — Я заметил шрам на левой стороне его лица, и он явно получил его не от дуэлей на шпагах. — Вы поняли, о чем я говорю, мистер Каллен?

— Они в комод.

Я кивнул в сторону двери и дал ему ключ. Раннее утро было не самым моим любимым временем дня, особенно перед завтраком, и я знал, что с такими людьми чем меньше слов, тем лучше — одна черта, общая у преступников и полиции. Разговоры ни к чему не приведут, если только ты этого не захочешь.

Он неохотно взял ключ и открыл дверь коттеджа.

Питер увидел одеяла в машине. — Ты там ночевал?

— Конечно.

— Зачем?

— Удобнее с одной стороны, а с другой стороны...

В доме раздался шум, и Джон, если его так звали, упал с порога, когда поспешил выйти. — Чертовы крысы, — закричал он с выражением ужаса. — Их здесь полно.

— Я видел одну или двух. — Я знал, что нет ничего более достоверного, чем возгласы страха чтобы определить его акцент,

который, похоже, был в основном западным. — Но они почти ручные. Они не причинят тебе вреда.

Он от ярости убил бы меня, но понял, что если попытается, то один из нас или оба окажутся в реке. — Я заварю тебе чаю, — сказал я, — если у тебя есть время. Я еще сам не пил.

Они сидели на каменной скамейке, пока я топил печь. Чашки были не из самых чистых, и Питер вытер края сложенным белым носовым платком.

— Как давно ты здесь?

— Пару ночей.

Джон взглянул на дверь.

— Лучше ты, чем я.

— Я могу принять это или оставить здесь.

— Я, — сказал он, — я бы оставил это. Однажды я прочитал книгу о будущем. Я забыл, как она называлась. В этой книге надели на лицо парня клетку с крысами. Целую неделю меня мучили кошмары. — Он погладил шрам на щеке и одним глотком выпил обжигающий чай. Он явно побывал в тюрьме.

— Нам пора уходить, — Питер поставил чашку на скамейку. — Или мы опоздаем к кораблю. Прилив никого не ждет.

Я помог ему вытащить пять пакетов, и мы уложили каждый в пластиковый контейнер, пока Джон вытаскивал каноэ на гравий. Они аккуратно улеглись на дно лодки.

— Надеюсь, не намокнут, — сказал я

— Никаких шансов, — сказал Питер. — Если это произойдет, мы их высушим и поправим ситуацию.

Мы перенесли лодку через переулок, протащили ее через половину поля и вниз через кусты к месту, где река выходила из оврага. Они подняли вымпел с надписью «СПАСИТЕ СВЯТОГО ДАМИАНА» и, смеясь и крича, махали веслами, чтобы избежать берегов в бурлящем потоке. «Они определенно знают свою работу», — размышлял я, возвращаясь в коттедж ждать следующих сборщиков.

Я позавтракал на улице под слабым солнечным светом. Крысы уже предчувствовали победу, потому что я слышал, как они играли в прятки. Я закурил свою первую сигарету, радуясь мысли (как оказалось, ошибочной), что моя работа наполовину закончена. Погода была хорошая. Всегда было так, что как только я начинал думать, что жизнь улучшается, случалось что-то плохое, подсказывавшее мне, что следовало бы иметь больше здравого смысла. Оптимизм всегда был ничем иным, как предупреждением.

По переулку проехала машина, и я увидел сквозь кусты синий мигающий свет. Прибежали четверо самых больших копов, которых я когда-либо видел, схватили меня и прижали к стене. Слава Богу, они не применили насилие. Я выкрикивал всевозможные угрозы, ссылаясь на своих адвокатов из Ассоциации гражданских свобод, но это не возымело никакого эффекта. Они бросили меня на пол, и собака-ищейка обнюхала меня с ног до головы. Я думаю, что это была смесь немецкого дога и лабрадора, скрещенная с собакой Баскервилей, хотя кто я такой, чтобы сомневаться в ее породе? Это определенно был самый большой собачий ублюдок, которого я когда-либо видел.

— Он не виновен, — сказал один полицейский.

Я мог бы им это сказать сам, но они не спросили. В любом случае, мне было трудно говорить, уткнувшись лицом в грязь.

— Тогда где оно? — крикнул Номер Два, наклоняясь к моему уху. Он притянул мое лицо к себе.

— Где что?

Как они могли так легко добраться до меня? Я не знал, что меня поразило. В наши дни они используют тактику блицкрига: один сзади, один спереди и один в дымоходе. Не вставая, он перевалился через мое тело, чтобы добраться до другого уха. Номер Третий надавил ботинком на мою шею, и боль была такой сильной, что я думал, он его сломает.

— Ты чертовски хорошо знаешь, где это. И где это, черт возьми?

Я, конечно, так и сделал, и не собирался принимать ответственности за Моггерхэнгера.

— В доме. В комод.

Меня подняли, как тряпичную куклу, посадили на скамейку и дали сигарету.

— Почему ты все усложнил? Почему ты сразу не сказал?

Инспектор крикнул парню внутри. — Сколько?

— Четыре, сэр.

— Их должно быть пять.

Парень вышел с пятью пакетами на руке.

— Было слишком темно, чтобы считать.

— Я разберусь с тобой позже.

Другой зашел за печеньем для собаки. — Есть вода для нашего Дисмала?

Я указал на ручей.

— Не будь таким резким.

У меня кровь кипела от размышлений. Меня засадят на двадцать лет? Или сорок? В следующий раз я совершу убийство и получу только пять. Я

не возьму на себя вину за эту работу на Моггерхэнгера, даже если бы он разрезал меня на ленточки в тюрьме. Я был готов заплакать из-за устроенной путаницы и задавался вопросом, как могло случиться, что копы узнали, что я здесь с таким грузом. До прибытия каноистов я мог предположить, что в посылках нет ничего, кроме английской соли или пакетиков аспирина, и что я являюсь приманкой, но они не могли разработать столь оригинальный и тщательно продуманный план перевозки только для этого.

— Я не знаю, что вам нужно. — Я погладил собаку, которая после сухаря и воды казалась дружелюбной. — В этих пакетах нет ничего противозаконного. В любом случае ордера на обыск я не видел, если вы не возражаете, что я так скажу.

Я увернулся от удара слева, но это было несерьезно, иначе бы он попал в меня.

— Вы не возражаете, если я схожу за печеньем? — спросил я. — Я голоден.

Инспектор кивнул. Я вытащил пакет, и Дисмал вырвал у меня из рук первый кусок. После пинка инспектора он распутался и пошел мочиться.

В таких обстоятельствах моя наблюдательность теряется, но я видел, что инспектор был, по крайней мере, хорошо сложен. Он снял фуражку, чтобы поговорить и почесать лысину. Я бы назвал его не белым, а розовым — и надеюсь, что не пойду при этом против Закона о расовых отношениях. У него были толстые губы, выпуклые голубые глаза и нос, который, казалось, был сломан не раз. Без фуражки он выглядел наполовину цивилизованным, но тон голоса был настолько разумным, что любой бы дрогнул, кроме меня.

— Мы отвезем материал в наши лаборатории. Не тебе, ни мне, ни моим офицерам здесь нельзя говорить, что содержится в этих пакетах, пока они не будут должным образом проверены компетентными органами. Так что закрой свой чертов рот. Я настоятельно советую тебе оставаться в нынешнем месте жительства — то есть здесь — до тех пор, пока ты не получишь от нас известия. Могут возникнуть дополнительные вопросы, после которых вполне могут быть предъявлены обвинения. Это понятно, сэр?

— Хорошо, — сказал я.

Он надел шляпу.

— В машину, ребята!

Я отмахнулся от них с улыбкой, чтобы показать, что мне нечего бояться, или как виноватый человек, который думает, что это лучший способ вести себя, но знает, что это самый верный способ быть

признанным виновным. Когда машина исчезла из видимости и ее стало не слышно, я мог только надеяться, что за последние полчаса в конце переулка образовался откос, так что они упадут на пятьсот футов и никогда не вернутся обратно.

Но так удачно не бывает. Это был конец. Половина драгоценной добычи Моггерхэнгера направлялась в полицейский участок, а мне пришлось остаться в кишасей крысами лачуге до тех пор, может быть, два или три дня, пока они не придут и не заберут меня. У меня даже не хватило духу зайти внутрь и заварить еще чашку чая. Мой боевой дух упал, и это был факт. Я не мог думать ни о чем при шуме воды с одной стороны, торжествующем царапаньи крыс с другой и шелесте ветра в ветвях над головой.

Единственное, что говорит о том, что ваш моральный дух ухудшился, это то, что вам больше не нужно бояться, что он упадет. Он исчез, и скатертью дорога, и при сложившихся обстоятельствах у него были веские причины испариться. Если задуматься дальше, то, как только ваш моральный дух действительно упадет, он сможет только вернуться. Ничто не остается прежним. Это радость и волнение жизни. Я был более философски настроен, чем в свои двадцать с небольшим.

Первым признаком возвращения здравомыслия было то, что собака-ищейка Дисмал вышла из кустов и лизнула мне руку. Он захотел еще печенья, и хотя мои запасы были ограничены, я дал ему одно. Большая коричневая голова в знак благодарности легла мне на колени. Это была большая собака. Если бы он стоял на задних лапах, то доходил бы до верхней пуговицы моего жилета, а это означало, что, поскольку он стал моим гостем, у нас остался запас еды ровно на три часа. Как могли эти бездушные ублюдки забыть такое дружелюбное животное?

Я понял ужасную правду: они оставили его, чтобы не дать мне уйти. Какая злобная изобретательность! Я не мог в это поверить. Но во что еще я мог поверить? В ярости я пнул животное. Это не имело никакого значения. Чертова собака вернулась и легла у моих ног. Я дал ему кусочек копченого бекона. К тому времени, как они вернутся, собака уже будет скулить возле моего скелета. Такая сцена действительно была унылой. Ко мне вернулось чувство юмора.

Я выкурил еще одну сигарету. Я был слишком подавлен, чтобы курить сигару. Собака попыталась вырвать ее у меня, прежде чем я успел закурить, но воздержалась при виде горящей спички. Я подошел к берегу ручья. Он был слишком широким, чтобы перепрыгнуть через него. Собака умоляла меня не топиться. Для полицейской собаки у нее были очень выразительные глаза.

Я зашел в дом, собрал свои вещи, включая остатки еды, и погрузил их в машину. Затем я запер дверь и сел на водительское сиденье. Поскольку я действовал как автомат, я знал, что то, что делаю, было правильным. Было ли это разумно, я не знал некоторое время, но смысл, похоже, не помог мне в моем затруднительном положении. Я всегда интуитивно чувствовал — и я помню, как мой дедушка Каллен говорил так, — что никогда нельзя идти в полицейский участок на своих двоих. Им придется тащить тебя туда, брыкающегося и кричащего, — после того, как они тебя найдут.

Было бы тактически неразумно покидать это место при дневном свете. Я пришел во тьме и уйду во тьме, как вор в ночи, которым меня заставили почувствовать. Я бы остался в машине и дал бы Дисмалу больше времени привыкнуть ко мне.

Шел дождь, и он с несчастным видом заглянул внутрь. Когда он больше не мог переносить влагу, он спрятал как можно большую часть своего тела под гниющим крыльцом у двери. Всякий раз, когда я приходил в дом заварить чай, я давал ему тарелку, которую он вылизывал досуха. Я расстелил одеяла на заднем сиденье машины, но не позволил ему сесть, пока не пришло время. Мне было так скучно ждать, что я прочитал половину «Путеводителя по хорошей еде и отелям», пытаюсь выяснить, какое заведение принимает гостей с собаками. В старом торгово-крепостном городке было место под названием «Золотое руно», которое сохранилось со времен средневековья только потому, что немцы не разбомбили в войну его полностью. В ваннных комнатах стояли пластиковые ванны-гробы, а в спальнях пластиковые кровати с балдахином и флоковыми матрасами, в которых вы исчезали, что доказывало их древность. Я был уверен, что там есть бар «Король Артур» и столовая «Монах Тук», где бандит в зеленом камзоле стоит с луком и стрелами, чтобы прижать вас к стене, если они узнают, что ваша кредитная карта поддельная. Официанток называли девчонками, и все они подавали пирожки, выкладывая их замороженными и разогревая в микроволновой печи на огромном овальном деревянном блюде, с выражением ужаса на лицах от того факта, что вы действительно хотели их съесть. Менеджер вел себя высокомерно и называл тебя сквайром, потому что он брал сорок фунтов за ночь и ему это сходило с рук.

Англичанин скорее умрет, чем унизит себя жалобами. «Это очень хорошие какашки. Разве они не чудесные какашки, дорогая?»

«Э? Что? Какашки? О да, отлично. Таких хороших какашек у меня не было с тех пор, как я была в Индии. Довольно вкусно. Нам следует похвалить повара».

«Они намного лучше. Такие хорошие какашки не везде найдешь. Сейчас всё пластиковое и эрзац. Полуфабрикат, не более того».

Когда я разыграл это, я просмотрел главу «Багровой ванны» Сидни Блада. Затем я послушал радио, опасаясь использовать радио, установленное в «роллс-ройсе», потому что мне было страшно включить двигатель в ноль часов и обнаружить, что аккумулятор разряжен. Я не мог так рисковать.

Через полчаса я завел двигатель и открыл дверь. Дисмал забрался в салон, как будто был привычен к такому роскошному транспорту. Плавное движение по гравию и сухим веткам в переулке при сиянии всех огней заставило меня почувствовать, что я возвращаюсь к жизни. Я надеялся, что был прав. Мои неприятности из-за потери половины драгоценного груза Моггерхэнгера, возможно, только начинались, но я был мобилен, и все остальное не имело значения. Если я и не выполнил свой долг, то это произошло не по моей вине. Я выключил большую часть фар в машине, пока мы с Дисмалом ехали, как два преступника, по переулку и обратно к дороге общего пользования.

Глава 11

Всякий раз, когда я включал радио, Дисмал засыпал. Когда я выключил его, он сел и посмотрел через мое плечо на дорогу. Будучи почти человеком, он составлял честную компанию. Когда я вышел помочиться, он тоже выскочил. Когда я ел печенье, он ел то же самое. Он даже слопал половину плитки шоколада, а когда я сказал, что это испортит ему зубы, он попытался укусить меня. Жизнь была прекрасна, за исключением того, что полиция и Моггерхэнгер одновременно пугали меня.

Прямой путь в Лондон пролегал через Херефорд и Челтнем, но я направился в Шрусбери и по автомагистрали А5, направляясь на восток через всю страну, чтобы незаметно проскользнуть в Лондон по Грейт-Норт-роуд, шоссе, по которому я выехал, направляясь в Гул, полный бессмысленного оптимизма еще несколько дней назад. Я был настолько напряжен, что жизнь казалась реальной.

Я ехал осторожно, то есть не слишком быстро, в темноте, по извилистым дорогам. Когда позади меня загорелись фары, я сбавил скорость, давая понять, что водитель может меня обогнать. В основном это были молодые люди в форсистых джинсах, переходившие из одного паба в другой. Через сорок миль от коттеджа «Пепперкорн» я начал расслабляться. Благодаря моему предыдущему опыту в навигации я легко

нашел дорогу на Шрусбери-роуд.

— Дисмал, я думаю, мы уже отделались от них.

Автомобильное радио представляло собой сложную систему с дополнительными длинами волн, на которых Моггерхэнгер мог настроиться на полицию. Я слышал много болтовни о дорожно-транспортных происшествиях, брошенных машинах, драках в пабах и предполагаемых взломах, но ничего о шестифутовом мошеннике и похищенной собаке-следопыте в темно-бордовом «роллс-ройсе», который в последний раз видели направляющимся в сторону Северна.

Рано или поздно меня схватят, поэтому мне нужно было убежище, и я вполне разумно ожидал найти его на базе Моггерхэнгера. Если меня поймают, то и его тоже. Я не виноват, что операция пошла не так. Если я доберусь до Лондона до того, как меня кто-нибудь заметит, Клоду Моггерхэнгеру, который, в конце концов, всего лишь человек, придется уберечь меня от опасности. Такое предположение меня приободрило. Я всегда был оптимистом, хотя бы ради выживания, полагая, что любое действие лучше, чем бездействие, а любая мысль утешительнее, чем ничего.

На окраине Шрусбери я заметил магазин рыбы с жареной картошкой и припарковался на тротуаре с включенной аварийкой. Китаец странно посмотрел на меня, когда я дважды заказал рыбу, чипсы, икру, горох, сосиски и пирог, а также две бутылки лимонада. Обхватив свертки, я вернулся к машине и уселся под шум позорного пожирания Дисмалом своих щедрых порций на полу позади. Я взял из коттеджа жестяную тарелку и вылил бутылку лимонада, чтобы ему не хотелось пить. Он слизал это и рыгал мне в затылок следующие десять миль. Когда мы остановились на светофоре, я ответил еще более резкой серией отрывков, но он не понял намека.

После моего пребывания в коттедже «Пепперкорн» и встречи с полицией я чувствовал себя так, как будто провел две недели, усердно бегая и прыгая на очень интенсивной тренировке, и жаждал помыться и привести себя в порядок. Общественный туалет все еще был открыт, но света не было. На стенах кое-как висели раковины, унитазы были разбиты, двери поломаны, а перегородки в писсуаре, как я предположил, были выбиты кувалдой. Что они сделали с дежурным, я не смел думать. Возможно, этот туалет был частью школы экстремального обучения, которая отправляла детей, оснащенных соответствующим образом, с оценочными карточками и судьями, чтобы посмотреть, сколько туалетов они смогут разрушить за один день, не будучи пойманными. Выглядело так, будто именно этот класс проник внутрь с полевой пушкой. Я

поставил фонарик на выступ, открыл кран, умылся и надел чистую рубашку. Вернувшись в машину, я причесался и отполировал ботинки хвостом Дисмала. Все в порядке, я мог снова встретиться с окружающим миром.

Огромные капли дождя стучали по лобовому стеклу. Мрачный Дисмал начал выть, как будто никогда раньше не видел дождя. А может, его пугала регулярность работы дворников. Я крикнул ему, чтобы он пристегнулся. Проехав Телфорд, я боялся попасть в страну Никогда-Никогда, из которой уходишь только смертью или очень неприятным пожаром. На часах светило десять, и мне захотелось где-нибудь прилечь на пару часов. Люди выходили из пабов, и мне требовалась вся моя смекалка, чтобы избежать их неожиданных появлений перед капотом автомобиля, хотя по опыту я знал, что худшее время на проселочных дорогах наступает перед открытием пабов, когда все спешат выпить первую порцию спиртного. После закрытия, когда они слепо пьяны, они, по крайней мере, стараются быть осторожными.

Дисмал дремал, что не помогало делу. Я дрейфовал в пространстве. Желание заснуть пришло и исчезло. Я нейтрализовал самые страшные приступы, заново переживая пребывание в коттедже «Пепперкорн», где возникли мои нынешние проблемы. Я должен был знать, что крысы не принесут удачи. Двое шутников, которые увезли в своем каноэ половину моих запасов, должно быть, были наняты Моггерхэнгером из актерской школы. Я завидовал мастерству, с которым они собрали коллекцию. К настоящему времени они, вероятно, выгрузили груз на каком-нибудь уединенном берегу Северна. Машина, которая его подобрала, находилась в Лондоне, и они с подругами бухали в каком-то придорожном заведении. Или они перегрузили свой груз на наемную баржу в верховьях Темзы и медленно отправились в отпуск в Хаммерсмит, а я ехал на восток в машине Моггерхэнгера с полицейской собакой-следопытом на заднем сиденье.

Все могло быть и хуже. Когда я остановился у круглосуточного кафе, мне следовало оставить Дисмала запертым внутри, но он перепрыгнул через сиденье, и хотя я изо всех сил пытался поднять его и отбросить назад, он настоял на том, чтобы мне следовать за ним на случай, если он пропустит что-нибудь из еды. Ошейник у него был, но поводка не было, и у двери он ловко зубами потянул ручку вниз, чтобы я мог войти.

Полдюжины байкеров в черной коже ели поджаренные сэндвичи и пили чай, когда ворвалась самая дрессированная собака в полиции. Широкая улыбка на лице высокого блондина-байкера исчезла, когда Дисмал принялся и впился зубами в карман брюк юноши, скуля и

подавая сигнал полицейским силам сделать свою работу и забрать у него наркотики.

Байкер оторвался от музыкального автомата.

— Уберите отсюда эту чертову собаку!

Остальные юноши засмеялись. Единственный способ заставить Димала повиноваться — это достать из кармана свисток и дать сигнал.

— Джонас, ты идиот, мы же говорили тебе не приносить сюда эти вещи из школы, — крикнул один из байкеров.

— Он всего лишь приятный коричневый лабрадор», — сказал я, взяв со стола кусок сахара и отведя его в угол комнаты, где, как я думал, он будет в безопасности. Байкеры, надев экипировку, чтобы уйти, странно посмотрели на меня и отпустили нецензурные комментарии в адрес Дисмала, мол, каково это жить за счет своих аморальных заработков? Я задавался вопросом, как мне избавиться от него, потому что, если полиция, которая совершила обыск в коттедже «Пепперкорн», предположила, что я его забрал, я был отмеченным человеком. Ехать в «роллс-ройсе» по Великой Северной дороге с такой заметной собакой, сидящей на заднем сиденье, как если бы я был его господином и хозяином, было бы слишком опрометчиво с точки зрения безопасности.

— Я не пускаю сюда собак, — крикнул владелец из-за стойки. — Особенно такую огромную свинью. Он напугает моих клиентов.

— Нам нужен только чай и пирожные. — Я положил пятерку на стойку и потянул Дисмала за ухо, чтобы он замолчал. — Мне бы хотелось, чтобы он пил чай, если вы не возражаете. Он еще не научился пользоваться кружкой.

Мужчина, слишком утомленный, чтобы обращать на это внимание, отодвинул подальше свой товар.

— Собаки — это чертовски неприятное явление: они мочатся, воняют повсюду и беспокоят моих клиентов.

— Сейчас! — крикнул я своим лучшим голосом сержанта полиции, — Наливай чай, иначе мы никогда не доберемся до Глазго.

— Я вот что имею в виду, — сказал владелец. — Ни у кого нет свободной минуты. Это худшая работа, на которой можно рассказывать истории. Пока у меня еще была фабрика и я рассказывал истории, люди слушали. Потому что это было в мое время, а не в их. Я платил им за то, чтобы они слушали, и они совсем не возражали. Именно это разрушило мой бизнес и привело меня сюда, но иметь кафе — это то, что мне нужно. На главной дороге никто не будет слушать, потому что это отнимает их время. Они вбегают, заказывают еду, едят с пустым взглядом, затем платят и уходят. Неудивительно, что качество жизни ухудшается. Они

просто хотят продолжить свое путешествие, вернуться к своим домам, женам, детям и, — неодобрительный взгляд на Дисмала, который воспринял это хорошо, — к своим собакам. Или вернуться к своей работе, или к бизнесу, который в наше время никакая энергия и старая добрая британская точность не спасут от ухода с молотка. Мы действительно живем во времена перемен. Моя фабрика производила двери, двери всех видов и размеров, но внезапно понадобилось не так много дверей, или мои двери перестали быть конкурентоспособными, или у меня на производственной линии произошел сбой, или я не успевал за ними, или я не рекламировал продукцию, или дизайн был плохой. Книги заказов внезапно опустели. Продавцы взяли слишком много выходных. Они приходили поздно. Они сидели дома и смотрели телевизор, хотя им следовало работать и работать. Когда я говорил об этом с одним из них, он сказал, что уже зарабатывает достаточно, большое спасибо, так зачем ему пытаться увеличить свой доход, чтобы налоговый инспектор забрал дополнительные деньги? В свободное время он работал подачей чая со сливками в богатом доме, а его жена летом работала в маленьком отеле, и им платили наличными, чтобы они не декларировали свои заработки. Итак, книги заказов оказались пусты. Моя вина, если вдуматься. Потом умер мой отец. У него было несколько акций южноафриканских золотых приисков, и когда я продал их, я купил это кафе.

Хотя его история казалась банальной, его жалобы могли быть оправданными. Мы с Дисмалом остались у стойки.

— Ну, — сказал я, — мне пора идти.

Когда он засучил рукава, я действительно подумал, что он собирается приступить к работе. Но он закурил.

— Почему ты не можешь быть таким как Чарли? Он никогда не торопится.

— Это потому, что я получаю пособие по безработице. — Чарли был светловолосым голубоглазым расслабленным парнем лет тридцати с небольшим. — Семь лет сижу на пособии по безработице.

Я посочувствовал. — Это должно быть ужасно.

Он оторвался от чая.

— Это намного лучше, чем каждое утро вставать в шесть утра и выходить под дождь и холод пять дней в неделю, из месяца в месяц. Я перетаскивал загруженные коробки из одного отдела склада в другой, но затем у них появились вилочные погрузчики, и шестеро из нас получили толчок под зад. Я думал, что наступил конец света, когда я не смог найти другую работу, но я также увидел, что это чудесно — не ходить на работу. Я мог делать что-то по дому, разговаривать с друзьями, кататься на

велосипеде или сидеть в публичной библиотеке, читая грязные книги. Пособие по безработице — прекрасная система. Если бы мы получали еще несколько фунтов в неделю, мы были бы в раю. Я часто помогаю здесь, в кафе и зарабатываю несколько фунтов, и я не против этого, потому что это не похоже на работу. И теперь я голосую за Тори, а не за Лейбористскую партию.

Я был ошеломлен. — Тори?

Он посмеялся.

— Конечно. Подумайте, что Тори сделали для безработных. Миллионы из нас сидят на пособии по безработице. Все, о чем вы слышите, о чем говорят лейбористы, — это вернуть нас к работе. Вернуть к работе! Я полагаю, они хотят, чтобы мы строили автомагистрали, хотя я уверен, что многие не захотят пачкать свои белоснежные руки. Если они когда-либо и работали, то это было так давно, что они уже и не помнят, как это было.

Он меня так поразил, что я купил ему чашку чая и шесть пирожных. — Ты немного философ.

Это ему понравилось.

— Я бы никогда не стал им, если бы не получал пособие по безработице. У меня было время подумать. Лейбористы не хотят, чтобы вы думали. Они думают, что если вы это сделаете, вы проголосуете за Тори, и насколько они правы. Мышление всегда было прерогативой праздных богачей, но теперь оно доступно каждому, и не благодаря лейбористам. Единственный раз, когда вы поймаете меня на голосовании за Лейбористскую партию, это когда они обещают удвоить пособие по безработице и перестать говорить о том, чтобы вернуть нас к работе. Мне бы хотелось, чтобы тори дали нам больше денег, но я ожидаю, что они это сделают, как только смогут себе это позволить.

Свет в его голубых глазах изменил интенсивность, мощность свечей увеличилась, от чего они почти стали серыми.

— На днях я подумал, как было бы хорошо, если бы весь мир сидел на пособие по безработице. Именно к такому будущему нам следует стремиться. Работа — причина всех зол, и это будет рай на земле, когда ее не будет. Всеобщая безработица — это то, чего мы хотим, и Англия станет предметом зависти всего мира, когда мы добьемся этого.

Как бы я ни был утомлен, я изо всех сил старался указать ему на ошибки. Я сказал ему, что большинство людей сходят с ума из-за того, что остались без работы, не говоря уже о том, что им приходится жить в бедности. Они потеряли самоуважение и уважение своих детей. Они потеряли уважение своих жен. Они преждевременно состарились. Они

сидели дома, охваченные ненавистью к себе, чувство ненужности парализовало их тело и душу. Они деградировали физически и через год стали неузнаваемы. Дома, в которых они жили, разваливались. Их жены бросили их, а детей взяли на попечение социальные работники, которые слонялись вокруг и потирали руки именно из-за такой вещи.

— Возможно, — сказал он, когда я больше ничего не мог сказать, — но мои товарищи так не думают. Как только они получают толчок, они подобны Робинзону Крузо, который только что высадился на острове после кораблекрушения. Они немного ошеломлены, но начинают учиться жить с тем, что у них есть. В мгновение ока они становятся счастливыми, как и я.

Вошло трое бледнолицых молодых водителей грузовиков, и Дисмал побежал за одним в качестве служебной собаки, но, когда ему стал угрожать ковбойский сапог со сверкающими шпорами, он побежал за мной к двери, сразу забыв все, что, как он знал, находилось в карманах этого человека. Он быстро учился, и я искренне надеялся, что смогу отучить его от подобных привычек до того, как приеду в Лондон.

— Чертова собака, — крикнул один из водителей. — Я получу его на гребаный тост, если он снова покажет здесь свою чертову морду.

Такая команда, должно быть, безмерно веселила это место, хотя я не предполагал, что праздный Чарли очаровывал их своей нирваной безработицы, когда они делились с ним своими косяками.

Я чувствовал себя в безопасности только в машине. Мы ехали по огромным проезжим дорогам А5 с двусторонним движением под потоками оранжевого или белого натрия, а редкие светофоры нарушали монотонность. На юге лежала Черная Страна, пустынная территория промышленных развалин и высотных курятников. Движение увеличилось, в основном это были частные автомобили, хотя в обоих направлениях двигалось немалое количество грузовых автомобилей. Иногда мне казалось, что большинство грузовиков и фургонов пусты — на самом деле, потемкинские фургоны, водителям которых платили за то, чтобы они ехали вверх и вниз по главным дорогам, чтобы убедить приезжих японских промышленников, что страна находится в лучшем положении, чем была на самом деле.

Я ехал по внутренней полосе со скоростью шестьдесят, когда на скорости девяносто меня обогнал бронированный джаггернаут. Безумный Джек из Донкастера протрубил при этом десять клаксонов. Я наблюдал, как он на протяжении многих миль въезжал в пробку и выезжал из нее с такой маневренностью, которую мог обеспечить только художник во время игры. Я полагаю, он смеялся до упаду, видя в открытой рубашке

запачканный чаем жилет, хвастаясь своей причудливой работой ног, когда велел своему младшему товарищу посмотреть, как это делается. «Все, что вам нужно сделать, это не отрывать глаз от заднего зеркала, чтобы съесть сэндвич с джемом».

Я объяснил Дисмалу (на случай, если он не знает), мы, нарушители порядка, сэндвичем с джемом называем полицейскую машину с желтыми и красными полосами на боках. В зеркале я увидел, как он зевает, скучая до безумия, но в то же время довольный, в то время как я вез нас милою за милей по чудесной сигнальной тропе, а также следил за сэндвичами с джемом, поднимающимися по правому борту. Если бы никогда не светало, мы бы шли счастливо и вечно по этой освещенной дороге с двусторонним движением через волшебную страну Мидлендс в ночное время.

Но нет нам такой удачи.

— Вниз, Дисмал!

Сзади сработала синяя вспышка, словно подталкивая меня вперед, как будто я вылетел на взлетно-посадочную полосу в лондонском аэропорту, а на посадку заходил Боинг 747. Я посмотрел на спидометр, но стрелка была на отметке шестьдесят. Безумный Джек ушел вдаль, поэтому его не преследовали. Игра завершилась.

— Ложись, меланхоличный ублюдок, а то ты меня выдашь и будешь заперт в казарме на четырнадцать дней.

Он плюхнулся с сиденья, а затем начал выть от мигающего света, его идеальный силуэт безошибочно можно было узнать даже со спутника, вращающегося в космосе. Я ничего не мог сделать, кроме как сохранять спокойствие, идти вперед, насвистывать мелодию и ждать, пока четверо полицейских в ихезде обгонят и притормозят, и мне тоже не придется остановиться.

Мельком заглянул я в их машину. Какие еще доказательства им нужны? Они повернулись боком, и я мельком увидел их лица: свежие молодые парни, вышедшие в патруль, сливки стаффордширских сил правопорядка, которых, казалось, позабавило, когда Дисмал распластался у окна, как бы умоляя, чтобы его забрали обратно в его кондиционированную конуру с десятью фунтами хряща в день. Я заботился о неблагодарной собаке, как о своем единородном сыне, хотя мне следовало оставить его питаться сырыми крысами и холодной водой в коттедже «Пепперкорн».

Сэндвич с джемом скользнул вперед и затерялся в потоке машин. Когда Дисмал лежал на сиденье и рыдал во сне (а может быть, это было расстройство желудка после рыбы с жареным картофелем, лимонада,

батончиков с душистым содержимым, нескольких тарелок чая и трех эклеров), что они получили мой номер, если не мое имя, и, поскольку радиосвязь у них была, могли позволить себе подождать в более темном месте в нескольких милях впереди или передать меня кому-нибудь из своих более шумных товарищей в Нортгемптоншире, я повернул на юг, в Лондон.

Но на этом позднем этапе я начал задумываться, действительно ли они преследовали меня. Один из полицейских, совершивших обыск в коттедже «Пепперкорн», обыскивая комод, крикнул, что там всего четыре коробки. Тогда я подумал, что, может быть, крысы съели одну, но потом инспектор ответил, что их должно быть пять, и я так оцепенел от их присутствия, что мне даже в голову не пришло задаться вопросом, откуда он мог знать, сколько их. Мой мозг, если его можно было так назвать, крутился, как мельничное колесо. Вопросы шли по конвейеру, как автомобили, у которых отсутствовала одна дверь. Кто им сказал, что коробок пять? Их было десять, пока не появились Питер и Джон — Питер и Джон, мать их! — и уплыли со своей половиной в каноэ. Полиция припарковалась на вершине склона и, несомненно, навела бинокль на лодку, чтобы наблюдать, как они уплывают, и только потом спустилась вниз, чтобы напугать меня до чертиков и скрыться с остальными пятью пакетами.

Единственное объяснение заключалось в том, что парни, которые прижали меня к стене в коттедже «Пепперкорн», вовсе не были полицейскими. Если бы они это сделали, они бы не оставили меня без охраны, чтобы потом забрать меня и вернуть похищенную собаку на базу. Лгать, лжесвидетельствовать, сопротивляться аресту, даже воровать и убивать, или угонять одну из их машин и водить ее не туда и обратно по М1, выкрикивая непристойное неповиновение по радио, так что даже женщины-операторы на базе дрожали от ярости и ужаса, было частью игры, но уехать с великолепно обученным и хорошо воспитанным псом им было трудно или даже невозможно. Наконец-то я понял, что оперативная группа коттеджа «Пепперкорн» оказалась такими же мистификаторами, как и те два каноиста, которые полчаса назад скрылись со своей долей добычи.

На кольцевой развязке «Кросс-ин-Ханд» я повернул налево в сторону Латтерворта и поехал по М1, зная, что скоро мне придется найти подходящее место для парковки и поспать несколько часов, если только мне не вздумается задремать за рулем. и проснувшись, обнаружить у моей больничной койки полицейского, который будет угрожать отключить мой аппарат жизнеобеспечения, если я не заговорю.

На извилистой магистральной дороге негде было остановиться, не опасаясь, что в меня не въедут сзади, поэтому я ехал дальше, все время ожидая чего-нибудь интересного за следующим поворотом, например, столов на козлах под яркими средневековыми навесами, нагруженных настоящими блюдами, которые обслуживают девицы. Вместо этого я ворвался в мрачный паб, и на меня уставились пьющие, замолчавшие от моих взглядов. Даже однорукий бандит с уже вставленной монетой и поднятой ручкой перестал работать, пока угрюмый и язвительный хозяин спрашивал, чего я хочу. Я подумывал о том, чтобы взять Дисмалу банку пива, но остановился на лимонаде, пакете луковых чипсов и пригоршне арахиса. Он, конечно, не оценил внимание, которое я ему уделил, но ведь не каждый день в моей машине сидел сотрудник полиции.

Дождь поливал машину, гипнотический ритм дворников опасно убаюкивал меня. Я так сильно потер глаза, что чуть не вдавил их обратно в голову и на некоторое время потерял зрение. Когда я выключил двигатель и фары за Корби, шум дождя, барабнящего по крыше, успокоил меня.

— Дисмал, — сказал я, — мы на свободе. — Ты покинул свой привычный мир, но я позабочусь о тебе. Что касается меня, то если я выживу, то объясню лорду Моггерхэнгеру, как я сумею вернуть его драгоценные пакеты, и буду жить вечно или до тех пор, пока это не будет иметь значения.

Проезжающая машина осветила наше жилье на колесах. Дисмал зевнул, мы пукнули и остались внутри. Пес спал на левом сиденье впереди, а я вытянул ноги сзади.

Глава 12

Язык Дисмала ощущался у меня на затылке, как влажная пемза, и я проснулся, словно от почти смертельной раны, которая нуждалась в приличном периоде выздоровления, прежде чем я мог считать себя наполовину готовым к новым сражениям. Я оттолкнул его.

— Слишком рано для завтрака. Оставь меня в покое.

Багровые клочья облаков не вдохновляли меня на движение, а весной было холодно, как зимой. Я закурил сигарету, радуясь, что мне не придется ни с кем ее делить, хотя Дисмал выглядел так, словно ждал затяжки. Новый день войны еще не начался. Чтобы немного утешить его, я бросил несколько остатков вчерашней еды на лист газеты и, тогда свет в его голубых глазах изменил интенсивность, от чего они стали почти серыми. Я вспомнил слова Чарли: «На днях я подумал, как было бы

хорошо, если бы весь мир сидел на пособии по безработице. Именно к такому будущему нам следует стремиться. Работа — причина всех зол, и на земле наступит рай, когда ее не будет. Всеобщая безработица — это то, чего мы хотим, и Англия станет предметом зависти всего мира, когда мы добьемся этого».

Потом я ел, смотрел на карту и слушал прогноз погоды, который диктор снова протрещал так быстро, что я ничего не понял, хотя, возможно, это и к лучшему. Я не хотел этого знать, потому что сегодня будет день расплаты, и грядущее состояние небес казалось неважным. Сколько бы я ни бродил по А1, к концу пути я окажусь лицом к лицу с Моггерхэнгером.

Я был безумно счастлив и, возможно, опасен, когда шел по дороге, глубоко дыша. К удивлению проезжающих мимо автомобилистов, я вдруг побежал к машине и сто раз подпрыгнул, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Покопавшись в багажнике, я нашел кусок веревки. Сохранил ли Моггерхэнгер его, чтобы повеситься, когда по радио придет известие о его финансовом крахе? Или это было для того, чтобы задушить кого-то другого, кто вызвал его недовольство потерей ценной партии наркотиков? Я продел его через ошейник Дисмала и взял его на прогулку, но под ногами было слишком грязно, чтобы идти далеко. Он увидел кролика и чуть не потащил меня лицом вниз среди первоцветов и щавеля. Кролик выбежал из укрытия и перелез через блестящую гряду колокольчиков.

Мы спустились по пандусу и выехали на А1, и Дисмал полуулыбнулся, когда я выехал на внешнюю полосу и обогнал мощную машину, раскидывающую своими колесами щебень. Солнце освещало мое небритое лицо через лобовое стекло, и вместо того, чтобы наслаждаться ездой по дороге к лондонским дымам и туманам, я потел от перспективы добраться туда. Свобода заканчивается там, где начинается ответственность — по крайней мере, я так слышал, — но я бы предпочел остаться в лесу, слушая, как дикий голубь бездумно призывает свою подругу, чем столкнуться с бандой Моггерхэнгера. По своей безрассудности я попал в ту же самую неразбериху, которая заставила Билла Строу укрыться под стропилами квартиры Блэскина, и он даже не подозревал, что я могу в ближайшее время присоединиться к нему.

Безумие было моим спутником, и на следующей стоянке я остановился, чтобы обдумать возможность отъезда в Афины или Лиссабон. Даже если бы я не реализовал эту идею в жизнь, я как минимум задержался на раздумьях на полчаса. Я смотрел на карту до тех пор, пока ее цвета не заставили меня испугаться, затем швырнул ее назад,

где Дисмал, решив, что это какая-то игрушка, разжевал ее в клочья.

Я привязал его к опоре мусорного бака и начал ходить взад и вперед. Мне не хватало только шляпы Наполеона и меча Цезаря. Грузовики на внутренней полосе сигналили, проезжая мимо человека, который катил мотоцикл по обочине. Для меня это мог быть японский самурай верхом на лошади – или на чьей-то спине – пока более плотное движение не закрыло зрелище из поля зрения, и что бы это ни было, оно не унеслось вверх по берегу в безопасное место. Жизнь дороги продолжалась.

Не желая покидать место отдыха, я мог только размышлять о праздности, которая мучила меня с самого рождения. Те немногие работы, которые я освоил после того, как бросил школу в пятнадцать лет, были всего лишь способом не работать вообще. Уже в те времена я считал своим долгом не лишать ближнего человека постоянной и оплачиваемой работы. Для меня оставаться без работы было так же естественно, как наличие работы для всех остальных, поэтому я никогда не тратил время на принятие решения по этому поводу. Совесть у меня не было, потому что неработоспособность была наследственной, а не приобретённой. У меня не было примера отца, выходящего каждый день в комбинезоне, который во всяком случае как ничто другое убедил бы меня, что я никогда не буду настолько глуп, чтобы самому брать на себя такую тяжелую работу. И то, как моя мать пошла работать на фабрику — хотя она проделала это достаточно весело, — просто сказало мне, что никого нельзя подвергать этому.

С другой стороны, я чувствовал, что мне не следует поощрять кого-либо еще следовать тем же путем в безделье. Кто-то должен был работать, и сейчас, слава Богу, многие предпочитали это делать. Я никогда не хотел, чтобы общество погрузилось в состояние хаоса, потому что, если бы я оказался рядом, меня бы втянули в помощь, если бы все это шоу нуждалось в восстановлении.

Прежде чем я успел сесть в машину, меня поразило видение мужчины с распущенными волосами в синей пилотке и ярко-оранжевой накидке, толкающего груженую коляску по обочине в сторону стоянки. На вымпеле, прицепленном к коляске, было написано: «ПО МИЛЕ КАЖДЫЙ», и когда он вошел в пространство, которое казалось по праву моим, с жестяным воем музыки из транзистора, я увидел, что на одной стороне коляски были распылены аэрозольные надписи: ПОЭТИЧЕСКИЙ АРТ-МОБИЛЬ и на другой АРТЕ-ФАБРИКА РОНАЛЬДА ДЕЛФА. Огромная черно-белая кукла-панда в коляске выглядела так, словно ей не меняли подгузник целую неделю, и Дисмал начал неистово лаять, дергая веревку, как будто пухлые кишки панды были набиты лучшей едой.

— Оттащи своего тигра, — сказал он. — Эта панда — моя жизнь. И я очень противен, когда меня будят.

Дисмал, казалось, понял это и отошел. Делф вытер пот с лица и припарковал свое изобретение позади машины. Он сел на землю, расстегнул плащ, сплюнул, закрыл глаза, раскинул руки и начал ритмично бормотать, раскачиваясь назад и вперед. Из его желудка вырвалось глубокое урчание, похожее на рев гориллы, пытающейся добраться до любимой самки в соседней клетке. На кончиках пальцев у него были маленькие колокольчики, но большую часть звука заглушал проезжающий мимо транспорт, хотя Делф, надо отдать ему должное, похоже, не возражал.

Имя было знакомым, и лицо могло бы быть таким же, если бы не прошло более десяти лет с тех пор, как мы с Блэскином случайно забрели на одно из его чтений в «Поэзи-пабе». Я слышал о нем время от времени, когда его выходки попадали в газеты, например, когда он выбросил кучу постельного белья с галереи для посетителей в Палате общин, что, как он впоследствии сказал репортерам, было призвано обозначить его полную поддержку ИРА. Без сомнения, с тех пор он смягчил свои взгляды, иначе он не получил бы столько грантов от Поэтического совета, если бы они не давали их только для того, чтобы заставить его замолчать.

Он встал, посмотрел на небо и зевнул. — Хватит. Я прочитал себе мантру.

— Как часто ты это делаешь?

— Утром, днём и ночью я пугаю богов. Ночью, в полдень и утром я предупреждаю их еще раз.

Он посмотрел на меня: — Три раза в день. Разве я не видел тебя раньше? Я никогда не забываю лица. Ты сын Гилберта Блэскина. Я видел тебя в том пабе, когда накачивал лобок пухлой маке — или пытался это сделать. Я все пытаюсь вспомнить.

— Это было десять лет назад, — сказал я.

Он закрыл глаз. — Это десять дней, если вспомнить. Я проклят полной и немедленной памятью.

— Повезло, — сказал я.

— Точно. Хочешь купить стихотворения?

— Какие?

Его борода и грива черных волос с проседью обрамляли лицо. Он был примерно моего возраста, но выглядел лет на двадцать старше, потому что я был коротко подстрижен и чисто выбрит.

— Есть только один тип стихотворений, — сказал он. — Стихотворение-стихотворение, пандо-стихотворение, многосложное

пятистопное стихотворение. Делфийская ода, если хочешь.

Он отодвинул коляску-панду немного дальше от пенящейся пасти Дисмала.

— Сколько стоит твоё стихотворение?

Быстро, как вспышка: — А что ты можешь себе позволить?

— Пятьдесят пенни.

— Умереть и не встать. Мои стихи на милую каждое очищают рот отбеливателем. Это будет стоить фунт. Мне нужно выпить чай и съесть тост. Я ещё не завтракал и всю ночь катил коляску-панду. Ты хочешь, чтобы я ныл? Я буду ныть, если хочешь. Разве ты никогда не видел, чтобы поэт ныл, сытая свинья-миллионер, едущая на «роллс-ройсе»? Что такое фунт для такого сытого бедняги, как ты? Выступление этого разгневанного молодого человека обойдётся тебе в два фунта. Я бы ещё хотел датскую выпечку.

Я рассмеялся.

— Ты не получишь от меня ни пенни за стихотворение, но если засунешь свою штукину-панду в багажник, я подвезу тебя до станции технического обслуживания «Бёртфат» и куплю завтрак, который, я полагаю, будет стоить мне больше, чем пара фунтов.

— Я знал, что могу положиться на тебя, — сказал он. — Если я правильно помню, мы вместе ребята из рабочего класса, не так ли?

— Послушай, — сказал я ему, — ещё одна пролетарская чушь, и ты и твоё панда-извращенец будете валяться на шоссе. Не называй меня «рабочим классом». Я никогда в жизни не работал, и ты тоже.

Он смотрел на меня полузакрытыми глазами, пока мы поднимали коляску с замасленного гравия в багажник.

— Я поговорю с тобой после того, как позавтракаю, — угрюмо сказал он. — Панда голодна.

Я нажал на пупок, но он не скрипел.

— Что в ней внутри?

— Не твоё дело.

Дисмал настоял на том, чтобы сесть рядом со мной спереди.

— Не думаю, что я ему нравлюсь, — заметил Делф, когда я пробирався сквозь поток машин.

Я поправил зеркало, сдвинутое хвостом Дисмала. — Ему требуется много времени, чтобы познакомиться с людьми. Ты видел Джун в последнее время?

— Нет с прошлого года. Насколько я помню, это был ужасный дождливый месяц.

— Я имею в виду девушку, которую ты обрюхатил в Лидсе, а затем

оставил на произвол судьбы в Лондоне. Она работала в стриптиз-клубе, чтобы прокормить себя и ребенка. Маленькая девочка, не так ли?

Я видел, что половина его зубов была плохой, когда он смеялся.

— С тех пор их было около пятисот. Ты не можешь ожидать, что я запомню каждую. Мне нужно чем-то заняться в свободное время. Невозможно писать стихи двадцать четыре часа в сутки. На днях я надеюсь жениться на время, достаточное для того, чтобы загнать жену в психушку. Я никогда не стану великим поэтом, пока не сделаю это.

Я хотел натравить на него Дисмала, хотя и знал, что он не так плох, как выставляет себя.

— Я думал, ты ее все-таки помнишь. — Но он не ответил.

— Зачем ты собираешься на юг?

Он достал пачку сигарет, но не предложил мне. Я потянулся за сигарами, и он убрал сигареты. Я не предложил ему сигару, поэтому он достал сигарету из кармана и закурил.

— Я в туре, — сказал он. — Сегодня вечером у меня концерт в Стивенеидже. Я участвую в ПОЭМАРХЕ, чтобы собрать деньги на новый журнал, поэтому останавливаюсь в каждом месте, чтобы выступить. Журнал будет вести ОИИ — общение, информация, искусство. Некоторые из его материалов будут стихами — моими стихами под разными названиями. В первом номере будет сто страниц. Будет психологический анализ художественной литературы Сидни Блада и разница между его влиянием на рабочий класс и средний класс. Затем несколько ранее не обнаруженных стихов Чингисхана из Бухары, каждое из которых представляет собой гору черепов, состоящих из слова «Делф», написанного мелким почерком немецким поэтом и переведенного мной. Добавь несколько стихотворений о пандах, и вот оно. Может быть, я получу пару-другую глав из последней книги, над которой работает Гилберт Блэскин. Его вещи — полный мусор, но его имя поможет продать несколько экземпляров.

— В данный момент он пишет чью-то историю жизни.

На одну головокружительную секунду я увидел способ поставить в неловкое положение этого человека, который выставил мою безнравственность мелким проступком учителя воскресной школы, больного туберкулезом.

— Чью?

— Моггерхэнгера.

Пес куснул Делфа за руку, и тот выронил сигарету. Я ударил Дисмала и велел ему прилично вести себя с гостями.

— Лорда Моггерхэнгера?

— Почему бы и нет? Часть этого эссе должна хорошо смотреться рядом со стихами Чингисхана.

Я вернулся на внутреннюю полосу, чтобы пропустить пару грузовиков.

— Как ты собираешься назвать свой журнал?

«Умри и не встань», — сказал он.

Я не думал, что обидел его.

— Пошел ты, — парировал я.

— Нет, — сказал он слишком мягко, чтобы я мог подумать, что мы спорим, — «Drop Dead» — вот как я это назову.

— Хорошее название, — сказал я.

Он сунул мне под нос бланк.

— Подпиши форму подписки. Десять экземпляров по пятнадцать фунтов.

Я его разорвал и выбросил в окно.

— Приходи в следующем году.

Похоже, он не возражал.

— У меня будет лучшее оглавление, с которого когда-либо приходилось начинать журналу. Каждая вещь — воплощение спонтанного искусства.

— Как идет сбор средств? — Я передал Дисмалу чипсы из перчаточного ящика.

— Ужасно. Но у меня есть грант от Совета поэзии и немного денег от ОИИ. Этого недостаточно, потому что мне нужно украсить свой дом в Доггерел-банке в Йоркшире, а это будет стоить пару шиллингов.

— Я думал, это все ради журнала.

— Я открываю музей поэзии в гостиной Доггерел-банка, так что часть этого должна пойти на это. Для начала мне понадобится центральное отопление. Будет огромная пластиковая чаша, в которую публика сможет класть деньги в качестве пожертвований на его содержание, как в Тейт или Королевской академии, и если им будет холодно, это заставит их скупиться.

— Я молчу от восхищения.

— Я говорю тебе все это только потому, что ты сам не поэт. И не журналист. Сегодня вечером я читаю свои стихи в развлекательном центре «Я и панда». Я мог бы заработать фунт или два. Я беру за вход один фунт, только никого не впускаю. Мои стихи и стихи Панды приходится произносить в пустоту. Ауры людей все испортят. Но они могут слышать нас снаружи и могут аплодировать, если захотят. Это разрешено. Однако дверь закрыта, и это сохраняет чистоту опыта. Поэзия

предназначена для пространства, как приправа пустоты. Пустота съедает ее, изрыгает в атмосферу, чтобы она снова попадала в людей в чистом виде. Они могут этого не знать — как они могут, буржуазные свиньи? — но это смягчает их душу. Даже одно ухо в зале, когда я говорю, осквернило бы его.

— Им следует выбить дверь, — сказал я.

— Тогда я молча буду читать свои стихи. Нужно дать им понять, что жизнью правит сила поэта. Иначе, что такое жизнь? Большую часть времени я провожу в Доггерел-банке, но время от времени отправляюсь в «Панда-тур» в другую часть страны. Это выводит меня из себя. Доггерел-банк очень отрезан. Хочешь прийти ко мне на чтение сегодня вечером? Мне нужна вся публика, которую я могу собрать, но не бери с собой собаку. В центре их заранее предупредили, так что навстречу мне выстроится много потрясающих женщин. Иногда я заканчиваю совокуплением с двумя из них. «Эти греки кое-что знали, но никогда не дойдешь до конца оды/не дойдешь до середины строки/как умираешь из жизни/на полпути».

Он что-то писал на листе бумаги и несколько минут не мог говорить. У меня возникло искушение подтолкнуть его к следующему перерыву, но, к сожалению, я пообещал ему завтрак. Когда он поднял глаза, то вздохнул от волнения: — Скоро ли завтрак?

— Я не знаю.

Небо впереди было покрыто разбитыми пазлами: кусками белых и малиновых облаков с синими промежутками. Свет был оранжевым и зловещим. Машина сзади попыталась въехать за мной, но я легко отдалился от нее.

Я заправил бак на заправочной станции и последовал за Делфом в пластиковую столовую.

— Что ты хочешь?

— Я начну с двойного виски, — сказал он. — Я мерз всю ночь.

— Вы получите основную еду и заплатите за дополнительные услуги, — сказала нам официантка.

Он взял карточку-меню. — Завтрак, дорогая.

— Сколько порций?

— Пусть три.

Дисмал остался в машине. Делф схватил официантку за запястье. Это была красивая молодая блондинка с прекрасной фигурой, но очень язвительным ртом.

— Хочешь купить стихотворение за пятьдесят шиллингов? — спросил он.

— Ты, должно быть, шутишь?

Он не отпускал. — Это прекрасный подарок на день рождения. Или свадебный подарок.

— Если вы не оставите меня в покое, я позвоню менеджеру. Ненавижу эту работу.

Она посмотрела на меня. — Скажи этому бродяге, пусть меня отпустит.

— Отпусти ее.

— Чушь, — сказал он.

Она посмотрела так, будто я был хуже него.

— Мне бы хотелось, чтобы у таких людей, как ты, не было таких мягких сердец. Вы собираете бездельников и приводите их сюда, чтобы покормить. Я не могу понять, что ты от этого получаешь. Тебе от этого хорошо, не так ли? Почему бы тебе не оставить этого грязного старого ублюдка умирать голодным на улице?

Глаза Делфа смягчились нежностью, но хватка у него была железная.

— Послушай, придурок, — сказала она, — прекрати, или я позвоню менеджеру.

Я был сыт по горло. Было слишком рано, чтобы терпеть таких бесстыдных мошенников, как он.

— Если ты не отпустишь ее, я выбью тебе зубы.

Он посмотрел на меня, словно собираясь затеять драку, а затем отпустил ее. Она подошла к стойке с маленьким блокнотом для заказов, болтающимся у ее задницы.

— Твоя проблема в том, — сказал он мне, — что ты не понимаешь ритуала ухаживания.

— Она тоже, — сказал я ему.

Он снял крышку с бутылки соуса и сделал глоток. Несколько капель на бороду придали ему вид вампира на рассвете.

— Я прошел все стадии тонкости и, в целом, добился многих успехов прямым подходом. На войне лучше всего использовать непрямой подход, но любовь — противоположность войны. Ты когда-нибудь читал «И Цзин»? Мао поклялся в этом. Он бы не совершил «Великий поход», если бы не «И Цзин». Но в вопросах любви и страсти женщинам так же надоела тонкость, как и мужчинам. Прямое «да» или «нет» экономит время. Сейчас они слишком заняты, большинство из них ходят на работу и оставляют мужчин только для того, чтобы показать, что они более равны, чем мы. Прекрасно. Пока ты говоришь, что любишь их, ты можешь сразу войти.

Я осознал, насколько сильно я был задержался в Верхнем Мэйхеме за

десять лет. Это было похоже на то, как будто я слушаю себя в старые времена. Хотя я научился, а Делф — нет.

— Я мог бы научиться, если бы захотел, — заявил он. — Это не выше моего понимания. Но если бы я узнал слишком много, я мог бы больше не получил вдохновения — как поэт, как таковой, понимаешь? Надо быть осторожным, потому что поэты не получают пенсий. Если бы они получали их, все могло бы быть по-другому.

— Я думал, что в наши дни поэты получают хорошие деньги.

Он был похож на обиженного старого пирата.

— Время от времени, но они зарабатывают этим гроши. Существуют всевозможные побочные возможности, такие как гранты, лекции, выступления, редактирование или составление антологий, когда вы используете стихи всех своих друзей и ожидаете, что они отплатят вам тем же в ближайшие годы. Тогда вы можете провести жесткий обзор и порезать своих врагов на куски; или вы можете болтать на Би-Би-Си о новом поэте из рабочего класса, которого вы только что открыли для себя, но он слепой, восьмидесятилетний, и живет один на влажном склоне холма в Камберленде со своей собакой. Его стихи вы написали сами. Это непросто, но за это вы можете получить шиллинг или два. Раньше для таких бродяг были работные дома, теперь есть местные художественные коллективы, если вы захотите поехать на гастроли. Все, что вам нужно сделать, это написать письма и хорошо все спланировать. Я могу писать сорок писем в день, когда у меня полный разгар.

— Это похоже на работу.

— Но это лучше, чем заделывать ямы на автостраде. Однако я никогда не позволяю работе стать бременем.

Официантка поставила на наш стол три тарелки с завтраком и три кофейника. Делф снова схватил ее за запястье, но она высвободила его и оказалась вне досягаемости.

— Если ты сделаешь это еще раз, паршивый чертов кот, я вылью на тебя кастрюлю кипятка. Я сделаю это. Я обещаю.

— Вот в этом-то и дело, мисс.

Я отнес тарелку с завтраком Дисмалу. — Просыпайся, — сказал я, открывая дверцу машины. Его глаза расширились, а длинный фиолетовый язык скользнул по яйцу и втянул его внутрь. Он остановился, будучи псом хороших манер, и прижал свой нос в виде пуговицы к тыльной стороне моей руки. Я похлопал его пару раз, а затем оставил его искать кусок жареного хлеба.

Я вернулся внутрь и увидел, как Делф на три четверти съел вторую тарелку завтрака — мою.

— Эй, ублюдок! — Я отдернул его от тарелки. — Держись подальше от моей еды.

Он вернул ее обратно, не поднимая глаз. — Я думал, ты вышел на улицу, чтобы съесть свою. В любом случае, ты можешь позволить себе купить два завтрака.

Я молился о сапогах, достаточно больших, чтобы пнуть его под грязный зад и произвести впечатление на официантку.

— Это не мой «роллс-ройс». Я всего лишь шофер.

В конце комнаты сидел и наблюдал за нами водитель грузовика.

— В следующий раз, когда я увижу этого обжору на дороге, я проеду по нему всеми двадцатью четырьмя колесами. Он настоящий вредитель, да.

Делф опустил голову и вытер жир сложенным куском хлеба. Я пошел заказать еще один завтрак, пока кофе не остыл.

— Если этот поэт снова придет сюда, — сказала мне официантка, ее ослепительные зеленые глаза смотрели прямо в мои, так что я еще более чувственно мысленно увидел ее прелести, — я подсыплю крысиного яда в его жратву. Он никого не уважает. А мне не нравится, когда меня не уважают.

— Почему бы тебе не подсыпать его прямо сейчас? — Моя рука была у нее на талии, и она не оттолкнула ее. — Суд не поверит, что это предумышленное убийство. Максимум, что ты получишь, — это восемнадцать месяцев. Стоит попробовать, ты так не думаешь?

Она улыбнулась.

— Если он появится здесь еще раз, мне придется подумать об этом, не так ли?

— Как тебя зовут?

— Этти.

— Мне оно нравится. Если бы ты этого не сделала, я бы сам перерезал ему горло.

— Ты раздражителен, не так ли?

— Иногда.

— А как тебя зовут?

— Майкл. Хочешь поехать на «роллс-ройсе» в Лондон?

— Нет, он ведь не твой.

— Это будет прекрасная плавная поездка.

— Я подумаю.

Возможно, она много думала, когда не разносила еду — а так было большую часть времени. Однако ее мысли должны были быть краткими, и это было лучше всего, потому что они не отнимали много драгоценного

времени. Я предположил, что они могут не удержать ее от действий. Она принадлежала к тому типу девушек, которые мне нравились, и ей было не больше двадцати трех лет.

Завтрак я мог сравнить только с тем, который приготовила Бриджит утром, когда я вышел из тюрьмы. Возможно, потому, что я отогнал Делфа от Этти, Этти поставила на стол бекон, еще два яйца, фасоль, помидоры, четыре ломтика жареного хлеба и полбанки грибов. Либо она подкупила повара, либо у нее был с ним роман.

Глаза Делфа вылезли из зависти на лоб при виде моей тарелки. — Ты намазал ей соски маслом?

Я поднял его за пальто и держал кулак в необходимых нескольких дюймах от переносицы. Он оставался там целых десять секунд. Он не сопротивлялся и ничего не говорил, но белел с каждым тиком часов. Я оттолкнул его, и он едва успел выпрямиться, как стул упал.

— Вытащи панду из моей машины, пока я не натравил на нее собаку.

Он пошел, с такой болью и уязвленной гордостью на лице, что только теперь я подумал, что он настоящий. Он мне не нравился, потому что он портил день, заставляя меня жалеть его, а теперь заставлял меня чувствовать себя виноватым из-за слишком поспешной реакции. Но он оскорбил женщину, и мне это не понравилось, хотя, полагаю, мне следовало проявить хладнокровие и отнестись к этому как к мужчине.

Я сел есть, аппетит у меня не совсем испортился. На самом деле он усиливался, чем больше я ел. Я даже не осознавал, насколько я был голоден. Я осушил кофейник, затем заказал еще один и два датских пирожных.

— Ну, ты и голоден, – восхищенно сказала Этти.

— Ничего не могу с этим поделать. Это из-за тебя. Чем больше я смотрю на тебя, тем больше мне хочется есть. И ты знаешь, что это значит?

Она покраснела, как маленькая девчонка.

— Мой рост шесть футов два дюйма, а вес сто шестьдесят фунтов, но если бы я жил с тобой, и ты продолжала бы меня так кормить, я бы весил столько же, сколько боксер Десятитонный Томми. И тебе пришлось бы поднимать меня блокированием и подкатом, но я не думаю, что ты была бы разочарована. Я не должен так говорить, я знаю, но это всего лишь шутка, хотя я был вполне серьезен, когда сказал, что ты самая красивая и жизнерадостная женщина, которую я видел за долгое время. . Это действительно так. Я тебя чрезвычайно уважаю. Я часто бываю здесь, поэтому буду чаще останавливаться по дороге и здороваться, если ты не против.

— Я не возражаю, — сказала она. — Только не вези с собой этого чертова бездельника в фургоне с пандой. Я терпеть не могу его. Он уже приходил сюда однажды, и мы не могли от него избавиться. Человек, который его привез, вдруг ополчился на него и не повез его дальше. Поэтому он уснул на полу. Мы не знали, что делать. Он храпел, как механическая пила. Потом он проснулся и начал ругаться. Мы не могли его выбросить, потому что шел снег. Он сказал, что позвонит в телевизионные новости, если мы это сделаем. Я велела ему переползти через проезжую часть с двусторонним движением и уехать в Шотландию, но он не сдвинулся с места. В конце концов менеджер дал водителю фургона пять фунтов, чтобы тот выбросил его в Кембридже. Но ты другой. Хочешь еще поесть?

Моя ранняя утренняя эрекция возобновилась, и я подумал, что уже сказал достаточно, чтобы показать, что мне нечего терять, если я кое-что скажу еще, но в несколько более простой форме.

— Вы сдаете здесь комнаты, это все, что я хочу знать. Я бы отдал свою правую руку и даже больше, чтобы побыть с тобой наедине. Как только я вошел и увидел тебя возле бойлера с горячей водой, я понял, что люблю тебя. Но я не собирался этого говорить, потому что это казалось неправильным. Я уважал тебя. И кроме того, всему свое время и место, как сказано в Библии. Моя жена умерла пять лет назад, и я дал обет никогда ни с кем больше не заниматься любовью, и со временем мне стало легче соблюдать этот священный обет, — я заставил свой голос сбиться с ритма и держался голову, как будто она зверски болела — пока я не пришёл сюда и не увидел тебя.

— Я не верю ни единому слову, — улыбнулась она, — но продолжай.

— Это потому, что ты очень искренний человек. Я бы не сказал тебе этого, если бы не увидел сразу, что ты очень искренний человек. То, что я говорю, — это правда, и я мог бы сказать это только очень искреннему человеку. Ты первая, кому я это рассказал, и я очень уважаю тебя за то, что ты мне не поверила. Если бы ты мне поверила, я бы встал и вышел. В мире осталось не так много искренних людей, и теперь ты наверняка сделала мой день. Ты занята, я знаю, — сейчас никого, кроме нас, — но мне бы хотелось поговорить с тобой как следует, только вдвоем, где-нибудь в отдельной комнате, в любой комнате, где мы можем побыть одни.

Мое лицо приблизилось, и мои руки обвились ее талию. Она тряслась, и я думал, что она собирается выругаться какой-нибудь грязной бранью и убежать, но она держала меня за руку и смотрела на меня так, что, пока она таяла от прикосновения моих пальцев, я прижимался достаточно

близко, чтобы дать ей почувствовать, что, к лучшему или к худшему, произошло между нами в час нашего бедствия.

Окна и дверь хлипкого кафе задребезжали при проезде какого-то особо увесистого гиганта на колесах. Я знал, что время пришло, сейчас или никогда, поэтому прижался еще ближе, чтобы начать шептать сладкие пустяки в ее красивое ухо из яичной скорлупки, мои губы касались простых проволочных сережек.

— Я тебя люблю. Я хочу целовать твои губы и делать с тобой все из того, чего я был лишен больше месяца. О, моя милая, дорогая, я не могу дождаться.

— Ах ты, грязный ублюдок, — сказала она. — Хотя давай.

Мы прислонились к стене в маленьком закутке, заставленном метлами и швабрами, и целовались до безумия. Было приятно вернуться к кому-нибудь из рабочего класса (я всегда думал, что если бы я мог найти подходящего человека, это была именно она), подходящему для меня, потому что она не думала, что я сопляк из рабочих трущоб. Она прижалась ко мне с протяжным стоном, предполагая, что я был кем-то другим (а я полагаю, что к этому моменту я уже был), а затем я кончил, как будто бы она была соседской девушкой, взрослой, с которой я играл в грязные игры в бомбоубежище. Это сотворило чудо, и было тем лучше, что оно закончилось через несколько минут. Некоторые говорят, что нет ничего лучше хорошего траха, и они могут быть правы, но я говорю, что нет ничего лучше, чем быстрый секс, который приносит пользу обоим участникам.

Я снова попросил ее поехать со мной в Лондон, и не знаю, что бы я сделал, если бы она сказала «да», но я спросил только, зная, что она скажет «нет». — В следующий раз, — сказала она. Если я позвоню ей, напишу и позвоню еще раз, тогда, возможно, мы постепенно узнаем друг друга, потому что она никогда раньше не встречала никого, похожего на меня. Я был поражен и обрадован тем, что кто-то мог узнать меня — или думать, что узнал, что было одним и тем же — за такое короткое время, когда я всю жизнь жил в своей шкуре и даже сам близко не знал себя.

Выйдя в туалет, я подумал, что у тебя есть шанс узнать себя только тогда, когда ты знаком со многими людьми, которые говорят, что знают тебя, и ведут себя так, как будто они знают. Но я также подумал, как жаль, что кто-то влюбился в меня, а я наполовину влюбился в него, когда ехал в Лондон в ситуации, когда, не пройдет и нескольких часов, я ввяжусь в спор, в результате которого мое лицо может остаться настолько разбитым, что Этти больше не узнает меня.

Я чувствовал себя легким, как воздух, потому что о том, что должно

было произойти, нельзя было сказать, что оно произошло, пока оно не произошло, а между одним и другим всегда было более широкое пространство и более длительное время, чем вы могли себе представить. Я взглянул на стену и увидел прицепленный там листок бумаги, в котором, как мне показалось, было что-то о том, чтобы не бросать свои окурки в писсуары, однако, застегнув молнию и подойдя поближе, я прочитал:

«Рональд Делф, поэт-лариот, привязанный к жизни военно-морским канатом, доставленный на пароме в моря Уош и Северное Йо-хо-хо. Поэтическое представление в духе панды сегодня в половине восьмого вечера в развлекательном центре Стивениджа. Входной билет один фунт пятьдесят. Программа два фунта. Книги для парусного спорта».

Я надеялся, что он исчез, но когда я вышел на улицу, он вытирал комаров с лобового стекла куском влажной тряпки.

— Спасибо за завтраки. Прости за эту болтовню.

Он казался другим, как будто был пьян в кафе или обкурен, но теперь полностью выздоровел. Пока я был с Этти, он, должно быть, мылся и причесывался в туалете, потому что выглядел чище и умнее. Я не мог велеть ему убираться в Стивенидж, поэтому открыл ему дверь. Дисмал выбежал и оставил у мусорного бака свое собачье дерьмо. Когда я поискал его тарелку с завтраком, Делф сказал, что уже вернул ее в кафе. — Я увидел ту официантку, и она плакала. Что случилось?

— Это не твое дело. — Я передал ему сигару. — Отсоси это.

Мрачный Дисмал сел рядом со мной, и я снова погрузился в поток моторизованной жизни. Некоторое время мы молчали: впереди Дисмал, как статуя, сзади Делф, как манекен, а из под крышки багажника, как восковая фигура, торчит панда. Я тоже не чувствовал себя оживленным, но в остальном был счастлив. Облака были белыми и плотными, как на гравюрах Гренландии в книжках с картинками. Я почти ожидал увидеть, как сзади одного из них появится китобойный корабль, затем затормозил, чтобы не задеть «кортину», и обогнал ее, проверив в зеркало, что сзади чисто.

Двусторонняя дорога вела нас между чахлыми деревьями, и, несмотря на несколько привлекательных стоянок, я решил высадить Делфа на объездной дороге в Стивенидж, чтобы он мог приехать со своей коляской-пандой в соответствующем стиле. Погода на юге была лучше, небо открытое, мало облаков, поэтому ни он, ни его груз с литературой не промокли. Я рассказал ему о своем намерении.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказал он. — Если ты когда-нибудь будешь в Йоркшире, можешь остановиться на день или два в

Доггерел-банке. Там всегда найдется кастрюля тушеного мяса и бутылка вина из бузины. Но возьми с собой спальный мешок, потому что кровать у меня только одна. И бутылку виски, если можно. Временами бывает сыровато, но ты справишься.

— Спасибо.

— И несколько банок кошачьего корма могут пригодиться.

Он не мог думать ни о чем другом, это было неприятное молчание, потому что я боялся того момента, когда мне придется его отпустить. Мне хотелось вернуться и уговорить Этти поехать со мной и даже Делфа остаться, чтобы, по крайней мере, я был среди знакомых лиц, когда настанет решающая битва.

Если бы моя депрессия длилась больше нескольких мгновений, возможно, я бы чему-то научился. Но у меня никогда не было духовной конституции, чтобы выдерживать душевную боль достаточно долго, чтобы ее можно было уничтожить, или усовершенствовать. Я всегда ощущал чувство сожаления, когда начинал выходить из мрака.

— Прочитай мне стихотворение, — обратился я к Делфу, — и я дам тебе тридцать шиллингов.

— Два фунта.

— Тогда два фунта. — Я бы дал ему пять. — Пройдет время, прежде чем я тебя отпущу.

Он перевернул несколько бумаг.

— Я прочитаю тебе любовное стихотворение.

— Это лучшее, что ты можешь сделать?

— Что плохого в любовном стихотворении? Мы с Пандой прекрасно исполняем любовные стихи.

— У тебя нет забавного стихотворения?

От его смеха чуть не треснуло зеркало. — Нет такого понятия. Смех и стихи несовместимы. Люди покупают стихи только тогда, когда плачут или растроганы. Если я рассмешу их, они просто почувствуют себя хорошо и пройдут мимо перегруженного стола, не купив ни одной моей книги.

— Тогда подойдет любое стихотворение, — сказал я.

Он вылетел из окна. — Тогда послушай это. Он называется «Королева сумерек» — Рональд Делф:

«Рододендрон для руля.

пока мы управляем дикими каналами:

скользящие линии серебра между черным и зеленым.

Герань на окнах коттеджа

коготь золотого стекла,

дымовые трубы, льющие тени для век
в вечернем свете Бога
хватаясь за работу день и ночь.
Головки угольной шахты
клетки в сумерках, как наша баржа
между шлаковыми отвалами рулит свой путь,
и ты на полированной палубе кормы
сидишь, пока играешь
Гэри Глиттер на заводном граммофоне».

«Капри» прорвался вперед слишком близко, ведя свою маленькую игру. «Роллс-ройс» — это спортивная приманка для всех, а Делф не заметил моей умелой процедуры уклонения.

— Я знаю, что это не так уж и хорошо, и я все еще работаю над этим, но ты, черт возьми, вполне можешь что-нибудь сказать.

— Если бы в этой машине сидела женщина, — сказал я, — я бы не подвез тебя и через миллион лет.

— О, — сказал он злобно, — ты помешан на власти, да?

— Но мне понравилось твоё стихотворение. Это оказалось лучше, чем я думал.

— О, чертовски хорошо. Чертовски хорошо. Теперь я знаю, почему я потею кровью. Просто чтобы услышать что-то такое комплиментарное. Ты не только сделал мой день, но и мою жизнь.

«Мне понравилось». Похвала ничего не стоила.

— Я был так увлечен, что чуть не попал в аварию. — Прямая дорога с двусторонним движением была потрясающим местом для скоростной езды. Я вспомнил беспорядочную и извилистую ленту смерти во время моей первой поездки на автомобиле в Лондон почти пятнадцать лет назад. — Ты действительно это сделал.

— Настоящая авария?

— Еще доля секунды, и мы превратились бы в пылающий погребальный костер: ты, я, Дисмал и Панда, поднимающиеся в небо в облаке копоты и пламени, — а, возможно, еще и четыре человека в машине-нарушителе. Это был бы холокост.

— Чудесно, — он записал. — Продолжай.

— На протяжении десяти миль будет многократная скопление людей и пробка, а в небе будут отражаться ленты синих мигалок, когда полицейские машины и машины скорой помощи попытаются добраться до нас. А если у одной машины взорвется бензобак, то же самое произойдет и с той, что позади, и с той, что спереди, и вы получите

теорию домино в действии прямо в Йорке, как пламенный конь Дика Терпина по имени Рыжая Бесс, прыгающий через ворота магистрали.

— Не говори мне, — закричал он, заставив Дисмала лаять. — Не говори мне. Теперь я понял: «Как Пятый Всадник Апокалипсиса». Вот и все. Замечательный. Какой образ. Делф делает это снова. «Дик Терпин проезжает на лошади по кличке Покер Липс сквозь многочисленные скопления...» Теперь можно продолжать.

Его энтузиазм меня иссушил.

— Ну, тогда продолжай!

— Пиши свои собственные стихи, — я подал знак съезжать с автострады. — Вот пути и разошлись.

Мы вытащили его фургон с пандой из багажника, и он не поблагодарил меня за добровольно предоставленные услуги, но с другой стороны, я был рад видеть, как он идет, размахивая вымпелом, продвигаясь к своему триумфальному приему в Стивенидже.

Я положил руку на голову Дисмала, когда мы вернулись на большую широкую дорогу. Он, казалось, был доволен тем, что мы снова остались одни, и нежно подтолкнул меня. Я устал. Сочинение стихотворения Делфа утомило меня, заставив осознать, насколько трудной должна быть жизнь поэта. Изящный автомобильный мост пересекал автостраду и открывал прекрасный вид сбоку на сэндвич с джемом, от которого Дисмал лишь вздрогнул. Было что-то обнадеживающее в этом зрелище и в появлении лондонского такси, которое обогнало меня и вскоре оказалось далеко впереди. Я поехал немного быстрее, думая, что пришло время показать всем, что «роллс-ройс» по-прежнему король дороги.

Когда я обогнал такси на восьмидесяти, оно осветило меня фарами, и Дисмал выдохнул мне в шею с полным одобрением нашей скорости. Я без особых усилий поднялся до ста и задавался вопросом, кто был в той полицейской машине, пересекавшей мост возле Стивениджа. У Моггерхэнгера было много контактов среди сообщества сэндвичей с джемом, и обе организации интересовались моим местонахождением, так что, возможно, полицейская машина передала по радио о моем пути в мегаполис. Я сбавил скорость до девяноста, не желая, чтобы обвинение в превышении скорости стало первой из многих ступенек к двадцати пяти годам. «И рекомендуется, чтобы он отбыл весь срок наказания».

В раздвоении личности есть некоторая польза, особенно когда у вас есть постоянный доступ к самой веселой, позитивной и оптимистичной стороне. Это была одна из вещей, которых Бриджит терпеть не могла, но если бы я не обладал такой добродушной натурой, мы бы развелись много лет назад, и, возможно, это было еще чем-то, что она имела против

меня. Я чувствовал яркое и страстное желание увидеть Сэма и Рэйчел, а также Смога, но подавил это желание, как противоречащее моей схеме выживания. Бесполезно было ехать в Харвич и садиться на пароход, следующий в Голландию, когда в воздухе висело столько незаконченных дел.

На длинном склоне перед островом в конце автомагистрали я сбавил скорость и выскользнул на встречную полосу, чтобы объехать грузовик. Водителю это не понравилось, и он велел своему товарищу посигналить, и шум преследовал меня всю дорогу до Хэтфилда. Плохо было водить машину, привлекая к себе такое внимание. Некоторое время он преследовал меня, сорок белых фар обжигали мою шею и почти сводили Дисмала с ума. Затем он свернул, и я спокойно устроился на длинном пути к Северной кольцевой дороге.

С расстояния двадцати миль, на подъеме дороги, я увидел разросшийся Лондон. Я почувствовал этот запах, и машина, казалось, прибавила скорость, хотя я не нажимал на педаль. Половина рекламного щита отсутствовала там, где в него врезался грузовик, а большой указатель в нескольких милях дальше был настолько заляпан грязью, что его едва можно было прочесть. Когда я добрался до Барнета, дорожные оранжевые натриевые огни были включены, хотя солнце еще светило ярко. Я пробирался сквозь более плотный, но быстрый поток машин через неподобные самшитовые виллы Милл-Хилл, пока не свернул на запад по Северному кольцевому шоссе, минуя места, которые я отметил несколько дней назад, но которые теперь казались мне местами из другой жизни.

При моем приближении каждый светофор загорался зеленым, и я приехал в Лондон слишком рано, чтобы чувствовать себя комфортно. Я представлял себе ночной приезд, понимая, что если бы, когда я сдавал машину, там был Барни, у меня был бы шанс исчезнуть, как кошка в темноте. Я останавливался на каждом пешеходном переходе, чтобы пропустить любого, кто стоял в радиусе пятидесяти ярдов от края. Если светофор загорался желтым, я был трогательно благодарен за то, что меня задержали.

— Ты идешь или нет? — крикнул я пожилой женщине, которая поэтому почувствовала, что ей нужно так быстро спешить к переходу, что я испугался, что у нее случится сердечный приступ. Мне следовало пойти на концерт Делфа в Стивенидже, уговорить его взять меня в качестве своего менеджера и пресс-агента (или сводника), чтобы воздержаться от посещения Лондона еще на несколько дней.

Вместо этого я решил посетить квартиру Блэскина и посмотреть, как голодает Билл Строу. Я свернул в город на Уотлинг-стрит и Эджвер-роуд

и через час обнаружил парковочный счетчик возле «Хэрродса».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13

Это пишу я, Гилберт Блэскин. Пристегните ремни безопасности. История Каллена попала в мои руки, и в его повествовании есть пробел, который необходимо заполнить. Для меня это беспрецедентный шаг — лечить книгу отпрыска, но искусство всегда прививает стремление к совершенству — и это касается любого другого произведения, которое попадает в мою всегда благодарную руку. Причина, по которой Блэскин ненавидит коммунизм, заключается в том, что если бы британский Жданов когда-нибудь пришел к власти, а меня назначили министром культуры, я бы не смог доверять себе. Знание того, что человеческое совершенствование, особенно мое, ограничено, спасает меня от совершения множества грехов против моих братьев. Мне бы хотелось сказать то же самое о женщинах.

Через несколько дней после того, как я впервые за несколько месяцев, если не лет, увидел Майкла Каллена (откуда мне помнить, когда я в последний раз видел своего сына?), он пришел однажды днем и оставил со мной существо по имени Дисмал. Он был в странном настроении, и я не мог понять почему, кроме того, что он только что вернулся из прогулки по стране от имени этого бандита Моггерхэнгера. Я надеялся, что он не сделал ничего, что могло бы вызвать у него проблемы с полицией. Он все время поднимал глаза и смотрел в потолок, как будто ожидая, что Бог сойдет из своего Царства и поможет ему. Меня это беспокоило и раздражало. Когда он не захотел выпить, потому что был за рулем, я действительно начал волноваться. После долгой ночи в городе у меня ужасно болела голова, и я имел честь выпить его долю вместе со своей.

И он не пробыл у меня достаточно долго, чтобы передумать. В нем больше моего упрямства, чем мне иногда хотелось бы себе представить, и он так же тверд в своих поступках, как и я в своих. Хотя на данный момент они не соприкасаются, я ожидаю, что со временем их будет все больше и больше. Я задавался вопросом, чем он заслужил такую судьбу.

Я также не люблю собак. Кобель, по кличке Дисмал, которого он оставил со мной, разорвал пачку моих сигарет на куски, как будто он был гневом Божьим, посланным одним из этих сумасшедших противников курения. Тем не менее, это мне понравилось. Еще мне хотелось, чтобы он

опрокинул бутылку виски. Я положил уцелевшие сигареты обратно на стол, думая, что жизнь слишком коротка, чтобы бросать курить, и что в любом случае мне просто повезет заболеть раком, если я это сделаю. Затем я налил еще один стакан виски, как продолжение послеобеденного завтрака, и когда он скользнул мне в желудок, как горящее яйцо, я сказал себе, что такой образ жизни не может продолжаться, что я всегда говорю, когда начинаю чувствовать себя лучше, особенно после вечеринки, которая на следующее утро закончилась в полицейском участке и в суде.

В полночь моя машина стояла на Слоун-стрит на полпути к фонарному столбу.

— У меня есть основания полагать, что вы пили, — сказал один из молодых парней в синем.

— Давайте проведем анализ дыхания у почти умирающего человека, — сказал другой.

Я собирался отрицать, что выпивал, но, к сожалению, заболел, что, казалось, подтвердило их подозрения.

— Очевидная рвота, — сказал полицейский в суде.

— Да, — сказал судья, — вы ведь предпочли остановить его из-за якобы выпитой рюмки, не так ли? Я его знаю, это добродушный старик, я часто ставил свою машину около его.

— Пинта, сэр, а не рюмка, точно — сказал констебль.

— Ну, если хочешь, даже и кварта, — сказал судья. — Я не думаю, что мистеру Блэскину есть что сказать в свою защиту. Он никогда этого не делал.

Всю ночь в камере меня тошнило.

— Двадцать пять фунтов штрафа и пятнадцать фунтов издержек, — ухмыльнулся судья. Затем чертовски ужасное существо в моем желудке зарычало еще раз. Судья запаниковал: — Химчистка стоит двадцать пять фунтов. И вытащите его отсюда. Быстрее! Быстрее!

Но было слишком поздно. Он потребовал опилок, чтобы попытаться почиститься, и я мог ему только посочувствовать. Мне повезло, что я так легко отделался.

Понимая, что такое поведение нужно прекратить, я закурил еще одну сигарету и налил еще виски. Дисмал вышел из кухни и прыгнул мне на колено. Я оттолкнул его и просмотрел почту, чтобы узнать, есть ли там деньги. Я нашел денежный перевод на двести фунтов за перевод одного из моих ранних романов на сербско-хорватский язык, которого как раз хватило бы на оплату вчерашнего ночного набега. Бог заботится о своих писателях.

Я пошел на кухню поискать что-нибудь поесть. Каждые выходные я

запасался вкусностями из Harrods, и хотя был только вторник, уже ничего не осталось. Я дал Дисмалу пинка. Он укоризненно посмотрел на меня и съел письмо — к счастью, не то, в котором был чек. Я погладил его, дескать, извини, что был несправедлив к такой умной собаке, которую можно было бы погладить, и дал ему колбасы из холодильника, хлеб и консервированные деликатесы из кладовой, и бутылку моего лучшего вина из шкафа. Я бы многое отдал, чтобы увидеть, как он работает штопором. У меня плохая память относительно потребления еды, но я знал, что ее должно было быть больше, чем я видел.

В три часа пришла моя уборщица миссис Драддж, и было очевидно, что она не прибавила в весе за последние несколько дней. Я не смел ничего ей сказать о нехватке еды, потому что она очень щепетильно относилась к таким вещам, возможно, из-за своего имени. Когда она вошла в гостиную и пожаловалась на беспорядок, я сказал: «Где вы, черт возьми, были, миссис Драддж, что в квартире стало так неопрятно? Я не могу с этим смириться. Если так пойдет и дальше, мне придется вас уволить».

Полагаю, я должен объяснить (будучи писателем), что ее настоящая фамилия была Драддж-Перкинс и что она происходила из очень уважаемой семьи. У нее был статный и суровый вид, ей было сорок лет. В течение короткого периода, когда ей было чуть больше тридцати, она была моей любовницей. Впервые я встретил ее, когда выступал в Кэмп-Хаусе (Современное искусство, музыка и поэзия) с докладом на тему «Искусство и люди», или это был «Писатель и моральный кризис эпохи»? Потом она отчитала меня (ее фраза) за мой цинизм, который я назвал реальностью, но мы забрались в постель прежде, чем спор зашел далеко, потому что она хотела услышать мое окончательное мнение по этому поводу (я был очень тонок и дипломатичен в те дни, если не сказать коварен), а мне нужно было добраться до фундаментальных частей ее дела. И так дела пошли от плохого к лучшему и от лучшего к экстатическому. Она была одной из лучших женщин, которые у меня когда-либо были, и она была не прочь продемонстрировать своей похотливой фригидностью, что я для нее один из худших мужчин. Она была одинокой женщиной с личным доходом, и я в то время жил на него, пока она не предложила передать его мне, чтобы я мог благородно отказаться, что я и сделал. Она печатала для меня какое-то время, после смерти бедняжки Пирл Харби, пока мне не надоело исправлять ее бесчисленные ошибки (и ее попытки изменить мой стиль и убрать то, что она считала грязными кусочками, но которые были прохладными картинками того, что на самом деле утекло через канализацию) и взялась

печатать для кого-то другого, но согласилась, как она выразилась, время от времени чистить мой свинарник. Ее квартира находилась в том же доме, на третьем этаже, так что ей не пришлось далеко ходить.

Что же касается ее внешности, то что я могу сказать, кроме того, что я еще изредка с ней трахался, хотя, конечно, при несколько изменившемся нашем отношении друг к другу, до нее было неизмеримо труднее достучаться. Чтобы подчеркнуть достоинство своего положения и показать, как низко она опускалась, вытирая мои помои и отчищая мою грязь, она никогда не одевалась ниже стандарта Червонной Королевы, отправляющейся за покупками. Ее прическа была безупречной, хотя и строгой, как и подобало личности, которую она не собиралась менять, даже если бы могла. Всякий раз, когда она появлялась, она носила консервативное облегающее дорогое платье с ниткой жемчуга, браслетом, кольцом и черными туфлями с ремешком, скромно застегнутым на пухлой ступне блестящей черной пуговицей. Должно быть, она потратила больше времени на подготовку к работе, чем на саму работу, но за последние пять лет она никогда не была менее чем ледяной в своем отношении ко мне, который, хотя я никогда не делал ничего принципиально плохого, оскорбил ее до глубины души тем, что я родился.

Сказать, что я любил ее, было бы совершенно правильно, а сказать, что она обожала меня, на свой гренландский манер, тоже могло бы нести налет точности, но какая-то часть ее говорила мягкими, но неотвратимыми словами о том, что я - это животное, которого следует избегать, и что, поскольку она не может оставаться вне моего поля зрения, она должна держать себя со свиньями-шовинистами мужского пола настолько туго зашнурованной, насколько это позволяет ей нижнее белье. Мы хорошо оценили друг друга. Моя квартира превратилась в клетку с тигром, как только она вошла в нее, и мы оба против этого не возражали, потому что точно знали свои места относительно друг друга. Всякий раз, когда она заставляла меня, в три часа дня, в постели с нынешней подругой или даже с моей женой, она была как всегда холодна и корректна, но я знал, что внутри она кипит, и она знала, что я знаю, и иногда я предлагал ей лечь с нами в постель, но она козыряла своей коварной картой, отказавшись самым вежливым и цивилизованным образом.

Она была единственной женщиной, которую я не смог победить, потому что мы были на одном направлении трассы, но по этой причине я мог нанести ей более болезненные удары, чем кто-либо другой. И по этой же причине любой ее удар по мне не мог иметь никаких последствий. Она

была моей идеальной спутницей, а я — ее, но по этой причине она никогда не вышла бы за меня замуж, и по той же причине я никогда не женился бы на ней. По той же причине у нас снова была мучительная и вечная любовь друг к другу. Поэтому она годилась только на роль моей уборщицы. С ее точки зрения, это был единственный способ наказать меня. У нас были идеальные отношения, которые было бы подло портить браком. В любом случае я уже был женат. Это было не нормально и весело, что причинило бы ей меньше боли, а нетрадиционно и очень легко легло на мои плечи, что, должно быть, было для нее мукой. Мы были несчастными любовниками, оба сердца блуждали в разных частях космоса, но были неразрывно связаны. Я любил ее, как если бы она была своенравным братом, которого я никогда не мог узнать, и если она вообще любила меня, то так это как сестра, которая стала проституткой не для того, чтобы зарабатывать на жизнь, а потому, что ей это нравилось - сестра, с которой она никогда не смогла бы познакомиться просто потому, что у нее не было надежды вернуть ее на путь праведности.

Она ходила вокруг и складывала окурки и стряхивала пепел в полиэтиленовый пакет.

— Как вы сегодня, миссис Драдж?

— Драдж-Перкинс. И мисс, а не миссис. А как вы сегодня, мистер Блэскин, выдающийся общественный деятель?

— Ужасно. Сегодня утром я выплеснул все свои кишки в суде, на судью. Его зовут Артур Кобальт. Он директор моего издательства, иначе, думаю, меня бы отправили в тюрьму.

— Это может принести вам много пользы, — сказала она, как я и ожидал.

— Драдж по имени и Драдж по натуре. «Тяжелая работа». Почему бы вам не сказать что-нибудь неожиданное? Если в вас есть хоть одна искра оригинальности.

— Гилберт, — сказала она, — я пришла сюда не для того, чтобы меня оскорбляли.

Я лежал на диване. — Тогда возвращайтесь.

— Нет. Есть нечто, известное как «Освобождение женщин».

Будучи в дурном настроении, я засмеялся еще громче обычного.

— «Женская либеральная партия?» Вам нравятся все эти феминистские штучки, не так ли? Или вы слышали об этом только сегодня утром по радио? Знаете, что такое феминизм?

— И знать не хочу.

— Я знаю, что вы этого не делаете. Я вам скажу. Это лесбийский трюк — затащить чернокожую женщину в постель.

Она пошатнулась и схватила тяжелую стеклянную пепельницу, и на один момент я подумал, что у нее хватит смелости бросить ее. Я часто думал, что в конечном итоге мы убьем друг друга, одновременно предполагая, что есть и худшие пути. Но я сказал много лишнего. Я видел это по ее лицу. Я коснулся ее запястья, но она отдернула его, словно я ходячая горячая кочерга.

— Простите, что я это сказал, Драджи. Феминизм — самое благородное движение века. Я полностью за него. Все, чего я хотел, — это приступить к написанию истории жизни лорда Моггерхэнгера, или добавить несколько абзацев к моему тринадцатому роману, или набросать еще пару страниц последнего подвига Сидни Блада, которым я и занимаюсь за плату Pulp Books. Миссис Драдж, — сказал я тоном писателя Ноэля Кауарда, живущего в своем загородном доме, беззаботного и пребывающего в порядке с окружающим миром, — не будете ли вы так любезны принести мне что-нибудь есть? Я иду в работать в кабинет.

Я встал и, к несчастью, пукнул.

— Думаю, у меня намечается новый роман.

Дисмал наблюдал за нами, как зритель на теннисном матче.

— Мистер Бласкин, — сказала она, — такое поведение вас недостойно.

Я улыбнулся.

— В войне полов все справедливо. Я бесконечно благодарен Женским Либералам за то, что оно открыто обнародовало это. Теперь я действительно могу хорошо провести время. Раньше здесь было так скучно.

Стоп, сказал я себе. Пиши, но не говори. Слишком поздно. Она решила отомстить.

— Вам следует подружиться с хорошим молодым человеком и остепениться.

— Я бы так и сделал, но женщины мне подходят больше. Не то чтобы я в свое время не занимался задницами и мужчины и женщины, если уж на то пошло. В конце концов, я настоящий англичанин, хоть и не шпионю в пользу России. Особенно когда я был в армии, хотя мы тогда были еще пацанами, но я предпочитаю трахать женщин, потому что у них есть сиськи и вообще лица покрасивее. Хотите со мной побаловаться? У меня уже давно не было таких игр. Не то чтобы это принесет мне много пользы. Я думаю, что у меня больше гомосексуальных наклонностей, чем других.

Я зашел слишком далеко, а это было ровно столько, сколько мне

хотелось. Она удалилась на кухню, а я пошел в кабинет.

— Если захотите выпить кофе, — крикнул я, — не пользуйтесь кофемолкой. Вы сломали ее в прошлый раз.

Мир — но хотел ли я его? Я закрыл дверь, затем продолжил просматривать остальную почту. Мне пришло письмо, в котором меня приглашали принять участие в конференции под названием «Обречена ли книга?» и требовали быстрого ответа. Я не знал, обречена ли книга, но чувствовал, что обречен сам. Но я не мог сказать им об этом, не проявив невежливости. Я отправил им по телефону самую дешевую телеграмму, какую только мог придумать. «НЕ МОГУ СКАЗАТЬ. ПЬЯНЫЙ БЛЭСКИН».

В письме мой издатель хотел знать, как я назову свое собрание сочинений. Он видимо был достаточно глуп, чтобы думать о его выпуске. Я написал записку, в которой просил назвать многотомник «Изданием для мусорной корзины», чтобы она была напечатана в издательстве «Misprint Press» и продана в книжном магазине «Throwaway». Он не знал, что единственное занятие, которым может заниматься сумасшедший, — это писательство.

На этот день с меня писем хватило. Все требования и счета по подоходному налогу были брошены в мусорную корзину, чтобы Дисмал мог играть с ней в «Почтовое отделение», после чего практически ничего не осталось, и создавалось впечатление, будто я уже проделал какую-то работу. Однако, чтобы попытаться продолжить ее, я взглянул на электрическую пишущую машинку и заметил, что в последнее время непрошенная буква Н выскакивала так, что это наводило на мысль (что, вероятно, было правдой), что я был пьян. Я удалил что-то блестящее в схеме вещей. Я вытащил из машинки лист и отправил его вслед за счетами и открытками, затем взял свою любимую шариковую ручку и приступил к работе над жизнью Моггерхэнгера, и смог сделать это после нескольких дней болтовни с различными завсегдатаями Сохо со шрамами. Единственный способ начать — снова соединить троллопиевы трубы и писать без каких-либо уступок дипломатии именно потому, что злой старый болтун хорошо мне платил:

Вассал Моггерхэнгер, следовавший за своим рыцарским феодалом в крестовых походах в Иерусалим, по незнанию разжег огонь из части истинного креста. Он был известен как мастер крестового чоппера, пока однажды ночью неверные не поймали его, когда он делал то же самое с полумесяцем, и отправили его голову обратно в ведро. Моряк Моггерхэнгер отправился в XVI веке на Испанскую Дорогу и вернулся с мешком добычи и двумя золотыми серьгами. Еще он вернулся с

деревянной ногой — чужой. Солдат Моггерхэнгер отправился во Фландрию вслед за дядей Тоби и ругался ужаснее, чем кто-либо другой. Следующий Моггерхэнгер был разбойником, также известным как Маггерхэнгер, потому что он был повешен. На большой дороге ограбили еще одного Моггерхэнгера, красавца-дьявола, которого любили дамы (и некоторые их денди). Нед Моггерхэнгер из Калвертона был луддитом и ломал машины, но по ошибке сломал устройство для раздачи пива в больших количествах, чем до сих пор считалось возможным, за что ткачи повесили его на зеленое дерево. Другой Моггерхэнгер упал с высокой башни церкви, крадя свинец. Его сын поступил на военную службу и стал солдатом легкой бригады. Он участвовал в 1854 году в Балаклавском сражении, где погибла легкая бригада и вернулся со звоном золотых монет в карманах и с зубами русского артиллериста, зажатými в кулаке. Сержант Моггерхэнгер (двоюродный брат крымского Моггерхэнгера) отправился на северо-западную границу Индии, насилуя и грабя, и сделал кисет для табака из девственной матки. Констебль Моггерхэнгер из лондонских доков брал взятки и ослеп на один глаз от слишком большого количества алкоголя. Экипаж «Нарцисса» выбросил за борт торгового матроса Моггерхэнгера. Когда он подплыл обратно к лодке, они подняли мятеж. Он заразился венерическими болезнями в борделях и занимался контрабандой. Во время Великой войны младший капрал Моггерхэнгер подошел к Западному фронту на расстояние десяти миль и, услышав шум массивной артиллерии, дезертировал. Он был одним из немногих, кто вернулся в Англию и так и не был пойман. Другими словами, он стал белым как полотно, вытер лицо батистовым платком, сломал стрелы, сказал «аминь» и прошел полпути домой из Долины Страстей. После этого он торговал в Нигерии, вернулся нищим и пошел на пособие по безработице. Это был Джек Моггерхэнгер, но Клод, который не знал, был ли он племянником своего отца или его сыном, считал родную территорию Англии своей главной заботой. В общем, надо сказать, что Моггерхэнгер любит своих детей, свою мать и свою страну, если только они не встанут у него на пути. Что касается его друзей, не считайте меня среди них.

Миссис Драдж вошла с тарелкой дымящегося гуляша, консервированного горошка, яичницы, белых тостов и пинты черного кофе, слабого, как лакричная вода.

— А вот и старая ворчливая п...а, — сказал я, чтобы подбодрить ее.

Она напряглась.

— Ради бога, не урони этот поднос.

— Ты ненавидишь женщин, не так ли?

— Не больше, чем большинство людей. По крайней мере, я не из тех англичан, которые задерживают дыхание, проходя мимо женщины. Полагаю, это единственный сорт, который вам действительно может понравиться.

Она глубоко вздохнула. Это было похоже на воду, льющуюся из самого глубокого колодца в пустыне.

— Если и было что-то, чем я восхищался, так это размножение. Я все еще в этом участвую.

— Не хочу тебя тревожить, Гилберт, но ты не думаешь, что в доме водятся крысы?

— Не понимаю, почему этого не должно быть, — сказал я. — Кажется, здесь есть почти все остальное.

— Серьезно, я услышала царапанье над головой, пока была на кухне. Может быть, голуби снова залетели.

Я с удовольствием зачерпнул еду, возможно, она была не слишком хороша, но это было все, что у меня было.

— Если я никогда не задаюсь вопросом, почему ты так добра ко мне, то только потому, что понимаю, насколько я безобразен по отношению к тебе.

Она покраснела, от удовольствия или от боли, я не знал. Я был единственным человеком в мире, который мог добиться от нее одной или обеих реакций, и что бы это ни было, в такие моменты она чувствовала себя более живой, клянусь, чем когда она была одна или с другими людьми. И когда у нее была какая-то реакция, я чувствовал, как во мне поднимаются волны разврата, и, проглотив две трети ее отвратительной еды, я обнял ее довольно широкую задницу.

Она сделала попытку отойти. — Оставь меня в покое, зверь.

Я поставил тарелку, чтобы Дисмал облизал. — Ты знаешь я люблю тебя. Единственные правдивые слова, которые я когда-либо говорю, — это те простые и неприукрашенные слова, которые описывают мою бессмертную любовь к тебе.

— Мне трудно в это поверить.

— Можете ли вы распечатать этот отрывок из моей книги о Моггерхэнгере?» Дженни вернется из Бенидорма только на следующей неделе.

— Возможно, я сделаю это позже — если ты пообещаешь исправиться.

Я обнял ее, прижав ее великолепную грудь к моему жилету, прикоснувшись губами к ее щеке, когда она отвернулась.

— Ты еще не слишком стара, чтобы быть матерью, — сказал я. —

Разве ты не хочешь ребенка, пока не стало слишком поздно? Представь себе, что у тебя есть сын, который будет поддерживать тебя на склоне лет, большое красивое чудо без подбородка, плачущее солеными слезами над своими оценками? Конечно, моя возлюбленная, ты, должно быть, подумала об этом, и если так, то для меня было бы честью, если бы ты выбрал меня для высшей жертвы.

Я расстегнул молнию от затылка ее теплой шеи до впадины ее широкой задницы. Два пальца расстегнули ее бюстгальтер, и мои руки сомкнулись на ее горячей груди. С самого начала я знал, что нужно ловко обращаться с крючками и ушками, и в юности я несколько дней тренировался на манекене швеи, чтобы убедиться, что пьяный или трезвый, я справлюсь с ним.

Мышцы ее широкой ягодицы расслабились, а ее духи и макияж заставили меня еще больше красноречиво говорить. — Подумай о маленьком ребенке», — пробормотал я ей на ухо, стягивая с нее платье вперед и снимая бюстгальтер. — Ты была бы самой гордой матерью у песочницы или катала бы коляску по парку с самым воркующим, смеющимся, блюющим и гадящим маленьким милым ребенком, которого вы когда-либо могли себе представить. Но если он возьмет ручку, отруби ему голову.

— Гилберт, — воскликнула она, — нехорошо так говорить.

— Значит, отруби только его руку.

— Ты ужасен.

— Я знаю, но все-таки именно это я и имею в виду, когда говорю, что для меня было бы честью быть отцом твоего ребенка. Я люблю тебя больше, чем когда-либо любил или буду любить кого-либо в своей жизни. Мы настолько созданы друг для друга, что мне больно находиться рядом с тобой. Если я не трахну тебя, я буду гореть в огне ада. Ты, конечно, должна это понять из своей ледяной пещеры?

— Я не хочу тебя, — кричала она. — Я не хочу тебя.

Я засунул три средних пальца ее левой руки себе в рот, а ее правую руку прижал к своему члену, затем запустил обе руки в ее штаны и обнаружил, что она горит, как внутренность компостной кучи.

Ее протесты «Никогда! Никогда!» были опровергнуты состоянием, в котором я ее нашел. Я знал ее с давних времен. Она никогда не хотела меня. Она всегда возражала, до самого конца. Даже в этом случае она позволила — достаточно легко — провести себя в спальню, и мы направились к столу с закусками. Я пнул дверь прямо в лицо Дисмалу, который следовал за нами через гостиную, как будто хотел присутствовать на свадебном карусели.

— Я не буду благодарить тебя за это. Она откинулась на спину и приподнялась, чтобы я мог снять с нее шаровары. — Я не буду благодарить тебя за это, — хотя она и не выпустила ледяную хватку, сжимавшую ее душу, ее отпустил демон, который был еще глубже в ней, и ее голова и фарфор поднялись вверх. голубые глаза и мерцающие ресницы, когда она была настолько выведена из себя, что перестала ворчать, что ей это не понравится или она не поблагодарит меня за это, если она это сделает. Думала ли она, что меня волнует, понравится ей это или нет, лишь бы мне самому это нравилось? Ей определенно не понравилось бы это, если бы я хотел, чтобы она наслаждалась этим, так что, по крайней мере, в этом случае был шанс, что она это сделает. Хотя я действительно этого хотел, конечно, хотел. Крышка открылась, и пока я готовился к финалу, все, что я видел, это ее прекрасную грудь и ее великолепную лебединую шею, я слышал, как ее стоны становятся все громче, как будто у нее вырвалось дыхание, в то время как ближе к концу, когда ее ноги разлетелись бы по разным континентам, если бы она открыла их пошире, крышка слетела и с меня таким чайником пара, что я думал, что он никогда не вернется, даже если я пошлю двенадцатимесячную поисковую группу искать его среди моих разбросанные внутренности. И, в конце концов, она поблагодарила меня за это. И я также поблагодарил ее, что в данных обстоятельствах было меньшим, что я мог сделать.

— Я никогда тебя не прощу. Она отвернулась, чтобы застегнуть подтяжки. — Никогда.

Я вытерся о ее штаны. — Ты сказала это в первый раз несколько сотен лет назад. И с тех пор ты говорила это каждый раз. Ты имеешь в виду, что никогда не простишь себя. Тебе не понравилось?

Она повернулась ко мне, чтобы я мог застегнуть молнию на ее платье. Такое незначительное внимание стоило для нее тысячи ожесточенных ссор.

— Мне это не понравилось.

Я оттолкнул ее.

— Но ты это сделала. Я это слышал. Я не мог не услышать это. Должно быть, это услышали даже в «Хэрродс» и подумали, что пойман еще один магазинный вор. Фактически, каждый раз, в твоём исполнении, это звучит как очередная казнь на Красной площади. Я никогда не слышал ничего подобного.

Нижняя губа ее задрожала, но от ярости или от страдания я не мог сказать. Мне стало почти жаль ее. — Я не знаю, почему я люблю тебя, — сказала она.

— Неужели я заставил тебя кончить, — сказал я, запустив пальцы в проймы жилета, — назло тебе? Любой другой отнесся бы к тебе серьезно, если бы ты сказала ему, что фригидна и смотрела бы на него со своей холодной улыбкой превосходства. Знаешь, если я и ненавижу тебя за что-то, так это за то, что ты заставляешь меня говорить то, что я действительно чувствую, и я никогда не смогу тебе этого простить. Это единственное оружие, которое у тебя есть надо мной.

Я снова поцеловал ее, как мне показалось, очень нежно, чтобы она не плакала.

— Я не знаю, люблю ли я тебя, но ты испытываешь ко мне фатальное влечение, и я полагаю, это больше, чем я могу сказать практически о ком-либо.

Она плакала, как маленькая девочка, секунд десять. Я поднял часы и засек время. Я никогда не понимал ее и никогда не пойму, и этот факт заставлял меня иногда презирать ее больше, чем ее горе.

— Тебе следовало бы улыбаться и быть счастливой, — ругался я, — но ты слишком злая. Ты должна поблагодарить меня за это. Ты должна быть благодарна. Каждый раз, когда это случается со мной, мой позвоночник почти ломается, но я все равно благодарен.

— Ты мерзкий, — сказала она.

— Ты так говоришь, потому что оргазм у тебя пришел только один раз. Если захочешь получить его раз сорок и каждый раз падать замертво в небытие, тогда подумаешь, что хорошо провела время, и на последнем вздохе скажешь спасибо. Я не виню тебя. Но это не «Лебединое озеро». Это Найтсбридж-он-Харродс, великий ближневосточный торговый центр. Больше ничего особенного.

Она последовала за мной в гостиную. Я включил на проигрывателе «Голубой Дунай» и налил два виски.

— Знаешь, я никогда не прикасаюсь к этой ужасной штуке, — сказала она, и я выпил их один.

— Ты как Мессалина, блудница римского мира. Ты становишься выше себя, как учитель воскресной школы. — Я почувствовал, что у меня наступает отвратительное настроение. — И ты еще не закончила уборку. Как долго, по-твоему, я буду терпеть такую шлюху, как ты?

Она выпрямилась и приняла выражение Снегурочки. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты не пил так много.

Я сжался в узел, чтобы не ударить ее.

— Я пью потому, что скоро умру, и тогда я больше не смогу этого делать.

Я услышал шум, тяжелую поступь. — Наверху кто-то ходит.

Она положила руку мне на плечо и прислушалась. Шум прекратился. — Нет ничего. С вами все в порядке, мистер Бласкин?

— Виноваты те два стакана. Возможно, ты права, дорогая. Мне надо выйти подышать воздухом. О, моя милая. Я не хочу умирать.

Она поцеловала меня, как будто убежденная, что у меня странный поворот и, возможно, я вот-вот сдохну.

Я знаю, и мне говорили даже чаще, чем я говорил себе, что, будучи писателем, я должен точно знать, что собираюсь делать, прежде чем сделать это, и что я должен осознавать все, что собираюсь сделать или сказать, прежде чем я это скажу. Тогда я смогу соответственно умерить свои действия и речь. Дорогой читатель, поверь мне, когда я говорю, что я тот опасный зверь, который точно знает, что он скажет, прежде чем он это скажет, и точно знает, что он сделает, прежде чем он это сделает, но все равно говорит и делает это, к моему вечному стыду, получая мгновенное удовлетворение.

Я сильно ударил ее по прекрасному холодному лицу. — Не зли меня.

Я налил еще стакан, прежде чем она успела высказать свое мнение о жестоком обращении с ней.

— И перестань поглощать мою еду, пока меня нет дома. На последний заказ в «Хэрродс» я потратил сорок фунтов, и от него практически ничего не осталось. Я почти ничего из этого не съел, а Дисмал не знает, как добраться до холодильника. Неудивительно, что ты испытываешь такие оргазмы, потому что ешь так много жирной еды.

Я перехватил ее за запястье, когда ее кулак помчался к моему лицу. Она смирилась бы с чем угодно, только не с подобными обвинениями, но кто же еще мог все это съесть? Меня беспокоила не столько цена, сколько загадка, которую я не смог разгадать. Если это не Драддж, я просто не мог додуматься, кто это сделал.

Я некоторое время плескался в ванне со своими пластиковыми боевыми кораблями, затем надушился и переоделся в чистый костюм, а другой бросил на пол, чтобы миссис Драддж отправила его в химчистку. Дисмал порылся в нем в поисках еды. Может быть, я все-таки зря не отправил его в приют для собак.

Я взял из стола немного денег и проверил, все ли кредитные и клубные карты в порядке. Драддж плакала довольно приятно, поэтому я целовал ее сквозь слезы, пока она не остановилась, а затем вышел, довольный тем, что дал ей что-то, ради чего стоит жить, пусть даже это только я.

Был холодный весенний вечер, и я в высоких ботинках, длинном палевом пальто, шляпе и перчатках двинулся в сторону Пикадилли, боясь

переходить оживленную дорогу, опасаясь, что меня переедут после такой сцены с миссис Драдж. Она была слишком благородной и цивилизованной, чтобы посылать в мой адрес проклятия, но я не рискнул задерживаться на углу Гайд-парка.

После единственной порции спиртного в «Собачьей шерсти» я пошел по Шефтсбери-авеню и проскользнул в «Черный крик», где первым человеком, которого я заметил, была Марджери Долдрам, которую я не видел уже неделю. Она разговаривала с Вейландом Смитом, скульптором, который по совместительству что-то делал на новостном канале Би-Би-Си — одним из тех левых интеллектуалов шестидесятых, которые, не сумев повзрослеть, ушли в средства массовой информации. Марджери, которая также работала на Би-Би-Си, была моей подругой несколько месяцев назад. Ей было тридцать восемь лет, гибкая женщина, которая выпрямлялась только на ветру. Увидев меня, она поджала губы, словно желая составить Смиту конкуренцию. Она наложила макияж, чтобы улучшить внешний вид своей кожи, но сумела показать миру лишь оранжевое лицо. Ее обеспокоенные глаза, вероятно, были результатом ее переживаний со мной.

Я встретил ее, когда вышел мой последний роман, и она захотела сделать что-нибудь о нем по радио. Она польстила мне, в профессиональном смысле, поэтому я немного поработал дома и приправил свою речь бледными остротами, вырванными из старых тетрадей, запомнив их, чтобы они не выглядели слишком нарочито, когда я их достану.

— Проблема со мной, — вспомнил я те свои слова, — в том, что у меня такой ум, который считает ясное мышление смертью интеллектуальных спекуляций. Следовательно, я пишу лучшие части своих романов, когда не знаю, что делаю.

Другие вещи, устаревшие или бессмысленные, были сказаны таким образом, чтобы заставить ее думать, что это она их сказала.

— Как такой писатель, как вы, живет и пишет? — хотела знать она.

— Когда ты становишься старше, — сказал я, — твое бессознательное все больше выходит на поверхность. Вы служите в лексикографической пожарной службе и выбиваете слова влажной тряпкой. Ты понимаешь, что вина — это признание своих грехов, а времени у тебя осталось не так уж и много, поэтому ты пишешь, а не живешь. Писатель должен забыть о том, чем является или должен быть роман, пока он его пишет. Это не его дело. Это единственное условие, при котором его искусство, если оно такое, может развиваться дальше.

И еще целый такой ерунды. Но ей это нравилось — по крайней мере,

она заставила меня поверить в это своим серьезным разрезом губ и взглядом на маленький черный магнитофон. Прямо в пасть коню засунули это интервью и в заграничную программу. Я пригласил ее на обед в свой клуб, а два дня спустя отправился ужинать в ее дом на Грейпвайн-Террас в Ричмонде. Каноэ-долбленка чуть не затонула, пересекая Темзу, поэтому я немного опоздал. Когда я туда приехал, мне даже не хотелось заниматься любовью, но я сделал это, как всегда, потому что другого способа познакомиться с женщинами не знал. Но после занятий любовью я никогда не был ближе к знакомству, чем раньше, за исключением нескольких случаев, когда непринужденная реакция женщины вскоре после этого выражала абсолютную злобу. Тогда отношения приобретали достоинство и становились оживленными.

Марджери Долдрам сделала первый шаг, и это всегда меня смущает, хотя такое случается редко. Я давно взял за правило: если женщина делает первый шаг, я не делаю последующих шагов, потому что это означает, что у нее проблемы. Но опыт показал, что проблемы есть у всех женщин, как и у всех мужчин, поэтому это правило (как и любое другое правило) показалось ненужным, и когда Марджери сделала первый шаг, я не замедлил сделать второй.

С барного стула в «Черном Крике» она обратила на меня взгляд василиска, теперь полный здоровой ненависти.

— Почему ты смотришь на меня с такой ненавистью, Гилберт?» — спросила она с улыбкой. — Ты собираешься бросить нам несколько жемчужин мудрости из своей усталой старой змеиной ямы?

— Я не буду играть в эту игру сегодня вечером.

Вейланд Смит носил бороду, эту униформу Национальной службы для людей раннего среднего возраста, которые только что упустили из виду настоящую вещь — если только они не были молоды, не имели комплекса Иисуса и не хотели быть распятыми третьим миром, который не мог себе этого позволить в любом случае, потому что древесина была слишком дорогой. Они бы просто привязали его к муравейнику за напоминание об их бедности. Если вам нравился Вейланд, вы могли бы сказать, что в его голубых глазах светился добрый огонек. Если бы вы этого не сделали, вы могли бы сказать, что в них был злобный блеск. Я был склонен оставить его в покое, но, поскольку он находился в том же пабе, мне пришлось угостить его выпивкой.

— Мне двойную порцию бренди. Вейланд за рулем, — сказала Марджери.

Он положил свою пухлую руку на ее тонкое бедро и выбрал для нее пинту лучшего биттера. Фу!

Если это жизнь кинематографиста, подумал я, то лучше буду писать романы.

— Создали ли вы в последнее время какие-нибудь хорошие документальные фильмы?

Он улыбнулся, во рту было заметно отсутствие зуба, предположительно из-за того, что он задавал слишком много вопросов.

— Я что-то снимаю по поводу уязвимости британского побережья, и я не имею в виду геологическую эрозию.

Я допил свой двойной виски.

— Вы имеете в виду наркотики, золото и нелегальных иммигрантов? На днях я разговаривал об этом с официантом. Или это мужчина из газовой службы пришел починить мой котел? Мой последний роман будет о контрабанде. Я работаю над третьим черновиком, так что, возможно, он выйдет раньше вашего документального фильма. И если ваш документальный фильм выйдет первым, это поможет продать мою книгу. В любом случае, — продолжал я, — как может существовать такой остров, как наш, без контрабанды? Англичане — нация моряков и торговцев, и это непревзойденное сочетание для зарабатывания денег. Какая удача, что радиолокационное покрытие нашего побережья не так идеально, как о нем говорят. Лодки приходят и уходят постоянно, не говоря уже о легких самолетах, пролетающих под лучом радара и приземляющихся на одном из заброшенных аэродромов в Восточной Англии. Им даже не нужно приземляться. Они просто бросают парашют с прикрепленным радиомаяком, когда видят лучи автомобильных фар, а затем улетают обратно в Бельгию. Так что, если вы хотите взять у меня интервью для своей программы, я расскажу вам все, что знаю, — при условии, что вы купите мне выпить. Это ваш раунд.

Я не знаю, почему он мне не понравился. Марджери не знала, нравлюсь я ей или нет, и в этом ее большая заслуга. Я не знал, нравлюсь я себе или нет, и это было для меня несколько меньшей заслугой. В присутствии некоторых людей разрушение является единственной формой созидания. Он проглотил еще одну пинту.

— Я знаю кое-что, чего вы не знаете. В центре банды контрабандистов есть кто-то, кто находится в Доме...

Марджери остановила его. Возможно, она тоже работала над документальным фильмом. Палата лордов, блин. Я пытался убедить всех, кого я встречал, кто работал в прессе, на радио или телевидении, что им следует стать писателями. Я рассказал им, как легко написать роман, хотя и не слишком легко, а затем польстил им, сказав, что у них есть талант, что они зря тратят время на прессу, радио или телевидение. Многие

согласились со мной, но никто не отказался от своей прибыльной работы, чтобы проверить истинность моего идиотского утверждения. Я всегда надеялся, что так и будет, но шансы против того, чтобы они это сделали, были настолько велики, что, возможно, я все-таки не действовал злонамеренно. Я подумал, что если я попытаюсь убедить Марджери сделать это в присутствии Вейланда Смита, которого я явно не стал бы уговаривать, я, по крайней мере, смогу посеять раздор между ними. Я поднял свой стакан.

— Вы слишком талантливый, чтобы работать на Би-Би-Си.

Вейланд выпятил подбородок.

— И Марджери. Я слышал ее комментарии и видел их напечатанными в «Слушателе».

Она покраснела под жилеткой Damart.

— Я просто сбила их с толку.

— Они читаются так, будто их хорошо отполировали. Эта статья о старушке, которую выселили во время сноса трущоб в Ричмонде, была чертовски хороша. Я уверен, что вы могли бы написать прекрасный роман.

— Прекратите, Гилберт.

— Или вы могли бы написать мемуары. Почему бы и нет? — Вейланд принялся изучать пивные насосы. — Этот жанр подойдет вам. Ваши мемуары были бы увлекательными, если бы вы их написали. Вы наверняка опубликуете их в The Harridan Press или Crone Books. Сейчас публикуют все, что угодно, лишь бы это написала женщина. Вы, конечно, можете придумать что-нибудь о бедной маленькой девочке из Ричмонда с острова Угрей Пай, которая унаследовала состояние и отдала девять шестнадцатых его третьему миру? Я уверен, что вы могли бы. На самом деле дела у Harridan Press идут настолько хорошо, что в последний раз, когда я видел своего издателя, он сказал: «Блэскин, старина, тебе придется писать свои материалы под женским именем. У тебя неплохо получается, но ты бы справился гораздо лучше, и я тоже. Мы опубликуем любую чушь, лишь бы ты использовал женское имя.

Я всегда все портил, заходя слишком далеко, но, по крайней мере, Марджери забавлялась и чудесно и раскованно смеялась, что невозможно было себе представить, глядя на ее спокойное лицо.

— Ты такая свинья-шовинист, что я почти думаю, что люблю тебя, Гилберт. Это ужасно, я знаю. И все же я не думаю, что ты действительно ненавидишь женщин. Ты слишком забавен для этого.

Единственным ответом была тишина, поэтому я заказал еще выпивки, и Вейланд, нахмурившись, вышел из транса. Всем нужно жить,

а у него была машина, коттедж, которые нужно было содержать, и квартира в Западном Кенсингтоне, за которую нужно было платить. Я это прекрасно понимал, но мне не нравилось, что он смешивал заработок на жизнь со служением обществу, что было бы непростительно, если бы это не было так забавно.

— Он зайдет ко мне домой, чтобы забрать кое-какие бумаги, — сказала Марджери. — Почему бы тебе тоже не зайти, Гилберт, и не поесть?

Я чувствовал вину и немного отвращение к самому себе, поэтому решил, что сейчас самое время вернуться и написать что-нибудь в высоком моральном тоне. — Я поем дома — если найду что-нибудь. У меня в холодильнике только полдюжины ленточных червей, потому что, как только я наполняю квартиру едой, моя домработница все съедает. Мой виски тоже выпит.

Марджери подбросила меня туда по пути в Ричмонд. Открыв дверь, я, похоже, совершил ошибку. Рассеянный, но отнюдь не пьяный, я зашел не в ту квартиру. Во-первых, там звучала музыка, и похоже, там кто-то был. Сюиту из «Щелкунчика» я отлично помнил, хотя не проигрывал ее двадцать лет.

Когда я заглянул в гостиную, я увидел парня, сидящего за низким столом, а перед ним был накрыт стол для пира, которого я не видал уже месяц. Его куртка лежала на стуле, а он сидел с расстегнутой рубашкой и закатанными рукавами. Мужчина с наглым взглядом, худым лицом, суровыми серыми глазами и короткими волосами. Дисмал сидел рядом, и было видно, что они сыты, как наглые воры. Мужчина улыбнулся мне, затем бросил собаке изрядный кусок венгерской колбасы, а затем кусок ржаного хлеба, который он отрезал разделочным ножом.

— Кто ты, черт возьми?

— Я мог бы спросить то же самое о тебе, старая утка. Занеси бутылку молока у двери дверь, а то они подумают, что дом еще не ограбили, и выломают дверь.

— Я тебя спрашиваю.

Он улыбнулся.

— Мне объяснить, или ты хочешь, чтобы я пронзил тебя этим хлебным ножом типа мачете?

Я снял шляпу и пальто.

— Если ты грабитель, я бы предпочел, чтобы ты вывернул карманы и ушел.

Он встал и, к моему удивлению, протянул мне руку для пожатия, после того как вытер ее вверх и вниз по брюкам.

— Здесь много красивых безделушек, но я ни к чему не прикасался, потому что думаю, что ты, должно быть, отец Майкла.

— А ты, — сказал я, — жрешь мою еду и пьешь мое вино. Хорошо, что я тебя поймал. Я намеревался намазать этот нож ядом.

— Ты бы не сделал этого с Дисмалом, не так ли? Слушай, я должен объясниться. — Он налил стакан «Ньюи Сен-Жорж» и продолжил есть. — Почему бы тебе не взять тарелку, стакан и вилку с ножом и не присоединиться ко мне?

Бесполезно говорить, что я не был заинтригован.

— Меня зовут Билл Строу, бывший старший сержант «Шервудских лесников». Я здесь, потому что я друг твоего сына. Я сказал ему, что банда «Зеленых Ног» собирается перерезать мне горло. Как и компания Моггерхэнгера, и Майкл спрятал меня под твоими стропилами. Там чертовски холодно и немного одиноко по ночам, хотя твое виски помогло.

— Почему ты не заказал полтонны угля?

Он засмеялся так, что я не мог усомниться в его добродушии. — В следующий раз я это сделаю. А если серьезно, моя жизнь сейчас ничего не стоит.

— А я думал, что у меня на колокольне водятся летучие мыши, и я слышу шум их возни на крыше.

Еда на столе была очень хорошей. Он отварил картошку, приготовил каннелони, открыл ветчину, разложил колбасу, нарезал разные хлебцы и приготовил вкуснейший салат. Я наслаждался одним видом этой еды.

— Ты, конечно, знаешь, как позаботиться о себе.

Он свернул лист ветчины и швырнул его в Дисмала. — Я бы приложил особые усилия, если бы знал, что ты вернешься.

— И вино хорошее.

— Лучшее, что я смог найти. — Он подмигнул. — Немцы не зря прозвали нас Шервудскими мародерами. Я хотел бы остаться еще на несколько дней. Я не хотел навязываться тебе.

— Я рад, что меня заставили помочь.

— Как только я выйду на улицу, мне конец. Хотя никогда не знаешь: возможно, я их еще побью. Жизнь полна неприятных сюрпризов. Я бы не возражал, если бы за мной охотилась хотя бы одна банда, но иметь за своей спиной еще и «Ангелов Моггерхэнгера» — это немного грубо.

Я налил второй стакан вина и под его обиженным взглядом налил и в его стакан.

— Что ты знаешь о Моггерхэнгере?

Он осушил свой стакан. — Все.

— Да, но чего это все стоит?

Он засунул в рот картофелину, но речь его была ясна.

— Скажу так: я участвовал во всех его предприятиях за последние пятнадцать лет. Начнем с того, что я знаком со всеми его друзьями. Я встречался с его женой и дочерью, а также с его сыном по имени Паркхерст, у которого еще более тяжелый случай, чем у его отца, за исключением того, что он совершенный бездельник. Я знаю все его клубы — я имею в виду ВСЕ. Ты будешь удивлен, где находятся некоторые из них. — Он наклонился вперед, как будто у стен были уши: — У Моггерхэнгера есть дома от Карлайла до Танета, от Берика-он-Твида до Блэк-Торрингтона. Я ожидаю, что он поможет Майклу узнать, где они находятся, сделает его шофером-инструктором, знающим как добраться из одного места в другое по второстепенным дорогам, чтобы любой, кто идет следом, заблудился в пределах пяти миль - а такого из-за пробок почти не бывает. Все места имеют тенденцию быть скрытыми и несколько скромными снаружи, и часто так оно и есть, хотя в одном или двух есть скрытые убежища от радиоактивных осадков, потому что у Моггерхэнгера есть планы действий на случай ядерной войны по созданию регионального центра гангстерства.

Пока он говорил, мой карандаш курсировал по бумаге, как судно на воздушной подушке, взад и вперед через Ла-Манш в праздничный день.

— Эти укрытия — места, которые он купил за несколько тысяч в шестидесятых, до того, как цена на недвижимость резко возросла. В его лондонской штаб-квартире на стене офиса висит карта с булавками, обозначающими их расположение. У меня есть ее копия. Но если ты не возражаешь, мне пора идти.

Он надел куртку и рыгнул. — Спасибо за все. Я рад узнать, что у Майкла такой хороший отец, хотя мы и встречались ненадолго в Верхнем Мэйхеме, помнишь?

— Что за спешка? — спросил я. — Ты еще не выпил кофе и бренди. Или Куантро, если хочешь. И у меня есть несколько вкусных ямайских сигар. У меня была коробка Гаван, но ты их, похоже, искурил. Я думаю, нам следует подольше поговорить о лорде Моггерхэнгере. Я хотел бы знать, что ты еще можешь сказать по этому поводу. Мне кажется, ты наблюдательный и самостоятельный парень. Мне бы не хотелось, чтобы тебя убили, когда ты выходишь на улицу. У Моггерхэнгера повсюду преследователи. Он обязательно узнает, если ты сбежишь из этого хорошо укомплектованного убежища.

Я заметил тень страха на его лице, когда он уловил мою угрозу предать его, если он уйдет. Он был необычным парнем. Приложив

немного лоска, он мог бы выдать себя за джентльмена-чиновника.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — он потянулся за коробкой шоколадных конфет ручной работы. — Десерт! — ухмыльнулся он. — Ты забыл это. Ну, иди, тащи свой магнитофон, или чем ты там пользуешься, а я поставлю кофейник.

Я потер руки. Он бы все равно написал для меня книгу «Моггерхэнгер» или большую ее часть.

Глава 14

В сумерках я проехал через главные ворота виллы Моггерхэнгера и почувствовал себя не очень хорошо, когда посмотрел в зеркало и увидел наглухо закрытый за моей спиной гараж. Я оставил Дисмала в квартире Блэскина, и Билл Строу остался недоволен присутствием у корыта конкурента, но, будучи верным другом человека, Дисмал услужливо подчинился мне, заставившему его вылезти из автомобиля. Я предложил Биллу остатки еды, не съеденные в поездке, но он с отвращением выбросил их в мусорное ведро, сказав, что неплохо о себе заботится сам, большое спасибо, а пока не хотелось бы мне еще порцию пармской ветчины и дыни?

По дороге из коттеджа «Пепперкорн» я много раз мысленно репетировал, как выпрыгну из «роллс-ройса» и буду бороться за свою жизнь, но, выйдя из машины, я понял, что у меня нет шансов спастись. Я был убежден, что двор пуст, но как только я открыл дверцу машины, ко мне подошли Джерико Джим, Кенни Дьюкс, Коттапилли и Пиндарри. В доме светились огни, и виднелись бессердечные и тупые рожи, которых я никогда не видел. И все же, как бы я ни боялся, я, по крайней мере, вернулся на базу и знал, что миллион раз предпочел бы оказаться там, чем в кишасщем крысами коттедже «Пепперкорн».

— Надеюсь, вы были хорошими ребятами во время моего отсутствия, — сказал я.

— Босс хочет тебя видеть, — прошипел Кенни Дьюкс. — Не могу понять, зачем. Может быть, он хочет похлопать тебя по спине.

Если и было что-то, что я не мог принять, так это юмор тех, чье мировоззрение было уже моего. Никакая реплика не была бы достаточно сильной, чтобы сбить Кенни с ног, поэтому я насвистывал причудливую мелодию, идя по коридору к двери святилища Моггерхэнгера. Джерико Джим вошел, чтобы объявить о моем появлении.

Босс курил сигару и, одетый в костюм в тонкую полоску и с белым цветком в петлице, и выглядел так, словно собирался выйти и

отпраздновать свою серебряную свадьбу с леди Моггерхэнгер и остальными членами своей семьи в ресторане «Кайбош». Коттапилли и Пиндарри стояли по обе стороны от двери, как будто эти дураки думали, что я сбегу или воткну нож в толстый живот босса. Он вышел из-за своего стола, чтобы лучше рассмотреть меня.

— У меня есть пятнадцать минут, чтобы выслушать твой отчет о поездке. Слушаю тебя. Но будь краток. Я не хочу никакой лжи и прикрас.

Он вернулся к своему столу и сел. Ноги мои подкосились, но другого выхода, кроме как стоять прямо и все рассказывать, правда, не говоря об автостопщиках, не было. Когда мой доклад закончился, он открыл свой стол и достал листок бумаги. Я задумался, как мне реагировать на такой сигнал.

— Чего ты застыл на месте? — сказал он. — Подойди и возьми эту чертову штуку.

Я похолодел. Если бы я пошевелился, боюсь, они бы воткнули мне в бок нож.

— Ты проделал работу, лучше которой никто не смог бы сделать, — сказал он, когда я вышел вперед. — Все надежно, все под замком, именно там, где и должно быть. Я знал, что у тебя хватит терпения не запаниковать и не сделать какую-нибудь глупость. А теперь возьми это и иди спать. Выглядишь так, будто тебе это очень нужно. С тех пор, как ты уехал, в твоём логове стало намного уютнее. Заметь это.

Я смотрел на чек на пятьсот фунтов.

— Не трать все на леденцы и французские булки, — сказал он, — вот молодец! Теперь ты один из нас, Майкл.

Я собирался сказать, что думал, что провалил всю операцию, но вовремя остановился. — Я не ожидал бонуса.

— Многие люди этого не делают, я часто замечал. Но в следующий раз не будь так готов к поездкам с бомжами-попутчиками, особенно с тем дураком, который катает коляску-панду по шоссе. Я проходил мимо него много раз. Однажды он чуть не стал жертвой несчастного случая, когда я швырнул в него сэндвич с ветчиной.

Коттапилли и Пиндарри захихикали. Мне было интересно, держатся ли они за руки.

— А где Дисмал? — спросил Моггерхэнгер.

Я сглотнул. — Дисмал?

— Эта бесполезная собака.

— Я оставил его у друга.

— Верни обратно. Он принадлежит моей дочери. Его подарил старший инспектор Лэнтонн. Одно время он был мил с Полли, бедный

старина Джек!

— Могу я подождать с этим до завтра?

— Насколько я понимаю, ты можешь даже оставить его себе. И убирайся сейчас же. Ты тратишь мое время. Но подожди минутку. — Я отвернулся от двери и увидел улыбку на его гладко выбритых щеках, похожих на отбивные. Я чувствовал запах его лосьона после бритья. — Крысы тебя беспокоили?

— Какие крысы?

— В коттедже «Пепперкорн».

Его шутка не возымела эффекта.

— Не совсем. Но они были немного жесткими, когда я съел одну сырой. Однако, когда я сварил парочку на завтрак, они оказались вкусными.

Он засмеялся, и все его лицо покраснело.

— Не все до смерти боятся нескольких крыс, — сказал он Коттапилли и Пиндарри. — Эти двое даже близко не подошли к этому месту. И этот большой мягкий кусок дерьма Кенни Дьюкс тоже. Это еще одна причина, по которой мне пришлось тебя послать.

Настала моя очередь смеяться.

— Я пойду, если вы так хотите.

Я вышел под неприязненные взгляды тех, кто стоял у двери и не мог поверить, что небо не обрушилось. Моим желанием было бежать в банк и получить чек, прежде чем рикошет ударил меня между глаз, хотя в сердце я знал, что чеки Моггерхэнгера так же надежны, как и Банк Англии.

Я взял из машины портфель и поднялся по внешней лестнице в квартиру. На полу был ковер, кровать была заправлена, сверху уложено цветочное покрывало. Вместо жестяной крышки на прикроватном столике стояла пепельница, а в картонной сумке кто-то оставил экземпляр Библии Гидеона, а также шесть банок пива «Бакстерс». На другом столе, под окном с задернутыми ситцевыми шторами, стоял горшок с пластиковыми цветами. В углу стоял один из тех больших телевизоров пятидесятых годов. Я узнал домашний стиль Полли Моггерхэнгер. Или это была миссис Уипплгейт? Возможно, это Джерико Джим пробовал свои силы в оформлении интерьера, потому что в планировке было что-то от тюремной камеры.

Я был не в состоянии это оценить, поскольку не спал как следует уже несколько дней — или недель, если считать ссору с Бриджит перед ее отъездом в Голландию. Я открыл банку пива (оно было холодным, как

будто его только что достали из морозилки. Приятно, это приятно. Приятно чувствовать себя желанным) и выкурил сигарету. Пробыв в машине так долго, что она стала моей кожей, я почти не понимал, где нахожусь. Блэскин сказал бы, что я сбит с толку, таков был его талант слова, и я полагаю, он был бы прав. Хотя было всего семь тридцать, я снял одежду и лег на чистые простыни, сожалея, что миссис Уипплгейт не пришла меня поприветствовать.

Однажды днем в конце апреля меня позвал домой Кенни Дьюкс. На прошлой неделе я так много спал, что думал, что мне понадобится год, чтобы прийти в себя, но как только я вошел в резиденцию Моггерхэнгера, мой разум встал на место. Это был вопрос необходимости. — Он сидит там с Паркхерстом, — сказал Кенни, когда мы пересекали двор. — Поэтому я думаю, что он организует еще одну операцию.

— Не знал, что он хирург, — сказал я. — Это напоминает мне ту сцену из «Сидни Блада», когда его злейший враг оказывается на операционном столе.

— О, — Кенни пускал слюни, — это точно, а?

— «Бегущая канава», кажется, книга так называлась.

— Один из его лучших.

— Кто этот Паркхерст?

— Его сын, — сказал Кенни, — от первого брака. — Родился с серебряной ложкой во рту и отправлен в лучшие частные школы — но ты и не подумаешь.

Паркхерст сидел на полу спиной к стене и смотрел так прямо перед собой, что я подумал, что он слепой. Можно было сказать, что он был немногословным человеком, потому что все время, пока босс говорил, он скоблил спичку за спичкой по коробке, пока пламя не загоралось, а затем жар не приближался к его пальцам. Возможно, он тратил больше на спички, чем на одежду, потому что носил потертый серый костюм, дешевые замшевые туфли и галстук, который выглядел так, будто его не носили в химчистку несколько месяцев. Он мог бы выглядеть хорошо, если бы одевался лучше, несмотря на его прямые волосы и худощавое лицо.

— Тебя вызвали, — сказал мне Моггерхангер, — потому что мы собираемся в поместье Сплин в Йоркшире. — Он засмеялся. — На этот раз никаких крыс. Более того, там есть помещения для прислуги и смотритель, который будет обеспечивать это место теплом, так что о нас хорошо позаботятся. Это недалеко от Бладдендена. Проработай маршрут. Придется буксировать фургон для лошадей, но «роллс-ройс» справится. — Он посмотрел на Паркхерста: — Кстати, это мой сын, если только ты

не думали, что он им не может быть. Паркхерст, проснись, ради бога, и познакомься с одним из моих лучших людей. Я бы хотел, чтобы ты вытащил несколько страниц из книги мистера Каллена, пусть даже только из первой главы, — ты, чертов праздный проныра.

Я ожидал, что Паркхерст нахмурится, чтобы показать, что он хочет меня убить, но он даже не очнулся до такой степени. Или, может быть, он слишком часто слышал подобные речи.

— Все, что ты делаешь, — продолжал его отец, — это празднично проводишь время в клубах. Ты даже не одеваешься как следует, хотя в твоём гардеробе полно хороших костюмов. И не постригаешься. Полли стоит пятидесяти из таких как ты. В твоём возрасте я уже двадцать лет был на ногах. Я не давал тебе попасть в тюрьму так долго, как только мог, а когда они наконец посадили тебя, все, что я сделал, это дал тебе прозвище.

Паркхерст говорил тихим голосом, как будто не хотел напрягаться. — Чушь!

Моггерхэнгер поморщился и улыбнулся, чтобы скрыть гнев. — Однажды у тебя возникнут такие проблемы, что ты перенесёшься в реальную жизнь и задаёшься вопросом, что ты вообще делал, чтобы стать таким. Но я скажу тебе одно: я перестану выплачивать твои игровые долги.

— Я играю в ваших местах, — сказал Паркхерст тем же мертвым голосом, — а столы подстроены.

Наступила пауза.

— Вы можете пойти куда-нибудь ещё и посмотреть, будет ли что-то по-другому. Если вы не сможете заплатить тогда, у скоро вы потеряете лицо. Посмотрим, как вам это понравится.

Отец изменил тон или тактику.

— О, Малкольм, почему ты не просыпаешься? Мне надоело воспитывать тебя. Ты мог бы мне очень помочь, если бы решил сделать то, что я тебе говорю.

Спичка, которую сын бросил на ковер, погасла. — Не хочу.

— И это все, лорд Моггерхэнгер? — спросил я.

— Господи, черт возьми, Моггерхэнгер, — пробормотал Паркхерст, как бы про себя. — Я умоляю вас!

— Будь готов через полчаса, Майкл. Пусть Джордж починит фургон и убедится, что внутри все в порядке.

— Сегодня я собирался вернуть Дисмала.

— Он может подождать. Полли не будет возражать. Она находится в Италии со своим бойфрендом, хотя предполагается, что она счастлива в

браке. Какие у меня дети!

Паркхерст хмыкнул.

— По крайней мере, на их руках нет крови.

Я думал, Моггерхэнгер лопнет.

— Но у них есть деньги, когда они их просят. С этого момента ты больше не получишь денег.

Паркхерст улыбнулся, как будто он уже слышал это раньше. Я оставил их спорить. Джордж сидел на садовой скамейке и читал «Стандард».

— Взгляните изнутри на этот фургон, мистер Каллен. Я работаю над ним с пяти утра. Он такой же аккуратный, как форд-фургон Монтгомери.

Возможно, он был не таким большим, но вдоль одной стороны располагалось множество ящиков и шкафов с медными ручками, отделанными красивым красным деревом. Наверху располагалась плоская поверхность для письменного стола или, в крайнем случае, спального места, а также вращающееся кресло (само по себе стоящее целое состояние), а также маленькое окно с занавесками и ночной шкаф (без сомнения, внутри находился золотой горшок), незаметная стойка для радиоприемника, плита и набор для пикника под столом. На карте на стене были изображены владения Моггерхэнгера, а на столе стояла фотография семьи, когда все они были намного моложе. Они также выглядели счастливее. Паркхерст, одетый в галстук и пиджак какой-то подготовительной школы, схватил отца за правую руку и смотрел на него с пугающей смесью обожания и паники. Полли стояла в футе или около того, широко улыбаясь чему-то, что могла видеть только она, но что, как она знала, однажды получит, и это была не камера.

Джордж посмотрел через мое плечо.

— Заходите.

Он подумал, что это будет настоящее удовольствие. Длинный ковер на полу выглядел так, будто его вырезали из драгоценного перса (насколько мне известно). На стене напротив стола-парты на вешалке висел халат, завернутый в целлофан.

— Дом вдали от дома, — сказал я.

— В нем можно выжить в дикой природе несколько недель. Я не могу открыть для вас ящики, потому что они заперты. Там хранятся ружья, рыболовные снасти и еда, которой хватит на некоторое время. Не то чтобы лорду Моггерхэнгеру это все когда-нибудь понадобится, но ему нужно воображение, чтобы подумать, что однажды ему придется им воспользоваться. Полагаю, ему нужно на что-то потратить свои деньги. Но когда он на буксире, будьте осторожны на поворотах. Если бы с ним

что-нибудь случится, у меня случится нервный срыв.

Коттапилли и Пиндарри положили багаж Моггерхэнгера в багажник. Миссис Уипплгейт в пальто стояла во дворе с чемоданом, и я чуть не потерял сознание при мысли, что она тоже была в поездке. — Мне нужно тоже ехать с вами, потому что будет секретарская работа.

Я спросил, как долго.

— Пара ночей, но с лордом Моггерхэнгером никогда не скажешь наверняка. Он подумывает о покупке сельскохозяйственной земли рядом с поместьем Сплин. То есть я так же в неведении, как и вы.

Машину пропылесосили внутри и тщательно отполировали снаружи до зеркального блеска. Телефон был подключен через радио, а шкаф для коктейлей не заперт, как будто мы собирались в отпуск. Моггерхэнгер подошел к машине с горячей сигарой. Леди Моггерхэнгер была похожа на привидение десятилетней давности. Раньше ее волосы были черными. Теперь они выглядели серыми. Она была красивой женщиной лет пятидесяти, но прибавила в весе. Я увидел черты лица Полли, когда она протянула мне руку для пожатия таким образом, что я подумал, что она тренировалась перед зеркалом в полный рост с тех пор, как стала леди Моггерхэнгер.

— Как ваши дела, мистер Каллен? Я слышала, что вы вернулись. Вы не выглядите ни на день старше.

Я сказал, что со мной все в порядке, и она тоже выглядит прекрасно.

— Ведите осторожно. И позаботьтесь о лорде Моггерхэнгере.

Они попрощались, и я сел за руль, отметив, что боковые зеркала хорошо просматривают заднюю часть автомобиля. Я был рад, что Паркхерст сумел отказаться от поездки.

К четырем часам мы оказались в плотном потоке машин, идущих в сторону Северного кольца. — Уже час пик, — проворчал Моггерхэнгер. — Вы видите, они идут на работу в одиннадцать утра, а в три уже едут домой. Неудивительно, что страна катится в дерьмо. Иногда я работаю двадцать четыре часа в сутки, за исключением короткого сна. Мне повезло, что сейчас я могу поиграть в гольф.

Фургон не особо тяготил «роллс-ройс», но на поворотах приходилось немного выезжать, чтобы не зацепить бордюр или фонарный столб. Я чуть не сбил велосипедиста с его драндулета, и непристойности, которые он выкрикивал в окно, окрасили лицо миссис Уипплгейт красноватым оттенком — настолько приятное зрелище, что я благословил этого седобородого вспыльчивого байкера.

— Ты должен следить за ними, — сказал вождь. — Я не против того, чтобы ты задавил какого-то юнца в БМВ, но против старого глупого

ублюдка с затуманенными глазами.

— Я сделаю все возможное, — ответил я.

— Не могли бы вы передать мне бренди и плеснуть также себе, миссис Уипплгейт?

Он наслаждался своим бокалом, пока я выполнял причудливую работу ногами, чтобы отъехать от дома на несколько миль. Небо было хмурым, но дорога была сухая. К пяти мы проехали несколько миль по тому же старому маршруту на север. Не так давно я проделал это с «Panda Roadshow» Рональда Делфа и надеялся, что у него было прибыльное выступление в Стивенейдже, за которым возможно последовала ночная оргия с группой юных поклонников. Некоторым людям повезло. Когда я впервые увидел его, он был обычным Роном Делфом и читал карту метро против часовой стрелки, что все считали гениальным. Но это было в шестидесятых годах.

Маленькое движение рулем, и даже «роллс-ройс» сплющится гармошкой, если я на сотне врежусь в опору моста. Но зачем мне это делать? Вы вполне можете спросить, потому что я, конечно, спросил себя. Я покинул Верхний Мэйхем, намереваясь вести честную жизнь. Вместо этого я устроился на работу к Моггерхэнгеру, чтобы помочь другу, и меня зачислили на работу, которая, как я подозревал, была до глубины души нечестной. Не то чтобы я считал это веской причиной положить всему конец. Жизнь была прекрасна и продолжалась, потому что у меня была работа, деньги и уважение (своего рода) со стороны человека, у которого я работал.

— Вы думаете, что это одна из лучших машин в мире, сэр?

— Это не одна из лучших, это лучшая. — Он был в самом оптимистичном настроении. — Нечего и говорить об этом.

— А как насчет «Мерса»?

Он поерзал на своем сиденье и посмотрел через лобовое стекло на «Мини» впереди.

— Обойди его. «Мерс» хорош, но в «Роллере» я чувствую себя лучше, чем в «Мерсе», так что он, должно быть, намного лучше, а? — Он подтолкнул меня, но я продолжил двигаться достаточно прямо, чтобы проскочить как иголка между двумя грузовиками. Он выбросил окурок из окна, и мне показалось, что я увидел, как колеса «Мини» налетели на него.

— Я покупаю британское, Майкл. Я не являюсь одним из основателей Британского общества унижения, как многие люди сегодня, которые ползают вокруг любого выходца из третьего мира, пытаясь компенсировать то, что старая добрая Британская империя не сделала для

них. Некоторые люди считают, что они родились, чтобы при этом пресмыкаться и разрушать страну. Я думаю, что мы в старой стране должны сплотиться.

О мыслях председателя Мога думать не хотелось, но мне не следовало об этом говорить, пока мы неслись на север, в сторону поместья Сплин. Перси Блемиш стоял на обочине дороги, подняв большой палец вверх, и, как я предполагал, возвращался в коттедж «Тиндербокс» после неудачной попытки найти жену в Лондоне.

— Проедь по пальцам его ног. Я видел его раньше. Он та еще неприятность.

Я держал прямой курс. Наступали сумерки, тот долгий и медленный уход в небытие, который отмечает конец английского дня. Миссис Уипплгейт была королевой своего купе, пока Моггерхэнгер предпочитал находиться рядом со мной. Через зеркало заднего вида я видел ее лицо так часто, как осмеливался, эту тонкую и концентрированную линию красоты, созданную умом, поглощенным читаемым ею романом. Я надеялась, что в этом есть немного секса, и мне хотелось, чтобы босс устал и пересел, чтобы вздремнуть. Тогда миссис Уипплгейт села бы рядом со мной.

— Сейчас в воздухе витает еще слишком много революций, — сказал он. Казалось, кто-то его завел, и это был не я. — Это никому не приносит пользы. Революция предназначена либо для одиноких людей, либо для бездетных пар, и то только как салонная игра. Они бы первыми пошли к стенке, если бы она пришла, как мы все знаем, и как им следует знать, но играют в революцию, потому что слишком глупы.

Что мне казалось совершенно несомненным, так это то, что такие парни, как он, всегда окажутся победителями. Он попросил миссис Уипплгейт передать коробку с едой и взял себе сэндвич с копченым лососем.

— Я знаю хорошее кафе дальше по дороге. — Я подумал, как приятно было бы заправиться рядом с закусочной Этти. Она будет рада моему возвращению.

— Я уверен, что да, — сказал он, — но я люблю есть что-то свое. Даже когда я хожу по клубам, я беру сэндвичи моей дорогой жены — особенно тогда. Лондон — мировая столица сальмонеллы. Никогда не ешьте там вне дома.

Какой-то урод на «Флэш-Форде» увеличил скорость, чтобы не отставать от меня. Моггерхэнгер нажал кнопку окна и заорал: «Ты чертов анархист! Давай, Майкл, добавь скорости».

Это было бы самое опасное из того, что я мог сделать, и, поскольку я

был капитаном корабля, я этого не сделал.

— Я бы предпочел не делать этого, сэр.

— Полагаю, ты прав, — проворчал он. Я вырвался вперед, а затем снова выехал на внутреннюю полосу со стабильной скоростью шестьдесят.

— Дороги заполнены маньяками, — сказал он. — Я бы везде ездил на поезде, если бы у меня был собственный вагон. Железнодорожный транспорт первого класса уже не является защитой. Для такого человека, как я, больше нет возможности ездить на общественном транспорте. Отбросы повсюду.

Свет моих фар постоянно приближал дорогу к колесам. Полагаю, водитель «Форда» был знаком с местностью и знал, что делает. Он на скорости обогнал нас, газанул прямо перед нами и поехал со скоростью около тридцати миль в час. Это была трудная ситуация. Он был полон решимости задержать нас. Возможно, у него был плохой день, и он не мог вынести, когда «роллс-ройс» плюс фургон для лошадей, — что причиняло ему еще большую боль, — обогнал его и держался рядом на той же дороге.

— Слепи свинью всеми огнями, — сказал Моггерхэнгер.

Я покачал головой, выдвинулся вперед и обгонял так осторожно, как только мог. Он преследовал меня, отставая на два фута, на скорости пятьдесят миль в час, все его лампы горели, так освещая нас, что я почувствовал, что мы находимся в операционной.

— Он скоро окажется в морге, — прорычал Моггерхэнгер, — если не прекратит это.

Я увеличил скорость до шестидесяти, и когда я подумал, что он сдался и отстал, он пронесся на скорости восемьдесят, врезался в поток прямо перед нами и попытался остановиться как вкопанный, чтобы я врезался ему в багажник.

Он недооценил мобильность своей машины. Я затормозил и свернул на, к счастью, свободную правую полосу, в то время как он вылетел на берег, трижды перевернулся, осколки его машины разлетелись во все стороны, и то, что от нее осталось превратилось в дымящуюся развалину на обочине. Я проскользнул мимо и набрал скорость. Пусть он попытается вылезти из этой кучи металла. Он был безумен. Он пытался нас убить.

— Вот они, ваши отбросы, — сказал я.

Моггерхэнгер побагровел от смеха. — Ты прикасался к нему?

— Нет. — Мои кишки были как желе.

Он ударил обеими руками по бедрам.

— Если бы у меня была кинокамера. Я бы смотрел эти кадры снова и снова до самой смерти.

Я чувствовал себя виноватым, хотя и не был виновным.

— Это было слишком близко для меня.

— Ты классный водитель, Майкл. Ей-богу, ты поспешил.

Мне не понравился тон его голоса.

— Повезло, — сказал я. — Нас бы избили, если бы я ударил его. Он бы бил первым. Я не знаю, откуда такие берутся.

Мне было нелегко из-за того, что я сделал его день.

— Ты правильно сделал, что не остановился, — сказал он. — Пусть кто-нибудь другой вытащит его. Это как оказаться на кровавом поле боя. Если бы он повредил мой «Роллер», я бы оторвал ему голову. Надеюсь, ты запомнила его номер, Алиса. Чтобы инспектор Лэнтон предоставил мне его данные.

Я наконец узнал ее имя, и мой страх перед маньяком оказался оправданным. Я повторял его снова и снова, помахав рукой в сторону закусочной Этти, когда мы проезжали мимо нее. Алиса вернулась к своей книге, а Моггерхэнгер, отряхнув крошки со своей одежды, пролистал пачку рекламных материалов агента по недвижимости.

Облака рассеялись, и высоко впереди я увидел узоры звезд. Алиса положила книгу себе на колени, а Моггерхэнгер убрал бумаги. Он вставил кассету, угощая нас в течение следующих получаса концертом Джека Эмрода и его оркестра Old Time, исполняющего хиты прошлых лет. К половине восьмого Ретфорд был по правому борту, а Уорксон — по левому. Даже Ноттингемшир остался сзади нас, когда мы направились к автострате, ведущей к Донкастеру.

Моггерхэнгер зевнул, но не пошел спать.

— Да, Майкл, бизнес процветает. По крайней мере, мое дело. Я езжу по Сохо, смотрю на мир из-за тонированных окон и не могу не размышлять о том, насколько хороши у меня дела. Когда я вижу двух придурков с севера в шерстяных шапках и футбольных шарфах, я знаю, что они собираются потратить пару фунтов в одном из моих заведений, прежде чем вернуться в свой поезд с налитыми кровью глазами и пустыми карманами. Раньше говорили, что каждую минуту рождается один человек, но сейчас, при демографическом взрыве, их становится двое, если не трое или четверо. Я думаю, это был какой-то американский президент — и поправьте меня, если я ошибаюсь — который однажды сказал, что для того, чтобы какое-то время дурачить некоторых людей, нужно постоянно дурачить всех людей!

В этой стране есть над чем работать в семидесятых и восьмидесятых

годах — если не до конца века. Это работа государственной важности, и я скажу вам, почему. Вокруг крутится много нефтяных денег, миллионы наличными достаются этим облаченным в мантии правителям Ближнего Востока, благослови их Господь, и моя работа — собрать с этого как можно больше сливок. Всеми правдами и неправдами — не имеет большого значения, какими именно, главное, чтобы это не было слишком очевидным — фунт стерлингов должен оставаться в Лондоне. Это жизненно важно для нашего национального выживания. Мне об этом сообщили сверху, и я готов внести свой вклад. Это снова 1940 год, только на этот раз дело в деньгах, а не в крови, хотя в долгосрочной перспективе это не менее важно для такой страны. Стерлинговый баланс всегда будет держать нас за короткие волосы, поэтому нам придется вытягивать из них деньги с помощью женщин, колеса рулетки, избранных развлечений, которых они не могут получить больше нигде в мире (подталкивание-подталкивание, подмигивание-подмигивание) хирургические операции, которые не причинят им слишком большого вреда, но и не принесут им большой пользы; квартиры и дома по непомерным ценам, содержание которых будет стоить так дорого, что обращение к услугам армии бродяг (профессия, в которой мы, британцы, преуспеваем), поможет решить проблему безработицы; и подсовывая им всевозможные товары, нужны они им или нет, но товары, которые, по их мнению, умрут, если у них их не будет. Это настоящий бизнес, Майкл. И никто не может сказать, что это нечестно. А вот что касается вооружений, то встроенный фактор устаревания таков, что даже я считаю это позором.

Наступила пауза, пока он закурил сигару.

— Проблема в том, что я не единственный, кто занимается этой торговлей. Если бы я был таковым, все было бы в порядке, но некоторые новые организации совершают такие грабежи среди бела дня, что у меня кровь стынет в жилах, а это непростое дело. Повсюду появляются фирмы-однодневки, как будто завтра нефтяные скважины иссякнут. Они не могут достаточно быстро засунуть руки в кассу, и я до сих пор ни разу не видел ни одного из них с наручниками на запястьях. По сравнению с этим Великое ограбление поезда выглядит как побег слепого с копейкой. Инвестиционные банки банкротятся в одночасье. Корабли, полные товаров, исчезают в море. Мужчина платит миллионы за многоквартирный дом, принадлежащий другому человеку. Вы называете это жульничеством, они справляются с этим. И это происходит даже в нижней части рынка. Некоторые люди настолько бессовестны, что усугубляют рану, вывозя большую часть денег из страны в такие места, как Цюрих и Лихтенштейн. Но я, хоть и зарабатываю много, но

возвращаю это обратно. Я покупаю дома и землю и инвестирую на фондовой бирже. — Он прижал палец к горлу. — Я держу средства здесь, в Национальном сберегательном фонде. Гроши. Но выглядит это хорошо. Я также нанимаю таких людей, как ты. Другими словами, я держу в стране столько денег, сколько могу, и распределяю их не только в обеспечение своей семьи, но и как патриотический долг. Да, я много вложил в старую добрую Англию, Майкл. Если когда-нибудь корабль затонет, ты не увидишь меня в спасательной шлюпке с кучей крыс.

Мысль о Моггерхэнгере в спасательной шлюпке привела меня в ужас. Как далеко вы бы проплыли с такой акулой на борту?

— Ну, — продолжал он, — я не буду продолжать, скажу только, что сейчас банд больше, чем было раньше, и худшая из них — это банда «Зеленых Ног». Отчего у них такое проклятое имя, я никогда не узнаю. Но что в имени? Достаточно сказать, что за последние два или три года они доставили мне больше хлопот, чем, я думаю, заслуживаю. Кажется, они знают о том, что происходит в моем бизнесе, больше, чем следовало бы по любому разумному предположению, как будто они посадили кого-то в мой офис. Если бы я мог узнать, кто это, думаю, мне не нужно было бы говорить тебе, Майкл, что бы я сделал. Такой преданный человек, как ты, прекрасно знает, что бы я сделал. Если есть кто-то, кого я терпеть не могу, так это предатель. Однако за свою жизнь я усвоил, что хороший человек редко продает себя за деньги. Вот почему я взял тебя на работу. Мне очень нужен кто-то вроде тебя, на расстоянии вытянутой руки, потому что ты знаешь, и я знаю, что ты знаешь, что быть предателем не для таких, как ты или я, невыносимо, потому что у нас было одинаковое воспитание, плюс-минус, плюс-минус. Я поклоняюсь стали, а не золоту. Никогда не поворачивайся лицом к другу и спиной к врагу.

— Нет, сэр. — Я заговорил только для того, чтобы узнать, сохранился ли у меня голос. Чем больше он продолжал такую болтовню, тем больше я ему не доверял. Билл Строу однажды сказал, что Моггерхэнгер никогда ничего не говорил без причины, а если он говорил, то это всегда было плохо — для вас.

— Ты можешь остановиться на следующей стоянке, — зевнул он. — Я хочу поменяться местами с Алисой и получить свои полчаса сна.

Мили прошли быстро. Вскоре я был рядом с Тадкастером, и Моггерхэнгер улегся под толстым лоскутным одеялом.

— Вы не возражаете, если я буду называть вас Алисой? — спросил я, когда снова отправился в путь.

— Почему бы и нет?

В профиле, выглядывавшем из-под легкого платка, я уловил улыбку.

— Я все еще надеюсь, что вы окажете мне честь поужинать со мной после того, как мы вернемся в Лондон.

— Это хорошо?

— Я не могу сказать. Я прошёл только половину пути.

Это был тот самый текст, который я напечатал для отца и добавил кое-что от себя, когда впервые встретил его в Лондоне.

— Я знаю Блэскина.

— Откуда?

— У него был роман с моей матерью.

Она не верила, что кто-то вроде меня может быть знаком с писателем. Однако ее смех вселил в меня надежду, что я уже прошел половину пути.

— Это было тридцать пять лет назад. Он был лейтенантом армии, дислоцированной недалеко от Ноттингема. Затем он уехал за границу и оставил ее беременной. И я родился.

Книга снова лежала у нее на коленях.

— Думаю, что это ваше воображение.

— Когда мы пойдем ужинать, я расскажу вам больше. Но боюсь, я никогда не смогу вас познакомить.

— Это потому, что вы его не знаете.

— Нет, не поэтому. Если бы я это сделал, я бы потерял вас. Он самый большой развратник в королевстве. А я страстно влюблен в вас. Это я должен сделать, чтобы вести эту машину. — Моя рука скользнула по ее бедру.

— Находясь в машине, вы чувствуете себя возбужденным?

— Иногда так и есть. Но нам придется сдерживать себя.

— Прекратите, — резко сказала она.

— Вы видели последнее телеинтервью Гилберта Блэскина?

— Боюсь, что нет.

— Это было один выпуск ток-шоу «Писатели и их привычки» на Пятом канале. Интервью с ним делала очаровательная молодая особа по имени Мэрилин Блэндиш. Вы знаете ее?

— Я видела ее. Она хорошенькая.

— Они были в его квартире, и она начала задавать ему уместные интеллектуальные вопросы о его работе, и он постепенно пододвинул свой стул достаточно близко, чтобы поцеловать ее. Это было так быстро и легко, что она даже не заметила, что произошло. А потом, поскольку женская либерализация была в моде, она подумала, что сможет сравнять счет, поцеловав его.

— Я не верю ни единому слову из того, что вы говорите.

— Я не прошу вас об этом. Интеллектуальная игра в вопросы и

ответы поддерживалась долгими взглядами и тонкими движениями губ. Слова старого Блэскина были такими удачными — или что-то в этом роде — и в тот вечер было полнолуние, поэтому она поцеловала его в ответ, и телевизионная команда, вместо того, чтобы закрыть шоу, как они должны были сделать, были настолько загипнотизированы происходящим, что в результате того, что, казалось, могло произойти, они просто наблюдали и продолжали работать.

— Я никогда не слышала о таком.

— Я тоже. Но Блэскин — как он рассказал мне позже — пожалел, что не смог контролировать свои действия, и снял жилет, сославшись на то, что под светом жарко, и еще через несколько минут он получил ее блузку. При этом оба бормочут о том, где писатель черпает свои идеи, и совершенно обычным образом обсуждают, как он позволяет политике двадцатого века влиять на его творчество. Телевизионщики были очарованы этим — Блэскин и Мэрилин скользнули на ворсистый ковер. Рука Блэскина с блаженным злобным видом стянула с нее одежду и возилась с ее колготками, когда он рассказывал ей о своем ужасном детстве в школе-интернате, о стихах, которые он написал, когда ему было семнадцать лет, о гражданской войне в Испании.

— Вы шутите.

— Конечно, нет. Это так же верно, как и то, что я сижу здесь. Она с непристойной скоростью расстегнула на нем ширинку, одновременно с предельной серьезностью расспрашивая его о его первой книге под названием «Ходячие раненые в Эритрее». Они страстно целовались и говорили об обществе и писателе, пока с него не слетели брюки при упоминании о Суэце. Он говорил, что для писателя реальность — это тюрьма и что жить надо только для того, чтобы тыкаться носом в сладкий пирог действительности. Он подбросил ее колготки в воздух, заявив, что сам по себе не может быть коммунистом, но оставил это решение на усмотрение русских и тех левых, которым следовало бы знать лучше. Ее колготки упали на объектив камеры, и один из сообразительных членов съемочной группы схватил их и засунул себе в рот на сувенир так, что они свисали изо рта, как будто он проглотил большую дозу текстильных спагетти.

— Это отвратительно, — сказала Алиса.

— Может быть, и так, но у Мэрилин ноги раздвинулись, когда она упомянула о лекции Сноу о «Двух культурах», и Блэскин сказал, что нет ничего лучше плохого романа, который заставил бы вас усомниться в цели романа, а затем он вставил это, когда упомянул сифилис Флобера и надежду на то, что муж Мэрилин в тот вечер не смотрел телевизор. «Нет,

— сказала она, — нет, он тетеревов стреляет, а ты пишешь пером с чернилами или на пишущей машинке?» и он сказал: «Да, конечно, потому что все искусство — это продукт одержимого и сильного эгоизма». Мэрилин расстегнула лифчик, чтобы он мог дотронуться до ее восхитительных девичьих сисек, и сказала ему, что он должен придерживаться сути и отвечать только на те вопросы, которые были заданы добросовестно, на что некоторые члены команды аплодировали, а другие кивали в знак согласия. Подложив руку под свою задницу и обхватив его руки, изрытые старыми шрамами от шрапнели итальянского полевого орудия, она спросила о рецензентах и, услышав его сокрушительный ответ, кончила и застонала так, что кто-то поднес микрофон ближе, как будто она собирается сформулировать свой последний вопрос. Это был бесполезный жест, потому что Гилберт кричал, что, если Бог существует, писателя следует застрелить, и, войдя в нее как можно глубже, восхвалял Господа и забросил свои боеприпасы. Продюсер понял, что передача получилась бесценной, и на этом месте остановил съемку, решив показать финальные титры на фоне бурных волн, бьющихся о берег моря. Это действительно была отличная программа, и письма из Бирмингема с просьбой о большем количестве таких программ насчитывали тысячи. Его представили на премию Италии, и они даже думали, что он получит приглашение из Голливуда.

Она тяжело дышала. — Я этого не видела.

— Я тоже, но с Блэскином все возможно. Это возможно и со мной, и я говорю это только потому, что искренне верю, что и с вами тоже возможно. Но мне жаль, если я помешал вам читать вашу книгу. Я уверен, что это занятие намного лучше, чем моя пустая болтовня.

Она оттолкнула мою руку от верхней части бедра, но все еще держала два пальца. Я не знал, было ли это потому, что она думала, что я продолжу попытки ввести их в нее, или потому, что она была ханжески ласкова.

— Возможно, будет безопаснее, если я вернусь к своей книге.

— Я бы хотел, чтобы вы, двое влюбленных, перестали ворковать, — крикнул Моггерхэнгер, — чтобы я мог немного поспать. Мы будем там через час.

Глава 15

По словам Моггерхэнгера, Сплин-Мэнор был домом, в котором можно было пукать без дребезжания окон или без того, чтобы кто-нибудь в переулке, направляясь в церковь, в ужасе отвернулся от безошибочно

знакомомого звука.

С шоссе Б я съехал по мощеной улочке к узкому мосту через ручей и на полпути к холму свернул налево, на территорию. Первым взглядом, сквозь кусты и через сад, я увидел длинное двухэтажное жилище с огнями, светящимися из окон нижнего этажа.

Я взял с собой пять чемоданов для ночлега Моггерхэнгера, затем свой и Алисы. Три из них были настолько тяжелы, что, должно быть, вмещали по тысяче соверенов каждый или их эквивалент в слитках, что наводило на мысль, что он должен был заплатить кому-то за очень дорогую работу. Потолок в коридоре выглядел настолько низким, что можно было удариться головой, если не пригнуться, потому что между балками, довольно обычными по своему расположению, был нарисован узор в виде серых наконечников стрел, что создавало впечатление, что балки находились ближе к вашему черепу, чем на самом деле. Даже Моггерхэнгер пригнулся, хотя он уже привык к этому месту.

Комнаты, как мог бы сказать Блэскин, были довольно пропорциональны, а дом был довольно большим. Моггерхэнгер принялся к запаху еды, доносившемуся из коридора, и сказал, что готов к ужину. Он велел Мэтью Коппису показать нам наши комнаты и сказал, что мы должны спуститься через полчаса.

Коридор на втором этаже соединял пять спален. В одном конце, там, где лестница поднималась с первого этажа, располагались апартаменты Моггерхэнгера, потому что я видел, как Коппис вносил туда его багаж. По моему не хватило бы ночи, чтобы осмотреть весь дом и посмотреть все, что я хотел бы узнать. Как бы легки ни были шаги, половицы скрипели так, что даже кто-то, лежавший в постели на другом конце дома, шевелился бы во сне. Моггерхэнгер мог даже слышать, как мои развратные мысли блуждают в комнате Алисы Уипплгейт, которая, как я был рад видеть, находилась рядом с моей.

В моей камере не было замка на двери, и я надеялся, что и у нее то же самое. Мне не следовало думать только о сексе, потому что причина, по которой я влез между зубцами большого колеса Моггерхэнгера, заключалась в том, чтобы получить как можно больше сведений для Билла Строу, чтобы он мог лучше защитить себя, когда было решено его захватить. Не менее важной причиной было то, что такая информация могла бы помочь мне отомстить Моггерхэнгеру за то, что десять лет назад он засадил меня за решетку. Моей целью явилось сочетание общественного долга и личной мести, что подсказывало мне, что я не должен позволять сексу вмешиваться в мои действия. Такого рода зуд вполне можно было оставить Блэскину, который часто позволял себе его

только для того, чтобы описывать персонажей в своих книгах. Размышления редко приносили мне пользу, особенно те, которые отпугивали меня от попытки лечь в постель с Алисой Уипплгейт, потому что сблизиться с ней могло быть единственным способом узнать что-то о Моггерхэнгере, чего я не мог найти другим способом. .

Надев чистую рубашку и другой галстук в ванной, я заметил на стене еще одну шутку Моггерхэнгера в рамке: «Смотри, прежде чем говорить».

Мэтью Коппис накрыл шведский стол на круглом столе из красного дерева в центре столовой. Там было блюдо с отварным картофелем, кусок жареного мяса, миска салата, корзина с нарезанным хлебом, тарелка сыров и гроздь винограда, похожего на пластмассовый. Четыре бутылки итальянского красного вина стояли на карауле в разных точках стола. Овальное блюдо Моггерхэнгера уже было нагружено едой, а сам он сидел за отдельным столиком со своей бутылкой шампанского и разговаривал с кем-то, кто не подходил к машине.

После повторного знакомства с Моггерхэнгером я решил, что, когда у меня будет достаточно улики, чтобы приговорить его ко всему, кроме повешения, я пойду в полицейский участок со своим запертым портфелем, код которого был только у меня, и разложу бумаги на большом столе в комнате для интервью. «Не окажете ли вы мне услугу, просмотрев это? Это займет некоторое время, но я просто сяду и покурю, если вы не возражаете». Каждые несколько минут я буду слышать возгласы шока и негодования от честных констеблей и их офицеров. В конце концов инспектор скажет: «Мы поняли, мистер Каллен. Оставьте эти бумаги нам и больше не думайте об этом. Здесь достаточно, чтобы отправить на громадный срок даже архиепископа. Мы ждали этого много лет».

Можете себе представить мое огорчение, включая приступ отчаяния, когда я понял, что мужчина, разговаривавший с Моггерхэнгером за отдельным столом, был не кем иным, как старшим инспектором Джеком Лэнторном, одним из полицейских, который был настолько хитрым и умным, что мог пройти Хэмптонкортский лабиринт ровно за одну минуту. Теперь я знал, что полицейский рейд на коттедж «Пепперкорн» был организован не актерским составом, а настоящими копами, которые помогли Моггерхэнгеру по указанию Лэнторна. И теперь инспектор инкогнито явился в Сплин-Мэнор, чтобы получить оплату за добровольно оказанные услуги. Я надеялся, что через пару лет он уйдет на пенсию в Джерси, и тогда мне будет легче вонзить сапоги возмездия в хребет Моггерхэнгера. Его длинное худое лицо и острые серые глаза смотрели на меня.

— Я тебя где-нибудь раньше видел, парень?

Мне не понравилась его неуважительная манера обращения со мной, и я с каменным выражением лица сказал: — Вы арестовали меня в лондонском аэропорту за контрабанду золота двенадцать лет назад.

Он повернулся к Моггерхэнгеру. — Я думал, у тебя в штате достаточно старых отставных, и тебе не нужно нанимать молодого.

— Я как раз тот, кто не собирается становиться старым. — Я решил, что и этого ублюдка уничтожу, если смогу. — И больше не собираюсь попасть под неправый суд.

Моггерхангер рассмеялся.

— Держись, Майкл. Никто из нас этого не делает и не будет.

Лэнторн считал меня слишком незначительным, чтобы из-за меня беспокоиться. Возможно, мне не следовало говорить. Обычно мне удавалось поддерживать свой стандарт тихого поведения, за исключением случаев, когда дело касалось женщин, но здесь я ошибся, потому что мне следовало отрицать то, кем я был, когда Лэнторн узнал меня. Это была ожидаемая реакция, так что он мог бы внутренне усмехнуться, одновременно заметив меня и заставив солгать. Возможно, была какая-то ложь, которую я уже слишком стар, чтобы говорить. Он забрасывал куски мяса в свою пещеру, а затем выплеснул в нее полстакана красного «Полли».

— Никто из нас не знает, что ждет нас в будущем.

— Вот почему мы здесь сегодня вечером, — сказал Моггерхэнгер. Они были двумя крокодилами вместе в бассейне.

— Помимо всего прочего, Клод.

Я нагрузил свою тарелку. Радиаторы вдоль стен испускали слабое тепло, но Моггерхэнгер позвонил: — Я ожидал увидеть огонь в камине, Мэтью.

Коппис стоял у двери, глядя в пространство, мужчина лет под сорок, с розовым лицом, которое могло бы показаться сытым, если бы на нем не было неизгладимо отпечатавшегося выражения беспокойства. Морщины, должно быть, были там с самого рождения или с тех пор, как он впервые пошел в подготовительную школу в шесть лет. Волнистые седые волосы были тонко рассыпаны по черепу. Он носил фланелевую одежду, спортивную куртку и тяжелые, начищенные до блеска туфли. Его рубашку украшал галстук. От него воняло виски, и, посмотрев пустым взглядом, он сказал без всякого извиняющегося тона: — Я думал, что здесь достаточно тепло.

— Я знаю, о чем ты подумал, — сказал Моггерхангер. — Обычно я могу за милую душу сказать, о чем думает кто-то вроде тебя. Ты ведь не хотел

испачкать руки, верно?

— Да сэр.

— Ну, мы все знаем, что невозможно разжечь огонь, не испачкав руки, но это не должно тебя смущать, поскольку ты прекрасно знаешь, что мне нравится видеть немного огня в камине. Возможно, на юге это не имеет значения, но в Йоркшире это поднимает мне настроение. Если ты не сможешь добиться большего, ты снова окажешься в коттедже «Пепперкорн». Но все-таки это хороший ужин, я тебе скажу.

Лэнторн подошел к окну и отдернул угол занавески, чтобы выглянуть наружу.

— Дождь идет сутками. Что за чертова Йоркширская дыра?

— Держись, — сказал Моггерхэнгер. — Она не хуже любой другой, Джек.

— Я родился менее чем в двадцати милях отсюда. Слава богу, я выбрался отсюда в четырнадцать лет.

— Перестань беспокоиться. Он будет здесь и утром. Возьми еще немного этой прекрасной еды.

Лэнторн последовал его совету и пошел дальше, работая ножом и вилкой, как будто мясо помогало ему в его расследованиях.

— И еще я заметил, — сказал Моггерхэнгер Коппису, — что моя кровать заправлена. Значительный прогресс по сравнению с прошлым разом. Помнишь, как ты подал полуготовую пиццу и ведро алжирского кислого вина?

По физиономии Мэтью Копписа пронеслось несколько выражений, которых наш самоуверенный босс не уловил. Если бы он это сделал, то постарался бы быть осторожным со своим, казалось бы, скромным слугой. И все же мне было жаль Копписа, и я задавался вопросом, почему он не уходит. Вместо этого он вынул из портсигара сигарету и закурил дрожащими пальцами, затем подошел к столу и налил бокал вина.

Моггерхэнгер вытащил из кармана пачку бумаг и передал их Лэнторну.

— Единственное, что нужно сделать, это сделать это, Джек.

— Я не уверен, что осмелюсь, — сказал Лэнторн. — Или захочу, если уж на то пошло.

— Это вопрос выбора, — Моггерхэнгер наполнил им стаканы. — И сколько их у нас сейчас?

Лэнторн сказал что-то, чего я не услышал, поэтому я сел поближе к Алисе.

— Надеюсь, вы понимаете, что я серьезно отнесся к тому, что сказал вам в машине?

Она переоделась в юбку и блузку и освежилась новыми духами.

— Я помню только забавные моменты.

— Может быть, у вас уже есть парень. Или подруга. Я не старомоден. Или, может быть, у вас есть муж, хотя, как только я вас увидел, мне показалось, что вы выглядите слишком счастливой для этого.

— Мне нравятся мой образ жизни, Клод, — услышал я голос Лэнторна. — Я курю все, что хочу, ем красное мясо и пью столько, сколько могу. И не набираю вес. Я думаю, что именно вегетарианцы, некурящие и сумасшедшие сидящие на диете, ответственны за упадок страны. У них нет дьявольского драйва и энергии. Если вы не можете потреблять, какой у вас стимул производить?

Моггерхангер рассмеялся. — Ты прав, Джек.

Алиса улыбнулась.

— Я разведена. Я вышла замуж в двадцать два года и мы расстались три года спустя. Мой муж был болтливым аферистом и хотел, чтобы я его содержала.

— Вы ушли?

— Нет. Он нашел ту, к которой ушел. На какое-то время я был опустошена. Его жгучим стремлением было бездельничать. Он считал праздность величайшей добродетелью.

— Вы заставляете мою кровь стынуть в жилах.

— С тех пор у меня не было ничего общего ни с одним мужчиной. Я даже перестала видаться с отцом. Моя мать умерла, так что это было не так уж сложно. Он хотел, чтобы я переехала и жила с ним, потому что он ушел из банка. Но у меня была своя квартира: муж так бездельничал, что даже совместный договор аренды не подписал.

Мы сидели с тарелками на коленях.

— Мне действительно интересно то, что вы говорите. На вашем прекрасном и тонком лице есть выражение, которое показывает, что вы в мире с самой собой. Для кого-то вроде меня, у которого есть страсть к работе, до такой степени, что я в своей жизни мало общался с женщинами и мужчинами, если уж на то пошло, вы самый привлекательный и обаятельный человек, которого я когда-либо встречал. Я бы хотел узнать вас.

— Возможно, вы не найдете столько, сколько ожидаете.

Я поднес кусок мяса к ее рту.

— Нет, спасибо. Я здесь на работе. — Она отпила вино. — И я смертельно устала.

— Позвольте мне судить об этом, — серьезно сказал я. — Думаю, вы недооцениваете меня. — Я чокнулся с ее бокалом и сделал большой

глоток. — Я сексуально импотентен с пятнадцати лет. Все, что я делаю, когда могу, а делаю это не очень часто, — это сплю с женщинами, просто ради любви и комфорта. Никто до сих пор не смог убедить меня вступить в полноценный половой акт.

Я уже пару раз использовал эту уловку раньше, но пожалел, что попробовал это с Алисой, потому что ее можно было затащить в постель обычными дипломатическими методами. Меня соблазнило такое заявление, потому что ее заявление о том, что она не занималась любовью с мужчиной на протяжении, должно быть, по крайней мере десяти лет, показалось мне большой ложью. Тот факт, что я попался на это, был моей второй ошибкой той ночью. Возможно, я тоже устал. Или, возможно, я зашел недостаточно далеко и должен завершить это третьей ложью, сказав ей, что я странный.

— Мы пробудем здесь несколько дней, — сказала она, — но я не думаю, что у меня будет время долго беседовать с вами.

Мэтью Коппис смотрел так, будто завидовал тому, что я нахожусь так близко к ней. Ну, я не мог разделить ее с ним, и это был факт. Сегодня мне придется отменить свою кампанию и приложить серьезные усилия на следующий день. Все мое время, и в данном случае не сейчас, но она не знала, насколько была права, когда мило улыбнулась мне на прощание и сказала: — Увидимся за завтраком!

Моггерхэнгер оторвался от карточной игры с Лэнторном. — Трудная, да? Дело в том, Майкл, что ты не владеешь искусством ухаживания. В наши дни никто этого не делает. Но это будет стоить тебе двух-трех букетов-пони из хризантем. И почему бы нет? Когда ты добираешься до их интимных мест, чувствуешь себя еще лучше.

— Да, — сказал я, — это всегда приятно.

— Так не может говорить молодой парень, — он заревел здоровым смехом и вернулся к своей двойной игре, но не полностью, что делало его хитрым только наполовину. Я взял себе бисквит Мэтью Копписа, консервированные фрукты и заварной крем, в который он, должно быть, налил несколько бутылок крепкого шерри, потому что от первой ложки у меня слезились глаза. Лэнторн сказал, что это лучший десерт, который он пробовал в Сплин-Мэноре. Когда Мэтью принес кофе, я спросил, где он научился готовить.

— Я работал в доме престарелых. — У него был лишь слабый йоркширский акцент. — Я расскажу тебе об этом как-нибудь, если тебе интересно.

Повернувшись лицом ко мне, вдали от присутствующих, я увидел, как он подмигнул - сигнал, который меня озадачил, потому что у меня не

было никаких дел с таким сломанным жизнью старым слугой-дворецким, как он. Я проглотил его слабый напиток и спросил, сколько он зарабатывает на счетах за домашнее хозяйство.

— В любой момент.

— Мне нравятся такие истории.

Он выглядел благодарным и облегченным, и я почти поблагодарил его за то, что он позволил мне сделать его счастливым. Он так украдкой пожал мне руку, что я задумался, сделал ли он это.

Я слышал, как Алиса Уипплгейт напевала и плескалась в ванной, и у меня возникло искушение заглянуть мимоходом в замочную скважину или достать швейцарский армейский нож, чтобы расширить щель в двери. Такие действия были ниже даже меня, но когда я подошел к ее комнате, я открыл дверь и вошел. Она была больше моей. В гардеробе уже висело несколько платьев, а стол был заставлен различными расческами и косметическими баночками. Я надавил на матрас односпальной кровати и заметил, что ее дневник открыт, а чернила едва высохли.

«Мне очень нравится поездка, — написала она, — хотя должна сказать, что по дороге я устала, как собака. По крайней мере, мне удалось что-то прочитать, хотя это был всего лишь дрянной роман Гилберта Блэскина. Единственная проблема заключалась в том, что этот шофер тяжело дышал мне в шею. Он настоящий зануда, принуждает меня к вниманию, которого я определенно не хочу. Он даже сказал мне, что он импотент. Самая старая шутка в книге. В следующий раз он скажет мне, что он гей. Черт, полагаю, мне придется как-то его отстранить. Это утомительно, когда вокруг тебя бродит какой-нибудь вредитель. Хотя я уверена, что избавиться от него будет непросто. Он такой самоуверенный. Он не так уж плохо выглядит, но он мне просто не нравится. Если бы я это сделала, через некоторое время именно он стал бы жаловаться. Иду принимать ванну, необходимую после того, что я вчерашнюю ночь провела с Паркхерстом. Это такой человек, хотя я не думаю, что кто-нибудь так подумает. Двигатель! Он просто трахается и трахается, как будто он на сцене балета в Ковент-Гарден, и ничего не говорит, потому что думает о деньгах, которые выиграет в азартные игры после окончания шоу. Он вытянул из меня ТРИ джекпота, скотина. Лорд Моггерхэнгер хотел, чтобы он поехал с нами, но я рада, что он этого не сделал».

Я вышел и хлопнул дверью. Я надел цветочный халат и подождал возле ванной, пока она закончит, чтобы заняться вечерним омовением. Сжимая туалетную сумку, я постучал по двери. — Могу ли я зайти в ванную?

Она открыла дверь и прошла мимо.

— Спокойной ночи, мистер Каллен!

— Спокойной ночи, — весело ответил я.

Я не мог спать. Луна освещала комнату, потому что штор не было. Я попробовал лежать на правом боку, затем на левом, думая о встрече с Этти в чулане для швабр и ведер. Я вспомнил, как занимался любовью в туалете на высоте 30 000 футов с Полли Моггерхэнгер по пути из Женевы. Я даже тосковал по Бриджит. Больше всего мне хотелось выпить, желательно пинту «Джек Дэниелс». Звуки криков снизу подсказали мне, что Моггерхэнгер и Лэнторн жульничают в карты. Я пожалел, что за ужином выпил всего два бокала вина. Я пожалел, что не написал «Fuck You» на дневнике миссис Уипплгейт. На самом деле я пожалел, что не вырвал эту страницу и не отправил ее Блэскину для использования в одном из его романов. Чушь, сказал я себе. Умри, сказал я тому, кто втянул меня в это кипящее рагу.

Безумие наступало быстро. В конце концов, у Алисы не было романа с Паркхерстом. Хитрая маленькая лисица всего лишь написала это в своем дневнике, зная, что я прокрадусь и прочитаю это. Она проверяла меня, чтобы увидеть, разочаруюсь ли я или нет. Она любила меня страстно. Возможно, это было первое из серии испытаний, которые мне предстояло пройти. Она носила дневник с собой и исписала страницу, чтобы отпугнуть любого парня, с которым она была, и оставила дверь незапертой, чтобы он мог войти и прочитать его. Как я могу думать о таких вещах? Подумал я, засыпая.

Во сне я преследовал ее по аллее из сложенных досок. Меня дернули за руку, и я проснулся. Голубой йоркширский рассвет заглянул в окно и показал Мэтью Копписа, сидящего у моей головы. — Какого черта ты хочешь? — спросил я настолько гуманно, насколько мог.

— Извините, если я вас разбудил, мистер Каллен.

— Я тоже.

— Это единственный раз, когда я могу с вами поговорить. По секрету, так сказать. Эти люди здесь убьют меня, если узнают.

— Я уверен, что они бы это сделали, — сказал я, просто чтобы утешить его.

— Вы так думаете?

— Ну, ты так сказал.

— Правда?

— Конечно, да. Но я полагаю, ты прав.

Он был одет так же, как и за ужином, и от него все еще пахло виски. Пепел от его сигареты упал на мою кровать. Подбородок у него был

гладкий, и от него пахло лосьоном после бритья, поскольку он был из тех, кто бреется дважды в день, но принимает ванну только раз в месяц. Почему я продолжал встречать людей, которых мне было жаль?

Что мне было нужно, так это суровая реальность Моггерхэнгера, хотя от этой мысли меня рвало. Бедняга Мэтью Коппис, он даже не спал.

— Короче, — сказал я. — Я все еще надеюсь на ночной отдых.

— Я приготовил вам что-нибудь выпить. — Он принес поднос от двери и поставил его мне на колени: большой кофейник с кофе, кувшин с дымящимся молоком и тарелку с горячими тостами и кексами с маслом. Я сказал ему, что этот кофе в десять раз лучше, чем помой, которые мы пили после ужина.

— Когда я встречаю кого-то вроде вас, мистер Каллен, мне хочется быть абсолютно откровенным.

Поедая превосходный завтрак, я поздравил его с умением читать характеры.

— В свои первые годы, — рассказывал он, — я работал стюардом в вагоне-ресторане Британских железных дорог. Лучшая работа, которая у меня когда-либо была. Я не против сказать вам, что мы создали небольшой синдикат и организовали некий бизнес. Одной из стюардесс была молодая женщина по имени Элси Карнак, и мы придумывали способы подработки. Конечно, в конце дня нам приходилось делиться этим с остальными, но это составляло совсем немного. Мы разбавили апельсиновый сок, добавили в суп воды и загустили его мукой, подправили кофе, взяли с собой сыры (некоторые из которых упали с кузова грузовика, если вы меня понимаете, мистер Каллен), продавали свой хлеб, давали полпорции там, где, как мы думали, этого не заметят, обманывали при обмене денег и выдаче сдачи, заискивали из-за хороших чаевых, продавали свои вина и ликеры — ох, я и не помню всего, что мы делали.

Он казался весьма взволнованным.

— Элси и я скопили денег, сколько смогли, и оставили работу в вагоне-ресторане, когда поженились. Фактически мы продали концессию, хотя вскоре после этого начались репрессии, и синдикат был оштрафован или потерял работу. Главарь был отправлен в тюрьму, и Элси посмеялась над этим. Заметьте, мне никогда не нравился ее смех, и меня это должно было насторожить. Но любовь слепа, не так ли, мистер Каллен?

Я мог только кивнуть в знак его мудрости.

— Даже помощь Национального здравоохранения здесь не помогает.

— Мы с Элси очень дешево купили большой дом в деревне и назвали его «Ферма Незабудка», и семь лет мы содержали его как приют для

престарелых. Как вы можете себе представить, у нас была довольно быстрая текучка кадров. Мне понравилась эта работа. Некоторые из стариков были замечательными людьми. Я занимался этим двадцать часов в сутки. Я бы даже читал им, если бы они были слепыми. И некоторые истории, которые они мне рассказали! Они жили долго и бывали во многих странах. Некоторые из них были знамениты в свое время, но теперь о них забыли. Некоторые, конечно, были в восторге, а я сделал для них все, что мог. Элси слишком близко к сердцу восприняла деловую сторону дела. Она нашла способ сохранять тела свежими в течение трех или четырех недель после их смерти, чтобы мы могли продолжать требовать оплаты обслуживания. Родственники не удосуживались их навестить, поэтому риска не было. И старикам ведь не было никакого вреда, раз они уже были мертвы, не так ли, мистер Каллен? Не то чтобы мне понравилась эта идея, хотя к концу года она сильно увеличила нашу прибыль. Но однажды Элси исчезла. Она забрала деньги и все ценное, что принадлежало жителям. Это было ужасно. Она ограбила их. Она и меня ограбила, а также оставила со всеми долгами. Она даже взяла мои лучшие часы «Ролекс», которые мне подарил один из славных стариков. В результате приехала полиция и обнаружила два тела в морозильнике, под овощами. Я взял вину на себя. Элси отпустили, а я получил семь лет. Семь лет! Когда я думаю о том, что сказал обо мне судья, у меня кровь стынет в жилах. «Самый худший случай вампиризма среди пожилых людей, с которым мне когда-либо приходилось иметь дело», — сказал он, и это попало во все газеты. Вы читали это, мистер Каллен?

— Должно быть, я в то время был за границей.

Он выглядел разочарованным.

— Думаю, я это заслужил. Во второй половине моего пребывания в тюрьме моим сокамерником был Паркхерст Моггерхэнгер. Он был в очень плохом состоянии, фактически сошел с ума, поэтому я заботился о нем так, как будто он был одним из людей в доме моих престарелых. Я способствовал его ремиссии. Ему стало лучше, когда он стал полагаться на меня. Я можно сказать вытащил его с того света, и когда нас выпустили, мы продолжали общаться. Мне некуда было идти, поэтому я вернулся к своей старой матери в Галифаксе, благослови ее Бог. Она уже мертва, мистер Каллен.

— Я сожалею об этом.

— Паркхерст рассказал обо мне своему отцу, и мистер Моггерхэнгер в то время взял меня смотрителем своего имущества, которое в этом нуждалось. Он хотел выразить свою признательность, и я был благодарен

за это, потому что я был конченным человеком, обреченным и никогда больше не восставшим, когда вышел из тюрьмы. И все же, заняв эту с готовностью эту должность, признаюсь, со слезами на глазах, я по-видимому прыгнул со сковороды в огонь, потому что я — соучастник всего происходящего. Здесь, так что, если силы правосудия когда-нибудь устроят настоящую облаву — если такое произойдет — я буду снова в тюрьме, даже дольше, чем в прошлый раз. Вот почему я хочу, чтобы вы мне помогли, мистер Каллен.

Я чуть не задохнулся от неожиданного предложения. К счастью, я уже доел его вкусный завтрак. Я помог Биллу Строу, заперев его на крыше Блэскина, но Билл Строу был моим давним другом, тогда как Мэтью Коппис был одним из них только вчера вечером — если он вообще был им. Я никогда не боялся заводить новых друзей, возможно, именно поэтому у меня было так мало настоящих друзей. Кроме того, такой открытый и бесстрашный характер, как мой, всегда вызывал у людей подозрения. Однако было что-то в Мэтью Копписе, что побудило меня не делать этого.

— Во-первых, тебе не следует делать ничего поспешного. Тебе следует подождать. Преступные действия могут происходить повсюду, но как ты можешь быть в этом уверен здесь? Когда вы управляли фермой «Незабудка», они тоже происходили, но ты не догадывался, что творила Элси. В прошлый раз ты допустил ошибку, возможно, ты допустишь ее и в этот раз. Я имею в виду следующее: являешься ли ты лучшим судьей в отношении чьих-либо преступных действий? Мой второй комментарий касается лорда Моггерхэнгера. Ты говоришь мне, что он нанял тебя по доброте душевной. Он знаменит этим. Он никогда не забывает обид и никогда не забывает одолжений. Большинство миллионеров такие. Они должны быть такими. Это одно из свойств, которые делают их богатыми. Это помогает им соприкасаться с человеческой природой — и также делает их богатыми. Я имею в виду, неужели ты хотел бы отплатить ему, заявив на него в полицию просто по подозрению?

Он не мог смотреть на меня прямо, а это означало, что мои аргументы дошли до него.

— Думаете, я злюсь на него? Частично я подозревал Элси в течение нескольких месяцев, но я смеялся над этим посреди бессонных ночей. Я ничего не делал. Теперь я наткнулся на главу рэкета, контрабанды наркотиков и золота в Великобритании, и мне следует закрыть на это глаза, не так ли? Только потому, что Моггерхэнгер дал мне работу, когда я был в отчаянии? Единственная причина, по которой он взял к себе такого человека, как я, заключалась в том, что он думал, что однажды

сможет стать лордом, и ему понадобится кто-то, с кем он сможет обращаться как с собакой.

Мне было его жаль, а это было худшее, что можно было сделать для кого-либо.

— Ты в замешательстве.

На его лице было столько улыбки, сколько смогли собрать морщины вокруг глаз.

— Вот почему вы и должны мне помочь.

Я подумал о длинном стройном теле Алисы Уипплгейт, закутанной в ночную рубашку по соседству.

— Как я могу это сделать? У тебя нет доказательств ни для одного из этих утверждений.

— Я знаю, где их найти. Но вы должны пообещать, что поддержите меня, когда наступит критическая ситуация.

Рассвет был для меня самым веселым временем. Моя мать сказала мне, что я родился в шесть утра. Я испортил ей завтрак.

— Я подумаю об этом, Мэтью, и если я скажу это, значит, я уже на полпути. Но можешь ли ты пойти на кухню и принести мне завтрак, точно такой же, как тот, который ты мне принес?

Он понял, что я имел в виду, не так медленно, как я думал. — Ага. Я понимаю. Ну да, хорошо, мистер Каллен.

Если бы он действительно пытался меня испытать, он не получил от меня особой реакции, и даже Моггерхэнгеру пришлось бы смеяться или, в лучшем случае, ухмыляться над тем, как я использовал его как пешку в соблазнении миссис Уипплгейт. Пару букетов, задница моя! Поскольку вчера вечером она так злобно презирала меня, по крайней мере, в своем дневнике, я больше, чем когда-либо, хотел ей отплатить и размышлял над этой восхитительной возможностью, пока не вернулся Мэтью.

— Вот он.

Я заглянул в кофейник. Полный и дымящийся.

— Я никогда этого не забуду. С этого момента ты можешь положиться на меня. Сходи и выпей утреннее виски.

— Я выпил его вчера вечером.

— Тогда выпей завтрашнее.

Он решительно улыбнулся.

— Это идея! В любом случае, мне нужно принести завтрак лорду Моггерхэнгеру. Он съест двух лососей, тарелку яичницы и восемь тостов.

— Не упади в кашу, — сказал я, — а то нос промочишь.

Я зашел слишком далеко, как будто мое легкомыслие грозило ему новым падением. Он закурил сигарету и сказал с оттенком отчаяния в

своей неисправимой мрачности: — Всю свою жизнь я был жертвой легкомыслия. Я ненавижу легкомыслие. Я ожидал большего от такого человека, как вы.

Он был искренним, иначе я не был бы судьей людей. С этого момента я буду верить всему, что он мне скажет.

— Ты должен осознавать, что за тем, что ты называешь легкомыслием, Мэтью, и тем, что для меня является всего лишь дерзким чувством юмора, скрывается серьезность, почти такая же прочная, как камень.

Кажется, он оценил мои усилия.

— Спасибо, мистер Каллен. Увидимся. Мне пора работать.

Я взял поднос до того, как завтрак остыл, не заботясь о том, буду ли я заниматься любовью с Алисой или нет. На самом деле я решительно не хотел этого, и я был уверен, что и она не хотела бы, чтобы я этого хотел. Судя по ее дневнику, который мне посчастливилось прочитать, я был последним человеком, которого она надеялась увидеть утром, даже с подносом с завтраком.

Мои мысли были о более высоких вещах, когда я постучал в ее дверь и вошел. Она спала на животе, ее лицо было отвернуто от стены и повернуто ко мне. Я открыл шторы. Дневника больше не было на туалетном столике. Я отодвинул флаконы и тюбики в сторону и поставил поднос. Моей единственной мыслью было выйти куда-нибудь, но я не мог оставить кофе остывать. Мне пришлось сначала ее разбудить, поэтому я тронул ее за плечо.

— Что это такое? Это вы. Что вы хотите?

Трудно сказать, какие сны ей снились, но я мог только предположить, что она относилась ко мне с той же неприязнью, с какой я час назад смотрел на Мэтью Копписа.

— Я подумал, что вам не помешал бы завтрак. Горячий кофе, апельсиновый сок, тосты и пирожные.

Она села, не зная, где находится, и выглядела так, будто я старался изо всех сил ранить ее во время сна, из которого ее выдернули. Ее чувствительное лицо сморщилось от недоверия, когда она оглядела пейзаж подноса. Полагаю, мы все становимся забавными людьми в тот момент, когда выходим из своих снов.

— Что это?

— Ваш завтрак.

Она смотрела. — Завтрак? — Она прижала обе руки к своей маленькой груди. — В постели?

— Почему бы и нет?

— Завтрак в постель! — Она рассмеялась. — И обслуживает мужчина!

Я дал ей сок, и она выпила его.

— Что в этом смешного?

— Рассказать вам? — Я налил кофе и протянул ей. Она сделала глоток, пока я намазывал маслом ее тост. — Я никогда не завтракала в постели.

— Вы, должно быть, шутите.

— Я не шучу. Никто никогда не готовил мне завтрак.

— Значит, вы не жили.

— Я всегда готовила завтрак дома и чувствовала боль от того, что такая работа закончена. Это была единственная еда, которую я могла приготовить, и которая не вызывала язв.

— Это меньшее, что я могу для вас сделать. Боюсь, я вчера выставил себя дураком, приставал к вам и говорил всякую ерунду. Я хочу, чтобы мы были друзьями.

Вспомнив о тех случаях, когда я приносил Бриджит завтрак в постель после того, как дети пошли в школу, и о тех случаях, когда мы занимались любовью среди крошек, кукурузных хлопьев и кусочков яичницы, мне стало не по себе от моего предательства Бриджит из-за самоуверенной и худощавой женщины, ведущей дневник, вроде Алисы Уипплгейт, которая, закончив есть, потянулась ко мне со слезами на глазах, вызванными, как я думал, больше из-за того, что ее слишком внезапно вырвали из сна, чем из-за сентиментальной благодарности за мой жест, что я встал особенно рано, чтобы спуститься на кухню и приготовить ей восхитительный завтрак своими руками.

— Ты замечательный, — сказала она.

Она поцеловала меня, ее губы были влажными и пахла кофе и апельсином. Я все еще был в халате, под ним ничего не было. Она, должно быть, хорошо спала, потому что простыни ее односпальной кровати почти не были потрепаны, пока я не проскользнул между ними и не почувствовал, как ее расслабленное тело прижалось к моему.

Мне было неинтересно, но я двигался как змея, потому что у меня был самый сильный утренний стояк, который я мог вспомнить, и я даже не прикоснулся к ней, а поднял ее блестящую ночную рубашку после нескольких слюнявых поцелуев и вошел в нее без ропота. Хватит с меня болтать языком. Она тоже. Мы составили дуэт стонов. Возможно, она думала, что все еще спит. Неповторимая атмосфера делала все это похожим на сон. Я поднялся на руки и задвигался сильнее. Она кончила один раз, и еще один, и тогда я позволил себе выйти. Когда бури утихли,

мы засмеялись. Я не собирался конкурировать с Паркхерстом, заставляя ее кончить четыре раза.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— Прекрасный завтрак.

Я поднялся с постели.

— Мне пора. Мне нужно доставить еще два завтрака.

Она обняла меня. — Думаешь, ты справишься?

Я поцеловал прекрасное плечо, с которого соскользнула ее ночная рубашка.

— Я должен приложить все усилия, иначе я потеряю работу. Руководство должно соответствовать своим обещаниям.

— Тебя это не утомляет?

Я стоял у ее кровати.

— Тенденция есть. Но это помогает мне снизить вес.

— Ты завтракал перед тем, как пришел ко мне?

— Я был первым в моем списке.

— Какое облегчение. Это было классно. В моей жизни такое случается нечасто, не знаю почему.

— Даже с Паркхерстом?

Она смеялась.

— Поймала тебя! Нет.

Я мог бы убить ее, но улыбнулся. — А как насчет твоего мужа?

— Он мертв.

— Как?

Она подперла подбородок руками.

— Однажды вечером позвонили из полиции и сказали, что он обернул машину и себя вокруг дерева. Вокруг дуба. Почему позвонивший добавил эту маленькую деталь, я не знаю. Возможно, это ему показалось чем-то особенным. Когда он в заключение добавил, что мой муж мертв и не подлежит воскрешению, моей первой мыслью было, что мне придется искать работу. Это было скорее решение, чем идея, и оно пришло мне в голову, несмотря на шок, лучшего времени для его принятия не было, поскольку, получив такие новости, было более чем необходимо не упасть замертво от внезапной пустоты жизни. Он ушел тем утром и не поинтересовался, как обычно, хорошо или плохо я спала, поэтому я весь день ждала тревожных новостей. Столь необычное упущение с его стороны послужило, я полагаю, предупреждением о том, что что-то приближается. Облака были низкие и серые. Я смотрела на дождь из окна гостиной и все время думала о том, когда же он прекратится. Я помню

каждую деталь того дня. Редко когда мой разум был таким пустым, а я — такой инертной. Время от времени выкуриваемая сигарета имела неприятный вкус, хотя я курила одну сигарету за другой в надежде, что следующая будет лучше. Этого не было. На обед я приготовила омлет, и даже он оказался невкусным. Днем я пошла в ванную и мастурбировала, чего я никогда не делала в такой час, да и вообще редко делала. После этого я почти не почувствовала облегчения. Моя грудь была набухшей, как иногда бывает перед менструацией. Я даже задавалась вопросом, не беременна ли я. Потом раздался телефонный звонок, который все объяснил.

Я всегда целовал женщину, когда видел слезы под ее глазами. Что еще можно было бы сделать?

— Сожалею о твоей трагической жизни.

— Я никогда ни с кем так не разговаривала.

— Потому что я принес тебе завтрак?

— Думаю, да. — Она встала с кровати. — Сначала я воспользуюсь ванной, если ты не возражаешь. Потом мне нужно одеться и приступить к работе. Лорд Моггерхэнгер — жаворонок.

Мэтью Коппис приготовил завтрак в английском стиле, который был кстати после моего оригинального перекуса. Моггерхэнгер в очках в роговой оправе читал «Файнэншл таймс», и через окно я увидел главного инспектора Лэнторна, идущего по гравийной дорожке и покуривающего сигару. Я завтракал так, как будто не знал, откуда возьмется моя следующая еда — как я полагал, это полная противоположность тому, как, должно быть, ел пожилой пациент на ферме «Незабудка», столкнувшись с нищей кашицей Элси Карнак. .

Прочитав «Дейли миррор», я достал ведро и тряпку, чтобы протереть машину. Моггерхэнгер посоветовал мне это сделать, и я мог был возражать, поскольку это не входило в мою работу, но, поскольку я никогда не был английским рабочим, демаркационные споры не были у меня в крови. Если бы это было так, я бы сказал, что такому опытному водителю, как я, неуместно опускаться до обычной уборки. Моя натура также не оспаривала действий по поводу какой-либо работы в присутствии человека, который просил меня сделать что-то только в качестве проверки. По крайней мере, я так сказал себе, чтобы спасти свою гордость. В любом случае, на данном этапе моей реабилитации с Моггерхэнгером я не хотел увольнения.

Несмотря на дождь, я выполнял эту работу достаточно долго, чтобы помыть номерные знаки, очистить лобовое стекло от дохлых комаров и отполировать фары. Я собирался вернуться внутрь, когда услышал, как

чья-то машина свернула на подъездную дорогу. Лэнторн спустился по ступенькам навстречу ей. Он явно ждал, а мне было любопытно, поэтому я начал протирать боковые стекла.

Минивэн, сразу узнаваемый по гербу, остановился. Дворники остановились, и из машины вышел Эрик Алпорт.

— Где, черт возьми, ты был? — крикнул Лэнторн. — Ты должен был прийти сюда вчера вечером.

Алпорт начал подпиливать ногти. — Корабль опоздал.

— Ах ты, исчадье ада. Опять попал в какую-то пьянку в доках. Мне это ужасно надоело!

Я никогда не видел такого презрения на лице мужчины, как у Алпорта. Он бы молчал весь день, независимо от дождя или нет, если бы Лэнторн не спросил: — Так ты понял?

Он не торопился.

— Это в багажнике, ты, болтун.

Лицо Лэнторна спасло от разрыва только крик: — Однажды я тебя, черт возьми, пригвозжу, парень.

— Если ты это сделаешь, то упадет крышка твоего гроба.

Лэнторн потянул за ручки, как будто хотел их сломать.

— Где ключи?

Они летели по воздуху. Алпорт продолжил свою речь. Удивительно, что у него еще остались ногти. Должно быть, они были гордостью любого клуба, к которому он принадлежал. Лэнторн с блестящими глазами взял ключи и открыл заднюю часть «Мини». Он засунул руки в багажник и с любовью коснулся всего, что там было. — Мэтью! — крикнул он. — Каллен! Подойди и помоги.

Прежде чем добраться туда, я пару раз обошел «Роллс». Мэтью понес что-то вроде пятифунтовой коробки чая, аккуратный деревянный пакет, хорошо обшитый со всех сторон. Я взял еще один, и Лэнторн тоже, но Алпорт не соблаговолил поработать. Он спросил, есть ли какой-нибудь завтрак в этом доме беззакония, потому что он умирал с голоду. Я сказал, что, вероятно, так оно и было, после чего он вложил пилочку для ногтей в кожаный чехол, застегнул свою куртку-мешок с сахаром в стиле Мао, которая стоила на Карнаби-стрит, должно быть, фунтов пятьдесят, и вошел внутрь.

Минивэн был до самого потолка забит ящиками, которые, как я предполагал, вывезли с корабля на вилочном погрузчике. Когда содержимое этих ящиков появится на улицах Британии, все будут летать в нирване до конца века. Когда я был преступником, мы провозили контрабандой золото, которое казалось теперь настолько безобидным, что

невозможно было чувствовать себя виноватым, но это золото было другого сорта и гораздо более ценное, вес за вес. Вместо того, чтобы залезть в карман правительства, босс проник в умы людей, разлагая их насквозь, что в конечном итоге приведет лишь к тому, что моггерхэнгерам всего мира станет легче получать все больше и больше власти.

Я не собирался делать карьеру в подобной профессии и подумывал о том, чтобы уведомить хозяина о моем увольнении при первой же возможности, хотя и понимал, что лучший способ сделать это — так глупо я ввязался в это по уши — это послать телеграмму об увольнении с отдаленного острова в южной части Тихого океана. Даже тогда не было бы никакой гарантии, что длинная рука Моггерхэнгера или Лэнторна не достанет меня. Когда бы я вышел из своей хижины с пальмовой настойкой, чтобы выкурить раннюю утреннюю сигару, гигантский кокос упал бы с дерева и раздавил меня. Единственный способ освободиться от такой работы — это развалить всю организацию, и, по крайней мере, в этом отношении я знал, что Мэтью Коппис был прав.

Глава 16

Вернувшись в Лондон, я зашел к Блэскину и, к своему изумлению, обнаружил, что он играет в шахматы с Биллом Строу.

— Я забыл, что ты умеешь играть в шахматы, — сказал я Биллу.

Блэскин налил нам всем по бокалу вина.

— Он чертовски хороший игрок. Вчера он дважды меня побил.

Билл ухмыльнулся.

— Я научился, когда был в тюрьме.

— У него настоящий, настоящий дар, — сказал Бласкин. — И я в отчаянии, поэтому это отвлекает меня от всего.

— Я думал, ты никогда не впадаешь в депрессию.

Блэскин сделал ход.

— Не обижайтесь. Мои обязательства многочисленны и обременительны. Через три месяца мне нужно показать Моггерхэнгеру первый набросок его биографии. Я также пообещал передать историю Сидни Блада в Pulp Books через месяц.

Я подавился вином.

— Вы автор Сидни Блад?

Беспокойная ухмылка обнажила его длинные желтые зубы.

— Какой ты идиот. Наверное, двадцать писателей время от времени штампуют «Криминальную книгу» Сидни Блада. Гонорары уходят за мои

членские подписки в одном клубе. Во-вторых, это своего рода вызов. И потом, мне нравится отбарабанить все это насилие и непристойность. Более того, в продолжение моих горестных обязательств я также пообещал своему обычному издателю через две недели новый роман, который он сможет выпустить осенью, и помимо того, что я хочу отдать его издателю, который обещал мне в два раза больше денег, сегодня утром я порвал первую страницу, потому что она была бесполезна, так что мне нечего никому дать. Еще до завтра мне нужно написать лекцию о будущем современного романа. Так много работы, что я и пальцем пошевелить не могу.

Билл, как обычно, рассмеялся и сделал еще один ход на шахматной доске.

— Вы поднимаетесь по ручью, в лодке дыра, нет весла, а в ближайшем будущем вас ждет трехсотфутовый водопад.

Блэскин схватился за голову, которая никогда не должна была быть без шляпы. Он явно чувствовал себя нехорошо. С тех пор, как стало известно, что он мой отец, мне было трудно думать о нем как о таковом. Когда мне было двадцать пять лет, когда стало известно об этом, отец мне был больше не нужен. Возможно, если бы ему и моей матери удалось жить нормальной жизнью, когда они наконец поженились, наша связь была бы более убедительной, но последнее, что мы знали, это то, что она поехала на автобусе, чтобы присоединиться к лесбийской коммуне в Турции. По крайней мере, так говорил Блэскин, и если так, то кто мог ее винить за то, как он обращался с ней после первых недель их воссоединения. Но и она не дала ему много покоя.

Блэскин больше всего напоминал сумасшедшего дядюшку, то есть он был более симпатичным, чем если бы он был моим отцом, потому что, хотя отец мог бы оттолкнуть меня, когда у меня были проблемы с полицией, Блэскин великодушно поддержал меня и оказал некоторую помощь.

— Если вы меня слушаете, — сказал я, — ваши беды, во всяком случае, нынешние, позади. Я изложу все, что знаю о Моггерхэнгере, на магнитофон, так что вам останется только напечатать это. Это даст вам хорошую возможность показать ему длинный нос, и он может отвязаться от Билла.

— Он уже получил от меня толстую пачку кое чего напечатанного, — сказал Билл.

— Тогда это хорошо. А что касается романа Сидни Блада, то это можешь написать даже и ты, Билли. Прочитаешь парочку, и вы скоро соорудишь подобное. Машинистка может исправить твои

грамматические ошибки.

Билл налил всем еще.

— Я уже прочитал все это. Эти книжонки есть в каждом киоске аэропортов, через которые я проходил, а также в пиратских изданиях по всей Индии. Я готов попробовать написать и лучше. Этим отплачу майору Блэскину за его чудесное гостеприимство.

Гилберт сплел пальцы вместе и улыбнулся. — Исполняющий обязанности майора, пожалуйста.

Я встал. — Итак, Гилберт сможет продолжить свою лекцию, текст которой можно закончить сегодня вечером.

— Ты имеешь в виду, что мне нужно немедленно приступить к работе? — завопил он.

Это была вся благодарность и признательность, которую я получил за свою изобретательность.

— Я прочитал в «Гардиан» на прошлой неделе, что лучшее лекарство от тяжелой менопаузы — это работа. В любом случае, если вы не хотите отдавать свой новый роман нынешнему издателю — роман, который вы еще не написали, могу добавить, — почему бы вам не написать за неделю дерьмовый роман и не дать им тот, от которого можно отказаться? Тогда вы свободны и сможете написать что-то подходящее для своего нового издателя.

— Работать, работать, работать! — кричал он. — Неужели это никогда не закончится? Теперь вы просите меня написать мусорный роман, от которого мой нынешний издатель откажется, и поэтому даете мне возможность обратиться к другому издателю с настоящим беспрепятственным подлинным 22-каратным Блэскином. Я правильно понимаю, что вы имеете в виду, что я должен написать два романа вместо одного?

— Да, — сказал я.

— Налей мне еще выпить.

Билл повиновался. — Тебе лучше придумать что-нибудь получше, Майкл. Разве ты не видишь, что майор Блэскин расстроен?

— Я скажу вам, что мы будем делать, — сказал я, — и это окончательное решение. Я напишу дерьмовый роман, Билл напишет «Кровь Сидни», а вы сможете приступить к написанию подходящего романа для вашего нового издателя — как только напишете лекцию. Все, что мне нужно, это дерьмовое название для дерьмового романа.

Блэскин был очень доволен моими предложениями. — Назови это ПАДУФ.

— Тогда я хочу что-нибудь поест.

Доброе сердце и чувство юмора были фатальны для выживания. Я обещал слишком много. Не знаю, кем нужно быть, чтобы завалить двести страниц мусором. Я не знал, с чего начать, но был слишком горд — и глуп — чтобы спросить совета у Блэскина, для которого такая работа была так же легка, как вдох и выдох. Я мог бы написать историю о Сидни Бладе лучше, но подsunул ее Биллу, который уже делал пометки на обратной стороне упаковки с тортом: — Приятно снова чем-то заняться, Майкл. Ты победитель. Никогда не теряешься в поисках решения.

Внутренне я стонал, но наружно усмехнулся и сказал, что рад помочь. Я надиктовал о своих приключениях с Моггерхэнгером на магнитофон, а Блэскин вложил запись в мягкий конверт для своей секретарши Дженни Поташ. У него уже была пачка материала от Билла, но я не сказал ему (и он не видел, как Билл оторвался от пакета с тортом и подмигнул своим волчьим веком), что Билл был самым большим лжецом в мире.

Я положил запасную пишущую машинку и коробку бумаги «Кроксли Скрипт» на кухонный стол и сделал пару фальстартов в какой-то сумасшедшей приключенческой истории. Каждый раз, когда я скручивал бумагу в комок и бросал ее Дисмалу, он аккуратно ловил ее челюстями и нес в корзину для мусора.

«Пиши первое, что придет тебе в голову», — сказал я себе. Вот как они все это делают. Это никогда не потерпит неудачи. Итак, я начал печатать и сразу понял, что мне повезло в третий раз — пока я могу продолжать щелкать по клавишам.

«Это правда, конечно, что ты кусаешь руку, которая тебя кормит, но обычно другой руки рядом нет. Лэнгэм сбежал с женой своего лучшего друга, думая, что, поскольку он был его лучшим другом, он не будет злиться на него. В любом случае жена устроила ему собачью жизнь, делала его существование прямо-таки унылым, так что Лэнгэм думал, что делает другу одолжение. Но когда он увидел, что тот стоит в дверном проеме с коротким пистолетом, направленным в его сторону, Лэнгэм понял, что он, должно быть, ошибался».

Я даже не перечитал то, что напечатал, иначе бы так долго любовался, что работа дальше бы не пошла. Секрет, который пришел ко мне естественным образом, был таков: продолжай, какой бы хлам не выходил из машинки.

«Джон Уимс застал их в любовной страсти на тростниковом коврикe коттеджа Тиндербокс».

Я описал каждый предмет в этом месте, указав его цену и историю, форму и цвет, что заняло десять страниц, прежде чем дать читателю (и

себе) узнать, собирается ли Уимс-муж убить любовника Лэнгэма или нет. Мне было весело. Они не узнают об этом до конца второй главы, как и я, возможно, даже до середины книги.

Я продолжил, и к полуночи из-под валика машинки вылетело тридцать страниц. Дисмал так воодушевляюще водил глазами за кареткой взад и вперед, что я даже произнес первое предложение второй главы:

«Звук мочи, льющейся в кастрюлю, был похож на звук ее голоса, зовущего его».

Только тогда я остановился. Остальные спали: Блэскин в спальне, а Билл на диване. Дисмал дергал во сне лапами на поролоновом коврике у моих ног. Я взял первую страницу лекции Блэскина:

«Начните с того, что скажите им, что если фантазия истины — это факт, то истина фантазии — это вымысел. Это их достанет. Тогда признайтесь (лучшего слова не подобрать), что я отношусь к роману как к симфонии. Я имею в виду чередование комедии и трагедии, фарса и серьезности. Я стремлюсь к идеальной гармонии из повсеместного хаоса. Континент романа населяет множество людей, но я — Большой Вождь, управляющий их действиями и эмоциями, которые меньшие люди приписывают судьбе. Желая написать роман с серьезным замыслом, в котором, тем не менее, есть места, где можно посмеяться, я отныне буду плести лоскутное одеяло из переплетающихся сюжетов, каждый со своим трагическим или комическим знаком, но все они связаны стремлением героя найти Бога среди руин своей моральной, но слишком человеческой некомпетентности. Боже, помоги мне, разве этого недостаточно? Измените курс, если сможете, не утонув при этом в Семи морях Неопределенности. Я не создан для этого. Я всего лишь писатель.

Я упорствую в написании романов (я рад, что вы спросили меня об этом), потому что я еще не думаю, что «роман» как вид искусства достиг своего апогея. Ни один автор не должен заблудиться в тупике двадцатого века. Я пытаюсь излечиться от привычки думать, что следующий роман будет моим лучшим. Если я буду упорствовать в этом убеждении, то в конце концов, как и многие критики и рецензенты, приду к выводу, что роман мертв — хотя более нелепого утверждения я никогда не слышал. Лучший роман — тот, который вы только что написали.

Английских писателей всегда привлекала демотика. Хотя их ограниченность в этом начинании иногда была очевидна, результат зачастую был средним. Некоторым людям нравится немного демотики, потому что это открывает окно в то, что в противном случае они

никогда бы не надеялись понять. Другим это нравится, потому что, слыша это каждый день, оно отражает их собственную жизнь. Некоторым демотика может не нравиться, потому что они видят в тех, кто ее использует, угрозу своему образу жизни. Большинство писателей не могут ее использовать, потому что если бы они это сделали, это звучало бы фальшиво или покровительственно. И еще одна причина в том, что каждый раз, когда я пукаю, у меня болит сердце. Скажем на лекции. Прекрати эту болтовню и заставь их смеяться. Это все, чего они хотят, и кто может их винить?

Это было неудачное начало, но чего можно было ожидать от человека, который чаще лжет, чем пытается выяснить, что он думает? Просматривая стопку бумаг Билла, я был одновременно потрясен и впечатлен. Он прекрасно уловил тон Сиднея Блада, но на некоторых страницах он переплюнул Блада в непристойности и насилии до такой степени, что даже мне пришлось прекратить чтение. Это обязательно должно было иметь успех. Блэскин не знал, как ему повезло, что он руководит таким специализированным семинаром. Я достал из холодильника баранью отбивную и бросил ее Дисмалу в награду за его сотрудничество и поддержку.

Обессиленный после нескольких часов работы взаперти, я надел плащ и поздно вечером отправился на метро до Пикадилли. Я обналичил деньги в банке, и они прожигали дыру в моем кармане, поэтому в «Собачьей шерсти» я показал членскую карточку, которую Моггерхэнгер выдал своему ближайшему окружению, и вошел. Один или два пьющих стояли впритык к стенам, и Кенни Дьюкс сидел возле бара. Я купил напитки для нас обоих.

— Вот кожа с твоих губ.

Такая фраза, прямо из «Сидни Блада», вернула его к жизни с улыбкой, обнажавшей разбитые зубы.

— Я слышал, ты был в «Сплине».

— Правильно, — сказал я.

— Удобное местечко.

— Я видел и хуже.

— Как «Пепперкорн»?

— О, это было вообще здорово, — сказал я. — Я влюбился в это место. Крысы были очень дружелюбны.

Он вздрогнул. — Я ненавижу крыс. Когда я был там, я спал снаружи. Но эти ублюдки вышли и набросились на меня. Так что я всю ночь ходил взад и вперед по переулку. Не говори мне о крысах.

— Есть вещи и похуже.

— Не для меня.

— Если бы мне пришлось там жить, я бы взял пару кошек, — сказал я.

— Я и кошек тоже ненавижу. И собак.

— Кто тебе нравится?

Лицо его покраснело от болезненной злобы.

— Женщины. Я могу ударить их и полюбить их.

Я вздрогнул — хотя и не позволил ему этого увидеть. Через пару минут я спросил: — Хочешь еще выпить?

— Мне нужно иметь трезвую голову на плечах. Я жду человека, который должен Клоду немного денег. Если он не заплатит, мне придется сломать ему руки.

— Может быть, он сломает твои?.

Он снова ухмыльнулся. — Он заплатит. У него много денег. Я просто напугаю его.

Я встал, чтобы уйти. — Я его знаю?

— Это Дикки Буш.

— Джазовый пианист?.

Он кивнул.

— Он не хотел бы потерять возможность пользоваться своим оружием.

— Я знаю его только по журналам. Между прочим, большую часть дня я провел с... ты никогда не догадаешься.

Он пытался смотреть на меня угрожающе. — С кем?

Я рассмеялся над его полужакрытыми глазами и сгорбленными плечами. — Твой любимый автор.

Он проглотил желчь и нащупал сигарету. — Сидни Блад? Врешь!

Я кивнул.

— Он сейчас пишет историю под названием «Искалеченная утка». Он прочитал мне пару страниц. Он исключительный человек. Он живет один в Вирджиния-Уотер с парой немецких догов. Не любит, когда его отвлекают.

Кенни понял.

— Эти чертовы авторы — забавные люди. Я видел такого один раз по телевизору.

— Я постараюсь познакомить вас.

— Я бы все отдал, чтобы встретиться с ним.

Я похлопал его по плечу.

— Я возвращаюсь в Илинг. Я совершенно разбит.

За уличной дверью на меня чуть не врезался высокий, тонкий черный,

от которого пахло одеколоном.

— Вы Дикки Буш? — спросил я быстро, как вспышка. — Если да, то вы величайший джазовый музыкант в мире.

Выражение его лица изменилось с абсолютной ненависти на прекраснейшую улыбку доброжелательности. Его рука протянулась: — Встряхните!

Я пожал его руку. — Кстати, там внизу сидит здоровенный парень со светлыми выющимися волосами, который хочет сломать тебе руки, потому что говорит, что ты кому-то должен денег.

Блестящая белозубая улыбка сменилась настороженным взглядом. — Спасибо, белый друг. — Он достал нож и лизнул его. Я пошел дальше, думая, что в джунглях человек с клинком — если не бог, то король.

Я шел по Олд-Комптон-стрит. Торговля телом велась не так уж и сильно. Одна или две женщины дернули меня за локоть, но я поблагодарил их за комплимент и сказал им: «не сегодня вечером, дорогая», жалея, что не пошел прямо домой, а оказался между Кенни Дьюксом и Дикки Бушем. Они могли позаботиться друг о друге без моей помощи. Я поднял воротник, чтобы избежать дождя, и пошел по Кембриджской площади. Кто-то катил коляску по Сент-Мартинс-лейн, и я похлопал его по плечу. — Делф, как жизнь?

Он пристально посмотрел на меня.

— Отвали.

Лондон не очень дружелюбное место. Он выявляет худшее в тех, кто приезжает с Севера.

— Нельзя так разговаривать с человеком, который не только подвез тебя до Стивениджа, но и купил тебе завтрак.

Он посмотрел еще раз.

— Ты забыл заплатить мне за стихотворение.

Панда тоже обиженно посмотрела на меня. Коляска была задраена шнуром и брезентом. Делф носил модную куртку и галстук под пальто-дафлкотом.

— Ты читал сегодня вечером?

— Читал? — сказал он. — Ну, я полагаю, ты зря назвал это именно так. Заведение было полно, но когда я послал шляпу, она вернулась с шестью фунтами пятьюдесятью четырьмя немецкими марками и канадским центом с дыркой. Иногда я думаю, что соберу все это в последний раз и устроюсь учетчиком на вельветовую фабрику, но они все закрылись. Завтра я возвращаюсь в Доггерел-банк, но сегодня мне негде остановиться, так что мне придется толкать эту праздную панду повсюду до рассвета. Человек, который собирался поселить меня в Кэмден-Тауне,

выгнал меня, потому что я нравился его жене. Где ты живешь?

Я предложил сигарету, и он попытался взять две.

— Я сплю над гаражом моего работодателя. Это было бы бесполезно.

— Я теряю веру в людей, а это плохо для поэта. Я не знаю, что мне делать. Никто больше не рад оказать мне услугу.

Я разозлился.

— Когда ты в последний раз оказывал кому-нибудь услугу?

Проходя мимо, полицейский посмотрел на нас. Будучи молодым, он не знал, пожелать ли мне спокойной ночи или отвести на допрос.

— Мне? Сделать кому-то одолжение?

Я слышал, как где-то за Мэрилебон-роуд кружила машина скорой помощи.

— Ты можешь время от времени дарить кому-нибудь стихотворение. Тебе это не повредит.

— Это мой хлеб с маслом. Мои стихи бесценны и драгоценны.

— Полагаю, ты даришь их только тем девушкам, которые спят с тобой.

Он прищурился.

— Как ты догадался?

Связка тряпок с веревкой, густая седая борода вверху и медуза портянок внизу, передвигались по дороге, пиная картонные коробки в подъездах магазинов. Четыре пухлых пластиковых мешка, похожие на дирижабли на причале, свисали с кого бы то ни было, мужчины или женщины.

— Таких людей следует запирать на всю жизнь, — воскликнул Делф. — Это место кишит ими.

Связка тряпок, ярдов в ста на другой стороне дороги, остановилась. Он расстегнул полиэтиленовые пакеты, порылся в одном и достал сигару.

— Я правильно расслышал? — крикнул он ясным, громким и почти без акцента голосом. — Или мои ожесточенные уши обманули меня? Не хочет ли мой бессердечный товарищ попытаться заткнуть мне рот на всю жизнь?

— Тебе лучше бежать, — сказал я Делфа. — Он похож на сына Джека Календаря.

— Я придушу этого ублюдка, — сказал Делф. — Он не будет со мной так разговаривать. Он должен проявить некоторое уважение к поэту.

— Оставь его.

Но он уже был на полпути через дорогу с поднятыми руками, и следующее, что я помню, — удивительно проворный кулак, вылетевший из кучки тряпок, и Делф, после достаточно драматичного крика, лежащий

на тротуаре. Полагаю, в мире еще осталась хоть какая-то справедливость, но когда Связка Тряпок поднял свои портянки с лентами и наступил Делфу на лицо, я оттолкнул его с такой силой, что он чуть не разбил стеклянное окно автосалона. — Хватит, — сказал я. — Отвали.

Он посмотрел на меня, закуривая сигару. — Согласитесь, я все сделал правильно.

— Думаю, да. Но не пинай человека, когда он лежит, даже если он сделал бы то же самое с тобой.

— Разрешите представиться, — сказал он. Затем он отступил. — Нет, лучше не буду. Если хотите, зовите меня сэр Пластик Бэгг. Достаточно сказать, что один вечер в неделю я выхожу посмотреть, как живет другая половина человечества. У меня нет половой жизни, что еще я могу сделать? Мадам отправляет меня куда-нибудь, и мне это нравится. Это как в детстве оказаться в дерьмовой яме, старина. Так приятно познакомиться с тобой.

— Я собирался предложить тебе пятерку, — сказал я.

— Не беспокойтесь. Я буду дома к завтраку. Зная мои склонности, Министерство обороны дает мне выходной каждую неделю, чтобы я мог поспать. До свидания. Я слышал, на Стрэнде богатая добыча.

Это был разрушительный опыт. Человек медленно узнает, что происходит в мире. Делф вернулся со своей коляской-пандой.

— Пусть это будет для тебя уроком, — сказал я.

Он вытер побитое лицо, и мы стояли, не говоря ни слова. Время от времени по дороге проезжала машина. Он потянул за веревку, прикрывавшую его коляску.

— Я подарю тебе стихотворение. У меня есть только стихотворение. Тебе это понравится.

— Оставь для кого-нибудь другого.

Мне было не до стихов, но я вспомнил, что ему некуда идти, и вытащил из бумажника двадцатифунтовую бумажку.

— Возьми это, чтобы найти где-нибудь кровать. Можешь одолжить ее до тех пор, пока у меня не возникнут проблемы и я не захочу, чтобы ты мне помог.

Он подбежал к освещенному окну и посмотрел на ассигнацию, затем вернулся и протолкнул свою повозку с пандой на несколько ярдов по дороге. Я решил, что если он уйдет, не поблагодарив, я разнесу его фургон-панду на куски.

Он был в слезах, чертов актер.

— Я никогда этого не забуду. Я знаю, что ты небогат, и ценю это больше, чем когда-либо. И спасибо, что спас меня от этого безумца в

лохмотьях. Можно мне твой адрес?

С Делфом нужно было думать быстро. — Меня там уже завтра не будет. Думаю, увидимся через некоторое время. Я мог бы зайти к тебе в Доггерел-банк.

— Ну, тогда будь здоров, приятель. И большое спасибо.

Он пошел вверх по улице, а я дошел до Трафальгарской площади и поймал такси, которое отвезло меня в мою уютную комнату над гаражом в Илинге.

Глава 17

Деловые поездки, в которые меня отправлял Моггерхэнгер, в основном заключались в коротких перелетах на Нормандские острова, откуда я возвращался с сотнями золотых крюгеррэндов, зашитых в игровые карманы моего сшитого на заказ стрелкового пальто. Бог знает, что подумали таможенники, когда сюда стало приезжать так много спортсменов и охотников. Словно карибу стал бедой Джерси, а олени топали по Гернси. Они просто любили помидоры, я мог бы им сказать, если бы они захотели спросить.

Всего я совершил шесть поездок, получая бонус в сто фунтов в конце каждой, и вскоре у меня на счету было почти пара тысяч. Мы пошли на риск, с единственным условием: если нас поймают, мы должны были сказать только то, что это был наш первый раз и что мы одни. У нас были различные клочки бумаги, подтверждающие это, и подтверждение наличия банковского счета на Нормандских островах, на котором лежало десять фунтов. Это было сделано так, чтобы ничего нельзя было проследить до самой Большой Фирмы. Однажды утром Моггерхэнгер позвонил мне и сказал, что хочет, чтобы я через пару дней отправился в Новый Свет.

— Где это? — спросил я.

— Ты справишься, — сказал он, когда перестал смеяться. — Это особая миссия в Торонто, и мне нужен кто-то, у кого есть голова на плечах.

Я никогда не мучился над принятием решения в надежде, что однажды приму правильное решение. Как бы то ни было, но когда я собирался лететь на час дня в Америку, меня вывело из себя то, что мне было очень трудно поймать такси, и я добрался до терминала аэропорта только в половине двенадцатого. Когда я спросил Алису Уипплгейт, почему Кенни Дьюкс не смог отвезти меня туда на «Роллере», она ответила, что он находится в больнице, замотанный бинтами, после того

как сообщил полиции, что упал на ящик с разбитыми бутылками на Бейтманс-аллее.

Самолет задержался, и в три часа мы все еще находились в зале ожидания аэропорта. Я выпил дюжину чашек кофе, пролистал «Дейли телеграф» от начала до конца и завидовал седобородому мужчине в очках, читающему толстую книгу под названием «Как мы живём сейчас», которая, судя по выражению его лица, говорила ему что-то, что он хотел бы знать.

В четыре часа я устроился на сиденье у окна в самолете компании «Сардинский Экспресс», а моя дорожная сумка типа портфеля была убрана на полку выше. Наш «Боинг 747» был настолько переполнен, что даже человека, размахивающего полностью оплаченным билетом первого класса, не смог бы взять на борт. Я думал, что лучше проведу неделю в море, чем буду путешествовать с четырьмястами людьми в таком случайном зале для собраний. Моим единственным утешением были мысли о миллионах долларов в дорожных чеках, заранее упакованных в мою сумку, и о той легкости, с которой я пронес их через таможеню. Мне дали понять, что эти деньги были платой за полученный с благодарностью товар,

— Вы не возражаете, если я займу ваше место у окна?

Она сказала, что ей нравилось смотреть наружу, поэтому я пересел на среднее кресло и прочитал потрепанную карточку с инструкциями по безопасности. Журнал авиакомпаний был таким же убогим, в остальном в «Сардинском экспрессе» все было хорошо. Четверо младенцев плакали из разных частей самолета, просто чтобы мы чувствовали себя как дома. Ситуация изменилась со времен славных шестидесятых, когда, нагруженный золотом для организации Джека Линингрейда, я путешествовал первым классом.

Поднявшись на высоту тридцати тысяч футов, мы пролетели над Бирмингемом, коттеджем «Пепперкорн», Манчестером и Шотландским нагорьем. Пилот объявил, что мы пересечем Атлантику по пятьдесят восьмой параллели, затем пройдем Лабрадор и Квебек. Я увидел верхушки облаков в виде цветной капусты в окне, когда женщина наклонилась вперед, чтобы взять что-то из своей сумки.

Каждая поездка для Моггерхэнгера заставляла меня думать, что она должна стать последней. Всего лишь его щелчок пальцами, и меня бы послали туда, где я уже был и оставили там на долгий срок. Раз уж вы начали на него работать, по всей своей глупости и наивности, вы продолжали до тех пор, пока он сам не отстранил вас. Я начал задаваться вопросом, не был ли Билл Строу его агентом по подбору персонала,

который рассказывал свои невероятные истории для того, чтобы кандидаты стояли в очереди на эту работу. Без сомнения, психолог Моггерхэнгера сказал ему, что те курьеры, которые верят в верность друзьям, не из тех, кто сбегает с золотом или деньгами, которые им приходится носить. Даже рэкетирам были нужны эксперты по трудовым отношениям, и всегда можно было положиться на кого-нибудь вроде доктора Андерсона, который продавал бы ему свои советы.

Возможно, математическая уверенность психолога развалится на части, когда она подвергнется испытанию плотью и кровью. Если каждый человек индивидуален, а это так, он не может быть прав насчет всех нас, если, к примеру, я пропаду в Торонто и начну все заново под новым именем, используя деньги из своей сумки. А не пошлет ли Моггерхэнгер кого-нибудь перерезать Андерсону горло? Или Андерсон защищался, добавляя в конце каждого отчета напоминание о том, что его выводы не гарантированы и что он не будет нести ответственности, если что-то пойдет не так? Такой человек никогда не оставался без хорошего адвоката, а это было очень жаль, поскольку мое возможное дезертирство не могло быть использовано и как способ свести с ним старые счета.

Признаком моего тревожного состояния было то, что я до сих пор не проявил интереса к женщине рядом со мной. Возможно, это потому, что она казалась такой обычной, но пара часов на борту самолета побудила меня рассмотреть ее короткие темные волосы и бледное лицо с такой прозрачной кожей, что под ней виделись следы вен. У нее был маленький нос, ямочка на подбородке и слабая вертикальная линия в самой середине нижней и слегка выступающей губы. Я понял это за несколько секунд обзора сбоку и из того, что я понял, когда она попросила меня пересечь, беспокойство, ее теперь казалось напрасным, потому что она прислонилась к окну и пыталась заснуть, подсунув одну руку под голову.

Неудовлетворенная своим положением, она проснулась и сморщила лицо от шума кричащего ребенка. Начало темнеть, и наступили сумерки, которые продолжались большую часть пути. Я предложил ей свою фляжку.

Она сделала несколько глотков, и я мог видеть движение ее прекрасного горла.

— Какая замечательная идея — брать это в путешествие.

— Я всегда так делаю, — я почувствовал, как ее тело коснулось моего, когда она снова уселась на свое место. — Если я еду поездом, у меня с собой набор для приготовления чая. Когда я в машине, у меня есть корзина от Селфриджа, а также палатка и спальный мешок. Мне нравится правильно расставлять приоритеты.

— Вы, должно быть, много путешествуете.

Я кивнул. — Если я не двигаюсь, я не живу. Я стараюсь уезжать из Англии каждый месяц или два. Когда я чувствую, что готов покончить с собой, я провожу то, что я называю учениями по спасательной шлюпке, то есть убегаю из страны, чувствуя, что люди вот-вот будут вешать таких, как я, на фонарных столбах. Однажды я в панике поехал на велосипеде к побережью и сел на корабль, направлявшийся во Францию. В другой раз я поехал автостопом в Шотландию. Иногда я вожу машину. Или я могу полететь по воздуху. Или я просто беру рюкзак и иду. Вы в отпуске?

— Это длинная история.

— Это долгое путешествие. — Я снова передал фляжку, после того, как немного отпил сам. — Я знаю, как себя чувствуешь. Когда я не могу написать ни слова из книги, которую пишу, я еду на неделю в отель «Хитклифф» в Йоркшире. Или в усадьбу в Корнуолле. Любое место меня расслабит. Сейчас я уезжаю в Торонто на пару дней. Сегодня утром я импульсивно приехал в аэропорт, потому что мне нужно было уехать. Я думал, что мог бы поехать в Рим или Израиль. Но прежде чем я осознал, что натворил, я купил билет в Канаду. Позже я поеду в Израиль. А вы?

— Это был прекрасный виски.

Единственная капля испачкала мои брюки, когда я держал фляжку вверх дном. — Рад, что вы оказали мне честь, наслаждаясь этим.

— Я возьму еще, когда придет стюардесса с тележкой.

— Я не это имел в виду, — серьезно сказал я. — Я слишком много пью в одиночестве, и мне это не нравится. Ночь за ночью я сижу с бутылкой лучшего спиртного, с задернутыми шторами, включенным светом, смотрю на свою пишущую машинку и не слышу ничего, кроме проезжающего мимо автомобиля. Я держу жалюзи задернутыми и включенным свет в течение дня, поэтому впадаю в депрессию и расклеиваюсь. Единственное, кто у меня есть в компании, — это собака. Сегодня утром я отпустил его, чтобы он питался овцами, пока я не вернусь. Мне плохо оставаться одному.

Она улыбнулась. — И все же это великодушно с вашей стороны поделиться своим виски.

— Самая естественная вещь на свете.

Я коснулся ее теплого запястья, правда, лишь на секунду. — Большую часть времени я живу в Кембриджшире. Десять лет назад я купил старую железнодорожную станцию и использую ее как джентльменский коттедж. Весной там очень хорошо.

— Что вы делаете?

Я ждал этого. — В каком смысле?

— Для жизни.

Я откинулся на спинку сиденья и подождал десять секунд. — Я писатель. — Что еще я мог сказать? — Другими словами, мошенник худшего типа. Я рассказываю истории, при этом лгу, и зарабатываю этим на жизнь».

— Прекрасный способ выразить это. Могу я узнать ваше имя?

— Майкл Каллен. — Я не мог солгать об этом. — Но я пишу под несколькими псевдонимами, например, Гилберт Блэскин и Сидни Блад.

Я добавил имена еще нескольких романистов с севера, но она сказала, что тоже о них не слышала.

— Наверно интересная жизнь. А я еду в Торонто, потому что я только что развелась и мне нужно куда-то поехать. У меня там сестра, так что хоть кто-то есть.

Самолет ворчал и трясся, а трансляция призывала нас пристегнуть ремни безопасности. Я встал, чтобы распутать свой.

— В кризис всегда лучше переезжать.

— Мой кризис закончился, — сказала она, — и худшего у меня уже никогда не будет. Это началось в тот день, когда я вышла замуж, пятнадцать лет назад. Мой муж имел квалификацию бухгалтера, и нас ждала долгая и счастливая жизнь. Признаюсь, меня это беспокоило, поскольку я только что покинула университет. Но я не думаю, что показала это. В конце концов, я была влюблена. И мы знаем, что это значит.

На особенно сильном ударе она схватила меня за руку. Тот факт, что она была напугана, выявил разные аспекты моего беспокойства. Я был рад, что она была в таком состоянии, но мне было грустно осознавать, что я мало что мог для нее сделать. Ребенок кричал уже десять минут, и все окружающие едва ли могли сказать матери, чтобы она вынесла его на улицу. Выдали наушники и начался фильм.

— Хотите посмотреть?

Она покачала головой.

— Проблема была в том, что чуть ли не с того дня, как мы поженились, он хотел уйти от меня, не знаю почему. Он мне не сказал, но я это почувствовала и поняла, что была права, когда он мне в конце концов это сказал. Мы ехали по Нью-Форесту, и он заблудился, и у нас произошла первая большая ссора. Потом он сказал мне это. Он сказал, что терпеть меня не может. Он хочет оставить меня. К этому моменту я не была уверена, что хочу остаться с ним, но не упомянула об этом. Я сказала ему, что если он хочет уйти от меня, он может это сделать. Если он был недоволен (а он был несчастен — я никогда не видел никого

настолько несчастным, чтобы он, оцепенев, сидел за рулем), то ему следует уйти, если он уверен, что хочет этого. Он расплакался и сказал, что не может.

Было очевидно, что брак обернулся катастрофой. Я даже не знала, люблю ли я его еще, и должна была предположить, что нет, иначе я бы оставила его тут же, чтобы он, по крайней мере, был счастлив, что больше не хочет покидать меня. Вы можете себе представить, будучи писателем, какой это был беспорядок.

Я спросила его, встретил ли он еще кого-нибудь. «Нет, — сказал он, — а ты встретила другого мужчину?» «Да, — сказала я ему, — я встретила другого мужчину, кроме того, за которого вышла замуж».

Он назвал меня шлюхой и спросил, как я могла быть неверна ему? Я не знала, что он имеет в виду, да и он тоже. Он был так потрясен, что мне пришлось уехать домой. Когда он был со мной, он был почти сумасшедшим, но я точно знаю, что в это время он совершенствовал свою профессию, преуспел в фирме и заработал много денег, подрабатывая для других работодателей. Какое-то время я думала, что жаль, что у нас нет ребенка, но, поскольку дела шли без улучшения, я чувствовала, что это к лучшему. Все это время у меня не было любовника, главным образом, я полагаю, потому, что он держал меня в том состоянии напряжения и страдания, которые парализовали меня и отпугивали любого мужчину, приближавшегося ко мне. Я почти уверен, что и с ним было то же самое, если только он не накосячил на одной из корпоративных вечеринок на Рождество.

— Почему вы его не выгнали?

— Я должна был это сделать, теперь я это понимаю. Когда я подумала об этом, я поняла, что с самого начала все было не так. У него была сестра, которая меня ненавидела, думаю, я знаю почему. Однажды я зашла к нему домой, до нашей женитьбы, но его не было дома. Его сестра была наверху, собираясь поехать на каникулы в Венецию, и, поскольку она была невротиком, мой звонок так напугал ее, что она споткнулась, спускаясь по лестнице, и сломала лодыжку. С тех пор она возненавидела меня еще больше, можете себе это представить. Я должна была воспринять это как знак и отказаться от всего этого, но, как я уже сказала, я была влюблена в него.

— Он похож на настоящего вампира. — Я подумал, что Сидни Блад гордился бы им. — Или, может быть, он просто ждал, что вы его вышвырнете.

Она говорила спокойно, как будто у нее в животе был лед.

— Это то, что я должна была сделать. Но я не могла. Он хотел уйти,

но не смог. Возможно, мы были влюблены друг в друга. Это было безнадежно. Может быть, любовь становится полной только тогда, когда партнер становится твоим врагом.

— Извините, — сказал я, — пока я это записываю. Возможно, я использую его для одной из своих книг. Вы не возражаете?

Слабый румянец залил ее щеки.

— Почему я должна?

Я пошел в бар и вернулся с двумя полбутылками шампанского. Правило номер один, изложенное в «Справочнике правил Моггерхэнгера», гласило, что нельзя злоупотреблять пьянством, но я решил его проигнорировать. Мы налили в пластиковые стаканы.

— Но он ушел, — сказала она. — Никто из нас не мог больше этого терпеть. Мы обсуждали это несколько дней. Мы как будто собирались уйти вместе. Это было безумно. Что его свело с ума, я до сих пор не знаю, но знаю, что я уже начала идти тем же путем. Я помогла ему собрать чемоданы, что он очень ценил. В воздухе витало больше дружбы, чем я когда-либо чувствовала. Если бы мы могли жить так каждый день, когда он всегда собирался и думал об отъезде, возможно, жизнь была бы сносной. Мы даже занимались любовью на диване лучше, чем раньше. Я не могла в это поверить. Он тоже не мог. Но он не мог изменить своего решения. Как глупый человек, давший слово, он не смог без нервного срыва выбраться из вырытой для себя канавы. К этому моменту я тоже не хотела, чтобы он передумал. Возможно, он действительно хотел остаться, но не сделал бы этого, если бы я ползала и пресмыкалась. Возможно, был шанс, но я был недостаточно сильна. Я была слишком измотана, чтобы принять это.

«Всему когда-нибудь приходит конец», — подумал я.

— За те несколько лет, что мы были вместе, можете себе представить, как часто у меня было плохое настроение. Это означало, что мы мало занимались любовью, потому что он считал невозможным заниматься со мной любовью, когда я была в плохом настроении. Конечно, это был именно тот момент, когда я хотела, чтобы он это сделал. Тогда я бы вышла из плохого настроения. Но когда я была в плохом настроении, он становился еще хуже, поэтому у него было еще меньше возможностей заниматься любовью. Он мог заниматься любовью только тогда, когда я была в хорошем настроении, что в данных обстоятельствах случалось нечасто, поскольку я не могла быть в хорошем настроении, потому что он всегда был в плохом настроении. А когда у меня случалось быть в хорошем настроении, несмотря ни на что, мне не всегда хотелось, чтобы он занимался любовью. Он тоже, чаще всего, не делал этого, но когда он

это делал, мне приходилось ему позволять. Иногда это срабатывало, но часто — нет. Только на этом фронте были бесконечные трения.

Я задавался вопросом, не была ли эта длинная история ее методом отпугивания мужчин, которые собирались затеять с ней игру. Если бы так, я бы снял перед ней шляпу, если бы она была на мне.

— В любом случае, когда наступил великий день, я помогла ему сесть в такси и поцеловала его на прощание. Я не спрашивала, куда он уходит. Это было легко. Я не хотела. Когда дверь закрылась и его увезло такси, я пару часов была в отчаянии, но потом начала поправляться. Я была счастлива. Мне нужны были деньги, чтобы жить, поэтому через два дня я устроилась на работу машинисткой в обычный офис. Зарплата у меня была маленькая, но я справилась. Это не было настоящей проблемой. На самом деле все было чудесно. Никто не мог понять, почему я так счастлива и спокойна. Я подружилась с одной-двумя женщинами и супружеской парой на той же улице. Я пригласила их выпить. Был даже мужчина, который, как я думала, мог бы мне понравиться.

Ну, вы уже догадались. Он вернулся. Однажды я нашла его на пороге, когда вернулась с работы. Мое сердце замерло. Я хотела убить его. Как только я снова встала на ноги, это должно было произойти. Мне хотелось развернуться и уйти, чтобы никогда больше не видеть ни его, ни дома. Если бы я только могла. Но я не могла. Клянусь, это не имело к нему никакого отношения. Просто я там жила. Что бы я ни думала, он вернулся. Чем дольше он отсутствовал, тем несчастнее он становился. Прошло всего три месяца. В духовном плане мы настолько походили на сиамских близнецов, что, возможно, его постоянные страдания были связаны только с мыслью, что я становлюсь все счастливее и счастливее.

У нас тогда произошла настоящая ссора, такая, какой у нас никогда не было. Это также не прояснило ситуацию и не положило конец нашим бедам. Все не так просто. Это сделало их еще хуже. Решения не было. Я пошла за ним с молотком. Нет, я не убила его, хотя это было бы прогрессом в нашей ситуации. Так или иначе, через две недели я ушла от него и больше не вернулась. Он все еще был на работе, я полагаю. Я забрала вещи и нашла себе другую комнату. Я договорилась о переводе в другой офис той же фирмы, в Сент-Олбансе. Через пару лет, когда он завел себе другую женщину — слава богу, я была этому очень рада — развод состоялся. Я теперь управляющая офисом, и мне дали продленный отпуск, потому что мне пришлось уйти. Я была очень спокойна, и, возможно, реакция была запоздалой, но тяжелый факт развода поразил меня как бомба, не из-за чего-то связанного с ним, а из-за чего-то внутри

меня. Теперь я абсолютно свободна и наконец знаю, кто я. Только я могу сказать себе, кто и что я, а не любой мужчина. Я очень хорошо живу одна. Мне даже удалось сэкономить, не экономя при этом на себе. У меня есть друзья, но нет ни одного друга-мужчины, которому я бы позволила стать моим любовником.

— Если вы так не любите мужчин, — сказал я, — почему вы мне все это рассказываете?

Она мгновение держала меня за руку и допила шампанское.

— Я не из тех, кто ненавидит мужчин. Просто у меня с мужчинами ничего хорошего не произошло, вот и все. В любом случае, вы писатель, и я могу с вами поговорить. Кстати, меня зовут Агнес.

— Рад познакомиться. — Я открыл вторую бутылку. — Я пишу роман под названием «Как мы живем сейчас», но застрял на середине. Вот почему мне пришлось уехать на несколько дней.

Самолет продолжал гудеть. Время от времени я просматривал фильм, который, казалось, был о бесконечной автомобильной погоне, время от времени машины превращались в огненный шар.

— Они дали мне премию на поездку, — сказала она, — и я поехала в Найтсбридж и потратила часть денег на нижнее белье.

Индикаторы ремней безопасности замигали, а воздушные ямы напугали ее. Они и меня напугали. Стратосфера потрясла Боинг, как пресловутый терьер трясет крысу. Дальше всё пошло как по бархату. Я не возражал против того, чтобы самолет развалился, но был бы признателен, если бы фюзеляж освещался во время падения.

— Нижнее белье — хорошая вещь, на которую можно потратить деньги, — сказал я. — Поддерживает прежний боевой дух. — Я положил руку ей на бедро, как мне показалось, совершенно незаметно, но она оттолкнула ее: — Это не для вас.

— Значит, это для вас, не так ли? — ответил я.

— Ох, черт, — сказала она, — поверьте мне, я больше не сяду рядом с писателем.

— То, о чем вы мне рассказали, требует больше времени, чтобы преодолеть, чем вы думаете.

Я задавался вопросом, наступит ли когда-нибудь время, когда таких страданий между мужчиной и женщиной не будет. Даже в Китае, сказал я ей, крестьянину и его жене не удалось избежать случайного удара серпом на рисовых полях, когда комиссар Красной бригады смотрел в другую сторону. Ни одна система не могла это вылечить, и я полагаю, что на самом деле она поддерживала нас, потому что иначе нам было бы смертельно скучно. Рискуя нажать врага на всю жизнь, я сказал ей и это,

и она сказала: — Вы мудрее, чем кажется!

На экране взорвалась еще одна машина, возможно, чтобы мы привыкли к мысли о грядущем разрушении самолета. Фюзеляж так скрипел, что я задавался вопросом, выдержит ли он нагрузку в течение следующих двух тысяч миль. Она не почувствовала, как я дернулся от ее замечания. Единственное, что остановило меня от удара по ее отбивным, была мысль о том, что сексуальное нижнее белье прилипло к ее бедрам и заднице. Я не мог понять, почему она сказала мне такую дерзкую вещь, если только идея презрения к мужчинам не уязвила меня настолько глубоко, что ей было все равно.

— Если бы я управляла авиакомпанией, я бы назвала ее Pornair и всю дорогу показывала бы похабные фильмы: одни понравились бы мужчинам, а другие — женщинам.

Она взяла меня за руку, когда самолет снова накренился. Кинопоказ закончился тем, что колонна легковых и грузовых автомобилей взорвалась одна за другой, и одновременно заплакали полдюжины младенцев, как будто мы чудесным образом по дороге взяли на борт еще несколько детей. Я подумал, что у пилота на приборной панели есть рычаг, который управляет кричащими детьми.

Зажегся свет, и запах запеченного мяса намекал на то, что контейнеры с едой находятся недалеко.

— Меня вырвет, если я не поем, — сказала она.

Я был голоден и жадно пожирал свой обед, как будто не видел еды целую неделю, хотя не забывал передавать ей лакомства из моего такого же блюда.

— Я буду в отеле Grand Park в Торонто. (Удар посередине). Я, вероятно, останусь только на две ночи, поскольку я человек беспокойный. Если я там дольше, я обычно держусь недели две или пока мне не надоест. Ваша сестра будет ждать вас?

— Она меня не ждет. Я позвоню ей из аэропорта. Если бы я заранее написала, что приеду, она, возможно, возражала бы. Если она не будет рада меня видеть, я поеду в Нью-Йорк. На всякий случай я получила визу перед отъездом.

Она не должна была знать об этом, но и я сделал то же. Как только Моггерхэнгер сказал «Канада», я сказал себе «Нью-Йорк», хотя он был уверен, что у меня такой плотный график, что я не смогу воспользоваться другой визой. Я сразу же отправился на Гросвенор-сквер с фотографией и заполненными документами и на всякий случай привел себя в порядок.

— Знаете ли вы, — сказала она, когда я заказал вино к еде и наполнил ее картонный стаканчик, — мужчина никогда раньше не пытался меня

напоить.

— В это трудно поверить. Я часто доводил до отчаяния свою жену, когда она была напряжена и не могла избавиться от плохого настроения. Лишь бы растопить облака. Она даже знала, что я делаю, и, простите за грубость, но траханья, которые у нас были после этого, были замечательными. Я чувствовал, как небо дотрагивается до моей задницы, пока я продолжал и продолжал. Затем она оказывалась на мне сверху, и ветер щекотал ее прекрасную задницу. Удивительно, что может сделать небольшое расслабление с помощью алкоголя. Однако я бы никогда не попытался разозлить женщину так, чтобы она не могла наслаждаться сексом. Я не скотина.

— Я знаю. Извините, но мне нужно пойти в туалет, меня тошнит.

Я толкнул старушку рядом со мной, которая подслушивала нашу непристойную болтовню, в проход. Звуки сдерживаемой рвоты Агнес по самолету было больно слышать. Возможно, встреча со мной оказалась для нее слишком волнующей. Я споткнулся о старушечий ридикюль и повел в туалет свою последнюю возлюбленную.

— Это чертовски отвратительно, — крикнул кто-то — пухлый парень в крикетной майке и шляпе со свиным пирогом.

Стюардесса, размахивая связкой ключей и прислонившись к чему-то похожему на стиральную машину, налила миниатюрную бутылочку водки в кружку с какао.

— В наши дни в самолетах летает кто угодно.

— Это не ее вина, — отрезал я. — Скоро такое случится со многими. Должно быть, нам подали плохую еду.

Моя рука, обхватившая Агнес за талию, прошла под ее пухлую грудь и отдернула ее назад. Я не могу воспользоваться женщиной в таком состоянии. Люди отодвигали подносы, их лица выражали сомнение в еде. Двадцать человек уже стояли в очереди у туалетов, но я втолкнул Агнес внутрь, как только вышла испуганная индианка, а затем встал на страже, слыша ее рвоту даже сквозь гул двигателей.

Не знаю почему, но, слушая ее почти ритмичную разгрузку, я закрепил твердое осознание того, что в Торонто меня ждет катастрофа. Моя жизнь была полна случаев, когда мои самые глубокие чувства, предупреждающие меня о грядущем гневе, игнорировались. Была ли это близость Агнес, я не знаю, но на этот раз я решил признать чувство, что мне готовится что-то неприятное, и принять меры, чтобы избежать этого.

Я вспомнил выражение отцовского лица Моггерхэнгера во время его последней инструкции в Лондоне. Кейс-атташе был передан запертым, и когда я попросил сообщить мне ключ, он сказал, что ключ мне не

понадобится, потому что они (кто бы они ни были: я был слишком низок в шестеренках международного мошенничества, чтобы мне об этом сказали) уже имели этот ключ. Он был уже известен в Канаде. Ключ был передан сообщением по телефону или телеграфу.

— А что, — спросил я, — если таможенники в Канаде захотят, чтобы я открыл его? Я не хочу оказаться на урановых рудниках. — На этот раз я не рассмеялся, а только слегка улыбнулся.

— Это риск, на который тебе придется пойти, — сказал он. — Это бизнес с высоким риском.

«Черт возьми», — пронеслось у меня в голове.

— Есть у тебя ключ или нет, не имеет значения, если тебя попросят открыть его. Скажи им, что ты его потерял. Если они его вскроют, то будут выглядеть просто глупо, потому что внутри нет ничего компрометирующего. Так что больше никаких вопросов, Майкл. Поверьте, они тебя не остановят. Это самая аккуратная маленькая работа, которую тебе когда-либо поручали, и она проще простого.

Я мог только предполагать, что платеж, который я должен был доставить, был фальшивыми банкнотами, и что я был соучастником плана обмана. Те, кто ждал платежа и верил в воровскую честь, не могли поверить в то, что, будучи отъявленным преступником, Моггерхэнгер не был таким вероломным, каким издавна было известно многим жителям Альбиона.

Возможно, я ошибался, и мое здравомыслие ослабло, но после того, как я представил возможный исход дела, я был полон решимости покинуть город как можно скорее — и как можно более тайно. С Агнес я был бы менее подозрителен, чем если путешествовал один, и поэтому задавался вопросом, не было ли то, что я притворяюсь испуганным, просто еще одним заговором, приготовленным моим подсознанием, чтобы затащить женщину в постель. Я старался не показывать своего смятения духа, опираясь на дверь, выходящую в болото, зная, во всяком случае, что я не влюбился так отчаянно, что рискнул бы собственным горлом, когда смогу добраться туда гораздо более безопасными способами.

На простыне, только что вернувшейся из прачечной, она была бы невидима, выйдя из туалета. Я лизнул ее запястье, не знаю почему, и она с благодарностью улыбнулась мне, пока мы шли к своим местам.

— Мой муж в таком случае выпрыгнул бы из самолета даже без парашюта, — сказала она, — но вы меня не бросили.

— С тобой все в порядке, уточка? — окликнул шутник с ноттингемским акцентом (их можно было встретить повсюду) и сказал,

что ей следовало бы делать свои дела в пакеты в кармане переднего сиденья, как сейчас это приходится делать другим.

— Она тебя облюет, приятель, если ты не будешь осторожен, — ответил я еще более грубо.

Он повернулся к жене. — Бледди, черт возьми, на борту был еще один ноттингемский оборванец. Чудеса никогда не прекратятся!

Я смеялся, пока мы садились на свои места.

— Однако мне очень стыдно, — сказала она.

— Не заставляй меня жалеть тебя. В конце концов, ты всего лишь болела.

Я поцеловал ее холодные губы, и она взяла меня за руки за то, что я был к ней добр. У меня было такое ощущение, будто мы женаты уже десять лет, такое невзрачное и возбужденное ощущение, что опасность, в которой я окажусь, когда доберусь до Торонто, снова приблизилась ко мне. Мои подмышки вспотели от ужаса. Я не продумывал шаг за шагом, как мне избежать грядущей беды, но эта картина разыгралась передо мной к тому моменту, когда прекрасная голова Агнес легла мне на плечо, пока мы плыли над лесами Канады. Когда она проснулась, я предложил поехать в Нью-Йорк через Ниагарский водопад, и ее образ занял особое место в моем фотоархиве. Я никогда не видел лица, в выражении которого не было бы ничего, кроме безоговорочного принятия моего добродушия, — хотя мне также пришло в голову надеяться, что, если в Торонто что-то пойдет не так, мы не окажемся вместе подо льдом.

Словно мы планировали это несколько месяцев, мы болтали о том, как добраться до Соединенных Штатов. Я рассказал ей все и объяснил, какая опасность мне грозит, но она засмеялась так, будто я как писатель сочинил историю, чтобы отвлечь ее от недавней болезни. Чтобы сделать жизнь безопаснее для нас, а особенно для нее, я бы поселился в отеле и доставил то, что привез для Моггерхэнгера. Я бы, при первой возможности, вышел из отеля погулять и больше там своего лица не показывал. Я приготовился провести встречу со всей смелостью, на которую способен британский мошенник. Агнес будет ждать меня на вокзале Юнион через три часа после нашего приземления, то есть в половине пятого дня по времени Торонто.

Глава 18

Моггерхэнгер был прав. Канадская таможня не открыла мой багаж. Я не знаю, почему я родился с таким подозрительным умом. Тем не менее, как только я освободился от иммиграционного контроля, я купил карту

города и спланировал свою кампанию. Мне достаточно было представить Билла Строу на моем месте, чтобы понять, как следует поступить, хотя почему я должен относиться к этому ублюдку с такой дружеской привязанностью, когда именно он втянул меня в эту неразбериху, я никогда не узнаю. Тем не менее, я бы все отдал за болтовню и выпивку с ним, даже если бы он не мог перестать хвастаться тем, что чуть не уничтожил полбатальона Шервудских лесников в Нормандии, прежде чем понял, что они на его стороне.

Я взял такси до вокзала Юнион, сдал чемодан в камеру хранения, затем встал в очередь и купил два билета до Ниагарского водопада. Я купил новый чемодан, в который бросил несколько журналов из мусорной корзины, а после этих небольших дел по выживанию поехал на такси в отель «Гранд Парк». По прибытии я вышел из такси с сигарой беспощинной торговли во рту и целлофановым пакетом с позвякивающими бутылками из-под выпивки, как будто я приехал прямо из аэропорта. Мой короткий плащ казался бумагой на резком ветру, и я был рад дойти до вестибюля, где мне сказали за стойкой, что мой номер ждет меня. Когда я встал, стало ясно, что компания «Pole Axe Tours» присматривает за теми, кто выполняет работу Моггерхэнгера. Там были две кровати, письменный стол, шкаф для одежды, ванная комната и — я с трудом мог поверить, что будущее сбывается так быстро — большой цветной телевизор, который показывал бы порнографические фильмы, если бы я позвонил продавцу кабельного телевидения. В списке названий в буклете было несколько избранных лент, и у меня потекли слюнки, когда я спрашивал: «История О», «Красавицы Кораллового острова» или «Дьявол».

Звонок телефона подсказал, что меня ждут другие дела. Мне сообщили, что мистер Харроу в кофейне хотел бы увидеть мои образцы, поэтому я взял сумку и спустился вниз, довольный скоростью событий — хотя в ударах моего сердца было достаточно силы, чтобы запустить паровой двигатель.

Со своей маленькой бородкой, ему следовало бы продавать жареного кролика. Я встретил взгляд его стеклянных глаз плюшевого мишки и протянул руку, чтобы меня за нее потрясли. — Приятно познакомиться, мистер Харроу.

Его борода дернулась. — Я его клерк. Не надо имен. Харроу — вот тот парень, в красно-белом шарфе.

Светловолосый парень лет тридцати сидел перед пустой тарелкой через пару столиков.

— Через пять секунд после того, как он пошевелится, — сказал

Эспаньолка, как будто в его горле был миниатюрный магнитофон, — встаньте и следуйте за ним к его «Линкольну Континенталь», припаркованному снаружи. Он отвезет вас по Университи-авеню. Вам не нужно вовлекать его в разговор. Когда он остановится на светофоре, выйдите, но оставьте сумку в машине. Ваша работа окончена. Идите на север, обратно к отелю. Вы сможете уйти. Повторите то, что я сказал.

Я сказал ему ерунду.

— Я слишком стар, чтобы играть в такие игры.

Он встал.

— Надеюсь, что нет, если ты хочешь стать старше. Но удачи и хорошего дня завтра.

Он вошел в вестибюль, а я не спускал глаз с Харроу с красным шарфом. Мне нравилось путешествовать, хотя я часто чувствовал себя одиноким, пока не добирался до таких ярких событий, как это. Харроу встал, и, когда секундная стрелка моих часов прошла более пяти делений, я последовал за ним. Портье открыл заднюю дверь «Линкольна», и я вложил ему в руку доллар. Похоже, наступил дневной час пик, если только так не было всегда. Я видел только затылок Харроу и два глаза, когда он посмотрел в зеркало, чтобы убедиться, что я не тычу пистолет ему в шею и не прошу отвезти меня в Ванкувер.

Он остановился на светофоре на середине Университи-авеню. Я вышел и отправился на север, как было приказано. Но, не могу слишком часто подчеркивать, я родился не вчера, даже в Северной Америке, потому что на первом перекрестке я свернул направо на Йонг-стрит и сел на такси до станции Юнион.

Агнес ждала у входа на платформу, и мы бросились навстречу друг другу, как молодые влюбленные, которые неделю не виделись. Я дрожал от страсти и страха, задаваясь вопросом, как долго мой часовой механизм будет работать лучше, чем часовой механизм тех, кто будет преследовать меня, как только они откроют мою сумку и увидят, что им заплатили фальшивыми деньгами. С другой стороны, я не мог быть уверен, что с этой сделкой что-то не так, а только то, что у меня чесотка на пятках из-за примитивного страха в желудке.

Поезд тронулся, дрожа и грохоча сквозь море огней, а вокруг — сверкающая кондиционированная радужная страна. Агнес была рядом со мной, и я не думал о том, чтобы заняться любовью, как будто мы знали друг друга достаточно долго, чтобы уже оставить подобные вещи позади. Возможно, произошло невообразимое, и я рос или старел, пока мы летели в страну свобод и возможностей.

— Могу ли я вам кое-что сказать? — спросила она после того, как мы

ехали уже час.

Я кивнул.

— Мне кажется, я влюбилась. Не отвечайте. Меня не волнует то, что вы говорите, но я думаю, вы должны знать, что я чувствую. Впервые я узнала об этом, когда осталась одна в туалете «Боинга» и выплеснула свой желудок. Разве не смешно, что это началось именно в этот момент?

Я прижался ближе. — Это должно было когда-то начаться.

— И жизнь с тобой была так интересна, что я ни разу не подумала о своих скучных старых проблемах.

— Я делаю все, что могу, — сказал я.

— Я признаюсь в другом. Я решила, что я попытаюсь забеременеть.

Мои глаза сохраняли выражение обожания и в то же время искали запасной выход. Двери не было видно.

— Действительно?

— Может быть, это и не сработает. Возможно, в том, что я так и не смогла иметь ребенка, виноват мой муж, а не я. Но кто может сказать? В любом случае, я подумала, что если во время отпуска встречу хотя бы приличного мужчину, я пересплю с ним и буду надеяться забеременеть. Мне тридцать восемь, и если я не попробую сейчас, будет слишком поздно.

Возможно, я был джентльменом от природы, но я также был ошеломлен. Обычно это я говорил, что влюблен, и потоком глупой болтовни уговаривал женщину лечь спать. Уловка Агнес, заявившая, что она хочет заниматься любовью только для того, чтобы забеременеть, была столь же идеальной, как и все, что я мог придумать, чтобы уложить женщину в постель. Я снова пожалел, что не могу снять перед ней шляпу, потому что какой мужчина сможет отказаться от такой искренней и сердечной просьбы?

— Теперь, когда мы уехали вместе, — продолжала она, — я подумала, что буду честна и сообщу тебе, что тебя ждет. Если я забеременею, тебе не придется беспокоиться об ответственности. Я обо всем позабочусь. Просто ты тот, кого я выбрала.

— В комнате приятно пахнет после всего, что мы в ней сделали.

Она надела брюки, но вернулась, и я взял ее за волосы, поцеловал в шею и провел рукой по мягкому материалу, скрывающему более мягкую кожу.

Мы съели канадский завтрак, состоящий из свиных сосисок, кексов и кофе. Как только я увидел водопад, льющийся с пропасти, я понял, что она беременна. Если бы не проволока, я бы упал в кипящие брызги.

— Неудивительно, что сюда приезжают молодожены, — сказал я. — Женщине достаточно взглянуть на такую массу воды, чтобы зачать ребенка. Неужели в мире недостаточно детей? Да-да, все кричат в ответ, но они не мои.

Мы перешли мост и пошли на юго-запад через источник Новой Англии. Хотя я лежал на сиденье автобуса в облаке сумасшедшего увлечения и смотрел на чудесные пейзажи, другая часть моего разума сортировала варианты относительно того, какую форму примет охота на меня. Когда мальчики в Торонто, открыв сумку, обнаружат фальшивые деньги и позвонят в отель, чтобы узнать, что меня там нет, они решат, что я улетел первым же самолетом из аэропорта. По времени они могли угадать с точностью до полуднюины разных пунктов назначения, куда я отправился, но в каждом из них я мог пересесть на другой самолет, так что мне удалось уйти, если только пара самолетов не улетела в Нью-Йорк примерно в это время. На всякий случай, когда мы доезжали до автовокзала, я садился на следующий автобус, следующий в Филадельфию. Моим главным кошмаром всегда было попадание в ловушку, поэтому те немногие, в которые я попал, были такими смертоносными. Мне никогда не нравилась мысль о том, что люди ждут, чтобы причинить мне вред. Когда автобус отъехал, мне показалось, что я увидел, как Харроу побежал к нему, чтобы сесть. Мои два пальца поднялись в знаке V, и мужчина погрозил кулаком мне, сумасшедшему, которого он никогда раньше не видел.

Агнес не стала сомневаться в моем плане. — Я чувствую себя цыганкой, общаясь с писателем, которому нужен материал только для своей следующей книги.

Ложь пригодилась, хотя я решил признаться, как только мы вернемся на родину. — Я очень нервный человек.

— Я должна быть уверена, что у меня будет ребенок. Возможно, нам понадобится еще несколько попыток.

Я задавался вопросом, какие еще у нее планы на меня, и почувствовал себя нездоровым и суеверным. — Может быть, мне придется вернуться в Англию раньше, чем я думал.

Она держала меня за руку, прижимаясь ближе. — Если бы ты смог провести еще одну ночь или две, я была бы очень рада.

— Я не хочу идти. Я не могу объяснить полностью, но я должен.

— Все в порядке, — сказала она. — Я полечу обратно в Торонто и повидаяюсь с сестрой, а оттуда поеду в Англию.

На полпути к Филадельфии мы на три ночи остановились в мотеле. Мы были в безопасности, хотя прошло некоторое время, прежде чем я

потерял чувство опасности. Я сказал менеджеру и его жене, что мы женаты всего неделю и собираемся путешествовать по стране. Мы любим эту страну. Это великая страна. Мы никогда не знали такой сказочной страны.

— Вы еще ничего не видели, — сказал мужчина. — Америка — величайшая страна на Божьей земле.

Они прекрасно относились к нам и до смешного ясно давали понять, что хотят оставить нас в покое, насколько это возможно. Я не мог припомнить столь чудесного времени в великих Соединенных Штатах с их логовищами в джунглях и горными хребтами. Мы действовали так, как будто меня утром все равно собираются повесить, и когда она сказала: «Мы обязательно позаботимся о моем ребенке», я так рассмеялся, что она даже засмеялась вместе со мной, что показало, насколько мы были влюблены.

Я сел на автобус до Филадельфии, а она уехала в противоположном направлении, в Нью-Йорк. Разлука оказалась тяжелее, чем мы думали, и это было худшее из случайности. Она хотела попросить меня не ехать. Я хотел попросить ее поехать со мной. Мне промыли мозги из-за моей неспособности понять, что происходит. У меня было такое чувство, будто я совершаю самоубийство. Расставание с ней было пулей в моем мозгу.

Моя куртка была мокрой от ее слез, чего не случалось со времен Ноттингема. Ее блузка была мокрой вместе с моей. У меня было такое ощущение, будто я прошел через мясорубку и вышел другим человеком. Она ничего не сказала о том, что хотела бы увидеться со мной снова. На моей затвердевшей верхней губе появился волдырь. Одним из пунктов нашего контракта было то, что если она забеременеет, нашему роману придет конец. Несмотря на ее страстную натуру или, возможно, благодаря ей, я видел, что она имела в виду именно это.

— Ты уверена? — спросил я.

— Да, сказала она. — А ты уверен?

— Да, — сказал я ей. — Ты хочешь, чтобы я остался еще на ночь?

— Нет, — сказала она. — Хочешь, чтобы я осталась еще на ночь?

— Нет, — сказал я.

Она превращала меня в своего мужа, но я все равно любил ее. На самом деле она, должно быть, заботилась обо мне, если взяла на себя труд превратить меня в своего мужа — или в копию человека, в которого она превратила своего мужа. Несмотря на то, что я любил ее, я больше не хотел ее видеть снова. В ее чемодане, между нижним бельем, я оставил карточку с адресом, хотя и не надеялся ее увидеть. Я выполнил свою задачу так же, как она выполнила свою задачу, доведя меня так далеко и

не погибнув.

В Филадельфии был специальный рейс «Эйр Нимбус» в Лондон, где оставалось одно ковшеобразное сиденье, и с пачкой кредитных карт мне удалось проникнуть на борт. После взлета я был бы в безопасности, потому что в наши дни, когда так много террористов хотят окунуть руки в ведро с кровью, никто не может попасть на борт с острой бритвой в ручной клади.

Летать на «Джамбо» ночью было все равно, что находиться в длинном подвале под прачечной, выполняющем временную функцию бомбоубежища, и сидеть в нем до тех пор, пока ближайшее будущее не станет ясно. Через четыре часа я проголодался, но умные молодые стюардессы с суровыми лицами все еще продавали высокооктановый напиток, как будто желая, чтобы мы все были слишком слепы, чтобы знать, насколько отвратительной будет еда, когда она придет, или не волноваться, когда самолет начнет вращаться. Время от времени по трапу проносились подносы, но сначала ел летный экипаж, а затем бортпроводники. Запах еды был таким же фальшивым, как и музыка, тоже звучавшая как из консервной банки.

Люди стояли в очереди за напитками возле камбуза, и когда женщина указала на воду по всему полу, я сказал громким голосом, протискиваясь мимо: — Неважно, милая, лишь бы это был не бензин.

После еды я попытался уснуть. За окном были звезды, и на этот раз фильм представлял собой длинную сагу о горящих кораблях. Я пожалел, что не взял с собой несколько книжек Сидни Блада, чтобы скоротать время. Мои размышления об Агнес по мере того, как путешествие продолжалось, теряли свою интенсивность. Горе испарилось, хотя часы тянулись как недели. Была ли она всего лишь еще одной моей круглосуточной страстью?

Глядя из окна на зеленые поля Южной Ирландии, стюардесса потянулась к моему подносу с завтраком, на котором все еще лежала половина датской выпечки. Поскольку еда была одной из самых скудных в моей жизни, то, заметив ее намерения краем глаза, я остановил поднос в воздухе и отодвинул его назад. Она фыркнула и ушла. Джентльмен, сидящий через несколько мест впереди, будучи несколько более слабым, чем я, вынужден был, хотя и после несколько энергичной борьбы, отдать последние крошки своего черничного кекса этой решительной молодой женщине. У них был график, которого нужно было придерживаться, и ни один проклятый пассажир не должен был его портить.

Когда мы приземлились, я взял свой багаж с транспортера и направился к автомобилю.

Декларировать мне было нечего, но офицер таможни с топорным лицом подозвал меня и сунул свое удостоверение к моим глазам, как будто мне нужно было пройти тест на грамотность, прежде чем меня пустят в Чертоги Бога. Он заставил меня опорожнить чемодан и даже ощупал швы и подкладки. Я легко изобразил высокомерную ухмылку — у меня не было больше, чем сигареты «Филип Моррис» и виски «Джек Дэниэлс». Обыск был настолько тщательным, что я не мог отделаться от мысли, что кто-то, должно быть, сообщил ему, что я известный торговец гашишем. Однако никто не знал, что я вернусь, а те, кто знал, что я ушел, не ожидали, что я вернусь живым. Он заставил меня вывернуть карманы, а когда ничего не нашел, попросил показать мою куртку. Мое терпение и выдержка, казалось, воодушевили его, но он остановился на личном досмотре. «Извините за неудобства», — сказал он.

Я вернулся. Осторожно, Моггерхэнгер. Я шел к такси сквозь прекрасный запах настоящего английского дождя.

Глава 19

Проезжая над эстакадой Хаммерсмит, темно-бордовый «роллс-ройс» сообщил мне, что я вернулся в Моглэнд. Пиндарри в водительском кресле носил свою смешную маленькую шляпу австрийского типа с пером набок, а сзади я узнал большую голову Моггерхэнгера. Он прислонился к окну и, думая о многом, не увидел меня. В данный момент я думал только о нем, и я подумал, что это плохая примета, что я вижу его так скоро после моего прибытия.

Хэрродс был на своем месте, и мне было приятно снова оказаться дома в безопасности. В квартире Блэскина, меня не встретил даже Дисмал. Я заметил пару писем на столе в гостиной.

«Дорогой Майкл, [первый сказал]!

Я решил сбежать. Я больше не мог этого терпеть. Не то чтобы Гилберт не джентльмен. Он определенно таков, если обращается с миссис Драддж. Мы хорошо провели время вместе. У меня было столько еды и выпивки, сколько я хотел, но как только я закончил писать рассказ о Сидни Бладе, я потерял интерес к жизни здесь и захотел уехать. Другое дело, что миссис Драддж доставала меня. Каждый раз, когда я клал ей руку на задницу, она подпрыгивала на милую, как будто я собирался ее изнасиловать или как будто я не достоин прикасаться к такому человеку, как она. Я спрашиваю, что это за жизнь? Полагаю, она не знала, что это был всего лишь дружеский жест. Еще она жаловалась, что я неправляю постель. Яправляю постель! В любом

случае, я знал, что здесь будет находиться либо она, либо я, и, поскольку я не хотел причинять неудобства майору Блэскину, сержанту Строу пришлось вернуться в пустыню и жить под огнем. Ну, это вносит изменения в мою дальнейшую жизнь.

Другое дело, что вчера я так разозлился, что пошел прогуляться до Хэрродса. Ты знаешь мою слабость к этому месту, и я пошел осмотреться. Я увидел эту подушку Коттапили в отделе игрушек, покупающего пожарную машину. У него лучшая коллекция игрушечных пожарных машин из всех, кого я знаю. Он очень странно относится к пожарным машинам, даже не понимаю, почему. В любом случае, я не думаю, что он меня видел, но я не уверен. Если это случилось, то только вопрос времени, когда они придут и заберут меня, или предупредят банду «Зеленых Ног», чтобы они могли прийти и забрать меня. Жизнь нелегка, Майкл. Этого никогда не было, по крайней мере, для тебя, искренне, искренне говорю. О, и еще кое-что. Я забрал Дисмала. Я сожалею об этом. Я знаю, что ты любишь его, но для меня это вопрос жизни и смерти. Куплю в лавке для слепых белую палку и в темных очках и поднятом воротнике пальто, как на картинках, буду предметом жалости и уважения для всех прохожих. Более того, у меня будет непроницаемая маскировка, и я смогу вытащить лишний пенни или два, если я не думаю, что безопаснее пойти в свою комнату и помочь себе найти надлежащее финансовое обеспечение из-под половиц. Если я обнаружу, что не могу с ним справиться, я положу его в корзину и отправлю обратно к тебе британской железной дорогой. Я знаю, что это риск, потому что он вполне может оказаться в депо Суиндона, бегая туда-сюда за чайными пакетиками. Хотя я постараюсь присматривать за ним. Надеюсь, поездка в Канаду прошла спокойно. Увидимся как-нибудь.

Твой старый приятель Билл

PS. Вполне вероятно, что к тому времени, когда ты прочтешь это, я буду на каком-нибудь острове в южной части Тихого океана, где улыбающаяся молодая девушка в травяной юбке и без топа будет подавать ананасовый бренди.

Другое письмо, также написанное рукой Билла, было из тюрьмы Линкольна, на официальной бумаге:

Дорогой Майкл,

Меня арестовали, но меня отпустят, если ты отправишь двадцать пять фунтов штрафа по вышеуказанному адресу. Я объясню позже.

Билл Строу

Мне потребовалось много времени, чтобы обдумать это, но его

опасность была также и моей, поэтому пять минут спустя я положил деньги в конверт вместе с сопроводительной запиской. Затем я вышел и бросил его в почтовый ящик, чтобы письмо пришло на следующее утро. Мне нужны были все друзья, которых я мог найти. Если я быстро не встроюсь в какую-то систему защиты, мне придет конец, потому что все, что пошло не так в Канаде, рано или поздно будет иметь для меня неприятные последствия. Мне хотелось выброситься из окна и удариться о землю пятью этажами ниже. Если бы я знал, что Моггерхэнгер будет стоять внизу, я бы так и сделал. Но поступить иначе было роскошью, которую я не мог себе позволить. Мне просто нужно было выжить. Мои ноги не касались земли, а душа — неба почти неделю. Я вспоминал Агнес как поллюцию, на которую я всегда надеялся, что она сбудется, пока я засыпал, и мне пришлось ущипнуть себя, чтобы поверить, что я ее видел, хотя без нашей встречи в самолете я бы пошел навстречу своей смерти в Торонто. Она спасла мне жизнь. Телефон зазвонил, я поднял трубку и ответил:

— Нью-Скотланд-Ярд, чем могу вам помочь?

Он или она повесили трубку.

Я хотел быть с Агнес и обнимать ее, но она, вероятно, уже была на Гавайях, эмоционально путешествуя по миру. Телефон снова зазвонил.

— Музей естественной истории. Говорит главный смотритель, могу ли я вам помочь?

— Мистер Каллен, вы говорите несерьезно. — Я узнал меланхолический голос Мэтью Копписа. — Я звоню из поместья Сплин, просто чтобы сообщить вам, что мое расследование деятельности лорда Моггерхэнгера продвигается быстро и по плану.

— Это очень хорошо, — сказал я. — Просто продолжай в том же духе.

— Спасибо за поощрение, мистер Каллен.

Через мгновение после того, как я повесил трубку, телефонный звонок зазвонил снова. Я начал думать, что я дома.

— Майкл Каллен слушает.

— Это лорд Моггерхэнгер. Приходи и сделай свой отчет. Таможенники сказали мне, что ты дома.

Я был так поражен, что не знал, что сказать.

— Я немного устал.

Он усмехнулся. — Вполне возможно, Майкл. Я не жесткий человек. Возьми отпуск на семьдесят два часа. Тогда я захочу увидеть тебя.

Он повесил трубку. Я повесил трубку. Это было достаточно взаимно, чтобы удовлетворить мою честь. Он ожидал, что я прибегу. Пусть он

подождет. Я не был лондонским голубем, чтобы есть из его рук. Я бы побежал, когда он это сделал. Я нашел в холодильнике полбутылки вина и выпил немного. Путешествие по воздуху не только изматывало меня, но и вызвало жажду.

Бродя по квартире, я увидел первые тридцать страниц дерьмового романа, который я написал для Блэскина. Круг цвета хаки показывал, куда Билл поставил свою кружку с чаем, а целлофановая обертка от дешевой сигары между страницами подсказала мне, что он это прочитал. Под последней строкой он написал карандашом: «Ты можешь добиться большего. Недостаточно дрянно, старина».

Пишущая машинка успокоила бы мои нервы, поэтому ценой больших усилий я вывел свою заблудшую парочку из коттеджа Тиндербокс в лабиринт, подобный тому, что был в Хэмптон-Корте. Муж искал любовника, любовник искал свою девушку, девушка искала любовника, и они оба искали мужа. Я продолжал это на нескольких страницах, чтобы выдержать боль и напряжение, а в середине этого раздела я напечатал первые главы Книги Бытия наоборот. Я также скопировал несколько абзацев из книги некоего Пруста (одного из любимых Блэскина) и закончил главу, чтобы начать следующую в Пепперкорн-коттедже.

Я уже был готов продолжить, но вошел Гилберт с высокой худощавой женщиной, которую он представил как Марджери Долдрам.

— Я рад видеть, что ты работаешь. Я считаю, что этот мусорный роман — очень хороший план. — Он рассказал об этом Марджери, разливая напитки. — Я никогда не думал, что у меня будет сын, который поддержит меня в моих невзгодах.

Он беспокойно ходил из кухни в гостиную, из спальни в кабинет, оставляя все двери открытыми на случай, если у него одновременно забеременеет еще одна книга и у него начнутся схватки. Я рассказал Марджери о своей поездке в Канаду, особенно об Агнес, и она подумала, что я злюсь или лгу, или и то, и другое. Сама она в моих глазах не казалась такой уж стабильной, но это потому, что она была знакома с Блэскиным. Он вернулся с главой своего романа, положил ее на стол, а затем принялся за работу, пытаясь открыть бутылку с чернилами — так неуклюже, что Марджери посмотрела на меня, как бы говоря: «Чего можно ожидать от такого мужчины-шовиниста?»

— На следующих выходных меня пригласили в коттедж Джека и Прю Хогваш в Уилтшире, — сказала она. — Почему бы тебе не прийти, Гилберт? Если хочешь, приведи Майкла. Будет настоящая вечеринка.

— Я бы не хотел, любовь моя, — он продолжал возиться с бутылочкой с чернилами. — Месяц назад меня пригласили к Роланду

Хэмстриту, и, к моему вечному сожалению, я пошел. Я потратил слишком много часов своей драгоценной жизни в его коттедже по выходным. Терпеть не могу этого грабителя-обнимателя. Если по улице проезжает трактор, все, что вы видите в окно, — это протекторы шин, поднимающие грязь, как воду с мельницы. Майкл, почему, черт возьми, ты так плотно закрутил крышку этой бутылки?

Должно быть, это был Билл Строу после того, как он написал свое письмо. — Позволь мне открыть ее, — предложил я. Но он отказался.

— Ходите из одной комнаты в другую, идиотски улыбаясь, потому что вы только что пережили одну из их дурацких игр в салоне, и ваша голова прилипает к одной из балок, как кусок кожи. Попробуйте посреди ночи найти туалет, и вы окажетесь в собачьей конуре. Это единственная комната в доме человеческого размера. Однако, если взорвется бомба, я полагаю, что коттедж будет самым безопасным местом. Половина населения будет спасена, потому что крыши слишком низкие и выдержат взрыв.

— Ой, прекрати, — сказала Марджери. — Меня от тебя тошнит.

На что я понял, что у нее тоже есть коттедж.

— Большое спасибо, Марджери, но я терпеть не могу коттеджи. — Он открыл бутылку с чернилами, но так внезапно, что залил половину своей последней страницы. — Теперь посмотри, что я натворил, целая неделя работы пропала. — Он посмотрел на меня избалованным, злобным взглядом. — Майкл, ты идиот, как ты мог это сделать?

— Ты слишком много говоришь, — сказал я без злобы, желая только отвлечь его от аварии. — Я же попросил тебе позволить мне это сделать.

Марджери весело рассмеялась, и желчь Блэскина взяла верх.

— Ты все еще здесь, да? Почему бы вам не пойти с Вейландом Смитом и не посмотреть, как он добывает материалы о великой банде контрабандистов, которая угрожает нашему национальному существованию?

Затем он повернулся ко мне. — Послушай, Джон Фитцбастард, уходи.

Я чуть не промахнулся по его кулаку. Он промахнулся по моему, потому что я особо не целился.

— С возрастом он становится все хуже, — сказал я себе, выходя из квартиры с чемоданом в одной руке и зонтиком в другой. Я зашел в лифт. Он побежал за мной, крича, чтобы я вернулся и закончил его треш-роман.

Верхний Мэйхем поздней весной был самым чудесным местом на земле, и покупка его была единственным, что я сделал правильно в своей жизни. Я добрался туда в сумерках, почти отставая от смены часовых

поясов, явно отвергнутый и совершенно удрученный, пока шел по переулку, пахнущему цветами и свежими полями, неспособный понять, почему я ответил на письмо Билла Строу два месяца назад и отказался от такой удобной берлоги.

В вечернем теплом воздухе танцевали комары, квакали лягушки из-под ближайшей дамбы, а птицы казались пылинками между плывущими облаками. Запах угольного дыма смешивался с запахом почвы. Это был покой, которого я хотел, и я решил больше не покидать его, войдя в свои владения через зал бронирования, пересек пешеходный мост через линию на противоположную платформу и поднялся по садовой дорожке к дому.

Любовный прием со стороны Бриджит наверняка остался в прошлом, но я все же считал, что имею право на не слишком холодный прием после отсутствия, во время которого я изо всех сил старался заработать на жизнь, если останусь в живых, чтобы я мог возможно делать это иногда — в будущем. Мария сидела у камина в гостиной и вязала белую шаль, и ее улыбка была частью домашнего порядка, которого я теперь жаждал больше, чем захватывающей жизни, в которую меня втолкнули. Она прибавила в весе, что улучшило ее внешний вид, и выглядела счастливой, как будто она тоже нашла Верхний Мэйхем идеальным убежищем. Когда она встала и поцеловала меня, это было похоже на то, как будто меня дома встретила любящая дочь.

— Где Бриджит?

— В кухне.

Оставив чемодан у двери, я взял огромную коробку шоколадных конфет, купленную на Ливерпуль-стрит. Бриджит сидела на полу и подключала вилку электрического утюга.

— Позволь мне это сделать, — сказал я.

— Я и сама могу.

— Синий провод идет справа.

Когда она встала, я дал ей шоколадные конфеты. Она положила их на буфет. — Зачем ты вернулся?

С каждой секундой я чувствовал себя хуже. — Потому что я живу здесь. Потому что я тебя люблю.

Она держала утюг высоко, как будто собираясь обрушить его мне на голову. Я был готов к этому, не показывая этого.

— Я не думала, что ты такой наглый.

— Куда еще я мог прийти?

Ее лицо сменило цвет с розового на кроваво-красный. — У тебя, должно быть, проблемы.

— Кое-кто меня хочет убить.

— О, когда?

Казалось, что это было лучшее, что она слышала за последние годы.

— Я скажу тебе, как только узнаю. Похоже, ты сегодня в плохом настроении.

Она положила утюг и отвернулась. По изменению контуров ее плеч я понял, что она плачет. Сережка упала, когда она сказала: — Как ты мог со мной так поступить? Как ты мог?

Мне показалось, что она через какую-то волшебную систему сообщений услышала о моей десятиминутной схватке с Алисой Уипплгейт или о моей короткой встрече с Агнес в Новом Свете.

— Как я мог что?

— Сделать то же самое с Марией, а затем привезти ее сюда.

— Я просто пожалел ее в ту ночь, когда привез сюда. Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

Я падал с ног от усталости.

— Я думал, что вернусь домой к своей вечной любви. Но я не останусь. Я уйду. Я наелся.

— Ты наелся, да? Она вытерла глаза и сняла вторую сережку. — Ты коварный, развратный зверь. У тебя хватило наглости привезти сюда Марию, когда она была беременна, и ты думал, что тебе это сойдет с рук, не так ли?

Я отшатнулся назад. Я действительно это сделал, ударившись головой о закрытую дверь.

— Беременна?

— Полагаю, ты не знал, — усмехнулась она. — Вы трахаете женщин так, будто младенцы появляются из-за кустов. И вы выбираете их, когда они не принимают таблетки. Это единственный способ сделать это. Вы идете по улице и играете в игру «Она принимает таблетки или нет?» — и все те, кто не принимают, вам прекрасно подходят. Ой, какая же ты крыса! Почему я вообще встретила тебя? — я, родившаяся в хорошей семье и получившая религиозное воспитание?

— Ты не говорила мне этого, когда я впервые встретил тебя.

Она снова плакала. — Ты не меня спрашивал.

Я смеялся. Это была не истерика. Это действительно было забавно.

— Я понятия не имела, что Мария беременна.

— А это именно так.

— Ты уверена?

— Она спала в одной постели со мной после того, как ты ушел, потому что боялась человека, на которого работала. Она все время думала, что он придет и заберет ее. А потом однажды утром ее тошнило

по всей кровати.

Я присел.

— Может быть, это была банка с несвежими консервами.

— Это не так.

— Поставь чайник, давай выпьем чаю, — сказал я. — И ты уверена, что это от тебя — она не забеременела?

Она была крупной женщиной, и удар кулаком по моему плечу чуть не сбил меня с ног. Я заняла оборонительную позицию:

— Если ты веришь, что я сделал ее беременной, ты согласишься чему угодно. Она сказала тебе, что я это сделал?

— Она ничего не говорит. Но она влюблена в тебя. Всякий раз, когда упоминается твое имя, она выглядит восторженной. Ты думаешь, я идиотка? Это всего лишь один из твоих трюков.

Я поставил чайник и намазал ломоть хлеба хорошим голландским маслом. — Это моя вина, что она здесь, это правда. Доверься такому дураку, как я, который приводит кого-нибудь домой в таком виде. Но откуда мне было знать, что она была в положении?

— Если ты не знал, то кто мог?

Я говорил с набитым ртом. — Нам нужно спросить ее напрямую. Я взял ее за руку. — Ну давай же.

В гостиной Мария склонилась к вязанию, как будто близорука, черные волосы закрывали ее лицо. Ее роскошная фигура была настолько хороша, что мне почти хотелось, чтобы она забеременела. Если бы я пошел с ней спать, мне бы никогда больше не хотелось вставать. То, как я смотрел на нее, не убедило Бриджит в том, что я не несу ответственности за ее состояние, а улыбка Марии, когда она поняла, что я нахожусь в комнате, только удвоила доказательство моей ответственности.

— Мария, Бриджит сказала мне, что у тебя будет ребенок.

Она встала и положила на стул наполовину законченную детскую шаль: — Да.

— Чей он?

Она улыбнулась и указала на нас обоих: — Ваш ребенок.

Я пожалел, что за окном не было снежной бури, в которую я мог бы превратить ее: толстые влажные хлопья красиво накапливались бы на негостеприимной почве.

— Мария, ты же знаешь, что это не мой. Этого не может быть, не так ли?

Бриджит даже топнула ногами. — Ты делаешь все, чтобы заставить ее отрицать это.

Темное кукольное лицо Марии скривилось, словно собираясь

поплакать. — Возьми этого ребенка. Это подарок.

Я уверен, что она была умной молодой женщиной, и мы не слишком отставали в своем восприятии, но ее незнание английского языка и то, что мы с Бриджит восставали друг против друга в кризисных ситуациях, обычно запутывали проблему.

— Я отвезу ее к отцу.

Я не знал, что еще сказать.

— Только не к этому монстру, — крикнула Бриджит.

Она была права. Это было неразумное предложение, беременная — о Боже! — с катастрофой. Он заставит ее написать португальский роман, затем найдет переводчика и выдаст его за свой.

— Однако он не станет приставать к беременной женщине.

Мне хотелось защитить его от такой откровенной мерзости, но я не совсем понимал, как это сделать. Бриджит все еще не понимала, что имела в виду Мария, поэтому я решил быть немного более откровенным, хотя бы для того, чтобы очистить свое доброе имя, и спросил настолько тактично, насколько мог:

— Мария, кто тебя трахнул?

Она перестала плакать и так внимательно посмотрела на меня своими блестящими карими глазами, что я понял, что она смотрит в пространство.

— Кто тогда тебя трахал? — крикнул я.

Бриджит, прижав обе руки к ушам, посмотрела на меня с презрением и ужасом.

— Мистер Джеффри, — сказала Мария.

— Джеффри, кто?

— Хар-лакс-камень» — или Хорликстон, что-то в этом роде.

— Человек, на которого ты работала?

Она кивнула и упала на ковер в обмороке. Я потащил ее в свободную комнату.

— Она спит в моей постели, — сказала Бриджит.

— Ты имеешь в виду нашу кровать. Зачем?

Она включила верхний свет, чтобы сообщить мне. — Потому что я не хочу с тобой спать. Потому что мне нравится с ней спать. Потому что Марии это тоже нравится. Разве этого недостаточно?

— Будь по-твоему.

Я был потрясен тем, что она не доверяет мне даже сейчас. Она как будто предвидела, как я посреди ночи прокрадусь в комнату Марии, чтобы пообщаться с ней. Я никогда не чувствовал себя настолько обиженным. Я затолкал их в то, что в информационном листке агента по

недвижимости было описано как главная спальня, вернулся на кухню и обнаружил, что она наполнена паром от кипящего чайника. Воды осталось достаточно для чайника с чаем. Я налил Бриджит чашку, когда она спустилась.

— Как она?

— Все в порядке.

— Ты теперь мне веришь? — Я попытался поцеловать ее, но она все равно не желала этого.

— Тебе придется пойти и увидеться с этим мистером Хорликстоном.

— Какая польза от этого? — спросил я. — Он женат. У него четверо детей. И никто ничего не сможет доказать.

— Тогда я пойду и навещу его. Я возьму дробовик.

Я дрожал, зная, что она это сделает. Мужчина в расцвете сил застрелен. Газетам это понравится. Любое количество фотографов прилетело бы в Верхний Мэйхем. Мое лицо попало бы на первые страницы. Ребята в Канаде узнали бы, где я живу. Больше всего я не мог вынести мысли о том, что Бриджит получит шесть месяцев за убийство.

— Я сделаю это, — пообещал я.

— Завтра?

— Я пойду сейчас. Я возьму машину и буду там к рассвету. Я вытащу его из кровати новой помощницы по хозяйству и казню у увитой плющом садовой стены. Ему это понравится.

Она думала, что я говорю серьезно.

— Ты выглядишь усталым. Сделай это завтра.

У меня не было намерения никуда переезжать на несколько дней. После еще одного куска хлеба с маслом я лег на сырую кровать в гостиной и проспал до трех часов следующего дня, а во сне большой белый кит вечно гонялся за мной сквозь свисающие листья морских водорослей. Бриджит пыталась выманить меня около восьми, а в десять пришла с чаем, но даже ее воображение, должно быть, подсказывало ей, что мне нужно выспаться.

Мне на лицо натянули шероховатую тряпку, и я открыл глаза и увидел на кровати Дисмала. Затем я услышал, как Билл Строу внизу кричал, что он не против выпить чашку чая и съесть шесть яичниц после того, как проделал путь автостопом из Линкольна.

Его требовательный голос вернул меня к жизни. Я оделся, побрился и обнаружил, что он сидит на кухне у пустой тарелки и пытается уговорить Бриджит приготовить на гриле говяжьих сосиски.

— Спасибо, Майкл. Это еще одна жизнь, которой я обязан тебе. Однако ты потратил на это достаточно много времени.

— Я вернулся только вчера и отправил деньги через десять минут после прочтения твоего письма.

Он вытер жир со своей тарелки куском хлеба, и тот был уже на полпути ко рту, когда Дисмал взял его. Он посмотрел на Марию: — Принеси мне еще поесть, уточка, ладно?

— В тюрьме тебя не кормили? — спросил я.

— Тюрьма? — Бриджит в шоке отвела взгляд. — Я полагаю, все твои друзья — заключенные?

— Я был всего там сего два дня, — сказал Билл, — так что не веди себя так, уточка. Это был случай ошибочной идентификации и ложного ареста. Более серьезная судебная ошибка, в которой я никогда не участвовал. Однако сегодня утром перед отъездом меня накормили хорошим завтраком. Он был настолько большим, что я думал, меня собираются повесить.

— Расскажешь мне об этом позже, — сказал я.

Бриджит вышла, и Билл кивнул Марии, которая положила на гриль еще сосисок и бекона.

— Кто она?

Я представил их.

— Она прекрасна, — сказал он.

Мария улыбнулась, работая лопаткой.

— Она здесь помогает.

Я собирался сказать, что она беременна, но не сказал — не могу понять почему.

Он не мог перестать смотреть на нее.

— Драгоценный камень, настоящий чертов драгоценный камень. Она иностранка?

— Она из Португалии.

— Знаешь, Майкл, я никогда не использую длинных слов, но если бы меня кто-нибудь спросил, я бы сказал, что она восхитительна.

— Я обслуживаю вас в столовой.

Восхитительная прошла перед нами с подносом. Дождь стекал по окнам, и казалось, что сегодня хороший день, чтобы позавтракать дома в три часа дня.

— Расскажи мне, что пошло не так в твоём великом путешествии во внешний мир, — сказал я, когда мы взялись за большой черный чайник.

Он сложил вместе два куска хлеба с маслом и начал есть.

— Майкл, прости, если я тебя упрекаю, но твой сарказм меня беспокоит. Раньше ты не был таким. Саркастичные люди обычно не добиваются успеха в жизни, и мне бы не хотелось, чтобы это случилось с

тобой.

— Я немного на взводе, — сказал я, — то одно, то другое. Я расскажу тебе, что случилось со мной с тех пор, как я видел тебя в последний раз, и тогда ты поймешь, почему.

Мария вошла с полным английским завтраком, и я поразился тому, как многому научила ее Бриджит за такое короткое время. Билл собирался похлопать ее по заднице, но ее взгляд отогнал его, хотя он и был сражен. Я рассказал о своей поездке, правда, умудрился упустить из виду встречу с Агнес и возвращение домой, когда мне сообщили, что Мария беременна.

— Это ставит нас в одинаковую ситуацию, — сказал он. — Однако на твоём месте я бы пошел в Могленд и узнал, какой счет. В таком бизнесе не знаешь, кто виноват. Все, что ты знаешь, это то, что ты выполнил свой долг, и теперь, когда ты выжил, стоишь для Моггерхэнгера вдвое больше, чем если бы потерпел неудачу.

— Я ошеломлен, — сказал я.

— Разве ты не видишь? Если он послал тебя туда, чтобы осуществить настоящую доставку, тебе не о чем беспокоиться. В конце концов, ты доставил это, что бы это ни было. Не так ли?

— Ради бога, — сказал я.

— Доставил. Более того, ты не знаешь, какие меры он предпринял для хранения вещей, когда они покинули твои руки. Это не твоё дело. Ну, а если он послал тебя, чтобы убить — а я думаю, что только твоё гиперактивное воображение могло подсказать такое — теперь, когда ты их победил, ему придется принимать тебя обратно в свои ряды. Оказавшись там, ты станешь слишком большим, чтобы тебя можно было сбить. Или слишком полезным. Ему нужно думать о других, но если ты останешься в бегах, твоё жизнь не будет стоять и свечи.

Он не осознавал, что Моггерхэнгер уже знал, что я снова дома.

— Интересно, на чьей ты стороне?

Он положил нож и вилку, и я понял, что всё серьёзно.

— Майкл, прислушайся к разуму. Я понимаю, что ты инстинктивно хочешь убить Моггерхэнгера. Может быть, это и понятно, но — подожди. Ты можешь быть хитрым, но недостаточно хитрым. У тебя нет ни достаточно быстрого тактического ума, ни такого крутого мышления, которое остановит тебя именно на этой стороне безжалостности. Хитрость без тактического подхода всегда приводит к бездумной жестокости, которая не приносит пользы ни человеку, ни животному. Если ты будешь безжалостен без должного рассмотрения, твой противник может стать твоей жертвой, но ты также можешь помешать ему, чтобы не

стать его жертвой. Смекаешь?

— Я подумаю об этом.

Он закончил завтрак одним сильным движением по тарелке. — Я бы сделал это на твоём месте.

— Как ты можешь быть таким худым, — спросил я, — когда ты так много ешь?

Он одарил меня своей широкой уорксопской улыбкой. — Я сжигаю это. Думается, что это так, Майкл. Я никогда не перестану думать.

— Ты мог бы меня обмануть. — Я осторожно улыбнулся. — Но расскажи мне свою историю.

— Передай мармелад, и я начну.

— Держи и продолжай.

— Я поехал в своё старое жильё, в Сомерс-Таун и там на углу улицы стоял Тоффиботтл. Я знал, что если я пойду в свою комнату, даже в маскировке, мне конец, как и моим деньгам. Я отступил, надеясь, что он меня не заметил, и добрался до Гула с лёгкостью. Взять Дисмала было лучшей идеей, которая у меня была. Я просто стоял у дороги, поднимал свою белую палку и касался своих темных очков, как Морис Шевалье своей шляпы, и заставлял водителей автомобилей бороться друг с другом, пытаясь меня подобрать. «Я еду на север к брату, — говорил я, — я почти ослеп, и если бы не моя верная собака, я бы вообще не смог передвигаться». Пока Дисмал прыгал сзади, мужчина (или иногда женщина, потому что слепой человек с такой собакой-поводырем, как Дисмал, не мог заняться каким-либо грязным делом) выходил и открывал мне дверь на случай, если я пойду не туда и буду сбит проезжающей машиной. Я должен сказать, что в моём новом облики, в которое входила одна из шляп майора Блэскина (надеюсь, он ещё не хватился её), я знал, что меня не узнают, когда я шнырял вокруг Гула.

Мое путешествие на север было настоящим удовольствием. Один парень, который отвез меня прямо по Элу к разъезду на Донкастер, даже остановился и купил мне еды, и я вам говорю, что когда я закончил, я едва мог пошевелиться. Даже Дисмал был настолько сытым, что к двери пробирався на животе. За это его, кажется, все ещё больше любили, хотя, между прочим, он ужасный пердун. Я не понимаю, когда люди говорят о собачьей жизни. И человек безропотно заплатил за все, хотя я предложил свою долю. Он владел несколькими магазинами в Баркдейле и водил хороший большой «Форд Гранада», но он был обычным парнем, как мы с вами, лет пятидесяти пяти, я бы сказал. Я рассказал ему о своих приключениях в торговом флоте, когда во время пожара у меня повредилось зрение.

— Я не знал, что ты когда-нибудь служил в торговом флоте.

Когда Мария убирала со стола, он посмотрел на нее со смесью тоски и явного разврата.

— Майкл, когда кто-то по доброте душевной подвез тебя, тебе надлежит развлечь его, если он наполовину готов это услышать. Так или иначе, затем он рассказал мне о трех своих сыновьях, которые все получили стипендии в одиннадцать лет и прошли обучение по системе, пока не попали в лучшие университеты. Старший — один из чудомальчиков в Маркони, другой занимается компьютерами в Америке, а третий только что получил степень магистра современных языков в Оксфорде. Полагаю, таких семей тысячи, Майкл, и они поддерживают управление страной. Это дает мне веру, честное слово. Заслуги торжествуют. У нас еще есть надежда.

Он рассмеялся своим заразительным маниакальным смехом.

— Я серьезно. В этой стране много талантов, и приятно осознавать, что у Моггерхэнгера нет всего этого, хотя он и его преступное сообщество — это контрабандисты золота, торговцы наркотиками, карманники, фальшивомонетчики, а также уклоняющиеся от налогов, подрабатывающие мошенники и просто мошенники. Аферисты и аферистки, грабители и воры-кошки — это сливки разведки. По умственным способностям и талантам, которые они используют, это сообщество должно уступать только военной промышленности. Заставляет задуматься, не так ли?

Я закурил наши сигареты. — Так мы и живем сейчас.

Он потер руки. — Конечно, старый петух.

— Так ты добрался до Гула?

— Ты когда-нибудь был там? Конечно, да. Забавное место — корабли прямо посреди города. Вам понадобится всего лишь одна из этих средневековых катапульти, чтобы сбросить на площадь полтонны героина. Ночью это было бы проще всего: просто откиньте крышу машины, и все залетит прямо на место. А потом вы уедете, и никто ничего не поймет. Все, что мне хотелось, это зайти в несколько пабов и посмотреть, что можно узнать. Никогда не знаешь, какую информацию можно получить или кого можно увидеть в пабах, особенно если пробраться туда с белой палкой под предводительством собаки. Майкл, я не знаю, где ты взял эту собаку, но его научили делать очень забавные вещи, потому что как только мы вошли в паб, он начал обнюхивать окрестности. Там было пять человек, и когда Дисмал прошел мимо одного и не понюхал его — парня с седой бородой, всклокоченными волосами и в меховой шапке русского типа — остальные, кого обнюхали, набросились на него. Я не знал, во

что ввязываюсь. Я на что-то надеялся, но не на это. Я просто стоял рядом. Мне пришлось это сделать, потому что я должен был быть слепым. Но остальные схватили парня, мимо которого прошел Дисмал, и прижали его к стене. Одним из них был крупный лысый экземпляр с клубничным пятном на одной стороне лица, моряк с одного из пароходов, с самыми большими кулаками, которые я когда-либо видел. «Кто ты?» — спросил он парня. «Вейланд Смит», — пискнул он. Это было вымышленное имя, если я когда-либо его слышал. Рядом я заметил парня, похожего на цветочек, который, похоже, был зачинщиком, мерзким типом, который только и делал, что подпиливал ногти. «Кем ты работаешь?» — спросил он. Вейланд Смит трясся и дрожал и крикнул хозяину паба, чтобы тот вызвал полицию, но хозяин только засмеялся и сказал: — «Вызовите их сами». Матрос задал тот же вопрос, и Вейланд Смит, должно быть, решил, что все кончено: — «Я журналист», — всхлипнул он. Ну, я вас спрашиваю — журналист! Это было худшее, что он мог сказать. — «Я знаю его», — сказал Пилочка. — «Он работает на телевидении. Би-би-си, я думаю». Это сделало ситуацию еще хуже. Если бы это был ITV, они могли бы просто выгнать его, и все. Но Би-би-си! — «Посадите его в фургон», — сказал Пилочка. Матрос ударил Вейланда Смита в живот, и его вытащили на улицу. — «Это ужасно, — сказал домовладелец, — как люди не могут удержать свой напиток». Откуда мне было знать, что он выпил тридцать пять порций виски? Он посмотрел на меня. — «На твоём месте я заплатил бы за него. И возьми с собой эту собаку». — «Я пришел всего за полпинтой безалкогольного напитка», — скулил я. — «Отвали, — сказал он, — а то тебе еще и глухим станешь, если эта шайка на тебя набросится». Его совет был сделан из лучших побуждений, поэтому я вышел на улицу. Было слишком поздно. Кто-то ударил меня по затылку.

Я очнулся в полицейском участке по обвинению в пьянстве и нарушении общественного порядка. Дисмала поместили в камеру вместе со мной на случай, если я захочу сходить к унитазу в углу. Тот, кто нанес удар возле паба, должно быть, вытащил меня на окраину улицы и вылил на меня бутылку бренди. К счастью, он в тот момент не курил. На следующее утро судья сказал, что мне должно быть стыдно за себя. — «Слепой человек не должен быть в таком состоянии». По его словам, я был агрессивным, мерзко вел себя и воспользовался своей инвалидностью, чтобы обманом заставить широкую общественность защитить меня. Более того, я не заслужил услуги этой верной собаки, которая «так сильно скулит, потому что не может попасть к вам на скамью подсудимых. Однако, учитывая ваше состояние, я буду снисходителен. Десять фунтов штрафа и пятнадцать издержек».

Как ты знаешь, Майкл, у меня не было ни пенни, поэтому меня отправили в тюрьму Линкольна. Почему меня туда отправили, я никогда не узнаю: это должен был быть Лидс, где я знаю губернатора. Со мной бы обращались гораздо лучше. Когда меня выпустили, они бы еще дали мне упакованный ланч. В любом случае, они были рады избавиться от меня, хотя и были неплохими парнями. Они позволили Дисмалу жить в моей камере, и у него всегда была чан с помоями, чтобы он мог поесть. Когда пришло твое письмо с деньгами, я поспешил и прибыл сюда час назад. Я до сих пор не понимаю, что все это значит, кроме того, что этим ребятам-контрабандистам плевать, когда их пересекаешь. Этот удар по черепу, кажется, повредил мой аппетит. Единственное, что я могу о них сказать хорошего, это то, что они были достаточно англичанами, чтобы не воткнуть иглу в Дисмала и не швырнуть его в реку.

— Что они сделали с Вейландом Смитом?

— Ты его знаешь?

— Только то, что я слышал у Блэскина. Кажется, он готовит для телевидения документальный фильм о контрабанде.

Он достал из кармана серебряную зубочистку и начал ее сгибать. — Вероятно, он уже едет в Гамбург.

— Может ли им сойти с рук такое?

Он откинулся назад и засмеялся.

— Майкл, твой сарказм более чем компенсируется твоим чувством юмора. Эти ребята могут делать все, что захотят. Вот почему я думаю, что чем скорее ты вернешься на территорию Моггерхэнгера, тем лучше. Если бы мы могли провести свою жизнь не далее чем в двадцати футах от самого великого вождя, мы бы жили вечно.

Я попросил Марию принести еще чайник чая.

— Это не мое представление о жизни. Я хочу прикончить его. Я хочу, чтобы его посадили за решетку.

Он вышел вперед, чтобы я слышал каждое слово.

— Я должен сказать тебе кое-что? Жизнь слишком коротка. И как бы ни была плоха жизнь, она очень хороша. Почему ты хочешь, чтобы его отправили вниз? Потому что он оказал тебе плохую услугу? Если это так, то твои мотивы — месть, и это эгоистично, Майкл. Не опускайся до эгоизма. В любом случае «Мое отмщение и аз воздам», говорит Господь. И это правильно. Зачем губить себя? Пусть Господь позаботится о нем. Он позаботится. А если не он, то это сделает кто-то другой. А если никто этого не сделает, то мы, по большому счету, ничего не потеряем. Но, может быть, ты хочешь избавиться от него, потому что он разрушает экономику? Или потому, что он глупо накачивает наркотиками всю

страну? Очень хорошие мотивы, Майкл. Это гораздо лучше, чем месть. Но стоит ли мне тебе что-нибудь сказать? Да. Не беспокойся. Он накачивает наркотиками всю страну? Ее всегда накачивали наркотиками, только препараты были другие. И что ты вообще хочешь делать со страной? Разбудить? Подожди с этим, пока я уплыву во Францию.

— Не думаю, что там сильно по-другому.

— Нет, но жратва лучше. Где эта милая молодая девчонка с чаем?

У меня было такое чувство, будто я купаюсь в патоке. Я не мог ни утонуть, ни выбраться. Прежде чем я смог решить, что делать, мне пришлось бы вернуться в центр, но где теперь центр?

— Завтра я поеду к нему на доклад.

— Я бы тоже так сделал на твоём месте. Вы не возражаете, если мы с Дисмалом продержимся здесь ещё день или два?

— Спроси Бриджит.

В тот вечер мы сидели у костра, и она объявила, что скучает по детям. Она собралась вернуться в Голландию. — Кроме того, у меня есть парень, и я тоже скучаю по нему.

Тишина длилась пять минут, затем я сказал, вкладывая в голос как можно больше угрозы: — Что ты сказала?

Она покраснела, как обычно, когда была внутренне встревожена. — У меня есть парень в Голландии.

Я был готов задохнуться. — Значит, это конец?

— Да.

— Действительно?

— Действительно.

Я погладил широкую голову Дисмала.

— А как насчёт моих детей? Я тоже скучаю по ним. Я не видел их несколько недель, и это разбивает мне сердце.

В её левом глазу была большая слеза. — Ты можешь увидеть их, когда захочешь.

— Это касается всех нас, — сказал Билл.

— Держись подальше от меня и Бриджит,

Я давно этого ждал, надеялся на это, во многом желая навсегда освободиться от неё, но теперь, когда слова прозвучали, и на глазах у других людей, я был болен. В то же время я не был уверен, что она имела это в виду, и это меня разозлило, поэтому, чтобы убедиться, насколько более несчастным мне придётся быть, я спросил: — Когда ты собираешься забрать свои вещи из дома?

— Это моё место так же, как и твоё. Я возьму их, когда захочу.

— Сделай это скорее, — сказал я. — Моя девушка хочет переехать.

— Вы часто играете в эту игру? — спросил Билл. — Любимая девушка?

Это становилось слишком сложным.

— Я просто шучу. А как насчет Марии?

Мария, чувствуя, что все идет не так, как должно быть, сидела без дела с вязанием на коленях.

— Ты за нее отвечаешь, — сказала Бриджит. — Ты привел ее.

— Это мило с твоей стороны. Мне нужен смотритель.

— Я останусь на день или два, — сказал Билл. — Со мной она будет в порядке.

— Да, и я буду благодарен, если ты при этом будешь держать руки подальше от нее.

— Я вернусь в Лондон, — сказала Мария. — Устроиться на работу.

— Ты останешься здесь, — сказал я ей. — Ты мне нужна. Присмотри за Дисмалом и Биллом. Лондон не подходит такому хорошему человеку, как ты. Полиция отправит тебя обратно в Португалию, если у тебя не будет работы. На самом деле, они, вероятно, в эту минуту охотятся за тобой повсюду.

Она начала плакать.

— Все в порядке, — сказал я ей. — Тебе не о чем беспокоиться. Завтра я собираюсь в Лондон, чтобы убить человека, на которого ты работала. Потом я отправляюсь в Голландию, чтобы убить парня Бриджит. Потом я убью себя. Немного очистится воздух.

— Холокост, — сказал Билл. — Выпей Боба Мартина и успокойся.

Я достал из буфета бутылку виски и налил всем по стакану. — Вот лекарство, Мария. Тебе станет легче.

— Это виски. — Ее глаза увлажнились. — Я люблю виски.

Вот так оно и произошло, подумал я. Неудивительно, что она не знала.

— Дай мне еще, — Билл осушил свой стакан, прежде чем я поставил бутылку обратно на стол.

— Ты не убьешь Яна, — сказала Бриджит. — Он убьет тебя, трус. Ты не пугаешь ни меня, ни его.

— Конечно, я не убью его, — засмеялся я. — Я буду слишком занят Агнес.

Она сглотнула. — Агнес?

— Подруга, о которой я упоминал. У меня она действительно есть. Она ездила со мной в Америку. Ее зовут Агнес. И она беременна. Этот дом скоро не будет достаточно большим, чтобы вместить нас. Хорошо, что ты уходишь.

— Ты мерзкий, — кричала она. — Мерзкий, мерзкий, мерзкий!

— Я этого не слышал, — сказал я.

Она встала.

— Если ты бросишь этот стакан, — сказал я ей недвусмысленно, — это будет последнее, что ты сделаешь.

Она поставила его на каминную полку. — Мария, пойдем спать.

Вспотев от горя и ярости, хотя я знал, что отделался легко, я налил еще виски Биллу и себе. У Марии был взгляд, который я могу описать только как восторженный, когда Бриджит взяла свой стакан и бутылку, и они вышли из комнаты, держась за руки.

— Это место производит на людей забавное впечатление, — сказал Билл, — но я нахожу его достаточно спокойным. У Джека Дэниэлс прекрасный вкус. Мне бы хотелось, чтобы ты не позволил им забрать бутылку.

— У меня есть еще, — сказал я, подходя к шкафу.

Глава 20

Когда все улажено, мучения уходят безвозвратно. Конечно, можно спорить о том, было ли что-то улажено, но я думал, что это так, когда я оделся в свой сшитый на заказ костюм-тройку за двести гиней, надел сшитую на заказ рубашку, зашнуровал ботинки ручной работы, положил носовой платок в карман под лацканом и достал из коробки в гостиной пачку сигар «Ромео и Джульетта» беспошлинной торговли. Я наполнил сумку рубашками, нижним бельем, бритвенными принадлежностями, флягой и пневматическим пистолетом. И, наконец, я нацепил золотые часы на жилет. Никто не проснулся. Я попрощался только с Дисмалом. Возможно, я вернусь утром. Возможно, я никогда не вернусь. Изгои Верхнего Мэйхема могли позаботиться о себе сами.

Полосы розовых облаков пересекали небо, голубые снизу и туманные наверху. Было хорошо быть живым в такое утро, приятное для похмелья, когда я шел с зонтиком к автобусу, который должен был отвезти меня на станцию. Я купил «Таймс», и поезд пришел через пять минут. Судя по моему душевному состоянию, мое второе имя было Хаос, сколько бы решений ни было принято. Знать, что делать, и выйти из хаоса с преимуществом казалось невозможным. Что бы я ни сделал, все было бы неправильно, поэтому я должен был сделать худшее. Моя мать не без гордости говорила, что во мне есть ирландец, но я так не думал. Когда вы стоите спиной к стене, вы хотя бы разворачиваетесь и толкаете ее на случай, если она волшебным образом упадет и вы освободитесь. В

общем, я чувствовал себя безрассудным и определенно не в настроении выбирать самый безопасный вариант.

В том, что было на мне, я не должен был попасть в этот водоворот, имея билет первого класса. Заявление Бриджит о том, что у нее есть парень и она уходит от меня навсегда, заставило ножи моей внутренней мясорубки вращаться еще быстрее, чем когда я вспомнил грязный трюк Моггерхэнгера, отправившего меня в Канаду с кучей документов, которые, что бы на них ни было напечатано, содержали мой смертный приговор. В то время как он хотел уничтожить меня физически, Бриджит, из соображений самосохранения, которые никто, кроме меня, не мог понять лучше, намеревалась уничтожить меня духовно.

Я всегда гордился тем, что никогда не сдавался. В скачках оптимизма я был напористым Джеком, хотя сегодня я подумал, что если я с легкостью выберусь из этой свалки, то могу приземлиться где-нибудь еще хуже. Люди второго класса, когда я вышел из вагона, поглядывали на меня из-за укреплений своих лиц. Они видели придурка из первого класса, идущего на прогулку, а я видел людей с выражением лиц, вызванным слишком долгим просмотром телевизора, с которым я с самого рождения боролся, чтобы стереть такое же лицо.

Несколько миль ходьбы вернули мне уверенность. Я прошел через Сити, мимо Банка Англии и станции метро «Сент-Пол», через Холборн-виаду, вниз по Феттер-лейн на Флит-стрит и на запад через Стрэнд в сторону Сент-Мартинс-лейн. Чем больше я шел, тем меньше у меня было желания пойти в логово Моггерхэнгера, чтобы там порубили меня на маленькие кубики мяса. Лондон немного развеселил меня. Я наблюдал такое движение и столько людей, что никакая угроза уже не казалась серьезной. У меня накопилось несколько тысяч фунтов с тех пор, как я снова начал работать на Моггерхэнгера, и как жаль, размышлял я, что мне придется исчезнуть в Темзе или в тюрьме, прежде чем я смогу их потратить.

Я зашел в одно из этих новых кафе под названием «Арахис» с пластиковыми опилками на полу и простыми деревянными столами, похожими на корыта, где меню было написано мелом на доске, и можно было взять кусок пирога с заварным кремом, лист салата, кусок сырого сыра, черный хлеб и чашку желудевого кофе, который не усыпит муху це-це, за пять фунтов. Я просидел полчаса, читая «Таймс» и наблюдая, как люди приходят и уходят.

Вошла девушка и вместо того, чтобы сесть за стол, прошла за стойку и дальше через дверь. Она вернулась в фартуке из мешка, как и подобает официантке на такой помойке, и по ее отражению в зеркале я увидел, что

это та самая Этти из кафе на Великой Северной дороге, с которой у меня возникла романтическая привязанность по пути из коттеджа «Пепперкорн». «Это Лондон», — подумал я, раздумывая, стоит ли мне лечь лицом на стол, прежде чем она меня заметит. Времени принять решение не было. Она подошла ко мне, и румянец узнавания исчез под светлыми корнями ее волос.

— Майкл!

— Мне было интересно, узнаешь ли ты меня. Я собирался связаться с тобой в «Коте с пальмовым маслом», или как там он называется, но всякий раз, когда я шел на север, вы оказывались на другой стороне центральной резервации, и мы всегда спускались другим путем. Или мой работодатель сидел в машине, и мне не разрешали остановиться. Я бы разыскал тебя раньше, — продолжал я, — только мне нужно было на неделю поехать в Америку. Хотя я думал о тебе все время, пока был в Нью-Йорке.

Ее маленький рот становился все прямее и прямее.

— Я ненавижу лжецов.

— Я тоже. Худшим лжецом, которого я когда-либо знал, был мой отец. Следующей худшей лгуньей была моя мать. Они превратили жизнь в ад.

— Ой, отвали, — она пошла за стойку. Проблема с девушками из рабочего класса, сказала я себе, в том, что они всегда говорят то, что думают. Я взял газету и попытался разгадать анаграмму в кроссворде. Через десять минут она вернулась. — Хочешь, чтобы я облила тебя этим кипящим супом, или ты перестанешь ко мне приставать и уйдешь?

Я был не из числа тех, кто в ответ на такую просьбу плеснет кипящим супом в ее прекрасное, чувственное лицо. Я потыкал пальцем в оставшийся угол моего заплесневелого хлеба и убил долгоносика, упавшего на пирог с заварным кремом, с которым у меня не хватило смелости справиться из боязни, что я заражусь бильгарцией.

— Я пойду, когда закончу обед, или как ты это называешь.

Она отнесла суп к соседнему столу и вернулась к стойке. В одном конце стоял кассир, а за чанами с кукурузной кашей, оладьями, луковыми котлетами из цельнозерновой муки, пастой из брюссельской капусты, соусами из плавленого сыра, ореховыми котлетками и заправкой для салата из рыбьего масла стояли еще две женщины, одна из которых мне очень понравилась. Она была зрелой тридцатипятилетней девушкой, тайно поедающей сэндвич с говядиной, как если бы она устроилась на работу в такое заведение только для того, чтобы сводить с ума клиентов, потому что между хлебами, как живые, свисали куски мяса и жира. У нее

было полное тело, темные вьющиеся волосы, а ее высокие скулы сильно покраснели, как будто они находились слишком близко к огню. Этти, которая была в слезах, вероятно, жаловалась на мое оскорбительное присутствие, и я знал, что она должна была бы так поступить. Женщина доела свой сэндвич и налила чашку крепкого черного кофе, которая, будучи слишком горячей, могла стать еще прохладнее, пока она имела дело со мной, красиво покачиваясь между столиками довольных клиентов сказала:

— Вам лучше уйти. Вы раздражаете одну из наших официанток.

Я посмотрел вверх.

— Честно говоря, я ждал возможности поговорить с вами. За последнее время я был здесь на ланче как минимум пять раз, но это происходило только из-за вас, а не из-за этой сквернословящей маленькой девчонки. За вами наблюдали.

— О чем, черт возьми, вы говорите?

— Вас зовут Филлис, — сказал я. — Вам около тридцати лет, и один из ваших родителей родом из Ирландии. И вы в разводе.

Мои острые уши услышали ее приветствие Этти, которая подошла к стойке, а остальное я собрал воедино на основе всевозможных догадок. Я также мог бы сказать, что у нее двое детей и она живет в Кэмден-Тауне, но не хотелось переусердствовать или портить картину.

— Откуда вы все это знаете?

— Объяснения заняли бы слишком много времени. Недалеко отсюда открылся новый ресторан под названием «Рэддишер». Честно говоря, той еды, которую я здесь заказал, не хватило бы, чтобы зарядить энергией муравья, поэтому я подумываю сходить в вышеупомянутое место. Не могли бы вы присоединиться ко мне?

По ее глазам и легкому изгибу губ я видел, что ей пришлось немало пережить в жизни, но поскольку это исходило в основном от таких парней, как я, то только такие парни, как я, могли с этим справиться и надеялись добиться чего-нибудь. Выражение ее карих глаз было таким тонким и активным, что, казалось, вся ее жизнь пролетела перед ними, прежде чем ее враждебность наконец утихла, и она сказала:

— Я работаю до трех тридцати.

— Встретимся сегодня вечером в семь тридцать за ужином.

Моя быстрая реакция оттолкнула ее обратно в окопы, и ее прекрасные глаза затуманились.

— Что вы сделали с Этти?

Я зевнул.

— Боюсь, это то, чего я не делал. Это всегда моя проблема. Она

работала, как вы знаете, на автосервисе, который находился недалеко от моего поместья в Кембриджшире, где я развожу скаковых лошадей. Я не мог отвезти ее туда из-за жены. Я знаю, что я мягкосердечный, должно быть, потому что моя мать ирландка, но мне не нравится делать женщин несчастными, и я так твердо придерживаюсь этого правила, что, к сожалению, иногда в конечном итоге причиняю кому-то боль или делаю себя еще больше несчастным из-за этого. Но если бы я взял ее с собой домой, скорее всего, моя жена — и мне больно это говорить, но это правда — ну, она бы уложила Этти в постель. прежде чем я смог. Моя жена такая. Даже наши пятеро детей время от времени смотрят на нее косо, когда она с другими женщинами. У меня самого довольно широкий кругозор, потому что, когда некоторые из этих женщин ей надоедают, мне приходится их утешать, и у меня есть свои возможности, можно сказать. Но мне не хотелось подвергать Этти ее пагубному влиянию. Я бы не пожелал такого ни одной женщине.

Она хотела уйти, но не смогла. Она была в ужасе, и это было многообещающе. Она была очарована, что было опасно — для нее. Но я устал от этого и хотел покончить с этим.

Какой бы хорошей женщиной она ни была, она сцепила руки и посмотрела на стойку, где стояла Этти, как будто ожидая сводки новостей со стола переговоров. Я не знал, о чем идет речь, и жаждал уверенности в встрече с Моггерхэнгером.

— Когда я взял свою секретаршу домой поработать, результат был тот же, — продолжил я. — Я нанял секретаря-мужчину и отвез его домой, но она тоже уложила его в постель до полуночи. Я был в полном смятении, но в конце концов решил, что я единственный, кто будет в безопасности, когда войду в этот дом, просто потому, что она так меня презирает.

– Не слушай его, – крикнула Этти. — Он расскажет тебе что угодно. Он чертов лжец.

Половина счастливых едоков внимательно посмотрела на свою лепешку и несвежий морковный сок, а остальные уставились на нее. Она бросилась ко мне, ее маленький блокнот раскачивался.

— Он послал своего приятеля в «Кошку с пальмовым маслом» сказать мне, что хочет одолжить десять фунтов, потому что проколол по дороге шину и у него не нашлось денег на ремонт. Он сказал, что придет завтра, чтобы отплатить мне любовью и поцелуями. Но он так и не сделал этого. А теперь посмотри на него, одетого в классные шмотки и все отрицающего.

Я опрокинул стул, торопясь встать.

— Что ты сказала, лживая девчонка? Какой приятель? У меня нет приятеля.

Она повернулась к Филлис.

— Понимаешь? Полагаю, он так бросает многих женщин. И я сказала, что люблю его. Я не могу в это поверить. Он сказал, что тоже меня любит.

— Мужчины так делают, — сказала Филлис.

Не думаю, что когда-либо я был настолько близок к душевной агонии, как тогда, когда стоял там. Или был, но другие разы забыл.

— Что это был этот парень? Он был слепым? У него была собака?

Эти вопросы распалили ее еще больше. Она издевалась.

— Понимаешь? Он пытается выбраться из этого дерьма.

У Филлис было самое честное лицо, которое я когда-либо видел, и в нем все еще хранились следы человеческих чувств, и я хотел заняться с ней любовью тут же, но знал, что у меня очень мало шансов.

— Они все так делают, — сказала она. — Дикие лошади не вытянут из них правду. Этого достаточно, чтобы разбить тебе сердце.

— Если бы какой-нибудь из этих ножей был достаточно острым, я бы его зарезала.

Поблагодарив себя за то, что я не встретил ее в какой-то мясной лавке, я вытащил из бумажника десятифунтовую банкноту, чтобы отплатить ей.

— Если ты не можешь сказать мне, кто это, это несправедливо.

— Справедливо? — сказала она. — Ты используешь это слово? Вот что сказал этот ублюдок-панда. Он продолжал использовать слово «справедливо». Я сказала, что у меня нет десяти фунтов, но он сказал, что было бы несправедливо с моей стороны удерживать их, пока мой парень пытается вылезти из затора. Я одолжила деньги в кассе. Я дала их ему. А после того, как я получила зарплату и пошла положить десятку обратно в кассу, босс увидел меня и выгнал. Мне пришлось ехать автостопом в Лондон, и по дороге меня дважды чуть не изнасиловали.

— Ты видишь, что ты натворил? — Филлис обняла ее за плечо, когда она снова заплакала.

Должно быть, этот ублюдок-панда совершил преступление по пути на север, в ночь после того, как я дал ему двадцать фунтов. Я всегда думал, что я безнравственный, но мне не нравилось иметь доказательства того, что некоторые люди хуже.

— Вот, возьми это. Я всегда возвращаю свои долги, даже если кто-то другой взял займы. Но я ни разу не был на шоссе с проколотым колесом и уж точно не посылал к тебе Рональда Делфа взять денег займы.

— Ты этого не сделал? — Этти положила деньги в карман.

— Нет, и мне очень жаль, хотя это и не моя вина. Я буду нести ответственность за то, что делаю сам, а не за то, что другие произносят мое имя всуе. Но чтобы помириться, я приглашаю вас обоих на ужин к Рэддишеру. Мы будем есть хорошую говядину и пить красное вино, а после десерта я выкурю сигару «Монте-Кристо», чтобы выбраться из подвала депрессии, в которую меня погрузила бесчеловечность мужчины по отношению к женщине. Договорились?

Этти рассмеялась. То же самое сделала и Филлис, которая сказала:

— Я не думаю, что запрет атомной бомбы принесет какую-то пользу кому-то вроде вас.

— Есть только одно: когда я в следующий раз увижу Рона Делфа, панду-поэта, я изобью его. Нет, пожалуй, не буду. Невозможно исправить неисправимого, тем более поэта. А пока мне пора выбираться этого дворца Щелкунчика, так что я встречусь с вами на станции метро «Ковент-Гарден» в семь тридцать.

Прежде чем кто-либо из них смог возразить, я поцеловал их обеих и ушел, позволив по крайней мере половине клиентов вернуться к уничтожению нутбургеров, которые выглядели как предметы, о которых я бы предпочел не упоминать.

Такси чуть не сбило меня возле Чаринг-Кросс, но это была не вина водителя. Я никогда не могу дождаться свободного промежутка между машинами, прежде чем выехать на дорогу, но уклоняюсь от лондонского движения, как голубь в своего рода рулетке, которая поддерживает меня в форме и бдительности, пока однажды большие колеса, несомненно, не проедут надо мной. Но после встречи с Этти и Филлис в «Корыте» я почувствовал, что могу справиться с Блэскином со своей обычной сыновней нечестивостью. Я еще хотел в дерьмо-роман поставить пару завершающих глав, и он мне об этом напомнил, как только я открыл дверь:

— Как я смогу жить, если ты не сдашь мои книги вовремя?

— Было бы полезно, если бы ты сам писал их время от времени.

Я бросил сумку и пальто на пол.

— Есть что-нибудь поесть? Меня только что вышвырнули из вегетарианского ресторана.

— Кто тебя выбросил? Кстати, твоя мать вернулась сегодня утром. После того, как пришла открытка с сообщением о ее прибытии, она постучала в дверь. Я лежал в постели с миссис Драдж, так что возвращение домой было не очень удачным, хотя я должен был знать, что она придет без предупреждения, потому что на открытке не было печати.

У меня так упало сердце, когда я увидел ее, что мне понадобится батискаф, чтобы спуститься и вернуть его. Или выпить. Выпей еще.

— Мне бы хотелось поесть и, может быть, выпить.

— По крайней мере, я надеялся, что она вернется слишком поздно для коктейльной вечеринки, которую устраивают сегодня вечером в честь публикации моей двадцать пятой книги. Теперь мне придется ее забрать с собой. Добро пожаловать и тебе тоже. Возможно, неплохо было бы время от времени играть семьянина. Я пойму, о чем говорю, когда окунусь в любящую и ужасающую семейную сагу.

Он открыл холодильник и взял банку роллмопсов, пачку калифорнийского редиса, итальянскую салями и израильскую дыню. Из ящика достал хлеб.

— Жаль, что миссис Драддж ушла, иначе она могла бы нарезать нам это. Я всегда при этом режу палец. Будь хорошим парнем, Майкл.

Я отрезал несколько кусочков, а затем приступил к работе над дерьмовым романом, чтобы немного расслабиться в своей беспокойной жизни. Я выкачивал страницу за страницей. У любовника в коттедже «Тиндербокс» теперь были муж и жена в плену в коттедже «Пепперкорн», и он начал рассказывать им историю своей жизни – в оправдание своего странного поведения – которая включала три убийства, за которые он до сих пор не был задержан, хотя худшее злодеяние произошло, когда он держал в подвале бабочку красного адмирала и заставлял ее выслушивать подобные признания, прежде чем оторвать ей крылья и затем освободить. Напряжение нарастало, потому что, поскольку его дробовик был двуствольным, никто не знал, сможет ли он совершить пять убийств. Я почти вспотел. Потом это место окружила полиция и началась осада, в которой каждая крапива и травинка были соучастником постфактум.

В какой-то момент они слышали возню и подумали, что он вышел сдаться, но это была всего лишь парочка крыс, дравшихся из-за куса хлеба. Чтобы успокоить любителя дробовика, полицейский через дверь стал рассказывать историю своей жизни, о том, как он был обездоленным и бедным, как учился дома, но в основном в вечерней школе, и занимался самообразованием. поднялся по лестнице до девяти уровней О, а затем поступил в полицию, потому что хотел того чувства принадлежности, которое можно получить только в армии или с парнями в синей форме. И он не был разочарован. Он сделал бы то же самое еще раз, потому что жизнь того стоит, кем бы ты ни был, хотя и повышение зарплаты всегда будет желательным, потому что у него есть жена и двое детей. С другой стороны, у него также был «Воксхолл Вива» и хорошая квартира в

полицейском доме, и, возможно (шаря в поисках бумажника), «вы бы хотели увидеть фотографию двоих моих детей, сделанную в Моркаме в прошлом году...?»

Эта чушь продолжалась еще десять страниц, потому что полицейский много говорил о поимке грабителей и избиении скинхедов (с чем не может не согласиться ни один читатель) или о преследовании террористов, приземлившихся с Ближнего Востока в лондонском аэропорту.

Я мог закончить книгу в любой момент, потому что на столе лежало двести страниц, но я продолжал и продолжал. Один полицейский, помочившись в ближайший ручей, предложил своему вышестоящему офицеру уйти из окрестностей и прислать канонерскую лодку. Его хвалят за чувство юмора, а затем советуют вернуться в передвижную столовую за дополнительной кружкой чая и батончиком «Марс».

Я проник в сознание человека с дробовиком, который рассказывал своим заключенным о том, как он верит в Бога, иначе он не был бы так готов их убить, не так ли? Он чувствовал огромное одиночество внутри себя. Ему приснилось, что он провалился сквозь него, и он проснулся с криком. Эту дыру он мог заполнить только холокостом. Бог есть любовь, а не пустота.

«Да, сэр, но вам, знаете ли, следует положить дробовик». Полицейский вспотел под лучами прожекторов. Спор о Боге продолжался. Все ждали. Это показывали по телевидению. Женщина-заложница начала рожать ребенка. Были подняты новые дуговые фонари. Над головой завис вертолет. Права для японского телевидения были проданы. Когда в окно попал объектив камеры, муж и любовница объединили усилия и напали на него с молотками, потому что гонорар был недостаточно высок. Они привязали сообщение к крысе и отправили его своему агенту, ожидавшему на холме с куском сыра. Но, неизвестные им третья, четвертая и пятая камеры сняли на пленку их религиозные и человеческие возражения против того, чтобы мир суетился над ними в это тяжелое время. Они решили не допускать посягательств на общечеловеческую тему рождения Нового Человека, но, дорогой читатель, это им не помогло — поверьте мне. Беккет погиб, когда опрокинувшаяся джаггернаут выбросила груз моих слов.

Весь мир наблюдал за этой драмой, разыгравшейся на территории примитивного коттеджа «Пепперкорн» на холмах Шропшира. Взяв урок у Делфа, я позволил себе использовать аллитерацию, и это сработало. В поэзии оно устарело, но в прозе оно было актуальным, на данный момент. Из открывающегося влагища жены я проник в сознание, если это

можно так назвать, телекомментатора и заполнил страницу такими фразами, как «рвать небо», «рвать звезды», «сметать облака с дороги» — до тех пор, пока бэби не был рожден. Муж, у которого теперь было ружье, решил сбежать.

Он вылез из верхнего заднего окна и, вырисовываясь в свете звезд, упал на землю и сломал лодыжку. Полицейский схватил его, но перед прыжком наш Любовник схватил пистолет и выстрелил в него, но промахнулся. Муж пробрался между деревьями и поднялся на холм. (Права на экранизацию проданы.) Также светил лунный свет. Наверху была граница Уэльса. Оказавшись внутри, он был спасен. (Две страницы о валлийском национализме.) Он побежал, друид схватил его с вытянутыми руками. Это было облако. Он прыгнул через это, он оказался спортсменом. (Чтение на Третьем Радио.) Вернувшись в коттедж «Пепперкорн», любовница ухаживала за новорожденным младенцем. Чтобы поверить в душераздирающую сцену капитуляции, нужно было прочитать ее.

Блэскин был доволен. Это был такой ужасный дерьмовый роман — чушь четырнадцатилетнего подростка, — что он рассмеялся.

— Нет ничего лучше, чтобы избавить меня от крючка. Они откажутся, и я смогу отправить свой шедевр куда-нибудь еще.

— Рад быть полезным, — сказал я. — Думаю, мы приближаемся к кульминации. Мне нужно всего лишь несколько страниц, чтобы я мог закончить это утром.

— Тебе лучше, — сказал он. — А теперь уйди с дороги, пока я одеваюсь для своего звездного часа. Где твоя мать, я не знаю, но она покажется на вечеринке, горе мне.

Несмотря на то, что он не присутствовал даже в течение одной минуты моего воспитания, полагаю, страсть к шикарной одежде я перенял от него. В некоторых вопросах кровь говорит больше, чем обстоятельства, и желание, чтобы внешний мир считал меня умным, независимо от того, насколько оборванным я себя чувствовал внутри или насколько неряшливым внутри моего собственного жилища, было тем, чем я обладал так долго, как только мог помнить.

Блэскин надел черный костюм и галстук-бабочку, и я мог бы побриться, глядя на блеск его ботинок до щиколотки.

— Миссис Драдж хорошо в этом разбирается. — Он критически посмотрел на то, что я носил, и решил, что это лучшее, что я могу надеть.

Когда мы вышли из такси и пошли на вечеринку в Букмэн-Холл, он представил меня своему издателю Тони Амперсанду как своего научного сотрудника. Я этого не отрицал. Быть известным в качестве его сына

обременило бы меня слишком большим грузом, с которым я бы не смог смириться. Ярко освещенный зал был наполовину полон, и я направился к столу, где было налито шампанское и разложена еда. Блэскин вручил мне сигару, которую я закурил, съев полдюжины сосисок, несколько головок цветной капусты и несколько кусочков копченого лосося.

Я стоял с бокалом на удобном месте, чтобы наблюдать за тем, кто войдет, хотя вскоре сквозь толпу стало трудно что-то увидеть. Блэскин отвел меня к Марджери Долдрам и миссис Драдж, раздраженной тем, что они вместе, и надеющейся, что я расстанусь с их парой. Миссис Драдж была высокой и ледяной, и я мог сказать, что я ей не нравился, из-за чего мне захотелось лечь с ней в постель, но, зная, что это займет слишком много времени на подготовку, и не желая сбегать от собственного отца, я не стал этого делать. Не тратьте зря время на болтовню. Я думаю, она ненавидела всех, кто был связан с Блэскином, хотя, казалось, ей не понравилось, когда Марджери резко повернулась и оставила ее одну.

Шум напоминал волны, разбивающиеся о берег Брайтона, а не Блэкпула, хотя все равно было трудно расслышать, что говорилось. Блэскин стоял у дверей, приветствуя людей из газет и журналов. Когда Марджери спросила меня, как продвигается его последний роман, я ответил, что он выйдет в следующем месяце. Она пообещала рассказать об этом Мелвину Гомери, который, возможно, проверит это. Они нападали на Блэскина, хотя, похоже, это не снизило его продажи. Она указала на светил: Колина Кэмпса из *Soho Review*, Викторину Пламб из *Daily Retch*, Питера О'Граффити из *Private Lives*, Кристофера Хогваша из *Bookbag*, Эдвина Стоу из *Hampstead Review* и Сьюзан Стопватч из *Literary Mirror*. По ее словам, они не были лучшими из лучших. Те пошли на другую вечеринку, хотя, возможно, кто-то из них еще придет позже, если не выпьет достаточно.

Рэймонд Мангл рассказал мне, что его последний роман был об иранских фанатиках, называющих себя «Братями Кордовы», террористической группе, стремящейся вернуть Испанию в лоно ислама.

— У них проходят обучение тысячи членов. Секретные ячейки созданы в Севилье и Толедо. Министерство иностранных дел знает о них, но не возражает. На самом деле они пытаются заключить сделку, обещая предоставить им свободу действий в Испании — вплоть до Пиренеев — если они не будут претендовать на Гибралтар, когда придут к власти.

— Это фантастический роман?

— О, нет. Лет через двадцать это произойдет. Запомните мои слова.

— Не говорите Блэскину, — сказал я, — иначе он это напишет.

— Ты так думаешь?

— Он обязательно это сделает.

Встав на цыпочки, он оглядел комнату.

— Мне нравятся такие вечеринки. Я уже больше недели ничего не ем, кроме рыбы, запивая ее белым вином.

Его линия губ, не совсем прикрытая бородой, покрылась рябью от неприязни, когда я ответил на его вопрос, сказав, что читаю только Гилберта Блэскина, Сидни Блада. и Рональда Делфа. Его глаза стали более насыщенно-серыми, что сигнализировало о его отвращении.

Я рассказал девушке с длинными каштановыми волосами и заячьей губой, которая работала в рекламном агентстве «Лок и Ки», что пишу рецензии на книги для «Таймс» под псевдонимом. Она попыталась узнать мое настоящее имя, поэтому я сказал, что если она последует за мной в гардероб, я ей скажу.

— Тогда я тебе верю, — сказала она и исчезла, как рыба в воде.

— Что это за большой, напыщенно выглядящий парень, который стоит у двери и разговаривает с Блэскином? — спросила Мангл.

— Откуда мне знать?

Но это был лорд Моггерхэнгер, который дружески похлопал Блэскина по спине, а затем повернулся, чтобы похоронить бойфренда Тони Амперсанда в облаке сигарного дыма. Одна или две женщины-издатели средних лет были напуганы до бровей, и Моггерхэнгер беспокойно поерзал, когда они заговорили с ним. Я подошел достаточно близко, чтобы услышать, как кто-то из них сказал, что для нее будет честью опубликовать историю его жизни или даже роман.

— Об этом позаботились, — он толкнул того, кто подошел слишком близко, увидев, что леди Моггерхэнгер и Полли наблюдают за происходящим. — Мистер Блэскин пишет обо мне книгу, так что я надеюсь, что он позаботится о публикации.

— Как вы с ним познакомились? — спросила Панк-один.

Моггерхэнгер рассмеялся. — Где можно встретить Блэскина? Я прочитал страницу или две его книги. Или моя жена его раздобыла. Все, что я знаю, это то, что он джентльмен.

— Они существуют? — спросила Панк-один.

Панк-два была пренебрежительна.

— Что такое джентльмен?

Она хорошо потрудились, пытаясь замаскировать свои безупречные корни из среднего класса, переняв маскарадные костюмы рабочих.

— Джентльмен — это тот, кто никогда не признает себя таковым — для начала, — сказал он ей. — Это тот, кому плевать — если вы извините за такие выражения, хотя я думаю, вы слышали и похуже — на всех и на

все, но держит глаза открытыми, а рот — закрытым. Он знает, что мир принадлежит ему, но не брезгает щедростью, когда у него хорошее настроение.

— Вы говорите так, будто напишете самую замечательную книгу, — сказала Панк-один, немного заискивающе, как мне показалось.

Он хлопнул ее по спине.

— И ты будешь весьма привлекательна, если согласишься работать в одном из моих развлекательных комплексов, моя дорогая. У тебя это очень хорошо получится. Я заплачу тебе хороший гонорар. Как насчет этого?

— У нее уже есть комплекс, — сказала Панк-два.

— Клод, принеси мне выпить, — сказала леди Моггерхэнгер.

— Ничто не принесет пользы, если у тебя не будет двух штук, — сказал он. Потом он увидел меня.

— Майкл! Иди сюда, непослушный мальчик! — Он сунул мне не только палец с кольцом из кровавика, но и всю руку, которую я потряс. Давление было искренним и сердечным.

— Я рад тебя видеть, позволь мне сказать это. Ты всегда рядом со мной, ты это знаешь. Я был более чем рад узнать, что ты выпутался из этого канадского дела. Я знал, что ты это сделаешь, иначе я бы не тал тебя посылать. Но ты немного глуп, что не пришел сразу на разбор полетов, хотя я понимаю, что тебе сначала хотелось отдохнуть. После такого путешествия у любого могут возникнуть проблемы с повторным входом в атмосферу.

Панк-два указала на меня. — Кто он?

— Мой главный курьер. — Он был императором, назначавшим повышение на поле боя.

Панк-один, быстро, как вспышка, дала мне свою визитку.

— Вы хотите написать книгу?

— Нет. — Моггерхэнгер выглядел довольным моим правильным ответом. — На своей работе я подписываю Закон о государственной тайне, и это на всю жизнь.

— Однако он мог бы это сделать, — сказал он. — В нем это есть. Держу пари, если бы он это сделал, он бы выиграл приз.

— Приз Моггерхэнгера, — сказала Панк-один.

Панк-два от волнения пролила шампанское.

— Я говорю, это замечательная идея, Джейн. Что вы скажете, лорд Моггерхэнгер?

Настроение у него было хорошее, потому что это был его первый литературный вечер, как и мой.

— Это зависит от него. Если это денежный приз, забудьте об этом. Но если я смогу заплатить членством в клубе, или украденным автомобилем, или поддельными книжными жетонами, или иконой, которую один из моих парней получил из России, за пару колготок, мы сможем поговорить об этом.

Его окружал смех довольно молодых женщин, но даже молодые мужчины оборачивались, чтобы посмотреть. Панк-один вернулась, ведя официантку с подносом с бокалами для шампанского. Полли Моггерхэнгер взяла одну и увидела меня.

— Прошло много времени, — сказал я.

Она попыталась улыбнуться, и ей это удалось. — Ты не изменился — физически.

— Я уверен, ты тоже не изменилась.

Волосы у нее были такие же черные, лицо полнее, но бледнее. Ее губы были такими же красивыми, а фигура — зрелой.

— На самом деле, ты прекрасна. Я был влюблен в тебя и до сих пор люблю. Ты не сошла с ума с тех пор, как прошло много лет, но я сошел с ума, не видя тебя.

Она была настоящей Моггерхэнгершей, твердой, как гвозди. Это она способствовала своему старику, отправившему меня в тюрьму, и я подумал, что если мне удастся посадить ее так же, как и его, когда-нибудь в будущем, я не буду колебаться. В противном случае я бы согласился шлепнуть ее по отбивным, но не слишком сильно, чтобы не расшатать ни один из идеальных зубов, которые я видел, когда она улыбалась.

— Но ты никогда не связывался со мной, не так ли? Я тоже часто думала о тебе и всегда надеялась увидеть тебя или услышать о тебе. Я слышала, что ты был женат.

Ее смех разнесся по всей комнате, несмотря на шум, и Панк-один посмотрела на нее с такой любовью, что я подумал, что она тоже попытается уговорить ее написать книгу.

— Когда ты позволил этому остановить тебя?

— А ты была занята рождением ребенка. Я забыл какого. Но с этого момента я буду чаще видеть тебя. Где ты живешь?

— Недалеко от папы. На Пайп-роуд, номер двадцать три.

— Я даже не знаю твоей фамилии по мужу.

— Мой развод состоялся на прошлой неделе. Та же, что и раньше.

— Удобно.

— Нам так больше нравится. — Она коснулась моей руки. — Но мне нужно съездить и встретиться с мистером Блэскином.

— Не надо, — сказал я в ужасе.

— Не? Слушай, я трахаю тех, кто мне нравится. И не забывай об этом.

— Я постараюсь этого не делать.

Я отвернулся от очередного бессмысленного разговора и столкнулся со своей матерью.

— Значит, ты меня не знаешь?

Она поцеловала меня, и я крепко обнял ее, понимая, что если я сделаю меньше, она будет следовать за мной повсюду. Было почти семь часов, а в половине второго у меня было свидание с Этти и Филлис. И все же инстинкт подсказывал мне бежать, хотя и не потому, что я ее не любил. На самом деле, когда я врезался в это поразительное существо с растрепанными волосами, я подумал, что она всего лишь еще один придаток издательской профессии, и только ее дерзкое веселье помешало мне предположить, что она Панк-три. В ту фатальную вспышку сознания в несколько секунд между первым взглядом и смертью восприятия, наступающей от узнавания, я увидел эту гибкую, желтолицую, привлекательную, утомленную сорокалетнюю женщину (ей было пятьдесят пять лет), которой я собираюсь сказать несколько ласковых слов, прежде чем отправиться к кому-то другому.

— Гилберт сказал мне, что ты вернулась.

Ее бусы зазвенели.

— Я только что разговаривала с ним, но он сказал мне, чтобы я пошла на хер. У него есть некоторые надежды. Он болтал с этим сифилитическим рэкетиром лордом Моггерхэнгером. Я не знаю, чего он от него хочет. Он самый крупный развратник в Европе.— Панк-один и Панк-два стояли рядом, но Моггерхэнгер был слишком далеко, чтобы нас услышать. — Я вернулась из той лесбийской коммуны в Турции, чтобы присутствовать на вечеринке моего мужа, посвященной выпуску двадцать пятой книги, а этот придурок пытается меня игнорировать.

Она взяла бокал шампанского с подноса, покачивавшегося, как волшебный ковер, и выпила его, как шербет, затем схватила еще один. Темные волосы спадали ей на плечи, а ее бежевое платье-мешок было украшено цепкими безделушками. Она спросила, как поживает Бриджит, и я рассказал ей все.

— Ты счастливчик, — засмеялась она. — Бриджит всегда была слишком хороша, чтобы жить с тобой. Как ты собираешься теперь обеспечивать себя?

— Я работаю на Моггерхэнгера.

Она положила пустой бокал в рюкзак, украшенный символами CND.

— Ну, если ты попадешь в тюрьму, как в прошлый раз, не пиши и не

говори мне. Только не позволяй ему отправить тебя в Турцию и посадить тебя там в тюрьму. Ты можешь быть моим сыном, но мне бы этого не хотелось. Раньше я принадлежала к Обществу разделявания мужчин, но теперь я принадлежу к Обществу разделявания турок, как и большинство англичан.

Панк-один вмешалась в наш разговор. — Могу я представиться?

Моя мать обняла ее. — В любое время, любимая. Хочешь, чтобы я написала книгу?

Я ускользнул. Я собирался все исправить, выехав в семь двадцать пять и взяв такси, чтобы встретиться с Этти и Филлис, но в семь пятнадцать я услышал громкий пронзительный голос матери с потоком ругательств в адрес ее блудливого мужа.

Что мне оставалось делать? Вытащить ее отсюда и отвезти домой? Такое предложение принесло бы мне брошенный в мою сторону бокал шампанского, что и произошло с Блэскином. Звук драки был такой, будто кто-то шлифует пол. Люди кричали, но громче всех раздавался обиженный рев Блэскина: «Я развожусь с тобой, я развожусь с тобой, я развожусь!»

Он был ослеплен, как Самсон. Нелитературная тишина очистила комнату даже от звона стекол.

— Не трогай меня, — сказала она, — иначе я убью тебя.

— Поставь этот стакан.

— А ты покажи мне, что любишь меня.

— Любил ли я когда-нибудь кого-нибудь еще?

— Может быть, ты и писатель, — кричала она, словно только что вернулась с урока ораторского искусства, — но для меня ты придурок из высшего общества! Ты втыкаешь в людей булавки, чтобы они подпрыгивали, и пишешь о них свои идиотские романы. Прямо сейчас ты пишешь свой двадцать шестой. Я знаю тебя, придурок! Я вижу, как у тебя за левой ресницей крутится маленький магнитофон.

Его стон перерос в крик.

— Ты толкаешь меня обратно в грязь!

— Это то место, где тебе место, засранец. Это все, что ты когда-либо хотел.

Раздалось всеобщее громкое «Ооооо!».

— Это было сделано для того, чтобы ты не стала лесбиянкой, — бросил он в ответ.

— Любая женщина, которая смотрит на тебя — лесбиянка.

— Ты мне больше не нужна, — засмеялся он. — Я нахожусь в том возрасте, когда могу заполучить всех молодых женщин, которые мне

нравятся.

— Я тоже!

Я последовал за ней.

— Уходи. Ты заходишь слишком далеко.

На лицах обоих были слезы. Если бы в пятьдесят пять лет меня ждал такой сеанс, я бы лучше добежал до ближайшего моста и прыгнул с него. Или согласился бы на любое опасное задание, которое мог дать Моггерхэнгер.

— И вполтину не дальше, чем зашел этот грязный ублюдок. Он англичанин до мозга костей, а это значит, что он хуже любого турка.

— Ты разрушаешь мою карьеру, — Блэскин закрылся руками, хотя я подозреваю, что он смеялся. Я не стал ждать. Они вполне могли позаботиться о себе. Я в каком-то смысле завидовал им, хотя никогда не хотел быть таким откровенным. Очень жаль, подумал я, выбегая и протягивая руку к такси, что у тридцатипятилетнего мужчины должны быть родители, и просто мне повезло, что эта сварливая парочка проживет так долго, что я не сомневаюсь все еще быть сыном в семьдесят пять лет.

Глава 21

Как только я отошел от них, пелена в моем сознании рассеялась. В любом случае, есть что-то вдохновляющее в лондонских толпах, увиденных из такси будним вечером, когда еще светло. Пока мы объезжали Цирк, нам перебежала дорогу девушка с явной целью добраться до ближайшего злачного места. Уже вспыхивали освещенные рекламные объявления, едва приглушенные солнцем. Было ощущение роскоши и благополучия, и я бы велел водителю отвезти меня по Риджент-стрит и вниз по Гауэр-стрит, чтобы добраться до Ковент-Гардена, но это заставило бы меня опоздать. Некоторые таксисты — грубые люди, но у меня всегда была слабость к тому, как они зарабатывают на жизнь.

— Ты только что выбрался с вечеринки Блэскина, приятель? — спросил он, отодвигая окно.

— Да. Хороший поступок.

— Он уже пьян?

— Около того.

Он посмеялся.

— Есть два мистера Блэскина. Один — когда он в такси, и тогда он на вес золота. Другой — когда он в своей машине. Тогда он дьявол, и тебе

лучше держаться подальше. Но он нам нравится. С мистером Блэскиным ты всегда знаешь, где ты. Настоящий спорт. Мне бы хотелось сказать то же самое о его брате.

Я дважды сглотнул и захотел двойного бренди.

— Брат?

— Преподобный Джордж Блэскин. Должно быть, старше мистера Гилберта, мне кажется, лет шестидесяти пяти. Поверь мне, он подлый и сварливый старик. Я не думаю, что они хорошо ладят. Он всегда пытается спасти душу мистера Гилберта, и, между нами говоря, я думаю, что эта работа бесполезна. Однажды я слышал, как они спорили, когда вез их в Паддингтон. Преподобный Джордж — маленький худощавый человечек с густыми седыми волосами, и он натурально избивал мистера Гилберта. Я мог бы посмеяться. Гилберт сказал, что у него нет души. Имейте в виду, его сестра тоже может быть неловким клиентом.

Я почти открыл дверь и выскочил.

— Сестра?

— Гертруда Блэскин. Она заведующая больницей. Мне бы не хотелось оказаться даже поблизости от нее. Ее рост шесть футов, плюс-минус дюйм. Однажды я видел, как она спорила с Гилбертом на тротуаре перед Национальной галереей, и ударила его зонтиком, но мистер Блэскин схватил ее и нанес ужасный удар в затылок, а затем затолкал в мое такси, когда я подъехал. Ну и семья. Я думал, что моя ситуация достаточно плоха.

— Ты уверен, что у него есть брат и сестра?

— Определенно. Но они мало видятся, и я понимаю почему. В их отношениях нет никаких сомнений — они просто ненавидят друг друга.

Я был потрясен мыслью о таких тете и дяде, но у меня не было времени размышлять над этим фактом, потому что в семь двадцать девять мы подъехали к станции Ковент-Гарден. Поскольку я приехал на тридцать секунд раньше, ни Этти, ни Филлис там не было. Я ходил взад и вперед. На вечеринке у Блэскина дела шли настолько суматошно, что я выпил всего две бутылки шампанского, и во рту у меня было сухо, как в пороховой бочке. По улице доносился запах пива, и я размышлял о прелестях большой кружки, когда увидел Филлис, идущую сквозь толпу.

— Где Этти?

Я поцеловал ее в ее прекрасные красные губы.

— У нее болела голова, поэтому я отправила ее домой.

— Где она живет?

— Она останется в моей квартире, пока не найдет комнату. В любом случае, она уложит Хуза и Буза спать и встретит нас у Рэддишера через

полчаса.

Имена прозвенели в два колокольчика. — Хуз и Буз?

— Чертовы бунтовщики, но она знает, как их сдерживать. Она настоящая маленькая мадам, Этти, если она того хочет. Куда нам идти?

— Ты голодна?

Она кивнула.

— И ты проголодался?

— Я умираю с голоду.

Мы пошли к Рэддишеру. Я не знал, что сказать, все еще потрясенный откровениями таксиста, да и в любом случае мы не могли быть соасем рядом из-за толпы.

На другой стороне Чаринг-Кросс-роуд я взял ее за руку.

— Кажется, я уже слышал о Хузе и Бузе раньше.

— Они есть в Библии, — сказала она.

— Я имею в виду живых, дышащих людей.

Я заказал Рэддишера столик Блэскина, и мы сели наверху у окна.

— Мне кажется, ты говорил, что это место принадлежит тебе.

— В каком-то смысле, — сказал я. — Я прихожу сюда так часто, что мне кажется, что это так.

— Я знала только одного лжеца, подобного тебе.

— Как его звали?

— Я забыла.

Официантка взяла у Филлис ее потрепанное пальто с воротником из крысиного меха, и я задумался, что мне с ней делать, после того, как видел таких великолепно одетых женщин на вечеринке у Блэскина. Если бы жаргонная ссора моей матери в ноттингемском стиле не оттолкнула меня, я, возможно, пошел бы домой с Полли Моггерхэнгер.

Но через некоторое время, сидя напротив Филлис за нашим маленьким продолговатым столиком, глядя на ее живые темные глаза, цинично улыбающийся рот, высокие покрасневшие скулы, небольшой приплюснутый носик и ее привлекательный бюст, обтянутый белой атласной блузкой от Литтлвуда и брошью, скрепляющую ее, я передумал.

— Ты обворожительна. Я рад, что ты пришла одна. Ты знаешь, что я чувствую к тебе? С тех пор, как я впервые увидел тебя, я находился в лихорадочном сексуальном возбуждении, ожидая возможности снова увидеть тебя. Удивительно, что я не наложил на себя руки.

— Я тоже с нетерпением этого ждала.

Мы потянулись друг к другу за руки над столом, но официантка остановила нас и спросила, хотим ли мы сделать заказ.

— Сначала я выпью вино, белое бордо. Затем «Ньюкасл Поуп» или

«Шонёф дю Пап», а потом бутылка «Джолли Ред».

— О чем ты?

Ее раздражение по поводу моей словесной чепухи, казалось, вышло из-под контроля. Этти пришла как раз вовремя, покрасневшая и светловолосая, ее маленькое личико было слегка обеспокоено, вдруг она что-то пропустила.

Филлис заказала копченого лосося и стейк турнедо, как если бы я был сделан из денег, и Этти последовала ее примеру. Обе желали избавиться от деморализации мясного заведения, в котором они работали. Я не возражал, потому что Филлис стояла того, чтобы потратить на нее все, что у меня было, из тех женщин, чья полупривлекательная внешность и буйный расточительный дух заставили бы любого мужчину почувствовать себя чужаком. Когда мы чокнулись и приступили к трапезе, она спросила:

— Ну, а чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Я агент по недвижимости в Ноттингеме. Я здесь на неделю, в гостях у друзей.

Этти нарезала копченого лосося квадратиками, а Филлис свернула его, как ковер, и засунула внутрь одним махом.

— И чем занимаются агенты по недвижимости?

— Хороший вопрос. Я — смотритель кошек.

— Кошачий смотритель?

— Это жизненно важная часть нашей организации. — Моя серьезность убедила ее. — Часто, когда мы показываем людям квартиру или дом, они жалуются, что комната недостаточно велика, чтобы в ней можно было разместить кошку, поэтому мы решили оставить несколько кошек, чтобы доказать, что комната была — или на самом деле не была — достаточно большой чтобы завести кошку. На самом деле кошек у нас четыре. После этого большинство других агентов по недвижимости скопировали нас и тоже держат кошек.

— Я не знала.

— Разве вы не замечали, когда заходите в контору агента по недвижимости, как отчетливо пахнет кошками? Это не неприятно, потому что они очень хорошо размещены. Моя работа — кормить их, чистить их ящики и поддерживать журнал в актуальном состоянии.

Филлис доела черный хлеб с маслом. — Журнал?

Я налил еще вина.

— Кошачий журнал, в котором записываются дата, время, место и результаты каждого случая, когда кошку выносили в комнату, чтобы посмотреть, насколько она велика.

Этти сжала руки вместе. — Разве это не жестоко?

— Ну нет, при определенном порядке, это не так. И они к этому привыкли. Это их жизнь. Они любят прогулки и с нетерпением их ждут. Это раз в два-три дня. В любом случае не все клиенты спорят о размерах помещения. Но если кто-то выражает сомнение или предвидится спор, мы кладем дежурного кота в коробку и берем его с собой. Они очень умны. Если комната недостаточно велика, чтобы разместить в ней кошку, они прекрасно умеют обходить мебель и стены и избегать пламени камина. Они издают мяуканье, как радар, чтобы указать, что комната слишком мала, а затем их возвращают в коробку. Однако однажды, когда я шел через рыбный рынок, из коробки выскочил старый кот Усик. Что касается того, как я в конце концов вернул его, это история для другого дня. Возможно, я и расскажу это, когда принесут стейк.

Мы выпили белое, и нам принесли красное. — Ну, как вино, наслаждаетесь?

— Чудесное.

Рот Этти был слишком полон, чтобы говорить, поэтому она кивнула. Они наполовину поверили моей кошачьей чепухе, а если Филлис и не поверила, то я мог сказать, что я ей понравился за то, что я взял на себя труд ее раскрутить. Я наполовину пожалел, что не воплотил такую идею в дерьмовом романе Блэскина, но всего не продумаешь. Еда и вино придали Филлис немного красок, и я погладил ее по щеке средним пальцем левой руки.

— Ты самый замечательный человек, которого я когда-либо встречал.

Было видно, что красавицей ее еще никогда не называли, потому что ресницы ее ходили, как крылья бабочки.

— У меня есть уединенное очаровательное местечко под названием «Коттедж «Пепперкорн». Однажды мы все поедем туда, ты, я, Этти, а также Хуз и Буз. Это самый тихий уголок, который вы можете себе представить. Как долго вы обе собираетесь работать в кафе?

— Мне нужно зарабатывать на жизнь, — сказала Этти.

Я предложил им бренди.

— Вы женаты? — спросила Филлис, — или нет?

— Мы не вместе. — Я не видел причин умалчивать об этом.

— Жизнь трудна, — сказала она. — Иногда я задаюсь вопросом, как мне жить дальше. Я не могу этого объяснить, правда.

— Тогда не надо. — Я заказал бренди и кофе и закурил сигару. — В прошлом году я пытался покончить с собой. Я принял громадную дозу опиума, но это не помогло. Потом я повесился, и веревка порвалась. Затем я выстрелил в себя и промахнулся. Поэтому я решил, что мне не

покончить с собой.

Выбрать ту, с кем я лягу спать, становилось все труднее. И та, и другая, решил я, поглаживая Этти по руке, чтобы она не чувствовала себя обиженной.

— Мне нравится видеть, как ты с аппетитом ешь всю эту еду.

«Сейчас она скажет мне, что беременна», — подумал я.

— Это потому, что я беременна», — сказала она.

— Не говори таких вещей, ради Бога.

Она рассмеялась злобным смехом.

— Я смогу лгать гораздо лучше тебя, если постараюсь.

Филлис снова рассмеялась. Я рассказал им еще больше о красотах коттеджа «Пепперкорн», пока не принесли счет, и тогда я сделал серьезное лицо, просто чтобы дать им понять, что они хорошо проводят время.

Снаружи воцарилась темнота, только видно было слабое голубое мерцание между крышами. Пока мы шли, Филлис держала меня за одну руку, а Этти взяла другую. Шум стал тише, и в тихом уголке главной улицы можно было услышать даже трель голубей — если у вас такой острый слух, как у меня.

— Я не могу передать вам, как много значит для меня эта встреча с вами. — Мои слова могли бы относиться к любой из них. — В такой вечер.

После десяти унылых лет с Бриджит в Верхнем Мэйхеме я влюблялся в каждую женщину, с которой обменивался шестью словами. Я снова начал жить, вот только связь с Моггерхэнгером могла означать, что я умру.

— Я прекрасно провожу время, — сказала Филлис. — Но я слишком много съела и выпила.

— Я тоже, — засмеялась Этти.

Я поцеловал ее в щеку.

— Что нам нужно, так это еще выпить.

Мы пошли по темной улице недалеко от Лонг-Акр, мимо магазина карт Стэнфорда, свернули еще за несколько углов и подошли к чему-то вроде склада с фонарем над дверью и объявлением, которое остановило меня: «Рональд Делф, поэт. Один фунт.»

Филлис сделала движение, закатывая рукава.

— Мы заходим, — сказал я им, — но он мой.

Этти побежала вверх по лестнице. — Не порти мне веселье.

Он уже читал свои стихи, но мы пробрались внутрь и сели на какое-то деревянное сооружение среди нескольких десятков других людей. Мы

не могли удержаться от грохота, и Филлис хихикнула, когда они передвинули ноги, чтобы позволить нам пройти. Делф стоял на сцене, положив руку на голову своей панды.

— Ненавижу людей, которые опаздывают, но, по крайней мере, это еще три фунта.

Они смеялись. Он не был бы так рад, когда увидел, кто это был.

— «Королева сумерек», — сказал он, — это название следующего стихотворения. Я ненавижу титулы, но моя публика настаивает, так что вот. Я ненавижу свою публику, хотя у меня нет другого выбора, кроме как любить ее. Я посвящаю стихотворение — я тоже ненавижу посвящения, но какого черта, — снова смеется, — Прю, щедрой маленькой девочке, которую я когда-то встретил, и не думаю, что встречу с ней снова, потому что она проходит психиатрическое лечение, но не из-за меня. Она все равно была бы такой, рано или поздно.

— Продолжай, Рональд, — крикнул бородатый мужчина.

— Да-с, нет-с, три полных мешка, а лучше два, — он читал каждую строчку, как целое стихотворение, с достаточными паузами между словами, чтобы он мог перевести дух, — то самое стихотворение, которое он дал мне прочитать. прямо перед тем, как высадить его возле Стивениджа, хотя сейчас это звучало лучше.

Он остановился на время, достаточное для того, чтобы мы поняли, что это конец, и чтобы мы могли порадоваться.

— Что за чушь, — сказал я на ухо Этти.

Она ударила меня локтем под ребро. — Замолчи. Это замечательно.

Все аплодировали, и я тоже.

— Я написал это в Доггерел-банк. — Он затаил дыхание. — Это место, где я живу или, вернее, существую на гроши, которые зарабатываю как поэт. Но когда я перережу себе горло, не поев три дня, я оставлю это здание Национальному фонду. Они могут управлять им как музеем Рональда Делфа, куда мои поклонники смогут приходить и скорбеть. Мои немногочисленные вещи будут разложены здесь и там. — Он достал бумагу из своей куртки. — И вот что они найдут. Я посвящаю этот список фермеру, который сдает мне коттедж за пять фунтов в год. Это меньшее, что я могу сделать, потому что я не платил ему с тех пор, как начал там жить.

Филлис задыхалась от смеха. Все аплодировали, а он еще не прочитал список. Этти с обожанием посмотрела в его сторону, и мне стало интересно, что на самом деле произошло между ними на станции технического обслуживания на Грейт-Норт-роуд.

— Конечно, это не список покупок. Это было бы слишком долго

читать. Это не список белья. Это было бы слишком коротко, чтобы об этом беспокоиться. Это список абсолютно необходимого, и это почти правильно.

Наступила пауза, во время которой он дал нам время подумать о его красноречии и поразмыслить о предстоящей чести.

— Ну, список, который я собираюсь прочитать, начинается вот так. Должен объяснить, что это только первый вариант. На самом деле я все еще кое-что из этого придумываю, что дает представление о поэтическом процессе вашего покорного слуги.

Итак, вот мой список,

И я даже не злюсь.

В моем чечевичном коттедже ты найдешь

Французские буквы на бельевой веревке

Греческие буквы на стене,

Собаку в горшке на полке

Классики на полу

Фото Girlie-mag на потолке

И магнитола в болоте.

— Кстати, у меня есть собака по кличке Фидо, и когда я кричу «Привет, Фи!» он прибегает, чтобы услышать свою ежедневную поп-песню. — Смех в течение как минимум десяти секунд. — Вкратце мой список:

Экклс кексы в сумке

Карандаши в ряд... — Он переключил передачу, в его голосе звучало священнический гул:

Нож, вилка и ложка

Съесть луну —

И жестяная крышка для пепельницы.

Печатная машина,

Со стариковской лентой

Кто просто продолжает катиться вперед.

Стол из досок

Что я сделал этими руками,

И оранжевый ящик, на котором можно сидеть.

Ряд книг, поддержанных проволокой:

Когда я выбираю один для огня

Я читаю стихи из дыма.

Старый пакет сигарет

И мертвая пивная бутылка

Ньюкасл Браун, я думаю, это был

Но больше всего
Кровать, на которой я лежу
Сделано при рождении
И нельзя получить от
Но чьи чистые листы я разделяю
С Этти и Бетти, Филлис и Дилис.
Но когда я один, у меня общая кость
С моей похотливой Пандой
(Правда, любимец?)
И смотреть, как снег падает в окно
Все
Зима
Длинная.

Между последними тремя словами было полминуты, и эффект был потрясающий. Никто не думал, что их ограбили. Наступил антракт, и прежде чем прыгнуть со сцены, он напомнил нам, что книги его стихов продаются у дверей, а напитки можно купить в баре внизу. Он подписывал все, что мы хотели, даже Блейка, или Шелли, или Т. С. Элиота, и выпивал любые предложенные пинты.

За столиком наверху лестницы сидела роскошная девушка с копной светлых волос, широким высоким лбом, миндалевидными глазами, маленьким изогнутым носом, полными накрашенными губами и лицом, суженным к ямочке на подбородке. Она носила очки без оправы и курила сигарету с черным мундштуком. Над ее верхней губой был слабый блеск светлых волос. На ней была фиолетовая блузка с высоким воротником и маленькими белыми пуговицами посередине, переходящими от груди к тонкой талии. На столе лежала стопка книг, а в банке сбоку лежало несколько фунтовых банкнот и монет.

Я сразу влюбился в нее, потому что, помимо ее очевидных качеств, она показалась мне самым умным человеком, которого я когда-либо видел. Она сияла умом, а также тайной и красотой — но прежде всего интеллектом. Я не знал, как это понять, разве что глядя на лица других людей вокруг меня, особенно Этти и Филлис. Мне даже не было интересно посмотреть, какие у нее ноги, и я стоял перед столом, пока люди спускались вниз за напитками.

— Я куплю три книги.

Она не подняла глаз, а передала их и взяла мою десятку.

— Вы спуститесь и выпьете?

Она улыбнулась. — Я с мистером Делфом.

— Вы оба можете прийти.

— Вам придется спросить его.

— Вы его девушка?

— Насколько он может.

— Он импотент?

Она снова рассмеялась.

— Как вы можете себе представить, он несколько распутен.

— Я бы не стала с таким, как ты.

— У тебя нет такого, как я. По крайней мере, я так думаю. Как тебя зовут?

— Фрэнсис Мэлэм.

— Почему?

— Ты меня сбил с толку.

Еще более сердечный смех показал ее чистые и красивые зубы. Я никогда не был так близок к такому человеку.

— Как мило с вашей стороны так говорить, — сказала она.

Я почувствовал, как меня дернули за локоть сзади.

— Где вы живете? Где ты работаешь?

Слава богу, мои вопросы ее позабавили.

— Я в Оксфорде. Получаю медицинскую степень.

— Ты собираешься стать врачом? — Я был готов упасть в обморок.

— Я надеюсь, что это так.

— Ты идешь или нет? — пискнула Этти.

Я был готов развернуться и самым злобным, но приятным шлепком по ее отбивным сказать ей, что, если она продолжит приставать ко мне, я сорву с нее панталоны и задушу ее ими, но это, несомненно, разрушило бы мое хорошее впечатление, которое я пытался создать в глазах Фрэнсис Мэлэм. Я никогда не думал, что попаду в такую ловушку.

— Минутку, дорогая, — сказал я.

— Я должен увидеть тебя снова, — сказал я Фрэнсис. — Я хочу поговорить с тобой о работах мистера Делфа. Я писатель и, возможно, смогу кое-что для него сделать.

Ее лицо стало еще умнее, если это было возможно. — Как тебя зовут?

— Майкл Каллен. Но у меня есть другой псевдоним, и я расскажу тебе о нем, когда увижу тебя.

Она написала что-то на клочке бумаги и сунула это в одну из трех книг, которые я купил. Этого было достаточно. Я остался доволен.

— Привет, дружок. — Я услышал позади себя ужасный йоркширский говор Делфа, тот, который он издавал, когда был в Лондоне. — Возникли проблемы?

Я обернулся, и в это время он узнал Этти. Полуулыбка исчезла с его лица. Она была очарована его чтением, но тот факт, что оно закончилось, в сочетании с бессердечным пренебрежением, только что проявленным мной, с удивительной быстротой свел на нет эффект от его выступления.

— Я ждала встречи с тобой, чертов вор. Где мои десять фунтов?

— Десять фунтов? — он засмеялся. — Я еще не встречал человека, который получил бы от меня хотя бы десять писей, не говоря уже о десяти фунтах. В любом случае, я тебе ничего не должен. Я никогда в жизни тебя не видел, ты, грязная маленькая шлюха. Отвали.

По сути, единственное, что было не так с Рональдом Делфом, это то, что он мог говорить, и с ним, возможно, было бы все в порядке, если бы он не добавил эту ненужную дозу ругательств. Полагаю, он увлекся, и даже я не мог винить Этти за ее реакцию и не мог спорить с жесткой реакцией Филлис. Этти протянула руку через стол и сунула пальцы в коробку, чтобы вынуть то, что она считала своей собственностью, хотя я вернул ей эти десять фунтов во время обеда, а Филлис довольно выразительно провела Делфу пятерней по его самодовольной физиономии. Затем раздался еще один удар, когда Фрэнсис Мэлэм, это великолепное творение прекрасного интеллекта, ударила Этти так сильно, что она откатилась на несколько футов назад и едва удержалась, падая с лестницы.

Как говорится, быстро, как вспышка, я схватил Делфа за руки и оттолкнул его за пределы досягаемости. Он намеревался избить Филлис сжатыми кулаками, чего я не мог допустить, хотя и трудно было сказать почему. Он ударился о стену с таким шумом, что заставило его дважды подумать, прежде чем готовиться к большему. Прежде чем Этти и Филлис смогли объединить усилия, чтобы напасть на прекрасную Фрэнсис Мэлэм, я схватил их за руки и потащил, пиная и крича, вниз по лестнице.

Возможно, я спасал их от избиения, потому что Фрэнсис более чем выстояла. Их непристойные угрозы я не стану излагать на бумаге, хотя полагаю, что Фрэнсис их услышала, и это вызвало у меня боль в сердце, пока я не вспомнил, что она была студенткой-медиком и уже слышала гораздо худшие вещи, или ей придется привыкнуть слышать это в будущем. Я также вспомнил, что, когда я прижал Этти и Филлис к стене внизу и грозился ударить их, если они сдвинутся хотя бы на дюйм, я оставил наверху свои книги, в одной из которых был адрес Фрэнсис Мэлхэм.

— Подождите здесь, — сказал я, — или я убью вас обоих.

Я поднимался на четыре ступеньки за раз, разбрасывая людей, все

еще спускавшихся вниз.

— Я больше никогда не смогу писать. Посмотри, что ты наделал!

Я чувствовал себя в отвратительном настроении.

— Заткнись, Делф, или я выбью из твоей задницы пятьдесят стихотворений, смутьян. Не стоит грабить молодую девушку, которой приходится работать ради денег.

Я выхватил книги у Фрэнсис.

— Прошу прощения за эту небольшую вспышку. Я тебя люблю. Еще увидимся.

Она улыбнулась, хотя была явно расстроена.

Сунув книги в карман, я вернулся к Этти и Филлис в баре. Я положил руки на их плечи.

— Вам должно быть стыдно за такое поведение.

— Ох, чушь, — сказала Этти. — Я тебя ненавижу.

— С него надо было содрать кожу живьем, — сказала Филлис, — сделать такое с бедной Этти.

— Забудьте об этом, — сказал я им. Мне хотелось чаще видеть Фрэнсис, но не с этими двумя мерзавцами на шее. — Пойдем в мою квартиру. Я угощу вас напитком получше, чем вы можете найти здесь.

Мы выбрались до появления Делфа.

— Мы поедem на метро? — спросила Филлис. — Или автобусом?

— Со мной вы путешествуете на такси — и вам это нравится.

В торговом центре и возле Букингемского дворца я сел между ними сзади, поцеловал их обеих и хорошо ощутил их прекрасные груди к тому времени, когда мы дошли до угла Гайд-парка. Я не думаю, что Этти знала, что я держал руку на груди Филлис, и что Филлис не осознавала, что я знакомлюсь с формой руки Этти, которая была совершенна, когда я сидел между двумя женщинами в полутемном такси. Это был единственный раз в жизни, когда я молился о таком же длинном оружии, как у Кенни Дьюкса.

Моя идея заключалась в том, чтобы заманить обеих женщин в одну постель — для опыта, которого у меня не было до сих пор в моей жизни. Но первое, что сделала Филлис, когда мы приехали в квартиру Блэскина, — это пошла в ванную и ее вырвало. Она сказала, что от поездки на такси у нее расстроился желудок, но я снова вспомнил замечание Моггерхэнгера о том, что Лондон — мировая столица сальмонеллы, и надеялся, что моя очередь придет еще не скоро. Возможно, это был всего лишь случай обжорства. Она вернулась с расстегнутой спереди блузкой. Я уже держал язык во рту Этти, и мы были почти на грани блаженства, пытаясь втиснуться друг в друга. Я притянул к себе Филлис и поцеловал

ее, затем поцеловал Этти и снова поцеловал Филлис. Филлис поцеловала Этти, а Этти поцеловала ее, и они с удовольствием целовали друг друга и меня, а я целовал их, и наш секс втроем продолжался, пока я не подумал, что пришло время перейти к следующему этапу.

Чтобы это произошло, нам пришлось отпустить друг друга, а никто этого не хотел. Я снова и снова пробовал разницу между губами Филлис и Этти. У Филлис были мягкие и теплые, и она держала их закрытыми, чтобы я мог извлечь из них максимум пользы. У Этти были тонкие и легко открывались, так что мой язык лизнул ее маленькие белые зубки. Мне было интересно, что каждая из них чувствует по отношению к другому и ко мне. Пока они целовали друг друга, мои руки поднялись к их ногам, и мне было интересно, что каждая из них думает: чья это рука, воображают ли они, что это моя, или подозревают, что это рука другой. Мы втроем были связаны любовным узлом так прочно, что духи и пудра, которыми они пользовались, вернули меня в те дни, когда я трахал Клодин Форкс и Гвен Болсовер (правда, по отдельности), и привели меня в чувство, которое мне никогда не было известно раньше — и никогда не будет известно, потому что прежде, чем это могло пойти дальше, в квартиру вошли Блэскин и моя мать.

Гилберт снял шляпу из инстинктивной вежливости, увидев дам в комнате.

— Я искренне надеюсь, что не помешал вашей групповушке. Или я наткнулся на яркий пример трибадизма в Найтсбридже?

— Кто этот чертов чудак? — спросила Этти.

Я надеялся, что Гилберт и моя мать настолько разорвали друг друга на вечеринке, что ничто не сможет снова собрать их вместе. Я думал, что он в конце концов напьется и впадет в уныние в своем клубе и снимет комнату на ночь, чтобы зализывать свои раны. И я предполагал, что моя мать могла поехать в Верхний Мэйхем, чтобы освежиться, или найти уголок на ночь в каком-нибудь сквоте в Хокстоне. Но вот они были здесь, и она поцеловала моего отца, как школьница.

— Принести тебе ужин, мой дорогой?

— Я был бы рад чего-нибудь поесть, любовь моя. Эти ядовитые лакомства на вечеринке создали во мне пустоту, а не наполнили меня.

— Ты сказал, что твой дядя в Манчестере, — обвинила меня Филлис.

Гилберт повернулся ко мне. — Майкл, познакомь нас со своими подругами, у меня есть для них хороший молодец.

Мне не понравилось, как он это сказал, и то, как моя мать положила руку на плечо Этти и попросила ее пойти на кухню и поставить на стол немного выпивки и еды. С тех пор, как тупоголовый Блэскин вошел в

комнату, Филлис не могла перестать смотреть на него. Она отвернулась, чтобы застегнуть блузку, а затем простодушно улыбнулась, когда он спросил: — Какая музыка тебе нравится?

Она покраснела. — О, я люблю ирландских певцов.

— Ох, давай, посмотрим, что мы сможем для тебя найти!— Он перебрал записи, и вместо того, чтобы оскорбиться этим псевдо-ирландцем, она начала говорить это сама и даже приласкала его пальцы, когда он передал ей Крейцерову сонату Бетховена и спросил, подойдет ли это. Она засмеялась и сказала «нет». Он предложил ей выпить и подошел к бутылкам на буфете. Его рука лежала у нее на затылке, пока он наливал «Ундерберг», который, как он сказал после долгих непристойных разговоров о ее недавней рвоте, вылечит ее раз и навсегда. Он заставил ее выпить, и она затряслась с ног до головы, как толстая змея, стоящая на хвосте. Затем, словно теряя сознание от потрясения, она плюхнулась ему на руки и прижалась губами к его губам.

Это было уже слишком, особенно теперь, когда прекратился хриплый смех моей матери и пронзительное хихиканье Этти на кухне. Я чувствовал, что мне следует уйти из квартиры и утопить свои печали в «Собачьей шерсти», но мои ноги отодвинулись лишь настолько, чтобы позволить мне запереться в кабинете Блэскина и еще немного поработать над его мусорным романом.

Я решил, что сага о коттедже «Пепперкорн» окончена. Прошло два часа. Стук пишущей машинки заглушал свистящие и стонущие звуки из других комнат. Я точно знал, что происходит. Тяжелые капли пота стекали по моему лбу. Мне больше хотелось написать сагу о Сидни Бладе, чем какой-то дерьмовый опус для Блэскина.

Намечалась перестрелка в Стоунхендже. Рассвет в день летнего солнцестояния. Муж из моей истории, выйдя из тюрьмы, купил коттедж в Уэльсе, но через год он сгорел — по неизвестной причине, ха-ха! - поэтому он присоединился к Обществу «Самый длинный день» и прохромал пешком из Ричмонда в Стоунхендж. Его жена поехала за ним на своем блестящем «Вольво» и привезла Ребенка.

Я бросился заваривать кофе и заметил, что Этти теперь была с Блэскином, а Филлис была в гостинной с моей матерью, и еще более странной компанией чертовски пьяных лиц, которых я никогда не видел. Но я оставил это в покое и вернулся к своему роману.

Дым над Стоунхенджем. У друидов разведен очаг. Ребенка несут высоко. Обкуренные байкеры, лежащие возле своих машин (в основном 1000-кубовых BMW), непочтительно смеются, кипятя чайник с опиумным чаем над огнем горящих L-образных пластин. Лавка с

колбасой из конины приносит хорошую торговлю. На двух страницах я каждое слово начинаю с заглавной буквы. Следующие несколько страниц выделены курсивом. Эта пачка страниц глубоко посвящена прыщам на лицах людей. Затем идет страница вообще без заглавных букв, посвященная персонажу по имени Сопля, который бродит повсюду и плачет, тушит пожары. Байкеры помогают ему. Они устраивают обход и отправляют его обратно в Мертон на молочном поезде.

Я полон решимости сделать это самым дрянным романом из существующих. Даже самый дрянной роман Блэскина больше не кажется мне очень тяжелой работой, поскольку я иду-тик-так прочь..

Конец истории близок, как и конец света. Каждый год новый рассвет в Стоунхендже. Мужчина с небольшими усами и прядью волос на лбу, в макинтоше на пуговицах и подпоясанном ремне, произносит пламенную речь в пользу CND. Через несколько минут он засмеялся и замолчал, и я ушёл в другое место. Ребенок начинает кричать. Его нарисованные глазные яблоки изображают разные полушария мира, и он ненавидит все в этом месте. Ничто не заглушит его крик. «Это Шум Мира», — говорю я, и от этого тоже иду дальше. Детям не нравятся «Новые рассветы». Они сами являются новыми рассветами, и ложный рассвет Новой Зари уничтожит их. Они хотят уютно расположиться в утробе миллионов, которые были раньше, чтобы никто не появился после.

Все остальные дети спят. Их не волнует ни то, ни другое. Люди поют гимны. Некоторые задаются вопросом, почему они здесь. Даже в середине лета в полночь холодно. Начинает моросить дождь, отвечает небо, и вопль скорби превращается в полицейскую сирену.

Собаки лают. Полицейские ищут наркотики. В огонь летят маленькие пакетики, даже аспирин и порошки Бичема. Чудак-нарк творит заклинания над зеленым и синим пламенем. Байкер с вращающимися глазами бьет его. Еще один бьет его колесом от 1000-кубового BMW. Утаскивают одного-двух человек. Вообще-то семь, я пересчитал. Один человек — пожилой писатель, который протестует, утверждая, что он здесь только для исследований. Они отпустили его. Он имеет «сверхъестественное сходство» с Гилбертом Блэскином, но я назвал его Майклом Бладом. Инспектор поднимает его шляпу из грязи и возвращает ему: «Не будьте к нам строги, сэр, мы только делаем свою работу. Дайте нам честный отзыв». Писатель достает портсигар, чтобы предложить ему покурить, и из его кармана выпадают полдюжины шприцев и несколько таблеток «Моггапилл». Полицейский тоже их подбирает. Он кладет их в свой карман, отказывается от сигары, а затем идет дальше, чтобы подавить беспокойство. Какие-то Ангелы Ада опрокидывают столовую.

Ребенка отводят обратно в машину, а его родители стоят на багажнике, чтобы лучше видеть Рассвет. Дождь прекращает игру, и облака расходятся, показывая рябь неба, серые лохмотья и кровь от туберкулеза, рубашку Бога по утрам или, что более похоже, рубашку Дьявола на этом языческом празднике.

Я продолжаю еще немного, и к трем часам я аплодирую, что заканчиваю роман ужасом, пронзающим тысячи сердец, когда с перекладки мегалита видна огромная звероподобная фигура, крадущаяся через поля от восток с тряпкой террориста на голове, с автоматом в одной руке и кнутом в другой, которая кричит, что Аллах велик, и извергает сырую нефть на сельскую местность, в то время как люди бегут, спасаясь от прилива, который загорается.

Я останавливаю книгу на середине предложения, когда несколько обкуренных байкеров готовятся к контракте, не в силах понять, что я напечатал. Это должно быть пиздец. Потом я вспоминаю, что именно этого хочет от меня Блэскин, но я слишком сонный, чтобы обращать на это внимание, и, растянувшись на диване, засыпаю мертвым сном.

Глава 22

Мама разбудила меня в восемь часов чашкой кофе. — Вот и ты, сынок.

Она выглядела нарядной и свежей в вельветовых брюках оливкового цвета и одной из рубашек Бласкина. Я задавался вопросом, стану ли я жестче с возрастом.

— Где Этти и Филлис?

Место было слишком тихим, чтобы они могли там находиться. Она зажгла сигарету и дала мне затянуться, а затем села на край дивана.

— Ты имеешь в виду тех грязных молодых шлюх, которых ты привел вчера вечером?

— Да.

— Не раздражайся. Твой отец дал им немного денег, и мы предложили им поехать в Верхний Мэйхем на несколько дней. Им там понравится.

Я подпрыгнул.

— Ради бога, это мое тайное убежище.

— Не злись. Я не думаю, что они туда поедут. Там слишком тихо для них.

— Они даже не избитые жены или незамужние матери.

— Во всяком случае, они немного потрепаны, — сказала она. — У

меня в постели так часто была эта Филлис, что к концу я не знала, придет она или уйдет.

— Паршивый трюк.

— Не переживай, она отлично провела время. — Она подошла ближе. — Знаешь, ты красивый парень.

— Ты сама не так уж и плоха.

Мы посмотрели друг на друга и засмеялись. Она встала.

— Ты больше похож на своего отца, чем себе представляешь. Никогда не лысей, вот и все. Умойся и приходи на завтрак. Я готовлю большую яичницу. И не говори много Гилберту сегодня утром, если можешь. Он не очень хорошо себя чувствует.

— Я тоже.

— Я знаю, но он твой отец. И не спорь, блядь.

— Ненавижу ругань, — сказал я.

Она становилась противной и опасной.

— Ты имеешь в виду у женщин?

— Ни у кого. Но пока не готовь яйца. Я хочу принять душ.

— Тогда делай это побыстрее.

Она поцеловала меня в губы и пошла прислуживать Блэскину. Я включил радио в ванной и послушал программу, которая, как мне показалось, называлась «Право мафии». Между жужжанием бритвы я слышал вой и свист, насмешки и смех гиены. Некоторые люди в короткие периоды молчания пытались сказать что-то разумное, другие обвиняли их во лжи, клевете и поношении — когда вообще что-то было слышно. Пока я завязывал галстук, программа подошла к концу, и я узнал, что она называется «Вчера в парламенте».

Блэскин, словно сомнамбула, запихивал еду в рот. Когда в дверь позвонили, он сказал:

— Если это мой издатель, скажите ему, что я мертв. Меня похоронили тайно при свете ворованных свечей на Хэмпстед-Хит. Завтра он прочитает об этом в «Таймс».

Затем он закрыл глаза и продолжил завтракать, как будто собирался жить вечно.

Когда звонок прозвенел снова, взгляд моей матери заставил меня встать и ответить на звонок. Пиндарри стоял снаружи со шляпой в руке, перо было направлено мне в живот.

— Лорд Моггерхэнгер ожидает тебя сегодня вечером на собрании, ровно в семь часов, оденься неформально.

Он вернулся в лифт, оставив дверь открытой. Спорить было бесполезно. Он был всего лишь пригласительным билетом. Мне не

понравилось, что он не стал ждать ответа. Ему посчастливилось вернуться в лифт невредимым.

Я положил утреннюю почту на стол и сидел так тихо, что моя мать сказала, что это похоже на двух зомби у корыта. Гилберт пробормотал, что он никогда не приходил в сознание раньше двенадцати, если только не снимал его сразу же после пробуждения, а затем снова засыпал до часу. В тот день я намеревался доложить Моггерхэнгеру, как бы мне ни грозила опасность, но его срочный призыв поднял меня из полусна, что никогда не было мне на пользу, поэтому я постарался улыбнуться матери и не копать слишком явно под утреннее состояние Блэскина.

Мать суетилась вокруг нас, намазывая маслом тосты и наполняя чашки, когда линия ободка опускалась чуть ниже середины. Вчера она отлично провела время: побывала на вечеринке, напилась, пережила ужасную ссору с Блэскиным, помирилась, пошла поужинать, а затем погрузилась в ночь удовлетворяющей любви; в то время как все, что я сделал, это дописал последние штрихи до жалкого романа, проспал полночи и проснулся от того, что Моггерхэнгер распорядился мной как одним из своих худших приспешников. Чтобы компенсировать это, я решил сыграть роль опаснейшей мафии и напугать Джеффри Хорликстона до смерти.

Когда я спросил Марию, чем он занимается, она ответила, что он очень хорошо занимается рекламой. Мало того, что он и его семья пытались забить ее до смерти, Джеффри еще сумел застать ее врасплох. Если бы Мария работала так много, как она говорила, трудно было себе представить, когда бы он смог совершить это дело, но никто лучше меня не знал, что там, где есть твердое намерение, вскоре открывается путь.

Блэскин, разбирая почту, швырнул мне письмо. Он очень внимательно относился к этой работе. Пока он искал чеки и компромат против моей матери, я в открыл послание Мэтью Копписа:

Дорогой мистер Каллен,

Надеюсь, вы не забыли о своем обещании помочь мне привлечь лорда Моггерхэнгера к ответственности. Я делаю свою часть работы, и папка доказательств, которую я собираю, становится все больше и больше. То, что я раскопал, поразило бы вас так же, как и меня. Как только я почувствую, что у меня этого достаточно, я пришлю ее вам, и я надеюсь, что вы сделаете все возможное, чтобы она дошла до цели. Я не знаю, как вы это сделаете, учитывая дружбу лорда Моггерхэнгера с инспектором Лэнторном, но вы, похоже, очень умный парень, а также хороший гражданин, так что я знаю, что вы найдете способ. Прежде чем закончить, я должен вам сказать, что телеведущий Вейланд Смит

пришел сюда, чтобы разузнать о делах лорда Моггерхэнгера. Я хотел помочь ему, но знал, что это поставит меня под подозрение. Поэтому я сдал его, и это заставило их доверять мне больше, чем когда-либо. Это было именно то, чего я хотел. Я думаю, мистера Вейланда отвезли в коттедж «Пепперкорн». Я не расспрашивал слишком дотошно, потому что хочу сохранить их конфиденциальность. Скоро вы снова услышите обо мне. Пожалуйста, съешьте это письмо, иначе меня не будет в живых, чтобы послать вам следующее.

Искренне Ваш,

Мэтью Конпис

По дороге к Хорликстонам мой кулак покалывало, как будто его окунули в банку с йодом. Билет на метро чуть не выпал из моих пальцев, когда я проходил через турникет. Я бы научил этого ублюдка, как сделать Марию беременной. И все же, действительно ли она этого хотела? — задавался я вопросом, когда выбрался на солнечный свет на другом конце. Я был уверен, что Бриджит натолкнула ее на эту идею. В любом случае, разве я не совершил гораздо худшие поступки, чем Хорликстон? Терял ли я чувство честной игры? Трудно сказать, что меня двигало, но, оглядываясь назад, я более чем рад, что что-то произошло.

Деревья вдоль улиц пахли свежестью, и было приятно находиться на улице, а не в машине и не в захламленной квартире Блэскина. Дом Хорликстонов был с двойным фасадом и свежевыкрашенным, с садом впереди и, несомненно, большим сзади с оранжереей, хижинкой Венди и веревкой, свисающей с дерева, со старой шиной «Вольво», раскачивающейся на конце, даже когда не было ветра.

Была суббота, поэтому я надеялся, что он будет дома, а не по пути на футбольный матч. Я стукнул по двери железным молотком. Они были слишком элитными, чтобы иметь электрический звонок. Я ожидал увидеть новую девушку-помощницу по хозяйству, но, может быть, он уже выкинул ее в водосток или отправил домой на пароме в Ньюхейвене, потому что женщина, которая вышла мне навстречу явно была из тех, кто мог бы стать его женой. Она открыла и спросила, кого я ищу.

— Я пришел навестить мистера Хорликстона. Меня прислали из офиса.

— Я полагаю, вы имеете в виду Харлакстона.

— Это верно. Я так и делаю.

У нее было узкое, нежное лицо с тонкими чертами, и для женщины лет под тридцать она выглядела бы моложе, если бы не морщины вокруг глаз и в уголках рта. Тем не менее, в ней было то сочетание беспокойства и привлекательной внешности, которое привлекло меня, хотя трудно

было понять, какая женщина не подтолкнула бы меня к этому. Моя мать была права, когда сказала, что мне никогда не следует лысеть.

— В субботу?

— Это важно.

Она была темноволосой и голубоглазой, но фигурой не отличалась. Джефффри утомил ее своими постоянными стоянками, а когда она ему надоела, он довел ее до изнеможения своими шашнями с секретаршами и домашней прислужгой. Я почти развернулся и собрался уйти, не выполнив того, что затеял, не зная, сделал ли я это, потому что боялся, что она позвонит в полицию — подозревая, что я звонил, чтобы ограбить дом, но передумал, увидев кого-то в ее лице или потому, что мне очень хотелось разоблачить ее мужа и доставить ей удовольствие увидеть, что ему впервые в жизни пришлось расплатиться за один проступок.

— Интересно, почему они не позвонили? Никогда раньше за ним не посылали в субботу.

— Я знаю. Но там все горит. Кто-то ворвался, облил художественный отдел бензином и поджег спичку.

Она вошла в дом, а я стоял, засунув руки в карманы, как будто собирался ждать весь день. Но Джефффри пришел немедленно. Это был коренастый мужчина с короткими светлыми волнистыми волосами и довольно помятым лицом, одетый в брюки, рубашку и ковровые тапочки. Его серые глаза сверкали от беспокойства, но я не мог понять, было ли это следствием просмотра его коллекции марок или смятия юбок его последней помощницы по хозяйству, пока она собирала игрушки ребенка с пола его спальни.

— Что случилось?

— Я не знаю, что вам сказала ваша жена, — сказал я, — но я здесь от имени Марии де Соузы, вашей португальской служанки. Помните? Я не хотел говорить об этом при вашей жене.

Он резко отодвинулся назад, чтобы закрыть дверь перед моим носом, но я наполовину проник внутрь и крепко удержал ее.

— Я хочу сказать вам, что она беременна.

Он засмеялся, расставив ноги и откинув голову назад, как будто я рассказал ему шутку, отмеченную наградами на Универсальном конкурсе шуток. Он показался мне таким хорошим человеком, что на мгновение я понял, что меня бы здесь не было, если бы Бриджит не заставила меня пообещать.

— Не одна она! — Его смех сделал его намного моложе и красивее, чем когда он впервые подошел к двери. — О, чудесно! Замечательно! Я заселяю половину этой чертовой планеты. Но видишь ли, это как раз не я,

старина, и если ты так думаешь, то никогда этого не докажешь. Это невозможно, об этом не может быть и речи. — Его лицо покраснело, и он ударил меня сжатым кулаком. — Я не буду иметь дело с шантажистами.

Я всегда был убежден, что если ты собираешься что-то сделать, то делай это тогда, когда это неожиданно. Тогда шок становится сюрпризом и достигает цели. Однако редко представляется идеальная возможность. Теперь это произошло, потому что зачастую никто не удивляется больше, чем парень, который, поколотив тебя, получает ответный удар. Я ударил его так, что он потерял равновесие, сделал во вращении два шага по коридору и сбил подставку для зонтов.

— Элизабет, — позвал он, — позвони в полицию.

— Да, — сказал я, — и я скажу им, почему ты лежишь на полу. С женщиной кто угодно может попасть в такую передрягу, но тебе не следовало смеяться. Мария моя невестка. Моя сестра замужем за братом Марии. Вся ее семья едет из Португалии, чтобы зарезать тебя. Я связался с юристом, и он напишет об этом главному руководителю вашей рекламной фирмы. Когда она родит ребенка, его бросят на порог твоего дома. Не заблуждайся на этот счет.

Я раздумывал, не ударить ли его еще раз, если он встанет, когда из комнаты дальше по коридору вышла Фрэнсис Мэлэм.

— Что это за шум, дядя Джефффри? — Она не только была наделена исключительным интеллектом, но и обладала превосходной памятью: — О, это ты!

Жизнь была слишком жестока. Я только что ударил любимого дядюшку женщины, в которую влюбился накануне вечером. Я знал, что она подруга беспомощного Делфа, но я был не прочь ощутить вкус безответной любви, если в конце концов доберусь до нее.

— Что ты здесь делаешь? — Ее голос был не совсем приятным, поскольку под левой ноздрей Джефффри виднелся след крови. — Что случилось?

Его смех был почти таким же настоящим, как тогда, когда я рассказал ему о Марии.

— Эти проклятые тапочки. Я споткнулся, спеша добраться до двери, и хлопнулся носом.

Его подмигивание предназначалось только мне, когда я помогал ему подняться.

— Что, ты сказал, тебе нужно?

— У меня есть сообщение для мисс Мэлхэм, для вас, — сказал я ей. — Сегодня утром я был в городе, и Рон Делф был избит бандой скинхедов. Они разбили его панду-повозку, но мне удалось от них

отбиться. Я посадил его в такси и отвез в квартиру моего отца в Найтсбридже.

Ее прекрасные щеки побледнели.— Боже мой!

— Я пришел, чтобы отвезти тебя к нему. Он не сильно пострадал.

— Ты хороший.

— Ничего, — сказал я. — Но он, естественно, спрашивает о тебе.

— Я возьму свое пальто.

Джеффри подошел близко. — Это было правдой?

Мое сердце забилось быстрее, чем когда я ударил его. — Нет, но я же должен был что-то сказать. Однако Мария беременна. Мы с женой присматриваем за ней. Сейчас с ней все в порядке, но вам придется что-то делать, когда ребенок вылезет наружу. А что касается того, что вы думаете, что я шантажист, вам должно быть стыдно.

Он подошел близко, его глаза находились в шести дюймах от моих.

— Как тебе удастся так хорошо лгать?

— Быстро соображаю, — улыбнулся я. — Извините, я слишком поторопился. Это еще одна моя ошибка.

Он потер нос. — Поторопился? Это качество, которого сегодня очень не хватает в мире. Кем ты работаешь?

— Я писатель.

— Тебя публикуют?

— Да, но я пишу под псевдонимом. Мой отец Гилберт Блэскин, писатель.

— Интересно, — он на мгновение задумался. — Ты когда-нибудь думал о работе в рекламе?

— Иногда.

Что еще я мог сказать?

Он потянулся за курткой на вешалке и достал из бумажника карточку.

— Позвони мне в понедельник, и мы все обсудим.

Фрэнсис вернулась со своим пальто и кожаной сумкой через плечо.

— Я скоро, дядя Джеффри. Элизабет в саду. Питер заболел. Хотя с ним все в порядке. Должно быть, съел слишком много сосисок за завтраком.

Я заметил его прикосновение, когда она проходила мимо, и задался вопросом, смогла ли такая желанная племянница-студентка-медик удержать его.

Меня никогда не переставало удивлять, как быстро могут измениться к лучшему перспективы человека. Или, время от времени, к худшему. Но вот я шел по усаженной деревьями пригородной дороге субботним утром

с Фрэнсис Мэлэм, когда, впервые увидев ее накануне вечером, я никогда бы не подумал, что это возможно, особенно с учетом того, что Этти и Филлис доставили столько хлопот за десять ничтожных фунтов, которые Делф выманил из них.

— Ты идешь слишком быстро для меня.

Я сделал бы все, чтобы услышать звук ее голоса, но замедлил шаг, и она подошла так, чтобы я мог видеть румянец ее щек.

— Я рад, что нашел тебя здесь.

— Откуда ты узнал, что я остановилась у дяди Джеффри?

— Ты дала мне адрес вчера вечером.

— Это был дом моего друга в Голдерс-Грин.

— Ты, должно быть, написала дядин адрес по ошибке.

Она сморщила рот, как будто такая ошибка была трагедией недели.

— Кто были эти две ужасные женщины на чтении? Они определенно невзлюбили Рональда.

Мы стояли на главной дороге, надеясь поймать такси.

— Я встретил их в пабе, и они рассказали мне, как он обманом выманил у одной из них десять фунтов. Это звучало слишком правдиво, чтобы быть ложью. Я встретил Делфа, когда подвозил его три месяца назад. Он получил от меня деньги и делает это всякий раз, когда видит меня. Он неисправим.

Она вздохнула, как будто он обескровил ее или сделал бы это, если бы она ему позволила. — Он сильно ранен?

Я сделал все, что мог, чтобы держать руки подальше от ее восхитительных бедер, когда она садилась в такси.

— Не совсем. На самом деле он почти не пострадал. Услышав его крик, можно было подумать, что его убили. Но он больше беспокоился о своей панде. Он очень англичанин в своей любви к животным.

— Бедный Рональд.

— Он прирожденный выживающий.

Я подумал, что шутка о том, что она любит его, зашла достаточно далеко.

— Я ожидаю, что он сейчас занимает деньги у моего отца, хотя это будет непросто. Это Гилберт Блэскин, писатель.

Ее изогнутые губы сказали мне, что она раздражена.

— Ты не можешь придумать что-нибудь получше?

Я осознал глупость вести ее в месте, где живет такой старый развратник, как Блэскин, не говоря уже о ком-то вроде моей матери. Если бы они были в том же настроении, что и вчера вечером, они бы разрезали ее между собой и съели сырой. У меня не было времени взвесить

последствия лжи, которую я сейчас выдал, и сейчас было уже слишком поздно ее изменить. Фрэнсис, вероятно, видела фотографии Блэскина, и черты его лица были слишком характерны, чтобы у нее могли возникнуть какие-либо предположения, когда она его увидела. Можно было поспорить, что он без колебаний проделает трюк великого писателя, когда увидит такую прекрасную девушку, как она. И если ее так очаровал такой недоделанный поэт, как Рональд Делф, как бы она отреагировала на такого известного автора, как Блэскин: шестидесятилетний, лысый, пьяный, дряхлый и, по всей вероятности, больной всем, чем угодно?

— Может быть, у меня и есть свои недостатки, — сказал я, — но я не лгу, за исключением лжи случайной или чисто профессиональной, потому что Гилберт Блэскин не только мой отец, но и время от времени он руководит моим стилем и лексиконом.

— Ох, ради бога.

— Полагаю, ты беспокоишься о Рональде? Ты должна знать, что он нажил много врагов. Не то чтобы я считал его плохим человеком, но ему надо жить дальше. Хотя, возможно, было бы неплохо, если бы он просидел в Доггерел-банке лет десять или около того.

— Доггерел-банк?

— Его дом в Йоркшире. Разве ты не знала?

Она ничего не сказала.

— Это замечательное место. Высокий особняк. Сорок акров земли, хотя это в основном вересковая пустошь, за исключением небольшого декоративного сада площадью пять акров. Я был там однажды. Это прочный каменный дом с видом на долину, и, я думаю, это один из самых красивых видов во всей Англии. Его жене и детям там очень нравится. В конце концов, он сказал, что это была его жена, и кто я такой, чтобы ему не верить?

Ее плечи тряслись. Пора замолчать — теперь, когда она плакала. Как могла она или кто-нибудь еще плакать о Рональде Делфе? Не знаю. Я ей сказал, что мне жаль. Я действительно был там. Я бы сделал все, чтобы сдержать эти слезы. Я бы намазал их на хлеб и съел бы с удовольствием.

Мы проезжали Глостер-роуд.

— Мне сказать таксисту, чтобы он развернулся и отвез тебя обратно к дяде Джеффри?

— Нет. Сначала я увижусь с Рональдом. — После паузы возле Музея науки она спросила: — Гилберт Блэскин твой отец или нет?

— Отец.

Моя решимость больше не лгать не была такой же, как и раньше, потому что я быстро начал понимать, что ложь никогда не приносила мне

никакой пользы. С другой стороны, она редко причиняла большой вред тем, с кем я говорил. Понятно, что едва ли стоит ставить на себя моральное пятно, называя себя лжецом. С другой стороны, я не знал, почему — если моя ложь была такой неэффективной — я чувствовал себя таким испорченным. Когда я стал старше, моя вина в этом отношении усилилась, особенно теперь, когда я сидел рядом с Фрэнсис Мэлэм на заднем сиденье такси и взял ее за руку, пытаюсь утешить. Если цель моего недавнего приступа лжи заключалась в том, чтобы отвести ее от увлечения Рональдом Делфом, то это была важная причина, но если моя ложь могла каким-то образом приблизить ее ко мне, то моя решимость никогда больше не лгать была напрасна. Я был так влюблен в нее, что любая ложь казалась оправданной. Эти мысли пронесли у меня в голове, и я почувствовал себя значительно лучше. Помогая ей выйти из такси, я оставил водителю хорошие чаевые.

Поднимаясь на лифте, я вновь почувствовал любопытство, почувствовала ли она мое относительно хорошее «я». Я улыбнулся, и на ее губах зародилась ответная улыбка.

— Надеюсь, он не сделал ничего глупого, например, не слез в постель, — сказал я. — Я видел, что он чувствовал себя вполне комфортно, когда я уходил.

Я отошел в сторону, чтобы впустить ее первой. Возможно, она и была сторонницей женского движения, но я не стал рисковать. Я был достаточно проницателен, чтобы знать, что ни одна женщина, примкнувшая к Рональду Делфу, не могла быть причастной к женскому либеральному движению.

Квартира оказалась нежилой.

— Рональд! — я обошел все комнаты и вернулся, почти потирая руки. — Позволь мне взять твою пальто, тогда мы сможем сесть и выпить, пока обдумаем ситуацию.

— Возможно, это самая разумная идея.

Могла ли быть на свете хотя бы еще одна такая удивительно умная молодая женщина с фигурой Венеры Милосской? Если бы у нее не было рук, я предполагал, что в этом случае она бы очень ловко владела ногами, когда дело доходило до защиты.

— Что бы ты хотела?

— Вермут.

— Плеснуть?

— Пожалуйста.

— Лёд и лимон?

Она кивнула. — Интересно, что случилось с Рональдом?

— Думаю, он отправился к Хэмли за очередной пандой и в детский универмаг за коляской.

Она изобразила беспокойство. — Он тебе не нравится, да?

— Ну, — сказал я, — скажем так: нет.

Она осмотрелась.

Я до сих пор не могу поверить, что это квартира Гилберта Блэскина.

— Тебе нравятся его книги? — спросил я небрежно.

Она подумала некоторое время. — Ну да, хотя я думаю, что его отношение к женщинам мерзкое.

Я поднял свой стакан. — Ты можешь сказать это снова. Твое здоровье.

— Ваше здоровье.

Я не смог прикусить язык.

— Я признаю, что это место не похоже на йоркширское поместье Делфа.

— Я не это имела в виду.

Я посмотрел ей в глаза, затуманенные очками без оправы.

— Что ты имеешь в виду? Не против рассказать мне?

Рот ее слегка задрожал. Невозможно было, чтобы такой чувствительный механизм, как ее лицо, не мог обнаружить даже самую слабую ложь. Я протянул руку.

— Пойдем, я покажу тебе квартиру.

Я привлек ее в кабинет Гилберта.

— Осмотрись. Не стесняйся. Его первые издания находятся в этом книжном шкафу. В ящиках внизу лежат вырезки из прессы. На этом шкафчике висит его фотография в образе армейского офицера с двумя товарищами. Ты легко сможешь его определить. Он уже лысый, и по чертам его лица видно, что он безнадежно испорчен.

Она ходила от стены к стене, попивая напиток. — Кажется, ты не очень на него похож.

— Ты сделала мою неделю. — Я просмотрел пару страниц его последнего романа. — Прочитай это. Если не считать Блэскина, ты будешь первым, кто это сделает — и я даже сомневаюсь, что он это сделал.

Покраснев, она села на диван. — Действительно?

— Да, ты первая.

— Должна ли я прочитать это вслух?

— Наверное должна. Я имею в виду, если хочешь.

— Я не умею читать так же хорошо, как Рональд.

— Никто не умеет. Я сел рядом с ней. — Но мне все равно хотелось

бы тебя слышать.

— Как только он увидел ее, — прочитала она, — он понял, что это снова «Дорога в Мрак». Бумажные цветы на столе были очень красивыми, и, закуривая сигару от свечи, он старался не выпускать дым ей в лицо. Она ему не доверяла и не любила его, но какое это имеет отношение к любви?

Медное сияние весны разлилось по равнинным полям. Ничего не выходит из ожидания. Он сказал ей, что любит ее. Она сказала, что он никогда и никого не любил и никогда бы этого не сделал. И не особо на это надеяться. Свет появляется только благодаря действию. И слишком часто сжигает. Он хотел только одного и надеялся, что она тоже думает об этом. Моральное возрождение было его последней надеждой, а значит, и ее.

Она посмотрела на него и поняла, что за все свои тридцать лет он так и не повзрослел. Он никогда взрослым не станет, так что же она делала в отеле «Фенланд»? Но если ему суждено было вырасти, она слишком ясно видела, кем он вырастет, и ей это не нравилось. Однако тот факт, что она могла заглядывать в будущее, имел решающее значение между живыми и мертвыми отношениями. «Если катящийся камень не собирает мха, — сказал он, — чья это потеря?»

Он подумал: «Если я не сниму с нее трусики, я лопну».

Никогда не говори, что этого не может произойти здесь. Это всегда может случиться, независимо от того, происходит это или нет. Это не имеет смысла. Или это так? Все слишком напыщенно. Напиши это четырнадцать раз. Тебе нужно выпить, ленивая свинья. Нет, доведи ее хотя бы до этой кровати с балдахином. Подойди к ней медленно. Заставь ее подождать. Заставь себя подождать, ужасный старый придурок. Почему ты не признаешь этого?

Она отпила бренди, и поджатые губы предвещали хорошее предзнаменование, когда она лежала обнаженной на кровати. Он любил женщин, но больше любил тех женщин, которые любили женщин. О, леди Самфир из Уз! Что нам терять, кроме запаха добродетели?»

Мне пора было кашлять. Он всегда все портил, и все становилось еще хуже. Такие мерзкие слова, вылетевшие из прекрасных уст Фрэнсис Мэлэм с чистейшим литературным языком, казались, по меньшей мере, нелепыми. Я положил руку ей на плечо.

— Может быть, тебе стоит остановиться. Это только первый вариант.

Она засмеялась, хотя и покраснела. — Это забавно.

— Это грязно.

— Я получаю представление о том, как он работает. Это

замечательно.

— Должно быть, это образец листа, который он дает прочитать женщинам, работающим над диссертациями, когда они приходят к нему на собеседование. Затем он укладывает их туда, где вы сейчас сидите — если они поняли, что он хочет. Без насилия это почти так же плохо, как «Сидни Блад». Нет такого трюка, до которого он не опускался бы.

Она положила бумаги на стол.

— Полагаю, все писатели одинаковы.

Если Блэскин войдет, она растеряется. Я боялся щелчка двери.

— Это творческий процесс. Они находятся в постоянном состоянии похотливости. Я написал пару книг для Блэскина, так что знаю.

— Ты?

Я поцеловал ее волосы.

— У него так много идей, что ему приходится отдавать их на откуп. Он излагает мне суть, я ее дорабатываю, он доводит до ума, его секретарь печатает, какой-то дурацкий издатель печатает. Однажды я буду все это делать сам. Работая на Блэскина, я многому научился.

Она сняла очки, и наши лица соприкоснулись. Мы были полностью одеты, но я чувствовал тепло ее тела. Я мог только предположить, что она почувствовала мое тепло, поскольку она придвинулась на несколько дюймов. Обладая научным складом ума, она поняла, что такое малое пространство между нами приведет к увеличению температуры, пока не наступит точка возгорания.

У меня был такой элегантный стояк, что в случае необходимости я мог бы поставить на него тарелку с колбасой, поднимаясь к ней по лестнице. Я положил руку ей на ногу и нежно коснулся бедра под юбкой. Моя рука прошла так далеко, как только могла. Она была возбуждена. Я был не за горами. Будучи влюбленным, я кончил слишком быстро, когда мы легли на диван. Я хотел, чтобы она сняла одежду, но она сказала, что уже слишком поздно. Такой легкий успех был для меня плох. Я ожидал, что буду преследовать ее несколько дней, а может и недель, но она организовала так, чтобы события развивались в своем особом темпе, что в наши дни женщины делают все чаще и чаще. Именно так мы трахались сейчас. Вернувшись из ванной, она сказала: — Я бы хотела еще выпить.

— Извини, наши оргазмы не сработали вместе.

Она улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

— Я бы еще хотела сигарету.

Мы сидели в гостиной.

— Я не знаю, кем и какой ты меня считаешь, — сказала она, — но я уверена, что твои предположения в любом случае ошибочны. Мой отец

был врачом и умер десять лет назад, когда мне было двенадцать. Однажды он пошел в больницу, а через два часа администратор позвонила моей матери и сказала, что у него случился сердечный приступ. Ему было шестьдесят, и они были женаты пятнадцать лет. Он очень много курил и пил, и это его убило. А также переутомление. Я была единственным ребенком. Моя мать была на двадцать лет моложе отца. Денег у нее практически не было, и она устроилась секретарем к врачу, чтобы оплатить мое образование. Если бы не дядя Джеффри, я думаю, она бы погибла. Он брат моей матери. Он был замечательным человеком и до сих пор помогает, хотя у него есть собственная семья. Но детей у него больше не будет, потому что три года назад ему сделали вазэктомию.

Неужели никогда не будет скучного момента, хотя бы минуты без происшествий, без единого сюрприза? По сравнению с этим работа в Могленде была занятием для пожилых людей. Всего несколько часов назад я ударил Джеффри в лицо за то, что он сделал Марию беременной, и тут Фрэнсис сказала мне, что такое не могло быть возможным. Я был слишком потрясен и не мог молиться, чтобы земля поглотила меня. Неудивительно, что он смеялся. Была ли это мысль о том, что его вазэктомия снова не сработала? Или он знал, что это надежно, и его справедливо позабавило мое сумасшедшее обвинение? Но если не он, то от кого Мария забеременела? Она солгала мне, хотя если бы она этого не сделала, я бы никогда не поехал к Харлакстонам и не встретил Фрэнсис, чтобы привести ее в жилище Блэскина (столь же возмутительной ложью) и подтвердить нашу дружбу более восхитительным сексом, чем в чулане для метел в «Кошке с пальмовым маслом» с Этти. Казалось, было мало надежды остановить эту кольцевую развязку, пока я дышу. Начало жизни продолжается до конца.

—Ты уверена, что ему сделали вазэктомию?

— Я знаю врача, который это сделал. Он был одним из старых друзей моего отца. Я также знаю врача, который уговорил Джеффри сделать это. Его звали доктор Андерсон. Джеффри в то время собирался к нему на сеанс психоанализа, потому что у него случился небольшой срыв, и его рекламная фирма оплатила лечение. Джеффри был в абсолютном ужасе перед концом света. Он сказал, что не может вынести мысли о том, что его дети сгорят в дыму и пламени одновременно с ним. А мысль о том, чтобы завести еще одного или двух детей, чтобы их тоже сожгли, была еще более ужасающей. Он назвал такие муки уплатой налога Молоху. У него были апокалиптические видения убийства Элизабет, затем детей и самого себя. Он думал, что может проснуться посреди ночи и залить дом

кровью. Так что, по крайней мере, он был полон решимости не иметь больше детей и не пополнить список жертв.

— Он такой веселый, экстравертный парень, — сказал я.

— Я знаю. Но эта проблема парализовала его, и даже тот факт, что тетя Элизабет принимала таблетки, не убедил его в том, что у него больше детей не будет. После вазэктомии он был нормальным, даже полон энтузиазма и вернулся к работе. Если бы мне пришлось поделиться с кем-нибудь своим представлением о хорошем человеке, я бы рассказала о Джеффри.

Здесь было что-то не так, что неудивительно, учитывая ее мнение о таком дерьме, как Делф. Тем не менее, я должен был извиниться перед дядей Джеффри, так же как я должен был отшлепать Марию. Еще одним моментом, который меня раздражал, было то, как постоянно появлялся доктор Андерсон, злой гений преступного мира психологии. Он казался таким же большим вредителем в политике, как Моггерхэнгер в социальной жизни, и если бы у меня была хоть какая-то возможность, я бы отключил обоих. Вопрос был только в том, как.

— Вам что-нибудь известно о докторе Андерсоне?

Я вполне ожидал, что она представит список его добрых дел, рассказав мне о том, как он был великодушным сторонником пяти тысяч сирот в странах третьего мира, что он лично мыл кружки в столовой у моста Ватерлоо в субботу вечером и что он управлял приютом для избитых жен в Глазго.

— Думаю, мне хотелось бы еще выпить.

— Охотно. Сигарету?

Она разгладила юбку и вытянула ноги.

— Все, что я знаю, это то, что некоторое время после того, как Джеффри перенес вазэктомию, у доктора Андерсона был роман с Элизабет.

— Он трахал жену Джеффри? Ты шутишь.

В открытости ее веселья я уловил сходство с весельем Джеффри.

— Я никогда не шучу о таких вещах. Я часто думаю, что если бы я могла заставить себя солгать, моя жизнь была бы легче. Так или иначе, итогом романа Андерсона с Элизабет стало то, что она забеременела. Вы бы в это поверили? Похоже, что Андерсон рекомендовал своим женатым пациентам вазэктомию так часто, как это казалось убедительным, а затем, если их жены были хотя бы наполовину привлекательны, он заводил с ними роман, чтобы они забеременели.

— Но ты сказала, что Элизабет принимала таблетки.

— Она отказалась от этого после вазэктомии Джеффри, и Андерсон

дал ей таблетки, которые оказались неэффективными. Разве это не дьявольски?

— Я потрясен.

— И я. Видишь ли, Андерсон исследует теорию срыва, подталкивая людей настолько далеко, насколько они могут, чтобы увидеть, в какой момент своего упадка они начнут естественным образом выходить из погружения. Некоторые это делают, некоторые нет. После определенного момента его интересуют не те, кто спускается на глубину, чтобы никогда не подняться, а только те, кто из нее выходит. Именно эта точка отскока очаровывает его.

— Он хочет спустить Джеффри на глубину?

— Он хочет это контролировать, — сказала она.

— Так это его игра?

Она кивнула.

— Но у него не было шанса сломить Джеффри. Элизабет избавилась от плода без его ведома. Я помогла ей. Для нее это был чертовски ужасный опыт. Для меня это было тоже не слишком приятно.

— Бедный ребенок!

Я привлек ее к себе и получил теплый поцелуй, который я совместил со своим.

— Это все, что я знаю о докторе Андерсоне.

И я знал, что во время или после его романа с женой Джеффри он заполучил бедную невинную Марию, которая теперь надувалась вместе с другим из его детей-монстров.

— Я думаю, он пишет об этом книгу, — сказала она, — полную графиков, статистики и непристойных математических формул, которые на самом деле означают крайние эмоции и страдания. Он хочет наметить и задокументировать точку возврата — или невозврата.

— Вероятно, он отправляет свои выводы в Министерство обороны.

— Или русским.

— Или и тем и другим. Как его остановить?

— Он кончит тем, что врежется в землю, — сказала она.

— Я бы не стал на это рассчитывать.

Она посмотрела в окно, как будто Делф собирался триумфально прилететь сюда на своей Крылатой Панде. — Интересно, куда он делся?

Я не мог думать ни о ком, кроме Фрэнсис и себя. Мир остановился, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить его снова вращаться.

— Топит свое огорчение в «Веселых писаках», потому что Хэмли не принял его чек.

Она посмотрела на меня, и даже при моем вечно пылающем оптимизме я едва ли мог назвать это выражением любви.

— Может быть, ты действительно сын Блэскина. И вообще, где это «Веселые писаки»?

— Рядом с Морнингтон-Кресент. Но я думаю, что он уже ушел куда-то еще — наш странствующий Панда-Поэт. Это заразно.

— Что такое?

— Ты начинаешь подражать тем, кто живет за твой счет.

— Возможно, это потому, что я женщина. В любом случае, мне пора идти.

Я был в состоянии ужаса, думая, что если она уйдет, я никогда больше ее не увижу, чувство, которое обычно я бы презирал.

— Время обедать. Почему бы тебе не поесть?

— Я не голодна. — Она выбрала пластинки Hi-Fi Bang and Olufson, тонкие, как шоколад «После восьми».

— Да, — я подошел к ней. — Для тебя. Для твоего духа, для всех мыслей, которые у тебя были с момента рождения, и для всех мыслей, которые у тебя будут, пока ты не умрешь. Сказать, что я люблю тебя, не выразить того, что я чувствую.

— Я поставлю этого Шуберта, если можно. — Она посмотрела на меня. — В каком-то смысле жаль, что мы занимались любовью. Мне не обязательно сейчас с тобой знакомиться.

Камень, брошенный со стены замка, попал мне в сердце.

— Я чувствую то же самое к тебе. Я тогда ненавидел заниматься любовью, не то чтобы мне это не нравилось, а потому, что я знал, что ты из тех, кто использует это как предлог, чтобы назвать это концом. Я думал, ты ожидала, что я займусь любовью, и поэтому мне пришлось выбирать: разочаровать тебя или проклясть себя. Тот факт, что я оказался прав, не заставляет меня чувствовать себя лучше. Я всегда могу использовать его для одного из своих рассказов.

— Может быть, я ошибаюсь, — сказала она.

Мне было наплевать, ошибалась она или нет (конечно, да), и я ей об этом сказал.

— Мне нравится Шуберт, хотя Бах лучше. — Бриджит играла обоих. — Сегодня вечером я уезжаю и не вернусь еще несколько недель.

Она потерялась в музыке, поэтому мне тоже пришлось потеряться. Я следовал за ней куда угодно, через змеиные ямы и собачьи туннели, хотя и сопротивлялся этой идее так долго, как только мог.

— Я тебя совсем не знаю, — сказала она. — Возможно, я ошиблась.

Я сел рядом с ней и поцеловал ее.

— Я сам не знаю, так это или не так Я не уверен, что хочу это знать. Познай себя и умри. Я время от времени пытаюсь это сделать.

Я начал говорить всякую ерунду, потому что заинтриговать ее было моим единственным шансом добиться чего-либо. Она прекрасно понимала, что соревноваться со ее умом и мозгом было бесполезно, тогда как тарабарщина могла иметь некоторый эффект. Я заговорил ей в теплое ухо.

— Ты последний человек, которого я ожидал встретить в своей жизни, потому что я искал тебя с самого начала. Вот почему меня не убьет, если ты исчезнешь навсегда. Жить с идеальной женщиной — это все равно, что родиться заново, и я не думаю, что смогу этого вынести. Самоуничтожение никогда не входило в мои планы.

Такая чушь была показателем того, что я на самом деле чувствовал. Говоря это, я почти смеялся, но надеялся, что она примет это за состояние, близкое к слезам. Я остановился, словно охваченный красотой музыки (возможно, так и было), и хотел посмотреть, вызовут ли мои слова отклик.

— Ты когда-нибудь писал стихи?

Я подождал минуту, как будто ждал такого вопроса. — Мне жаль, что ты спросила об этом.

— Почему?

Я наблюдал, как на часах пролетело еще пятьдесят секунд.

— Они заперты в ящике моего дома в Кембриджшире.

Через некоторое время (она тоже хорошо играла) она спросила:

— Можно я их посмотрю?

От скорости нашего разговора у меня закружилась голова. Мне хотелось поспорить с Бриджит или поспорить о состоянии нации с Биллом Строу.

— Они еще не закончены. Их всего шесть. На прошлой неделе я сжег пятьдесят. Они слишком напоминали пустую болтовню Делфа.

Она дернулась.

— Я разберусь с кое-чем, когда вернусь. Если я вернусь.

— Куда ты идешь?

— Я не узнаю до вечера.

Она повернулась и поцеловала меня. Моя рука прошлась вверх и вниз по ее блузке, но я не почувствовал никакой реакции.

— Какие поэты тебе нравятся? — спросила она.

— Питер Льюис и Джон Джонс. Это новые молодые поэты. Они сенсационные. Они пишут так, что люди вообще не реагируют, когда их читают. Они в моде — или будут.

— Кто их публикует?

— Молчание — золотая пресса. Ни один другой поэт не может заглянуть в зал, пока они на сцене. Я продолжал поглаживать и поглаживать. Ее ноги раздвинулись, и я достиг промежности ее трусов. Она была готова, но я был хладнокровен. Эти молодые девушки были бесстыдными и замечательными. Будь я на пять лет старше, мог бы быть ее отцом. Даже эта мысль не вызвала у меня возбуждения. Шуберт подошел к концу и покинул поле свободным.

Она схватила меня за руку. — Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я должен.

Она расстегнула блузку и расстегнула лифчик спереди, чтобы я мог помассировать теплую плоть.

— Я люблю тебя, — сказал я. — Я думаю, ты это знаешь. Но моя жизнь не принадлежит мне.

— Никого нет, — сказала она, когда мои губы коснулись ее сосков. Мне ничего не оставалось, кроме как снова поцеловать ее в губы и посмотреть в ее бледно-карие глаза сквозь очки в золотой оправе. Мои губы продолжали соскальзывать с ее соска, который был настолько маленьким, что на него почти ничего нельзя было прицепить. Я провел пальцем под ее волосами и вокруг ее шеи, затем поднес его к ее уху и почувствовал изогнутую тонкую проволоку ее очков. Я поднял его, поднес другую руку и к другому уху, и поднял их, чтобы увидеть ее невооруженные глаза внизу, и эффект таких туманных и раздетых глаз, и ощущение ее легких очков, свисающих с одного из моих пальцев. и их освобождение, когда я позволил им осторожно упасть на стол, вызвало у меня прилив крови, который заставил меня действовать - и это была не ошибка.

Глава 23

Я прошел по Кенсингтон-Гор и Хай-стрит, затем свернул в Холланд-парк, направляясь к Бушу. Молодые мамы катали свои коляски по зеленым дорожкам и лужайкам, гордясь тем, что совершили самую обычную вещь на свете, а павлины с раскинутыми перьями надменно наблюдали за ними. После дня нашей любви Фрэнсис вернулась в Оксфорд, сказав, что не уверена, что увидит меня снова. Мы ссорились, кричали и молчали, и моей зомби-половинке оставалось только надеяться, что она когда-нибудь и где-нибудь снова появится.

Мошенник, целью которого было греться в безделье, и чья единственная способность (если она у него была) заключалась в лжи,

рано или поздно приходит к моменту, когда ложь и лень должны прекратиться. Я решил, что это все. В ответ на призыв Моггерхэнгера через его главнокомандующего Пиндарри я прошел семь миль до Илинга, чтобы осознать этот факт.

Я двигался на запад ровным шагом, чтобы не прибыть вспотевшим, теплый ветер бил мне в лицо, когда я шел через все Эктоны. Моя сумка через плечо была тяжелой, но это было частью игры. В Верхнем Мэйхеме я часто проделывал по двадцать миль в день вокруг топей со Смогом, упаковывая более увесистый рюкзак со снаряжением, едой и большой флягой чая, и отправлялся рано утром, чтобы увидеть бабочек в Уикен-Фен и птиц в Дагдейл-Вуд, возвращаясь домой только в сумерки.

Кенни Дьюкс стоял у ворот дома Большого Вождя.

— Ты пришел последним. Это настоящее собрание. Будет что-то грандиозное.

Порезы, оставшиеся после встречи с Дикки Бушем, зажили, за исключением неприятной на вид бороздки под левым глазом. Я не решился пошутить о том, что он упал на книгу Сидни Блада.

— Я рад, что ты поправляешься.

Он зарычал.

— Я отправлю его на тот свет, когда в следующий раз столкнусь с ним. Я, черт возьми, так и сделаю.

Мы прошли по крытому коридору и вошли в основную часть дома. Никто не обыскивал меня, чтобы узнать, привязан ли к моей ноге разделочный нож. Казалось, я был членом семьи, и именно этим я и хотел быть. Или, может быть, если бы он намеревался убить меня после канадского фиаско (если бы это было фиаско — я начал в этом сомневаться), он сделал бы это с помощью пары дальнозорких автоматов Калашникова.

— Если я увижу, что он переходит Флит-стрит, я собою его автомобилем. Что сказал Клод?

Он ударил меня по спине, а затем понизил голос.

— Он даст мне еще один шанс. Если меня еще раз порежут, он посадит меня на пособие по безработице. Сказал, что не может иметь людей, которые не могут позаботиться о себе. Ну, черт возьми, я вас спрашиваю, этот чертов Дикки Буш ворвался в эту дверь, как живое пушечное ядро. У меня не было шансов. Однако в следующий раз жертвой мясорубки будет он.

Я ударил его по спине, отбросив его на три ярда вперед.

— Даже Сидни Блад его не узнает, да?

Он добавил.

— Хотя я не знаю, откуда он узнал, что я был там.

— Он увидел тебя через щель в двери. Затем он снова поднялся по лестнице и взвинтил себя, как пружину. Такой тип ни в какое место не заходит, не выяснив сначала, кто внутри. Нам не нужно быть слишком гордыми, чтобы учиться, Кенни.

Он последовал за мной в дом, где вечеринка была такой же обычной, как и в субботу вечером в Ричмонде или Илинге. Я прошёл в главную гостиную, обставленную в лучшем стиле «Хэрродс». Стену снесли, и две половины соединяла арка в стиле Альгамбры. С потолка сверкали хрустальные люстры, а стены украшали поддельные работы старых мастеров в тяжелых позолоченных рамах. Пол покрывали персидские ковры, которые выглядели настоящими. Мне повезло, что я собрал все свои лучшие качества и попал на явно грандиозное событие.

Присутствовало около дюжины человек, и я не знал, с кем поговорить в первую очередь. Проблема была решена тем, что Моггерхэнгер подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Мне хотелось избавиться от него, потому что это было похоже на хвост анаконды, высматривающей безопасную жертву на дереве. Он подвел меня к столу, где миссис Блемиш и Мэтью Коппис подавали бокалы «Моэ и Шандон». — Я более чем рад, что ты смог прийти, Майкл. Очень приятно снова видеть тебя с нами. Он протянул мне наполненный стакан со стола и отвел в угол. — Нам понадобятся твои услуги, как никогда раньше. Слава богу, ты почтил меня своим присутствием.

Он не пил.

По крайней мере, это звучало как удар ножом, но мой чудесный день с Фрэнсис Мэлэм убедил меня в том, что меня это не волнует.

— Я собирался прийти сегодня вечером, что бы ни случилось. Я не считаю, как кто-то мог добиться большего, чем я в Канаде, даже если это не сработало.

Я остановил себя. Гордость не позволила мне унижаться перед этим ублюдком.

— Я тот, кто скажет, сработало это или нет, — он смеялся, пока не увидел Паркхерста, который стоял один, уронил окурок сигары на ковер и растоптал его, не положив их в предусмотренные для этого пепельницы.

— Я выжгу этими окурками твои глаза, если еще раз увижу, что ты делаешь это.

Паркхерст посмотрел на него безумными глазами, затем повернулся и что-то сказал Коттапилли, у которого в каждой руке было по бокалу шампанского.

— Мне показалось, что вы отправили меня в Канаду в качестве

приманки, — сказал я. — Или потому, что вы думали, что это самый простой способ меня убить.

Его рука снова накрыла меня, на этот раз так, словно анаконда по-настоящему вцепилась в юго-восточную ножку тяжелого орехового стола, и сжала мои плечи.

— У тебя есть смелость, Майкл. И ты умный. Тебе тоже повезло. Мало того, у тебя есть чувство юмора. Если мне когда-нибудь понадобится кто-то для тяжелой работы, я не спрашиваю, умны ли они, удачливы или опытни (хотя они должны обладать всем этим), а спрашиваю, понимают ли они шутки.

— Однажды я умру со смеху, хотя я был бы не прочь узнать, что именно произошло, когда я добрался до Торонто.

Он достал пару «партагас» и мы закурили.

— Скажу так: в сумке, которую ты нес, было много бумажной работы, которую нельзя было доверить почте. Это стоило больших денег, поэтому нам пришлось послать кого-то вроде тебя, иначе банда «Зеленых Ног» не сочла бы это подлинным. Теперь они действуют на основе информации, которая разрушает их деятельность в Северной Америке. Конечно, это была опасная работа, но как ты думаешь, за что я вручаю тебе эту премию в тысячу фунтов?

Он сунул чек в мой нагрудный карман, за кончик белого носового платка. — Я ожидал, что ты вернешься. Я не могу позволить себе иметь раненым или убитым такого ценного и надежного друга, как ты.

— Я чувствую себя успокоенным.

— Представь, Майкл, если бы я послал кого-то меньшего калибра, чем ты, добрый человек. — Он сделал глубокую затяжку сигарой. Я тоже. — Взять хотя бы Кенни Дьюкса. Он бы купил самого большого плюшевого мишку в лондонском аэропорту в подарок знакомой шлюхе из Торонто. Коттапилли выбрал бы гигантскую пожарную машину, чтобы она составила ему компанию в долгом перелете. Их бы сразу заметили, потому что тамошние горячие головы подумали бы, что они не собираются доставлять товар. Нет, это должен был быть кто-то вроде тебя, у которого нет недостатков и который доставит все без проблем.

— Я чувствую себя все лучше и лучше.

— Если глиняный горшок поплывет по течению вместе с медными, мы все знаем, что с ним должно случиться.

— Очень мило с вашей стороны так говорить, — сказал я правильным тоном.

— Ты такой хладнокровный и ясно мыслящий, как будто ты не такой уж рабочий класс, как говоришь. Тем не менее, жизнь порой представляет

собой загадку. Я бы пригласил тебя на ужин после вечеринки Блэскина, но я так не поступаю. Когда приглашаешь на ужин только одного человека, он всегда нервничает, потому что не знает, пришел ли он есть или быть съеденным.

Мы смеялись, как будто уже много лет мы были не более чем друзьями и что даже после смерти нас не разлучат.

— Когда дамы уйдут на покой, — сказал он, — будет собрание. В ближайшем будущем у меня есть работа, которую я обдумывал много лет. Мы собираемся нанести банде «Зеленых Ног» удар, который прекратит их беспорядки в этой стране. А теперь иди и наслаждайся, пока я поговорю с моей дорогой женой.

Я никогда не мог решить, была ли жизнь слишком короткой или слишком длинной. Миссис Блемиш разливала шампанское за столиком с напитками и либо не знала меня, либо играла роль официантки, что означало вообще никого не знать. На ее седых волосах была белая кепка и короткий черный фартук, и она выглядела гораздо более хладнокровной, чем та несчастная женщина, которую я подвез возле Гула. Я напомнил ей об этом случае, но она улыбнулась и сказала, наполняя мой стакан: — Я дежурю, сэр.

Я выпил за нее. — Поздравляю с побегом от Перси. Это все, что имеет значение.

У нее были самые красивые губы в форме бантика, что говорило о том, что ее зубы все еще были идеальны. Но эти прекрасные губы дрожали, и мне хотелось ругать себя за то, что я напомнил ей о менее удачных днях.

— Через месяц после того, как я получила эту работу, он нашел меня. Я не знаю как. Он умолял меня вернуться в коттедж «Тиндербокс». Я сказала, что не вернусь. Я в это время полировала серебро. Он швырнул сверток с вилками и ложками на пол, и лорд Моггерхэнгер услышал ужасный грохот и зашел спросить, что происходит. Он выругался, что его побеспокоили. Перси сказал, что он мой муж и хочет, чтобы я была дома, но лорд Моггерхэнгер сказал ему, что я согласилась работать на него, и что он и леди Моггерхэнгер настолько мной довольны, что не отпустят меня, и что, если Перси не уберется, он его вышвырнет. Тогда Перси упросил, чтобы ему тоже дали работу, и лорд Моггерхэнгер, поразмыслив, согласился взять его на работу разнорабочим. Он мог каталогизировать книги в библиотеке. Перси сделал это за пару дней, и я никогда не видела его таким счастливым. Но когда он закончил, он напал на меня с ножом. Лорд Моггерхэнгер пришёл и сбил его с ног. Он не отпустил его даже тогда. На самом деле он был еще менее склонен к

этому и отправил его смотрителем в коттедж под названием «Пепперкорн». Я никогда там не была и не хочу, но Перси может остаться там навсегда, мне все равно, пока он не будет мешать. Я сказала леди Моггерхэнгер, что останусь только в том случае, если не увижу Перси. Она сказала, что поговорит с лордом Моггерхэнгером и попросит его держать Перси подальше от меня. Я не видела его уже две недели, и это дольше, чем когда-либо с тех пор, как мы поженились. Я чувствую себя новой женщиной.

— Ты и выглядишь так.

Она наполнила мой стакан, не оценивая количество, хотя ничего не пролилось.

— Я никогда не забуду твою помощь. Когда ты подвез меня до Великой Северной Дороги, ты принес мне удачу.

— Удачи ирландцам. — Я пожелал ей большего в будущем.

— Что-то в моем муже нравится лорду Моггерхэнгеру, — сказала она. — Кажется, он стал относиться к Перси гораздо лучше, когда тот стал жестоким и опасным.

— Таковы некоторые люди, — сказал я, не желая углубляться в этот вопрос.

Несколько официантов принесли еду, и я пошел за своей порцией. Тоффиботтл был невысоким, лысым, очень компактным мужчиной с большими руками и хитрыми пороссячьими глазами. Бог знает, где его подобрал Моггерхэнгер. На нем был черный костюм и галстук-бабочка у воротника белой рубашки с рюшами, что делало его едва отличимым от официантов. Он потянулся к грудке куриных окорочков в заливном желе и положил три штуки себе на тарелку. Затем он взял себе чипсы, вареный картофель, рис, кукурузный салат и хлеб с маслом.

— Можете вернуться за сыром и десертом, — сказал я.

Он отвернулся от собственных приобретений, и я уловил его акцент северного Манчестера:

— И это будет все, мистер Каллен.

— Наверное, это так. — Я положил еду в свою тарелку. — Ты тоже занят важной работой?

— Мы здесь все такие.

— Я буду чувствовать себя в безопасности.

— Очень мило с твоей стороны так сказать.

О нет, это не так. Боссу едва удалось уничтожить нас всех. — Лорд Моггерхэнгер придет?

— Он останется в диспетчерской вышке, — прошептал он.

Я столкнулся с Пиндарри, который избежал попадания майонеза на

свой синий костюм. Майонез украсил ковер. Моггерхэнгер, разговаривая с Полли, увидел это. Он видел все. Пиндарри заметил это, поэтому взял со столика салфетку и вытер белую лужицу. Это было больше, чем стоил его бонус. Видеть все было частью натуры Моггерхэнгера, и он развивал этот талант. Он читал или доктор Андерсон рассказал ему (за плату или ящик виски), что великие люди замечают все. Они обладают всеядным пониманием деталей. Правда, но не совсем. Родившийся в приходе Бедфордшир, Моггерхэнгер родился с острым глазом и чутьем ветряной мельницы. Он бросил школу в четырнадцать лет, рассказал мне Блэскин (который уговорил Драджа-Перкинса заняться детективной работой), потому что это не привлекало его с рождения, учитывая, что, если он выучит азбуку, любые другие необходимые знания будут доступны человеку с его умом, любопытством и жадностью. Но точно так же, как верно то, что великие люди обязаны своим успехом знанию деталей, так же верно и то, что их падение вызвано неспособностью делегировать задачи, успех которых жизненно важен для их дальнейшего процветания. Те, кто попадает в эту ловушку, вовсе не являются великими людьми, заметил Блэскин, добавив, что Моггерхэнгер был просто любопытным старым ублюдком, который не мог держать руки при себе в то время, когда в стране было больше слепых глаз, чем недостающих рук. Я подошел к Мэтью Коппису у двери.

— Как дела в поместье Сплин?

Он говорил так, чтобы никто, кроме меня, не услышал.

— Алпорт ушел на восток.

— Я чуть не поехал на запад, — засмеялся я, — в Канаду.

— Лучший наркотик производят на маковых землях Туркестана, — сказал он. — Крестьяне выращивают его тайно в колхозах. Некоторые говорят, что российское правительство знает, но не возражает. Оно пойдет на все, чтобы получить иностранную валюту. Товар доставил Алпорту в Восточном Берлине русский генерал. Я слышал, сами знаете кто говорил, что в следующий раз мы заплатим им несколькими мешками зерна, которое им, кажется, нужно больше, чем деньги. Вы будете удивлены, сколько белого порошка поступает из России. Кто-то им много продает, а они большую часть продают нам. Потом (и я не знаю, как это делается, но это так) мы продаем им его обратно за меха, бриллианты и иконы. Отправляем в Россию кораблями в Одессу и Ростов. На баржах он идет вверх по Днепру и Дону — далее по Волго-Донскому каналу и до железной дороги Москва — Владивосток.

Я не хотел столько знать, но не удержался и спросил:

— А почему бы не привезти его им самолетом и не избавиться от

всех этих хлопот?

— «Аэрофлот» слишком ненадежен. Никогда не знаешь, когда русские собираются вторгнуться в другую страну, например, в Афганистан. Им потребовалась половина гражданского воздушного флота для переправки войск и оружия. У лорда М. был мужчина, который вез ценный чемодан на самолете «Аэрофлота» в Австралию. В Москве самолетов уже не было, поэтому всех отправили обратно в Варшаву. Поляки не знали, что с ними делать, поэтому отправили обратно в Лондон. Курьеру лорда М. пришлось забронировать другой маршрут, и он прибыл слишком поздно. Банда «Зеленых Ног», действующая из Сяомэнь через Гонконг, добилась успеха первой. На этой сделке были потеряны большие деньги.

— Что-нибудь еще? — Я вспотел, потому что Коттапилли и Пиндарри были недалеко.

— Лишь бы не пошел снег, — сказал Мэтью громко, в своей дурацкой манере.

Я рассмеялся, как будто в конце длинной шутки.

— Пакет бумаг будет ждать в Верхнем Мэйхеме, как вы мне и сказали. Это динамит. Мы не можем проиграть, — сказал он.

Только наши уши, подумал я, и несколько пальцев. Арабы не единственные, кто отрубают руки за воровство. Я хлопнул его по спине и присоединился к толпе.

— В наши дни появляется много новых банд, — говорил Джерико Джим.

— Детские игры, — сказал Кенни Дьюкс. — Подумайте об их именах. Грабеж тигров. Ангелы Молотова. Разбиватели окон. Пламя Бога. Чертовы отбросы.

— Богатыри и карманники, — Коттапилли тоже был пренебрежительным. — Тюремное мясо.

— Что не так с карманниками? — Джерико Джим похлопал меня по плечу и показал мне мой бумажник. — Тебе следует поберечь это.

Я схватил его за куртку и поднял кулак. — Свинья ты!

Моггерхэнгер от смеха хлопнул себя по жилету. — Для ребят это была всего лишь шутка, Майкл. Могу поспорить с ним на пони, что он не сможет получить это от тебя.

Он побелел, поэтому я отпустил его.

— В следующий раз я выбью из тебя все дерьмо.

— Ничего страшного, — сказал босс. — Вы не настоящий лондонец, если у вас не обшарили карманы. Хорошо, что это было не на улице. Вы бы никогда свой кошелек больше не увидели.

Джерико Джим поправил галстук. Я не должен был выходить из себя.
— Извини за это.

Он ухмыльнулся.

— Извиняю, хорошо. Я научился этому в Борстале, но мне никогда не приходилось зарабатывать этим на жизнь, слава Богу.

Лэнторн закурил еще одну сигару Моггерхэнгера.

— Эти бунтовщики и поджигатели не могут ожидать от меня особого сочувствия, Клод. Что они грабят? Телевизоры, стиральные машины, видео, сигареты и выпивка. Следует ввести армию и расстреливать этих педерастов, как собак. Если бы они брали хлеб и продукты, я бы это понял. Хотя мои ребята все равно пойдут на них.

Шотландец Джордж ненавидел подобные разговоры.

— Социальная ткань разваливается. Только коммунизм может исправить ситуацию.

Моггерхэнгер любил вечеринки. Он хорошо проводил время.

— Я так не думаю, Джек. Коммунизм — это не что иное, как заговор среднего класса с целью положить конец диким забастовкам. Свободнорожденный англичанин этого не потерпит, храни его Бог!

— Ну, я шотландец, сэр. — Джордж мне нравился, потому что его нельзя было запугать. — Это единственная надежда для бедных.

— Возможно, и так, — сказал Мог. — Но посмотри, как мой единородный сын раскладывает эту вкусную еду по своей тарелке, как будто это дерьмо яка.

— Чушь, — протянул Паркхерст.

— Мне бы хотелось, чтобы вы не ругались. — Леди Моггерхэнгер и Полли подошли из-за столика с напитками.

— Ты не знаешь, что родился в рубашке, — сказал Моггерхэнгер своему нехорошему сыну. Затем он обратился ко всем нам. — Вы смердите богатством, вот почему. Надо было вам пожить до войны и смириться с тем, с чем пришлось смириться нам. Я надеюсь, что некоторые из вас помнят. Однажды осенью моих родителей выгнали из коттеджа, и мы впятером пережили зиму в палатке. А зима в те времена была зимой! Когда в следующем году у нас появился дом, умер мой младший брат. Я решил, что больше никогда этого не потерплю. Не так ли, Джек?

Лэнторн кивнул и затянулся сигарой. — Ты прав. Плоть и кровь не выдерживают такого..

— Моей матери восемьдесят пять, — сказал Клод, — и у нее красивый дом в Голдерс-Грин. Там все время кто-то прислуживает ей, руками и ногами. У нее достаточно денег, чтобы она никогда не нуждалась, даже

если она доживет до ста лет.

— Она проживет дольше, насколько я ее знаю, — сказала его жена.

— Может быть, так и будет.

Я никогда не видел его плачущим, хотя ему еще предстоял долгий путь. Я бы сказал Блэскину, что в конце концов у него есть человеческий подход.

Он потер руки: — Нет смысла желать невозможного. Долг зовет. Нам пора приступить к работе. И это означает ТЫ, — проревел он на Паркхерста, который открыл дверь, чтобы выскользнуть наружу.

— Я собираюсь нанести удар, — сказал он. — И кроме того, я слышал ваши рассказы уже раз пятьдесят. И во-вторых, не ждите, что я буду работать. Я попробовал один раз, и мне это не понравилось.

Моггерхэнгер присоединился к нашему смеху, и это многое для него сказало.

— Я знаю, когда нужно признать поражение. Это еще одна причина, почему я нахожусь там, где я есть. Гибкость способствует развитию, сказал Конфуций.

Миссис Блемиш принесла огромный чайник, поднос с кружками и торт для всех. Леди Моггерхэнгер и Полли вышли, после чего, кроме меня и лорда Моггерхэнгера, остались Коттапилли, Пиндарри, Кенни Дьюкс, Джерико Джим, Тоффиботтл, инспектор Лэнторн, Мэтью Коппис и Шотландец Джордж, а также миссис Уипплгейт, которая стояла у телефона со своей записной книжкой.

Моггерхэнгер узнал от Лэнторна, что Банда «Зеленых Ног» хранит свою добычу в фермерском доме недалеко от Грейт-Критона в Нортгемптоншире. Это было их хранилище номер один, где хранились фальшивые деньги, авиабилеты, марки национального страхования, дорожные чеки и настоящие деньги общей стоимостью более двух миллионов фунтов. Еще там было, как это было причудливо сказано, немного мака.

— О ценности которого, — сказал Моггерхэнгер, — не стоит и думать, пока мы не держим его под замком.

— Я мог бы переселить ребят в тюрьмы, — сказал Лэнторн, — но если вы пообещаете мне четвертак, а это не слишком много, я дам вам три дня, чтобы сначала вывезти вещи. Все, что я хочу, это чтобы ты оставил мне мешок с маковыми семенами, чтобы я мог предъявить обвинение Банде «Зеленых Ног», когда я совершу набег на четвертый день.

Коттапилли сказал, что они смогут провести рейд без проблем, если у них будет достаточно подкреплений, а также пара машин-ловушек.

Ферма Бакшот находилась в миле от главной дороги и недалеко от развязки автомагистралей М1, М45 и М6. Через пару часов мы могли быть в любой точке страны. «С четырьмя машинами для бегства никто не будет знать, за какой из них гоняться, даже если предположить, что они в состоянии это сделать», — сказал Коттапилли, подчеркнув свое суровое лицо. Если бы случилось так, что груженую машину преследовали, остальные трое могли бы приблизиться к преследователям и, как было сказано, присмотреть за ними.

Это была отличная идея, потому что никто не нарушит закон. Ограбить грабителей казалось разумным делом. И если бы мы действительно отклонились от законности, я мог бы оправдать это тем аргументом, что я принимал участие в рейде только для того, чтобы попытаться найти какой-то способ посадить Моггерхэнгера и Лэнторна за решетку.

Коттапилли показал нам карту местности. Вокруг стола были развешаны полароидные фотографии простого фермерского дома с шиферной крышей, шестью окнами сзади и шестью спереди, изолированным зданием без сараев и сараев, что наводило на мысль, что это уже не действующее предприятие, если оно когда-либо существовало.

— Это хорошее имя, — сказал Моггерхэнгер.

— Это может быть реальная картечь, — засмеялся Джордж.

Тоффиботтл поправил галстук-бабочку.

— Нет другого способа справиться с непослушными мальчиками из банды «Зеленых Ног».

Паркхерст сидел справа от двери, бездумно чиркая спичками и позволяя им упасть в пепельницу, поставленную там Элис Уипплгейт, которая также обеспечивала запись встречи. Я задавался вопросом, получит ли Блэскин когда-нибудь доступ к этим явно обширным архивам.

— Это треть мили от главной дороги, — сказал Моггерхэнгер, — но как только машина выезжает в переулок, над домом поднимаются предупреждающие флажки. Не думайте, что они будут спать на работе. Но по карте видно, что лес находится в пределах двухсот ярдов, а еще одна тропа проходит через его дальний конец. Так что используйте случай. Машина А высадит Кенни и Джерико на дальнем конце леса в восемь тридцать. После того, как машина их выбросит, она будет кататься по окрестностям, но обязательно будьте на станции на перекрестке с главной дорогой к девяти часам — когда начнется настоящий ад. Паркхерст будет водить эту машину. О да, он это сделает, не волнуйтесь.

— Если придется, — сказал он.

— Ты не мой сын, если не хочешь так повеселиться. Коттапилли

поведет машину В вместе с Пиндарри и Тоффиботтлом. Без одной минуты девять они проскочат дорогу, ведущую к ферме Бакшот, чтобы нанести полный фронтальный удар. Сделайте это быстро. Вас будут поддерживать Кенни и Джерико, которые к этому времени уже пройдут через лес. Без четырех минут девять они промчатся двести ярдов до задней части дома и ворвутся внутрь. Итак, А сзади, а В спереди.

Машина С, за рулем которой будет Джордж, будет ждать на главной дороге в двухстах ярдах к северу от переуллка, пока идет драка. Он будет смотреть на юг и останется на станции, чтобы таранить любую машину преследования, идущую со стороны фермы Бакшот, после того, как вышеупомянутая драка закончится и машина В с добычей вылетит с полосы движения, хотя я надеюсь, что пассажиры этой машины выиграют. Не пренебрегайте обездвиживанием на ферме любого автотранспорта, который может быть использован против вас. Когда ребята из «Зеленых Ног» успокоятся, загрузите вещи как можно быстрее. Не начинайте проверять, что там есть. Просто работайте, как военнослужащие, и поместите вещи в транспорт. Автомобиль D, за рулем мистер Каллен, будет ждать в миле к северу от деревни. Автомобиль В передаст ему груз. У Майкла будет желтый «Роллер», и он будет на позиции в пять минут девятого, лицом к северу. Как только он загрузится, он отправится в коттедж «Пепперкорн», как найти его в темноте знает только он.

— Что мне делать, когда я доберусь туда?

Я был благодарен, что не участвовал в настоящем нападении. Я не боялся грубых вещей, но огнестрельное оружие вполне могло быть задействовано, и я не хотел ни убивать, ни быть убитым.

— Мистер Блемиш поможет тебе разгрузиться. Тогда все, что тебе нужно сделать, это ждать, несмотря на крыс.

Кенни Дьюкс вздрогнул. — Лучше ты, чем я.

— Что касается остальных машин, — Моггерхэнгер говорил настолько медленно, насколько позволяло его волнение, — после того, как машина В передаст свой груз Майклу, она некоторое время будет следовать за машиной D. Автомобиль С (Range Rover) справится с преследователями, если понадобится, сгонит их с дороги. Машиной В будет «Ягуар», и она поедет на юг, если кто-нибудь из преследователей с фермы Бакшот решит последовать за ней. Если вас не преследуют, держитесь за А и D, чтобы убедиться, что к D не пристают. Когда D наконец оказывается в безопасности, А отправляется на север, в поместье Сплин, С возвращается сюда, а В отправляется на виллу Бризблок в Бэк-Эндерби. И никаких тихих пьянок в деревенском кабаке, ни по приходу,

ни по уходу. Любые вопросы?

Я думаю, у всех кружилась голова. У меня точно.

— Я повторю это еще шесть раз, просто чтобы убедиться, что вы сможете прочитать все задом наперед до полуночи.

Я поднял руку. Это было похоже на учебу в колледже.

«А как насчет прикрытия с воздуха?» — хотел спросить я, но не стал, потому что Моггерхэнгеру не требовалось легкомыслие, если только оно не было его собственным. «Прикрытие с воздуха?» — сказал бы он в лучшем случае. «Если хотите, я предоставлю флот вертолетов из Лутона.

— Когда мы отправляемся?

— Я рад, что ты спросил об этом, — он был саркастичен. — У вас есть три дня, и с этого момента все отпуска отменены. Я бы предпочел сухую погоду. Никаких гроз, туманов, ужасных градов и затяжных дождей, которые превратят сельскую местность в каток или в трясину. Я видел слишком много вещей, которые пошли не так в плохую погоду. Так что я буду следить за метеорологической службой и ждать, пока они дадут мне хотя бы наполовину приличный прогноз, хотя я не могу откладывать это надолго, потому что мне нужны ночи максимальной темноты. Мы не хотим, чтобы в ближайшем будущем появилась даже полоска луны. Однако в тот день вы отправитесь в путь в двенадцать часов. Поскольку машин четыре, вы будете отправляться с интервалом в полчаса — пока вы не будете на станции в назначенное время. Все автомобили будут в идеальном состоянии, заправлены бензином, то есть с момента их обслуживания пройдет не менее месяца. Я говорю это намеренно, потому что, по моему опыту, автомобили в этой стране с большей вероятностью сломаются сразу после возвращения из гаража — если они вообще собираются это сделать. Это позорно, что длинноволосым, толстым, невежественным парням позволяют ползать по машине и возиться с гаечным ключом и смазочным пистолетом. Неудивительно, что они оставляют половину дел невыполненными и делают все, что не следует. Они даже не умеют писать свои имена.

— Миссис Уипплгейт даст вам по сто фунтов каждому, чтобы вы могли справиться с любой неожиданностью. Но предупреждаю: пить нельзя. Мне нужны ледяные мозги или их вообще не будет. Помните, что это большая работа. Банда «Зеленых Ног» прекрасно сидит на своем секретном складе. Сделайте так, чтобы они не знали, что их поразило. По нашим данным, это место охраняют не более двух человек. Они будут легкой добычей для вас пятерых. Крайне важно, чтобы мы получили все, кроме небольшого количества маковых семян, которые ребята Джека найдут на следующий день. Если работа провалится, вам конец —

каждому из вас. Но нет причин, почему это должно быть так. Некоторые из нас работали над деталями уже долгое время. Вряд ли стоит говорить, что после этого нас ждут здоровые бонусы. Теперь давайте еще немного изучим. Мы продолжим до полуночи и повторим это завтра между десятью и одиннадцатью утра. Это операция «все или ничего».

Я думал, он собирается добавить, что от этого зависит судьба европейской цивилизации. Я бы не удивился. Единственная причина, по которой он этого не сделал, заключалась в том, что он не думал об этом. Мои кишки кипели. Я был в этом по уши, и у меня не было возможности отступить.

Глава 24

В половине первого в «День» я выехал из гаража в Кентиш-Тауне и направился к Северной кольцевой дороге через водоворот пробок. Я намеревался присоединиться к автомагистрали М1, которая приведет меня в Нортгемптоншир, так почему же я пошел направо и выехал на А10, направляясь в Кембридж? Тот факт, что я не мог сказать, давал мне надежду на будущее, поскольку, по крайней мере, ни в моей жизни, ни в жизни кого-либо еще, с кем я был близок, никогда не будет скучно.

Но в то время я был по-настоящему озадачен, потому что, будучи запрограммированным на одно действие, сила, которой я не мог дать названия, мягко, но решительно заставила меня сделать другое. Как и в каждом случае, когда я совершаю сумасшедший поступок, я начал видеть причину в этом движении. Если бы я пошел прямо в район фермы Бакшот, у меня было бы такое искушение разведать это место, что мое описание было бы сделано пятьдесят раз, прежде чем придут остальные и мы двинулись бы туда. В «Час Ноль» я думал припарковаться у Подснежного леса и с картой, полевым биноклем, в резиновых сапогах и взведенным пневматическим пистолетом прокрасться внутрь, чтобы взглянуть на гайку, которую нам предстояло расколоть. Меня, конечно, заметил бы кто-нибудь, вытряхивающий ковры из заднего окна. Затем я возвращался на переулок и обнаруживал пару молодых людей, весело катающихся на моем «Роллере». Те, кто был в доме, тем временем все соберут и уйдут, прежде чем мы успеем заполучить наркотики и деньги. Так что для всех заинтересованных сторон было бы безопаснее, если бы я совершил иную поездку, чтобы добраться туда, и что может быть лучше, куда заехать по пути, чем Верхний Мэйхем?

На бумаге все было запланировано, но мне казалось, что я делаю шаг в неизведанное. Мой мозг без труда воспринял планы Моггерхэнгера, но

моя собственная схема должна была вписаться в них, и на данный момент я не понимал, как это возможно. Программа моя казалась напряженной и излишне сложной, и я повсюду чуял слабые места, хотя знал, что ради безопасности мне придется следовать собственному плану. Только если что-то пойдёт не так, я смогу прийти в себя.

Было жарко, небо было ясным, но я устоял перед искушением остановиться, чтобы выпить несколько пинт пива, или даже послушать музыку Моггерхэнгера, пока катился. На бумаге все выглядело хорошо, но что, если на автостраде в одну из машин врежется джаггернаут и она загорится? Или будет прокол и запасное колесо окажется спущенным? Я полагал, что мы можем позволить себе потерять одну машину, если в ней нет ни одного из штурмовых групп. Опять же, что, если как раз было ежегодное общее собрание банды «Зеленых Ног», и в тот вечер присутствовало множество злодеев? «Обо всем позаботились», — сказал Моггерхэнгер. Даже Джек Лэнтон был на нашей стороне, самый большой испорченный полицейский в бизнесе. «Что вы еще хотите»? — спросил я, подъезжая к железнодорожной станции Верхний Мэйхем.

Билл Строу спал на качающемся сиденье в саду, газета «Дейли Миррор» прикрывала его голову, чтобы сохранить цвет лица. Дисмал лежал рядом с ним, положив голову между лапами, и ни один из них не поднял глаз, когда я открыл скрипучие ворота. Мария, у которой живот, конечно, был больше, чем в прошлый раз, вышла с подносом, в высоком стакане позвякивал лед, и собачьей миской, полной воды. Звон льда разбудил Билла, и на его лице появилась улыбка, прежде чем он позволил газете ускользнуть.

— Ах, моя дорогая! Еще один прекрасный напиток. О... привет, Майкл, что привело тебя сюда?

Мария поцеловала его, и он прижал ее к себе. Они некоторое время целовались, самая нежная и любящая пара на свете.

— Разве она не прекрасна? Она идеальна, Майкл, идеальна. Не так ли, моя беременная красавица? Ты идеальна, не так ли? Не так ли, моя уточка?

— Ты тоже замечательный, — она поставила чашу с водой перед Дисмалом.

Я пнул его, но не слишком сильно.

— Ты хоть меня не забыл по крайней мере?

Он зевнул, закатил высунутый язык обратно в рот, затем встал на две ноги и потерся холодным носом о мою щеку. Удовлетворив формальности, он выпил воду в два лизания.

— Твоя мать приходила вчера вечером и ушла сегодня утром.

Сказала, что собирается в Голландию, чтобы увидаться с Бриджит. Однако с такой женщиной никогда ничего не скажешь. Она немного симпатизировала Марии, но я настоял на своем. Я должен был, Майкл. Я посмотрел ей в глаза и сказал: «Она моя. Оставь ее в покое». И она отступила. Мне просто нужно было проявить твердость.

— Принеси мне выпить, Мария, — сказал я, — ради бога. Только никакого алкоголя.

Билл встал.

— Она сокровище, Майкл. Мы влюблены так же сильно, как двое школьников. Я никогда не верил, что это может произойти. Я не могу тебе сказать. Хотя я рад, что ты пришел. У нас закончились деньги. Можешь выделить пару шиллингов? Местные магазины жалуются на мой кредит, поэтому я хотел бы немного от них отмахнуться.

Я дал ему пятьдесят фунтов из своей сотни.

— Это тебе на несколько дней.

Он принял свой всезнающий вид ноттингемского пса. — Ты на работе, да?

Я кивнул. — Это День Д. Двадцать часов. Сегодня вечером.

Он осушил свой стакан. Мария вышла с моим. — Принеси еще, дорогая, ладно?

— Ты ленивый ублюдок, — сказал я. — Почему бы тебе не пошевелить пальцем и не сделать это самому?

Он посмеялся. — Знаешь, Майкл, я бы и рад, но она мне не позволила. Она бы обиделась. Не так ли, уточка? Однажды я попытался снять ковровые тапочки, и она полдня дулась. У меня разбилось сердце, когда я увидел разочарованное выражение ее лица. Ну, она любит меня, и я люблю ее. Кроме того, я не знаю, как долго это продлится.

Часть забора была покрашена. — Кто это сделал?

— Она. Ну, я имею в виду, она настояла. Сказала, что ей нечего делать. Ты знаешь меня, Майкл. Я не жестокий человек. Я не хотел ее останавливать.

Я завидовал ему. — Ты встал на ноги.

— Я знаю. Но подумай обо всех случаях, когда я разбивал себе голову.

— Я не вижу много шрамов.

— Это потому, что у меня хорошая шевелюра. Сегодня в девять часов, да? Банда «Зеленых Ног» получит возмездие?

У меня не было секретов ни от Билла, ни у него от меня. — Мы гонимся за их складом.

Он свистнул. — Два миллиона?

— Три, да еще с дурью. Может быть, четыре.

— Ты лучше это сделаешь, чем я. Но если вам нужна помощь, помести меня в багажник «Роллера». Я бы сделал все, лишь бы прокатиться на лучшем моторе Клода. Он, должно быть, совершенно уверен, что справится с этим, если позволит вам это сделать. Это самая ухоженная машина в Англии.

— Я буду управлять. Всего нас будет восемь человек.

— Девять было бы лучше.

— Я возьму Дисмала, — я постучал по зверю ботинком. По мосту шла группа орнитологов, каждый из которых имел бинокль и руководство по распознаванию птиц. — Пойдем внутрь, где мы сможем поговорить.

— Сегодня жарко, — сказал он. — Я ничего не делаю, только пью. Может быть, Мария заварит нам своего крепкого чая. Я научил ее готовить шоколадное пюре в истинном ноттингемширском стиле. Я очень горжусь этим, Майкл. Я не бездельничал с тех пор, как приехал сюда.

Мы сидели в прохладной гостиной. Даже Бриджит никогда не заставляла это место сиять так.

— Как она находит время, чтобы сделать так много?

— Она занимается этим с утра до вечера.

— Она беременна. Ей следует позаботиться о себе.

Он откинулся на диване.

— Я знаю. Я пытаюсь ей сказать. Но она не слушает. И знаешь, Майкл, — он встал и наклонился вперед, — она немного увязла. Она всю ночь со мной. Чертовски чудесно. Я чувствую себя халифом Багдада. Ее как будто было трое. Я все время говорю ей, что ей следует остановиться, потому что у нее ребенок, но по ее словам это не имеет ни малейшего значения. Это еще одна вещь, за которую я должен тебя поблагодарить.

— Я буду сожалеть об этом до самой смерти.

Он встал и толкнул меня под подбородок. — Хотя я собираюсь на ней жениться. Мы готовы к этому. Я не делаю ничего наполовину. Я просто попрошу ее принести нам чаю и бутерброды с сыром.

Дисмал, должно быть, услышал, потому что вошел и лег у пустой каминной решетки. Я погладил его по голове. Он составлял мне компанию, пока я целую ночь сидел в коттедже «Пепперкорн». Он мог бы зарабатывать себе на жизнь, съедая несколько крыс, и, возможно, сдерживая Перси Блемиша, если бы тот настолько сошел с ума, что напал на меня с ножом.

— Дело в том, — сказал Билл, — что восьми из вас вполне может быть достаточно. С другой стороны, если есть Два-Два, с которым нужно считаться, то этого может и не хватить.

— Кто она, черт возьми?

— Это он. Раньше его называли Бантам, потому что он ростом ниже пяти футов и очень худой, но он внезапно воспротивился этому имени и сказал, что больше не хочет, чтобы его называли Бантам. Ну, поскольку он отлично стрелял из винтовки два-два, мы называли его Два-два. Он не возражал против этого. Я никогда не знал его настоящего имени. Но я скажу тебе одну вещь: вас может быть восемь человек, но если Два-Два тебя заметит, он перебьет вас всех, если вы попытаетесь броситься на него с ста ярдов.

— Мы не так это делаем.

— О, двое сзади и двое спереди, не так ли? Но вам придется отправить двоих в дымоход, если Два-два где-то рядом.

— Ты уверен, что он в их банде?

— Был, когда я слышал это в последний раз. Куда, черт возьми, делилась Мария с этой жратвой?

У меня в доме была спрятана пара дробовиков и винтовка-двойка, с большим количеством боеприпасов, с тех времен, когда я ходил пострелять в лес. — Я не могу взять тебя с собой.

Он покачал головой с блеском зависти и стиснул зубы.

— С твоей винтовкой я мог бы тебя прикрыть. Кто-нибудь покажет морду в окне наверху, и я через полсекунды влеплю ему пулю между глаз. На днях я добыл кролика и двух голубей.

— Я думал, что хорошо спрятал ее.

— Майкл, от меня? Скрыть что-нибудь от меня? Не ворчи. Нам обоим следует сесть в эту машину. Никто из людей Клода меня не увидит, если ты накинешь на меня сзади пару одеял. Мы возьмем винтовку и дробовики. Просто расскажи мне свой план нападения, и я объясню, как мы это сделаем. Я служил в Шервудских лесниках всю войну. С несколькими ребятами из «Олд Стабборнс» я бы прибрал пол-Лондона.

Мария вошла с нагруженным подносом, и он не смог удержаться, чтобы погладить ее по заднице, когда она поставила его, но она поцеловала его, так что он получил свою награду вдвойне. У меня возникло искушение отвезти его на ферму Бакшот, потому что он был способен сделать все, что сказал, но его присутствие изменило бы баланс плана. Я объяснил схему на случай, если он сможет высказать конструктивную критику.

Три сэндвича и пинта чая ушли в его глотку.

— Четыре машины — это слишком много, — он прижал руку ко рту.
— Двух достаточно. Тогда у вас будет шесть парней для нападения. Клод

всегда был расточителен с моторами. Вам нужна точность, а не насыщенность. Если у вас трое сзади и трое спереди, у вас есть по одному человеку с каждой стороны, чтобы прикрыть двоих, которые входят. Верно?

— Думаю, да.

— Верно. Из двоих вошедших один парень бежит прямо вверх и спускается вниз. Другой тип блокирует дверь, и его ловит толпа. То же самое с обеих сторон. Не могу пропустить. Зависит от размера дома, но похоже, что вам нужно шесть, а не четыре. Если бы это был один из домов в ряду, мы могли бы подойти к нему по параллельной дороге, проделывая дыры в стенах гранатами, пока не доберемся до нужного дома. Я чертовски хорошо разбирался в уличных боях. Очень нравилось. Для меня это был бы пикник, Майкл. Я прикрою вас спереди и сделаю четыре бутылки с зажигательной смесью, прежде чем мы уйдем, чтобы швырять их в окна, если что-то пойдет не так.

— Пошел ты! — воскликнул я. — Мы хотим захватить это место, а не устроить холокост.

— Я увлекся, признаюсь. Могу отказаться от коктейля Молотова. Но ты понимаешь мою точку зрения, Майкл? Просто высадите меня поблизости за полчаса до этого. Я отпилю конц дула одного из твоих ружей, засуну его себе под пальто и возьму один из твоих кухонных ножей. Надену на лицо капюшон и зачерню руки. Когда вы услышите мой свисток из окна наверху, вы сможете войти. Я для вас их аккуратно свяжу.

— Я думал, ты влюблен, — сказал я. — Похоже, ты безумно скучаешь.

— Немного того и другого никогда не помешает.

— Мы не хотим пожара, — сказал я, — и не хотим резни. Нам нужен только товар и деньги.

— Это вполне возможно, Майкл, но если Два-Два где-то рядом, будь осторожен. Мне бы не хотелось, чтобы ты вернулся на костылях. На пенсию от Моггерхэнгера ты бы жил очень плохо.

— План не только утвержден, но и уже действует. Они бы умерли, если бы узнали, что я говорю с тобой об этом. Я, должно быть, сошел с ума.

— Я искренне забочусь о ваших интересах. Я должен тебе слишком многое, чтобы не думать об этом. Наверное, к старости я становлюсь сентиментальным.

Я доел свой первый бутерброд, последний на тарелке.

— Я беру Дисмала в компанию. Еще мне хотелось бы несколько

фляг, банок с едой и сверток с сэндвичами. Когда я еду на машине, мне нравится, когда меня хорошо снабжают едой. Меньше шансов попасть в аварию. Еще мне нужна винтовка-двойка с пятьдесятью патронами и одно ружье.

— Ты очень мудр, — сказал он. — Мария пойдет в деревенский магазин и купит еще немного хлеба. На днях я пытался научить ее водить машину на твоём старом автомобиле, но она, похоже, не научилась крутить руль, так что ей придется ездить на велосипеде.

Ключи я всегда держал при себе, но запуск двигателя с помощью куска проволоки не составил бы для него проблемы.

— Если это не отнимет слишком много времени. Я не могу опоздать на встречу.

— К чему спешка? Сейчас только четыре часа. Тебе не обязательно быть там до девяти, а это значит, что ты можешь бездельничать здесь до семи и все равно успеть, если даже будешь ползти со скоростью тридцать миль в час.

— Тогда, может быть, я выпью немного чаю заранее, если смогу рассчитывать на то, что ты разбудишь меня в шесть.

— Меня это так же интересует, как если бы я шел сам. Я прослежу, чтобы ты проснулся и устрою тебе королевские проводы. Мне все еще хотелось бы, чтобы ты позволил мне пойти с тобой и помочь ребятам. Более того, мне бы это понравилось.

Дисмал наконец понял, что я дома, потому что последовал за мной наверх и растянулся поперек кровати. Нам обоим было нелегко заснуть. Что беспокоило Дисмала, я понятия не имел. Он делал усилие, чтобы опустить голову, затем вставал и без всякой причины ходил по моим ногам, наконец, со вздохом плюхаясь на мои лодыжки. Каждые несколько минут я просыпался от кошмара, что Билл забыл меня разбудить. Было девять часов, начало темнеть, и рейд начался. Прожекторы пересекали небо под звуки пушечных выстрелов, а парашютисты Моггерхэнгера степенно спускались сквозь шрапнель.

Без пяти шесть он похлопал меня по плечу, и мне было бы лучше, если бы вместо того, чтобы вздремнуть, я пошел бы прогуляться на пять миль, и выпил несколько доз ноттингемского чая Марии, после кружки которого каменщик мог бы подняться на сорок этажей и не нервничать. Долгий холодный душ вскоре успокоил мои трясущиеся руки. Я настоял на том, чтобы миска Дисмала была наполнена, и он вылизал ее с таким удовольствием, что мы дали ему еще одну, после чего он встал на ногу и хвост и перевернул миску языком дном вверх.

— Я буду скучать по этой собаке — сказал Билл. — Ради бога, не дай

ему умереть. Я никогда не смогу с этим справиться. Каждое утро он пробегает мило в деревню за моей газетой и шестьюдесятью сигаретами. Я не знаю, где ты его взял, но он просто находка.

Дисмал пукнул, оценив эту хвалебную речь, и скользнул под диван.

— Не позволяй ему приближаться к Роллеру, — сказал Билл, — иначе он поцарапает краску. Это неприятная привычка, которую он приобрел в последнее время. И запах крепкого чеддера из его задницы тоже действует мне на нервы.

В половине шестого мы упаковали еду на запасное переднее сиденье, а также пару одеял, чтобы укрыть Дисмала во время пребывания на боевых постах, и спрятать винтовку «два-два» и дробовик. Пес забрался в машину, как пенсионер по возрасту, хотя ему было не больше трёх лет, а я закрепился на водительском сиденье.

— Контакт!

— Устройте им ад, — сказал Билл. — Я бы хотел пойти с тобой. Мне надоело торчать в этом доме.

— Мне будет безопаснее одному, чем с таким парнем, как ты. Ты сумасшедший, и это факт.

Он включил бессмертную улыбку берсерка из Ноттингема.

— Я знаю, что это так. Хотя временами это кажется чудесным. — Он сунул зонтик в открытое окно. — Возможно, тебе это понадобится. Только не подталкивай им Дисмала. Это тот, который ты подобрал на станции метро, помнишь?

Он похлопал меня по щеке, а затем я побрел к машине. Мои тревоги исчезли. Куда они ушли, я не знал, и меня это мало волновало. Несмотря на то, что я помахал ему в ответ. Дисмал плюхнулся на переднее сиденье и молча щелкнул зубами кольца дыма от моей сигары, пока мы катились по направлению к Хантингтонской дороге.

Безоблачный день начал меня пугать. Я хотел повернуть на север или на юг или даже повернуть назад на восток, вместо того, чтобы продолжать движение на запад для выполнения своей работы. Когда я скользил по переулкам, в моих мыслях царило что-то праздничное. Мои чувства вышли из-под контроля. Мне хотелось надеть праздничный колпак — я на самом деле заглянул в бардачок на случай, если он там спрятан — и зайти в соседнюю стоянку, чтобы попить из своей фляжки с бренди. Я помахал рукой рыжеволосой молодой женщине, стоявшей на обочине дороги, проезжая через деревню, и она жестикулировала с улыбкой, которая заставила меня испугаться при мысли о том, что я сделаю что-то бесспорно глупое во время рейда.

Зелено-желтый живот Англии потянул меня за собой. Мои глаза были

устремлены на темный лес, на колышущуюся кукурузу и луга. Я проезжал мимо богатых домов. Я пробирался по деревням, где не было ни одного голодающего или спешащего человека. Я был рад путешествовать в прекрасный вечер и был счастлив, что чувствовал себя не таким, как все, кого встречал. Это было похоже на то, как идти в бой солдатом, потому что я не ставил себя ни на секунду впереди своей жизни.

Вороны спорили за тень дерева, когда я остановился у знака «уступи дорогу». Дисмал зевнул, но когда я отодвинул его морду в сторону, он рассмеялся про себя. Даже собака почувствовала, что нам повезло, что мы оказались в движущейся машине. Знакомый островок безопасности на Великой Северной Дороге вызывал у меня странное ощущение, что я срезаю его под прямым углом, а не иду на север или юг. Прежде чем сесть на него, я пропустил полдюжины джаггернаутов, и машина сзади загудела, ожидая, что я брошусь в дорожный поток на такой быстрой машине. Но я был осторожен, потому что, если в моей жизни мне суждено было попасть в дорожно-транспортное происшествие, то это время не пришло. По прямому, но узкому отрезку дороги на восемьдесят проехала «Кортина», полная смеющихся детей, в заднем окне покачивалась розовая резиновая свинья.

Магнитофон порадовал нас популярными маршами оркестра королевской артиллерии, которые, казалось, как раз подходили для поставленной задачи. Даже Дисмалу это понравилось, его толстый хвост болтался по сидению. Затем пришло наставление 974 от Моггерхэнгера, в котором говорилось, что я не должен превращать машину в кухню, оставляя на обивке картофельные и луковые очистки, стручки гороха и пакеты с кукурузными хлопьями. Должно быть, он хихикал, возясь с кассетами в свободные минуты. Дисмал рявкнул на назойливый голос, поэтому я открыл окно и перебросил кассету через изгородь.

Я наметил свой путь через Бертон-Латимер, чтобы уклониться от Кеттеринга, и с этого момента сеть переулков повела меня через возвышенности и через середину Питсфордского водохранилища. Каждые два или три перекрестка я останавливался, чтобы посмотреть на карту, потому что во время этой прогулки я не мог наслаждаться поездкой и надеяться, что указатели помогут мне сориентироваться. Струя воды заставила Дисмала поцарапать окно, и, прежде чем забраться обратно, ему снова захотелось пить, поэтому я вылил пластиковый контейнер в его передвижную собачью миску.

Я закурил еще одну сигару шефа, и мы поехали. Неподалеку от места рейда я выехал на главную дорогу, ведущую на север. Мы проехали через деревню, где я увидел женщину, выгуливающую собаку возле почтового

отделения, и универсал «Вольво», припаркованный возле коттеджа с соломенной крышей. .

К девяти часам наступили мирные сумерки. Не знаю почему, но меня поразило, что желтый «роллс-ройс» — необычная машина для такого трюка, машина, которую вы бы никогда не угнали, если бы захотели уйти далеко и не быть пойманным. Вертолет засек бы его с двух тысяч футов. У нас должен был быть «Эскорт», или «Кортина», или «Моррис», который невозможно было разглядеть за двадцать миль.

Ожидая позиции, я скормил Дисмалу батончик «Марс». Он любил их, единственным недостатком было то, что после этого он лизнул мне руку, чтобы выразить свою благодарность и признательность. Кто-то просигналил мне сзади. Это был Джордж в машине С, который собирался занять свою станцию в полумиле к югу. Я предположил, что машины А и В готовятся к работе. Я высветил Джорджа прежде, чем он успел повернуть за поворот.

Еще один факт, который пришел ко мне — и тем более острый, что я опоздал, чтобы быть полезным, — заключался в том, что я отдал свою жизнь в руки самой большой кучки тупиц, какую только можно было найти на Божьей земле. Но кого еще мог выбрать Моггерхэнгер? Даже я внес свою лепту. Те, кто никогда не был внутри, будут еще менее компетентны. И они не были бы такими глупыми.

Если Билл Строу, которого я считал самым разумным парнем из тех, кого я знал, вызвался протянуть руку помощи, то это было не ради выгоды или желания заниматься своей профессией, а просто для того, чтобы немного развлечься на съемках уйти, а затем исчезнуть в сельской местности, чтобы проверить свою способность вернуться на базу незамеченным. Однажды Шервудский лесник, навсегда Шервудский лесник. Для Билла Строу преступление было логическим продолжением упражнения по ориентированию, и в этом смысле я смотрел на него как на типичного англичанина, для которого понятие класса не имело никакого значения.

Такие размышления были слишком запоздалыми. Даже если бы я бросил «Роллер» и сбежал с Дисмалом, я был бы отмеченным человеком. Часы показывали, что уже без десяти минут восемь, и я, как было приказано, находился на левой стороне дороги лицом на север. Над кустом бузины танцевала туча комаров. Воробей пролетел над клочком цветущей крапивы.

Мне хотелось спать, потому что Дисмал зевнул. Небо на западе было розовым вверху и красным внизу. Прошло полминуты. Меня разбудила приближающаяся ко мне с юга машина со всеми включенными фарами.

Коттапилли с выпученными глазами сидел за рулем машины В, Тоффиботтл и Пиндарри сзади, готовые нанести лобовой удар. Они опоздали, отсюда и спешка. Где, черт возьми, они были? Кенни Дьюкс и Джерико Джим уже должны были выйти из Подснежного леса и приблизиться к ферме, чтобы захватить ее с тыла — без поддержки, если только они тоже не опоздают.

— Это не сулит ничего хорошего, — сказал я спящему Дисмалу.

Было бы бесполезно возвращаться шаг за шагом назад и выяснять, как я попал в такую ситуацию. Гораздо лучше, решил я, подготовить автомобиль к тому, чтобы вскоре забросить в него груз. Я вышел, открыл багажник и постоял, куря еще одну сигару. Поскольку Моггерхэнгеру посчастливилось снова увидеть машину, я не видел смысла ограничивать себя. Дисмал метался по изгороди в поисках кроликов и куропаток, возможно, надеясь на лису. Время было пять минут девятого. Теоретически штурм фермы Бакшот должен был быть завершен.

Было довольно темно и я включил аварийные указатели. Они сделали машину более заметной, чем мне хотелось, но на случай, если ребятам будет трудно найти меня в полумраке, они послужат навигационными маяками. Мне показалось, что я услышал серию легких тресков с юга, и мои внутренности похолодели при мысли о том, что смертоносный Два-Два вступает в бой. А возможно эхо дробовиков исходило от группы фермеров, охотившихся за кроликами. Такие звуки я часто слышал летним вечером из открытых окон Верхнего Мэйхема.

В девять пятнадцать я начал волноваться, хотя и не слишком. Если бы на моем месте был Билл Строу, он, вероятно, включил бы плиту, спокойно заваривал бы банку чая, как и подобает бывшему Шервудскому леснику, и лежал бы на простыне, просматривая первую главу романа Сидни Блада. Через десять минут он задует огарок свечи и будет лежать до полуночи, а затем проснется, снова заварит чай, сложит палатку и ускользнет в ночь, чтобы к рассвету пройти двадцать миль через всю страну.

Я усадил Дисмала обратно в машину и закрыл дверь, уложив его на одеяло снизу и закрыв еще одним сверху. Возможное будущее развитие событий заключалось бы в том, чтобы загрузить вещи, но я становился все более и более утомленным, поскольку изредка горизонт сверкал мигающими синими огнями полицейских машин.

Я считал часы по минутам. Либо добычи было так много, что на погрузку потребовалось больше времени, чем предполагалось (хотя с четырьмя такими мускулистыми ублюдками я не понимал, как это могло быть), либо атака провалилась, и один убитый, двое раненых и один

пленный. и один пропавший без вести (но за ним охотились), они признали поражение, и затея была отменена, а они отступили на поздний ужин в кафетерии Уотфорд-Гэп. Если да, то как мне узнать? А если я не могу знать, как долго мне придется ждать?

К двадцати минут десятого я подумывал поехать на юг для разведки, но такой шаг был бы безрассудным, потому что, без сомнения, как только я тронусь в путь, машина В проедет мимо меня и не найдет меня на позиции, чтобы перегрузить товар. Конфуций мог бы сказать, что гибкость способствует развитию, но в этом случае это только смутило бы нас. Сигара стала на вкус как дерьмо. Чтобы отвлечься, я вспомнил свою встречу с Фрэнсис Мэлхэм, произошедшую менее недели назад, но мне показалось, что прошло десять лет. Если бы я вышел из этой безумной экспедиции целым, я бы нашел ее и возобновил наше знакомство. Ее лицо преследовало меня в темнеющем воздухе и настолько вывело меня из беспокойства, что я едва заметил приближающийся ко мне пикап с радужным светом, вспыхивающим над кабиной. Он остановился в ярде позади «Роллера».

Кенни Дьюкс с волосами, перепачканными кровью, выскочил с криком:

— Тебе было легко, не так ли, приятель?

Он хотел убить меня за это.

Паркхерст соскользнул с сиденья. У него были синяки на лице и оторван рукав куртки. Тоффиботтл вышел с другой стороны и врезался в дверь кабины, не имея возможности что-либо видеть закрытым левым глазом.

Глава 25

— Что случилось?

Паркхерст бросил первый пакет. — Полный успех.

— Они сломали мне пальцы, — простонал Тоффиботтл, который, тем не менее, был в состоянии играть в «передачу посылки» с остальными из нас, и в течение пяти минут я понял, что Кенни Дьюкс и Джерико Джим вышли из Подснежного леса вовремя, но, не услышав никакого шума, машина В, мчавшаяся по переулку к ферме Бакшот, стояла, спрятанная в мертвой зоне. Паркхерст, который высадил их полчаса назад, вместо того, чтобы стоять на перекрестке, как ему сказали, наблюдал за подъезжающей к ферме машиной В, а затем последовал за ней на случай, если он понадобится им в качестве подкрепления. И было хорошо, что он это сделал. Эта гибкость мышления доказала, что он настоящий сын

Моггерхэнгера. Обе машины были замечены, когда они выезжали на переулок. В окне наверху появился дробовик, но стойкие приверженцы Моггерхэнгера зигзагами, как ящерицы, подошли к дому и добрались до двери целыми и невредимыми.

При таком шуме Кенни Дьюкс и Джерико Джим бросили сигареты и проскользнули через заднюю дверь, чтобы заняться своими делами. Они обезоружили двух мужчин, у которых были дробовики, но членов Банды «Зеленых Ног» оказалось больше, чем ожидалось, и произошла драка. Первое, что сделал Паркхерст, когда вошел, — это перерезал телефонный кабель, а затем ударил коленом одного из парней, который потянулся за рацией. Он вышвырнул радио из окна, и в вечернем воздухе потрескивали атмосферные звуки. По всему дому шла драка, и выбравшийся на улицу парень из «Зеленых Ног» бросил спичку в бензобак «Ягуара», который взорвался. Вторая машина тоже получила повреждения, но не настолько серьезно, чтобы ею нельзя было пользоваться.

— Я знавал промахи и похуже, скажу вам, — сказал Паркхерст.

Холодный ветерок пронесся над изгородью. Водители немногих проезжающих машин, должно быть, усмехнулись при мысли о сломанном «роллс-ройсе». Мигающий свет пикапа был настоящей находкой, хотя нам повезло, что местная полицейская машина не остановилась во время своего ночного выезда и не спросила, все ли у нас в порядке, хотя, возможно, Лэнторн посоветовал им остаться подольше за чаем и дартс в эту ночь.

Паркхерст хлопнул ботинком и громко рассмеялся, предполагая, что в он своей стихии и вернулся к жизни. — Забери, Майкл, все три миллиона. Или это четыре? Не врежайся в бензовоз, не засыпай за рулем и не отправляйся на лодке в Испанию. Богу это не понравилось бы.

— За такую вещь ему бы влепили по запястью, — засмеялся Тоффиботтл, все еще сжимая пальцы.

Моя температура поднялась до сорока градусов.

— Мне нужно отвлечься от своей скучной жизни.

Джерико хихикнул. Мы чудесно провели время. Мы смеялись всю дорогу, день рождения, полный пощечин. Кенни мочился от смеха, его спутанная голова, старые шрамы от бритвы, отсутствующие зубы и руки осьминога отчетливо виднелись в свете фар пикапа. Тоффиботтл прыгнул в такси и подал сигнал. Я сел в «Роллер» и просигналил. Дисмал поднял голову, и я толкнул его вниз. Он завыл, и они разразились еще большим смехом, думая, что я подражаю собаке. Наверное, вся деревня слушала и гадала, покажут ли их на следующий день по телевизору.

Я тронулся без предварительного набора оборотов и ткнул Дисмала.

— Не показывай свой подгузник, а то тебе его прострелят.

Я уже был в пути, позади не было ни машин преследования, ни даже машины сопровождения, которая могла бы попрощаться со мной. Теперь им было плевать, потому что все более или менее в порядке. Пройдя мило, я свернул налево и проложил по компасу курс на запад-северо-запад в сторону коттеджа «Пепперкорн», находящегося примерно в ста милях отсюда. Я почувствовал такое облегчение, что чуть не врезался в живую изгородь, но левое переднее колесо заскочило в обочину — и выкинуло меня на улицу. Это разбудило Дисмала.

— Ничего страшного, — сказал я. — Продолжай спать.

В одиночку я мог бы проявить неосторожность и закрыть глаза, врезаться в стену, выстрелить в скалу, поцарапать бензовоз и загореться, но я не мог допустить, чтобы что-нибудь случилось с Дисмалом, животным, которое никому не причинило вреда. Он лизнул мне руку и снова лег.

Банда «Зеленых Ног» вырвется из своей кладовки. Один из них, должно быть, побежал в ближайшую телефонную будку, чтобы сообщить. Но кому? Какой молчаливый, голубоглазый, светловолосый высокопоставленный человек в темных очках поднимет трубку и услышит эти настойчивые сигналы прежде, чем позвонивший получит десять пенсов? Я бы многое отдал, чтобы узнать, кто он такой, тогда я мог бы сформулировать его ответ на рейд и сделать что-то, чтобы избежать всего, что могло бы встать на моем пути. Мы вышли из рейда благополучно, и я лучше всех, практически не беспокоясь и не получив даже царапины, и вот я был в своем моторизованном дворце, с включенным центральным отоплением, сигарой во рту, и собакой, свернувшейся калачиком на мате, въезжая в покой темно-розового заката с товарами на миллионы в багажнике.

Дела пошли слишком хорошо. Пришло время подумать и принять меры по уклонению. Если бы у главы банды «Зеленых Ног» был хотя бы приличный разведывательный отдел, он бы знал о различных укрытиях Моггерхэнгера. Его возможностей не хватило, чтобы предупредить его о рейде, но это уже другой вопрос. Поражение обострило способности. Кем бы он ни был, его уязвило бы ясное мышление. Он знал бы о Бэк-Эндерби, поместье Сплин и коттедже «Пепперкорн». Он смотрел на свою автомобильную карту RAC и делал в каждом месте большую черную отметку. Затем он нанесет палец на ферму Бакшот и увидит, что коттедж «Пепперкорн» находится дальше всего, и у него может возникнуть убеждение, что нагруженная добычей машина направляется именно туда. Он предупредит всех моторизованных приспешников, оказавшихся в

Мидленде, и прикажет им заблокировать мое движение по А5.

Наша тактика была достаточно разумной: желтый «Роллер» был припаркован подальше от места боевых действий, чтобы они не знали, какую марку машины искать. В любом случае было темно. Мое уважение к Моггерхэнгеру росло с каждой минутой. Несмотря на это, я не рисковал. Что, если один из наших парней знал, кому позвонить, чтобы вывести банду «Зеленых Ног» на мой след? Перспектива была маловероятной, но, будучи сам совершенно ненадежным, я знал, что в этом виде рэкета доверять нельзя никому.

С другой стороны, хотя шансов перехватить меня в пути было мало, тому, кто был главой банды «Зеленых Ног», достаточно было лишь послать машину ждать в коттедже «Пепперкорн». Тот факт, что нужно было все продумать, меня не смущал. Я бы справился с таким бедствием, когда бы до него дошел. В тот момент меня интересовало только то, чтобы убедить Джорджа или Паркхерста (любого, кто мог бы меня преследовать (а иногда машина действительно подъезжала и обгоняла)), что я хороший парень, который делает то, что ему говорят: всякий мог видеть, это была дорога к коттеджу «Пепперкорн».

Полчаса спустя я свернул с главной дороги и направился в Нанитон. Я минут десять погулял вокруг, чтобы убедиться, что никто не преследует меня, затем поехал на юг по прямой дороге с двусторонним движением на скорости семьдесят миль в час, пересек М6 и въехал в Ковентри. Как сказал бы Билл, это проще простого. За мной не следили, и я не попал в засаду. Я был вне поля зрения всех, кроме себя, и мне это нравилось, пока я мог верить, что это правда.

Мой план состоял в том, чтобы проехать через Уорик, Бромсгроув, Киддерминстер, Ладлоу и Найтон, минуя Черную страну на юге, а не на севере. Затем я направляюсь на север, чтобы добраться до окрестностей коттеджа «Пепперкорн» — непростая дорога, по которой нужно идти ночью, но меня не зря прозвали Тактическим Джеком. Стрелки часов светились на половине одиннадцатого.

— Дисмал, — сказал я, — ты умная собака, но почему ты не умеешь читать карту? Один лай налево, два направо и вой на остановку?

Он пошатнулся и принялся. Перед отъездом из Верхнего Мэйхема я выбросил шесть банок Bovie, оставшихся от щенка, которого пять лет назад сбил фургон. Дисмал не мог говорить, но я чувствовал, что он хочет еды, хотя бы потому, что ему было скучно, поэтому мне скоро придется остановиться и накормить его. Я не торопился, но мой прогресс в движении был хорошим. С той скоростью, с которой я шел, я доберусь до коттеджа «Пепперкорн» в два часа ночи. Мне было приказано ждать там,

и я, черт возьми, буду ждать. Тот факт, что мне не понравилось это место, не имел ничего общего с крысами.

Возможно, я найду свалку и подожгу машину с добычей в багажнике. Или я мог бы оставить его возле какой-нибудь сельской полицейской службы с запиской, приколотой под дворниками, и ключом от багажника в маленьком пластиковом пакете из тех, в которые вкладывают квитанции штрафов за парковку.

Возможно, мне все-таки следует оставить ее в коттедже «Пепперкорн», не дожидаясь дальнейших указаний, и уйти, чтобы никогда больше не связываться с Моггерхэнгером. Что бы я ни делал помимо служебного долга, я был мертвецом. Я был сейчас не в Канаде, где мне нужно было заблудиться на целом континенте. Я был на Альбионе, и никогда этого не забывай, сказал я себе, перестав на время думать о проблеме.

За Уориком и в направлении Хенли дорога стала уже. Мощный Mini сигналил об обгоне. Должно быть, это местные ребята, которые знали дорогу. Их валторна так громко играла усеченную версию «Полковника Боги», что у меня затрясся позвоночник. На прямом участке я сбавил скорость, и они пронеслись мимо. Паб уже закрывался, так что мне пришлось быть осторожным. Я никогда не попадал в серьезные аварии, но не хотел, чтобы моя очередь пришла сейчас.

Я дождался следующего участка дороги с двусторонним движением, чтобы сбросить скорость и поискать стоянку.

Сильный ветер принес с собой небольшой дождь, ливни приближались с запада, как сообщалось в новостях. Стоянка перед Бромсгроувом была скользкой от пролитого дизельного топлива и пластиковых пакетов, и, закончив свои дела, Дисмал захотел сразу же вернуться в машину. Я сказал ему, что это лучшее, что я мог сделать, и открыл банку Bovie. Он понюхал его, лизнул, а затем начал жрать. Я сидел на ступеньке с пачкой сэндвичей с сыром и огромной фляжкой кофе, возвращаясь к жизни, даже не осознавая, что был так голоден, и благословляя Билла и Марию, которые так хорошо меня накормили. Билл также добавил небольшую газовую плиту и все необходимое, чтобы я мог продержаться две недели.

Когда Дисмал закончил, и я закурил, мы услышали шаги между львиным ревом грузовика и мурлыканьем автомобиля. Кто-то устало вошел на стоянку, словно собирался упасть после очень долгой прогулки. Дисмал зарычал, и я посоветовал ему помолчать. Мужчина запыхался.

— Собака безопасна?

— Он и мухи не обидит.

— Я не ожидал, что он это сделает, но такой парень, как я, не может позволить себе рисковать.

Он прислонился к машине, и в тусклом свете я увидел небритое лицо человека лет шестидесяти. За спиной у него был рюкзак, но, похоже, в нем было немного вещей. Открытый воротник белой рубашки доходил до воротника спортивной куртки. На нем был пуловер, фланелевые брюки, черные ботинки и кепка, и он больше походил на путешественника, чем на туриста.

— Что ты делаешь в такое время ночи?

— Лучше не спрашивай.

Я воспринял его ответ как означающий, что у него нет выбора, поэтому взял флягу и дал ему чашку кофе. Он выпил его прямо до дна.

— Господи, не думаю, что у меня был такой кофе уже много лет. Это нектар!

Я передал ему пару сэндвичей с сыром. — Куда ты идешь?

— В следующий город.

— Ты голоден?

Он впился взглядом.

— Это обычное состояние для кого-то вроде меня в течение десяти последних лет. До этого было другая жизнь.

Он замолчал, чтобы поесть.

— Если хочешь, я тебя подвезу.

Юмор просто перевесил горечь.

— Когда-то у меня была чертовски хорошая машина. У меня был дом, жена, работа — все, и мне это нравилось. Когда ты сидишь спокойно, ты не знаешь, что произойдет через год или два, или даже через десять лет.

Его вид заставил меня чувствовать себя некомфортно.

— Ну и что произошло?

— В любом случае, спасибо за доброту к бродяге. Это были превосходные бутерброды. Не думайте, что я не могу это оценить. Парню моего положения становится все труднее объясниться должным образом. За последние десять лет у меня было больше невзгод, чем у Израиля когда-либо в Египте. По крайней мере, мне так казалось, хотя я не люблю жаловаться.

— Еще кофе?

Он кивнул. — Да, пожалуйста.

Я дал ему еще сэндвичей и плитку шоколада.

— Мне пора идти.

Я открыл дверь. — Итак, если ты хочешь войти.

— Который сейчас час?

Я подошел к фаре и посмотрел на свои карманные полуохотничьи часы. — Без пяти одиннадцать.

Он наклонился ближе.

— Когда-то у меня были такие часы, но я их потерял. Или их украли, вероятно, перевозчики. Подобные вещи происходили со мной в те дни, когда мне еще можно было потерять часы. Я был слишком неосторожен.

Мы расположились, и я предложил ему одну из лучших сигар Моггерхэнгера, исходя из того, что все беглецы рождаются равными.

— Лучше не буду, но все равно спасибо. Этот ужин был настоящим праздником. Я не ел с завтрака.

Я подождал, пока проедет машина, а затем вылетел на дорогу. — У тебя нет денег?

— Нет, у меня есть немного. Не хочу, чтобы меня задержали как бродягу. Это случилось один раз, поэтому у меня в кармане никогда не лежит меньше пяти фунтов, хотя в наши дни на это не стоит смотреть. Но я всегда экономлю. Я решил потратить столько-то денег в день и даже стараюсь сэкономить из этого медяк-другой. Режим строгий, но я никогда не бываю по-настоящему голодным. Я думаю, что спартанское существование идет человеку на пользу, не так ли?

— Нет, я так не думаю.

Он вытащил порванную карту.

— Я намеревался купить рыбу с жареным картофелем в следующем городе. Бромсгроув, не так ли?

— Надеюсь на это. — Я увидел вдалеке сияние огней.

Он спросил, владею ли я этой машиной.

— Я везу кое-какие вещи в Шропшир. Я шофер.

Он устроился обратно. — Если вы не возражаете, я возьму эту сигару сейчас, — он погладил Дисмала по голове, и если и было что-то, что Дисмалу нравилось больше, чем один человек, который суетился над ним, так это двое. — Милая собака.

— Он мой лучший друг.

— Похоже на помесь ньюфаундленда и сенбернара.

— Может быть, — сказал я. — Куда вы собираетесь преследовать дальше Бромсгроува?

— Это лишь предположение. Я продолжаю двигаться. Я родом из Ноттингемшира и, как ни странно, никогда не уезжаю дальше, чем на сто миль от этого места. Некоторое время я хожу по все увеличивающимся кругам, затем по все уменьшающимся кругам, пока не дохожу до Площади Плиты, и тогда я снова начинаю все увеличивающиеся круги.

Полагаю, это связано с тем, что я был инженером. Я был горным инженером, но рано вышел на пенсию, потому что у меня появились кое-какие деньги. Их было немного, поэтому я не знаю, почему я ушел на пенсию. Глупо это было. Я позволил этому ударить мне в голову. Но несколько лет назад от меня ушла жена, хотя нам в любом случае пришло время разойтись. Мы были вместе так долго, что были словно две девицы, живущие вместе. Когда она ушла, я продал свой дом и переехал в Лестер. Мне тогда было пятьдесят. Это было чуть больше десяти лет назад. Кажется, ледниковый период наступил и прошел. Но в то время я был достаточно счастлив продать свой дом. За это я получил 4600 фунтов, что было достаточно справедливо по тем временам.

Он устроился поудобнее.

— В Лестере я купил небольшую квартиру, взял ее на условиях своего рода кооператива, организованного человеком, который сказал, что всю свою жизнь был социалистом и хотел реализовать свои принципы на практике. Я не знаю, кто вы, но никогда не имейте никакого отношения к чему-либо подобному, каких бы принципов вы ни придерживались. Если вы когда-нибудь приблизитесь к кому-нибудь, кто начнет говорить о будущем, бегите, спасая свою жизнь. Но я попался на это, ответив на рекламу. Никогда не поддавайтесь рекламе, потому что она всего лишь зеркало того, что написано в остальной части газеты. Как бы то ни было, этот улыбающийся проклятый злодей со своими светлыми локонами, в рыбацком свитере, армейских ботинках и портфеле из свиной кожи однажды исчез, а на следующее утро совет прибыл, чтобы снести дом. Мне удалось выбраться прежде, чем шар и цепь вылетели из моего окна. Но я потерял свои книги и записи.

В его голосе появилась слезливость, но он твердо сдержался, чем расположил меня к нему.

— Я сошел с ума. Те деньги, которые у меня остались, я потратил, пытаясь подать на них в суд. В конце концов я остался без гроша. У меня были родственники в Лестере, но с тех пор они даже не разговаривали, проходя мимо меня на улице, боясь, что я попрошу у них денег на пачку сигарет. Даже их дети пренебрегали мной. У меня появилась язва, а затем я несколько месяцев находился в приюте, потому что — так они говорили, но я не помнил — я бросил десятидюймовую гайку и болт в лобовое стекло машины советника. Крепкие опоры вокруг меня расшатывались.

Единственное, что я мог сделать, это отправиться в путь. В этом было мое спасение. Каждые несколько недель я получаю немного денег от национального того и национального того. Меня все знают в офисах в

Ноттингеме и Лестере, и это не так уж и много денег, но это помогает мне двигаться вперед. Мне повезло, что я в этом мире, а не в России, где такого парня, как я, посадили бы в тюрьму как паразита. Но я никогда не чувствовал себя таким здоровым с тех пор, как отправился в дорогу. Летом или зимой, я гуляю в любую погоду. Иногда я получаю кровать, но часто сплю где придется, в канализационной трубе, или в сарае, или под живой изгородью, или в старой машине, или в заброшенном здании, которое обычно есть поблизости. Я никогда не простужаюсь и не болею. Мои ноги затвердели после первых двух недель. Я немного забывчив, это единственное. Однако с тех пор, как я отправился в путь, я вел Книгу уровней, в которой записывал свои взлеты и падения.

Он посмеялся.

— Честно говоря, это шутка, но я веду журнал. — Он поднял красный блокнот в твердой обложке, который держал в кармане. — Каждый день я записываю дату, расстояние и названия мест, куда я проехал. Очень кратко, заметьте, никаких описаний и тому подобного, иначе мне понадобилась бы не одна книга. Это мой единственный спутник. У каждого горного инженера есть книга уровней. Если вы когда-нибудь встретите другого, просто спросите его. Когда зимой гололед или сильный проливной дождь, я иду в публичную библиотеку и читаю Шекспира или Библию. Я никогда не смотрю газеты. Мне плевать, что происходит в мире. У них нет никаких новостей, которые могли бы повлиять на меня. Они пишут для себя, а не для нас, поэтому в плохие дни я просто сижу в библиотеке, читаю и согреваюсь. Это мои каникулы. Я никогда не прикасаюсь к выпивке и мне удается оставаться чистым. Не знаю, заметили ли вы, но я не чувствую запаха.

— Когда я пройду долгий путь, вы можете почувствовать запах пота, но это естественно. В рюкзаке у меня мыло, зубная паста, принадлежности для бритья, дезодорант, щетка для обуви и галстук. Больше ничего, кроме бинокля, веревки, небольшого фонарика и пары карандашей, смены нижнего белья и чистой рубашки. Единственная роскошь — логарифмическая линейка и книга таблиц. Обычно кусок жратвы. Когда мне нужно новое пальто, я покупаю его за бесценок в одном из тряпичных магазинов Оксфама.

Его голос звучал более весело.

— Итак, вы видите, это здоровая жизнь. Много упражнений, свежий воздух, всегда что-то интересное в ситуациях или в людях, которых я встречаю. Я никогда не прохожу мимо никого, не пожелав доброго дня, и мне все равно, ответят они или нет. Если они этого не делают, это их проблемы. Я не часто предпринимаю такие поездки, но когда я пришел на

ту стоянку, я почувствовал себя немного усталым после прогулки из Лимингтона. Для меня нет ничего необычного в том, чтобы проходить по тридцать миль в день, когда у меня есть настроение, что неплохо для парня, которому исполнилось шестьдесят. Возможно, вы, ребята, зарабатывающие себе на жизнь работой, думаете, что я питаюсь социальной системой, но я выполнил свою долю работы до пятидесяти лет, и, если честно, я потребляю не так уж и много мировых ресурсов.

У меня похолодел затылок. Мы были уже за Бромсгроувом, но никто из нас не упомянул о необходимости там останавливаться. Его история заставила меня забыть о таком решении, потому что на самом деле я хорошо его знал. Это был человек, который продал через меня свой дом в Фарнсфилде, когда я работал агентом по недвижимости в Ноттингеме. Я немного повозился, потому что за ним охотились несколько покупателей, из-за чего он получил дополнительно несколько сотен фунтов. Он щедро дал мне сто пятьдесят, но меня выкинули агенты по недвижимости фирмы «Питч энд Блендерс», потому что они узнали об этом. Тем не менее, я использовал деньги, чтобы купить старый автомобиль и профинансировать свой приезд в Лондон, так что этот бродяга в моей машине был ответственен за то, чтобы я был там, где я был, и делал то, что делал - подвозил его, пока переправлял добычу Моггерхэнгера в коттедж «Пепперкорн». Даже Блэскин не поверил бы мне, если бы я ему рассказал, а он писатель.

Его звали Артур КлеGG, и я тогда провел пару дней, помогая ему прибраться в доме после обмена контрактами. Когда проголодались, мы ели жаркое и играли в шашки, а из граммофона звучала оратория Генделя. Ценные золотые полуохотничьи часы в моем кармане были не чем иным, как теми, которые я украл из комода. Позже я отдал их тому пожилому Джеку Календарю, который переехал жить в Верхний Мэйхем, чтобы с маленьким красным флагом и золотой плетеной шапкой, которую Бриджит сшила для него, он мог играть в начальника станции. Когда он выкинул часы в ведро из-за сердечного приступа, я вернул их и с тех пор носил в жилете.

Длинная история утомила его.

— Я не знаю, почему я продолжал так долго.

В десять минут одиннадцатого мы пересекали автомагистраль М5 и направлялись в Киддерминстер.

— Я рад, что ты это сделали. Возможно, тебе трудно в это поверить, но мы были знакомы раньше.

Его рука дернулась на спинке сиденья.

— Это кажется маловероятным.

— Это правда.

В его голосе появилась живость.

— Что ж, я уловил в вашем акценте следы старого Ноттингема. Это едва заметно, но я бы сказал, что вы родом из Бистона или где-то рядом.

— В точку. Дело в том, мистер Клегг, что я был помощником агента по недвижимости, который продал ваш дом в Фарнсфилде. Мы практически провели аукцион по этому вопросу. Помните?

Во время двухминутного молчания я почти слышал, как колеса его ржавого разума работают на максимальной скорости.

— Майкл Каллен?

— Точно.

— Если бы я когда-нибудь потерял память, я бы покончил с собой. Прошла еще минута. — Не знаю почему, но я время от времени думал о вас в течение последних двенадцати лет и задавался вопросом, как у вас дела. — Он вышел из мрачного настроения и усмехнулся. — Значит, вы отправились в Лондон?

— На деньги, которые я заработал на вашей сделке.

— Я не могу в это поверить.

— Сто пятьдесят фунтов тогда были намного больше, чем сейчас. У меня было еще немного, поэтому я купил машину.

— Что вы делаете в этом «роллс-ройсе»?

— Я шофер.

Он цокнул носом. — Вы продвинулись не очень далеко.

Мне хотелось остановиться и выбросить старую дрянь. Кто он такой, чтобы осуждать меня за тот провал, который я натворил в своей жизни? Вместо этого я отцепил свои часы — его часы — и вернул их ему.

— Это твои. Я украл их, когда помогал собирать домашние вещи.

Я не стал его высаживать его. Его лицо в зеркале было усатым, сероглазым и с вытянутой челюстью. У него была морщинистая кожа и бледный рот.

— Возьми эту штуку.

— Я не хочу, — сказал он.

— Должно быть, сейчас они стоят сто фунтов.

— Я ошеломлен.

— Я тоже.

— Это неудивительно.

Дорога была узкой и изобиловала поворотами.

— У меня рука болит. Я не люблю водить одной рукой.

Он включил свет и открыл заднюю крышку часов.

— Вы правы. На них мои инициалы. Полагаю, мне следует

поблагодарить вас за то, что вы сохранили их. Остальные часы у меня украли в больнице, поэтому я их больше никогда не увижу. Хотя я рад эти видеть. Они принадлежали моему отцу.

Мне придется купить новые.

— Мне жаль, что я их украл.

— Мне тоже. — Я не ожидал, что он будет благодарен. — Я тогда подозревал вас, — сказал он, — но мы были так дружны, что я не мог в это поверить. Вам лучше остановить эту машину и высадить меня.

Мне не следовало этого делать, но меня раздражало, что он не сказал, какой я молодец, что отдал ему часы, и мысль о том, что он оставит меня в таком настроении, меня совершенно не устраивала. Я полчаса не думал о банде «Зеленых Ног» и не беспокоился о бесценных товарах, которые угонял в багажнике. Я погладил Дисмала по голове. По крайней мере, он любил меня.

— Я не могу отпустить тебя вот так.

Я услышал его дружелюбный и открытый смех.

— Вы пытаетесь отправить меня в Шанхай?

— Предлагаю тебе работу, — сказал я, не раздумывая.

— Это похоже на Майкла Каллена из былых времен. Насколько я помню, вы немного поработали на меня, не так ли? Я всегда думал, что у вас есть талант и вы добьетесь большого успеха.

— Я немного больше, чем шофер, — сказал я. — Я правда курьер, и в багажнике груз стоит кучу денег. Я перевожу его из одного места в другое, и мне нужно, чтобы кто-нибудь побыл со мной на несколько дней, что-то вроде помощника водителя. Это временная и непенсионная должность, но я буду платить тебе десять фунтов в день, начиная с сегодняшнего утра.

— Вы шутите.

— Не носи ерунду! — Мне надоело его ханжеское присутствие. Справа от нас, за Киддерминстером, простирался мрак Уайр-Форест.

— Полагаю, ругань — единственный известный вам способ быть серьезным, — сказал он. — Но я скажу вам одну вещь, Майкл. Можно многое сказать о жесткой верхней губе, под которой я подразумеваю постоянное молчание и способность не ругаться в ту минуту, когда это приходит вам в голову. Вы слишком солидный человек, чтобы позволить себе так легко увлечься.

Я признал, что он был прав, и что первое, что мне следовало запретить себе говорить, — глупое предложение о работе. Но я последовал его совету до такой степени, что не хотел задеть его чувства, хотя у меня было сильное искушение сделать это.

— Конечно, работа со мной будет означать работу по ночам. Установленных часов нет. Это также может быть сопряжено с определенной опасностью.

Он посмеялся. — Что мне терять?

— Ты умеешь обращаться с огнестрельным оружием?

Я думал, что, услышав это, он убежит от машины со скоростью мартовского зайца в дымоход.

— Во время войны я служил в ополчении, — спокойно сказал он. — Есть не так много видов стрелкового оружия, с которыми я не научился обращаться. Я также учил других, как ими пользоваться.

— Кто-то может попытаться ограбить машину.

— Я не хочу никому причинять вред.

— Просто чтобы их отпугнуть. Хотя я не думаю, что до этого дойдет.

Я проезжал подъемы и спуски Шропшира. Клегг заснул, а Дисмал продолжал дремать. Я подъехал к Ладлоу, и вид его уютных старомодных отелей заставил меня пожалеть, что их рестораны закрыты и что я не могу пробраться во двор и переночевать. Я прогулялся по нескольким освещенным улицам и дважды обогнул объездную дорогу с односторонним движением. Даже мрачный замок казался утешающим. В полночь я спустился с холма и направился на запад, знакомая разноцветная приборная панель сияла под четкими очертаниями дороги, освещенной моими фарами. Я сидел за рулем вечно, по крайней мере, мне так казалось, и, возможно, заснул бы из-за этого, если бы был один.

Не зная, что делать со своим грузом, я был весь в холоде и депрессии. Я подумал о том, чтобы заехать как можно глубже в ближайший лес и оставаться незамеченным, пока не приму решение о том, что лучше всего сделать. На поляне мы с Клеггом, вооружившись лопатой и киркой, закопали бы добычу при свете фонаря, свисающего с ветки дерева, а Дисмал неодобрительно смотрел бы на нашу неуклюжесть. Но у меня не было жестяных чемоданов, чтобы все это туда положить, так что через неделю это бы все сгнило. Тем не менее, с винтовкой, дробовиком, собакой Большого Ньюфаундленда (или кем бы он там ни был) и горным инженером мы могли бы выжить, пока Моггапоиск не будет отменен.

Картина «Острова сокровищ» исчезла, когда я посмотрел на вечно извилистую дорогу, ведущую к коттеджу «Пепперкорн» — чего, возможно, я бы и не увидел, если бы не знал, что Вейланд Смит был пленником Перси Блемиша. Мой разум путался, но я продолжал идти, решив, по крайней мере, освободить его.

Полчаса спустя, поворачивая на север над голыми высокими холмами, я услышал, как Клегг зевнул и потянулся. Дисмал наклонился и

ткнул меня в руку мордой. Пора остановиться. Слева и справа виднелись огромные участки леса. Дорога спускалась в долину к замку Бишоп, огни которого мигали так, будто кто-то забыл выключить их в полночь и утром его призовут к ответу за такое расточительство.

— Сон делает из тебя нового человека, — промолвил Клегг.

Мрачный резвился и пукал, бегая взад и вперед вдоль живой изгороди, пока я открывал банку с «Боги» и наливал воды в его миску. Клегг начал есть сэндвичи с ветчиной, а я достал овальную чашку с кофе.

— Вы хорошо заботитесь о своих сотрудниках.

— Я делаю все, что могу.

Мы прислонились к машине, и я увидел в свете лицо человека, страдающего от страданий, которого ранее судьба не пинала до самого позднего возраста. Мои последние десять лет были мирными, но его годы были полны неприятностей. Мне оставалось еще пятнадцать лет, прежде чем я дошел до той точки, с которой он начал. Все должно было измениться, если я не хотел идти тем же путем. С запада тянулись черные тучи.

— Похоже, это нас ждет, — сказал Клегг.

Дерево на краю поля скрипело на ветру, словно деревянный линкор, толкаемый по камням.

— Я не думаю, что мы будем единственными, кому это достанется.

Когда Клегг налил еще кофе, Дисмал скорбно посмотрел вверх, поэтому я положил остатки своего кофе в его пустую миску, и даже сквозь ветер услышал, как он лакает его с удовольствием. Проезжающая машина резко повернула, чуть не вылетев с дороги.

— Нам лучше уйти. У меня назначена встреча в коттедже «Пепперкорн», и мне осталось пройти еще тридцать миль. Я хочу приехать туда через час и уйти до рассвета.

Он устроился сзади. — Что за спешка?

— Если я не делаю что-то в спешке, я не делаю этого вообще.

— Это так, не так ли?

— Это так.

Дождь заливал стекла, поэтому я включил дворники и осушители. Мы пошли на север, через холмы и долины. Клегг и собака снова задремали, а я думал о Фрэнсис Мэлэм. Когда слишком многое терзало мой разум, я отсекал его, думая о сексе, а когда в моем уме ничего не было, я думал о сексе, чтобы что-то в него вложить. Конечно, ум не должен быть ни замученным, ни пустым. Поэтому, ехав по темным дорогам, я думал о прекрасной Фрэнсис Мэлэм, студентке-медику, которая, я мог быть уверен, не думала обо мне. В то же время я мог быть

вполне уверен, что если бы какая-нибудь женщина в данный момент думала обо мне подобными словами, я бы не думал о ней. Телепатические провода почти всегда пересекались. Но, несмотря на мои недавние похотливые флирты и столь же похотливые флирты тех женщин, которые меня выбрали (и, в конце концов, кто мог сказать, кто кого выбрал — если бы это не было взаимно?), мое единственное стремление было к Фрэнсис не только потому, что она была последней из моих встреч, но и потому, что я был влюблен в нее и надеялся, что буду любить до конца своей жизни, хотя я не понимал, как мы могли бы встретиться опять, потому что, хотя она и не ненавидела меня, она, вероятно, избегала бы меня, как если бы я заболел чесоткой.

Летние облака, наполненные Атлантикой и Мексиканским заливом, пропускали воду через холмы, впадающие в долины. Даже по гребням я ехал вдоль реки. Дисмал проснулся от шума и попытался остановить дворники левой лапой, его голова двигалась, как у жертвы теннисного сезона. Я двинулся дальше, а капитан Каллен с «Желтого катка» обогнул мыс Горн. В детстве я хотел быть моряком, а также пилотом и машинистом поезда, не зная, что окажусь за рулем автомобиля, как и все остальные.

Дисмал взвыл при вспышке молнии. Когда раздался гром, он лег на пол и спрятал голову в лапах. Я засмеялся, и он обиженно посмотрел вверх, а затем снова спрятался от следующей испепеляющей вспышки на лобовом стекле. Я сбавил скорость на случай, если упавшее дерево преградит мне дорогу на повороте.

Я покачулся, держа обе руки за штурвалом, промочив клеенчатый плащ фонтаном воды из шпигата, но вернулся на ют на четвереньках, галантно помогая опытному матросу Дисмалу, прежде чем на нас обрушилась новая волна. Я зарычал на остальную команду и приготовился к следующему большому удару моря, когда мы двинулись на запад.

— Настоящий удар.

— У меня было и похуже, мистер Клегг.

— Нам следует немного отступить, сэр.

— Нет! — взревел я. — Двигайтесь на запад. Двигайтесь на запад.

И мы это сделали. И на север двинулись, пока не прошли шторм, и дождь не сменился моросью. Вода стекала по обочинам дороги, а иногда и посередине, и очевидно, что это еще не все. За полчаса проехали только две другие машины.

— Кто-нибудь сегодня вечером задумает что-то плохое.

— Вы можете сказать это еще раз, мистер Каллен.

Я свернул с шоссе А и пошел по той дороге, которая вела вверх по крутому склону лесистого отрога. Ветви сходились над головой.

— Это как идти по подземной галерее. Надеюсь, машина выдержит.

Через милю дорога выровнялась, слева снова замелькал лес. Дождь прекратился, но вода все еще капала. За обрывом возвышался холм Колдстон, на четыреста футов выше. На перекрестке я посмотрел карту, затем свернул направо и, пройдя милю по нисходящей полосе, узнал деревню Мейнсток. Мы приближались. Ветер бил машину, но она не сдавалась. Шквал дождя опять хлынул со всех сторон. Я проехал по дороге к коттеджу «Пепперкорн», и Клегг открыл ворота, закрыв их после того, как я проехал.

— Это самое отдаленное место, где я когда-либо был, если не считать подземелья, — сказал он.

Звезды между тучами были похожи на брошенные в небо прилипшие конфетти, внутри каждой из которых была лампочка. Мы осторожно двинулись вверх при приглушенном свете. Вода, текущая между бетонными полосами мощеной дорожки, местами была на дюйм или два глубиной. Развернув машину, я остановился в миле от коттеджа, припарковался под каштаном и переоделся в резиновые сапоги.

— Ты останешься здесь.

— Вы можете положиться на меня.

— Возьми эту винтовку-двойку. Она не заряжена, но при виде ее никто не рискнет напасть. Встанешь в десяти ярдах от машины, чтобы тебя не застали внутри. Но я не думаю, что ты кого-нибудь увидишь.

— Надеюсь нет. Однако я сделаю все, что в человеческих силах.

Мне это совершенно не понравилось.

— Умеешь водить?

— У меня тридцать лет была машина.

Я вставил в дробовик два патрона.

— Сможешь ли вернуть машину обратно в переулок, если я не приду через час?

— Уверен.

Я застегнул зеленое пальто до шеи и положил в карман мощный пневматический пистолет.

— Если ты сможешь это сделать, сможешь доставить машину в Верхний Мэйхем в Кембриджшире?

Я написал адрес, и он посмотрел на бумагу.

— Я смогу.

Я играл это как парень в кино.

— Давай, Дисмал. Не издавай ни звука, или я отрежу тебе хвост.

Мы шли осторожно, чтобы не плескать водой в скрытых лужах, и я привык к темноте, держа в поле зрения две верхушки живой изгороди. Дисмал вел себя так тихо, что я думал, что он исчез, но каждые несколько секунд я видел, как его тень скользила по моим резиновым сапогам. Дорога вокруг дома превратилась в трясину. Дожди были обычным явлением в этих местах. Если бы я загнал сюда машину, она бы затонула без следа.

Я заглянул в окно. Главную комнату освещала газовая лампа, свисающая со средней балки. В камине горел большой огонь, из черного чайника наверху шел пар. Перси Блемиш сидел в кресле и читал. На столе стояла посуда, несколько банок и пакетов с едой. Казалось, было стыдно нарушать такой домашний порядок. Перси как зритель и его жена как домработница нашли свое место в жизни, и я задавался вопросом, почему это заняло так много времени.

Я постучал в дверь, но он, должно быть, подумал, что это очередной порыв ветра. Он ответил только тогда, когда я постучал в окно.

— Кто это?

Я сказал ему, и в то же время попробовал дверь.

— Лорд Моггерхэнгер послал меня доставить кое-какие вещи.

Он открыл глаза, направив револьвер мне в лицо, что мне не понравилось.

— Положи эту штуку.

Неужели я избежал необходимости скорострельной стрельбы Два-два только для того, чтобы попасть под вялую пулю Перси Блемиша? Эта мысль не выдерживала размышлений. Я отошел в сторону. Дисмал бросился на грудь Блемиша. Проходя мимо, я со всей силы ударил его коленом в пах. Он полетел к огню, но успел выстрелить, пуля попала в стену под потолком и разбросала штукатурку по всей комнате.

Я был близок к смерти. Я обернулся, чтобы убедиться, что Дисмал в безопасности. Он охранял дверь, помахивая хвостом от нервного гнева, глядя на лежащего в куче мусора Блемиша. Острый обломок штукатурки рикошетом ударил меня в висок, и жидкость, капавшая на мое лучшее пальто, оказалась кровью. На всякий случай я ударил Блемиша, сожалея, что переоделся в резиновые сапоги. Мое пальто стоило почти двести фунтов.

— Ты, глупый придурок. Вставай.

Еще одна такая пуля, и я буду лежать на полу, истекая кровью. В лучшем случае мне пришлось бы мучительно ехать по грязному переулку. С другой стороны, пребывание в больнице может дать мне несколько недель отдыха. Я вспомнил, как Блэскин рассказывал мне о

своим заклинанием после того, как он поднял чемодан и вывернул себе кишку. Медсестры часто смеялись, вспоминая его громкие крики по коридорам частной клиники, куда он приходил вправить грыжу: «Знаешь, я не дотяну до утра: подрочи мне!»

«Хватит витать в воздухе», — сказал я себе как раз вовремя, когда Блемиш двинулся к разделочному ножу, лежащему на столе. Я ударил его по запястью, и нож упал на пол. Дисмал прыгнул через комнату, задев клыками мое запястье. Я указал на дверь. — Оставайся снаружи.

Он ушел, довольный собой.

Я повернулся, чтобы разобраться с Блемишем, и поднял дробовик.

— В следующий раз ты получишь это в задницу. — Я толкнул его в кресло.

Но эти угрозы на него не подействовали. На нем был воротник и галстук, пуловер «Фэр-Айл», твидовый пиджак и фланелевые брюки. Его серые глаза и опущенные губы выражали жажду убийства.

— Лорд Моггерхэнгер сказал, что я не должен никого впускать.

Я рассказал ему, кто я. Его явно уведомили.

— Каллен?

— Да, старый дурак. — Я взял книгу, которую он читал. Я прочитал заголовок: «Нож в кишках». Вот и все. В другом конце комнаты стояла полка с такими же. Глупый ублюдок свел себя с ума еще больше из-за избытка Сидни Блада, этого свинского писателя, которому нужно было за многое ответить. Я бросил ее обратно на пол.

Он попытался ухмыльнуться в настоящей манере Крови. — Почему ты этого не сказал, Смайлер?

— Босс сказал, что ты меня устроишь на ночлег.

Его лицо засветилось, как маяк Эддистона во время шторма.

— Он сказал это?

— Он говорил мне, что у тебя тяжелый случай. Сказал, что, возможно, мне придется выбить дверь и стрелять. Если бы я смог подобраться достаточно близко. Дальше по переулку стоит микроавтобус, полный его ребят. Он не хотел рисковать всеми после того, как на прошлой неделе ты зарезал двоих его лучших людей.

Он встал, чтобы расправить свою одежду.

— Если я хорошо справлюсь со своей работой, возможно, мне удастся вернуться к жене в Илинг.

Крыс не было. Я их не заметил, если только наше шумное появление их не спугнуло. —

— Почему крыс не видно?

Он посмотрел на меня немигающими глазами.

— Я объявил им войну. Ловушки и яд. Они впали в уныние. Я играл на флейте и поймал одну живой. Я оглушил ее и повесил вверх тормашками, пока она не умерла. Крысы очень общительны и умны. Они ничего не могли поделать с ужасной судьбой своего коллеги, потому что я оставался рядом. Мы заключили договор, что они вернутся только после моего ухода.

Я стер кровь с лица. Если он меня напугал, то только потому, что я думал, что, заботясь о себе, я могу в конечном итоге убить его.

— Нельзя быть слишком осторожным. — Он взял с полки пузырек с лекарством, налил немного в стакан и тут же выпил. — Сначала стреляй, а потом спрашивай. Я торопливый человек, мистер Каллен.

Кто-то шел по лестнице.

— Я пришел за ним, — сказал я.

— Мистер Смит не пойдет с вами. Он очень общительный и умный человек. У нас были долгие разговоры. Он рассказал мне о социализме. Он прогрессивный парень.

— Теперь он добился прогресса. Босс велел мне взять его на прогулку.

Лицо его было бледным, а улыбка не была улыбкой, хотя он старался изо всех сил.

— Прогулка?

— Он хочет подстраховаться. Смит знает слишком много. Я возьму его на прогулку по тропинке среди первоцветов и покажу ему его лицо в воде. Вы знаете что это значит?

Он посмеялся. — Бетонные туфли?

Я протянул руку. — Дай мне ключ, и я его приведу. Но ничего ему не говори.

Он кивнул. Дверь на лестнице была заперта. Я обернулся и увидел, как Блемиш снова потянулся за пистолетом, и боднул его так сильно, что он отлетел к столу. На пол упало полдюжины жестяных кастрюль. Его черты сморщились, как у маленького мальчика, которого ударил учитель.

— Ты мне не нравишься.

— Я даже себе не нравлюсь.

— Я убью тебя при первом же шансе.

— Попробуй, крикун, — произнес я уголком рта и сунул пистолет в карман, надеясь, что у него нет припрятанного другого. Эта сумасшедшая свинья может стрелять на поражение. — Дай мне ключ.

Он бросил его в огонь. Время шло, прошло десять минут. К стене был прислонен лом, но мне он оказался не нужен. Дверь была гнилая. Я высадил ее, поднялся по винтовой лестнице и вошел в первую комнату.

Маленький бородатый мужчина в черной меховой шапке в русском стиле сидел и писал возле газовой лампы. Рядом с ним стояла какая-то кружка, а у его ног — полдюжины пивных банок.

— Вейланд Смит?

Он посмотрел вверх. — Что ты хочешь?

— Я вытащу тебя отсюда.

Он улыбнулся, но не встал. — Из-за чего драка?

— Вставай, — крикнул я.

— Нет.

Меня искренне заинтересовала его глупость.

— Почему нет?

— Кто ты вообще?

— Я отвезу тебя, солнышко.

— Нет, не нужно. Я мог бы сбежать в любой момент, но не хотел. Это самое спокойное время, которое у меня было. Я не беспокоюсь, могу писать и думать. Так что уходи и оставь меня в покое. У меня очень хорошие отношения с мистером Блемишем, и я не хочу, чтобы меня спасали. Я также приближаюсь к истинной сути Моггерхэнгера. Я готовлюсь к чему-то большому.

Он был полностью в теме. Это было видно по его глазам. Он взял пачку бумаг.

— Это только половина. Остальное я получу, если останусь. У меня больше информации о наркоимперии Моггерхэнгера, чем у кого-либо прежде. Это будет отличный документальный фильм.

Я восхищался его смелостью, рискнувшей своей жизнью ради телекомпании, но позволил ему рассмотреть револьвер крупным планом.

— Уходи, иначе ты не доживешь до того, чтобы рассказать эту историю.

Он снял куртку с гвоздя на стене. — Ну, если это так...

— У тебя есть багаж?

У него было чувство юмора. — Они не позволили мне собрать вещи, прежде чем наброситься на меня.

Я последовал за ним вниз. Мы стояли в гостиной.

— Прощайтесь с мистером Блемишем.

Перси проигнорировал его.

— Я не думаю, что это необходимо, — сказал Смит.

Я схватил его пачку бумаг и бросил их в дальнюю часть пламени. Он разрыдался.

— Зачем ты это сделал?

Рука его потянулась к огню, но я ударил его плечом, так что он

полетел в одну сторону, а его кошаच्या шапка в другую. Если кто и собирался получить все о Моггерхэнгере, так это я. Я подтолкнул его к двери.

— Я спасаю твою жизнь. Ты будешь в восторге от того, что они сделают, если обнаружат на тебе эти бумаги.

— Я помню каждое слово.

— Держи их в голове.

Блемиш сидел в кресле, интересуясь только историями о Сидни Бладе. Я не понимал, как Моггерхэнгер мог добиться от него чего-то вроде долга.

— Напиши мне, чем все закончится.

Дисмал последовал за нами вверх по холму, зигзагами из стороны в сторону, словно не зная, что наша работа выполнена. Мы пробирались через выбоины и мокрые папоротники. По небу скользили толстозадые тучи. Вейланд оказался в затруднительном положении, потому что не мог привыкнуть к темноте, но Дисмал подтолкнул его, когда он замедлил шаг. Я свистнул, когда мы подошли к машине.

— Я думал, это вы, — сказал Клегг. — Кто это?

— Парень, которого я спас. Кажется, он этого не ценит.

— Они никогда этого не делают.

Возможно, он был прав, и это был шок от свободы. — Вейланд, это мистер Клегг, мой первый помощник.

Я сел на ступеньку и снова переобулся в ботинки. Вейланд сбежал. Даже Дисмал не видел, как он ускользнул. Можно подумать, что это все, что мне было нужно — полуночная погоня за парнем из Шропшира. Я не мог вернуться в коттедж, потому что Блемиш, осознав, что я натворил, начал бы ходить кругами с маниакальной энергией осинового гнезда. Если мы снова приблизимся к нему, это может означать смерть для нас обоих. Я подергал Дисмала за нос. — Найди его, — сказал я сердито, — или я оставляю тебя здесь.

Он заскулил и побежал, обнюхивая землю. Я ходил как слепой, здесь, там и везде. Ворота, ведущие с одного поля на другое, были изрыты следами коровьих копыт. Каждая нога ушла в грязь и, когда ее вытащили, оставила круглую яму с водой. В луче моего фонарика их было множество, я пытался ступить на сухие пространства между ямами, продвигаясь с заряженным ружьем, но подсохшая земля ломалась под давлением, и грязь, хлынувшая на голенища моих ботинок, проникала сквозь дырочки для шнурков.

Что-то шевельнулось, кролик убежал. Почему в такую ночь он вырвался из уютной норы, я не мог себе представить. Я проклял Вейланда

Смита и добрался до вершины холма. Коттедж «Пепперкорн» находился в глубокой тени справа от меня. Вдалеке на холме мерцали огни. Рядом с тропинкой послышался громкий треск веток, и я услышал лай Дисмала.

— Уберите его! Он меня укусит. Зверь!

У него уже час не было батончиков, и он, возможно, готовился перекусить, поэтому я совершил рывок. Я споткнулся о низкую ветку и был почти оглушен, когда получил удар по голове. Ружье, к счастью, на предохранителе пролетело впереди. Я приземлился на траву, отчего мое пальто стало еще зеленее.

Вейланд хныкал, но мои ботинки и брюки были заляпаны грязью, и я так его толкнул, что он чуть не улетел со склона холма обратно в Бирмингем. — Что, черт возьми, ты задумал?

— Ты не оставил мне альтернативы, — выдохнул он.

Я подтолкнул его, пока мы шли к машине. — Тем более это будет полезно для твоей статьи.

— Документальный фильм, — сказал он обиженным голосом. Я завязал ему глаза куском тряпки на случай, если он решит найти дорогу обратно после того, как я выкинул его из машины. Его, очевидно, привели таким же образом, потому что он не ворчал, когда я туго затягивал его. Мы покатались по дороге на «Роллере», и после того, как Клегг пропустил нас через ворота, мы вскоре снова оказались на обозначенных дорожных указателях.

Я начал задаваться вопросом, что мне делать. Я даже не знал, где нахожусь. Я ехал кругами, потеряв чувство направления. Взгляд на карту ничего не изменил. Извилистые и волнистые затонувшие переулки, незнакомые названия деревушек и деревень, а главное — темнота, а также присутствие трех враждующих духов в машине заставляли мои руки пьяно дрожать. Я остановился на развилке, надеясь, что ночной молоковоз не врежется в меня, и снова достал карту.

— Вы устали, — сказал Клегг.

Мне хотелось выпить порцию алкоголя, но это было больше, чем я осмелился сделать. Я никогда не пил за рулем, и тем более, когда был измотан. Я посмотрел на приборную панель. Прошло всего два. Если не считать сна в Верхнем Мэйхеме, я провел в пути четырнадцать часов. Я принял участие в ограблении года, встретил старого знакомого и дал ему работу, а также освободил похищенного представителя СМИ. Я также украл добычу, полученную в результате вышеупомянутого ограбления, что было неописуемо глупым поступком и означало, что я был почти мертв. Все, для чего я жаждал вернуть себя к жизни, — это вид сверхумного лица и красивой сливочной груди Фрэнсис Мэлэм. Но это

было бесполезно. Она меня не любила. Не успел я найти любовь всей своей жизни, как сделал что-то, что лишило смысла саму жизнь.

— Дайте мне карту.

Клегг подошел к указателю, несколько раз перевернул карту и вернулся. Я поднял голову с рук.

— Мы всего в пяти милях от того места, откуда пришли. Куда вы хотите поехать?

— Шрусбери, — прошептал я, чтобы Вейланд Смит не услышал.

— На следующей развилке поверните налево. Через полмили вы выедете на дорогу Б. Поезжайте направо, затем почти сразу налево. Еще через пару миль это должно быть обозначено указателем. Отсюда будет чуть больше двадцати миль.

Я отправился.

— Я отвезу вас туда, куда вы захотите, если знаете, куда хотите попасть, — сказал он.

Для начала он мог бы помолчать, но я сохранял молчание, как и подобало капитану «Летучего Голландца».

— Когда мы выйдем на главную дорогу, я хочу добраться до ближайшей стоянки, чтобы мы могли поесть. В сумке огромная фляга с чаем и еще пятьдесят сэндвичей.

Недалеко от главной дороги, навстречу нам ехала машина с включенными фарами. Яркие фары указывали водителю дорогу, кем бы он ни был, но буквально выжигали глаза встречным водителям машин. Это было похоже на Колесницу Бога. Шансов продолжать движение не было. Приближался яркий свет, и нам пришлось притормозить. Я осторожно держал рулевую колонку и налетел на обочину, но остался на дороге.

— Он спешил, — спокойно сказал Клегг.

— Кто это был?

— Думаю, один из них.

Я тоже так подумал. Если это был не сам Моггерхэнгер, то это был член банды, который отправился в коттедж «Пепперкорн», чтобы убедиться, что я приехал с добычей. С другой стороны, это мог быть старший инспектор Лэнторн, который одолжил «Роллер» на местной стоянке и отправился в «Пепперкорн» раньше всех остальных бандитов Моггерхэнгера, чтобы забрать добычу себе. Это было бы не выше его образа мыслей. Он не ожидал никакого сопротивления, отбирая у меня добычу. Но он обнаружит, что я был и ушел. «Обзваниваю все машины...» Пусть он меня найдет. Если бы это было так, и я вернулся бы в Гог-Магогдом, я бы навсегда остался золотым мальчиком Клода.

Это была фантазия, которая помогла мне пережить худшие потрясения. Кто бы ни был в этой машине, они наверняка меня видели, особенно в таком свете, который они излучали. Как говорила моя мать, мои кишки свернулись от чая, но усталость на какое-то время забылась.

По главной дороге я ехал в сторону Шрусбери, даже не думая остановиться. Они могли развернуться и пойти за мной, хотя я предполагал, что, скорее всего, они сначала пойдут в коттедж, чтобы проверить, что я там оставил. Времени, чтобы потеряться, не оставалось. Я объяснил ситуацию Клеггу, хотя он уже кое-что догадался.

— Что бы ты сделал, если бы был на моем месте?

— Мы все на вашем месте, — ответил он, — включая Дисмала. Но дайте мне минуту или две. Подумать.

— Пожалуйста.

— С того места, где он вас увидел, вы могли бы направляться в Лондон. — Он разложил карты, как генерал или инженер-исследователь. — С другой стороны, вы могли бы отправиться на север. У них всего одна машина, поэтому им придется сделать выбор. Они могли сделать неправильный выбор. С другой стороны, они могли бы сделать правильный выбор.

— Спасибо.

— Я делаю все возможное. Я сказал, что мне нужна минута или две. С другой стороны, мы могли бы повернуть назад и отправиться в Уэльс. Но там меньше плотность дорог, и вас заметят издалека, а затем поймают в ловушку. Продолжайте движение и поверните налево на следующей полосе. Через две мили вы выйдете на главный маршрут в Шрусбери. Тогда можно попробовать от них оторваться. В Шрусбери или на окраине, — он понизил голос, — высадите пассажира, а затем направляйтесь к треугольнику Манчестер-Лидс-Шеффилд. Никто вас там не найдет. Я проведу вас через Стаффорд, Аттоксетер, Эшборн и Мэтлок.

Дорога поднималась вверх, слева от нас были более высокие холмы.

— Я никогда тебя не забуду.

— Я давно не получал такого удовольствия, — сказал он. — Не менее десяти лет, и это факт.

— Что происходит с Вейландом?

— Счастливчик спит. Поверните налево на этой главной дороге и направьте путь на север.

Я чувствовал себя лучше.

— Рядом с вашей правой ногой есть коробка. Открой ее и дай нам бутерброды. И разлей чай. Мы можем питаться на ходу. Сними повязку с глаз Вейланда, когда он проснется.

Я хотел наступления дневного света, потому что, хотя ночь и скрывает нас, я чувствовал, что в данный момент мы будем менее заметными днем. Свет фар может выдать нас на многие мили, тогда как в суматохе уличного движения мы будем сравнительно незаметны. Я объяснил это Клеггу.

— Вы учитесь.

— Я бы знал это в пять лет, если бы у меня была машина.

— Я имею в виду, что вы учитесь делиться своими мыслями.

Я решил промолчать. Однако не в моих силах было следовать этому. Я всегда говорил то, что думал. В любом случае, это слишком часто было на моем лице. — Мы прошли большой путь за несколько часов.

Он достал карту и стал еще более язвительным.

— По прямой это сорок миль.

Он раздал нам сэндвичи, как почтальон, передающий письма. Тот, который я держал для Дисмала, исчез в один миг. Я бросил ему еще один, прежде чем сумел сожрать его сам. Вейланд проснулся: — Я еду или это мне кажется?

Клегг снял повязку и дал ему что-то из еды.

— Я доставлю тебя на место через полчаса, — сказал я.

— Большое спасибо за услугу.

Я не очень хорошо умел воспринимать сарказм от того, кто мне не нравился. Дисмал подтолкнул свой нос к еще одному кусочку.

— Не стоит благодарности.

— И где же будет пункт высадки в этой темной стране, шофер, с вашего позволения?

— В ближайшей чертовой канаве, если не заткнешься, — сказал я.

Клегг передал пластиковый стаканчик с обжигающим чаем, иначе я бы осуществил свое намерение, тем более, что дождь только начал хлестать. Почтовый фургон чуть не сбил нас на повороте. Потом меня обогнал фургон Телекома и чуть не врезался в дерево. В этой части страны ближний свет не включали.

— Тебя высадят в Челтнеме, — сказал я. К сожалению, указатели подскажут ему, где он находится.

Он сделал попытку засмеяться, и это ему почти удалось, затем достал из коробки еще один сэндвич.

— Я точно знаю, где находится «Пепперкорн-коттедж». Блемиш такой дурак. Его сердце полно стальной ваты. Я бы все равно с этим разобрался.

— Возвращайся, — сказал я. — И это будут твои похороны.

— Ладно, я останусь с тобой.

— Думаешь, ты получишь отсрочку? — Мой смех был не то чтобы пустым, но определенно вогнутым. — Это все равно будут твои похороны.

— Разве у меня нет выбора?

Я избежал ежа, переходящего дорогу. — Сколько времени прошло с тех пор, как ты проехал пять миль?

— Я забыл.

— Ну, следи за указателями на Шрусбери, потому что, когда там будет написано «Пять миль», ты выйдешь. Если у тебя подкосятся ноги, ты сможешь ползти на заднице.

Клегг спросил, есть ли у него деньги на поезд.

— Немного.

— Высадите его на станции, Майкл.

Поскольку я предусмотрительно набрал еды и так хорошо всех накормил, я решил, что я капитан корабля и не зря оказался за рулем. Даже у Дисмала не было причин думать о еде, хотя единственным недостатком его дозаправки, было то, что машина наполнилась запахами, наводившими на мысль, что мы проезжали бесконечный газовый завод на одной стороне дороги и обширный тухлый баклажан с другой. Никакая система кондиционирования не могла справиться с облаками его бесхитростных излияний. Если открыть окно, дождь затопит нас. Единственным решением было остановиться и выпустить его, иначе мы задохнемся. «Трое мужчин в машине найдены мертвыми при загадочных обстоятельствах», — прочитают люди в желтых газетах.

При первой возможности я остановился. Пауза в полете была необходима, чтобы мы могли отдохнуть. Пока остальные пили чай, я оставался на переднем сиденье и думал, что делать. В половине четвертого мы были возле места под названием Покс-Грин. В данный момент за нами никто не следил, но мысль о том, что дневной свет ясно показывает нас с каждого холма, казалась обещанием смерти — пусть приключением, но как долго оно могло продолжаться?

Клегг был счастлив, Дисмал беззаботен, Вейланд Смит явно доволен, но я не мог сказать, каким был я. Каким я был? Не спрашивайте. Я знал, кто я такой, и это был факт, но что касается того, кем я был, ответа не возникало, пока я не оказался за рулем этой машины, купаясь, как мне казалось, в бесконечной моче. Я был таким же мерзким, как и всегда. Смогу ли я обоссаться до смерти и оказаться чистым, но мертвым? Я оставался таким же ублюдком, как и всегда, несмотря на (или даже благодаря) тому факту, что мой отец в конце концов женился на моей матери. Один раз ублюдок — всегда ублюдок. Моггерхэнгер был прямолинейным, насколько это возможно для вора, и щедрым, по-своему,

но я хотел причинить ему неприятности, от которых ему вряд ли посчастливится оправиться. Не осталось никого, кроме этой колонии бацилл в виде автомобиля, беспорядочно движущегося по мокрой груди зеленой Англии.

Бриджит ушла от меня, и на то были веские причины. Единственная несправедливость была для нее самой — в том, что она не сделала этого раньше. Я хотел измениться, но повернуть вспять течение звезд, или, по крайней мере, моей звезды, было невозможно. Я вернулся в машину, начиная думать, не без страха, пронзившего мою печень, что я из тех, кто никогда не меняется изнутри. В таком случае я мог только предложить внешнему миру сделать самое худшее.

Внезапное открытие подсказало, что в такой ситуации безрассудство окупается. С этого момента, подумал я, любой коварный заговор приведет меня только к пакету чипсов, который кто-то поливает кровавым соусом. Планирование лишило бы меня возможности воспользоваться моими глубочайшими и жизненно важными чувствами, воплощением которых является безрассудство. Каждый полный вдох был ориентиром, не более того. Я достал фляжку и отпраздновал свою капитуляцию перед вновь обретенным спасительным безрассудством большим глотком восхитительного виски. Я передал ее Клеггу.

Он взял немного.

— Я уже много лет не выпиваю больше полпинты пива.

Вейланд осушил ее, и это было к лучшему.

— Надеюсь, в следующий раз меня возьмут в заложники в пабе. Ваше здоровье!

Я подошел к задней части машины с фонарем и ножом, открыл багажник и разрезал пачку бумаги за пачкой, пока не наткнулся на пачку пятифунтовых банкнот. Когда мы вернулись внутрь, укрывшись от дождя, я дал Клеггу пачку.

— Вы это имеете в виду?

— Все это твое.

Он посчитал. — Должно быть, сто.

— Я давным-давно вернул тебе эти сто пятьдесят фунтов. Я всегда плачу свои долги.

— Я не одалживал их вам. Я дал это.

— Пожалуйста, не спорь. Я слишком устал.

Вейланд сунул свою пачку в карман после короткого истерического смеха.

— К чёрту, — сказал я. — Мы богаты.

Дисмал сел на водительское сиденье, положив лапы на руль.

Повернувшись, он схватил пачку пятерок в рот, затем опустился на пол и начал играть сам с собой в «Монополию». Свою, большую часть, я засунул в портфель с пневматическим пистолетом. «Ты сейчас счастлив?» - спросил я себя.

Мои попутчики поверили в чудо. Я тоже. Мы смеялись, как дети, только что приземлившиеся на Острове Сокровищ. Я не мог понять, почему я был так осторожен. Где-то в процессе, несмотря на все планирование и расчеты, я перестал быть собой, и это было плохо. Посмотрите, куда это меня завело. Я даже лишил себя адекватных текущих расходов. Вы не смогли бы профинансировать операцию, которую я задумал, с минимальными затратами. Интерпол абсолютно поймет мою точку зрения. Все, что нам было нужно, это запастись едой, бензином, выпивкой и тремя девушками-путешественницами. Дождь барабанил так сильно, что я, сам не зная как и почему, уснул. То же самое сделали и мои товарищи по дороге, в том числе Дисмал, который лег спать с меховой шапкой Вейланда в русском стиле между лапами, как будто это был умирающий сирота, пробравшийся после ливня и нуждающийся в возвращении к жизни. Ритм дождя, падающего на крышу, укачал нас.

Глава 26

Клегг разбудил меня. — Я не знаю, насколько вы осведомлены об этом, Майкл, но сейчас девять часов утра.

— Что?

— Солнце взошло, во всяком случае, немного.

Было так поздно, что я ощутил ужас, пока не вспомнил, что девиз на сегодня — безрассудство.

— Отлично, но я не совсем выспался.

— Я не знал, что ты хочешь полежать, иначе я бы оставил тебя до полудня.

Мы построились в ряд и помочились в изгородь. Дисмал тоже попытался встать, но ему это не удалось, хотя, если бы он упорствовал, я мог бы продать его в цирк.

— Нам лучше найти место для завтрака. Мне нужно ведро чая, чтобы прогнать сон из моего ущелья.

Дисмал снова встал на четыре ноги и залаял в туман.

— Мы высадим тебя на железнодорожной станции, Вейланд, или ты поедешь с нами?

Он выглядел слишком неряшливым, чтобы его можно было увидеть в «роллс-ройсе»: затуманенные глаза, неподстриженная борода, лицо

бледное и морщинистое, а волосы небрежно свисают вокруг лысой головы. На нем был развевающийся свитер и грязные брюки, и от него воняло так, будто он не принимал ванну несколько недель. К счастью, ему не удалось отобрать меховую шапку у Дисмала, потому что в ней он выглядел еще хуже.

— Я останусь, если ты не возражаешь.

— В таком случае, возможно, ты не против помыться и привести себя в порядок в следующем месте, где мы остановимся.

Он надулся.

— Кто ты, черт возьми, такой, чтобы приказывать мне помыться?

Я не собирался сжигать его гордость до основания, но, по крайней мере, он больше не был бледен.

— Мы скоро переправимся через Северн. Может, тебе захочется в том месте помыться?

— Ты всего лишь водитель. — Он был готов взорваться. — И ты говоришь мне помыться, парень? В чем идея?

Трудно было не засмеяться, и это ему повезло.

— Полагаю, нам всем нужно помыться. Но если вы хотите прогуляться, — я открыл дверь, — не стесняйтесь.

— Мне бы это понравилось, — сказал Клегг, — но мне не нравится идея переодеваться к ужину.

Вейланд сидел, как каменный истукан. Вернувшись на водительское сиденье, я заметил, что кто-то подобрал пятерки Дисмала.

— Я положил их в перчаточный ящик, — сказал Клегг. — Слюна высохнет в мгновение ока.

Чтобы обеспечить большую видимость его навигации, я пригласил его в кабину экипажа, и Дисмал с трудом мог в это поверить, когда я приказал ему отойти назад, но удар по его огромному боку помог ему понять. Бог знает, почему ему пришлось чувствовать себя таким униженным. Чтобы компенсировать это, он все время пытался сесть на подлокотник между двумя сиденьями, что, как вы могли подумать, невыполнимая задача, особенно в раскачивающейся машине, но через некоторое время ему это удалось, балансируя с несчастным и страдающим лицом. Когда он изложил свою точку зрения (какую бы она ни была), он опустил и сел на сиденье, чтобы посмотреть через мое плечо на приборную панель.

Когда мы спускались с горы, слева от нас развернулась сказочная долина игрушечного городка.

— Мы обойдём Шрусбери стороной, — сказал Клегг. — Кольцевая дорога слишком близко. Это будет означать около пятнадцати миль

извилистых переулков, но если вы послушаетесь моих указаний, мы переправимся через Северн в Атчеме через полчаса.

Я достал из бардачка три Монте-Кристо и раздал их, но желающих, кроме меня, не было. Клегг вытащил сигару из футляра для меня, и я закурил.

— В каком направлении едем, штурман?

— Восток-северо-восток, затем север. Развилка сразу после следующей деревни. Я скажу вам, когда.

Фургон с хлебом замедлил нас на милю или две. Водитель и его приятель радовались из-за того, что задержали «роллс-ройс». Это был звездный момент их жизни, о котором они говорили месяцами, если не годами — герои паба.

— Эта страна никогда не вернется на рельсы, — сказал Клегг, — пока продолжают подобные вещи.

— Чего ты можешь ожидать? — пропищал Вейланд. — Их подавляли и эксплуатировали с самого дня их рождения.

Не знаю почему, но я разозлился, услышав это, больше, чем на ребят впереди. В конце концов, они лишь немного развлеклись. Я мог бы сделать то же самое на их месте пятнадцать лет назад, хотя у меня возникло искушение достать дробовик и взорвать их шины.

— Раздавлены и использованы, лопни моя задница. Мы ехали со скоростью пятнадцать миль в час, так что я не мог выйти из себя, не опасаясь, что ситуация станет опасной. Они отлично провели время, праздные ублюдки. Их баловали с самого начала. Если они когда-нибудь почувствуют себя раздавленными и эксплуатируемыми, то только потому, что такие придурки, как ты, говорят им, что это так, — потому что вы действительно хотите их раздавить и эксплуатировать.

— Я думаю, что с тобой бесполезно разговаривать, — сказал Вейланд, как будто я был ничем не лучше тех придурков впереди. Фургон остановился на свободной площадке возле ряда коттеджей, и я проехал мимо, даже не доставив им удовольствия, погудев сигналом.

Пробок было немного, и мы хорошо проводили время, хотя каждая машина, проплывавшая сзади, заставляла меня нервно ожидать, что меня настигают и преследуют или что лобовое стекло разлетится на куски от выстрела из дробовика, когда они обгонят. Я был рад, когда Клегг направил меня в правую развилку, которая вывела нас на переулок, где мы не встречали ничего, кроме тракторов и редких Volvo Estate.

— Это славная страна, — Клегг был в восторге. — Я рад, что мы пошли этим путем. Какое совпадение, Майкл, встретиться с вами снова после всех этих лет! Я думаю, что это судьба

— Судьба часто бывает хуже смерти, — сказал я ему.

— Не со мной, — сказал он, — по крайней мере, я на это надеюсь.

Никто не смог бы проследить за нами по такому зигзагу переулков. Каждые полмили на развилке или перекрестке Клегг давал крутые инструкции: идти налево, направо или прямо. Дисмалу не нравилось оставаться на заднем сиденье с обиженным Вейландом, и время от времени, обычно когда Клегг говорил и мы поворачивали, он кусал меня — почти игриво — в шею, но почти сразу же высовывался его длинный толстый язык и большая мягкая штука лучше лизала укушенное место. Затем он улыбался так, как может улыбаться собака.

Мы купили кое-чего поесть в кафе на главной дороге, еды достаточно хорошего качества, чтобы держать нас в бодрости и форме. Однако нам не хотелось кормить Дисмала белым хлебом, чтобы он не разозлился, поэтому, если не считать странной корки от бекона и кончика колбасы, он вернулся к банкам с «Боги» на стоянке. Я не завидовал никому, кто пытался сделать аварийную остановку после того, как Дисмал воспользовался этим местом. Ожидая, пока остальные закончат омовение, я нашел 50 пенсов, чтобы позвонить Блэскину.

— Говорит Гилберт Блэскин, — сообщил его автоответчик. — Пункт первый: если вы издатель, пришлите деньги. Если вы не заплатите в течение трех дней, я приду с бомбой и вышвырну вас из вашего офиса. Если вы сообщите об этой угрозе в полицию, не забывайте, что все персонажи этого романа вымышлены и не похожи ни на кого-либо, мертвого или живого. Пункт второй: если вы редактируете журнал и хотите, чтобы я что-нибудь написал, утройте цену, которую вы задумали, и встретьтесь со мной в «Собачьей шерсти». Пункт третий: если вы редактор моего издательства и хотите, чтобы я изменил свой роман, потому что он слишком непристойный, бессвязный или подстрекательский, пройдите психоанализ где-нибудь еще. Пункт четвертый: если вы студентка и хотите поговорить о моей работе, снимите трусики, выходя из лифта. Пункт пятый: если вы находитесь в заблуждении, что я вам должен денег, я предлагаю вам помастурбировать на ступеньках Консультативной ассоциации по вопросам брака, ибо это принесет вам столько же пользы, сколько попытка вытащить из меня мой долг. Пункт шестой: если вы член моей семьи, подставьте голову под холодный кран и подумайте еще раз, если только это звонок не моего единственного признанного отпрыска Майкла Каллена, которому я говорю: перезвони позже, потому что у меня есть новости для ты, вечный ублюдок, — он издал пятисекундный ослиный смех, и ответчик выключился.

Дисмал переполз на переднее сиденье, а Клегг любовался видом, и у нас не хватило ни духа, ни сил вытащить его. Поскольку мы ехали по скоростным дорогам, я пристегнул его ремнем безопасности, не желая, чтобы он вылетел через лобовое стекло, если я остановлюсь мертвым. Но, как Гудини, он выбрался из этих пут прежде, чем мы проехали милю. Клегг продолжил свою штурманскую миссию, хотя с тех пор все стало легко. Мы пересекли М6 и через Стаффорд направились в Аттоксетер. За Эшборном мы добрались до холмов Дербишира и к тому времени уже проголодались. Нет ничего лучше, чем бегство, чтобы проголодаться, как будто, если бы наши преследователи внезапно напали, смерть была бы более приятной на сытый желудок. Вейланд напевал поп-мелодию и отстукивал ее ритм по окну.

Мы вошли в отель недалеко от Мэтлока и сели у окна столовой, глядя на холмы. Я заказал еду на четверых. Дисмал был прикован цепью к крылу на случай, если какой-нибудь нерадивый ублюдок вздумает открыть багажник и сбежать с товаром на несколько миллионов фунтов.

— Четыре, сэр? — Увидев нас троих, официант не смог сложить два и два. Меня беспокоило то, что я уже видел его лицо раньше, но не мог понять, где именно.

— У меня в машине шофер. Просто принесите по четыре блюда каждого блюда, как только они придут, и я принесу ему его.

Официанту было около сорока, у него были густые черные волосы и большие руки, и я был уверен, что видел его в тюрьме. Казалось, он обиделся, что мы не разрешили нашему шофёру пообедать с нами. Ему, наверно, показалось, что мы были коммунистами или что-то в этом роде.

Мы заказали пинту эля, затем салат с салями, а затем жареную баранину, горох, цветную капусту и картофель. К этому подкреплялся жуткий десерт, сделанный из сахара, сала и скипидара. Дисмал сожрал даже овощи, а затем слизал эль из своей собачьей миски. Он сидел, рыгая головокружительно, пока мы пили кофе, бренди и курили сигары за столиком на солнце. Обед стоил двадцать пять фунтов, и никто из нас не жаловался, пока мы возвращались к машине.

В пяти милях вверх по дороге, далеко за холмами от Мэтлока, я понял, что официантом в отеле был Билл Рэймидж, с которым я работал в конце шестидесятых, занимаясь контрабандой золота для организации Джека Линингрейда. Он не подал виду, что узнал меня, но контрабандисты золота всегда были слишком хитры, чтобы поделиться своими мыслями, и было трудно представить, что я так сильно изменился. Если Рэймидж просто промолчит о своих мыслях, мы в безопасности, а если нет и он заподозрит, что я на работе, он может легко позвонить

Моггерхэнгеру и сообщить о моем присутствии.

Клегг работал со своей логарифмической линейкой и играл с картами, как ребенок с игрушками на Рождество.

— Я настолько хорошо знаю Дербишир, что мне не нужно смотреть на пейзажи. Я вырос всего в нескольких милях отсюда, в Тибшельфе. В те времена это было сплоченное горнодобывающее сообщество. Бог знает, что сейчас. Думаю, как руины Помпеи.

— Я полагаю, что тори сломили свой дух, — сказал Вэйланд. Я ехал в свой собственный мир грез, не имея возможности вмешаться в их разговор.

— Дух Тибшельфа придется сломить, — сказал Клегг. — Мой отец был угольщиком, но погиб в сорок лет в результате несчастного случая. Потом моя мать вышла замуж за служащего шахты, который заставил меня остаться в школе после того, как мне исполнилось четырнадцать. Он зарабатывал всего семьдесят шиллингов в неделю, но в те времена можно было обойтись и этим. Во время Великой войны ему лицо прострелили пулей, и если он говорил слишком быстро, в его голосе слышался свист. Он мне не очень нравился, но я его уважал. Если бы у него было чувство юмора, я был бы немного счастливее, но в те дни о счастье особо не думали. Теперь вы слышите, как об этом так часто упоминают по радио и телевидению, что это не имеет никакого значения. Однажды зимним вечером я задал ему вопрос о Наполеоне, на который он не смог ответить, поэтому он дал мне карандаш и блокнот и отправил меня выяснить это в справочный отдел публичной библиотеки. Библиотеки в те дни оставались открытыми допоздна. Единственное препятствие — она была в двух милях, и шел снег и метель. Я вернулся благополучно, и он еще долго говорил мне о приобретении уважения к знаниям! Он послал за мной, когда умирал, во время войны. Только тогда я поняла, что он действительно любил меня. Жизнь — чертовски забавная страна. Странной вещью было — или это так? — моя мать любила его и пережила его всего на две недели. Ей было пятьдесят, но она была измотана.

В Честерфилде, Городе Кривого Шпиля, повсюду велись дорожные работы.

— Скоро мы будем в безопасности, — сказал Клегг, — в треугольнике Лидс-Манчестер-Шеффилд. Настоящие джунгли. У нас будет шестьсот сорок восемь квадратных миль городов, долин и деревень, в которых можно заблудиться.

— Как вы это понимаете?

— Ну, это равносторонний треугольник, каждая сторона которого

имеет длину тридцать шесть миль. Половина основания, умноженная на высоту, или длина одной стороны, умноженная на другую, и общая сумма, разделенная на два, даст вам шестьсот сорок восемь. — Он поднял логарифмическую линейку. — Простой расчет. Или, если вы не чувствуете себя в этом треугольнике достаточно безопасно, вы можете сделать его прямоугольником — Лидс-Блэкпул-Ливерпуль-Шеффилд. Это дает вам шестьдесят миль с востока на запад и тридцать миль с севера на юг, что составляет восемнадцать сотен квадратных миль. И поверьте мне, Майкл, с таким пространством для игр и деньгами, которые ты, кажется, можешь получить, можно ездить безопасно вечно. Все, что вам нужно делать время от времени, это останавливаться за бензином, едой, новыми картами и отвечать на зов природы. Вы можете попасть в Книгу рекордов Гиннесса как первый человек, состарившийся в бегах. Если подумать, это была бы неплохая жизнь.

— Выбросьте меня, — сказал Вейланд.

Ради шутки я остановил машину. — Ты исключен.

— Я не совсем готов, — сказал он разумным тоном, которого я до сих пор не слышал.

Я начал.

— Не унывайте, Вейланд. Если у вас нет чувства юмора, развивайте самоконтроль. В данных обстоятельствах это вполне разумно.

На проезжей части с двусторонним движением, ведущей в сторону Шеффилда, Клегг сказал:

— Нам лучше подготовить наши паспорта для въезда в Йоркшир. Нам следовало бы получить визы в их дипломатической миссии в Стаффорде, но, может быть, они нас впустят. Однако Диссала вернут обратно как нежелательного иммигранта.

Я еще раз благословил тот факт, что подвез его.

— Все в порядке. Он есть в моем паспорте.

Движение было интенсивным, приходящим и уходящим. После ужина в отеле Диссалу снились плохие сны. От него воняло пивом больше, чем от любого из нас. Горячее солнце светило сквозь лобовое стекло, и я думал, что скоро мы будем выглядеть так, будто только что вернулись с испанского курорта. Несмотря на недавний всплеск безрассудства, я был полон решимости остаться в живых, каким бы серьезным проступком я не отличился. Перед моими глазами было небо, кусты, кирпичная стена гостиницы с рекламой «Настоящая еда» большими белыми буквами в полумиле от меня и прерывистая белая линия посередине дороги. Но внутри меня недвусмысленно возникло видение прекрасной Фрэнсис Мэлэм. Ее черты преследовали меня так,

словно они принадлежали какой-то тете или бабушке по материнской (или даже по отцовской) линии несколько поколений назад, хотя со стороны это Калленов или Блэскина я понятия не имел. Это было почти так же, как если бы она была давно потерянной сестрой, и из-за этого у меня возникло ощущение, что влюбленность — это самое близкое к инцесту, которое испытывает большинство из нас. Почему же иначе ее лицо подействовало на меня более положительно, чем чье-либо другое (я почти возбудился думая о ней), я не знал, особенно встретив ее, когда она заискивала перед этим сумасшедшим поэтом Рональдом Делфом — одной из его поклонниц. Не меньше. Теперь, когда я был на севере, направляясь к этому огромному равностороннему краю, как Клегг обозначил нашу предполагаемую партизанскую базу, я решил выследить «Доггерел-банк», который находился совсем рядом, и посмотреть, что это за место, где обитал Делф, но также и на случай, если Фрэнсис солгала о поездке в Оксфорд и зашла к нему в гости, чтобы съесть немного пирога у камина.

— Я хочу пройти через Барнсли и Уэйкфилд.

Клегг посмотрел на свою карту. — Вы будете обходить край зоны безопасности.

— Я знаю. Но мне нужно зайти в дом недалеко от Киркби-Малзерда, который называется Доггерел-банк. Это недалеко от Рипона.

— Это риск. Тем не менее, до безопасного места нам осталось не более получаса. Мы немного проедем по М1, а потом проедем через Лидс.

Я пристегнулся, но держал уши широко расставленными, как будто в ожидании плачущего Винни с мигающим синим светом. Мы объехали Шеффилд и выехали на автостраду, и, поскольку до Лидса была только одна заправка, я выехал на нее. Я не знаю, почему мне захотелось позвонить Блэскину, но в моем безрассудном состоянии, возможно, какой-то голос из прошлого мог бы убедить меня поверить, что будущее уже не за горами.

Я припарковался как можно ближе ко входу, и Вейланд побежал за кофе. Клегг вывел Дисмала на поводке, и в последний раз видели, как его тащили к мусорному баку за кухней. На звонок ответили после пяти звонков.

— Резиденция мистера Блэскина, — сказала женщина.

— Это его сын. Я хочу поговорить с этим обшарпанным старым придурком.

— Пожалуйста, умерьте свой язык, Каллен, пока я посмотрю, дома ли выдающийся писатель. Он сегодня в плохом настроении.

У меня не было времени произнести мантру, прежде чем в трубке прозвучал его голос.

— Майкл, это действительно ты? Прошлой ночью мне приснилось, что ты упал в мясорубку и умер. Я проснулся от смеха, это было так ужасно. Где ты? Ты действительно жив? Если да, то не приближайся ко мне ближе, чем на пять миль, иначе я разнесу тебя на части. Как я мог родить монстра, умеющего поражать важные органы, которые даже я не знаю, как найти, и даже не подозревал, что они у меня есть? Как ты мог совершить такое зло, несыновний поступок? Я не могу жить в этой ситуации.

Он мог бы продолжить писать еще три тома, но я прикрикнул на него.

— Что я сейчас сделал, ублюдок? Ты знаешь, я бы сделал все, чтобы причинить тебе боль, я так тебя люблю, но никогда не думал, что у меня получится, ведь ты такой эгоистичный, упрямый старый писака.

— Не ругайся, — сказал он спокойно. — Это всего лишь оправдание твоего безобразного английского. Демонстрирует прискорбное отсутствие стиля, и мне это не нравится в моем сыне. Дай мне минутку, и я скажу тебе, что ты сделал.

Я подумал, что он повесил трубку, и, несмотря ни на что, начал волноваться. Он наступал на меня безрассудно, и мне это не понравилось.

— Помнишь, — сказал он, — что ты написал мне мусорный роман?

— Конечно, я сделал это. Это действительно было очень дрянно. Это была лучшая чушь, которую я смог написать.

— Возможно, так оно и было. Я уже не знаю, что к чему. Я тоже думал, что оно дрянное. Я сам не смог бы сделать хуже.

— Я сделал это, чтобы вытащить тебя из передраги, если я помню. Ты хотел оставить своих издателей, но тебе поручили написать еще один роман. Поэтому я предложил тебе дать им отвратительный вариант, который нанесет им поражение. По доброте душевной я написал это для тебя.

Я думал, он плачет.

— Ты знаешь, что случилось?

— Откуда, черт возьми, мне это знать?

— Он принял его!

Я засмеялся. — Ты, должно быть, шутишь.

— Ты не будешь смеяться, если тебе в горло воткнут копьё. Он говорит, что это лучшее, что я сделал. Это было «снимаю шляпу»! Он хочет выставить его на премию Виндраша. Майкл, почему ты сделал это со мной? Где ты, чтобы я мог тебя убить? Почему ты написал отмеченный наградой бестселлер, ты, жертва неудачного аборта?

Поступать правильно в жизни стало все труднее и труднее.

— Я больше тебе не буду помогать, — как никогда холодно сказал я. — Но почему бы тебе не успокоиться и не посмотреть на состояние окружающего мира? Для разнообразия. Это не причинит тебе никакого вреда. Попроси у своего издателя аванс в двадцать тысяч фунтов. Если он не заплатит, ты свободен. Если он согласится, дай мне половину. Это будет справедливо.

— Никогда! — прохрипел он, и я больше ничего не услышал.

Мне хотелось поспать, и я с нетерпением ждал ночного сна на каменном полу у Делфа или, в конце концов, омовения холодной водой. Немного выпив кофе, я пошел посмотреть, как Клегг и Дисмал возвращаются с прогулки вокруг мусорных баков. Дисмал, должно быть, выпил по крайней мере три чашки кофе, потому что осколок пластикового стаканчика все еще прилип к его щеке.

— Ты отвратительное животное, мы тебя что ли недостаточно кормим?

Он с любовью лизнул мою руку, оставив на ладони полоску несвежего кетчупа. Вейланд вышел из столовой и вернулся на борт. Вскоре мы оставили Лидс позади (слава Богу) и направились в Харрогейт. Это было очень длинное шоссе, с прекрасным видом на долины слева и справа от дороги. Пейзаж меня успокоил, и вскоре я забыл безумные проклятия Блэскина. Кому нужны друзья с таким отцом? Я вставил кассету с музыкой. Вейланд сказал, что это Брамс, поэтому я сделал для него немного громче. В Харрогейте я высадил Клегга возле супермаркета и велел ему пойти и купить все, а затем взять в книжном магазине новые карты. Поскольку парковки не было, я катался туда и сюда, пока он снова не появился на тротуаре с тележкой, наполненной едой и выпивкой.

— Сзади почти нет места, чтобы сесть, — пожаловался Вейланд, загружая содержимое тележки в кузов. — Зачем нам так много магазинов?

Я отметил Доггерел-банк на карте для Клегга.

— Я не чувствую себя в безопасности, если машина не загружена продовольствием. Это одна из моих слабостей.

— Должно быть, у тебя было лишенное еды детство.

Я не обратил внимания на его ехидное замечание, и мы заскользили вверх по холму со слоеным тестом во рту. Дисмал уже был настолько наелся, что играл со своим куском, как кот с мышкой, но когда я проклял его за беспорядок, он слизал его, а затем вернулся на сиденье, чтобы его погладили.

Клегг, штурман ралли, не повёл нас напрямую через Рипон. В нескольких милях от Харрогейта он свернул налево у парка и через полмили велел мне свернуть вверх по крутому холму на болота. Мой нервометр установился на ноль на такой прямой и узкой дороге, которая уходила ближе к небу, чем главная дорога на восток. Движения было мало, а мы делали столько поворотов, развилок, поворотов, спусков и крутых подъемов, что я не мог себе представить, чтобы кто-то шел у нас на хвосте.

Клегг провел меня до Доггерел-банк, минуя деревню. Кусок шифера, воткнутый в осыпающуюся стену валунов, указывал на вымощенную камнями дорожку, местами щебень, местами только заросшие травой колеи. Стены по обеим сторонам делали переулок таким узким, что я боялся, что мы зацепимся за них.

Поворот провел нас через полосу высоких деревьев, и через некоторое время я заметил двор, сломанные ворота, откиннутые набок и почти покрытые крапивой, а за булыжником стоял простой каменный коттедж с шиферной крышей. Клегг, Дисмал и Вейланд вышли из машины, а я развернул машину на случай, если понадобится срочное бегство, хотя у меня не было причин думать, что это произойдет. Я было ударился о водосточную трубу, постучал по стене и врезался в воссозданную коляску-панду Делфа, но под умелым руководством Клегга мне удалось направить блестящую морду «роллс-ройса» в сторону свободы.

Играло радио.

— Я люблю Гайдна, — сказал Вейланд, который надеялся, что приехал в цивилизованное место. Я постучал в дверь, но ответа не последовало. Когда я ударил молотком, он отвалился, поэтому я положил его на крышку бочки с водой и толкнул дверь. Дисмал пробирался по коридору, как инспектор Жавер, вернувшийся на дежурство. Музыка стала громче, и я вошел в комнату, обставленную как пещера Али-Бабы.

Это была небольшая гостиная, но оформленная как интерьер настолько далекий от Йоркшира, насколько это было возможно. Пол был устлан имитацией восточных ковров, а стены были застелены чем-то вроде зеленого одеяла, доходившего на треть высоты, над которым виднелась простая побелка, давно ставшая желтой. На круглом низком столике стояла ваза в индийском стиле, в которой воткнуто несколько палочек дымящегося благовония. Кровать у стены представляла собой платформу, на высоте примерно восемнадцати дюймов от земли, но покрытую одеялами, подушками и подушечками, ковриками и овчинами самых пестрых и ярких цветов. Мои глаза заболели, глядя на это. На

крышке проигрывателя аудиосистемы стояла коробка рахат-лукума. На полу валялись сигареты, полпачки нарезанного хлеба, закатанная банка, связка ключей и байкерский шлем.

Обнаженный Рональд Делф прислонился к стене, обняв руками плечи женщины, которая была бы совершенно обнажена, если бы не пара тонких штанов. Оба, по-видимому, были далеко увлечены музыкой, но при входе нашей компании и особенно при появлении Собаки Баскервилей, прыгнувшей на кровать и ткнувшейся носом в грудь женщины (Бог знает, что он имел в виду), она закричала: — О Боже, чертов кошмар! Уберите эту собаку!

Делф поднял глаза и крикнул: — Опять ты и эта дворняга! Я не могу в это поверить!

Обнадеживало и трогало то, что даже в панике он вспомнил о нас. Я скинул Дисмала с кровати и извинился.

— Извините, мисс. Обычно я держал его на поводке, но он выскользнул из него.

Делф надел брюки.

— Я знаю, кто ты, но отвали. Меня сегодня нет дома. Если только у вас нет блока или двух сигарет с каннабисом. В противном случае поднимитесь на этот холм и никогда не возвращайтесь. Я устал от злоумышленников и фанатов, которые приходят сюда только ради того, чтобы увидеть меня. На днях меня искал туристический автобус из Восточной Германии, потому что они слышали, что здесь живет поэт из рабочего класса. Я увидел, как он движется по переулку, и убежал в лес. Я не национальная достопримечательность. Все, чего я хочу, — это мира, чтобы продолжать писать свои бессмертные стихи. На самом деле я сейчас пишу одно, в котором есть только слова, оканчивающиеся на букву Т, и это очень тяжелая работа. Вы не уберете все это?

— Ой, ты такой чертовски занудный.

Женщина повернулась к нам спиной и потянулась за висевшей на гвозде желтой хлопчатобумажной блузкой. Я заметил большую татуировку на ее спине, на которой было написано: «Я люблю Джанет». Затем блузка закрыла ее, и она повернулась к нам, все еще застегивая пуговицы.

— Единственное, когда я могу тебя терпеть, это когда ты молчишь или когда ты меня трахаешь. Иначе ты полное дерьмо.

Делф рыгнул. — Не берись за дело, любимая.

Клегг ушел с Дисмалом, Вейланд стоял в дверях, а я остался в комнате. Я узнал женщину и сказал ей об этом. Ей было около тридцати пяти лет, она была стройной и с прекрасными ногами. У нее были

растрепанные темные волосы до плеч, овальное, похудевшее лицо и, как я заметил, маленькая округлая грудь. Она была одной из тех откровенных бисексуальных особей из рабочего дома к северу от Трента. Я знал ее, да.

— Я тоже тебя видела раньше. — Ее улыбка была дружелюбной. — В Лондоне, не так ли?

— И на Великой Северной Дороге. Однажды я подвез тебя, когда в первый раз спускался в Дым.

Она немного подумала, а затем рассмеялась.

— В той старой дребезжащей мясорубке с Биллом Строу? Я помню. Этот ублюдок только что выбрался из очередной истории. Ты Майкл?

— А ты Джун.

— И если вы меня забыли, я Рональд Делф.

— Отвали и сдуйся.

Она повернулась к нему спиной и спросила меня: — Какого черта ты делаешь в этом месте?

Я вспомнил все, что знал о Джун. Она знала Делфа с тех пор, как они были любовниками-подростками, он сделал ее любовницей, а затем бросил. Она уехала в Лондон, родила ребенка и устроилась стриптизершей в один из клубов Моггерхэнгера. Какое-то время она даже была девушкой Мога. Я время от времени видел ее в Лондоне, когда занимался контрабандой золота, и однажды предпринял безуспешную попытку переспать с ней. Какого черта она снова делала с Делфом, я не мог понять.

— Я друг Рональда, — признался я, — хотя ты можешь так не думать, учитывая тот прием, который он мне оказывает.

— Я и не знала, что у него есть друзья. — Она закурила. — У него есть спонсоры, и люди, которых он обманывает, и несколько маленьких группы-поклонниц, и один или два идиота, которые пресмыкаются по переулку на животах, чтобы потрогать его мизинец, но друзья — он не узнает ни одного если ты даже умрешь за него.

Чем дольше она продолжала, тем шире становилась улыбка на лице Делфа.

— Если признаком дружбы является знание своего врага, — сказала она, — тогда, полагаю, я единственный настоящий друг, который у него есть, и я ненавижу его до глубины души. Единственная причина, по которой я могу его терпеть, это то, что я его знаю, а он безвреден только в том случае, если у вас нет иллюзий. Но все равно будьте осторожны, потому что его изобретательный ум в отношении предательства всегда на одну ступень впереди вашего. В остальном я люблю его, и в пределах своих очень узких границ, я думаю, он время от времени испытывает ко

мне бледный оттенок уважения. Мы иногда встречаемся ради траха, по старым временам. Я пишу ему и говорю, что Берил — это его маленькая девочка, ей сейчас двенадцать лет, — спрашивает о нем. Но он никогда не увидит ее, если она посмотрит на него своими большими глазами с выражением «дай мне денег». Так что я вижу его только для того, чтобы мучить его тем, что она еще жива. Но он мертв как никогда. Я не думаю, что он когда-нибудь вырастет, потому что если бы он это сделал, он был бы еще менее искренним, чем сейчас, и тогда он вообще меня бы не узнал.

— Я люблю тебя, Петал, ты это знаешь, — сказал он. — Твое плохое мнение почти вызывает у меня стояк.

Он схватил ее, но она высвободилась и толкнула его на кровать, которая, если бы она не была построена на коробках, рухнула бы.

— Пойдем на кухню, — сказала она, — и приготовим гостям чаю. Я уверен, что они заплатили за это сто раз, иначе их бы здесь не было.

— У нас нет чая, — сказал он.

— Нет чая?

— И сахара.

— Мы выпьем кофе, — сказал я ему.

— Мы и его не пьем.

— А как насчет какао?

— Я уже не помню, что это такое.

— А как насчет стакана эля?

— Если бы в доме был эль, его бы не было. Я бы выпил его весь и сразу.

— А ты можешь дать нам хотя бы чашку воды?

— Могу. Почему ты сразу не сказал? Идите по переулку к ферме. Там много всего. Скажи ему, что я тебя послал. Он даст вам столько воды, сколько вы захотите. Он очень щедрый, старина Джек. Действительно хороший сорт. Человек из народа. Соль земли. Он даст тебе чашку воды.

— Если подумать, я соглашусь на двойной виски.

— Ты шутишь? Сюда иногда приносят виски. Гости делают глоток и оставляют большую часть, — он засмеялся. — Здесь ничего нет. Нам нужно как-нибудь сходить за продуктами, Пет.

Джун пошла вперед, ведя нас на кухню. — Не обращай на него внимания. Он не даст тебе и волоска из своего носа. Я сделаю тебе чаю.

Она подняла крышку «Рейберна» и поставила чайник. Кухня была примитивна, но годилась для еды. Был даже табурет, на котором можно было посидеть. Дисмал понюхал хлебницу, скорее из любопытства, чем из-за голода. Клегг стоял у двери, ожидая, пока все сядут, а Вейланд

отодвинул табуретку как можно дальше от плиты, насколько это было возможно из-за жары. Я был возле окна с Делфом, который, проследив за моим взглядом, увидел заднюю часть «роллс-ройса». Он перестал улыбаться, когда увидел, что я смотрю на него.

— Хорошая машина, — сказал он.

— Ты на нем прокатился, помнишь?

— Откуда у тебя такая?

— Это не моя.

Джун пришла посмотреть. — Так ты все еще работаешь на Клода? Как поживает этот старый дикий ублюдок?

— Процветает.

Она вынула сигарету изо рта. Зуб с одной стороны был темнее остальных.

— Почему ты пришел сюда?

— Я был в этом районе. У Клода неподалеку есть место под названием Сплин-Мэнор. Мне всегда хотелось увидеть дом Делфа. Он сказал мне, что это коровник.

Делф рассмеялся.

— Ты знаешь почему? Если бы все мои покровители в Лондоне приехали и увидели, как здесь приятно, они бы никогда не ушли.

— Это чертовски роскошно, — сказал я. — Я не завидую тебе, но как ты это сделал?

Джун налила чай.

— Я вам скажу. Сначала умерла тетка, оставив ему несколько тысяч фунтов. Это было восемь лет назад. Наш хитрый Делф никому не рассказывает, особенно мне, на случай, если я попрошу у него пару шиллингов, чтобы купить Берил носки. Он выбрал это место для своих стихов. Затем каждый маленький скребок, который он сюда приманил, что-то сделал с этим местом, как-то его улучшил. Каждая маленькая поклонница тратила все деньги, которые у нее были, и приносила что-нибудь, чтобы украсить дом. Когда он их перетраhal и выманил все их деньги, он их выгнал. Восторженный поклонник средних лет отмыл весь дом внутри и снаружи. Другой постелил ковер — потом лег на него. Третий улучшил ванную комнату. А затем он разрывает отношения со всеми ними.

Он подсыпал сахар в чай и поставил миску обратно в шкаф. Джун вынула миску с сахаром и раздала его всем.

— Но можешь ли ты винить меня? — сказал он. — Это следствие того, как общество относится к своим поэтам. Если бы я получал достойную оплату за свою работу, я бы зарабатывал столько же, сколько

адвокат. Если бы я был писателем! Я бы весь день шатался в халате, сидел на лужайке на солнце, время от времени произносил предложения и звал экономку, чтобы она принесла мне выпить или подавала чай, в который входил вкусный маленький, толщиной с бумагу, огурец на бутербродах. Я бы просил ее приготовить на обед чипсы и оленину, когда мне хотелось. Писателю легче, чем поэту. Я бы хотел стать успешным писателем.

— А к чаю есть пирожное? — Я не был голоден, но хотел оказать услугу, дав ему возможность проявить гостеприимство.

Он резко повернулся, как будто черви ели его кишки.

— «Гриткейк?» Льняной пирог? Лепешка из соли? Думаю, последнее мы съели на завтрак, не так ли, Пет?

Она принесла из буфета банку печенья.

— Ты когда-нибудь писал роман? — спросил я.

Он вытер слезу, когда Вейланд взял два печенья. Я бросил одно Дисмалу.

— Я пытаюсь, — сказал он, — но не под своим именем. Фирма под названием Pulp Books хочет, чтобы я его написал.

Я заперезживал за доброе имя английской литературы. — Не Сидни Блад?

Овцы блеяли со склона холма.

— Мне платят двести фунтов. Я на полпути. Это всего лишь секс и насилие, но это все, чего хотят люди, живут ли они в Гейтсхеде или Хэмпстеде. Джун помогает мне, не так ли, Пет?

Она села и погладила его засаленные клеенчатые волосы.

— Я никогда не думал, что писать романы так легко. Я сделаю еще один, если они этого захотят. Зимой становится холодно.

Проходя по переулку, я заметил много сухостоя между деревьями.

— Почему бы тебе не купить дров для камина летом? Или нарубить сухих около дома?

— Мне? Ты, должно быть, шутишь. Если ты хочешь отказаться от своей мягкой жизни в Лондоне и сделать это, пожалуйста. Вечером я проведу для вас занятия по восточной религии и поэтическому ремеслу — если вы не слишком устали после целого дня в грязных ботинках, толкая свою тачку. Но я не думаю, что кто-то вроде тебя, с твоей короткой спиной и боками, будет заинтересован в таком глубоком назидании, не так ли? — Он усмехнулся. — Нет, такие же филистимляне, как и вы, не заставят меня заниматься черновой работой и испортить руки, так что я не смогу больше писать стихи. Я не пойду на ветер рубить бревна. Это вредно для моих рук. Не так давно мне пришлось поднять

несколько кирпичей, чтобы починить стену, не так ли, Пет? — потому что овцы забрались в мой сад. Когда я положил последний кирпич, я подумал о стихотворении, но едва смог его записать, потому что у меня сильно дрожали руки. Я не мог держать карандаш.

Его губы дрожали, как будто он собирался заплакать. Он поставил пустую чашку на блюдце.

— Заткнись, Майкл, — сказала мне Джун. — Ты его расстраиваешь.

Делф уткнулся лицом ей в плечо. — Они скоро уйдут?

— Через некоторое время, дорогой.

Я даже не думал, что напрасно приехал. Доггерел-бэнк казался идеальным убежищем. Ни Моггерхэнгер, ни полиция главного инспектора Лэнторна, ни даже банда «Зеленых Ног» никогда бы нас здесь не нашли.

— Мне плевать, сколько ты рыдаешь, негостеприимный ублюдок, но мы остаемся. Нам важно отсидеться день-два, но, прежде чем у вас начнется приступ голода и жажды, позволь мне сообщить тебе, что машина полна провизии. По дороге мы потратили шестьдесят фунтов на выпивку и еду в супермаркете. Я просто не могу представить, что такой жадный ублюдок, как ты, выставит нас отсюда.

Он улыбнулся. — Почему ты так не сказал? Мы можем устроить вечеринку. Сколько у тебя выпивки?

— Целая тонна бутылок.

— А мясо?

— Пара бараньих окороков, сосиски, свинина, ветчина, бекон и пироги с телятиной. Начинайте вносить это, — сказал я Клеггу и Вэйланду.

— Я помогу тебе, — сказал Делф. — Они в багажнике?

Я оттолкнул его.

— Мы сделаем живую цепь между машиной и кухней. Нас пятеро, значит, я в машине, а Джун на кухне.

— Я был бы гораздо лучшим человеком, если бы люди мне доверяли. В любом случае, мне пора идти работать над стихотворением. Я буду в своем кабинете, когда придет время выпить.

Он был настолько самим собой, что я не мог не восхищаться им. Он мне почти нравился за то, что ты наверняка знал, где ты был, когда был с Делфом, чего нельзя было сказать за всех.

Идея отправиться в Доггерел-бэнк определенно показалась мне хорошей, когда я оглядел окрестности. Тропа, ведущая ксюда, вела одним или двумя поворотами через поля, а затем через лес к дому, который был невидим с второстепенной дороги наверху, которая, казалось, вела в

никуда и по ней почти не было транспорта. Ниже Доггерел-бэнк дорога вела к чистому ручью, который можно было преодолеть на моем крепком автомобиле и над которым было что-то вроде дощато-балочного пешеходного моста. Я исследовал местность вместе с Дисмалом, а Джун и Клегг вместе готовили еду из провизии, которую мы достали.

За ручьем дорога поворачивала на запад, поднимаясь по склону холма, хотя через несколько сотен ярдов ее потеряли из виду за деревьями. Я зашел достаточно далеко, чтобы увидеть выход на другую дорогу, идущую параллельно восточному склону долины.

Доггерел-бэнк представлял собой отдельный мир, расположенный в милях от любого места. Это было такое же убежище, как коттедж «Пепперкорн», и было удивительно, что Моггерхэнгер так и не добрался до него. Дисмал подпрыгнул, сказав мне, что он тоже так думал. Мы вернулись на холм, солнце садилось за линию хребта, как желтый умник. Я притащил пару сухих веток и поломал их во дворе, чтобы они поместились в камин, потому что даже в августе в Йоркшире было холодно.

Вейланд спал в машине. Клегг отправился на прогулку. Накрывая на стол в большой кухне, Джун сообщила мне, что Делф, как и подобает лорду поместья, находится в своей мастерской, пока не будет готов ужин. Дисмал рухнул вдоль печки.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Загляни в тот высокий шкаф, — сказала она, — и возьми с верхней полки несколько тарелок и стаканов.

Я поставил их на стол.

— Что еще?

— Поговори со мной.

— Рад. Неужели Рональд никогда не разговаривает?

Я сел за стол и налил себе два виски. — Добавить воды?

— Каплю. — Она отложила хлеб и нож. — Он говорит только «хочу» и жалуется на свою тяжелую жизнь. Но я бываю с ним так недолго, что это не имеет значения.

— Чем ты сейчас занимаешься, чтобы заработать на жизнь?

— Я хозяйка в игровом клубе.

— Что это значит?

— Мы грабим людей — в основном арабов.

— И тебе это нравится?

— Я не люблю никого грабить. Это беспокоит меня все больше и больше. Происходит так много грабежей, что я часто думаю, что задохнусь, если потерплю еще минутку. Но мне нужно. Моя дочь учится

в интернате, а это стоит три тысячи в год, не считая формы и всех прибаамбасов. Она посещает уроки танцев и занимается верховой ездой. Она уезжает в отпуск за границу. Я не смогла бы обеспечить это на зарплату продавщицы. А потом мне приходится жить в Лондоне, хотя у меня всего лишь небольшая квартирка в Кентиш-Тауне, где я живу со своей девушкой.

— Джанет?

— Это верно. Я ее тоже должна защитить. Она безработная и совершенно не в состоянии позаботиться о себе, так что я могу сделать? В прошлом году я устроила ее на работу подавать обеды в школе для отстающих девочек. Она должна была сама быть в школе. Она не смогла справиться. Там работала еще одна женщина, которая была счастлива в браке и имела пятерых детей. Однажды вечером я пришел домой и обнаружил их вместе в моей кровати. Она соблазнила женщину, и женщина влюбилась в нее. Это продолжалось уже несколько недель, и я не знал. Какая это была суета и беспокойство. Я их выбросил, никогда не мечтая о сексе втроем, по крайней мере, с женщинами. Я так и не смогла понять, что случилось с женщиной с пятью детьми. Я думаю, она вернулась к мужу. Иногда мне хочется все бросить, но как я могу? Рональд безнадежен. Все мужчины такие, разве не так? Большинство женщин тоже, но я лучше справляюсь с женщиной. Я какое-то время жила одна. Я потеряла работу, и все развалилось. Но я каким-то образом выбралась из этого и получила свою нынешнюю работу четыре года назад. Это тяжело, но за это прекрасно платят.

Я налил нам еще виски. Она достала из духовки баранью ногу и проткнула ее ножом.

— Это одно из мест Моггерхэнгера, где ты работаешь?

Она задвинула кастрюлю обратно.

— Да. Когда я была совсем пропащей, я пошла к нему, и он меня устроил. Дал мне двести фунтов и велел купить одежду. Он очень преданный, Клод. Наш роман закончился много лет назад, но он меня помнил. Он всегда будет рядом с вами, если вы каким-либо образом связаны с ним. В наши дни не так уж много старомодной лояльности, но у Клода она есть. Я не говорю, что он лучший из людей, но он был добр ко мне, так что еще я могу сказать? В любом случае, я не знаю, зачем я тебе все это рассказываю.

Она попробовала картошку, но она не была готова. Она приступила к приготовлению пяти тарелок с закусками, положив на каждую из них яйцо, сваренное вкрутую, половину листа салата, помидор, черные и зеленые оливки, соленый огурец, пластинку цикория, сардину и лист

ветчины. Это зрелище заставило меня проголодаться.

— Из тебя могла бы получиться хорошая жена.

Она засмеялась.

— Может быть. Но возьми пять бокалов, дорогой, и открой две бутылки красного.

Я был рад помочь. Она не была плохой девушкой. Если бы я погубил Моггерхэнгера своим планом передать содержимое багажника Скотланд-Ярду или Интерполу, я бы погубил и ее, и Бог знает, скольких еще. Я бы, конечно, наложил на себя проклятие, потому что даже если Моггерхэнгера сошлют, останется костяк организации, который будет поддерживать его фирму и рассчитывать с такими людьми, как я. Я подумал, что если Джун узнает, что находится в машине и почему оно там, она сделает все возможное, чтобы не дать мне сбежать, и позаботится о том, чтобы Моггерхэнгер узнал, что я нахожусь в Доггерел-бэнк.

Я полагаю, она в любом случае задается вопросом, что я делаю здесь на его «роллс-ройсе» и почему привез с собой достаточно провизии, чтобы продержаться неделю. Моггерхэнгер никогда не давал своим наемникам таких странных заданий. Она, должно быть, заподозрила меня в тот момент, когда Дисмал прыгнул на ее грудь. Я оказался слишком тупым, иначе я бы сочинил историю, более убедительно объясняющую свое присутствие здесь.

К счастью, в доме не было телефона, иначе она вполне могла бы поднять трубку, пока я гулял, пытаюсь оказать Моггерхэнгеру услугу в обмен на то, что он для нее сделал. Единственным способом войти здесь в контакт с внешним миром было подняться на холм и воспользоваться телефонной будкой на перекрестке примерно в миле отсюда.

Мое сердце почти перестало биться, но она была слишком занята, чтобы это заметить.

— Где ванная, любимая?

— За дверью, справа от тебя.

Такие указания всегда давали мне доступ в каждую комнату дома. На кошачьих лапках я поднялся вверх, открыл все двери и никого не увидел. Внизу я вошел в кабинет Делфа, и он тоже был пуст. То же самое было и во всех остальных комнатах, кроме кухни. Я даже заглянул в шкафы для метел. Стало ясно, что Делф ушел. Впервые в жизни он делал что-то для Джун, матери своего ребенка, и я предполагал, что она уговорила его на это, предположив, что, если окажется важным, чтобы Моггерхэнгер знал о нашем присутствии, награда была бы настолько велика, что можно было бы провести центральное отопление.

Ее план был хорош, и пять тарелок были расставлены с точностью палача над последним завтраком осужденного. Она накормила бы нас банкетом, напоила нас сонливостью — все за наш счет — и уложила спать, чтобы, когда мы проснемся, патрульные машины Моггерхэнгера уже блокировали переулок. Они могли добраться из Лондона менее чем за три часа, и этот факт заставил меня содрогнуться. Поместье Сплин находилось всего в тридцати милях отсюда, так что, если там был кто-нибудь из мафии, они могли быть здесь через час. Если бы Делф позвонил в Лондон полчаса назад, они могли бы появиться в любую минуту.

Я пошел на кухню.

— Это прекрасный дом.

Она улыбнулась, напряженная и покрасневшая. — Рону повезло.

— Его нет в кабинете.

Она сложила бумажные салфетки и положила по одной возле каждой тарелки.

— Он должен быть где-то здесь.

— Отдай одну Дисмалу. Ему нравится сидеть за столом вместе со всеми нами.

Она восприняла меня серьезно.

— Отдам.

— Все, что нужно этому дому, — сказал я, — это телефон. Тогда не нужно было бы каждый раз идти на перекресток.

Ее рука дрожала.

— Мы никогда не звоним. Нам это не нужно.

Я как бы случайно уронил на пол бутылку вина. Во мне все пылало от желания убить ее. От удара Дисмал вскочил.

— Извини.

— Я все объясню.

Я оттолкнул ее в сторону.

— Когда-нибудь тебе придется это сделать.

Она начала приходить в себя.

— Что на тебя нашло?

— Делф ушел к телефону, не так ли?

— Ты сошел с ума.

— Хочешь снова на свалку?

Она стояла с тряпкой в руке, с кастрюлей и губкой наготове. Она была напугана.

— Нет.

— Он звонит Моггерхэнгеру, не так ли? Если они поймают меня здесь,

я буду в тупике.

Больше я ничего не мог сказать, и она ничего мне не сказала. Я приказал Дисмалу выйти за дверь. Она отступила, закрыв лицо руками. Как будто мы были женаты двадцать лет, и я больше не мог выносить ее вида. Я схватился за стол и раскидал тарелки, бутылки, еду и столовые приборы в четыре стороны комнаты. Она и Делф могли бы этим питаться.

Глава 27

Клегг и Вэйланд вышли из-за деревьев. — Садитесь в машину, — сказал я. — Мы уходим.

Дисмал тут же устроился сзади, как будто для него это было более родным домом, чем для любого из нас. Я рассказал им в нескольких словах, что произошло.

— Они будут здесь с минуты на минуту, а если поймают, то разрежут на куски и скормят свиньям.

Я слышал, как Джун плачет, когда стоял возле кухни и раздумывал, пойти ли мне извиниться или поджечь дом. У меня было видение Делфа, идущего от телефонной будки и озадаченного идущим дымом. Жизнь была слишком коротка, опасности слишком серьезны. Я чувствовал вокруг себя холодный ветер газового завода, тот самый дедушкин бриз, который в страшные моменты возвращает меня в реальность.

Мой природный энтузиазм типа «да ладно тебе, я в порядке» сразу же выбил меня из этого состояния, но, тем не менее, ситуация, в которой я находился, затягивалась. Проделайте трюк, например, лишив Клода Моггерхэнгера добытых нечестным путем доходов, и вы обнаружите, что у вас нет друга, который мог бы вас защитить. Я, конечно, этого ожидал, поэтому и пошел в Доггерел-бэнк, но мне просто повезло найти там Джун. Она была из тех сентиментальных людей, которые заставляли мир вращаться немного быстрее, потому что не могли забыть ни одного хорошего поворота. И она была права, несмотря на то, что это могло означать мою смерть.

Клегг согласился с тем, что нам пора уходить, и сел в машину. Десять лет невзгод сделали его спокойным, но Вейланд был сварливым:

— Откуда ты знаешь, что он пошел звонить Моггерхэнгеру?

— Джун тебе расскажет.

Он стоял с кислым видом.

— Я думал, мы собрались на вечеринку. Это место слишком уныло для твоего возбудимого темперамента?

Я уже был за рулем.

— Ты мне не особо нравишься, но мне бы не хотелось, чтобы тебя так пинали, что твоя девушка тебя не узнала. Ты будешь не в лучшей форме для написания статьи, если останешься здесь. С другой стороны, у тебя будет первоклассный материал. Сделай свой выбор.

Я был рад, когда он уселся. Чем больше нас было, тем в большей безопасности я себя чувствовал. Я поехал в сторону ручья и, свернув за поворот, увидел в зеркале блеск машины, едущей по переулку позади. Я так быстро скользнул под укрытие, что они меня не заметили. Или я так думал. Я не мог понять, как они попали сюда так быстро, хотя, когда я это разгадал, в этом не было никакой тайны. Делф поднялся на холм два часа назад. Моггерхэнгер позвонил в поместье Сплин, затем снова позвонил Делфу в будку и велел ему подождать, чтобы он мог провести машину из поместья Сплин до Доггерел-бэнк. Иначе они бы никогда его не нашли. Моггерхэнгер был просто сообразительным человеком. Тот факт, что он мог опередить меня в этом вопросе, был одной из причин, почему он был там, где был, и почему я был там, где был.

Машина так быстро пересекла ручей у подножия холма, что волна от нее ударила по деревьям и кустам по обе стороны. Я ехал по полумощенной трассе, как раллийный гонщик, натываясь на корни и зарываясь в выбоины. Дорога извивалась между деревьями, которые закрывали свет, поэтому я освещал ее сильными фарами. Немного проехав через поле, мы увидели прочные пятирешетчатые ворота. Клегг выскочил с ловкостью гораздо более молодого человека, распутал цепь и растянул ее.

— Возвращайся, — крикнул я.

Он закрыл ворота и закрепил цепь на месте.

— Ради бога, мы спешим. Скорее!

— То, что едва не удержало нас, удержит их, — сказал он, когда мы поехали, — и я завязал эту цепь гораздо более сложным узлом, чем тогда, когда нашел ее.

На этих переулках я несея быстрее ветра. Если бы я сидел на каком-либо месте, кроме водительского, у меня бы все вывернулось наизнанку. Наступали сумерки: освещенная голубая полоса на востоке и угрожающе-киноварная полоса на западе. Я так сильно развернулся по команде навигатора Клегга, что бледно-голубые и кровавые лучи показались во всех направлениях одновременно. Если машина следовала за нами вверх по холму, мы уже потеряли ее. Если он преследовал нас хоть сколько-нибудь, я надеялся, что эти маневры свернули внутренности Рональда Делфа. Не то чтобы я думал, что он или его желудок были чувствительными. На мой взгляд, он был крепок, как старое железо, хотя,

если бы я догнал его, ему пришлось бы быть еще крепче.

Направление было южное. Клегг обернулся.

— Они все еще преследуют нас.

— Ты уверен?

Будучи ведущими в этой гонке, нам довелось работать труднее. Все, что нужно было делать другой машине, — это искать сверкающие розы наших стоп-сигналов и держать дистанцию. Все, что нужно было сделать нам, это уловить извилистое подмигивание их ослепляющих огней, чтобы понять, что они все еще с нами. Даже Дисмал был напряжен. Если бы я был в машине один, я бы нажал на педаль изо всей силы, но такое плохое вождение было бы тяжелым испытанием для остальных. Встретив так мало машин, мы не смогли сбить с толку преследователей и сбить их с пути. То, как машина держалась за нас, хотя и на некотором расстоянии, наводило на мысль, что ею управлял Пиндарри.

— Мы не можем продвигаться так далеко на запад, — сказал Клегг, — иначе окажемся на болотах. Но если мы сможем сдержать их на протяжении двадцати миль, у нас будет больше шансов.

Мой мозг плавился из-за недостатка сна. Мы прошли милю, не оборачиваясь. Классные инструкции Клегга идти налево, а затем направо вернули адреналин.

— Хочешь выстрелить в них из пистолета?

— Если вы двое не возражаете.

— Я готов ко всему, — нетерпеливо сказал Вейланд.

— В таком случае, — сказал Клегг, — я собираюсь провести вас на главную дорогу миль на десять или около того. Помедленнее немного. Вы едете через деревню.

Это была красивая картинка, достойная упаковки печенья, отправляющейся в Индию.

— Если кого-то задержат за превышение скорости, — сказал Клегг, — пусть это будут они.

Я свернул на главную дорогу и пошел на юг. Яркая кисть света преследователей осветила небо позади.

— Мы никогда их не отодвинем.

Клегг был настолько раздражающе спокоен, что у меня возникло желание (к счастью, оно подавилось) остановить машину и сразиться с теми, кто преследовал нас.

— Не отчаивайся, Майкл. Я вижу на карте маневр, который навсегда отправит их в подвешенное состояние. Подходим к железнодорожному мосту. Вот и все, мы только что это прошли. Через четверть мили — с минуты на минуту — будет крутой поворот направо. После него осталось

всего пятьдесят ярдов или около того. Затем ты поворачиваешь на девяносто градусов на второстепенную дорогу слева от тебя. Мы знаем, что поворот там, но для остальных он будет скрыт. К счастью, мы все еще находимся на крупномасштабной карте. Интересно, сколько еще жизней спасла Служба артиллерийского надзора? Все в порядке! СЕЙЧАС! Вот и приближается правый поворот.

Включив фары на полную яркость, я вспотел и резко развернулся, едва не угодив в фургон, который несся навстречу со страшным грохотом. Затем я свернул налево по переулку и выключил все фары.

— Очень хорошо. Они не видели, как мы сюда спустились. Они пойдут дальше и через четверть мили увидят, что дорога раздваивается, и какую бы из этих развилок они ни выбрали, она окажется не той, и они потеряют драгоценное время. Они нас уже потеряли. Наши проблемы позади.

Мог ли я ему поверить? Как ни странно, я это сделал. Прямая дорога шла вверх, затем вниз и вела в деревню. Я замедлил скорость, радуясь тактической победе Клегга. Полосы разветвлялись налево и направо. Чем больше, тем лучше. Мы шли на восток, поворачивая и поворачивая к Великой Северной Дороге. Идея, по словам Клегга, заключалась в том, чтобы избежать большого города, Харрогейта.

— По главной дороге можно проехать до восьмидесяти, не привлекая внимания, потому что это двухсторонняя дорога, к тому же там много машин. Мы можем попасть в Лидс с северо-востока.

— Ты говорящая карта, — сказал я.

— Я думаю, что это одна из наименее сложных проблем, которые мне когда-либо приходилось решать.

Мы оставили позади преследователей, потому что он считал наш бегство сложной игрой. Он также был бы отличным стрелком из арбалета в игровых автоматах.

— Единственное, — сказал я, — нам нужно поесть и отдохнуть.

— Подумать только, мы оставили всю эту еду и питье Делфу, — сказал Вейланд.

— Через двадцать миль, — сказал Клегг, — мы найдем место, где можно поесть.

Хотя в небе позади не было пугающих фонарей, меня все равно беспокоил тот факт, что при поездке по Великой Северной Дороге, нас заметит еще одна машина Моггерхэнгера, отправленная пару часов назад на подкрепление уже отправленной в Доггерел-бэнк. Любой такой автомобиль проехал бы по М1 с большей скоростью, чем можно было бы проехать по Великой Северной Дороге. Через два часа они проедут

Ноттингем. Менее чем через три они наверняка смогут оказаться там, где были мы тогда. Тот, кто не ехал в машине, должен был, как и подобает лучшим ребятам Моггерхэнгера, наблюдать за движением транспорта, идущего по переулку в противоположном направлении даже в темноте. Когда я поделился этими размышлениями с Клеггом, он решил, что стоит действовать в соответствии с ними, если только не будет слишком поздно, хотя он добавил — и я увидел, как он улыбнулся в зеркало, — что почти никогда не бывает так.

— Слишком поздно бывает только один раз в жизни, и тогда ты уже ничего не сможешь с этим поделать.

— На днях я буду смеяться до ушей над одной из твоих острот.

На что он ответил:

— Искренне надеюсь, что нет.

Дисмал начал выть.

— Нам нужно остановиться, иначе с нами все будет кончено. Мы можем пережить голод, недосыпание и даже перестрелку, но вой Дисмала нам не одолеть.

— Он визжит, как новорожденный ребенок, — сказал Вейланд.

— Ну, — сказал я ему, — ребенок не ребенок, но он один из нас.

Морда Дисмала одобрительно толкнула меня. Его беспокойство не было немедленным, но мы были предупреждены, поэтому в ближайшем транспортном кафе мы должны были о нем позаботиться. Я припарковался как можно дальше в темноте и позади других машин.

— Рискнем зайти внутрь?

Клегг подернул очки и выключил фонарик для чтения карты.

— Думаю, это возможно.

Мы дождались окончания туалета Дисмала и пошли в обычное место кипящего жира и сырых чипсов, которое казалось раем. Я купил сорок сигарет и пинты чая для всех нас, включая Дисмала. Я заказал четыре тарелки всего и кучу хлеба с маслом, а также дюжину сладких пирожных и еще чая. Кто знал, когда придет следующая еда?

— Я считаю, что мы это сделали, — сказал Клегг.

Я был суеверен, каждую минуту ожидая, что Кенни Дьюкс ворвется в хлипкую дверь, так многому научившись у Дикки Буша, что в конечном итоге утонет в горячем жире и батончиках «Марс».

— Нам еще предстоит пройти долгий путь.

— Но где? — спросил Вейланд.

— Откуда мне знать?

— У тебя должно быть какое-то представление.

Я никогда не был мастером планирования и предусмотрительности. Я

жил и действовал по минутам, и до сих пор выживал достаточно хорошо, сказал я себе, но я знал, что если я хочу продолжать жить, то должен начать видеть хотя бы один шаг вперед в Большой игре Моггерхэнгера. Но опять же, моя врожденная природа, или что бы она ни была, взяла верх.

— Мы держим юг по этой быстрой дороге и направляемся к моему дому в Верхнем Мэйхеме.

— Отказался от Равностороннего Прямоугольника? — спросил Клегг.

— Пока да.

Пришел хозяин с нашими тарелками и кружками, накрыв маленький столик. Вейланд съел торт залпом.

— Моггерхэнгер, возможно, ждет тебя.

— Они уже были и ушли. — Мой рот тоже был набит. — А может быть, они никуда не ходили. Я лщу себя надеждой, что они не думают, что я настолько глуп, чтобы пойти туда. В любом случае, тебе ничего не грозит, потому что я высажу тебя в Кембридж. Ты можешь добраться до Лондона самостоятельно.

— Меня устраивает, — в его голосе прозвучало облегчение.

— Когда доберешься туда, спрячься на некоторое время.

— Подходит, потому что я буду слишком занят.

В Верхнем Мэйхеме я собираю документацию о наркоимперии Моггерхэнгера, которую должен присылать Мэтью Коппис. Затем я отправлюсь на яхте в Голландию через Харвич, чтобы в безопасности на досуге пригвоздить Мога и Джека Лэнторна.

— Спасибо за превосходную еду, — сказал Клегг. — Хорошо время от времени набивать старое брюхо. — Он пошел за флягой и наполнил ее у стойки.

— Скажи мне, Клегги, — сказал я, когда он сел, — не знаю, глупый ли это вопрос, но думаешь ли ты, что твоя жизнь стоила того?

Он сделал большой глоток из кружки.

— Это всего лишь глупый вопрос, поскольку моя жизнь еще далека от завершения. Но если вы хотите сказать, стоит ли моя жизнь, я могу ответить только одно: хотя несколько дней назад я не был в этом убежден, сейчас я чертовски уверен, что это так. Забавно то, Майкл, что я никогда не задавал себе этот вопрос, поэтому, полагаю, я всегда считал, что моя жизнь того стоит. Прямо сейчас я получаю огромное удовольствие. Чего еще я хочу? Мне исполнилось шестьдесят, но я сильный, здоровый и свободный. А вы?

— Если бы я не считал, что моя жизнь того стоит, я бы покончил с собой. — Я ткнул Вейланда под ребра. — А ты что думаешь?

Он провел рукой по лысой голове до короткой седой бороды.

— Этот вопрос слишком значим, чтобы с ним играть на данный момент. Если у меня наступит момент просветления, прежде чем я умру, я попытаюсь спросить себя тогда, в надежде, я полагаю, что времени для ответа не будет.

Клегг хлопнул руками.

— Приятно иметь в машине человека, который действительно об этом подумал.

Он был серьезен, поэтому я кивнул.

— Ты можешь сказать это еще раз, но не надо.

В половине десятого я, как зомби, поехал на юг, как раз на правую сторону безопасности. Моя идея заключалась в том, чтобы ехать на скорости пятьдесят пять, но как только я видел впереди машину или грузовик, моя нога сама собой нажимала на педаль, и я вылетал на обгон на скорости семьдесят или восемьдесят. Невозможно было идти медленно туда, куда я направлялся.

Мое настроение колебалось от желания запеть до желания швырнуть машину на полной скорости о бетонные опоры моста или насыпи. Но я не сделал ни того, ни другого, и мы ехали молча. Возможно, я был в состоянии алкогольного опьянения и меня беспокоило количество ярости, которую, как я знал, вызывали мои зигзагообразные действия в Моггерхэнгере и Ланторне. Я представлял, как они ждут: с тревогой, нерешительностью, яростью и, может быть, даже страхом. Картина, которая вызывала улыбку на моем лице - до тех пор, пока меня самого не перестали сковывать страх, ярость, нерешительность и тревога.

Что меня положительно обрадовало, так это удовольствие вернуться в Верхний Мэйхем, даже если там можно было остаться всего на несколько часов. Я бы предупредил Билла и Марию и обеспечил бы им комфортное жилье из пачки пятаков Моггерхэнгера, чтобы они могли играть в мамочек и папочек где-нибудь еще. Я приходил бы туда около часа ночи, выдергивал Билла из роскошных объятий и разговаривал о том, как все обернулось на ферме Бакшот, пока не засыпал, хотя мои губы продолжали шевелиться, и им приходилось нести меня до кровати.

Моя голова кивнула в сторону руля, и я увидел впереди четыре задних фонаря вместо двух. Я начал вилять, не осознавая этого, и проехал так близко к машине, которую обогнал (хотя мои способности к концентрации внимания казались более или менее нормальными), что, должно быть, напугал водителя до чертиков. Дисмал толкнул меня ногой, словно предупреждая, чтобы я был осторожен.

— Спи, негодяй. Я сам могу позаботиться о себе.

— Что вы сказали?

Я почти достиг грани, но заговорил Клегг.

— Я думал, ты спал.

— Возможно, так и было, но я слышал, как вы что-то сказали.

— Я разговаривал с Дисмалом.

— Остановитесь на десять минут.

— Мне это не нужно, Артур.

— Ты запомнил мое имя?

Ему это понравилось. Я представил его улыбку.

— Я только что вспомнил его.

— После всего этого времени прошло еще полмили. Делайте как я говорю. Подъезжайте к следующему стоянке.

— Не волнуйся. — Я принял двойную дозу джаггернаута. — Я не убью вас.

— Я не жду, что вы это сделаете. Все равно подъезжайте.

— Нервничаешь?

— Просто подъезжайте.

— С нами все будет в порядке.

Мне пришлось добираться до стоянки. Не успел я выключить двигатель, как уснул.

Я почувствовал руку на своем плече.

— Проснитесь, Майкл. Пора ехать.

Клегг поднес чашку чая мне под нос.

— Как долго я спал?

— Час. Но этого достаточно. Теперь с вами все будет в порядке.

— Мы прибудем туда не раньше двух.

— К чему спешка? Лучше, чем вообще туда не попасть.

Я выпил еще один стакан чая и закурил. Было одиннадцать часов. Вейланд тоже засуетился и казался более веселым.

— Думаю, поездка на машине того стоила, чтобы курить такие хорошие сигары.

Он никогда не оценит мою услугу, направленную на то, чтобы вытащить его из коттеджа «Пепперкорн». Возможно, Моггерхэнгер уже послал кого-нибудь перерезать ему горло – после фиаско прошлой ночи. Я сказал ему, но он ответил с оттенком бравады:

— Ты думаешь, я не могу о себе позаботиться? В моей жизни были трудные моменты, позволь тебе сказать.

— Надеюсь, ты выберешься из этого.

Я неслся вперед, чтобы наверстать упущенное время. Я почувствовал себя проснувшимся, так глубоко погружившись в этот час сна, что мне

показалось, что прошло восемь. Я обгонял всех, никогда не меньше восьмидесяти. Какая была спешка? Шоссе было бесконечным. Вы никогда не добирались туда. Но я не мог успокоиться. У меня кипела кровь, мне было все равно, за что. На дороге был только я. Другие были игрушечными кроликами в консервных банках. Мой вид спорта — их догонять. Я обгону всех. Он будет преследовать, неважно почему. Если бы Бог существовал, Ему бы это нравилось.

Я вернулся к жизни, мое зрение было острым и ясным. У желтых переключателей перед островком, когда другие автомобилисты притормозили, я помчался по внешней полосе и остановился только тогда, когда стала видна белая линия. Иногда я почти не тормозил, но, глядя вправо и не видя движения на островке, мчался почти прямо. Моя максимальная скорость вернулась, и вождение для меня было как вода для рыбы.

Мы неплохо проехали по этой чудесной Великой Северной Дороге. Я выставил Вейланда в центре Кембриджа, попросив его передать сердечные приветствия моему бывшему колледжу.

— Какой это?

Он попытался веселить меня с язвительным презрением, но я побоялся ответить. Неужели он не мог пошутить? Не Вейланд. Но теперь, когда пришло время, ему не хотелось покидать нашу крытую повозку, особенно посреди ночи, хотя было только полвторого. Он знал город еще со студенческих лет и мог оставаться на вокзале до тех пор, пока молочный поезд не отправится в Лондон. По крайней мере, он не был бы голоден, потому что, помимо денег, я дал ему еще сигары и остальные сэндвичи, причем последнее было действием, к которому Дисмал отнесся очень плохо, потому что он пытался откусить их из руки Вейланда. прежде чем он ушел, так и не поблагодарив нас за гостеприимство.

В два часа я медленно двинулся по переулку к старой железнодорожной станции Верхний Мэйхем, загородной резиденции, принадлежащей Майклу Каллену, эсквайру. Как я и ожидал, дом оказался во тьме. Я подумал было подать сигнал, чтобы предупредить Билла и Марию, но не смог удержаться от того, чтобы не увидеть их шок, когда буду вытаскивать их из постели. Клегг и Дисмал прошли через ворота позади, пока я искал ключ. Запах почвы и растительности из сада, а также сладкий ночной воздух были настоящим тонизирующим средством. Это был мой первый дом, и я любил это место. Я бы привез сюда Фрэнсис Мэлэм, и ей бы тоже понравилось. Она приходила бы ко мне всякий раз, когда была возможность освободиться от учебы, и даже после того, как получила квалификацию врача. К тому времени мой развод с Бриджит уже будет завершен. Мы с Фрэнсис поженимся. Я мог бы даже хорошо

подумать о дяде Джеффри и простить его за то, что он сделал с Марией. Или не сделал. Я все еще не был уверен. Он не виноват, что вазэктомия не сработала. Я бы попросил его и его семью остаться на выходные. Я бы даже повесил автомобильную шину на пешеходный мост, чтобы его дети могли на ней качаться. Фрэнсис расцвела бы в таком месте, лежа в шезлонге в солнечном саду с расстегнутыми двумя верхними пуговицами блузки. Возможно, она даже будет беременна. Как мог человек моего возраста так думать? Я был на двенадцать лет старше, так что она, вероятно, смотрела на меня как на грязного старикашку.

Звуки радио доносились из гостиной. Безответственные голубки оставили его включенным. По крайней мере, это был признак жизни, и я чувствовал к ним довольно нежную привязанность, как будто невнимательность делала людей людьми, а ошибки делали их — почти — божественными. Я включил свет.

Все, что я знаю, это то, что я ничего не сказал. Чтобы описать то, что я увидел, понадобился бы каталог бед и проклятий. Радио работало, потому что его разбили железным прутком. Было приятно видеть неразрушимость технологий, но это было все, что я мог сказать о них в тот момент. Половину времени мне так и не удавалось запустить это дурацкое радио, но у Кенни Дьюкса, похоже, не возникло никаких затруднений. Он просто раскроил его кочергой. Дверцы шкафа свисали. Комод был опрокинут, а семейные голландские горшки Бриджит разбились. Стулья были разорваны, а стол лежал на боку. Я закрыл дверь и побежал наверх.

Возможно, к этому времени они уже сдались или поверили Биллу на слово. Если только он и Мария не ушли, прежде чем заполучить ураган, рожденный моим именем. Кровати были просто подняты. Словно поджав кончики пальцев, я ходил из комнаты в комнату и расправлял их, прежде чем снова спуститься вниз.

— Похоже, худшее уже произошло, — сказал КлеGG.

Не было никаких признаков большого конверта желтого цвета, который я ожидал от Мэтью Копписа. Возможно, они тоже это обнаружили. Я проверил почтовый ящик, и он был пуст. Я вытащил батарейки из радио, чтобы оно перестало визжать, а КлеGG перевернул на место стол, закрыл шкафы и поставил стулья вертикально. Это выглядело не намного хуже, чем разгром после одной из моих ссор с Бриджит в первые дни. Дисмал лежал перед камином, в котором еще был теплый пепел с тех пор, как Билл постоянно поддерживал огонь, чтобы заварить чай на случай, если отключат газ и электричество. Я сунул в камин руки.

— Они были здесь этим вечером.

Мы пошли на кухню. На тарелке стоял недоеденный бутерброд и чайник с холодным чаем. Я отдал сэндвич Дисмалу. В центре стола лежало напечатанное письмо, и, обведя его трижды, я прочитал:

«Ты доставляешь нам много хлопот, Майкл, и мне это не нравится. Что на тебя нашло? Я доверял тебе. Я никогда не думал, что ты будешь таким глупым. Сначала я подумал, что ты бегаешь по стране, потому что думаешь, что банда «Зеленых Ног» идет за тобой по следу. Я думал, тебе кажется, что ты делаешь мне одолжение своей тактикой уклонения. Я дошел до точки. Ты меня разочаровываешь. Кажется, что ты стал жертвой нервного срыва. Это не может быть чем-то меньшим. Что бы это ни было, я злюсь. Дела серьезные. Чтобы как можно скорее исправить ситуацию, мои ребята забирают Билла Строу и его девушку. Если ты не свяжешься с нами или не доставишь наши вещи, или и то, и другое, они попадут в очень большие неприятности. Ты знаешь, что я имею в виду. Если это произойдет, тебе придется винить только себя. А когда мы доберемся до тебя, ты попадешь в еще худшую историю. Однако, если ты сдашь вещи без неоправданной задержки, я все равно тебя не прощу, хотя меня могут заставить забыть тебя.

Поверь, твой очень искренне,

К. Моггерхэнгер»

Клегг наполнил чайник чаем.

— Какие-то новости?

— Да. От Моггерхэнгера. Специальная доставка.

— Они вернутся?

— Если нам повезет, у нас есть двадцать четыре часа.

В холодильнике было даже свежее молоко.

— Этого будет достаточно?

— Так и должно быть. Сказано было мало, но подумать можно было о многом.

Мы пили. Я налил немного Дисмалу, который даже не возмутился, как будто понял, что наше положение тяжело.

— Все, что мы можем сделать, это поспать до утра.

— Я не могу участвовать в соревнованиях с такими условиями, — ухмыльнулся он.

— Мне бы хотелось, чтобы ты не пользовался всеми возможными преимуществами моих неудач, чтобы отточить свой стиль высказываний.

Я подошел к машине с обочины, затем остановился, глядя на ясные и бесчисленные звезды Восточной Англии, и задавался вопросом, когда же я смогу сделать это снова.

Я лежал в постели, ломая голову над тем, что случилось с

обещанными Мэтью Копписом бумагами. До сих пор я думал, что, если что-то пойдет не так с утилизацией товаров в багажнике машины, у меня, по крайней мере, будут его показания, на которые можно будет опереться, и что даже если бы я получил серьезный удар, они уже были бы на своих местах и на пути в Интерпол. С неба светлых перспектив я упал в невидимый мрак ничего. И все же это не казалось бесперспективным состоянием, в котором можно попытаться немного поспать.

Дисмал лежал на нижнем изголовье кровати, а это означало, что я не мог вытянуться во весь рост. Я не возражал, потому что сон, свернувшись калачиком, как если бы я снова был в утробе матери, казалось, работал, и следующее, что видел во сне — пробирался сквозь густые и опасные действия, запертые в сгустившихся пещерах, подобных темным внутренностям кита. Мои ноги были невидимы, а голова тянулась вперед к какому-то свету, которого я так и не достиг. Я услышал медленное покачивание огромной птицы и в ужасе повернул голову, чтобы посмотреть, как она приближается, ожидая, пока она приблизится и меня увидят. Я никогда этого не видел, но две руки, схватившие меня за плечо, заставили меня закричать и проснуться.

Глава 28

Я думал, они пришли за мной. В окне была видна полоса света. Я скинул Дисмала с кровати, но Клеэг схватил меня за плечо.

— Сейчас семь.

Я чувствовал себя хуже, чем когда ложился спать, но так было всегда. Если бы я проснулся в прекрасном настроении, я бы чувствовал себя ужасно. Я знал, что если бы завтра в это же время я был жив, мои шансы дожить до уровня моего библейского предела были бы средними. Дисмал спустился на разведку в поисках еды, а я полежал еще несколько минут и потягивал чай Клеэгга.

Почему я так хотел уничтожить Моггерхэнгера? Если бы он исчез в подземельях, на свежем воздухе наверху была бы сотня других, стремящихся занять его место. Выгоду получают именно они, а не наркоманы, погибающие на пустырях и парковках по всей Британии. Но Моггерхэнгер отправил меня на восемнадцать месяцев в тюрьму, чтобы спасти свою шкуру, и теперь я был в состоянии отомстить. С каждой минутой я чувствовал себя все более оптимистично по поводу того, что смогу избежать его гнева. Даже без помощи Копписа я мог бы собрать достаточно информации, при условии, что мне удастся доставить лодку в

Голландию.

Клегг положил на сковороду яйца и бекон, а я уплетал кукурузные хлопья. Единственная дыра в моем плане, через которую мое сердце провалилось, как кусок свинца, заключалась в том, что, отправившись в Голландию, я разлучусь с Фрэнсис. Неизвестно, как долго меня не будет, но у меня не было другого выбора, кроме как бежать. Я надеялся, что она запомнит меня и ответит на мои любовные письма, приходящие из разных мест.

Я побрился, принял душ, надел чистое нижнее белье, сменил костюм и начистил свои лучшие ботинки на молнии — и все это в два раза быстрее. Золотые запонки с трудом попадали в дырки рубашки, и Дисмал покачал головой, когда я выругался. Я пригрозил, что, если он не проявит больше сочувствия, я отправлю его обратно в коттедж «Пепперкорн», чтобы его схватили крысы. После чего он пошёл искать остатки еды на кухне.

— Для тебя есть какая-то почта, — крикнул Клегг.

Я нашел большой конверт, который не мог отправить никто, кроме Мэтью Копписа. Однако я отложил его, чтобы вскрыть письмо с оксфордским штемпелем, которое, как я знал, было от Фрэнсис Мэлэм. Я пролистал его, чтобы увидеть, ненавидит ли она меня, и, когда оказалось, что нет, сел читать:

«Дорогой Майкл,

Я вернулась в Оксфорд и не могу перестать думать о тебе. Я хотела бы поблагодарить тебя за то, что ты проводил со мной время, хотя я знаю, насколько ты занят. Весь эпизод был приятным сюрпризом! Я не это имела в виду, когда сказала, что мне не нужно знакомиться с тобой, потому что мы занимались любовью. Я хотела бы увидеть тебя снова и надеюсь, что ты сможешь навестить меня в Оксфорде. Я живу в одном доме с другой девушкой. Надеюсь, ты не слишком усердствуешь».

Она подписала контракт с любовью. Короткое письмо лежит теперь в моем бумажнике, завернутое в ароматную бумагу. Угрозы Моггерхэнгера забыты.

Клегг сидел у плиты с закатанными рукавами рубашки, а я просматривал бумаги Мэтью. В окно хлестали капли дождя, назревал летний ливень. Коппис выполнил свою работу. Будущая программа мирового транспорта наркотиков была изложена подробно. Альберт Крой приедет из Брюсселя с пятьюстами девятнадцатью граммами кокаина и двумя килограммами марихуаны. Банда, имена членов которой были названы, прибыла из Боготы, каждый участник вез кокаин в бутылках шотландского виски. Другая группа покинет Боготу: трое отправятся в

Париж, двое — во Франкфурт, причем каждая по отдельности прибывает в Лондон с большим грузом каннабиса. Пиндарри пригонит машину с континента, в половине бака бензин, в другой для кокаиновой пасты из Перу. Джек Маллион из Барбадоса привез (указана дата) четыре килограмма кокаина в двойном дне чемодана. Кокаин также прибывал из Монреаля, спрятанный в фальшивом чемодане марки Samsonite. Луис Гонсалес и его дочь Розанна (дочь, ради бога!) путешествовали с кокаином по маршруту Мехико, Рио-де-Жанейро и Лос-Анджелес. Из Хука (Амстердам) грузовик должен был привезти смолу каннабиса в тридцати пяти коробках фруктового сока, и этот груз должен был принять Олпорт и доставить на виллу Бризблок в Бэк-Эндерби. Двенадцать килограммов марихуаны привезут из Бейрута, а сорок килограммов героина — из Дамаска. И так, страница за страницей, продолжался полный план операции «Сад хмеля». Час ноль был через десять дней.

Я свистнул, закричал и шлепнул себя по бедру. И это был еще не конец. На другой паре листов были подробности о фальшивых инвестиционных компаниях, призванных выманивать деньги с континента, а также от граждан Ближнего Востока, у которых было так много ликвидности, что они едва знали, что с ней делать. Существовали схемы по созданию фальшивых страховых компаний, а также планы по обману подлинных страховых компаний путем подачи ложных заявлений, особенно в Германии и Австрии. Я посмеялся над изобретательностью и восхитился затеей, хотя был полон решимости положить конец всем их планам.

— Хорошие новости?

— Скажем так, — сказал я ему.

— Майкл, где ты? Я имею в виду широту и долготу? – Голос Моггерхэнгера был гладок, как шелк. Я едва узнал это.

— В телефонной будке.

Я почувствовал его смешок. — Это ошибка, если только у тебя под задницей не горит пятьсот десятипенсовых монет. — Он рассмеялся собственной остроте.

Я ждал.

— Майкл?

— Да?

— Я спросил, где ты.

— Я говорил тебе.

— Ты этого не сделал.

— Я думал, что сделал.

— Я не думаю, что ты это сделал.

— Вы имеете в виду, в какой части страны я нахожусь?

Он изобразил очень выразительный вздох облегчения. — Да.

— Я в Кеттеринге.

Затем последовала дорогостоящая пауза:

— Майкл?

— Что?

— Я могу подождать. Пока у тебя есть деньги, которые можно положить в коробку, я могу подождать. Фактически весь день. Я очень терпеливый человек. Ты уже должен это знать.

— Ждать чего?

— Чтобы ты рассказал мне, где ты на самом деле. Но я все равно не люблю ждать. Идея тратить деньги на телефон мне не нравится, даже если это твои деньги.

Я рассмеялся. — На самом деле, это твои.

Я заметил небольшое изменение в его голосе.

— Мне нужен подробный отчет о расходах.

— Я пришлю тебе его. Из Норвегии.

— Майкл?

— Что?

— Я точно знаю, как ты себя чувствуешь. Мир — это ничья устрица, как и лимонный сок. Деньги нужно зарабатывать. У тебя есть мои товары на несколько миллионов фунтов. Ты этого не заслужил. Я имею на них немного больше прав, чем ты. По крайней мере, я сделал что-то, чтобы собрать их в одном месте.

— Возможно, я этого не заслужил. — Я не мог не злорадствовать. — Но я понял.

— Это верно. Но не должен ли я сказать тебе кое-что, Майкл? Я чрезвычайно терпеливый человек, когда имею дело с человеком, который мне нравится, и который позволил себе роскошь совершить против меня правонарушение. Действительно так. Насколько я понимаю, ситуация такова, что в последнее время ты слишком много работал. Мне следовало попридержать тебя на какое-то время после твоей недавней командировки. Вот что я думаю сейчас. Возможно, я был глуп, отдав тебе такую ключевую роль в деле на ферме Бакшот. Но что было, то прошло. Я так и сделал, и бесполезно плакать из-за пролитого молока. Я сделал это, потому что ты один из моих лучших людей, а такие, как ты, не растут на деревьях, хотя иногда и висят на них. Извини за шутку, Майкл. Сегодня утром я хорошо позавтракал. Тебе есть что сказать в свое оправдание?

— Нет, пока ты не скажешь мне еще что-нибудь.

Прошло десятипенсовое молчание.

— Как я уже говорил, я использовал тебя, потому что ты был мне нужен, и я не ожидал, что ты будешь продолжать так вести себя. Я не назову это недостатком моральных качеств, но здесь определенно присутствует элемент стресса. Только лучшие страдают от этого, но после нескольких сеансов с доктором Андерсоном, выдающимся психиатром, и трехнедельного отпуска на пляже в Сен-Тропе со всеми этими топлесс-куклами, играющими в волейбол, они обычно в порядке, как дождь. Атомный дождь, то есть. Понятна моя точка зрения?

Я представлял себе что-то короче этого, злобную ссору, заканчивающуюся словесным фейерверком и взаимным хлопком телефонов.

— Я делаю. Но дело в том, что мне не нравится, что вы берете моих друзей и держите их в заложниках. Такое может случиться и в других странах, но я не думал, что кто-нибудь в Англии опустится до этого.

— Майкл, надеюсь, ты не обвиняешь меня в провокационном, нетрадиционном, непатриотическом поведении?

Мне пришлось быть осторожным. — Что ж, лорд Моггерхэнгер, я ни в чем вас не обвиняю. Я просто описываю ситуацию такой, какая она есть.

— Так-то лучше. Я знал, что мы можем обсудить, не вступая в соревнование относительно того, что на самом деле происходит. Я всегда знал, что ты светский человек, Майкл. Ты мне нравишься. Я горжусь тем, что нанял тебя. Ты проделал работу, от которой другие могли бы отказаться. Полагаю, в обычном мире, который такие люди, как мы, здраво презирают, за такую работу тебя бы посадили в тюрьму на триста лет. К счастью, мы не принадлежим к этому миру. Это не для таких, как мы. Мы — свободнорожденные англичане, которые начали не только с подножия лестницы, но и со дна ямы, в которую лестницу поместили, чтобы она не упала назад. Я не скажу, что это все, что у нас общего, но оно достаточно похоже, чтобы мы могли понять друг друга без лишних хлопот и без этой позорной траты десятипенсовых монет.

— У меня на полу стоит большой холщовый мешок.

Я потряс несколько штук.

— Я верю тебе. Ты всегда был находчивым. Но, Майкл?

— Да.

— Я не знаю, было ли с тобой то же самое, потому что ты еще недостаточно взрослый, чтобы помнить самые худшие времена. Но когда я был мальчиком, я довольно часто ходил в Бедфорд из нашей деревни,

восемь миль туда и восемь миль назад, в дождь или мороз, чтобы попытаться заработать пару медяков и отвезти их домой своей семье. Не смейся. Есть только одна причина, из-за которой моя рука могла бы спуститься по этому телефонному шнуру и задушить тебя: если бы ты засмеялся, когда я сказал тебе, что моя семья пережила времена, когда мы все были полуголодными.

— Мне не смешно.

— Я действительно так не думал. Прости эту маленькую вспышку. Но в те дни, о которых я тебе рассказываю, одна из тех монет в десять пенсов, которые я засовываю в щель телефона, купила бы мне чашку чая. Другая купила бы булочку с кремом. Много булочек с кремом и чашка чая доставляли мне огромное удовольствие. Я ясно выражаюсь?

— Вполне.

— Итак где ты?

— Рядом с Ньюмаркетом.

— Я так и думал.

Наступила еще одна долгая пауза.

— Почему ты разрушил мой дом? — спросил я.

— Ты знаешь, что я считаю частную собственность священной. Я бы никогда такого не сделал.

— Но Кенни Дьюкс это сделал.

— Я должен делегировать полномочия, Майкл. В противном случае моя жизнь была бы невозможна. У меня не будет времени на семью. Моим мальчикам не нравилось, что их отправляли в выходной день.

Спорить было бесполезно.

— Где Мария и Билл Строу?

— Всему свое время. Прежде всего я хочу знать, когда ты приедешь ко мне домой с «Роллером» и всем его имуществом.

— У меня для вас новости, лорд Моггерхэнгер.

— И что это может быть, мистер Каллен?

Ему было весело. Мне тоже.

— Я не еду в Лондон.

Следующая пауза была настолько длинной, что даже мне стало не по себе.

— Майкл?

— А что теперь?

— Я думаю, мы скоро встретимся с пандемией. И не ругайся.

— Вам лучше связаться с моим агентом.

— Тебе не кажется, что нам следует прийти к какому-то выводу?

Мы затруднялись.

— Нет, пока не увижу, что Билл и Мария благополучно выжили.

— Конечно, Майкл. Я не хочу продолжать их кормить, пока Национальная помощь может это делать. За что я плачу налоги?

Я засмеялся. — Налоги?

— О, если бы ты только знал, что я хочу тебе предложить. Это моя самая большая головная боль. Есть вещи, от которых я даже не могу избавиться. Но когда я смогу получить свой товар? Не буду скрывать свои беспокойства по этому поводу.

— Я поеду на машине в Лондон.

После паузы он сказал:

— Если серьезно, я бы предпочел, чтобы ты этого не делал.

— Когда я увижу Билла и Марию?

Голос его звучал дружелюбно. — В любой момент.

— Послушайте, что я вам скажу. Мне не нужно то, что в «Роллере». Надеюсь, вы никогда так не думали. Я не понимаю, как могло возникнуть это недоразумение. Когда я добрался до коттеджа «Пепперкорн», мне просто не понравилась ситуация, поэтому я не стал разгружаться. Я сомневался, стоит ли одарить груз попечением этого идиота Перси Блемиша.

— Он бы не был вместе с ним долго.

— Я не был в этом уверен. И по пути туда я несколько раз сталкивался с загадочными машинами. Ситуация была непростой. Поэтому я решил, что банда «Зеленых Ног» даст шанс мне заработать деньги и остаться в дороге на несколько дней.

— Как ты объяснишь свой побег с этим криминальным репортером Вейландом Смитом? — сухо спросил он.

— Я скормил ему ложную информацию, которая навсегда собьет его со следа. Даже когда мне кажется, что я работаю против тебя, я работаю на тебя. Я ничего не могу с собой поделаться.

— Хотел бы я подумать так же. Но ты уходишь от темы. Ты начинаешь меня раздражать, хотя бы потому, что пока товар у тебя в руках, я теряю деньги. Каждые двадцать четыре часа, пока его нельзя обменять на деньги, я теряю примерно шестьсот фунтов только на процентах. Шестьсот фунтов! Сколько булочек с кремом и чашек чая на это можно купить? Видишь ли, даже среди невзгод я не теряю чувства меры. Или юмора. Верно?

— Нет, сэр.

Я потратил еще больше булочек с кремом на очередную паузу. Потом голос вернулся, как будто после долгих выходных в Майами.

— Просто скажи мне, где ты собираешься оставить Роллера и вещи, и

я пришлю ребят с твоим другом Биллом Строу и Марией — как ты ее называешь. Она очаровательная маленькая женщина, вот только Кенни Дьюксу яйца чуть не откусила.

Я чуть не задохнулся от смеха.

— Надеюсь, в следующей жизни он добьется большего успеха.

— Думаю, он тоже искренне на это надеется. Твоих друзей выпустят из машины, как только «Роллер» проверят и увидят, что внутри все в порядке. Тебе даже не обязательно присутствовать при этом. На самом деле, я так понимаю, ты бы предпочел этого не делать. Я прав, Майкл?

— Верно.

— Это делается намного проще.

— Я выполню свою часть сделки, — сказал я. — Но могу ли я точно знать, что Мария и Билл будут доставлены в целости и сохранности?

— Во-первых, Майкл, ты не можешь мне доверять. Второй момент: для чего они мне нужны? Я не причиняю людям боль без необходимости. Это было бы не по-английски. Признаюсь, мне хочется дать тебе по уху кулаком за то, что ты меня так беспокоишь, но этого я не могу сделать — потому что тебя здесь нет. Возможно, ты объехал всю страну зигзагом, потому что думал, что за добычей охотится кто-то другой, но ничто не мешает тебе позвонить и сообщить мне место. Это, кстати, третий пункт.

— Прошу прощения за ошибку.

— Это не похоже на тебя, Майкл.

— Боюсь, я уже забыл себя.

— Я думаю, ты сделал это. Больше ничего нет, не так ли?

Я замерз. Я кипел в этом замкнутом пространстве. Возможно, я заболел пневмонией. Это было бы облегчением.

— Что вы имеете в виду?

Он прочистил горло. — Ну, ты же не думаешь ни о чем другом, не так ли?

— О чем другом?

— Против меня.

— Это было бы глупо.

— Наверняка так и есть.

— Думаете, я укушу руку, которая меня кормит?

— Иногда люди так и делают, — сказал он. — Обычно делает как раз тот, кто находится поблизости. Но это очень недальновидно.

— Я не такой уж глупый, — сказал я с северным акцентом, чтобы почувствовать свое превосходство над ним.

— Я так не думал. Где ты оставишь машину и товар?

Я подумал.

— Начиная с двенадцати часов, он будет возле моего дома в Верхнем Мэйхеме. Вы можете оставить там Билла и Марию. Ключи от машины будут приклеены скотчем под передним левым капотом.

— Ты поступаешь очень мудро. А пока отдохни в тишине.

— Я собираюсь поехать в Голландию через Харвич. Сегодня, если я смогу это сделать.

— Может быть, я немного плохо слышу, и поправь меня, если я ошибаюсь, но мне показалось, что я слышал, как ты упомянули Норвегию.

Я терял хватку.

— С тех пор я передумал.

— Хорошо, только не присылай мне открытку. Возможно, когда-нибудь в будущем у меня будет для тебя небольшая работа, но не сейчас. Я хочу дать тебе время восстановиться.

— Кстати, — сказал я, — мне пришлось использовать несколько старых пятерок из одной пачки. На расходы. Немного, но у меня кончились деньги.

— Все в порядке, — сказал он. — В любом случае я должен тебе несколько сотен. Лишь бы ты не пожадничал и не взял слишком много. Такие деньги стоят отрезанных пальцев.

Он повесил трубку. Я тоже. Пар и холод продолжали смешиваться. Я был рад выбраться под летний дождь. Сделка была заключена в ходе пятнадцатиминутного телефонного звонка, который показался мне неделей. Я ехал в Верхний Мэйхем в состоянии глубокого созерцания, как мог бы сказал Блэскин (в хороший день) в одном из своих романов. Что такое предательство, кроме жажды мести? Объясните, если можете, но в данном случае мое дело было нечто большее, хотя это было последнее, что я предпочитал признавать. Если бы Моггерхэнгер не посадил меня в тюрьму, я бы вел иную жизнь, чем десять лет пребывания в Верхнем Мэйхеме. Столько времени потребовалось, чтобы преодолеть шок, и именно из-за него возникли мои нынешние проблемы, хотя я полагаю, что заслужил тюремное заключение за контрабанду золота. Как и многие другие. Но я был избран.

Однако контрабанда золота — это одно, а наводнение страны наркотиками, как это делал Моггерхэнгер, — это другое, а желание вернуть себе честь хорошо сочетается с прекращением такой грязной работы, являющейся причиной того, что я намеревался сделать. Все внутри меня было на грани. В некоторых фильмах, которые я видел в детстве, герой решил, что преступление не окупается, и собирался действовать прямо, считая, что с этого момента волнений больше не

будет. Мой интерес умер. Я предпочитал, чтобы он не раскаивался до конца и, метаясь между ямами подлости и вершинами щедрости, был застрелен на ступеньках банка, из которого он выходил. Однако теперь я знал, что покаяние вызывает такое же волнение, особенно когда оно исходит из самого себя, а не в фильме.

Веселая жизнь закончилась. Моггерхэнгер уже приступил к действию, уже приказав Коттапилли, Тоффиботтлу и Джерико Джиму, а может быть, и Кенни Дьюксу приблизиться к району Верхнего Мэйхема к двенадцати часам. Мои наручные часы показывали половину девятого, так что у меня было полчаса на то, чтобы собрать вещи, если я собирался успеть на пароход в Голландию.

Клегг оптимистично улыбнулся, когда я прошел через ворота.

— Как вы поговорили?

— Очень хорошо, — я оттолкнул Дисмала, который задал тот же вопрос грязными лапами и глазами типа «дай мне Марс-Бар». — Вы видите вон тот старый «форд»?

— И что из этого?

— Подготовьте его для поездки. Я скоро уеду в Голландию.

— В Голландию?

— Всего на неделю или две. Потом я вернусь. Но пока меня нет, я хочу, чтобы вы присмотрели за этим местом. Также следите за Дисмалом. Вы можете сделать это для меня?

Он сомневался.

— Вы будете не один. Билл и Мария вернутся в двенадцать. Вы можете жить вместе столько, сколько захотите. С Дисмалом вас будет четверо. Скоро будет пятеро, потому что Мария беременна. Когда я вернусь, нас будет шесть. Если к нам приедет некая мисс Мэлэм, счастливчиков будет семеро. Моя мама станет восьмой, если заглянет сюда. У нее может быть девушка, так что пусть уж будет девять. Или парень, или Гилберт Блэскин. Если будет тесно, я могу открыть билетную кассу и отремонтировать сигнальную будку. Это место имеет обширные возможности. Это жилище мне по сердцу, поэтому я знаю, что вы позаботитесь о нем.

— Со мной будет в безопасности. А с вами все в порядке?

— Никогда не чувствовал себя лучше.

Он заварил кофе, и мы съели булочки, которые он купил в деревне, пока я был у телефонной будки. Я протянул ему еще одну пачку банкнот из стопки Моггерхэнгера.

— Вот деньги на еду. Мне бы не хотелось, чтобы вы здесь голодали.

Клегг подготовил «форд». После еды Дисмал опьянел и был счастлив

следующие несколько минут, так что наше расставание показалось ему менее трагичным, чем могло бы быть. Мое оружие и вещи в «роллс-ройсе» отправились в свое обычное тайное место в доме. Затем я приклеил ключ туда, где его могли найти ребята Моггерхэнгера. Я упаковал в портфель деньги, паспорт и водительские права, а также пухлый конверт Мэтью Копписа и письмо Фрэнсис Мэлэм. Клегг положил два чемодана с моей лучшей одеждой на заднее сиденье «форда». Дискмал крутился вокруг, потерянный от такой деятельности, и мне было жаль, что я не могу взять его с собой. Я побежал в «роллс-ройс» за зонтиком, без которого, казалось, невозможно было поехать за границу, даже в Голландию. Поскольку он так легко ушел со мной, он стал частью моего дорожного снаряжения. В любом случае, под зонтиком я выглядел наполовину эксцентричным и, следовательно, респектабельным.

— Я не ощущал себя прежним а теперь снова начал чувствовать себя, потому, возможно, что все, в том числе и я, изменилось, — сказал я Клеггу.

— Вы изменились? Я поверю в это, когда увижу это. На мой взгляд, вы неизменны — или лучше сказать, неисправимы?

Возможно, он был прав. Ощущение свободы и приключений возвращалось. Я уезжал и не знал куда, что было единственным удовлетворительным условием для поездки за границу. Я возьму один билет без даты возвращения и не буду навещать Бриджит, потому что не хочу нарушать ее новообетенную идиллию, так же как не хотел бы, чтобы она испортила мою, если бы она вернулась в Верхний Мэйхем, чтобы посмотреть, сгорел ли он или нет.

— Следите за собой.

Мы обнялись.

— Хороших праздников.

— Просто дайте мне две недели, — сказал я ему. — Через неделю читайте газеты. Что-то начнет происходить. В половине одиннадцатого выводите Дискмала на прогулку и прогуливайте его пару часов. Тогда с вами все будет в порядке.

— Я сделаю это. А что до тебя — не попадай в беду.

— Я постараюсь этого не делать, — сказал я. — Но жизнь продолжается.

— Обычно так и бывает.

Без пяти минут десять я поцеловал Дискмала в нос и вывел машину на дорогу.

Я выехал на А45 в сторону Бери-Сент-Эдмундса. В какой-то момент я почувствовал желание вернуться в Верхний Мэйхем, что бы ни случилось, без хвастовства и блуда. Меня больше не привлекали приключения, которые могли ждать впереди. Мои мысли были больше о взлетах и падениях, чем о дороге, и мне даже было скучно водить машину. Хотел ли я вообще жить? Меня либо уже не было в числе существующих, либо я получил дозу контузии. Я позволил машине ползти на тридцати.

На окне фургона «тойота» была наклейка с надписью «Дарвин был прав». Может, и так, но, неосознанно прибавив скорость, я обогнал Mini с четырьмя седыми старичками внутри. Я видел, как мои руки тряслись на руле. Возможно, я разозлился, потому что мне казалось, что я разобрался с Моггерхэнгером. Оппозиция выдохлась, и бороться уже было не с чем.

Прекратить принимать желаемое за действительное. Взять себя в руки. Я обманывал себя, что всегда было первым признаком падения мошенника. Чтобы избежать ловушки, я сказал себе, что неизвестное впереди было более неизвестным, чем любое неизвестное когда-либо прежде, даже более неизвестное, чем тюрьма, которая, учитывая мой характер, должна была бы показаться мне менее неизвестной, чем многие места в этом широком мире.

Я нажал ногу на акселератор, иначе мое расписание летело вдребезги. Если я опоздаю на утренний паром из Харвича, мне придется торчать здесь, а это может быть опасно. Я сказал Моггерхэнгеру, что уеду из Харвича, зная, что он мне не поверит и в этом случае не пошлет ребят на правый крюк из Лондона, чтобы помешать мне сесть на пароход. Его манера разговаривать по телефону меня не обманула. Он бы поймал меня, если бы мог. Возможно, какая-то машина проводила разведку окрестностей Дувра в надежде меня обнаружить.

Я устроил так, что мог добраться до Харвича за считанные минуты. Меня бы вполне устроила пробка на дорогах в Ипсвиче, но мне пришлось рискнуть. Покупка билета, прохождение паспортного контроля и таможи задержат меня, хотя я надеялся, что ненадолго. Если бы на пароме не было места для машины, я бы оставил ее припаркованной и побежал бы дальше пешком. Машина не стоила и ста фунтов, и если она довезет меня до Харвича, мне повезет. Мне почти хотелось, чтобы этого не произошло, но я был удивлен ее производительностью, когда набирал скорость из Бери.

Старая механическая пуля «Блэк Бесс» начала делать невероятные

успехи. Бутылка с оmyвающей жидкостью была пуста, но посланный небесами дождь успешно оmyвал лобовое стекло. Отопление работало, чтобы удалить пар. Ниже Стоумаркета на боку лежал грузовик, а другая машина перевернулась с открытыми дверями, лобовое стекло представляло собой кусок белого стекла посреди поля. В живой изгороди была брешь, куда проскочил этот сумасшедший. Двое молодых людей помогали полиции в расследовании. Скорая помощь ждала на носилках кого-то, кому не повезло. Пара сэндвичей с джемом с мигалками и несколько дружелюбных полицейских провели нас между столбами.

Всякий раз, когда вы спешите, происходит либо наводнение, либо дорожные работы, либо скопление людей. Это закон дорожного движения, но прошлый опыт подсказывал, что таких остановок вряд ли бывает больше одной за сотню миль, и я надеялся, что это последняя остановка между мной и Харвичем. Прошли годы, пока мы стояли в очереди, чтобы объехать аварию, хотя это длилось всего шесть минут.

Я оставил за собой город Ипсвич и вылетел на лондонскую дорогу. На дороге с двусторонним движением я до предела раскрутил свой древний драндулет, который даже в своем ветхом состоянии посрамил многие более обеспеченные машины, которые я обогнал. Я бы перепрыгнул и через ворота магистрали, если бы они появились. Меня охватило тревожное чувство, что, когда через дюжину или около того миль появится левая развилка на Харвич, я промчусь мимо и продолжу свой путь в Лондон по привычке, потому что чудесный Лондон - это гигантский пылесос, всасывающий любого парня вроде меня, оказавшегося на расстоянии запаха. Никогда еще мне не хотелось сбежать из страны, как будто каждая косточка моего тела предостерегала меня от такого нетипичного пути.

«Роллс» расположился параллельно моей машине, так что наша относительная скорость была равна нулю. Я задавался вопросом, что, черт возьми, он задумал, но затем взглянул направо и увидел Пиндарри за рулем. Неприятный спазм утих после того, как я понял, что мне нечего бояться, кроме смерти. Кенни Дьюкс сидел на запасном сиденье так близко, что я мог бы дотянуться до него через открытое окно. В задней части находились Эрик Алпорт и Джерико Джим. В игре века было четверо против одного.

Они следовали от Верхнего Мэйхема и следовали за мной, но я по своей глупости не заметил их. Я терял контроль до такой степени, что действительно пора было уезжать из страны. Мое положение казалось безнадежным. Я боялся подумать, как долго продлится охота. Они даже провели всю ночь в окрестностях Верхнего Мэйхема, что и объясняло

вкрадчивый тон Моггерхэнгера в трубке. Должно быть, у него возникло искушение позвать их, пока мы разговаривали, и услышать, как меня душат.

Если бы они остановили меня сейчас и нашли конверт с подробностями планов своего начальника, произошло бы не что иное, как резня, начавшаяся со мной и Мэтью Копписом. Я был полон сожаления, потому что не отправил конверт в Ньюмаркет и задумал, что он попадет в Интерпол в Париже. Теперь, когда мой план был на грани провала, казалось, не было никаких сомнений в том, что он попадет в нужное место.

Двигаясь на пятидесяти, я слегка замедлил ход, чтобы подумать, как я могу, держа руки за рулем, дотянуться до портфеля, вытащить пачку бумаг и съесть ее страницу за страницей. Подобные действия уже не казались возможными, когда Кенни Дьюкс поднял пистолет и направил его мне в голову. Сидни Блад ничего не имел по этому поводу. Аплодирующий автор (или авторы) также не мог себе представить, что произошло впоследствии, и я не решаюсь рассказать об этом, потому что уверен, что все подумают, что я лгу. Но я верю в это, поскольку я был там, и я не могу сказать более справедливого, чем это - как мог бы выразиться один из персонажей Сидни Блада, в мусорной книге, почти такой же пагубной, как наркотики, которые разбрасывал Мастер-торговец наркотиками.

«Роллс-ройс» так аккуратно держал темп, что я почувствовал себя частью катамарана шириной в две машины. Пиндарри, погонщик демонов, был на вершине своего дела. Мое окно было полуоткрыто, и рука Кенни Дьюкса, державшая «Люгер», высунулась из собственного окна и залезла прямо в мою машину. Его рука была такой длинной, что я почти почувствовал холодное прикосновение стали к своей правой щеке. Я ожидал, что они думали напугать меня, прежде чем броситься на мой путь и заставить меня остановиться. Что угодно ради шутки, с такими ребятами.

Я не помню механизма своих действий, но я сделал следующее — быстро и прежде, чем Кенни успел выстрелить или отступить — резко и туго захлопнул окно. Это было так просто: латеральное мышление в абсолютном смысле. В такое трудно поверить, и я тоже не поверил этому, даже тогда, пока не понял, что рука бедного старого Кенни застряла.

Выражение его лица сменилось с триумфальной ухмылки на выражение паники на губах. Он что-то крикнул Пиндарри, который, занимаясь своим искусством вождения, жил в своем собственном мире. Это было его гибелью.

Запястье Кенни было крепко удержано между боковым стеклом и крышей машины. Он не мог двигаться и больше не мог контролировать пистолет, по крайней мере, настолько, чтобы правильно прицелиться. Будучи Кенни Дьюксом, который видел в храбрости последнее прибежище Думмкопфа, он попробовал. Рукоятка, казалось, парализовала его пальцы, и пистолет извернулся, так что все, что мне нужно было сделать, это протянуть руку и взять его, прежде чем пуля могла разбить мой висок в фарш.

Борта обеих машин дышали друг на друга. Время от времени они соприкасались, но легко, как поцелуй, а затем отводили взгляд. На этот счет мои опасения были равны нулю. Кенни Дьюксу повезло, что Пиндарри был из тех осторожных водителей, которых приветствовали бы в любом пенсионерском городке на южном побережье. Но он также мог быть очень быстрым, хотя и знал, что в данный момент ускоряться нецелесообразно. Сзади Джерико Джим велел ему остановиться, а Эрик Алпорт кричал ему, чтобы он двигался дальше. В те несколько минут наш мир был маленьким, и у меня были ближайшие планы сделать его больше.

Будучи почти таким же хорошим водителем, как Пиндарри, я все равно должен был приложить все мои навыки, чтобы поддерживать такую же скорость, как и его машина. Нам тоже пришлось держаться на таком же расстоянии, опасаясь покалечить руку Кенни. В последнее время он много участвовал в войнах, и я надеялся, что этот факт побудит его подать заявление на получение денег за опасность из казначейства Моггерхэнгера.

Таким образом, ситуация заключалась в том, что две машины ехали бок о бок по дороге с двусторонним движением с одинаковой скоростью и на одинаковом расстоянии друг от друга (как это было) и почти соединились в браке из-за того, что запястье Кенни Дьюкса было зажато в окно моего автомобиля. Это была затруднительная ситуация, требующая сообразительности, потому что в первый и последний раз в жизни нас объединило общее желание — чтобы его руку не выдернули из сустава.

До этого инцидента я часто замечал, что всякий раз, когда требовалось быстрое мышление, мои реакции успевали ускориться и идеально приспособиться. Пока окно оставалось закрытым, машина не могла меня обогнать и остановить. С другой стороны, если бы я держал руку Кенни в плену, мы бы проделали такой путь до самого Лондона, чего мне совсем не хотелось. Поворот на Харвич будет примерно через милю, но я не смогу его пройти, поскольку беспомощная рука Кенни привязана к моему окну, а пальцы малодушно извиваются, как будто из

них вытекает кровь.

Осмелившись, я взглянул на лицо Кенни в другой машине. Его страдания казались бы ужасными, если бы он не был членом группы линчевателей, первой целью которых был я. Это был быстрый курс чтения по губам, и за эту минуту я узнал о предмете больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Я читал каждую угрозу, каждую просьбу, каждое проклятие. Если бы после драки, которая завязалась по прибытии в Лондон, я потерял слух на оба уха, я бы, по крайней мере, узнал что-то полезное, что не было большим плюсом, хотя это было больше, чем я имел право надеяться.

Пиндарри тоже умолял меня что-нибудь сделать. Олпорт и Джерико Джим по очереди угрожали и впадали в отчаяние. В конце концов даже чтение по губам стало ненужным.

— Отпусти меня, ублюдок, отпусти меня! — взревел Кенни.

— Тебе не следовало разрушать мой дом, обезьяна.

— Это был не я. Это был Паркхерст. И Тоффиботтл.

Я не слушал. Я спланировал разъединение за несколько секунд до этого. Скорость и время были жизненно важны. Машины гудели, пытаюсь проехать. Еще несколько минут, и полиция настигнет нас. Я видел поворот. Я не знаю, был ли Пиндарри проинформирован о моем возможном намерении в Харвиче, но он был слишком озабочен опасностью, грозящей его товарищу, чтобы вспомнить, было ли это так. Почти на перекрестке я быстро опустил окно. В то же время я резко свернул.

Рука Кенни была свободна, хотя его кости, должно быть, подверглись ударам, когда рука скрипела. Их машина поехала прямо, а я свернул налево и на старом добром «Блэк Бессе» выехал на объездную дорогу, не перевернувшись.

Уходя, я услышал, как машина, которая была позади меня, врезалась в заднюю часть «Роллса», потому что, как только Пиндарри осознал мой побег, он запаниковал, попытался проехать впереди меня и нажал на тормоза, чтобы остановить меня, когда я уходил. Меня там больше не было. Слишком поздно он устроил самую большую аварию на этом участке дороги со времен черных туманов прошлого.

Не скажу, что я смеялся. Почти наверняка я упустил пароход, направлявшийся в Голландию, хотя мой вновь появившийся оптимизм подсказывал мне, что шанс еще может быть. Если бы я пропустил это, я бы бросил свои компрометирующие улики в ближайший почтовый ящик Королевского Красного цвета, чтобы они не оказались у меня при себе, если ребята из Моггерхэнгера наконец сбивают меня с ног.

Ускорение последних нескольких миль не дало мне никакого преимущества. Я оставил все на произвол судьбы. Когда трактор выехал вперед с поля за Мэннингтри, я был терпелив, как престарелый бригадир, отправляющийся в приятную загородную поездку с картой 1930-х годов. Молодой тракторист, надев на тканевую кепку наушники, слушал «Джангл Блюз» с радио «Зомби», пока его машина сонно двигалась вперед. Мы оба дружелюбно помахали рукой, когда я проезжал мимо.

Я чувствовал запах Северного моря и ощущал трудный переход, что было бы вполне уместно в такой день. Затем стало видно море, а также краны, огромные навесы, заборы и автостоянки. Паром все еще был там. Я побежал в кассу, гадая, будут ли меня ждать на паспортном контроле главный инспектор Лэнторн и его ребята.

«Привет, Каллен! Куда же ты на этот раз? На континент собрался, да? Надеюсь, ты не преувеличиваешь свои способности. Нам бы с Клодом это не понравилось. Мы начинаем любить тебя все больше и больше. Без тебя наша жизнь не стоила бы того, чтобы о ней писать. Наша карьера теперь не окажется под угрозой. Стой спокойно, ублюдок. Ничего не подделаешь. Однако я хотел бы сказать, что тот небольшой инцидент на трассе A12 только что вызвал у нас полное восхищение. У тебя над головой был вертолет, который снимал все это. Нет, я знаю, что ты этого не заметил. Ты был несколько озабочен. Однажды мы покажем тебе фильм — когда ты выйдешь. Проблема в том, что фильм не очень хорошо хранится. Через двадцать пять лет он станет исцарапанным и грязным. Тебе лучше пойти со мной. И мне не нужна всякая ерунда. Все, что мне нужно сделать, это предупредить тебя, что все, что ты скажешь, будет использовано тебе во вред на суде и брошено тебе в ответ, чтобы ты получил максимально возможный приговор».

— Ты опоздал, приятель. Паром отходит.

— Я тебя об этом не спрашивал, — я скорее прикусил язык, чем огрызнулся на него. — Просто продай мне билет. Мне бы хотелось бокс для авто, если они у вас есть.

— Ну что ж, может быть, еще не поздно, сэр.

Он любил играть с опоздавшими, но поднял трубку. Я стоял так спокойно, что даже не закурил сигару, хотя мои внутренности тряслись, как желе.

— Место для одного?

Прошли секунды. Мои проблемы не закончились. Они никогда не будут закончены. У Моггерхэнгера мог быть кто-нибудь, кто ждал бы меня, даже если предположить, что я сяду в лодку, когда отплыву из порта. Невозможно было предсказать, как далеко зайдет его

мстительность. Единственная причина, по которой меня преследовали, заключалась в том, что у него были доказательства того, что я получил конверт. Я не понимал, как такое могло быть, хотя был достаточно слеп, чтобы верить чему угодно. Он не помешал бы мне въехать в Голландию, даже если бы мне пришлось оставить машину и уйти. Вот такие мысли кружились у меня в голове, пока я ждал у окна.

— Тебе повезло. Но тебе придется двигаться дальше.

Я молча взял билет и подъехал к окну контроля паспорта с жизненно важной книжкой в руке. Я получил его сразу же обратно, и таможня меня не беспокоила. Старый таможенник взял половину моего билета и приклеил табличку на лобовое стекло. — Это антикварная машина, сэр, не так ли?

Я поблагодарил его за комплимент и покатился вперед по автомобильной палубе, услышав, как сзади падает стальная стена. Стюард предложил помыть мою машину, и я так обрадовался, что оказался на борту, что дал ему пятерку вперед. Я почувствовал вибрацию двигателей, поднимаясь наверх со своим портфелем, сумкой и зонтиком.

Буксир вытащил корабль из гавани. Я стоял на верхней палубе, и мне в лицо падали холодные брызги. На равнинной сельской местности Эссекса замигали огни, и вскоре мы оказались на водной поверхности Большой Медведицы. Металлические конструкции вышек спасательных шлюпок слегка поржавели.

Я сидел возле остатков своего обеда, глядя на бумажные цветы на столе в кафетерии. Из динамиков звучала аудиомазохистская музыка, но я был слишком стар, чтобы оценить ее еще в детстве. В одной песне слово «Революция» снова и снова выкрикивалось группой, одурманенной либо товарами Моггерхэнгера, либо собственными душами.

Я не мог оставаться в этом пластиковом морском дворце для направления туристов в чужие края, поэтому встал, чтобы прогуляться. Ритмичный звон автоматов для игры в пинбол доминировал над каждым проходом и местом отдыха, и я был рад, что оказался вне досягаемости Моггерхэнгера. Мужчина в газетной шляпе вел четверых детей по палубе.

Наконец-то в безопасности, я чувствовал себя слабым и бесцельным, хотя чего еще я мог ожидать? Только мой злейший враг знал, что для того, чтобы сделать меня бессильным, все, что ему нужно было сделать, — это перестать мне угрожать. Возможно, Моггерхэнгер не был таким уж хитрым, но я все равно оставался на чеку.

Я оставил свой чемодан в салоне, хотя портфель не выпускал из рук, и вышел на палубу, чтобы посмотреть на проходящий мимо корабль. Из

радиосвязи донеслось позвякивание Морзе. Может быть, Моггерхэнгер отправил телеграмму своему агенту на борту с просьбой выбросить меня за борт? В общем, он был всего лишь рэкетиrom, одним из многих, и даже мое самое буйное воображение не предполагало, что его влияние выходит за пределы страны. Я попытался подняться на более высокую палубу, ворота не поддавались, и я собирался открыть их, когда заметил написанные там слова GREEN TOE GANG.

Море волновалось, а невидимый зверинец в снастях рычал и ревел. Белые головки устремились к краю горизонта, вздымаясь и никогда не отходя далеко. Я хотел броситься в волны, как человек, который смеялся, но продолжал смеяться, читая снова и снова слова GREEN TOE GANG. Ошибки не было. Я спрятался от проливного дождя под звуки поп-песен, которые несколько минут назад презирал, но куда бы я ни шел, рано или поздно я наткнулся на одну и ту же табличку GREEN TOE GANG, прикрепленную к двери, которую я пытался открыть, но не мог.

Я наткнулся на флагман Green Toe Line, «Титаник» банды «Зеленых Ног», как грешник, перешедший с одной сковороды на другую. Я шатался, как слепой, но нашел бар первого класса и сел с кофе и бренди, для успокоения нервов.

Выкуривая последнюю сигару Моггерхангера, я был полон восхищения тем, как банда «Зеленых Ног» поставила свое имя на таком количестве дверей и барьеров. В конце концов, они могли владеть кораблем, не афишируя этого. Захватить такое судно было не под силу даже Моггерхэнгеру. Возможно, у него были деньги, но вряд ли щегольство. Через некоторое время я начал смеяться другой стороной своего окаменевшего лица при мысли о том, что, с таким мастерством сбежав от приспешников одного рэкетира, я заточил себя на добром корабле GREEN TOE GANG, из которого единственным спасением было переплыть через Ламанш. Разумным решением было бы встретиться с Большим Вождём лицом к лицу. Между столиками прогуливался веселый член команды, и я подозревал его. «Где находится каюта босса банды «Зеленых Ног»?»

Он посмотрел на меня, как будто я был крекером. — Какая банда?

— «Банда «Зеленых Ног».

Он подумал, что я попал на корабль прямо из психушки Эссекса.

— Это было по телевизору?

— Я полагаю, это могло быть так.

— Ну, тогда я бы не знал, не так ли? Я работаю посменно.

— Банда «Зеленых Ног», — сказал я. — Это написано повсюду. Ты не сможешь меня обмануть. Я могу читать. Где здесь главный?

Что-то пришло ему в голову, и он рассмеялся.

— Ой! Ах! Банда «Зеленых Ног»! Это хорошо, приятель. И подумать только — я никогда об этом не думал! Однако здесь нет никакого босса, кроме шкипера, и банда «Зеленых Ног» его не беспокоит.

— Почему нет?

«Ну, видите ли, Банда «Зеленых Ног» значит по-голландски: «ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Видите? Внизу написано на английском.

Он ушел, смеясь, а я, побледнев, стоял у бара и благодарил Бога за то, что мне удалось спастись. Возможно, ситуация была не так плоха, как я думал. Я бы выпил еще бренди, затем пошел бы в свою каюту и поспал бы, чтобы прибыть в Нидерланды свежим, как тюльпан. Приземлившись, я поеду в прекрасный маленький городок на юге и на пару дней остановлюсь в отеле, где смогу до дури наесться. Но я рассчитался с судьбой, ошибку, которую слишком часто допускал в своей жизни.

— Закажи мне, Майкл, бренди. Двойное, если не возражаешь. И хороший черный кофе для Марии. Ее немного тошнит от раскачивания этого допотопного военного корабля.

Я попытался удержаться от потери сознания.

— Ты, должно быть, шутишь.

— Я нет, — вежливо сказал он.

— Как вы попали на борт?

— Ну, — сказал он, — мы не спрятались в ящике с апельсинами. Билл Строу путешествует как джентльмен — ты уже должен это знать.

Мария была в шубе и шапке. Она посмотрела на меня своими большими, красивыми влажными глазами. Билл стоял безупречно, с сумкой Burberry в руке и большой сумкой у ног. — Разве ты не рад нас видеть?

— Я сошел с ума от шока — что, должно быть, было правдой, потому что я заказал бренди и кофе, и мы понесли их к столу.

— Совершенно понятно, — сказал он. — За последние три дня ты прошел через ад.

— У меня сложилось впечатление, что вы тоже.

Он наклонился над Марией, которая погладила его по затылку.

— Единственное, что не так с этими парочками, это то, что на них не продают маленькие пирожки с заварным кремом, которые мне так нравятся. А чай из пакетика противный.

— Если бы ты им сказал, что придешь, они бы наварили настоящую уорксопскую кастрюлю.

Он поднял бренди. — Ты такой же язвительный, как и всегда, не так

ли, Майкл? Желаем всем нам прекрасной поездки за границу.

— Я не знал, что тебе нравится секс втроем.

Мария шлепнула меня по руке, пролив немного бренди.

— Что мне хотелось бы знать, — сказал я, — так это то, как вы оказались на этом корабле. Я думал, что Моггерхэнгер задержал тебя в Дарренс-Вайле пару часов назад.

Он так долго закуривал сигару, что я понял, что он собирается мне солгать.

— Ты никогда мне не поверишь, но какое мне дело? Он отпустил нас вчера вечером.

— Почему?

— Он не видел смысла удерживать нас. Это тебя он хотел напугать. Он знал, что мы трое были как одна счастливая семья, и что сама мысль о том, что он забрал нас в свою власть, заставит тебя раскошелиться. Клод разумный человек, хотя он поставил условием нашего освобождения, чтобы я не позвонил в Верхний Мэйхем и не рассказал тебе об этом. Ты можешь это понять, не так ли, Майкл?

— Продолжай.

— Не о чем говорить. Мы поговорили с лордом Моггерхэнгером, прежде чем он нас отпустил. Он и леди Моггерхэнгер пригласили нас на чай. Они неплохая пара, Майкл. И торты были вкусные.

— Могу поспорить, что так оно и было. На твоей могиле могут написать: «Он продал своего лучшего друга за Нельсон-сквер».

— Эй, стой, хотя бы булочку с кремом!

— Это будет в Книге эпитафий Гиннеса. Ты испортил мой план.

— Майкл, будь реалистом. Вы бы никогда не попали на этот корабль с кладом Клода на три миллиона фунтов. Его не было, и ты это знаешь. Или тебе следует это сделать.

— Это горькая пилюля, — сказал я.

— Как большинство таблеток, Майкл.

— Отвали, — сказал я ему.

— Это больше похоже на старого Майка Каллена.

— Так как ты сюда попал?

— Я скажу тебе. Когда лорд Моггерхэнгер отпустил нас, мы пошли в мою комнату в Сомерс-Тауне. За мной не следили, а за бандой «Зеленых Ног» — я говорю, вы повсюду видели их объявления? Разве это не кровавый крик? Банда «Зеленых Ног» повсюду! Так вот откуда они получили свое название? Заставляет задуматься, не так ли?

— Продолжай свою историю.

— Давайте сначала выпьем еще бренди. И горшочек ромашкового

чая для Марии. Ей становится хуже, не так ли, дорогая?

Она переставала сминать руки только тогда, когда они касались ее груди, или губ, или касались ее блестящего лба. Она кивнула, но ничего не сказала, опасаясь, что от этих усилий ей станет плохо. Она явно была на грани.

— Двойные порции, Майкл.

Я получил напитки.

— Видишь ли, — продолжал он, — я вытащил из матраса деньги, пятьдесят тысяч фунтов, и сегодня утром мы сели на пароход с Ливерпуль-стрит. Деньги в сумке у моих ног, так что не стряхивай на нее сигарный пепел.

— Ты хочешь сказать, что выпросил у меня две порции выпивки, а в сумке у тебя пятьдесят тысяч шекелей?

Он обиделся.

— Я не хотел возбудить твою жадность или подозрения. Но теперь я сказал тебе. У меня никогда не было от тебя никаких секретов, не так ли, Майкл?

— Если ты не перестанешь называть меня Майклом каждые несколько секунд, я отберу у тебя один бренди.

— Не волнуйся. Я куплю следующую порцию выпивки.

— О чем еще ты говорил с Клодом?

— О, это был просто общий, широкий разговор.

— Но что?

— О путешествиях и всяких таких вещах. Мы болтали об отдыхе за границей, и я сказал, что предпочитаю маршрут Дувр-Кале, потому что он самый короткий и потому что на пароме есть прекрасная маленькая кондитерская и кофейня, в которых я могу развлечься. Однако следует признать, что некоторым людям по разным причинам нравятся более длительные переходы. Заметьте, я знал, к чему он клонит, и он попал прямо в мою ловушку. Майкл едет в Голландию маршрутом Харвич-Хук, чтобы увидеть свою вечно любящую жену, — сказал я так, как будто ты сказал мне это всего несколько дней назад, и я посчитал, что это крючок и грузило. Я сказал ему, потому что знал, что в ближайшие несколько дней ты выберешь любую другую дорогу, кроме этой.

Он был живым доказательством (если оно было необходимо), что один человек из Ноттингема может думать за другого и более или менее делать это правильно. В этом смысле его предательство имело мало значения. Он понял мой взгляд.

— Я понимаю, что был неправ, но, Майкл, какая чертовски безумная мысль побудила тебя сегодня пойти по этому пути?

— Я в безопасности на борту, не так ли? И я это сделал.

— Тогда, я полагаю, все в порядке. Эй, Мария?

Она попыталась засмеяться, но выглядела ужасно: ее глаза открывались шире при каждом глубоком качке парома. Ну а мне казалось, что я могу выпить еще пятьдесят граммов бренди и не опьянеть. Мой мозг был заморожен, и я почти не имел с ним контакта.

— В чем я уверен, так это в том, что, когда я доберусь до Голландии и раскрою все, что знаю, Интерполу, Моггерхэнгер уже никогда не будет прежним. Его запрут в лондонском Тауэре до конца дней.

Мария в полуобмороке упала на стол.

— Майкл, помоги нам. — Я был удивлен, что он так обеспокоен. Его охватила тоска. — Судя по ее виду, ее вырвет. Давай вынесем ее на палубу. — Он держал ее между нами. — Она сказала мне, что у нее морская болезнь, но я надеялся, что все пройдет спокойно. Ты ни на что не можешь положиться, не так ли?

— Даже с пятьюдесятью тысячами фунтов, — сказал я. — Ты оставил сумку возле стола.

— Боже мой! — Он побежал назад и повесил ее на плечо. — Я думал, что на этих шикарных кораблях должны быть стабилизаторы качки, — сказал он, шатаясь на несколько футов.

Я придержал дверь открытой крючком зонтика.

— Во время шторма особой разницы нет.

Мы пошли на подветренную сторону, где до нас доносилось лишь несколько брызг.

— Давай заставим ее немного походить вверх и вниз, — сказал он. — Может это приведет ее в чувство. Забавно, что ее так укачивает, ведь она представительница великой мореплавательной нации и все такое.

— Старейший союзник Англии, — сказал я.

Он так игриво ударил меня по ребрам, что мне пришлось сильнее схватить портфель.

— Твои познания почти так же хороши, как и мои.

Ветер дул кругами, сначала по часовой стрелке, затем против часовой стрелки. К счастью, когда Мария позволила себе уйти, содержимое ее желудка улетело от нас.

— Моггерхэнгера никогда не посадят, — сказал он. — Не может быть никаких доказательств, подтверждающих его виновность в чем-нибудь.

— Есть доказательства. И я это понял. У меня так много информации о Моггерхэнгере и его мировом бизнесе по транзиту наркотиков, что им придется строить новые тюрьмы для всех, кто с ним работает.

— Майкл, — сказал он, — какой в этом смысл? Ты не сможешь этого

сделать.

Он был бесхребетным. Он был инертным. Или он был аморальным и антисоциальным. Ему было все равно. Проблема была в том, что он был покладистым человеком, и именно поэтому мы оставались друзьями на протяжении стольких лет. Наконец-то мы доверяли друг другу. Мы всегда делали то, что было лучше друг для друга. Он не хотел, чтобы я утопил Моггерхэнгера, потому что такое действие нарушило бы статус-кво. Это лишило бы таких людей, как он, работы, а их уже достаточно на пособии по безработице. Что касается моей собственной жизни, я был готов пожертвовать ею ради общего блага.

— Я сдаю его. Это все, что я хотел сделать последние десять лет.

— Майкл, я не скажу, что это неправильно. — Он держал меня за руку, как будто доказывая свою привязанность. — Почему я должен волноваться? Я не пойду в тюрьму. И я надеюсь, что ты этого не сделаешь. Хотя мы оба могли бы, но давай пока не будем об этом думать. Все, что я говорю, это то, что сколько бы у тебя ни было доказательств, их все равно будет недостаточно. — Он усмехнулся. — Если бы это было так, ты бы разрушил страну.

Море так волновалось, что мне самому было не очень хорошо.

— У меня более чем достаточно доказательств.

— Нет, — сказал он, сияя простым добродушием — по крайней мере, я так думал.

Насколько тупым и неверующим он мог стать? Каким бы хорошим другом он ни был, дыры в его понимании были достаточно большими, чтобы сквозь них мог проехать грузовик.

— Не так ли? — возмутился я.

— Я, черт возьми, знаю, что ты этого не сделаешь, — крикнул он, несмотря на внезапную перемену ветра, и на его лице и горле выступили вены.

Я покопался в портфеле и вытащил конверт Мэтью Копписа.

— Что это такое? Что такое? Ты хочешь знать, что это такое? Я скажу тебе. Это все. Все, что у меня есть по Моггерхэнгеру, находится здесь, документальные доказательства, которые потрясут криминальный мир до основания.

— Не будь таким дураком.

Он думал, что его ноттингемский акцент заставит меня отступить. Моя любимая, роковая, мощная пачка обличающих доказательств против Моггерхэнгера и всех его произведений повисла в воздухе всего в футах от носа Билла Строу.

— Это, — кричал я, — повесит злодея, торговца наркотиками!

Его бутылочно-голубые глаза, похожие на пару детских шариков, которые вот-вот столкнутся друг с другом в игре века, не могли поверить в свою удачу — теперь я это понимаю. Он выхватил конверт. — Зачем тебе это нужно? — и бросил его в море.

Марию рвало снова и снова, но Билл был слишком занят, чтобы утешать ее. Мой мозг затвердел. Я был в безопасности от морской болезни, но на какое-то время не был застрахован от того, чтобы убить этого ублюдка.

— Твой конверт может выглядеть как спасательная шлюпка. — Он удержал меня от прыжка за ним. — Но он слишком мал, Майкл. Он утонет без следа, и ты тоже. Ты мне слишком нравишься, чтобы позволить тебе убить себя ради такого дела. Старый Шервудский лесник не позволит такому случиться со своим товарищем. И я слишком люблю себя, чтобы позволить тебе убить меня. Так что прекрати. Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы все закончилось вот так. В жизни есть вещи получше, чем смерть, как однажды сказал мне твой добрый отец. Бесполезно бороться. В данный момент я знаю, чего ты хочешь, лучше, чем ты сам, и делаю это только зная, что ты сделаешь это для меня в подобных обстоятельствах. Жизнь — это все, что у нас есть, Майкл, и нам надлежит ее беречь. Богу бы не хотелось, чтобы было иначе. И когда Шервудский лесник упоминает в этой проблеме Бога, вы знаете, что он настроен серьезно. Он на огневом этапе. Так что молчи, ладно? Мы оба находимся на этапе стрельбы. Перестань бороться и плевать, не переусердствуй. Я не позволю тебе. Единственный способ преодолеть этот барьер — это взять меня с собой, и ты, может, и силен, но недостаточно силен для этого. Я остаюсь там, где я есть, и ты тоже. Эти бумажки того не стоят. Единственный способ избавиться от Моггерхэнгера — убить его, но не пытайся и этого сделать, потому что тебя убьют первым. А если нет, то тебя потом убьют. Ты не можешь бороться и с ним, и с Лэнторном, и со всей британской нацией, потому что Моггерхэнгер настолько силен, что он один из них, и если они настаивают на том, чтобы прижимать его к своей груди, это их дело, потому что, поверь мне, они тащат гораздо худшие вещи в свое лоно, чем Моггерхэнгер, и то, что ты убиваешь себя, чтобы избавиться от него, просто не стоит того, чтобы ты терял свою жизнь. И не стоит того, чтобы я терял свою, что случилось бы, если бы ты потерял свою. Моггерхэнгер такой же гнилой, как и вся страна, Майкл. Это одно и то же, и мысль о том, что ты можешь с этим что-то сделать, меня не только удивляет, но и огорчает. Пусть они гниют, потому что, хотя страна заслуживает лучшей участи — а я люблю Англию так же сильно, как и ты, если не больше, —

не ты ее вылечишь. Придется обойтись без тебя. Один человек не может изменить ход истории, если вся страна не будет на его стороне, а если вся страна на его стороне, любой может изменить ход истории. Полагаю, Блэскин тоже так говорил. Или я не знаю, что говорю. Ты меня расстраиваешь, я тебе это скажу. Я сойду с ума, если ты не прекратишь бороться. Смотри на светлую сторону жизни. Мы втроем можем провести отпуск в Голландии на мои деньги или, во всяком случае, часть этих денег, и поехать по Рейну в Швейцарию на твоём драндулете. Потом мы вернемся в Блайти и отправимся в Верхний Мэйхем, где Мария родит ребенка.

— Ты, черт возьми, не будешь, — сказал я.

— Ой, не думай так. Давай зайдём в тот уютный бар, и ты сможешь купить мне ещё выпить. Мы возьмем с собой Марию. Ей будет легче спускаться вниз, чем подниматься, и это факт, не так ли, моя милая маленькая уточка?

Читатель, я женился на ней.

Или она вышла за меня замуж. Я больше не уклоняюсь от пробок, как лондонский голубь в расцвете сил. Моггерхэнгер потерял ко мне интерес, как только Билл Строу сообщил, что улики против него улетучились. Как они узнали? Мэтью Коппис был слабым звеном в не слишком прочной цепи. Главный инспектор Лэнторн, с его беспокойным и всегда занятым видом, заподозрил его. Он был ушами и глазами сообщества, и однажды пригвоздил его в поместье Сплин, где обманул, пристыдил, а затем заставил его признаться, используя очевидный и простой способ: выставить меня более мерзким злодеем, чем Моггерхэнгер или он сам. Моральное чувство Копписа было пронизано своеобразиями, которые делали его уязвимым, как дуршлаг в пруду.

Лэнторн наслаждался своим триумфом недолго, потому что две недели спустя, прогуливаясь по Уайтхоллу, он сошел с ума от сердечного приступа, такого сильного, как если бы его сбил грузовик с ракетами «Катюша». Однако Моггерхэнгер продолжает процветать, хотя дела у него идут не так просто, как раньше.

Я тоже процветаю, и я расскажу вам, что произошло. Как только лодка пришвартовалась у Хук-оф-Холланд, я поехал туда, где Бриджит жила со своим парнем. Он был прямым и порядочным парнем, и я знал, что с ним она будет счастливее, чем когда-либо со мной. Я вернулся в Верхний Мэйхем с детьми, и именно за ними я и поехал к ней. Она отпустила их, зная, что может навестить их в любое время. Они были рады оказаться в своих старых комнатах и вернуться к друзьям в

деревню. Они любили Дисмала, который, с тех пор как Полли Моггерхэнгер потеряла интерес к эгоистическому зверю, стал Псом Верхнего Мэйхема.

Следующим моим шагом было выяснить, было ли серьезно предложение Джеффри Харлакстона о работе в его рекламном агентстве. Так было и остается, сказал он. Моя творческая ложь и быстрота мышления произвели прочное впечатление, как талант, который наконец-то найдет должное применение. Мне дали контракт с оплатой и условиями, от которых никто не мог отказаться. Если бы я с самого начала осознал, что такая выгодная работа доступна, я, возможно, всегда был бы честным и трудолюбивым.

Я разрешил Клеггу жить в сигнальной будке и назначил его смотрителем, главным садовником и няней для детей в Верхнем Мэйхеме, а также кинологом, потому что Дисмал поселился под столом, который проходит по всей длине сигнальной будки.

— Моя цель в жизни — быть таким же счастливым, как вы, — сказал я ему во время первого ужина после возвращения из Голландии.

Он мудро улыбнулся. — Вы еще недостаточно взрослые для этого... пока.

Билл Строу, второй заклятый злодей в моей жизни после лорда Моггерхэнгера, написал, что они с Марией женаты и живут в Португалии, где он купил то, что он называл «поместьем». Тонкая ловушка для меня на лодке была его последней профессиональной работой, за которую ему, должно быть, платили в соответствии с ее важностью.

У Марии родился ребенок, а потом еще один — «поэтому я не думаю, что ни преступный мир, ни правительство услышат что-то еще от вашего покорного слуги», — сообщил мне Билл. Казалось, он был так же одержим своей женой, как и тогда, когда впервые увидел ее бедра, и это, возможно, было единственными хорошими словами, которые можно было сказать в его адрес. Они пригласили меня на лето в Португалию, но Билла Строу мне хватило на всю жизнь.

После нашего развода Бриджит снова вышла замуж и осталась в Голландии. Смог на полгода поехал работать в кибуц и в последнем письме написал о женитьбе на своей девушке, родившейся в Израиле. Мы с Фрэнсис собираемся навестить его через пару месяцев.

А что насчет Блэскина? Для него жизнь продолжается. Он поехал в Верхний Мэйхем с Мейбл Драддж-Перкинс, и они пробыли там несколько дней. Мне было противно видеть, как она чистит его ботинки утром перед тем, как он встает, хотя, когда он плохо с ней обращался, на них попадало больше плевка, чем полировки. Ему потребовалась неделя или две, чтобы

простить меня за написание мусорного романа, за который он получил премию Виндраша, но он щедро дал мне половину добычи в десять тысяч фунтов, а остальную часть потратил на погашение долгов, прежде чем отправиться в путешествие.

Моггерхэнгер обиделся на то, что никто не прикоснулся к книге, которую сочинил призрак Блэскина. Получив премию Виндраша, Блэскин, хотя и презирал ее, счел, что ему как получателю награды, офицеру и джентльмену было бы неприлично рассылать историю жизни Моггерхэнгера под своим именем. Поэтому он переписал это так, как будто Моггерхэнгер сделал это сам, а затем предложил ему, либо принять это, либо оставить.

Неудивительно, что Моггерхэнгеру, заплатившему столько денег, не понравился портрет пожилого Дориана Грея, которым он оказался. В любом случае ни один издатель не согласился бы на это, возможно, потому, что тори вернулись, и времена изменились. Если семидесятые были менее разрозненными, чем бурные шестидесятые, то восьмидесятые обещали быть тесными, как барабан. Блэскин счел необходимым на некоторое время абстрагироваться как от гнева Моггерхэнгера, так и от эпохи, которая будет менее терпимо относиться к выходкам кого-то вроде него. Он переехал жить к Мейбл Драдж на остров Вануа-Лева, место настолько далекое, что я даже не знал, где оно находится. Я думаю, он тоже.

Не так давно до меня дошло письмо от какого-то австралийского туриста, путешествующего по Тихому океану, в котором говорилось, что он слышал сообщение о том, что Мэйбл убила Блэскина. Инцидент произошел даже не после ссоры. В следующем послании, на этот раз от самого Блэскина, говорилось, что на самом деле она не убила его, а убила лишь наполовину, что прекрасно соответствовало ее планам на их будущее, потому что она так его ненавидела. Теперь она выхаживала его до состояния полураспада.

Моя мать уехала в Америку, и в последний раз я получал от нее известия в Калифорнии, где она жила с женской группой в лагере в горах. Она время от времени просит деньги, и я их отправляю.

Где еще я мог рассказать эту историю, как не в квартире Блэскина? Я провожу здесь ночи в будние дни и оказываю ему услугу, пересылая почту. Фрэнсис со мной, пока я пишу. Она слушает музыку и время от времени подходит ко мне, чтобы сказать мне, чтобы я ничего не скрывал в рассказе о моих последних приключениях с Моггерхэнгером и позволил себе показать свой истинный голос — что делать тем труднее, чем дольше я работаю в рекламном агентстве. Вот я и подошёл к концу своего

рассказа и как раз вовремя.

Джеффри Харлакстон выглядел немного шокированным, когда услышал, что Фрэнсис выйдет за меня замуж, но, как я ему сказал, всех их не заполучить. Иногда мне кажется, что я продолжаю свою работу в рекламе только до тех пор, пока не появится что-то получше. Что бы я ни делал, я возлагаю большие надежды на будущее. Возможно, начало пути действительно продлится до конца, если только другое приключение не докажет раз и навсегда, что это решительно не так. Но это в руках судьбы, больше, чем в моих, хотя я держу свои варианты открытыми.

Рут Фейнлайт Биография Алана Силлитоу

Немногие из «Разгневанных молодых людей» (ярлык, который Алан Силлитоу решительно отверг, но который, тем не менее, цеплялся за него до конца его жизни) могли похвастаться тем, что провалили экзамен «одиннадцать плюс» не только один раз, но и дважды. С раннего детства Алан жаждал всех знаний об окружающем мире: истории, географии, космологии, биологии, топографии и математики; читать лучшие романы и стихи; и выучить все языки, от классического греческого и латыни до всех языков современной Европы. Но его жестокий отец был неграмотен, его мать едва могла читать популярную прессу и, при необходимости, написать простое письмо, а он был настолько отрезан от всякой культурной среды, что примерно в десятилетнем возрасте пытался выучить французский язык. (он даже не подозревал, что существовали книги, которые могли бы ему помочь), единственный метод, который он мог придумать, — это искать каждое слово французского предложения в маленьком карманном словаре. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что с его системой что-то не так, но некого было спросить, что ему делать вместо этого.

Поэтому, как и все его одноклассники, он бросил школу в четырнадцать лет и пошел работать на местный завод. Алан никогда не представлял себя непонятым чувствительным существом и всегда утверждал, что прекрасно проводил время, гоняясь за девушками и гуляя с товарищами по работе в оживленных пабах Ноттингема. Он также присоединился к Корпусу воздушной подготовки (УВД), где настолько быстро усваивал информацию, что к семнадцати годам уже работал авиадиспетчером на близлежащем аэродроме. Вторая мировая война все еще продолжалась, и его мечтой было стать пилотом и отправиться на

Дальний Восток, но прежде чем это удалось осуществить, наступил День Победы. Как можно скорее он пошел добровольцем в Королевские ВВС. Становиться пилотом или штурманом было уже поздно, но он добрался до Малайи, где в качестве радиста проводил долгие ночи в хижине на опушке джунглей.

Азбука Морзе, которую он выучил за это время, осталась с Аланом на всю его жизнь; он любил слушать передачи с лайнеров и грузовых кораблей (хотя сам никогда не передавал), и всякий раз, когда его приглашали выступить, он всегда брал с собой ключ Морзе. Прежде чем начать свое выступление, он устраивал грандиозное представление, устанавливая его на стол перед собой, а затем объявлял, что, если кто-нибудь из аудитории сможет расшифровать сообщение, которое он собирался передать, он даст этому человеку подписанный экземпляр одной из его книг. Насколько я помню, такого никогда не было.

В Малайе Алан заболел туберкулезом, обнаруженным только во время заключительного медицинского осмотра перед демобилизацией. Следующие восемнадцать месяцев он провел в военном санатории и получил 100-процентную пенсию по инвалидности. К тому времени Алану было двадцать три года, и вскоре мы встретились. Мы влюбились друг в друга и вскоре решили покинуть страну, отправившись сначала во Францию, а затем на Майорку, и оставались вдали от Англии более шести лет. Эта пенсия была нашим единственным надежным доходом до тех пор, пока после нескольких отказов рукопись «В субботу вечером и в воскресенье утром» не была принята к публикации. Позже Алан скажет, что в годы ученичества его содержала очень добрая женщина: королева Англии.

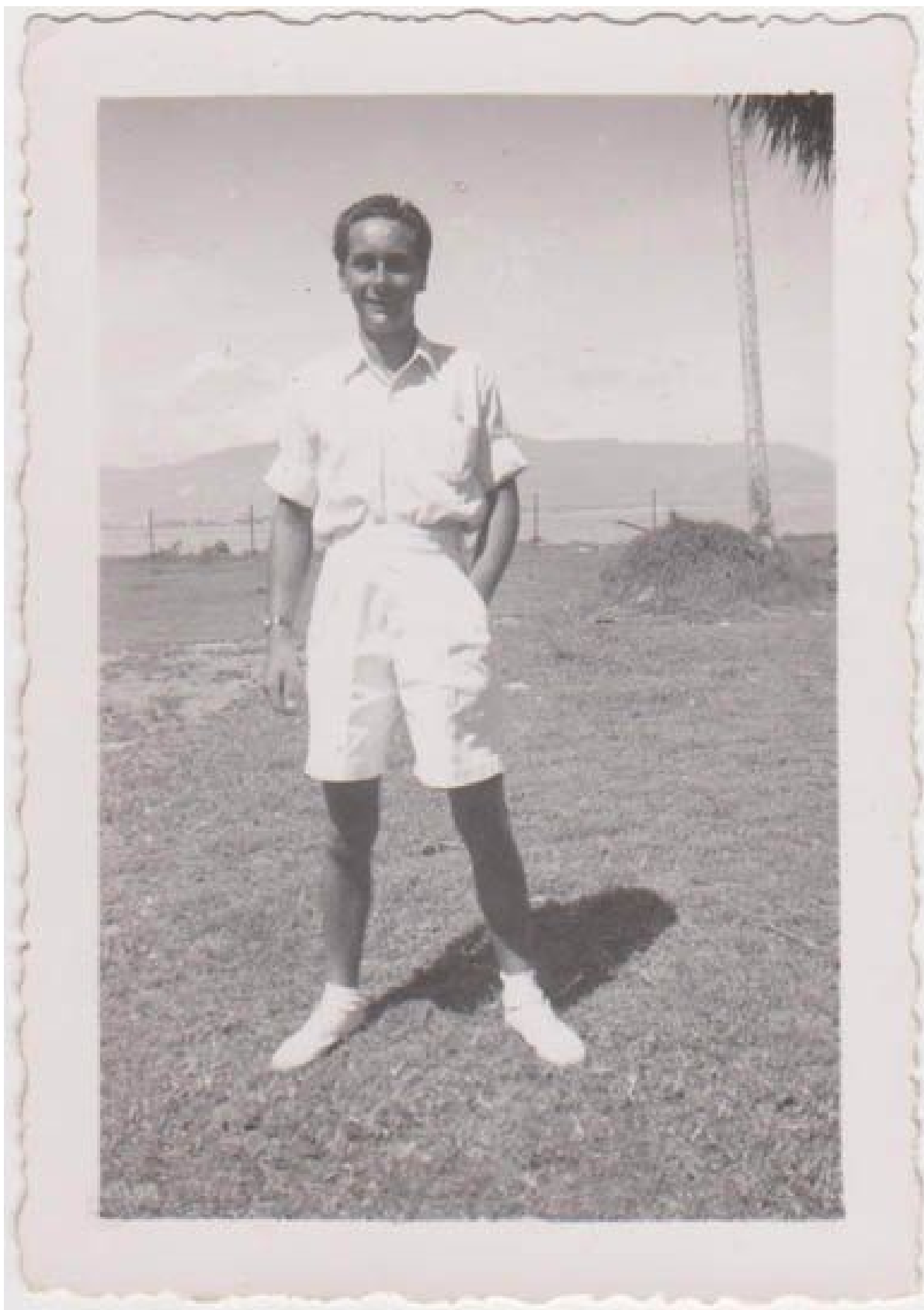
Говорят, что художник должен выбирать между жизнью и искусством; иногда Алан рассказывал любому, кто его спрашивал, что после того, как была опубликована его первая книга и он стал признанным писателем, он перестал жить — времени на то и другое не хватало. Надеюсь, это было не совсем так. Но писательство было его основным занятием: он проводил десять-двенадцать часов в день за столом, читая или отвечая на письма, когда ему нужно было отдохнуть от работы над своим нынешним романом. А еще были стихи, эссе, рецензии — и сценарии к фильмам его первых двух книг, «В субботу вечером и в воскресенье утром» и «Одиночество бегуна на длинные дистанции», а позже и других. Он был чрезвычайно продуктивен. Но, конечно, ему также нравилась общественная жизнь с нашими друзьями, походы на концерты и в театр. Это был период расцвета молодых британских драматургов в Королевском театре.

Теперь, в 1960-е годы, денег хватало на то, что нам нравилось больше всего: путешествия, и хотя первые несколько лет наш сын был еще младенцем, мы проводили до шести месяцев в году вдали от Англии. Книги Алана были переведены на многие языки, а это означало, что его приглашали во многие другие страны, часто на литературные фестивали, а иногда и предлагали в пользование виллу или большую квартиру на продолжительное время. Я помню, как жил в замке в тогдашней Чехословакии, где каждое утро нас будил крик нашего сына, которому удалось застрять головой или рукой в какой-то части шаткой кровати, поставленной в нашей комнате для него. Мы также провели несколько месяцев на Майорке, в доме, щедро предоставленном нам Робертом Грейвсом. За четыре года, проведенных на острове, мы с ним и семьей Грейвс стали хорошими друзьями.

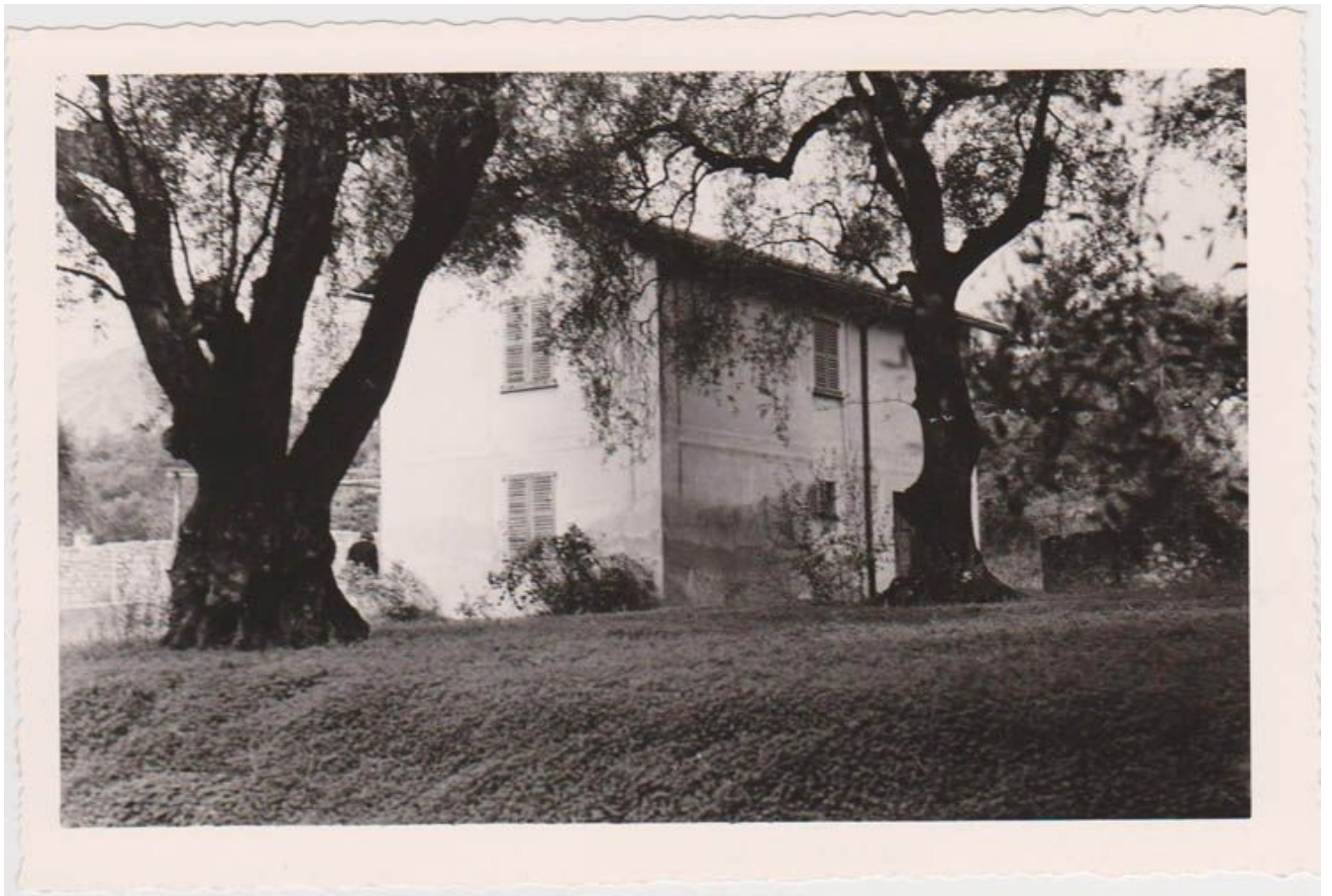
Прошло время... шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые... Каждый год-два новая книга, путешествие в другую часть света. Япония, Индия, США, Мексика и Латинская Америка: ареал расширился. Обычно я ездила с ним, а поскольку к тому времени у меня тоже была опубликована работа, иногда приглашение адресовалось мне, и тогда он брал на себя роль супруга.

Оглядываясь назад, я понимаю, какая замечательная жизнь у нас была тогда. Но за год или два до своего восьмидесятилетия Алан сказал мне, что плохо себя чувствует. Его всегда было трудно уговорить пойти к врачу; на этот раз он предложил это сам. Было много посещений больниц для обследований и анализов — Национальная служба здравоохранения работала как всегда превосходно и тщательно — и через несколько недель ему поставили диагноз: рак у основания языка. Его подозрения подтвердились. Хотя он продолжал курить трубку (а иногда и сигару), теперь он сразу же бросил. Началась трагическая программа лечения и неизбежные колебания между надеждой и отчаянием. Дважды казалось, что он исцелился; потом все начиналось заново. В апреле 2010 года, вскоре после своего восьмидесяти второго дня рождения, Алан умер. Мы надеялись, что он сможет умереть дома, но ему нужны были условия хорошей больницы. Несколько месяцев спустя на полке шкафа в его кабинете я нашла рукопись «Моггерхэнгера».

Фотографии

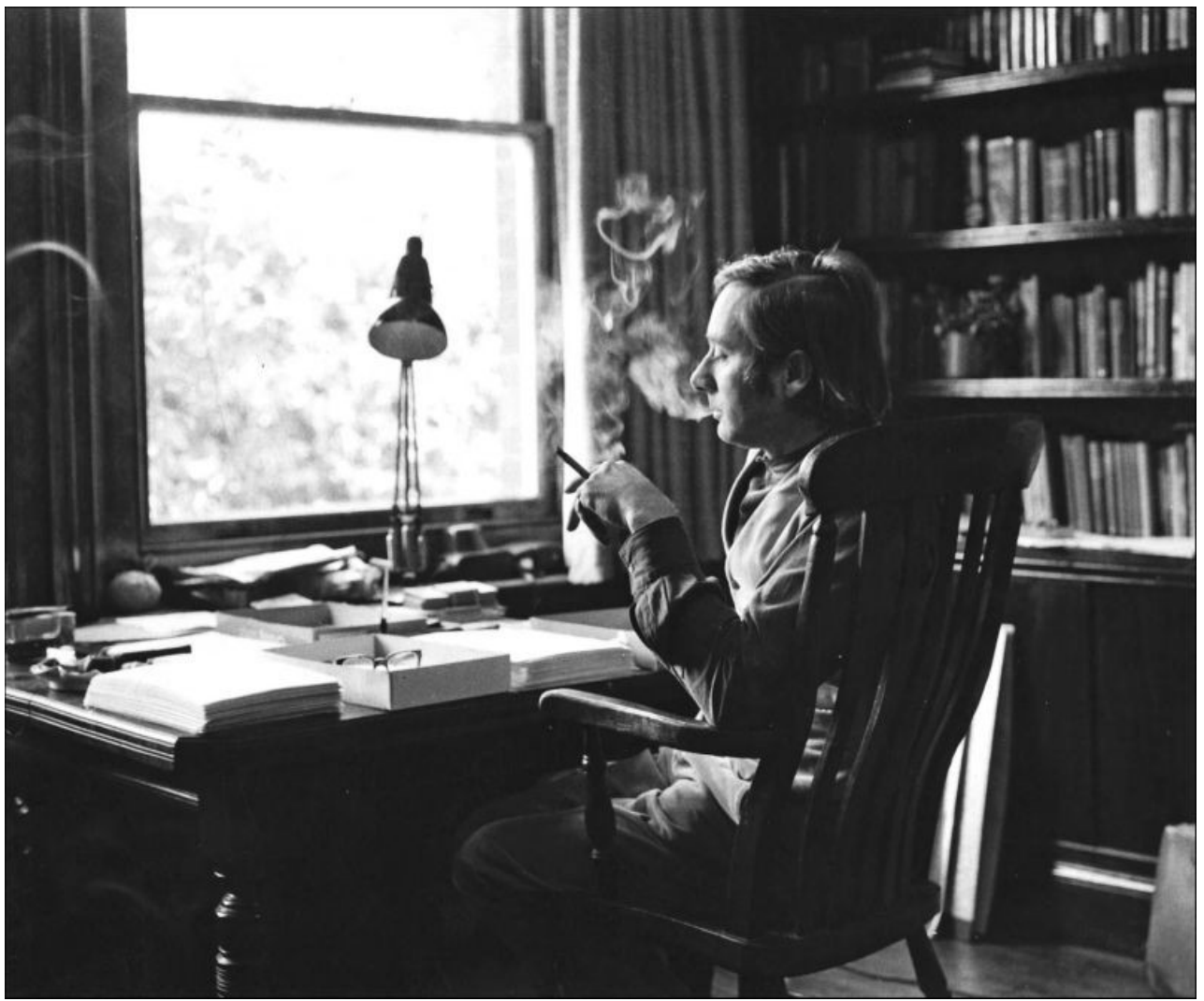
Силлитоу в Баттерворте, Малайя, во время его службы в ВВС Великобритании.

Силлитоу и Рут Фейнлайт жили вместе в своем первом доме «Ле Нид», когда жили в Ментоне, Франция, в 1952 году.

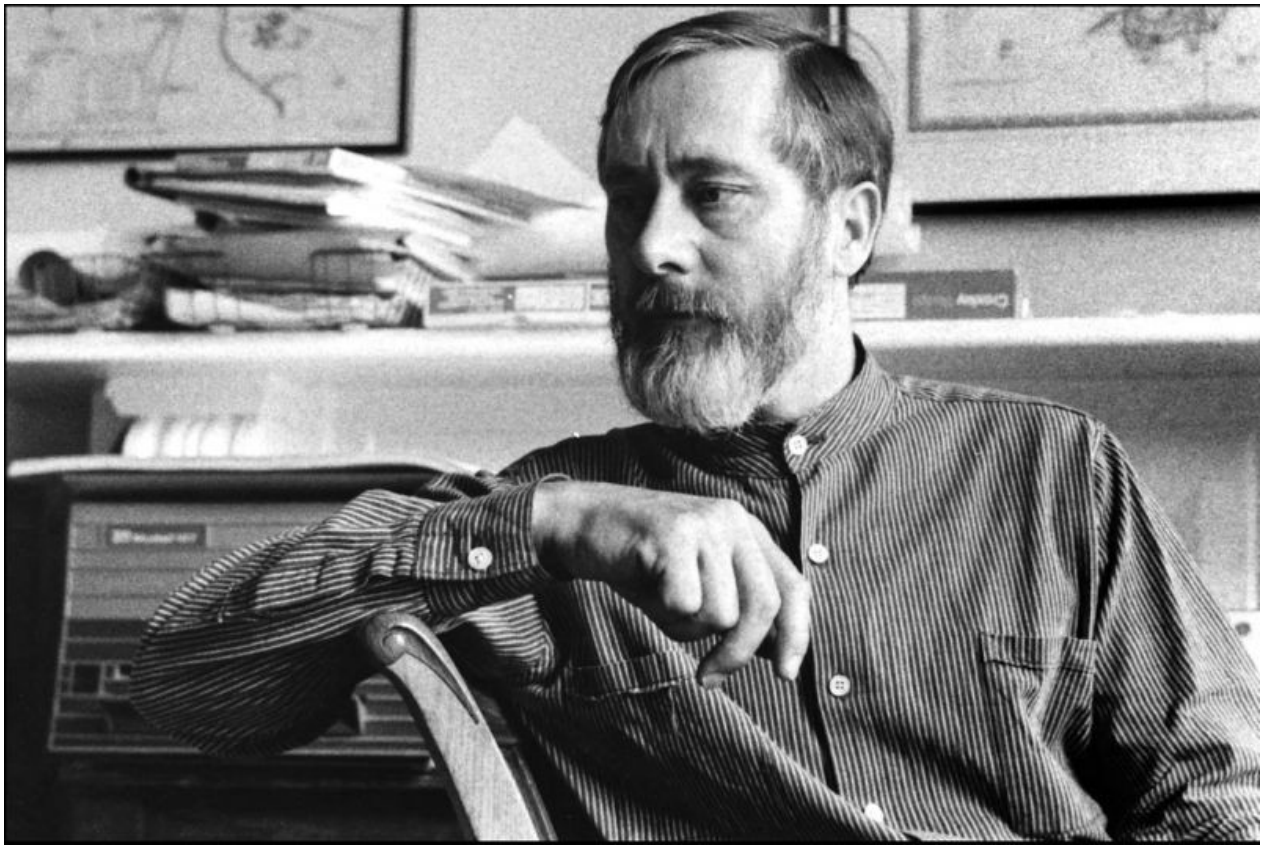
Силлитоу в Камден-Тауне в 1958 году, вскоре после публикации «В субботу вечером и в воскресенье утром».

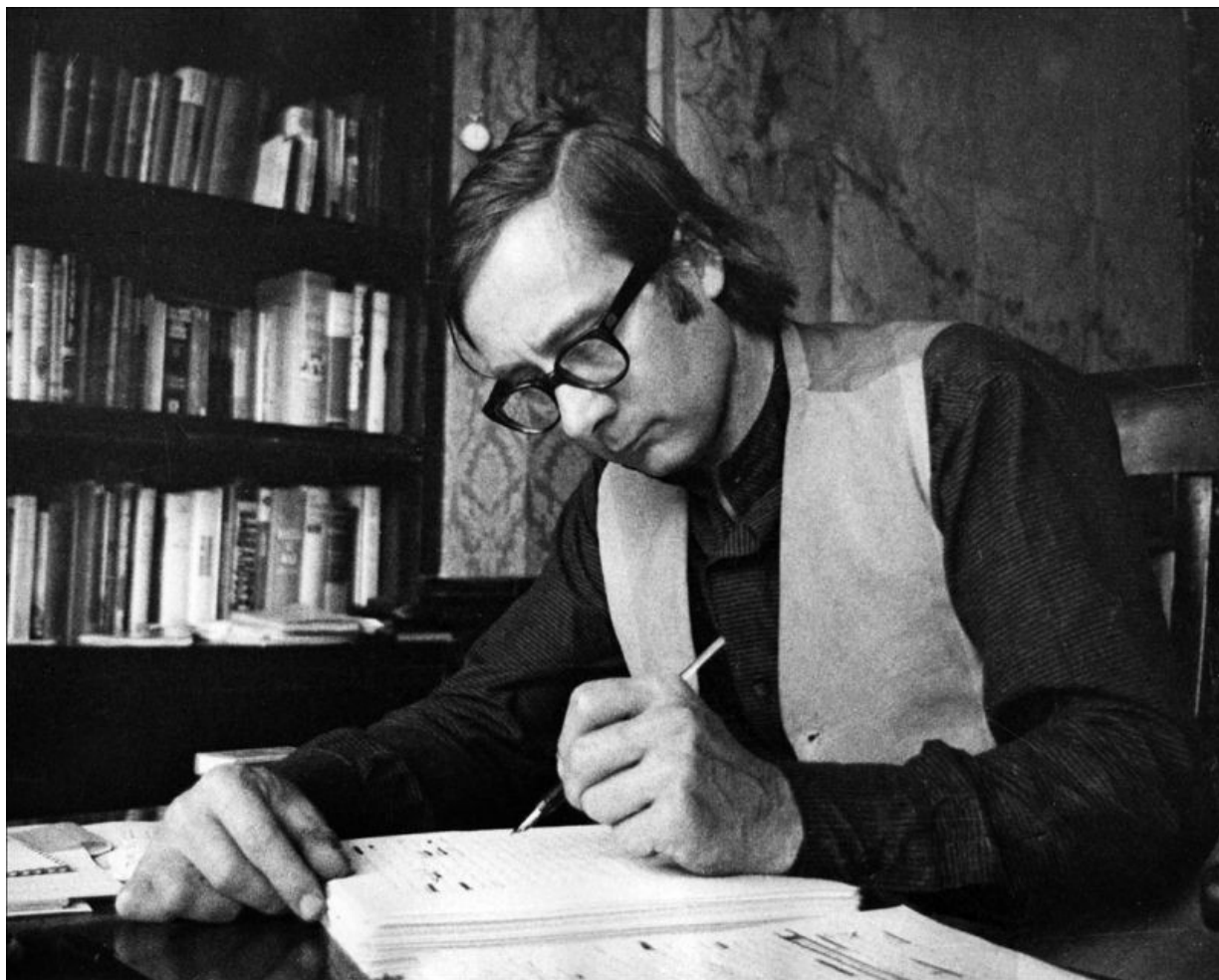
Силлитоу за столом в своем загородном доме в Уиттершаме, Кент,
1969 год.

Силлитоу в Берлине во время читательского тура в 1976 году.

Силлитоу сидит за столом в своей квартире, расположенной в Ноттинг-Хилл-Гейт, Лондон, 1978 год.

Силлитоу пишет за своим столом в Уиттершеме, 1970-е или 80-е годы.

Силлитоу и Рут Фейнлайт на конференции ПЕН-клуба в Токио, Япония, 1984 год. Они оба читали лекции на конференции, а Силлитоу был основным докладчиком вместе с Джозефом Хеллером.

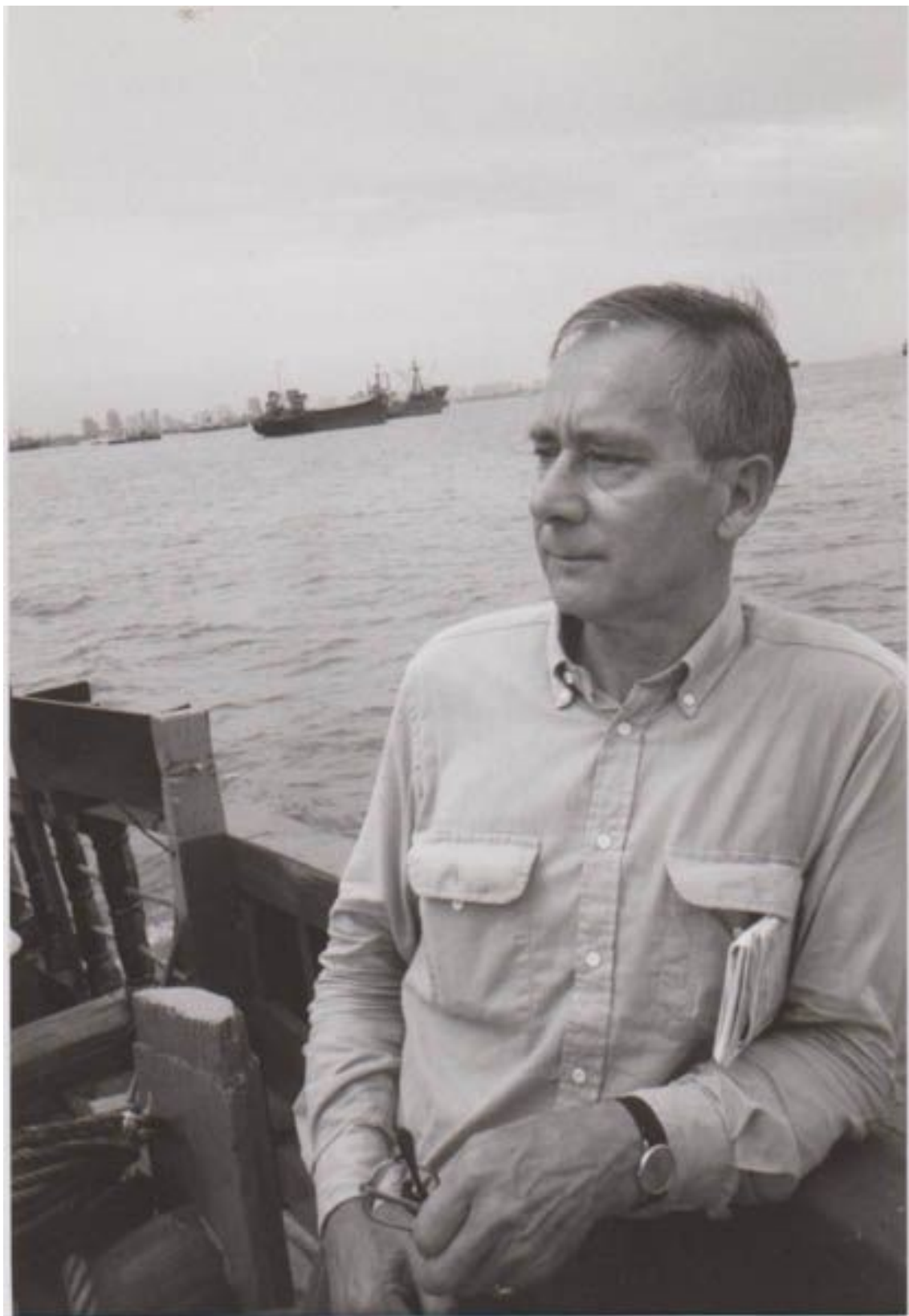
Силлитоу сидит на крыльце квартиры своей жены в Нэшвилле, штат Теннесси. Он посетил Рут, когда она преподавала поэзию в Университете Вандербильта, в январе 1985 года.

Силитоу (справа) в Кале, Франция, с Жаком Даррасом (в центре), французским поэтом и эссеистом, август 1991 года.

Силлитоу перед коттеджем в Сомерсете, принадлежащим ему и Фейнлайт, со своими друзьями, американской поэтессой Ширли Кауфман и израильским литературным критиком и академиком Х. М. «Биллом» Далески.

Силлитоу на отдыхе в Пенанге, Малайя, в 2008 году. Силлитоу служил в Малайе в качестве радиста Королевских ВВС в 1948 году.

Оглавление

Вступление.....	2
Часть первая.....	3
Глава 1.....	3
Глава 2.....	15
Глава 3.....	30
Глава 4.....	39
Глава 5.....	48
Глава 6.....	56
Глава 7.....	71
Глава 8.....	87
Глава 9.....	95
Глава 10.....	102
Глава 11.....	109
Глава 12.....	118
Часть вторая.....	137
Глава 13.....	137
Глава 14.....	157
Глава 15.....	172
Глава 16.....	190
Глава 17.....	200
Глава 18.....	212
Глава 19.....	219
Глава 20.....	237
Глава 21.....	253
Глава 22.....	268
Глава 23.....	286
Глава 24.....	299
Глава 25.....	310
Глава 26.....	337
Глава 27.....	358
Глава 28.....	369
Глава 29.....	380
Рут Фейнлайт. Биография Алана Силлитоу.....	397
Фотографии.....	400
Оглавление.....	412